ПЕЧАТЬ И РЕВОЛЮЦИЯ

PECHAT' I REVOLIUTSIIA

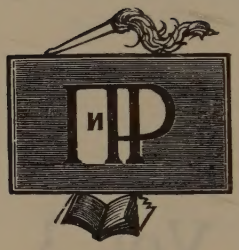
ZHURNAL LITERATURY ISKUSSTVA KRITIKI I BIBLIOGRAFII

Vol. 3

Nos. 3-5

1922

MOCKBA
KRAUS REPRINT
A Division of
KRAUS-THOMSON ORGANIZATION LIMITED
Nendeln, Liechtenstein
1970



Редакция
номера закончена
10 июля.

Printed in Switzerland

Р.С.Ф.С.Р.

ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН СОЕДИНЯЙТЕСЬ

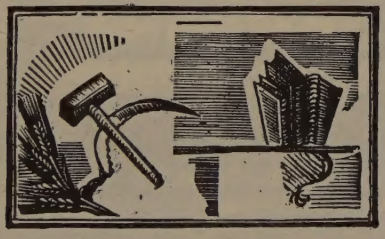
ПЕЧАТЬ
И
РЕВОЛЮЦИЯ

ЖУРНАЛ

ЛИТЕРАТУРЫ ИСКУССТВА
КРИТИКИ И БИБЛИОГРАФИИ

ПОД РЕДАКЦИЕЙ

А. В. ЛУНАЧАРСКОГО, Н. Л. МЕЩЕРЯКОВА.
М. Н. ПОКРОВСКОГО, В. П. ПОЛОНСКОГО,
И. И. СТЕПАНОВА-СКВОРЦОВА.

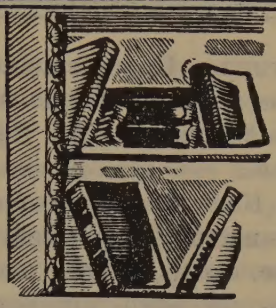


КНИГА ШЕСТАЯ
ИЮЛЬ-АВГУСТ

ГОСУДАРСТВЕННОЕ
ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА □ 1922

М. А. Добров. Из цикла „Париж". „PENSEUR" РОДЕНА.

СТАТЬИ И ОБЗОРЫ



ПУШКИН И АКАДЕМИЯ НАУК.

(По поводу книги: „Неизданный Пушкин". Собрание А. Ф. Онегина. Атеней 1922).

Валерий Брюсов.

Бывают такие ситуации, когда и Валаамовы ослицы получают дар слова. Поэтому, узнав, что печатается, наконец «Неизданнный Пушкин», т.-е. пушкинские тексты из собрания Онегина, многие искренно подумали, что Академия Наук поняла, в конце концов, все неприличие той игры, какую она вела в течение десятилетий с русским обществом, тщательно *скрывая* от него новооткрытые страницы великого поэта... Увы!—предисловие к «Неизданному Пушкину» объясняет нам, что прекратить свое издевательство над читателями побудили Академию Наук вовсе не какие-либо возвышенные соображения, а просто-на-просто боязнь конкуренции. Но—изложим дело по порядку.

В Париже, у А. Ф. Отто-Онегина, несколько брюзгливого, но в общем милого старичка, имелся «Пушкинский музей»,—две комнатки, наполненные реликвиями, имеющими отношение к Пушкину. Не мало было в этом музее хлама и вздора (папиросные коробки с портретами Пушкина и т. под.), но были и сокровища: собрание подлинных рукописей Пушкина. Основную часть этого собрания А. Ф. Онегин получил в подарок от П. В. Жуковского, сына поэта, а тот унаследовал эти рукописи от своего отца; что же до В. А. Жуковского, поэта, то он эти рукописи просто оставил у себя, при разборе бумаг Пушкина после его смерти, очевидно, не видя в таком поступке ничего предосудительного: ведь тогда, в 1837 году, пушкинские рукописи еще не ценились на вес золота. Правда, эта цепь переходов от одного владельца к другому могла бы, в конце концов, опорочить права почтеннейшего А. Ф. Онегина на владение этими рукописями, все-таки В. А. Жуковский не имел права оставлять у себя часть рукописей Пушкина, а должен был, использовав их для «Посмертного издания», вернуть вместе с другими семье Пушкина, и тогда эти рукописи оказались бы в Москве, в Румянцевском музее, а не в Париже, в Музее

Онегина... Но, повидимому, права А. Ф. Онегина освящались «давностью» и никто их не пытался оспаривать, кроме разве одного едкого старичишки П. А. Ефремова; впрочем, покойный был известный чудак.

Как бы то ни было, А. Ф. Онегин владел богатым собранием пушкинских рукописей. Заезжавшим в Париж пушкинистам, мне в том числе, он их охотно показывал... но только издали и каждый листок лишь на одно мгновенье, чтобы нельзя было прочитать ни слова (а то запомнят наизусть да и напечатают!). Точно также в печати из своих сокровищ А. Ф. Онегин оглашал лишь немногое, ровно настолько, чтобы возбудить интерес к своему собранию, но не обесценить его. Большую часть хранившихся у него рукописей Пушкина Александр Федорович читал исключительно сам, а массе русских читателей как бы говорил: «Потерпите, когда-нибудь дойдет очередь и до вас!» И целое поколение все терпело и вымерло, а Александр Федорович, дни коего продлил Господь, все продолжал одного себя услаждать пушкинскими страницами, не доступными никому больше из русских читателей.

И было это вполне естественно. А. Ф. Онегин был человек небогатый: его единственное достояние заключалось в его музее, и надо было не ронять ему цены, чтобы в свое время продать его как можно дороже и тем обеспечить себе приличную ренту на остаток дней. Над кем не властно «человеческое, слишком человеческое»! И А. Ф. Онегину, конечно, важнее были его завтраки в «Café de Paris» (где я и имел честь познакомиться с А. Ф.), нежели интересы русских читателей. Особенно негодовать на А. Ф. Онегина не приходится.

Нечто уже неественное и прямо изумительное начинается с того момента этой истории, когда на сцену выступает Академия Наук, приобретает Онегинский музей и усваивает себе, по отношению к нему и к русским читателям, все приемы и повадки почтеннейшего А. Ф. Онегина.

Произошло это в 1909 году, т.-е. 13 лет тому назад. После долгих переговоров Академия сторговалась с Онегиным и купила его музей для своего «Пушкинского Дома». Условия, выговоренные Онегиным, были тяжкие: не говорим о плате, но постановлено было, что музей остается до конца дней Онегина в Париже, и хранителем музея до конца дней своих остается А. Ф. Онегин. Что ж! должно быть надо было на это согласиться. Зато можно было ожидать, что русские читатели узнают, наконец, хотя бы в 1909 году, те страницы своего великого поэта, которые в 1837 году были произвольно изъяты из общего пользования В. А. Жуковским. Увы! ожидание оказалось напрасным, надежда тщетной!

Что было при власти Онегина, то осталось и при власти Академии. Прежде пушкинские страницы читал один А. Ф. Онегин; с 1909 г. их стали читать одни академики (и то не все, а так называемого «2 разряда»), — вот и вся разница. А «простой народ», «буйна чернь

непросвещенна», т.-е. вообще все русские читатели, по-прежнему этого права были лишены, *как будто не на их именно деньги и был куплен этот музей*, а на какие-то частные средства г.г. академиков. Постановлено было, что рукописи Онегинского собрания увидят свет *только* в Академическом издании Пушкина и до появления их там не будут даже показываться никому, кроме членов редакционной комиссии...

И вот Академия ограничилась следующим. Она опубликовала «описание» музея, составленное так, чтобы раздразнить любопытство, но не удовлетворить его, были приняты все меры, иногда довольно искусные, чтобы из описания рукописи никак нельзя было догадаться об ее содержании («Пушкин и его современники», выпуск XII). Затем, *через 3 года* после покупки музея, в 1912 году, в III томе Академического издания, действительно, было опубликовано 3 листочка (из общего числа 60 с лишним рукописей); наконец, *через 7 лет*, в 1916 году, в IV томе, еще 4 пьесы; и это все. А относительно десятков других рукописей, находившихся в музее, Академия говорила нам, читателям: «Потерпите! Когда Академическое издание, эдак лет через 15-20, дойдет до тех томов, где будут помещены стихи Пушкина конца 20-х и 30-х годов и его проза,—вы узнаете, что в их рукописях содержится». «Позвольте, возражали мы, читатели, да за 15-20 лет многие из нас умрут!»—Но столь низменный довод, конечно, не мог повлиять на олимпийское величие Академии Наук; ее лозунг fiat scientia pereat mundus!

Но, по крайней мере, хорошо ли берегла Академия эти рукописи, которые она никому не желала показывать? Теперь, с опубликованием «Неизданного Пушкина», выясняется, что нет, совсем не так хорошо, что и в этом отношении Академия оказалась «не на высоте призвания». Учитывая то обстоятельство, что музей оставался в Париже, в частной квартире, следовательно был подвержен всевозможным случайностям, не исключая краж, пожара и т. под., Академия Наук *обязана была* прежде всего озаботиться снятием фотографий и точных копий со всех документов. За 5 лет, от приобретения музея до начала европейской войны, Академия этого сделать не удосужилась. Теперь выясняется, что в Академии «имеются фотографические снимки не полностью даже с первых двух отделов музея», а с документов остальных отделов (пушкинские поправки к «Руслану и Людмиле», документы из собрания Жуковского, касающиеся Пушкина, альбом А. О. Смирновой, списки Е. П. Растопчиной и др.), фотографий *вовсе* сделано не было. Мало того: из числа 61 рукописи первых двух отделов *с шести*—тоже фотографий снято не было (по описи №№ 2, 10, 23, 27, 31, 46). Это ли не непростительная небрежность!

Последний вопрос. Ну а то, что, в микроскопических дозах, Академия Наук из собрания Онегина все-таки публиковала,—было ли оно опубликовано хорошо? Ведь некоторым, хотя и весьма слабым оправданием поведения Академии могло быть одно: она не желала, чтобы пушкинские рукописи публиковались кое-как; желала, чтобы

они сообщались читателям в безукоризненно точном виде, и именно потому берегла их исключительно для своих изданий. То, что мы узнаем из «Неизданного Пушкина», уничтожает и это слабое оправдание. *Академия Наук печатала пушкинские рукописи плохо.* И это — не наше субъективная критика, а покаянное свидетельство самих деятелей Академии в предисловии к «Неизданному Пушкину». Всего, как сказано выше, из онегинских рукописей Академией было напечатано (в III и IV томах «Сочинений Пушкина») только семь,—по описи №№ 6, 7, 10, 11, 12, 17, 34. Вот как говорят об этих «публикациях» редакторы «Неизданного Пушкина»: «все эти рукописи переданы или неполно (№ 12), или не вполне точно (№№ 7, 34)»; некоторые так, что «могли ввести в заблуждение последующих издателей (№№ 6, 17)»; некоторые, наконец, (№—11) «в таком неисправном виде, что его необходимо заменить новым, исправленным чтением» [1]). В таком случае, ради чего же русские читатели в течение 13 лет (1909—1922) были лишены, по декрету Российской Академии Наук, права читать ряд произведений Пушкина?

К чему же все это, в конце концов, привело? Война и революция разобщили нас с З. Европой. Связь Петербургской Академии Наук с ее парижским музеем была порвана. Редакторы «Неизданного Пушкина», по всем правилам риторики, задают себе патетический вопрос: «Какая судьба постигла драгоценнейшее собрание Пушкинского Дома, его парижский музей Онегина, на приобретение которого было потрачено столько энергии в течение 1907—1909 г.г.?»—И отвечают: «На этот вопрос не может быть дан ответ». Сама редакция настроена более, чем пессимистично. Ее смущает, во-первых, что сам А. Ф. Онегин начал опубликовывать материалы своего музея в русских заграничных изданиях; во-вторых, что летом 1920 г. распространился слух о смерти А. Ф. Онегина, «слух тем более правдоподобный, что Онегин давно вступил в девятый десяток»; в-третьих, что, по слухам же, наследники Онегина продолжают дело опубликования рукописей из его музея.

На этих жалобах мы останавливаться не будем, хотя и думаем, что Академия Наук, за полтора года (с лета 1920 по февраль 1922, когда помечено предисловие), могла бы проверить «слухи», даже относящиеся к Парижу; получаем же мы, частные лица, известия из Парижа,— почему же это невозможно для Академии? Но, во всяком случае, положение печальное. Музей, «на приобретение которого было потрачено столько энергии» *(и столько русских денег,* добавим мы), перестал

---

1) Таким образом из семи текстов только один (№ 10) был напечатан правильно,—тот самый, при перепечатке которого я в своем издании Пушкина (М. 1920) допустил отступление от Академического издания, *точно это оговорив.* Редакторы «Неизданного Пушкина» строго мне за это выговаривают. Но не объясняют ли они, как угадывать a priori, где именно этот один из семи случаев, когда в Академическом издании текст правилен и, следовательно, не нуждается в поправках, и где остальные шесть случаев, когда текст «неполон», «неточен» и т. д., и потому поправки к нему желательны.

быть,—временно или навсегда,—достоянием русского народа, а Академия Наук, имевшая этот музей, по крайней мере, в течение 5 лет в своем бесконтрольном владении, не сумела его за это время использовать. Спрашивается: кто виноват?

Теперь под угрозой, что те же самые тексты будут опубликованы за границей с подлинников, Академия Наук решилась, наконец, напечатать во всеобщее сведение онегинское собрание в той его части, какая осталась ей известна по фотографиям. Так явился на свет «Неизданный Пушкин». Что ж! утешаться ли пословицей: «лучше поздно, чем никогда?» или еще раз спросить с горечью: Ну а что, если бы не все эти обстоятельства? Тогда и по сю пору русские читатели не знали бы этих страниц Пушкина, и ими услаждали бы себя только г.г. академики и редакторы Академических изданий.

О! вопрос этот—вовсе не просто риторический, не только форма, чтобы еще раз выразить свое негодование. Вопрос этот преследует цели *реальнейшие*.

Дело в том, что на-ряду с Онегинским музеем Академия Наук обладает *другим*, может быть еще более ценным, собранием пушкинских рукописей и держится по отношению к нему тех же принципов, каких держалось по отношению к Онегинскому, т.-е. никого из «посторонних» не допускает работать над ним и собирается опубликовывать его материалы лишь в своих изданиях. Это так называемое «собрание А. А. Майковой», поступившее в Академию в 1904 году, при чем с того времени из него опубликована также лишь незначительная часть, и большее число пушкинских рукописей, в течение *восемнадцати лет*, остается скрыто, утаено от русского общества. Собрание это находится не в Париже, а в Петрограде, никакая конкуренция Академии не угрожает,—итак, есть все основания думать, что Академия Наук еще десятки лет будет запрещать русским читателям читать Пушкина полностью! Это ли не парадокс?

Правда, Академия может сослаться на волю жертвовательницы, А. А. Майковой, чтобы первое опубликование пожертвованных рукописей происходило в Академическом издании Пушкина. Но, во-первых, имела ли А. А. Майкова право ставить какие-либо условия? «Жертвовательница»—вдова Л. Н. Майкова, редактора I тома Академического издания Пушкина. Ясно, что громадная часть пушкинских документов поступала к Л. Н. Майкову не как к частному человеку, а именно как к редактору Академического издания, иначе говоря—в лице Л. Н. Майкова собственно в Академию Наук. В сущности, А. А. Майкова, по смерти мужа, вовсе не «приносила дар» Академии, а только отдавала ей то, что ей принадлежало по праву. А, во-вторых, декретом Совнаркома давно все подобные ограничения жертвователей по отношению к музейным, обще-народным сокровищам *отменены*, и Академия Наук не может этого не знать.

А между тем в Академии Наук, повидимому, никто и не заикается о том, чтобы опубликовать «собрание А. А. Майковой» или сделать

его доступным сторонним исследователям. Читатели должны довольствоваться тем, что опубликовано в 4 томах Академического издания. Но мы видели, что из *семи* рукописей Онегинского собрания *шесть* были опубликованы Академией не точно. Кто же нам порукой, что в опубликованном той же Академией из собрания Майковой даже одна из семи рукописей передана исправно? А вдруг ни одной? По крайней мере, сам Л. Н. Майков, в I томе Академического издания, буквально ни одной рукописи *воспроизвести* правильно не сумел [1]).

Главное же, почему современные читатели должны быть лишены целого ряда, повидимому, весьма важных страниц Пушкина! Описание «собрания А. А. Майковой» («Пушкин и его современники», выпуск IV) составлено так же, как описание Онегинского, т.-е. с такими уловками, чтобы нельзя было догадаться о содержании рукописей. Но одни заглавия, одни начальные слова, которыми означается рукопись, говорят много. Мы имеем там черновики «Полтавы» и «Евгения Онегина», черновики «Обвала», «Бесов», несколько черновиков слишком памятной всем пьесы «В начале жизни школу помню я...», при этом и *ее продолжение*, угадать которое тщетно пытался и пытается ряд критиков, наброски совсем еще неизвестных сочинений в прозе, и т. д. и т. д. И всего этого читатели не имеют права знать! Они должны довольствоваться теми стихами, где сказано об изображении двух бесов:

Один, дельфийский идол, лик младой...
. . . . . .
Другой,—женообразный, сладострастный,
Сомнительный и лживый идеал,
Волшебный демон,—лживый, но прекрасный.

А что сказал Пушкин дальше, это в праве знать «посвященные» академики, а «народ» этого пока знать еще не в праве.

Кончится ли когда-нибудь это издевательство Российской Академии Наук над русскими читателями? Неужели только такие сверхгероические меры, как война, революция и смерть (еще не подтвердившаяся) почтеннейшего А. Ф. Онегина, могут напомнить Академии об ее долге перед русским обществом? Неужели без этого г.г. академики, с олимпийским бесстрастием, все будут «охранять доступы» к сокровищам пушкинских рукописей? Охранять, — от кого? от русского народа?

[1]) См. мое исследование «Лицейские стихи Пушкина», М. 1907, где указано около 300 ошибок в I томе Академического издания. С тех пор я обнаружил еще несколько десятков ошибок и не маловажных.

ЗАПАДНАЯ ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ.

А. В. Луначарский.

(Окончание) [1]).

Как читатели видели из напечатанной уже части этой статьи, крупные фигуры передовой, даже революционной интеллигенции в Голландии определились еще до войны. Во время же войны и в последующую революционную эпоху они только окончательно заняли те позиции, которые занимают и сейчас. Вещи, написанные после войны, почетно присоединились к тому, что было написано Роланд-Гольст и Гортером раньше и не изменили уже установившуюся их славу. Де Костер отмечает, что война не выдвинула в Голландии ни одного нового таланта или нового крупного произведения. Однако, повидимому, восходящей звездой является Маделена Бегилинг, последовательница Достоевского, написавшая чрезвычайно мучительную грандиозную драму совести «Астрид». Насколько, однако, эта драма находится в соответствии с общим направлением, которое нас здесь интересует, по характеристике Де Костер трудно судить.

В отличие от Голландии, во французской литературе то, что составляет теперь ее социально-психологический авангард, как в смысле революционности настроения, так и в смысле талантливости, до войны было еще, так сказать, «в траве». Я могу с гордостью констатировать, что все писатели, имена которых теперь у всех на устах: Вильдрак, Жюль Ромэн, Дюгамель и др., в то время еще совсем неизвестные в России и очень мало известные во Франции, мною, как литературным критиком, были немедленно отмечены, и грядущая слава их совершенно определенно предсказана в моих журнальных и газетных статьях в 1911 и 1912 и последующих годах.

Колен, дающий характеристику передовой художественной Франции, останавливается прежде всего на журналах и отмечает здесь в особенности два: «La Forgé» («Кузница»), который издает так называемая «гильдия кузнецов». Эти поэты, между прочим, устроили и труппу, кочующую по предместьям Парижа. Они устраивают доклады, вечера поэзии и музыки, издают книги и даже в настоящее время стараются организовать нечто вроде рабочего университета. Является, очевидно, желательным, чтобы наш Пролеткульт, например, снесся с парижской «гильдией кузнецов». Как мне известно, у Колена нет данных об этом. В гильдию входят не только поэты-интеллигенты, но и некоторые рабочие. Еще более рабочим органом является «La vie ouvriere» («Рабочая жизнь»). Заслуги этого журнала в течение войны огромны. Он является первым и близким другом революции в России. Колен говорит о нем:

[1]) См. «Печать и Революция» 1922 г., книга пятая (вторая), стр. 13.

«Конечно, это наиболее хорошо редактируемый, наиболее честный и прямой глашатай подлинного европейского мира». И как раз этому листку должны мы быть благодарны за то, что Франция начинает понемножку просыпаться от своего духовного отупения...

Не могу не отметить здесь странного пропуска Колена. В то время, как он рядом с вышеупомянутым журналом называет еще несколько третьестепенных, он ни одним словом не обмолвливается о журнале «La clarté», издаваемом под редакцией Барбюса и вполне заслуживающем быть поставленным рядом с «Рабочей жизнью».

Переходя к отдельным художникам, он называет Шарля Вильдрака, который к прежней своей деятельности, превосходной книге стихов «Книга любви», прибавил сборник небольших повестей «Открытие». Это равным образом чудесная книжка, которую я уже получил и прочел. Ее не только следовало бы издать в Государственном Издательстве, но так как рассказы мелки, то они легко могли бы поместиться целиком, напр., на страницах «Красной Нови». Его стихотворения, посвященные войне, полны нежнейшей человечности и глубокой боли, не собраны пока в отдельный том. Не знает, повидимому, Колен и об интересном маленьком драматическом произведении Вильдрака «Пакебот Тенасити», если не ошибаюсь, переведенном на русский язык. Колен характеризует Вильдрака так: «Влияние, которое имеет Вильдрак на французскую публику, до странности превосходит вес двух маленьких книг, носящих его имя. Всей передовой Францией он признается настоящим мастером, его считают неоспоримым вождем, и мало живет таких людей среди нас, французской молодежи, которые не испытали бы на себе его могучего влияния, которые избежали бы полностью какого - либо отпечатка его идей и его литературной манеры».

Мне лично не пришлось познакомиться с Вильдраком во время моей жизни в Париже, я уехал в Швейцарию накануне, так сказать, наладившегося уже вполне знакомства, но у меня было очень много общих знакомств с Вильдраком, которые рассказывали мне о необыкновенно тихом очаровании, которое исходит от личности этого великого скромного поэта.

Другой фигурой, созревшей теперь в признанного корифея французской литературы, является Жюль Ромэн, наиболее глубоко социалистически и коллективистически чувствующий из молодых французских поэтов. Он выступил, как вождь целого направления, которого, впрочем, он был единственной большой силой, так называемых «унанимистов». Идея его заключалась в открытии, описании и прославлении новой психеи,—именно массовой, коллективной души. В чудесной по свежести форме сделал он это в романе «Существо» (гуляющая по Парижу школа девочек), глубоко, серьезно, трагически—в своем сборнике лирических стихотворений, мастерски—в рассказе об армии, вызванной в Париж для подавления стачки, ярко — в своей драме «Армия в городе», которую только по современным трудностям не

поставил в этом году бывший театр Корша и которую он поставит, надо надеяться, будущей зимой. Колен в особенности отмечает превосходную новую книгу Ж. Ромэна «Европа», посвященную «самоубийству Европы» и противопоставляющую ему веру, надежду и любовь автора. Но Колен не знает других новых произведений Ж. Ромэна, курьезнейшей и необыкновенно богато задуманной фильмодрамы— Данагоо Тонка, и переведенной уже на русский язык (или сейчас переводимой) чудеснейшей из новых французских драм-пьесы: «Старый Кромедейр». Этим произведением, поставленным пока в Париже только на маленькой сцене театра «Старый Голубятник», но прославленной почти всей французской критикой без исключения, даже буржуазной, Ж. Ромэн укрепил как раз свое положение крупнейшего из сравнительно молодых дарований Франции. Я не знаю точно, сколько лет сейчас Ж. Ромэну, но думаю, что ему должно быть не более 35, таким образом перед ним расстилается еще необозримое будущее. И сейчас уже без всякого риска можно сказать, что имя Ж. Ромэна через 5-10 лет будет раздаваться рядом с крупнейшими именами французской литературы всех веков, и слава его войдет в ее историю.

Третьим из той же дружной между собой компании левобережных молодых поэтов является Жорж Дюгамель. До войны Дюгамель поставил в Одеоне, руководимом в то время Антуанем, драму «В тени статуй» и издал обратившую на себя всеобщее внимание книгу, посвященную Клоделю. Дюгамель был приглашен, в качестве критика поэзии, в знаменитый журнал «Французский Меркурий». Уход его нынче из этого журнала, по свидетельству Колена, явился как бы своеобразным моральным крушением этого органа. Новая поэзия Дюгамеля, посвященная войне, очень печальна и носит на себе ту печать мягкого гуманизма и глубокого горя, которую вообще нельзя не отметить во всех передовых французских произведениях, посвященных войне, не исключая и «Огня» Барбюса. Как врач и естественник, он проходил военную службу санитаром, и это позволило ему близко и очень своеобразно присмотреться к психологии войны. Его книги. «Жизнь мучеников», «Цивилизация», «Власть над миром», «Разговоры среди смятения», как справедливо говорит Колен, заняли место рядом с произведениями Барбюса. К сожалению, Дюгамель сам не занял определенного места рядом с Барбюсом, т.-е. в рядах нашей партии. Гуманный и мягкий он, так сказать, колеблется между активизмом Барбюса и пассивным гуманизмом Ромэна Ролана.

О Марселе Мартинэ я до войны не слышал. Колен свидетельствует о нем, что он был одним из первых французских поэтов, поняв-ших, что так называемая «военная слава» и «защита отечества» приводят к невероятному отупению и оподлению народа. Он был одним из первых, который ярко и остро ощутил необходимость всей силой противостать против шовинистического опьянения. Уехав в Швейцарию, он издал там том своих стихотворений «Проклятое время». Во Фран-

ции книга эта была воспрещена. Колен говорит о ней: «Проклятое время» Марселя Мартинэ—самая разительная книга, написанная французскими поэтами за последние 5 лет, так она неукротимо правдива, так кипит в ней непрерывный полет и подъем».

От себя скажу: почему тому или другому из русских поэтов не заняться переводом хотя бы некоторых стихотворений из этой книги? Колен еще не знает о «Ночи» Мартинэ, новой его драме, которой блестящий фельетон посвятил Троцкий. На этом прекрасном произведении лежит та же печать слишком горького раздумья. Даже у самых передовых французов есть какая-то надорванность после войны, больше пессимизма и какого-то горького, сдержанного рыдания на губах, чем настоящего призыва к активности и борьбе. Тем не менее «Ночь» является одним из благороднейших драматических произведений, какие я знаю.

Надо отметить тоже поэта Жува, книги которого «Вы—люди», «Поэма против всякого преступления» и «Часы» называет Колен. Широкое чувство братства присуще этому поэту и яростный протест против братоубийственной войны. Жув, однако, как-то слабее Мартинэ.

Более ярким, чем книги Жува, является сочинение Ренэ Аркоса «Чужая кровь». Колен совершенно справедливо отмечает дикую иронию, присущую ей.

Жорж Шеневьер,—между прочим, организатор замечательного, союза народных празднеств, в котором сплелись сейчас передовые музыканты, поэты и актеры Парижа,—также обратил на себя внимание и энергично вступил в фалангу литературного авангарда со своими стихами «Призыв к миру.»

Отмечает Колен и нашего друга, товарища, коммуниста Вайана Кутюрье, которого мы могли видеть у нас, в Москве, и к которому прониклись глубочайшей симпатией.

В настоящее время я получил собрание сочинений Вайана Кутюрье и скоро смогу посвятить ему особую статью.

Другой наш гость, трагически погибший при возвращении из России, Раймонд Лефевр, вместе с Вайаном Кутюрье издал книгу «Война солдат», которую также надо отметить.

Упомянем еще вместе с Коленом роман неизвестного нам писателя Алена Фурье «Le grand Meaulnes», который Колен называет «изумительным и интересным по смешению самого четкого и детального реализма с грезой и фантазией».

Я не знаю, правильно ли делает Колен, причисляя к этой группе Леона Верта. Мне кажется, что его «Клавель»—книга очень благородная и талантливая, но не подымающаяся над объективизмом и честным гуманизмом.

Само собою разумеется, говорить об Анри Барбюсе здесь не приприходится. Мы его слишком хорошо знаем, слишком любим и ценим. Все его произведения, сколько-нибудь крупные, переведены на рус-

ский язык, изданы Госиздатом и должны иметься в каждой библиотеке.

Разумеется,—говорит Колен и о Ромэн Ролане, которого он ставит совершенно напрасно рядом с Барбюсом,—как талант, Ролан действительно не ниже Барбюса, в остальном же они являются крайними полюсами, поскольку мы будем говорить о передовой литературе, более или менее революционной и новой. Барбюс—наша революция, Ромэн Ролан—толстовская. Недавний обмен письмами обоими между великими писателями — явственный показатель пропасти между ними. Нельзя не отметить, что в то время, как воинствующий и, по мнению Ромэн Ролана, слишком согласный на насилие Барбюс, сохранил все надежды на будущее, Ромэн Ролан в последнем своем произведении «Лилюли», переведенным Валерием Брюсовым и имеющим скоро выйти на русском языке, погружается в бездну горького юмора, пессимизма и даже прямо отчаяния.

Такова молодая Франция. К этим данным мы прибавим недавно полученные нами данные о французском театре [1]).

Драматург Ленорман, даровитый и более или менее близко примыкающий к организованной новой фаланге, отмечает своеобразное движение студийного характера, направленное на возрождение и преобразование театрального искусства. Сюда Ленорман относит Конфедеральный театр, устроенный рабочими кругами; театр Oeuvre, давно уже организованный эстетом Линье Поэ, очень передовым человеком; студию знаменитого актера Дюлена, в течение долгого времени единственно поддерживающей подлинную славу французского театра; Народный театр Жемье, нынешнего директора Одеона, большого друга Советской России, от которого я несколько раз получал приветствия и выражения симпатии; совсем маленькие театры «Гримаса», «Маленькая сцена» и т. д. По поводу них Ленорман пишет: «Мы не знаем, какой ответ дадим предпринимателям, распространяющим через сцену глупость, пошлую сентиментальность или порнографию, но новым продавцам идеала надо более согласованности между собою. Ведь извне наши эстетические разногласия непонятны. Для публики мы просто блок защитников драматического искусства против всяких театральных спекулянтов. Сколько бы ни расходились мы между собою по направлениям, это—наше общее знамя; не будем ослаблять действительность наших усилий взаимными распрями». В настоящее время в Париже 3 миллиона жителей и насчитывается не более 50 тысяч людей, которые начинают посещать театр истинного искусства. Надо очень осторожно относиться к этой части публики и не сбивать ее с пути истинного нашими доктринерскими распрями и разговорами».

Я считаю полезным для характеристики той молодой Франции, к которой устремляются все наши мысли, привести также небольшую выписку из статьи Мартинэ о французском театре, помещенной им в

---

[1]) Эти данные были мной опубликованы в «Известиях».

«Юманитэ»: «Когда революция выметет буржуазный режим, не ждите, что наш театральный кошмар изменится в один день или в один вечер, освободится от влияния долго вдыхавшегося яда; но мы можем быть уверены,—и наши актеры должны подумать о том,—что мы сразу сведем всю эту грязь в несравненно более узкие берега. Это доказала своим примером революционная Россия. У нас уже ведется некоторыми маленькими театрами наступление на спекулятивный театр. Конечно, в ряды борцов за театральное обновление попало несколько крикунов и плохо загримированных революционеров, а также несколько глупцов (совершенно, как у нас. *А. Л.*); но все же против торговли человеческим мясом и человеческой душой, которая практикуется нашими большими сценами, начата атака и они должны будут открыться для настоящих шедевров. Пока же мы имеем только несколько маленьких сцен, время от времени освещаемых подлинным искусством, против 50 блистательных храмов, посвященных глупости и разврату».

С благодарностью и уважением назовем здесь имя того старца, который является дорогим союзником этих молодых сил,—великого Анатоля Франса.

Перейдем к гораздо менее мне известной Англии, характеристику которой мне приходится целиком брать из статьи Дугласа Гольдринга: «Очарование прошлого,—пишет он,—проходит, очарование грядущего начинает воздействовать на Англию». Гольдринг констатирует, что это очарование прошлого проходит вместе с угаром победы, что очарование грядущего возникает вместе с ростом революционных настроений. Чувствуется приближение новой одухотворенной любви, которая обоймет все народы. Гольдринг говорит об «усталости цивилизации нынешней Англии» и «богато одаренных остроумных эпигонах». Конечно, он не может не признать огромного величия таких талантов, как Мередит и Гарди, но творчество Оскара Уайльда он считает извращенным шарлатанизмом, Фрэнсиса Томсона называет гнилым католиком и т. д. Теми уже прославленными писателями, которые являются, так сказать, параллельными фигурами с Барбюсом и Р. Роланом, являются, конечно, Бернард Шоу и Уэллс. Оба писателя настолько известны в России, настолько известна их нынешняя позиция, что на них нечего особенно останавливаться. Из молодых же писателей на первое место должен быть поставлен Д. Г. Лауренс. Сейчас ему только 34 года, но он уж выдвинулся, как поэт и романист, философ и драматург. Гольдринг без обиняков называет его гением. Его последний роман «The rainbow» был объявлен безнравственным и уничтожен полицией. В Англии этой книги найти больше нельзя. Он выражает желание, чтобы книга как можно скорее была переведена на европейские языки. И мне кажется, что надо приложить усилия, чтобы этот убитый полицией Ллойд-Джорджа роман воскрес у нас, в Москве. Лауренс издал замечательнейший сборник стихотворений и том критических статей «Сумерки Италии». Передовая молодежь Англии ожидает с нетерпением каждого нового его произведения. В самое

последнее время он издал роман «Сыновья и любовники», который, по заявлению Гольдринга, является самым крупным романом в Англии за последнее время. Человека, равного Лауренсу, мы в английской литературе больше не имеем, но существует много даровитых писателей. Сюда относятся: Зигфрид Сасун, Герберт Рид, Зитвель Гревс, описывающий с негодованием ужасы войны. Автор отмечает, как интересное проявление новой литературы, тоже «Семь человек» Макса Бирбома и «Пять сказок» Гельсворти и некоторые др. Из драматургов называет он Вильяма Сомерсета Ногама.

Из ирландских писателей он ставит на первое место Джемса Джойса. Крупнейший живописец экспрессионист Англии—Виндгам Люис является также и писателем; он написал большой, содержащий много прекрасного, но в общем очень неудачный роман «Тарр». Вот то немногое, что я мог вынести из статьи Гольдринга о новой Англии.

Автор статьи об Италии Гварньери отмечает, что Италия не может похвастаться такой, почти целиком во время войны выдвинувшейся фалангой первоклассных писателей, какую мы видим во Франции. Перед войной Италия выступала под звездами возраставшегося и укреплявшегося влияния мягкого и очаровательного Джиованни Паскали, с одной стороны, и дерзновенных футуристов—с другой, среди которых шумел Маринетти и к которому примкнули крупнейшие люди тогдашней молодой Италии—Паппини и Соффичи, в свое время также, еще в первый свой вылет, отмеченные мною, как будущие люди. Вместе с Джузеппе Прецполини, Паппини основал «Лавочэ», который из скромного листка флорентийской молодежи превратился в корень всей дальнейшей молодой литературы Италии, имеющей какую-либо ценность. Паппини занял здесь первое место, особенно прославившись книгой «Конченный человек», которую Гварньери называет одной из замечательнейших книг новейшей литературы. Между прочим, эта книга, недурно переведенная на русский язык, лежит у меня в ящике письменного стола, и могла бы быть предоставлена любому издательству, которое пожелало бы ее опубликовать. Надо сказать, однако, что в дальнейшем, попав в орбиту футуризма, Паппини стал заниматься фразерством и позерством, довольно несносным. Очень хорошая в художественном отношении книга Арденго Соффичи «Корабельный дневник» тоже страдает известной футуристической напряженностью и искусственностью. С отходом этих писателей от футуристов, по мнению Гварньери, футуризм марки Маринетти более, чем исчерпан. Мы можем подтвердить это суждение, ибо сам Маринетти в последнее время поставил на сцену интересную, имевшую успех драму «Огненный барабан», которая, по общему признанию, ни капли футуризма не содержит. Правда, видал я недавно альбом итальянских стихотворений, где имеются и и «Слова на свободе» Маринетти, но, Боже мой, какая скука охватывает всякого от этих разной печатью и в разных направлениях брошенных на страницу глупостей. Зато, несомненно, Маринетти дал толчок некоторым талантам и, по свидетельству Гварньери, крупнейшим

поэтом нынешней Италии является бывший оруженосец Маринетти—Коррадо Говони. Автор статьи называет его даже «великим поэтом». Он находит, что он нов и по содержанию и по форме и что он настоящий мастер свободного стиха. В вину ему он ставит только слишком сильный темперамент. Особенно хвалит он его пейзажи и с восхищением говорит, что воистину в нем воскресает дух бароко. Лучшим сбрником его он считает «Инаугурацию весны», а также поэму его «В Милане».

Кроме прежних, меня всегда раздражавших, хотя и фейерверочных стихотворений Говони, я ничего не читал, но считаю своим долгом познакомиться теперь с указанными книгами Говони и тогда поделюсь своими впечатлениями с читателями.

Вслед за Говони Гварньери упоминает Лионеля Фиумэ. О нем он говорит, как о человеке новой школы, который отбросил «тарахтящую пустую бочку футуризм». Это утонченный и несколько изнеженный поэт.

Ада Негри продолжает писать, и ее последняя книга «Книга Марии» ставит ее, как говорит Гварньери, рядом с лучшими из молодежи. С течениями, не имеющими ничего общего с так называемым восстанием молодежи против старой культуры, мы не считаем нужным считаться.

Наконец о Германии. Мне приходилось уже в русской литературе говорить об экспрессионизме, и я поэтому опускаю вообще рассуждении Гюбнера и не стану вступать с ним в полемику. Перейдем прямо к характеристике молодой Германии, минуя область изобразительных искусств, очень энергическую, но не интересующую нас в этой статье.

Среди учеников крупнейшего лирика, сходящего ныне со сцены поколения, Райнера—Марии Рильке, выдвинулись и заняли выдающееся место Франц Верфель и Макс Брод. Верфель, по словам Гюбнера, «является выразителем характерных для экспрессионизма чувств христиански окрашенной любви к ближнему». Я читал много стихотворений Верфеля и даже перевел одно из них, которое в скором времени будет напечатано. Читал я также и его драму «Зеркало человека». Верфель, несомненно, очень талантлив; несомненно также, что его гуманизм и действительно широчайшее человеколюбие—симпатичны, но на меня он производит впечатление какой-то рыхлости и даже некоторой приторности, которые мешают ценить мне его так высоко, как делают это большинство германских критиков. Макса Брода я знаю меньше, и те стихотворения его, которые я читал, мне не понравились. Странным образом, говоря о немецком романе, Гюбнер упоминает только об отнюдь не молодом Генрихе Манне, которого, конечно, нельзя не похвалить всячески за проделанную им эволюцию. Последние его вещи, которые я читал, прекрасная книга, посвященная Золя и одна странная драма из времени революции заинтересовывают и определяют Манна, как человека, ставшего целиком на точку зрения республиканизма и демократии. Ограничится ли он только этим или поймет, что такая позиция толкает дальше—к коммунизму, я не знаю.

Почему-то Гюбнер, упоминая в области романа также и Леонарда Франка, одна книга которого переводится на русский язык, совсем

ничего не говорит о романе Улица «Арарат». Между тем, этот роман, как мне доподлинно известно, поднял огромный шум среди публики и критики. Роман этот я сейчас жду из Берлина; вероятно, придется посвятить ему особую статью.

Никакой вразумительной характеристики не дает Гюбнер Рэнэ Шикелэ. Между тем, как этот человек сразу поднял свой голос против войны и, несомненно, по всем характерным признакам подходит к тому авангарду Германии, который нас здесь интересует.

В области драмы заметно сильное влияние Ведекинда, особенно Стриндберга. Здесь мы имеем целый ряд замечательных талантов. В скором времени выходит на русском языке сборник лучших драм самого виртуозного и разнообразного из германских драматургов—Георга Кайзера, а затем выйдет сборник лучших комедий К. Штернгейма, которого не без основания называют новым Мольером. Большую славу приобрел также Унру, а за ним Корнфельд, Хазенклевер и Эдшмидт. Все эти люди близки нам по революционному настроению: некоторые из них члены коммунистической партии, а Штернгейм член коммунистической рабочей партии.

Молодежь концентрируется, главным образом, вокруг двух журналов: «Дер Штурм» и «Ди Акцион». Последний орган, издаваемый Пфейфертом при постоянном участии Штернгейма, очень интересен. Я получаю его регулярно и с удовольствием читаю, хотя, конечно, там иногда находишь глупейшие политические выходки против Коминтерна в духе ярко выраженной детской болезни левизны.

Что касается журнала «Штурм», то меня несколько отталкивает от него глубокая зараженность худшими формами экспрессионизма, произвольно искажающими действительность, неопрятными и уродливыми.

В предисловиях к книгам Кайзера и Штернгейма, я даю довольно широкую характеристику нынешней молодой Германии и поэтому не буду здесь особенно останавливаться на ней. Самой неприятной чертой в высшей степени симпатичной и талантливой фаланги германского литературного авангарда является уклонение многих из них к мистике, и в частности к христианской мистике. Впрочем, более сильные свободны от нее.

Такова, так сказать, литературная карта Европы. новой Европы. Нет никакого сомнения, что пролетариат, постепенно овладевая этой частью света, должен будет включить в себя эту молодую талантливую интеллигенцию, о которой мы здесь говорим. Может быть, с этой точки зрения было бы интересно, если бы кто-нибудь взял на себя инициативу устроить всеевропейский съезд упомянутых в этой статье писателей. Я думаю, что коммунистическая партия и Коминтерн вообще, не вступая с этим съездом ни в какие официальные сговоры, могли бы разрешить индивидуально некоторым своим членам присутствовать на нем, дав им определенные указания, и своей огромной моральной мощью посодействовать прояснению мыслей и чувств этих наших формальных и неформальных союзников.

О КОММУНИСТИЧЕСКОЙ ДРАМАТУРГИИ.

П. Керженцев.

1.

Полемика моя с А. В. Луначарским по поводу его пьес оборвалась в свое время из-за отсутствия органов печати, уделявших место вопросам литературы, а потому она не только не разрешила поднятых вопросов, но даже не успела как следует их поставить.

Как известно, полемика эта вызвала большой интерес и в партийных и в литературных кругах, а недавние статьи А. В. Луначарского (в том числе и во второй книжке «Печать и Революция») показывают, что он сам о ней слишком хорошо, и, может быть, чересчур болезненно, помнит.

Я не собираюсь возобновлять ее в той плоскости, в какой она была мною в свое время поднята. Сейчас, думается мне, можно перейти от частной темы о пьесах Луначарского к более широкой и принципиальной постановке вопросов, оставляя по мере сил в стороне чисто полемическую сторону дела.

Но так как А. В. Луначарский продолжает всуе упоминать мое имя и ничтоже сумняшеся приписывает мне всякие нелепости, которые он затем с успехом опровергает, то мне приходится все же защищаться. Хоть я и оторван сейчас территориально от Советской России, но все же валить на меня «как на мертвого» еще несколько преждевременно.

Как, может быть, помнят читатели «Правды» и слушатели моего диспута с Луначарским в «Доме Печати», я особенно отмечал отсутствие коммунистического духа в пьесах «Иван в раю» и «Маги». Из исторических пьес я касался лишь «Оливера Кромвеля». А. В. Луначарский в своих устных и печатных выступлениях больше всего защищал пьесу «Народ», против которой я не сказал ни одного слова, и «Оливера Кромвеля».

О «Магах» и об «Иване в раю» он предпочитает по возможности умалчивать.

Это очень характерная стратегическая «перемена фронта» и заблаговременное очищение ненадежных позиций.

Сейчас не буду поднимать речи об этих пьесах. Но пусть т. Луначарский попробует прочесть «Ивана в раю» и «Магов» в рабочей аудитории Хамовников или Красной Пресни—он услышит тогда оценку, которая будет небесполезна ему. Впрочем, уверен, что на этот рискованный опыт он не пойдет, особенно после того, как ему пришлось самому констатировать, что, по признанию рабочих, даже «Оливер Кромвель» чужд и непонятен пролетариату и относится к разряду чисто «интеллигентских пьес» (см. № 1 «Вестника Искусства»).

Не тайна, что в партийных кругах оценка «Оливера» дается именно в том же смысле, в каком высказывался я. Недаром же это первая «революционная» пьеса, которая не за страх, а за совесть понравилась орто-

доксальному «Малому театру». И острота одного из наших сатириков, предлагающая сохранить эту пьесу в репертуаре даже на случай торжества монархии, не так уже далека от истины.

Таким образом пока можно констатировать, что две пьесы, причисленные мной к разряду типично мелко-буржуазных, исчезают из памяти не только современников, но и автора. А третья—по признанию и рабочих и партийных кругов—оказывается в разряде чуждых пролетариату.

Таков ответ жизни на нашу прошлогоднюю полемику. И сколько бы тов. Луначарский ни прятался за свой «Народ», его провалы в буржуазную драматургию остаются общепризнанным фактом.

2.

Среди вопросов, поднятых в нашей полемике, можно выделить три основных, благодаря которым, мне кажется, полемика представляла и продолжает представлять некоторый общественный интерес.

«Коммунист должен оставаться коммунистом, даже если он посвящает себя художественному творчеству—поэзии, драматургии, живописи и т. д. Истинный коммунист не только думает по-марксистски, но и чувствует по-марксистски. Целостности коммунизма, как миросозерцания, должна соответствовать духовная целостность коммуниста, как психологического типа. Конечно, сейчас очень часто встречаются люди, являющиеся коммунистами мысли и буржуа чувства. Сейчас, в переходную эпоху буржуазная идеология во многих случаях прорастает коммунистическую. Узы прошлого закабаляют и порабощают стремление к будущему. Против этого мы должны всячески бороться. Партийная дисциплина должна пониматься не как навязанные извне рамки, регулирующие лишь политические выступления членов партии, а как внутренняя идейная сила, властно руководящая коммунистом во всей его жизненной деятельности»,—такова была моя точка зрения.

Мои противники находили, что, ставя вопрос таким образом, я посягаю на «свободу творчества», на «свободу человеческого духа», на «вольный взлет» поэтической фантазии и пр. и пр. Луначарский говорил даже о «коммунистическом городовом», к которому я, якобы, призываю, и приобрел этим заявлением чрезвычайные симпатии среди беспартийных интеллигентов, имеющих зуб против коммунистической диктатуры.

Второй вопрос, поднятый в полемике, касался так называемого «узкого» и «широкого» понимания коммунизма. По существу это весьма старый спор. Лица, хоть сколько-нибудь знакомые с историей нашей партии, хорошо помнят, что большевикам всегда ставилась в упрек их узость, сектантство, чрезмерная революционность и т. д.

А. В. Луначарский тоже, вероятно, хорошо помнит, что, когда его увлечение религиозными проблемами вызвало резкий отпор со стороны Ленина, Плеханова, Каменева и других, ему доводилось говорить об узости этих товарищей.

«Широкая» позиция моих противников сводится, в сущности, к следующему: они равно приемлют и Маркса и Бем-Баверка, Гёте и Пушкина, Ленина и Зомбарта, Дарвина и Руссо. По их толкованию все они «наши», все они чем-то содействовали успехам человечества, а потому они и десятки, сотни других деятелей политики, литературы и общественности входят равнозначущими элементами великой борьбы за коммунизм.

В этом эклектическом приятии чуть ли не всего существующего и существовавшего мы подходим к той «широте» мировоззрений, которая ничего общего не имеет с железным, строгим, коммунистическим мировоззрением. Коммунизм не боится в прошлом и в настоящем найти себе врагов, а не только друзей. Он критически отбирает себе в наследие прошлого материал для обоснования своего учения. Великих деятелей прошлого, гениальных ученых и писателей коммунист должен внимательно изучать, чтобы с ними бороться и их преодолеть, или чтобы взять у них то, что ими внесено в науку и литературу будущего. Критическое преодоление прошлого я ставлю в противовес благодушному приятию этого прошлого, наблюдаемого у моих противников (подробнее об этом см., напр., в моей книжке «К новой культуре»).

Наконец, третьей темой полемики был собственно вопрос о коммунистической литературе для театра. Я пытался установить на примере пьес А. В. Луначарского, какие требования мы предъявляем к коммунистической драматургии, какие произведения мы можем причислить к «нашим», какие мы должны отвергнуть, как чуждые нам и вредные.

На-ряду с этими тремя основными вопросами, мною были подняты несколько других, второстепенных (напр., о символике традиционных образов—Бога, Христа, ада и пр.), но не в них суть дела.

Оставляя в стороне два первых вопроса, которые в сущности заслуживают специального и детального рассмотрения, я хочу коснуться сейчас лишь самого последнего, особенно в связи с статьей т. Луначарского на ту же тему в журнале «Печать и Революция».

3.

К коммунистической драматургии мы можем причислить только те пьесы, которые проникнуты коммунистическими идеями, а отнюдь не все те образцы драматургической литературы, которые в какой-либо мере нужны и полезны для коммунистической работы. У моих оппонентов, склонных к широким формулам и слишком широким точкам зрения, имеется наклонность включать в категорию коммунистической драматургии и коммунистической литературы чуть ли не всех классиков. Недаром А. В. Луначарский заявляет: вы слишком много чести делаете буржуазии, причисляя к буржуазной литературе Гёте и Достоевского, Диккенса и Толстого.

По толкованию Луначарского все великие, не утратившие своего значения литературные деятели прошлых эпох, «наши», т.-е.—иначе—пролетарские, коммунистические.

Но это лишь красивая игра слов. Само собою разумеется, что великие греки, что Шекспир, Пушкин, Достоевский, Толстой нужны нам, коммунистам, не меньше, а, может быть, и больше, чем они нужны для буржуазии. Их мы должны изучать и у них учиться. Но против многого в них мы должны уметь бороться. И это последнее—самое важное. Мы должны овладеть ими, чтобы одолеть, чтобы перейти через них к новому.

Но из этого, что Шекспир нужен коммунисту, не следует, конечно, что пьесы Шекспира проникнуты идеями социализма. Можно привести такую аналогию: изучение классической школы политической экономии чрезвычайно нужно для коммуниста, потому что многие идеи Маркса выросли на этой почве, но это совершенно не дает нам права причислять Адама Смита или Рикардо в разряд ученых, проникнутых коммунистическими идеалами.

Между тем такого рода элементарную ошибку мои оппоненты в своих выступлениях делали и делают чрезвычайно часто. Один из излюбленных приемов их состоял в том, чтобы с трагическим пафосом восклицать:

«Вы—узкие коммунисты, хотите сжечь Шекспира и выбросить за окно Пушкина». («Широкая» демагогия—их любимое оружие.)

По существу же дело обстоит совершенно иначе. Мы лишь резко отделяем коммунистические литературные течения в прошлом и в настоящем от тех течений, которые могут быть нужны и полезны для выработки новой коммунистической литературы.

Поэтому будем изучать пьесы Островского, потому что они дают не только отображение жизни русской буржуазии, но и во многом являются технически совершенными произведениями драматургической литературы. Поэтому будем штудировать Шекспира, который дает такие блестящие изображения многогранных человеческих характеров. Иной раз поучимся театральной технике у Мольера. Но не будем злоупотреблять терминами и относить все интересные и талантливые произведения этих авторов к разряду коммунистической драматургии.

По отношению к пьесам исторического характера придется делать то же самое различие. Пьеса, которая образно рисует нам гениального деятеля, вождя господствующих классов, или искусную организацию и борьбу командующих групп общества против угнетенных его слоев, может быть не только очень интересна, но и очень нужна нашему репертуару, даже если все симпатии автора на стороне господствующих классов. Такого рода пьесы будут давать новому зрителю необходимый и полезный исторический материал, в доступной и захватывающей форме. Но, разумеется, пьесы такого рода, несмотря на всю их важность и необходимость, не будут пьесами коммунистической драматургии.

Даже пьесы, изображающие крупные революции прошлого и их героев, только тогда мы можем признать своими, если в них звучит подлинный призыв к освобождению всех угнетенных и к перестройке мира на новых началах.

4.

В своей статье в № 2 нашего журнала А. В. Луначарский четырежды упоминает мое имя и четырежды приписывает мне глупости, которых нигде и никогда я не высказывал и против которых я сам не один раз боролся. Одна из приписываемых мне Луначарским нелепостей состоит в том, что я якобы требую, чтобы в коммунистических пьесах выводились массы, а не отдельные лица. Сочинив про меня такую небылицу, Луначарский начинает распространяться об эс-эровских тенденциях, смешении массы и толпы и пр. И на той же странице, перейдя к историческим сюжетам для коммунистической драматургии, тот же Луначарский выдвигает, как две основных темы для пьес: трагедию пророков и трагедию реализаторов, т.-е. трагедию вождей, героев.

И этот типично интеллигентский подход дает себя знать во всех без исключения пьесах Луначарского. Луначарского в первую голову интересуют вождь-лидер, его переживания, его личная психология, его трагедия. Конечно, трагедия вождя часто есть лишь концентрация в одном фокусе трагедии массы, интересы которой он выражает. Но это далеко не всегда так. «Оливер Кромвель» дает хорошую иллюстрацию. Он, несомненно, довольно точно отражал психологию мелкой и средней английской буржуазии, он твердой рукой расчистил дорогу для грядущего торжества английского капитала. По толкованию Луначарского, Оливер Кромвель пережил душевную драму реализатора. Допустим. Но почему Луначарский, описывая эту бурную эпоху английской истории, упустил из виду другую трагедию, которая разыгрывалась в это время. Не трагедию победившей мелкой буржуазии, а трагедию побежденной и не имевшей подлинного и яркого вождя угнетенной массы, которая с такой жадностью тянулась к идеям левеллеров, которых (хочет того Луначарский или не хочет) мы все же должны причислить к предшественникам коммунизма.

Автор «Оливера Кромвеля» разделался с левеллерами чрезвычайно просто: Кромвель собственноручно застрелил их лидера и затем пролил над ним слезу. Левеллеры оказались в этот исторический момент побежденными, и Луначарский счел нужным художественно оправдать это поражение и воспеть победителя. Конечно, это его воля, но я продолжаю утверждать, что марксист-драматург, особенно желающий изобразить то прошлое, которое подготавливало почву для коммунизма, должен иначе подойти к поражению низших слоев английского населения в эпоху английской революции. Мы не нуждаемся в слезах Оливера Кромвеля над разбитыми им левеллерами, мы хотим изображения этого движения, не имевшего почвы для реального осуществления, но тем не менее правильно предугадавшего многие идеи будущего.

Луначарский ссылается на работы Каутского и др. о предшественниках социализма и предлагает взять ее в основу для ряда исторических коммунистических пьес. Но Каутский (тогда еще марксист) зачислил

в число предшественниковъ социализма не Оливера Кромвеля, а левеллеров. Не отнести ли поэтому произведения Луначарского в группу исторических пьес, которые описывают торжество «предшественников капитала»?

Таким образом одной из тем коммунистической драматургии может быть трагедия массы,—трагедия английского рабочего класса, который в период мировой рѣволюции не имеет достойного вождя; трагедия германского пролетариата, который в самый острый момент борьбы теряет Либкнехта и Люксембург, трагедия угнетенных классов всех эпох, которые поднимают борьбу за свое освобождение, лишь смутно видя перед собою цель и ощупью отыскивая необходимые методы.

Намечая исторические сюжеты коммунистической драматургии, Луначарский почему-то ограничивается лишь вождями, лишь крупными историческими именами. Я думаю, что нужно на-ряду с этим ввести в нашу драматургию тех неведомых историей по именам Джонов, Жанов и Иванов, которые были плотью от плоти угнетенной массы. Конечно, с точки зрения театрального эффекта гораздо легче писать о Кромвелях и Дантонах, чем о безвестном герое-массовике, но—это не довод. По существу же трагедии, драмы, комедии об этом, забытом историей и литературой буржуазии, массовике—вот наиболее завлекательная тема для драматурга-коммуниста.

Изобразите не великого, но уже воспетого Спартака, а одного из миллионов рабов, которые шли под его знаменами. Выведите на сцену трагедию уральского рабочего поссессионных заводов, поднявшего борьбу за свои интересы. Опишите психологию одной из единиц, которые сейчас в сомкнутом строю с другими творят революцию.

В индивидууме, которого история знает лишь как частицу большого целого, найдите живую душу и изобразите его в пьесе так, чтобы он отразил всю ту массу, которая безымянно творила историю.

Само собою понятно, что для изображения этих трагедий массовика совсем не требуется выводить на сцену массу. Пьеса из пяти действующих лиц часто может дать больше представления о психологии революционной борьбы, чем грандиозное зрелище с сотнями действующих лиц. Это уже вопрос драматургической техники.

5.

Исторические материалы не дают никаких оснований А. В. Луначарскому приписать Оливеру Кромвелю какие-либо коммунистические идеи и, как теперь признается сам автор, зрители-рабочие сразу чувствуют эту отчужденность Кромвеля от их идей и психологии. Чтобы оправдать половинчатого, мелко-буржуазного Оливера Кромвеля, Луначарский выдвигает такой аргумент: а может быть перед Оливером Кромвелем носились «величественные образы настоящей, сознанной правды»?

Конечно, никто не знает, о чем грезил Кромвель, но если становиться на такую точку зрения, то почему же не сделать героем коммунисти-

ческой трагедии Магомета или Христа? У нас есть гораздо больше оснований предположить, что они-то действительно (поскольку трактовать их и их исторические фигуры) грезили о «сознанной правде» (выражаясь несколько эс-эровской терминологией Луначарского). Но ведь марксистская драматургия все же должна считаться с реальными фактами, а не с возможными грезами. Какие бы грезы мы ни приписывали Оливеру Кромвелю или Христу, мы не должны забывать их исторического значения и той символики этих имен, которая прочно въелась в буржуазное общество.

Что подход Луначарского к историческим темам слишком условен, особенно ясно видно из примера французской революции. Луначарский хочет воспевать трагедию реализаторов или трагедию пророков. Оставаясь логичным, он в своей очередной пьесе, посвященной французской революции, должен будет воспеть «гениального оппортуниста» Мирабо или Дантона. Правда, коммунисты до сих пор чувствовали идейную и духовную близость к другим деятелям французской революции, им ближе Марат и Бабеф, но по концепции Луначарского ни тот, ни другой не заслуживают внимания драматурга-коммуниста. Бабефа можно смело оставить за флагом, причислив к утопистам. Марат, не будучи ни реализатором, ни «гениальным оппортунистом», точно так же не заслужил того, чтобы Луначарский посвятил ему пьесу. А между тем для всякого не предубежденного человека станет очевидным, что в нашей драматургии мы должны воспеть имя Марата и Бабефа, и что пьесы, подобные «Дантону» Ромэна Ролана, являются в сущности некоторыми искажением великой эпохи французской революции.

Конечно, Бабеф был утопистом, как был часто утопистом и Бланки, но разве нет также величайшей трагедии у утописта, который ясно видит цель, к которой нужно итти, и не находит в окружающей обстановке реальных сил для осуществления своих чаяний? И в этом случае нам приходится внести поправку в темы исторической коммунистической драматургии, как они намечены Луначарским.

Одним из аргументов т. Луначарского в пользу Кромвеля является указание, что он де был «гениальным оппортунистом», а так как и Ленин тоже «гениальный оппортунист», то... и пр.

Вот типичный довод Анатолия Васильевича. «Гениальный оппортунист»?—Что это значит?—Кромвель гениален, хотя он и оппортунист, или он оппортунист, хотя и гениальный? Или иначе—что перевешивает в Кромвеле: гениальность или оппортунизм? И какое из этих качеств особенно привлекает нашего драматурга? Можно назвать немало исторических имен, которых за «гениальный оппортунизм» Луначарский смело может вывести в своих пьесах—Бисмарк, Ллойд-Джордж и мало ли еще кто. Но при чем же тут коммунистическая драматургия? Да,—говорит Луначарский,—но ведь Ленин тоже... оппортунист. Тут типичная ошибка, право гораздо более уместная в устах мещанского политика. Ленин гениальный тактик. Это значит, что, всегда ясно видя высокую цель и твер-

до держась курса на коммунизм, он лучше других умеет найти реальные пути для очередной коммунистической работы.

Но такая тактика, всегда свойственная истинному социализму, не есть оппортунизм, даже не есть гениальный оппортунизм, а есть лишь чуткая близость к реальному, всегда характерная для марксизма. Называть это оппортунизмом, значит просто злоупотреблять понятиями. Оппортунизмом всегда называлось приспособление к окружающему ради мелких, узких, часто личных целей и подчинение этим мелочам жизни основного и главного.

Удачливый оппортунизм, называемый гениальным, очень нравится нашему драматургу. Пускай.—Значит, у него имеется еще большой запас героев а ля Кромвель, но не к чему защищать свое платоническое пристрастие к людям не слова, а дела ссылками на Ленина. Поистине, ничем нельзя больше напутать в понимании гибкой реальной коммунистической тактики, чем такими скороспелыми аналогиями.

6.

В группе исторических коммунистических пьес трагедии, конечно, займут одно из самых видных мест, потому что трагическое наиболее созвучно революционному пролетариату. На трагедию в эпоху нашей революции почему-то было обращено крайне мало внимания при работах над новым репертуаром.

Но исторические пьесы коммунистической драматургии не могут ограничиться одними трагическими сюжетами.

Прежде всего именно история даст богатый материал для массовых спектаклей под открытым небом («пэджентов»). Питерские постановки этого рода в первую очередь использовали именно исторический материал. Драматургам открыто обширное поле для создания сценариев для массовых постановок.

История даст материал и сюжет и для других видов пьесы: для драм, комедий, сатир, пантомим и т. д. Все эти виды театральных представлений отнюдь не следует выносить за скобки. Чем разнообразнее будет подход к историческому материалу (в смысле формы театрального его использования), тем благотворнее разовьется новая драматургия.

Кроме чисто исторических тем, драматурги-коммунисты могут широко использовать темы символические и чисто идеологические.

Символика новой драматургии явится тем художественным методом обобщения, который будет особенно доступен даже широкой массе. Но само собою понятно, что мы разумеем здесь новую символику, а не ту театральную игру со старыми символами, которая, напр., имеется в «Иване в раю». Интересно, что футурист Маяковский даже старую символику («Ковчег», «Чистые и нечистые») сумел использовать революционно, а пьеса «Иван в раю» дала образец того, как автор-коммунист увязает в архаической символике и отживших мировоззрениях.

В разряды пьес идеологических войдут произведения, отображающие, так сказать, теоретическую мысль марксизма. Я разумею не только пье-

сы a thèse. Нет. Я полагаю, что мы можем рискнуть показать новому зрителю театральное отображение наших партийных дискуссий, нашей идеологической борьбы с другими учеными и т. д. В таких пьесах интерес зрителя будет подтверждаться не развитием театрального действия, а именно диалектическим ходом самой дискуссии. Это будет, так сказать, театрализованный митинг, съезд партий, заседание Ц. К., дискуссионное собрание.

Мне скажут—это будет скучно. Я этому не верю. Будет скучно для обывателя, это правда. Но будет интересно для всякого, кому затрогиваемые вопросы близки.

Некоторую аналогию могут дать пьесы Шоу, где интересный, остроумный диалог, дискуссия часто занимает все внимание зрителя.

Но могут быть, конечно, и другие виды идеологических пьес,—пьесы агитационные, психологические и пр. Общая особенность этих пьес в том, что в той или иной форме отражают идеологию коммунизма, художественно выявляют его проблемы, дают картины нового быта или новых душевных трагедий, образцы будущего общества и т. д.

Таковы некоторые из возможных областей для коммунистической драматургии. Мы ощупью идем сейчас в этой «области», и мы часто бредем розно, но думаю—в этой идеологической борьбе и ожесточенной полемике мы сумеем наметить основные принципы для только что начатой работы по созданию коммунистической драматургии.

Стокгольм.

ПИСЬМО В РЕДАКЦИЮ ЖУРНАЛА „ПЕЧАТЬ И РЕВОЛЮЦИЯ".

Уважаемый товарищ редактор!

Вы любезно прислали мне статью Керженцева «О коммунистической драматургии» и предложили мне дать ответ на нее, как обращенную против моей практики и теории, в качестве коммунистического драматурга. К сожалению, статья ни в какой мере не расположила меня к ответу. Предоставляя Вам полное право напечатать ее к сведению читателя, я вместе с тем воздержусь от всякого ответа, кроме этих нескольких строк, поясняющих причину его отсутствия.

Хороший читатель сам разберется.

С коммунистическим приветом

А. Луначарский.

МАРКСИЗМ И ИМПЕРИАЛИЗМ.

Ф. Капелюш.

Под таким заглавием проф. истории в Кельнском университете И. Хасгаген дает довольно полный обзор марксистской литературы об империализме [1]); впрочем, русская литература, в том числе труды М. Павловича, осталась вне его кругозора. Это первая такая попытка со стороны буржуазной науки и на ней стоит остановиться.

Хасгаген начинает указанием на то, что во время Маркса и Энгельса империализм не достиг еще полного развития; «для старого марксизма империализм был еще отчасти как бы понятием из области внутренней политики, тесно связанным с цезаризмом: в борьбе против второй империи Наполеона III и против русского царизма на первый план выступал политический момент». Сообразно с этим Хасгаген называет современную марксистскую литературу об империализме «ново-марксистской» и констатирует, что она возникла лишь очень поздно. Первым по времени писателем, занявшимся темой империализма, оказался не марксист, а буржуазный пацифист и фритредер И. Гобсон со своей книгой Jmperialism, a study. 1902. Лишь русско-японская война дала толчок к развитию ново-марксистской литературы об империализме. Так в 1907 г. появляется книга Отто Бауэра «Национальный вопрос и социал-демократия», а в 1910 г. «Финансовый капитал» Гильфердинга, оба в венских Marxstudien: поэтому Хасгаген говорит об «австро-марксистской» школе. Книга Розы Люксембург «Накопление капитала, опыт экономического объяснения империализма» появилась уже накануне самой войны, в 1913 году.

В книге Бауэра центр тяжести переносится на понятие Wirtschaftsgebiet, экономической области, рынка. Оно стало центральным пунктом. А Гильфердинг объявляет главным носителем империализма финансовый капитал. В основе империализма лежит экспорт капиталов. Эта фаза капитализма нуждается в более или менее ярко выраженном политическом подчинении мало развитых стран с колониальным характером, служащих рынками. В этом духе определяют империализм также Brailsford, The war of steel and gold, 3 изд. 1915 и L. Baudin, Socialism and war, 1916. Итак, в отличие от «старого марксизма», который видел в империализме, главным образом, его политическую сторону, «ново-марксистское» учение подчеркивает экономический базис и характер империализма. Впрочем, Хасгаген находит между обоими учениями точки соприкосновения; оба они одинаково отмечают в империализме момент национализма и милитаризма. Что касается последнего, то от Хасгагена ускользнуло, однако, что со времен Наполеона III сам милитаризм преобразился,

[1]) Prof J. Hashagen. Marxismus und Jmperialismus. Iabücher für Nationalökonomie und Statistik. 1919. Septemberheft.

тоже превратился отчасти в экономическую самоцель тяжелой индустрии. Новый империализм носит даже чисто классовой характер. В этом смысле в 1908 г. во время марокканского кризиса Густав Эрве (впоследствии социал-патриот чистейшей воды) в своей «Leur patrie!» разоблачает патриотизм, а Паннекук («Neue Zeit», 1913) заявляет: «борьба классов в своей самой общей и всеобъемлющей форме есть ныне империализм».

В своей критике ново-марксистских учений об империализме Хасгаген пытается во что бы ни стало вскрыть их «противоречия». В этом деле застрельщиком его является Эдуард Бернштейн и в первую голову перепадает пишущему эти строки [1]). «Согласно Капелюшу, торговая политика финансового капитала была либеральной и фридредерской; согласно Гильфердингу, она протекционистична и империалистична» (Бернштейн, «Sozialist. Monatshefte», 1911). Пользуюсь случаем, чтобы ответить здесь моим критикам. Они выхватывают из контекса один отдельный момент, умалчивают его предпосылки и мотивировку и обобщают его по-своему. У меня речь шла о конкретной разнице между экспортом капитала в развитые капиталистические страны Европы и экспортом товаров в полуколониальные внеевропейские страны. При этом я исходил из опыта Англии, имел в виду главным образом ее. Английский вывоз товаров все более направлялся в колониальные страны; так в 1886—1890 г.г. английский вывоз товаров в Европу составлял 68, 31% английского вывоза из Европы, то же отношение в торговле с Соединенными Штатами составляло 47,87%, с колониальными владениями Англии, однако, целых 99%, а с прочими внеевропейскими странами даже 124,25%. Согласно с этой характерной тенденцией я писал тогда: программы приемников вигов иториев, так наз. радикалов и консерваторов, не покоятся уже как прежде на противоположности интересов землевладения и промышленности; обе большие буржуазные партии в современной Англии скорее различаются между собой, как сторонники и противники интенсивной колониальной политики, другими словами, империалистических планов. Сторонники такой политики, писал я,—стоят за осуществление английского влияния с помощью военной силы, колониальные рынки сбыта легче могут быть приобретены военной силой, нежели рынки цивилизованных стран. Эта политика представляла собой интересы английского экспорта товаров, все более направлявшегося в колонии, тогда как английский экспорт капиталов,

[1]) Речь идет о моей работе, появившейся в «Neue Zeit» в 1897 г. Проф. Хасгаген замечает, что она «счастью предвосхитила» (manches vorweggenommen) позднейшие учения австромарксисткой школы. Что не мешает, однако, профессору истории несколькими строками ниже ошибиться в «хронологии» и заявить, что русский марксист Капелюш работает в духе Маркса и Гильфердинга (!). Это последнее, несмотря на то, что книга Гильфердинга вышла лишь 13 лет спустя после моих статей. На русском языке я изложил содержание их в статье «Экономика и политика» в «Современном Мире» за 1908 г. Бернштейн ответил мне в «Neue Zeit» в 1897 г., возвращается к этому в каждом издании своей книги «Zur Geschichte und Theorie des Sozialismus» и считает вопрос достаточно злободневным еще незадолго до мировой войны.

направлявшийся, главным образом, в молодые капиталистические страны Европы и С. Америки, напротив, был заинтересован в самостоятельном развитии этих стран, даже извлекал выгоды из их протекционизма, побеждал дешевизной английского капитала и не нуждался в завоевательной политике. Я предполагал далее, что английские консерваторы являлись (в то время) представителями промышленного капитала, а радикалы—представителями финансового капитала. Этим я объяснял тот факт, что консерваторы были сторонниками, а радикалы—врагами империалистической, колониальной политики.—«Разумеется,—добавлял я,—это лишь общая тенденция, а не резко отмежеванные факты, мы лишь в общих чертах намечаем совершающийся ныне исторический сдвиг, взаимно переплетающиеся и перекрещивающиеся интересы не всегда могут быть объяснены по этой схеме». Против этих рассуждений Бернштейн ссылается на тот факт, что финансовая аристократия Англии находилась тогда всецело в лагере консерваторов и юнионистов—либералов. Впрочем, Бернштейн вообще отрицает целесообразность противоставления интересов финансового и промышленного капиталов, как особых экономических и социальных категорий. «Противоположность между промышленностью и финансами,—говорит он,—отнюдь не более велика, чем между одной отраслью промышленности и другой. Именно самые крупные финансовые тузы владеют вперемежку как промышленными акциями, так и государственными ценными бумагами. На политическую и партийную физиономию принадлежность к определенной группе интересов оказывает теперь влияние лишь в исключительных случаях. Финансовый капитал не есть однородная сущность, промышленность проникнута слишком разнородными интересами, чтобы придать вложенному в нее капиталу финансового мира эту единую сущность». Разумеется, при такой точке зрения Бернштейн должен сводить на-нет всякую попытку экономического объяснения империализма. Но верно или не верно было мое предположение относительно тогдашней группировки английских партий, суть не в этом, и такие факты как-то, что в Палате Общин на 14 банкиров из консервативной партии приходился лишь один банкир-либерал, нисколько не меняют дело. Во всяком случае мое предположение относилось только к Англии, даже более того—к определенному периоду ее экономической истории, и построено было с одной стороны на характерном для Англии расчленении ее вывоза на вывоз товаров преимущественно в колонии и капитала в Европейские страны, с другой стороны, на более легкой возможности военного воздействия в колониях, нежели в Европе. Бернштейн же и Хасгаген, абстрагируя от всего этого, приписывают мне обобщение, что политика финансового капитала вообще анти-империалистична всегда и везде. Между тем, я уже для того времени констатировал на основании фактов, что вывоз капитала, поскольку он направляется не в развитые капиталистические страны, а в страны с полуколониальным характером, напротив, в гораздо большей степени, нежели вывоз товаров, делает возможным и необходимым политическое и военное давление. Империализм не

есть мертвая формула, в нем возможны самые разнообразные сочетания, и упрек в канонизировании, догматизировании марксизма я возвращаю Берштейну, точно так же как иронический титул «историко-теоретического Кювье».

В настоящее время, после мировой империалистической войны произошла некоторая смена декораций; экспорт капитала снова, по-видимому, облюбовал европейские страны, а именно государства т. наз. Малой Антанты. Англия предлагает Юго-Славии заем для постройки ж. дор. от Дуная к Адриатическому морю с условием, что материалы будут заказаны в Англии. Английские банки при помощи давления со стороны своего правительства и вызвав бурю негодования в Сербской печати добиваются отдачи им всего морского транспорта Юго-Славии за чечевичную похлебку в 1 миллиард динаров, предоставляемых в распоряжение белградского правительства. Вообще после войны Балканские страны являются эльдорадо банкиров Антанты; впрочем, даже в Вене всецело господствуют теперь английские и французские банки. Франция не отстает от Англии. «Лионский Кредит» стремится получить в свои руки судоходство по самому большому озеру Венгрии. Французский консорциум финансирует своими капиталами портовые работы на Саве, в Белграде, Шабаце и Семендрии: Шнейдер—Крезо финансирует портовые работы в Будапеште. В Венгерские казенные ж. д. французы вложили миллиард франков. По своей экономической подоплеке мировая война, быть может, еще в большой степени была войной из-за Дуная и Ближнего Востока, нежели из-за гегемонии на море [1]). Аналогичные факты наблюдаются также в Чехо-Словакии; французские капиталы претендуют взять в концессию все муниципальные предприятия Праги и даже всю казенную железно-дорожную сеть страны,—об этом ведутся теперь переговоры с правительством Чехо-Словакии.

Итак, если для экспорта капитала в европейские страны четверть века тому назад была всего целесообразнее фритредерская платформа, то теперь экспорт капитала в страны Малой Антанты происходит на почве, удобренной кровью миллионов жертв войны, на почве военного воздействия и политического влияния. Английский капитал не побеждает уже, как прежде одной своей дешевизной, ему пришлось предварительно вытеснить германскую конкуренцию военной силой и создать себе предпосылки политических сфер влияния в Европе. С другой стороны, если взять для примера Китай, страну с несомненно полуколониальным характером, то экспорт европейских и американских товаров в Китай, напротив, все более требует теперь политики «открытых дверей», в отличие от того, как было четверть века тому назад. Фритредердерская политика открытых дверей выгодна Америке и Англии в Китае, но Франции нужна политика «железного кулака» в Сирии. С своей стороны, как показала Вашингтонская конференция, даже «открытых две-

[1]) См. об этом мою статью: Полканы и барбосы империализма (экономическое соперничество в рядах Антанты). «Петрогр. Правда», 26. IV. 1921.

рей» приходится добиваться от Японии империалистическим путем. Как видим, палка о двух концах, и Хасгаген вместе с Бернштейном слишком поспешно делают свои заключения и обобщения. В чрезмерной схематизации повинны не мы марксисты, а наши критики. Противоречия, сконструированные Берштейном, на самом деле не противоречия в теории, а всесторонний охват ею всех диалектических противоречий в действительсти. Однако, при всем своем богатстве красок, картина империализма как последней фазы к развитии капитализма, вполне ясна для марксиста.

В свое время мы приводили следующий факт: Парижский Учетный Банк ссудил несколько миллионов полу-дикому «правительству гавасов» в Мадагаскаре, хотя (или именно: потому что) можно было заранее предвидеть, что оно не станет платить проценты, тогда Франция послала свои войска в Мадагаскар и завоевала остров. С одной стороны, финансовый капитал послужил здесь орудием в целях милитаризма, с другой стороны, милитаризм используется здесь, чтобы добыть проценты для финансового капитала. Это типичный пример диалектических взаимодействий империализма.

Далее Хасгаген обвиняет ново-марксистскую доктрину в односторонности; связывая империализм с экспортом капитала, она будто бы игнорирует экспорт товаров и вообще все нефинансовые факторы. Однако мною уже в 1897 году приводились факты о том, как займы Китаю, Турции и др. заключались под обязательным условием, что на полученные деньги должник закажет товары у своего кредитора. Мы видели пример этого в наше время на предложении англичан юго-славянскому правительству займа для постройки ж. д. от Дуная до Адриатического моря. Уже четверть века тому назад экспорт капитала, займы служили каналом для экспорта товаров. Вывоз Англии в Австралию с самого начала происходил на занятые английские деньги.

Хасгаген утверждает, что ново-марксистское учение о связи империализма с господством финансового капитала ошибочно или во всяком случае односторонне. «В главной империалистической стране мира, Англии,—говорит он,—факты всем известные опровергают специфически империалистическую, завоевательную роль финансового капитала». Однако Хасгаген не приводит ни одного из таких «общеизвестных» фактов и ссылается лишь на «фритредерство» Англии и на столь же голое утверждение Бернштейна, что «даже в развитых империалистических странах банковый капитал, подчинивший себе промышленность, не является правилом, во всяком случае не в Англии: он скорее явление чисто континентальное, где прообразом его был Credit Mobilier братьев Перейра». На нет суда нет. Где не приводят конкретных аргументов, там нельзя спорить.

Легче позиция Хасгагена в другом вопросе—в постулируемой Гильфердингом связи между империализмом и протекционизмом. Еще в 1903 году, в статье Der Funktionswechsel des Schutzzolles («Neue Zeit»), Гильфердинг доказывает, что протекционизм от временной, оборонительной роли переходит к постоянной агрессивной в картелях. Гильфер-

динг связывает этот расцвет протекционизма с всемогуществом финансового капитала. Ревизионисты из «Sozialistische Monatshefte» возражают ему, однако, что «во всех странах именно финансовый капитал явно стоит за свободу торговли». Еще рельефнее реплика Шиппеля по адресу Хемницкого партейтага: «Можно держать в соединении большие и малые империалистические мировые комплексы как путем свободы торговли, так и путем протекционистских пошлин. В этом смысле существует как фритредерский, так и протекционистский империализм. Грей, Асквит, Винстон Черчилль—империалисты и при этом горячие враги протекционистской кампании Чемберлена». Действительно, точка зрения Гильфердинга здесь слишком узка и суммарна. Англия и в этом вопросе является камнем преткновения. «Главная империалистическая страна мира в то же время является страной свободной торговли» (проф. Бунцель, Archiv für Sozialwissenschaft, 1917).

В связи с своим подчеркиванием протекционизма в империализме Гильфердинг постулирует для империализма всемогущество картелей. Это приближается к теории Ленина об империализме, как монопольном капитализме. Тот же Шиппель возражает Гильфердингу указанием на то, что в Англии при наибольшем колониальном расширении меньше всего развиты монополистические картели; точно так же, хотя колониальные владения Франции обширнее германских, картели развиты в Германии больше, чем во Франции.

Ссылаясь на то, что территориальное расширение Северо-Американских Штатов и России происходило задолго до нашего времени с его империализмом, Шиппель заключает об ошибочности ново-марксистского учения, связывающего господство финансового капитала (трестов и монополий) с колониальной политикой. Шиппель упускает из виду, что «империализм» царской России далеко не может быть отождествлен с империализмом современного буржуазного мира. Он впадает в ту же ошибку, как профессор Шумпетер («Archiv für Sozialwissenschaft, 1918—1919), который смешивает воедино «империализм» всех эпох, так и озаглавливает свою работу: «Социология империализмов» во множественном числе и делает экскурсии даже в глубокую классическую древность, при чем это поучительно услышать от буржуазного профессора—и для тех времен констатирует классовый характер империализма. Отметим также вышедшие в 1910 году исследования проф. Онкена об «Эпохах Северо-Американского империализма».

В этом отношении Хасгаген ближе подошел к сути дела своим различением между империализмом во время Маркса и Энгельса и в наше время. Однако не всякое колониальное расширение есть империализм в том смысле, как понимают империализм марксисты. Вообще нельзя расчленять империализм на его отдельные факторы: колониальную политику [1]), экспорт капитала, протекционизм и т. д. Эти факторы ме-

[1]) Ценный материал по вопросу о колониальной политике Франции дает Arthur Girault, The Colonial Tariff Policy of France, Oxford 1916 (см. таке Prof. Lujo Brentano, Die französishe Kolonialpolitik, ein Hemmnis des Volkerbundes 1919). Когда

няют свою физиономию в зависимости от исторической ситуации за последнюю четверть века. Мы видели это на роли военного и политического воздействия при экспорте капитала в европейские страны четверть века тому назад и ныне, после мировой войны. Весь подход Хасгагена к проблеме империализма, рассматривающий отдельно каждый из этих признаков империализма, в корне не правилен. Нынешний империализм надо брать как целое, как последнюю стадию мирового капитализма, как кульминационную точку его развития и в то же время тупик, из которого ему нет выхода. В этом отношении Хасгаген ограничивается только указанием на противоречие между Гильфердингом, считающим империализм самой развитой стадией капитализма, и Мерингом Weltmarkt und Weltkrach, 1910, который, напротив, видит признак развитого капитализма в антиимпериализме. Впрочем, Меринг в этом отношении стоит особняком. Даже Генрих Кунов (Parteizusammenbruch, 1915) называет империализм «потенцированным, возведенным в степень, капитализмом».

В заключение отметим, что в доказательство своей тезы о «чрезвычайно позднем и в известной степени форсированном (überstürzt) происхождении ново-марксистской доктрины об империализме» Хасгаген ссылается на итальянца Лабриолу. Последний подчеркивает, что вышли бесчисленные новые издания «Коммунистического Манифеста», а между тем ни в один из них не было внесено дополнение в том смысле, что вместо утверждаемого в «Манифесте» ослабления и стирания экономических границ наступило в наше время все растущее взаимное обособление в экономической области, протекционизм и империализм. Из уст буржуазного ученого Хасгагена характерно слышать, что «игнорирование проблемы империализма» отчасти вытекало из патриотического духа германской социал-демократии, который, как нельзя лучше, предсказан был еще в 1907 г. тоже буржуазным ученым Робертом Михельсом в очень яркой и меткой статье: «Die deutsche Sozialdemokratie im internationalen Verbande». Это не мешает, однако, Хасгагену сетовать на то, что марксизм не занялся любовно итальянским и, в особенности, японским «народным империализмом». Так Хасхаген именует социал-империализм, свою теорию колониального расширения государства в интересах всего населения. Впрочем, даже Шумпетер, тоже пытающийся построить свою положительную теорию «универсального» империализма, считает этот народный империализм вздором (Unsinn). Появившийся в начале войны памфлет Карла Лейтнера, редактора венской «Рабочей Газеты», о русском народном империализме—последний представляется автору чем-то вроде агрессивного панславизма на экономической почве—был забракован даже ближайшими коллегами Лейтнера по венскому журналу («Der Kampf»).

Франция не могла уже продолжать своей старой, примитивной колониальной политики, просто-на-просто запрещавшей колониям торговать с кем-либо, кроме метрополии, она прибегла в колониях к протекционистским пошлинам чисто запретительного характера.

ИЗ ПЕРЕПИСКИ К. МАРКСА с Ф. ЭНГЕЛЬСОМ.

Отрывки из писем Маркса печатаемые ниже, рисующие его, как мыслителя и революционера, взяты из четырехтомного издания переписки Маркса и Энгельса [1]).

В первом из помещенных здесь отрывков Маркс пишет о чартистском собрании, на котором он выступил с речью. Отрывок из речи на чартистском собрании, взятый из сборника изданного Дитрихом (Dietrich Marx Brevier) помещен вслед за этим письмом. В письме Маркс иронизирует по поводу старого вейтлинговца Шерцера, в своей мелко буржуазной ограниченности, считавшего буржуазную университетскую путаницу настоящей «наукой» и не подозревавшего, что для действительного теоретического мышления эта путаница приносит только вред, что подвергавшийся университетской обработке человек, зараженный идеализмом, должен основательно освободиться от привитых ему анти-научных навыков, иначе он для теоретического мышления погиб. Остолопы из Виндмилля — это та фракция революционеров эмигрантов, зараженных идеализмом и мелко-буржуазной революционностью, которая во главе с Шаппером и Виллихом разошлась с Марксом и Энгельсом в сентябре 1850 г. Сущность разногласия сводилась к тому, что Маркс, твердо стоявший на строго научной материалистической точке зрения, настаивал на необходимости постоянно учитывать всю конкретную обстановку и применительно к ней строить свою революционную тактику. Фракция же Шаппера и Виллиха в своих рассуждениях пользовалась не материалистическим, а идеалистическим методом. Для них движущей силой революции являлись, по словам Маркса, «не действительные отношения, а просто их желания». Такие революционеры обычно блистают левизной. Но для действительного развития революции они приносят вред, потому что их левые лозунги — пустые фразы, сбивающие с толку. В этом же отрывке замечательно место, где Маркс говорит о том, что для успешной революции необходимо, чтобы в ней приняло участие крестьянство. Только тогда пролетарская революция победит, когда ей будет оказана поддержка в некотором роде «вторым изданием крестьянской войны».

В письме от 8/X 1858 г. Маркс отмечает начало революции в России, где назревала та самая «крестьянская война», которая в 1917 году поддержала пролетарскую революцию и создала такое положение, что с точки зрения развития революции «все было прекрасно». Маркс и Энгельс, умевшие видеть действительность такой, какова она есть на самом деле, понимали, что изо всех европейских стран Россия является той страной, в которой создается самое революционное положение и что инициатива революционного движения будет исходить из России. Еще 23/V 1851 года Энгельс писал Марксу, что как только Россия будет захвачена аграр-

[1]) Briefwechsel zwischen Friedrich Engels und Karl Marx 1844 bis 1883. B-de I—IV, Stuttgart 1913.

ной революцией, так Польша потеряет всякое значение в качестве революционного фактора. В письме от 14/IV 1856 г. Энгельс пишет Марксу: «Теперь открывается последняя фаза мошенничества; Россия вводит капитал и спекуляцию и вот на этих тысячеверстных пространствах, по тысячеверстным железным дорогам мошенничество успеет так развиться, что очень скоро сломит себе шею. Когда мы услышим о великой иркутской магистрали с ветками к Пекину и т. д., тогда наступит время собирать наши пожитки. На этот раз будет такой неслыханный крах, какого еще не бывало. Все элементы на-лицо; интенсивность, всеобщая распространенность и вовлечение в кризис всех владеющих и господствующих общественных слоев».

13 декабря 1859 г. Маркс писал Энгельсу: «В России движение зашло дальше вперед, чем во всей остальной Европе. С одной стороны, часть дворянства сторонники конституции против императора, с другой—крестьяне против дворянства. Наконец, и Александр также понял, что поляки ничего не хотят слышать о том, чтобы раствориться в славяно-русской национальности, и сильно рассердился. Исключительные успехи русской дипломатии за последние 15 лет и особенно с 1849 г. теперь почти сглажены. В ближайшей революции Россия с большой готовностью примет участие».

В письме от 11/I 1860 г. Маркс опять возвращается к вопросу о русской революции. «По моему мнению,—пишет он,—там, из всего происходящего сейчас в мире—величайшее,—это, с одной стороны, американское движение рабов, начавшееся смертью Джона Брауна, с другой стороны, движение рабов в России. Ты увидишь, что дворянство в России ударилось непосредственно в конституционную агитацию и два или три человека из знатнейших семейств отправились уже в Сибирь. В то же время Александр испортил свои отношения с крестьянством, заявив в последнем манифесте буквально, что коммунистическое начало должно исчезнуть вместе с освобождением. Таким образом открылось «социальное» движение на Западе и на Востоке. Это будет грандиозно вместе с предстоящим крушением в центральной Европе». В письме от 13/II 1863 г. Маркс опять замечает, что на этот раз надо надеяться, «Лава польется с востока». См. также письмо Маркса к Зорге от 27/IX 1877 г.

Из отрывка от 8/X 1858 г. видно, что Маркс не сомневался в социалистическом характере будущей революции; «на континенте революция неизбежна и примет немедленно социалистический характер». Он не сомневался тогда, что условия для этого созрели. Это он писал в начале 2-ой половины XIX века.

Что же сказал бы Маркс, если бы он узнал, что люди, прикрывающиеся его именем, выдающие себя за наиболее ученых и строгих представителей его взглядов, как это делают меньшевики в двадцатом столетии, когда долго жданная революция, наконец, наступила, когда капиталистическое мошенничество основательно сломило себе шею на тысячеверстных пространствах России, эти господа все еще считают, что еще не пора, что для пролетарской диктатуры условия «еще не созрели». Кто мог бы

теперь раздавить коммунистическую революцию в Западной Европе, когда в России правительство коммунистическое?

Очень ценен в теоретическом отношении отрывок от 28 янв. 1863 г. В нем указания к вопросу, как Маркс смотрел на процесс развития производительных сил.

В отрывке от 7/VII 1866 г. интересен отзыв о Конте.

В. Адоратский.

I.

Лондон, 16 апреля 1856 г.

Третьего дня был небольшой банкет по случаю годовщины «Peoples Paper». На этот раз я принял приглашение, т. к. мне это показалось своевременным. Я согласился присутствовать тем более, что из всей эмиграции приглашен был я один (это было объявлено в газете) и первый тост пришлось говорить мне, именно я должен был провозгласить суверенитет пролетариата во всех странах. Я произнес небольшую английскую речь, которую я не напечатаю. Поставленная мною цель достигнута. Г-н Таландье, которому пришлось покупать билет за $2^1/_2$ шиллинга, и остальная французская и прочая эмигрантская банда убедилась, что мы являемся единственными «истинными» союзниками чартистов и что, если мы воздерживаемся от публичных демонстраций и предоставляем французам публично заигрывать с чартистами, то все же в нашей власти снова занять исторически подобающее нам место. Это было тем более необходимо, что на митинге 25 февраля, под председательством Пиа, о котором я писал, выступил немец Шерцер (old boy, старик) и сделал донос в истинно-отчаянном штраубингеровском стиле на немецких «ученых», «умственных работников», которые покинули их остолопов (Knoten) и заставили их, по сравнению с другими нациями, осрамиться. Ты, конечно, знаешь Шерцера по Парижу. Я снова имел несколько свиданий с другом Шаппером и нашел в нем кающегося грешника. Замкнутая жизнь, которую ведет он за последние два года, повидимому, довольно обострила его духовные силы. Ты понимаешь, что на всякий случай всегда хорошо иметь человека под рукой, а еще лучше извлечь его из рук Виллиха. Шаппер в большой ярости на остолопов из W. (Виндмилля).

Я совершенно согласен с твоим взглядом на Рейнскую провинцию. Роковое для нас это то, что я, заглядывая в будущее, вижу там нечто такое, что будет сильно пахнуть «изменой отечеству». От оборота дел в Берлине будет сильно зависеть—не придется ли нам занять такое же положение, какое заняли в старой революции Майнцские клубисты [1]).

[1]) Маркс намекает здесь на членов Якобинского клуба в городе Майнце, которые примкнули к французским революционным войскам, занявшим Майнц в 1792 г. В 1793 г. немцы взяли его обратно после знаменитой осады. В будущем Маркс предвидит возможность такого случая, что революционный пролетариат овладеет властью во Франции—и ему придется вести революционную войну против Германии, где пролетариат еще не завоюет власти. Тогда передовые пролетарии Германии окажутся в положении Майнцских якобинцев в 1892—93 г.

Это будет жестоко. Нам, так хорошо осведомленным о наших храбрых братьях по ту сторону Рейна! Весь ход дела в Германии будет зависеть от возможности оказать поддержку пролетарской революции, так сказать, вторым изданием крестьянской войны. Тогда все будет прекрасно.

Хотя Маркс и не собирался напечатать текста своей речи, но до нас дошла его речь на Чартистском собрании 1856 г. Отрывок из нее напечатан в небольшом сборнике цитат из произведений Маркса (Marx Brevier), изданном Дитрихом. Вот этот отрывок:

Так называемые революции 1848 г. были только небольшими эпизодами, ничтожными трещинами и складками на твердой коре буржуазного общества. Но они вскрыли пропасть. Они обнаружили под казавшейся твердой поверхностью огромный океан, которому нужно только разлиться, чтобы разбить в куски целые материки. Эти революции шумно и беспорядочно объявили об освобождении пролетариата, т.-е. объявили тайну XIX века и его революции. Правда, эта революция не была изобретением 1848 года. Пар, электричество и автоматические двигатели были революционерами гораздо более опасного характера, чем граждане Барбес, Распайль и Бланки. Но хотя атмосфера, которой мы дышим, давит на каждого из нас тяжестью в 20.000 фунтов, чувствуете ли вы это? Существует великий факт, характерный для XIX века, факт, которого ни одна партия не может отрицать. С одной стороны—пробуждены к жизни такие промышленные и научные силы, о каких ни один из предшествовавших периодов истории и не подозревал. С другой стороны—заметны признаки упадка, оставляющие далеко позади себя все ужасы пресловутых последних времен Римской империи. В наше время всякая вещь кажется мрачнее на-ряду со своею противоположностью. Машина одарена чудесной силой сокращать и делать плодотворнее человеческий труд. Но она вызывает голод и истощение. Освобожденные силы богатства, благодаря странной игре судьбы, становятся источниками лишений. Победы искусства, повидимому, куплены ущербом для масс. Человек овладел природой, но он стал рабом человека, стал рабом своей собственной подлости. Даже, повидимому, чистый свет науки может сиять лишь перед темной пропастью невежества. Результат всех наших изобретений и нашего прогресса, повидимому, тот, что материальные силы наделяются духовной жизнью, а человеческое существование оглупляется до степени материальной силы. Это игра противоположности между современной промышленностью и наукой здесь и современной нищетой и упадком там. Это противоречие между хозяйственными силами и общественными отношениями нашего времени есть факт, осязательный, подавляющий и неоспоримый факт. Пусть находится множество партий, которые это оплакивают. Другие пусть желают отделаться от современных усовершенствований для того, чтобы отделаться от современных конфликтов. Или пусть они себе воображают, что полный, очевидный прогресс в хозяйстве требует для своего усовершенствования такого же очевидного регресса в политике. Мы, со своей стороны, прекрасно знаем того хитрого духа, который неутомимо

продолжает разрабатывать все эти противоречия. Мы знаем, что новые силы общества требуют только новых людей для того, чтобы выполнять доброе дело—и эти люди—рабочие. Они такой же продукт современности, как и сама машина. В тех признаках, которые приводят в смятение буржуазию, дворянство и жалких пророков регресса, мы открываем нашего доброго друга, нашего Робина Гуда, старого крота, который так быстро умеет взрывать землю—Революцию. Английские рабочие—это первенцы современной промышленности. И они поэтому будут не последними среди тех, которым придется помогать продукту этой промышленности—революции. Эта революция означает освобождение всего их класса во всем мире: она так же международна, как господство капитала и наемное рабство. Я знаю геройские битвы, которые вели английские рабочие с середины прошлого столетия. Битвы, слава которых меньше распространена, оттого что буржуазные историки оставляли их в тени и замалчивали. В Германии, в средние века, существовал тайный трибунал «Fehmgericht», для того, чтобы мстить за злодеяния господствующх. Если замечали на доме красный знак, то знали, что хозяин дома подпал под действие этого суда. В настоящее время на всех домах Европы стоит таинственный красный крест. Сама история теперь судит, а исполнитель ее приговора—пролетариат.

II [1]).

25 сентября 1857 г.

История военного дела дает возможность всего нагляднее подтвердить правильность нашего воззрения на связь производительных сил и общественных отношений. Вообще армия очень важна для экономического развития. Например, заработная плата впервые развилась вполне в армии, у древних. Равным образом у римлян лагерное имущество (peculium castrense) явилось первой правовой формой, в которой стали признавать движимую собственность не отцов семейства. Также цеховой порядок корпорации Fabri (ремесленники при войске). Также здесь впервые в крупных размерах применение машин. Даже особая стоимость металлов и их роль как денег, повидимому, первоначально основывалась на их военном значении, после того как миновал Гриммовский каменный век. Точно так же и разделение труда *внутри* одной отрасли промышленности было впервые проведено в армиях. Тут в сжатом виде—вся история буржуазных общественных форм. Если у тебя когда-нибудь будет время, ты должен разработать этот вопрос с этой именно точки зрения.

Единственными пунктами твоего изложения, заслуживающими по моему мнению пересмотра, являются следующие:

1) Первое законченное образование наемного войска в крупном размере и сразу—у Карфагенян (я прогляжу сочинение одного берлинца, о котором я узнал позднее).

[1]) В этом письме Маркс пишет по поводу статьи Энгельса «Армия» для энциклопедического словаря The new American Cyclopaedia. Edited by George Ripley & Charles A. Dana.

2) Развитие военного дела в Италии в XV и в начале XVI ст. Здесь выработались тактические ухищрения. Кстати, у Маккиавелли имеется полное юмора описание способов, какими сражались друг с другом кондотьеры, в его истории Флоренции. Я сделаю тебе выписку. Впрочем, лучше привезу с собой том Маккиавелли, когда приеду к тебе в Брайтон. Его история Флоренции высоко-мастерское произведение.

Наконец, 3) азиатское военное дело, как оно впервые встречается у персов, но впоследствии претерпевает различные изменения у монгольских, тюркских народностей и у других.

III.

Пятница, 8 октября 1858 г.

При оптимическом обороте мировой торговли в данный момент (хотя громадные скопления денег в банках Лондона, Парижа и Нью-Йорка доказывают, что дела еще не совсем в порядке) утешительно, по крайней мере, то, что в России *началась революция*, ибо я считаю началом ее созыв «нотаблей» в Петербурге. И в Пруссии дела теперь находятся в гораздо более худшем положении, чем в 1847 г. и жалкие иллюзии, в роде якобы склонности прусского наследника покровительствовать среднему классу, осуждены на крушение. Французам далеко не повредит, когда они увидят, что мир движется и без них. Одновременно имеются движения среди славян, хотя бы в Богемии, которые хотя и контр-революционны, но все же являются ферментом движения.

Какой бы ничтожной ни была русская война 1854—1855 г.г. и как ни мало повре дили ее последствия русским (только туркам), все же она, очевидно, ускорила поворот дела в России. Единственное обстоятельство, сделавшее немцев в их революционном движении зависимыми от Франции, было поведение России. С началом движения в Московии эта неприятная вещь перестает существовать. Как только положение получит там несколько более осязательное развитие, мы получим подтверждение, насколько правды или неправды наговорил статский советник Гакстгаузен по поводу «чиновников» и выдрессированных чиновниками крестьян.

Нельзя отрицать того, что буржуазное общество во второй раз пережило свое шестнадцатое столетие. И это второе шестнадцатое столетие, я надеюсь, является похоронным звоном, подобно тому, как первое толкало к жизни. Собственно, задача буржуазного общества заключается в том, чтобы установить мировой рынок, хотя бы в общих чертах, и установить производство, покоющееся на его основе. А так как мир круглый, то, как мне кажется, с колонизацией Калифорнии и Австралии и с открытием дверей Китая и Японии это дело закончено. Трудным для нас вопросом является следующий: на континенте революция неизбежна и примет немедленно социалистический характер. Не будет ли она в этом маленьком уголке неизбежно раздавлена ввиду того, что на неизмеримо более широкой территории движение буржуазного общества идет все еще по восходящей линии.

Что касается специально Китая, то путем подробнейшего изучения торгового движения с 1836 г. я убедился, что подъем английского и американского вывоза с 1844 г. по 1846, уже в 1847 г. оказался чистым мошенничеством, и что также и в течение следующих десяти лет, в среднем, вывоз оставался почти без изменений, в то время как ввоз из Китая в Англию и Америку увеличился чрезвычайно. Во-вторых, открытие пяти гаваней и захват Англией Гонконга вызвал лишь то, что торговля перешла из Кантона в Шанхай. Другие «торговые пункты» не платят. Основной причиной крушения этого рынка, повидимому, является торговля опиумом. Весь прирост экспортной торговли с Китаем именно и ограничивается приростом в торговле опиумом. А с другой стороны—причиной является внутренняя экономическая организация страны, ее карликовое земледелие и т. д., для разрушения чего потребуется громадное время.

IV.

28 января 1863 г.

В предыдущем письме я спрашивал тебя по поводу сельфактора. Вопрос вот в чем: каким образом действовал так называемый прядильщик до изобретения сельфактора (автоматической прядильной машины). Сельфактор мне понятен, но предшествующее состояние нет.

Я прибавляю кое-что к отделу о машинах. Там есть несколько любопытных вопросов, на которые я не обратил внимания при первой обработке. Чтобы выяснить их себе, я перечитал свои тетради (извлечения) по технологии, слушаю практический (только экспериментальный) курс профессора Виллиса для рабочих (в геологическом институте, где читал свои лекции также и Гексли). С механикой у меня дело обстоит так же, как с языками. Математические законы я понимаю, но самая простейшая техническая действительность, для представления о которой требуется воображение, мне труднее, чем самым величайшим остолопам (ist mir schwerer wie den grössten Knoten).

Ты знаешь, а может быть и не знаешь,—это все равно,—что существует большой спор о том, чем отличается *машина* от *инструмента*. Английские (математические) механики, с их привычкой выражаться грубо, называют tool (инструмент, орудие) простой машиной, а машину—сложным инструментом. Однако английские технологи, привыкшие несколько больше считаться с экономикой, различают одно от другого таким образом (следом за ними такого же различия придерживаются и большинство английских экономистов), что в одном случае движущая сила исходит от человека, в другом—от силы природы (von «a natural force»). Немецкие ослы, они всегда в таких мелочах бывают великими, сделали отсюда вывод, что *плуг*, например, является машиной, а сложнейшая Дженни и т. п., если приводится в движение рукой, не машина. Но если мы обратим внимание на машину в ее *элементарной* форме, станет ясным тот факт, что промышленная революция исходит не от *движущей силы*, но от той

части машины, которую англичане называют working machine (делающей, работающей машиной), следовательно, не от замены, например, ноги, приводящей в движение колесо прялки водой или паром, но от перемены в самом непосредственном процессе прядения и от вытеснения той части человеческого труда, которая являлась не просто только применением силы (exertion of power), как, например, при приведении в движение ногой колеса, но той части, которая относится к обработке, к области непосредственного воздействия на обрабатываемые материалы. С другой стороны, также вполне ясно, что поскольку речь идет не просто об *историческом* развитии машины, а о машине на основе современного способа производства, постольку весь интерес сосредоточивается на *работающей машине* (Arbeitsmachine) (напр., в швейной машине). Эта работающая машина одна является решающей, потому что, как только механизм овладел процессом труда, всякому ясно, что в движении его можно приводить, в зависимости от размеров всей вещи, или рукой, или водой, или паровой машиной.

Для чистых математиков вопросы эти безразличны. Но они становятся чрезвычайно важными в том случае, когда надо установить связь общественных отношений людей с развитием этих материальных способов производства.

Я перечитал технологически-исторические выписки и пришел к выводу, что если оставить в стороне изобретение пороха, компаса и книгопечатания—этих необходимых предпосылок буржуазного развития,—то от XVI в. до середины XVIII в., т.-е. в период мануфактуры, начавшей свое развитие с ремесла вплоть до собственно крупной промышленности, имеются две материальных основы, на которых складывается внутри мануфактуры предварительная работа для создания машинной промышленности,—*часы* и *мельница* (сначала хлебная мельница и притом водяная), обе эти основы унаследованы от древности. (Водяная мельница была привезена в Рим из Малой Азии во времена Юлия Цезаря.) Часы—это первый самодвижущийся аппарат (Automat), приспособленный для практических целей. На часах развилась вся теория *производства равномерного движения*. По самой природе этого прибора он основывается на соединении полу-художественного ремесла и прямой теории. Кардануc, напр., писал (и давал практические указания) об устройстве часов. «Ученое (не цеховое) ремесло»—так называлось ремесло часовщика у немецких писателей XVI века—и на развитии часов можно выяснить, насколько отличается соотношение между ученостью и практикой на основе ремесла, по сравнению с этим отношением в крупной промышленности. Не подлежит никакому сомнению, что в XVIII в. именно часы дали первую мысль применить к производству самодвижущиеся аппараты (приводимые в движение именно пружиной). Попытки *Вокансона* [1]) действовали в высшей степени сильно на фантазию английских изобретателей,—что исторически можно доказать.

---

[1]) Механик, 1709—1782 г. г., родился в Гренобле, умер в Париже. Построил много автоматов и машин.

С другой стороны, в *мельнице*, с самого начала, как только была создана водяная мельница, совершенно ясно выделились существенные части в организме машины: механическая движущая сила (неразборчиво), мотор, на который эта сила действует (worauf sie wartet), передаточный механизм, наконец, работающий механизм, захватывающий материал. Учение *о трении* и вместе с тем исследование математических форм, система колес, зубцов и т. д.,—все это было проделано на мельнице. Равным образом здесь же впервые была создана теория измерения напряжения движущей силы, наилучшего способа ее применения и т. д. Почти все великие математики, начиная с середины XVII в., поскольку им приходилось касаться практической механики и теоретизировать по поводу ее, исходили из простой водяной мельницы. Именно по этой причине и стали применять ко всякому механическому двигателю, приспособленному к практическим целям, название «*Mühle*» и «*mill*» (мельница), название, возникшее в мануфактурном периоде.

Но в мельнице, совершенно так же, как и в прессовальной машине, в молоте, плуге и т. д., собственно работа—удары, расплющивание, размельчение и т. д., с самого начала производилась *без* человеческой работы, хотя бы движущей силой была человеческая сила или сила скота. Поэтому такой вид машинизма, по крайней мере, в его зародышевом состоянии, очень стар и раньше в нем уже применялась, собственно говоря, механическая движущая сила. Отсюда происходит почти единственный механизм, встречающийся в мануфактурном периоде. *Промышленная революция* начинается с того момента, когда механизм начинает применяться там, где издавна требовалась человеческая сила для достижения конечного результата, следовательно, не там, где, как при указанных выше орудиях, обрабатываемый материал *с самого начала* уже никогда более не приходил в соприкосновение с человеческой рукой; где человек по самой сути дела не сразу действует просто как сила. Если вместе с немецкими ослами считать применение сил животных (т.-е. таких же *свободных движений*, как и человеческие) за машины, то применение двигателей такого сорта (dieser Art Lokomotiven) гораздо старше самого простого ремесленного инструмента.

V.

7 июля 1866 г.

Лондонские рабочие демонстрации, сказочные по сравнению с тем, что мы видели в Англии с 1849 г., являются делом «*Интернационала*». Г. Люкрафт (М-г Lucraft), например,—главное лицо в Трафальгар-сквере, это один из членов нашего совета [1]). Здесь обнаруживается разница, когда

[1]) Генерального совета «Международного общества рабочих». В июле происходили массовые демонстрации и собрания в пользу реформы избирательного права в смысле его распространения на всех глав. семейств, имеющих отдельную квартиру. (Householol suffrage).

за кулисами *действуют*, а перед публикой исчезают, от манеры демократов, которые перед публикой хвастают и *ничего не делают*...

Наша теория о том, что *трудовая организация* (Arbeitsorganisation) обусловливается *средствами производства*, нигде, кажется, так блестяще не подтверждается, как в «человекоубойной промышленности» (in der Menschenabschlachtungsindustrie). Право стоило бы, чтобы ты написал об этом что-нибудь (у меня для этого нехватает знаний), что можно было бы за твоей подписью внести в мою книгу в виде приложения. Подумай об этом. Если это делать, то надо делать для первого тома, где я эту тему исследую подробно. Ты понимаешь, как приятно было бы мне, если бы ты появился в моем главном труде (до сих пор я писал только мелочи) в качестве сотрудника, а не только через цитаты.

Я изучаю мимоходом Конта, потому что англичане и французы подняли такой шум о нем. Их подкупает энциклопедичность, синтез. Но в сравнении с Гегелем это производит жалкое впечатление. Хотя Конт, как математик и физик по профессии, стоит выше Гегеля, т.-е. выше в подробностях, но в цели Гегель неизмеримо крупнее. И этот пошлый позитивизм появился в 1832 г.!

ИЗ ПЕРЕПИСКИ ЭНГЕЛЬСА С КОНРАДОМ ШМИДТОМ.

Печатаемые ниже шесть отрывков из писем Энгельса представляют большой теоретический интерес. Из серии писем Энгельса к Конраду Шмидту, опубликованных в 1920 году в ряде №№ журнала «Sozialistische Monatshefte», здесь дается только то, что имеет теоретический интерес.

Адресат этих писем—Конрад Шмидт, немецкий экономист, социалист оппортунистического соглашательского направления, по философским воззрениям кантианец,—был лично знаком с Энгельсом с 1887 г. и переписывался с ним почти до самых последних дней жизни Энгельса. Последний из напечатанных здесь отрывков взят из письма от 12/III 1895 г. Энгельс умер, как известно, 5/VIII 1895 г.

Наиболее интересно письмо от 27/X 1890, в котором Энгельс разъясняет теорию исторического материализма.

В нем, между прочим, затрагивается и чрезвычайно ясно излагается один из вопросов, в котором у популяризаторов марксизма обычно царит путаница и неясность. Это именно вопрос о так называемом идеологическом воззрении. Под названием «идеологического процесса» Маркс и Энгельс разумели мыслительный процесс, совершаемый с сознанием, но с сознанием *неверным*, отражающим действительность неправильно, извращенно, в перевернутом, так сказать, виде. При идеологическом воззрении человек рассматривает мысли, как самостоятельные сущности, развивающиеся независимо, подчиненные своим собственным законам. Что ход этого процесса, совершающегося в головах людей, определяется, в конце концов, материальными условиями жизни этих людей—такого сознания у этих людей нет, иначе всякой идеологии пришел бы конец. (Sonst wäre es mit der ganzen Ideologie am Ende). См. F. Engels. Ludwig Feuerbach und der Ausgang der klassischen deutschen Philosophie. S. 53, 3-te Auflage, Stuttgart, 1903—Л. Фейербах, пер. Плеханова, изд. 1906 г., стр. 74.

То же самое Энгельс говорит и в печатаемом здесь письме от 27/X 1890 г., разъясняя это лишь более подробно. И опять повторяет в письме к Мерингу от 14/VIII 1893 г. [1]).

Идеология—мыслительный процесс с неверным сознанием. Если это неверное сознание преодолевается и заменяется правильным, теоретическим, критическим сознанием, тогда идеологии приходит конец,—начинается настоящее теоретическое научное мышление. Эти два типа воззрений надо резко противопоставлять друг другу. Наука—это *не* идеология, в этом узком смысле, задача научного, теоретического мышле-

[1]) Напечатано в примечаниях к I тому «Истории Германской Социал-Демократии» Меринга. Для теории исторического материализма представляют еще большой интерес письма Энгельса: к Иосифу Блоху—редактору «Sozialistische Monatshefte»—от 21/IX 1890 г. и к Г. Штаркенбургу—от 25/I 1894.

ния разрушать идеологическое воззрение, перевертывающее все вверх ногами, находить земные корни различных воззрений, исследовать критически,—словом, делать так, чтобы идеологии приходил конец.

Это резкое противопоставление имеет большое практическое значение. Буржуазным ученым, стремящимся увековечить путаницу и удержать умы под властью буржуазных идеологий, выгодно внушать всем, что их университетская путаница и есть настоящая наука. А нам, марксистам, надо показать, что буржуазная наука—это не наука, а мифология, что она всецело во власти идеологического воззрения и не в состоянии его критически преодолеть, не в состоянии сделать того шага, от которого собственно только и начинается научное мышление.

Письма от 1/XI 1891 г. и от 4/II 1892 г. интересны указаниями, как надо изучать Гегеля.

Письмо от 12/III 1895 г. содержит блестящее рассуждение об идеях вообще, об экономических категориях, о феодальном строе и его идее и об идеях в естествознании.

В. Адоратский.

I.

5/VIII 1890 г.

Отзыв о книге Пауля Барта [1]) дал в «Wiener Deutschen Worten» несчастный Мориц Вирт. Эта критика настроила меня неблагоприятно и по отношению к книге. Я ее просмотрю, но должен сказать, что если Морицхен цитирует ее правильно, будто Барт во всех сочинениях Маркса смог найти всего лишь один пример зависимости философии и т. д. от материальных условий существования—именно тот, что Декарт объявляет животных машинами, то мне очень жаль того, кто может писать подобные вещи. И если он еще не открыл, что если материальные условия существования являются primum agens (основной причиной), то это не исключает того, что идеальные области могут опять-таки оказывать на материальные условия существования обратное, но второстепенное влияние: если он этого не открыл, то он не в состоянии понять того предмета, о котором пишет. Но, повторяю, это все из вторых рук,—а Морицхен—роковой друг. Материалистическое понимание истории имеет теперь множество таких друзей, для которых оно является предлогом не изучать истории. Маркс сказал о французских марксистах конца 70-х годов: «Я знаю только одно, что я не марксист».

Вот тоже в «Volkstribun'e» появилось обсуждение вопроса о том, как будут распределяться продукты в будущем обществе, соответственно количеству труда или иначе. К вопросу подходили очень *материалистично*, в противоположность известным идеалистическим фразам о справедливости. Но удивительно, как это никому не пришло в голову, что способ распределения существенным образом зависит от количества вещей, подлежащих распределению и что это количество, конечно, ме-

[1]) Paul Barth. Die Geschichtsphilosophie Hegels und der Hegelianer bis auf Marx und Hartmann. Leipzig 1890.

няется вместе с прогрессом производства и общественной организации, следовательно, и способ распределения может меняться. Но для всех участников обсуждения, повидимому, *социалистическое общество* представляется раз-на-всегда установленной, определенной, неизменной вещью, а не чем-то таким, что постоянно меняется и прогрессирует. Поэтому, согласно им, оно должно иметь раз-на-всегда установленный определенный способ распределения. Но, собственно говоря, можно только:

1) попытаться открыть способ распределения, с которого можно *начать*, и

2) постараться отыскать *общее направление*, *в* котором будет двигаться дальнейшее развитие.

Но об этом я ни слова не нахожу во всем обсуждении.

Вообще, для многих более молодых писателей в Германии, слово *материалистический* служит простой фразой, которую приклеивают к разным вещам, не занимаясь дальнейшим изучением, т.-е. приклеивают этот ярлычок и считают, что этим все исчерпывается. Но наше понимание жизни есть, главным образом, введение к изучению, а не рычаг конструкции на манер гегелианства. Всю историю надо *начать* изучать сызнова. Надо исследовать в деталях условия существования различных общественных образований, прежде чем попытаться вывести из них соответствующие им политические, частно-правовые, эстетические, философские, религиозные и т. д. воззрения. В этом отношении сделано до сих пор очень мало, потому что очень немного людей серьезно этим занимались. В этом отношении нам нужна помощь в массах, область бесконечно велика, и тот, кто хочет работать серьезно, может много создать и отличиться. Вместо этого фраза исторического материализма (а *все* можно сделать фразой) служит многим немцам из молодого поколения только для того, чтобы возможно поскорее систематически сконструировать свои собственные, относительно весьма небольшие, исторические знания (экономическая история ведь еще в пеленках) и далее храбро двигаться вперед. И тогда может явиться Барт и совершать нападки на ту самую вещь, которая в его среде сведена уже к пустой фразе.

Но все это выравняется. Мы в Германии теперь достаточно сильны, чтобы вынести многое. Одна из величайших услуг, оказанных нам законом против социалистов, это то, что он освободил нас от навязчивости немецкого студиоза с социалистическим налетом. Теперь мы достаточно сильны, чтобы переварить также и немецкого студиоза, который снова распространяется. Вы сами действительно уже кое-что сделали и должны знать, как мало молодые литераторы, приставшие к партии, дают себе труда изучать экономику, экономическую историю, историю торговли, промышленности, земледелия, общественных форм. Сколько из них знают Маурера только по имени. Нахальство журналиста должно все преодолеть и таким образом все и делается. Часто дело обстоит так, как будто эти господа думают, что для рабочих все годится. Если бы они знали, как Маркс считал свои лучшие вещи все еще недостаточно хорошими для рабочих, как он считал преступлением предлагать рабочим что-

нибудь не самое лучшее. На наших рабочих и только на них я безусловно полагаюсь, после того, как они блестяще выдержали испытание, которому они подвергались в 1878 году [1]). Как и всякая крупная партия, и они делали ошибки в отдельных подробностях развития, может быть, даже и большие ошибки. Массы учатся только на последствиях своих собственных ошибок, из опытов на своем собственном теле. Но все это преодолеется и у нас гораздо легче, чем где бы то ни было, потому что наша молодежь действительно обладает несокрушимым здоровьем и, кроме того, потому что Берлин, который едва ли скоро освободится от своего специфического берлинства (Berlinertum),—является у нас центром лишь формально, подобно Лондону, а не так, как Париж во Франции. Я очень часто сердился на французских и английских рабочих (несмотря на то, что понимал причины их ошибок), а на немцев с 1870 г.—никогда: правда, приходилось сердиться на отдельных лиц, говоривших от их имени, но никогда на массы, которые опять все ставили на правильный путь. И я готов биться об заклад, что мне никогда не придется на них сердиться.

II.

27 октября 1890 г.

Милый Шмидт, пользуюсь первой свободной минутой, чтобы вам ответить. Я полагаю, что вы поступите правильно, принявши Цюрихское место [2]). Вы там научитесь многому в области экономики, в особенности если будете все время помнить, что Цюрих это денежный и спекулянтский рынок третьего разряда и поэтому все впечатления, получающиеся там, благодаря двойному и тройному отражению, ослаблены и сознательно фальсифицированы. Вы познакомитесь на практике с механизмом и будете вынуждены следить за биржевыми отчетами из первых рук из Лондона, Нью-Йорка, Парижа, Берлина, Вены и т. д. Тогда мировой рынок откроется вам в своем отражении, как рынок денежный и ценных бумаг. С экономическими, политическими и другими отражениями дело обстоит так же, как и с отражениями в человеческом глазу. Они проходят через собирающую их чечевицу и поэтому представляются в перевернутом виде, стоящими на голове. Только отсутствует тот нервный аппарат, который для представления поставил бы их снова на ноги. Деятель денежного рынка (der Geldmarktmensch) видит движение промышленности и мирового рынка только в перевернутом отражении денежного и бумажного рынка и следствие становится тут для него причиной. Это я наблюдал еще в 40-х годах в Манчестере: Лондонские биржевые отчеты были совершенно негодны для того, чтобы составить по ним представление о ходе промышленности и ее периодических максимумах и минимумах, потому что эти господа все хотели объяснить из денежных кризисов,

---

[1]) Энгельс имеет здесь в виду закон против социалистов, принятый Германским рейхстагом 19 октября 1878 г.

[2]) Место редактора демократической газеты «Züricher Post».

которые по большей части сами были всего лишь симптомами. Тогда дело шло поэтому о том, чтобы отрицать происхождение промышленных кризисов из временного перепроизводства и все дело имело таким образом, кроме того, еще тенденциозную сторону, побуждающую прибегать к извращениям. Теперь этот пункт (для нас, по крайней мере, раз-на-всегда) отпадет, и к тому же это несомненный факт, что денежный рынок может иметь также и свои собственные кризисы, при которых прямые нарушения промышленности играют лишь подчиненную роль или даже не играют никакой роли. Здесь надо многое еще установить и особенно исследовать исторически за последние 20 лет.

Там, где имеется разделение труда в общественном масштабе, отдельные работники становятся самостоятельными по отношению друг к другу. Производство является в последней инстанции решающим. Но как только *торговля* продуктами обособляется от собственно производства, она следует своему собственному движению, над которым в общем и целом господствует производство, но в отдельных частностях и внутри этой общей зависимости, она, торговля, все же следует своим собственным законам, которые лежат в природе этого нового фактора. У этого движения (торговли) есть свои собственные фазы и, в свою очередь, оно оказывает обратное действие на движение производства. Открытие Америки было вызвано голодом в золоте, который еще раньше погнал португальцев в Африку (см. Soetbers Edelmetallproduction), потому что европейская промышленность, так могуче расширившаяся в XIV и XV в. в., и соответствовавшая ей торговля требовали орудий обмена, которых Германия,—великая страна серебра в 1450—1550,—дать не могла.

Завоевание Индии португальцами, голландцами, англичанами с 1500 по 1800 имело целью *ввоз из Индии*. О вывозе туда ни один человек не думал. И все же как колоссально обратное действие на промышленность этих открытий, и завоеваний вызванных чисто торговыми интересами. Только потребности *вывоза* в эти страны создали и развили крупную промышленность (в Европе).

Так и с *денежным рынком*. Как только банковое дело (торговля деньгами) отделяется от торговли товарами, так оно приобретает свое собственное развитие (при известных условиях, поставленных производством и торговлей товарами, и внутри этих границ), имеет особые законы, определяющиеся его собственной природой, и имеет особые фазы. Если к этому еще прибавляется, что банковое дело (Geldhandel) в своем дальнейшем развитии расширяется в торговлю ценными бумагами, что эти ценные бумаги не только государственные бумаги, но к ним еще присоединяются акции промышленных и транспортных предприятий, банковое дело таким образом завоевывает прямое господство над частью производства. В общем и целом производство все же господствует над банковым делом, но при этом условии обратное действие банкового дела является еще более сильным и еще более сложным. Банкиры являются собственниками железных дорог, рудников, шахт и т. д. Эти средства производства приобретают двоякую видимость, ход их производства должен приспо-

собляться то к интересам непосредственного производства, то к потребностям акционеров, поскольку они являются банкирами. Самый яркий пример этого—северо-американские железные дороги, все производство их зависит от биржевых операций некоего Джей Гульда, Вандербильда и т. д., операций специально для этой дороги и для интересов ее, как средства передвижения, совершенно чуждых. И даже у нас, здесь, в Англии, мы наблюдали десятилетиями тянущиеся конфликты и борьбу различных железнодорожных обществ из-за разграничения между ними; борьбу, в которой растрачиваются колоссальные деньги не в интересах производства и обращения, а исключительно в силу соперничества, преследующего по большей части только цель облегчить биржевые операции банкиров (Geldhändler), владеющих акциями.

В этих нескольких замечаниях о моем понимании отношения производства к торговле товарами (Warenhandel) и их обоих к торговле деньгами (банковому делу) я в сущности уже дал ответ на ваши вопросы об *историческом материализме* вообще.

Всю эту вещь легче всего понять с точки зрения *разделения труда*. Общество порождает известные общие функции, без которых оно не может обойтись. Предназначенные для их выполнения люди образуют новую отрасль разделения труда *внутри общества*. Вместе с тем они приобретают *особые* интересы также и в противоположность тем, кто их уполномочил, они становятся самостоятельными по отношению к ним и таким образом является *государство*. И тут дело идет подобно тому, как при торговле товарами и позднее при торговле деньгами (банковом деле). Новая самостоятельная сила в общем и целом должна следовать за движениями производства, но она *оказывает* также опять-таки *воздействие* на условия и ход производства в силу присущей ей, или вернее однажды переданной и постепенно развивавшейся далее относительной самостоятельности. Это есть *взаимодействие* двух *неравных* сил, с одной стороны, экономического движения и, с другой стороны, политической силы, стремящейся к наиболее возможной самостоятельности, политической силы, одаренной также и *самостоятельным движением*, так как она уже возникла. Экономическое движение в общем и целом проявляет себя, но оно должно испытывать на себе также и обратное действие от политического движения, которое само (экономическое движение) создало для себя и которое (политическое движение) обладает относительной самостоятельностью. Экономическое движение подвергается влиянию, с одной стороны, движения государственной власти и, с другой стороны, одновременно с ней порожденной оппозиции. Как в денежном рынке отражается в общем и целом, и с указанными выше оговорками, движение промышленного рынка, и, конечно, ограничается *неправильно* (*verkehrt*), так и в борьбе между правительством и оппозицией отражается борьба уже раньше существующих и борющихся классов и то же самое неправильно, не прямо, а косвенно, не как борьба классов, а как борьба за *политические принципы*, и притом так неправильно, что потребовались тысячелетия для того, чтобы мы смогли разгадать в чем дело.

Обратное действие государственной власти на экономическое развитие может быть троякого вида. Оно может действовать в том же направлении, тогда дело идет быстрее, оно может действовать напротив, тогда в настоящее время у каждого крупного народа оно терпит в течение более или менее продолжительного периода крушение, или оно может ставить экономическому развитию в некоторых направлениях преграды и толкать его в других направлениях. Этот случай сводится, в конце концов, к одному из предыдущих. Но ясно, что и во 2-ом и в 3-ем случаях политическая власть может причинить экономическому развитию величайший вред и может породить растрату сил и материала в массовом количестве.

Например, случай завоевания и грубого уничтожения экономических рессурсов, благодаря чему прежде могло гибнуть целиком все экономическое развитие данной местности и данной нации. Теперь этот случай имеет по большей части противоположные результаты, особенно у великих народов. Побежденный в общем часто выигрывает и в экономическом, и в политическом, и в моральном отношении больше, чем победитель.

С правом то же самое. Как только появляется необходимость в новом разделении труда, создающее *юристов по профессии*, так сейчас же открывается опять-таки новая самостоятельная область, которая, при всей своей общей зависимости от производства и торговли, все же обладает особой способностью обратно воздействовать на эти области. В современном государстве право не только должно соответствовать общему экономическому положению, не только быть его выражением, но также быть его *выражением в себе самом связанным*, таким выражением, которое благодаря внутренним противоречиям не било бы самого себя по лицу. А для того, чтобы это было достигнуто, точность отражения экономических отношений должна все более и более страдать. И это тем более, чем реже случается, что кодекс законов является резким, несмягченным, правдивым выражением господства одного класса. Это было бы ведь против *правовой идеи*. Чистая последовательная правовая идея революционной буржуазии—эпохи 1792—1796 г.г. уже в Наполеоновском Кодексе фальсифицирована во многих отношениях, а то, что в нем воплощено, должно испытывать ежедневно всяческие смягчения и ослабления благодаря возрастающей силе пролетариата. Но это не мешает тому, что Кодекс Наполеона является тем сводом законов, который лежит в основе кодификаций всех частей света. Таким образом ход правового развития состоит главным образом только в том, что сначала пытаются устранить противоречия, вытекающие из непосредственного перевода экономических отношений в юридические принципы, а потом влияние и принуждение дальнейшего экономического развития опять постоянно ломает эту систему и вовлекает в новые противоречия. (Я здесь говорю пока только о гражданском праве.)

Отражение экономических отношений в виде правовых принципов необходимо является точно так же стоящим вверх ногами. Это отражение

совершается так, что этот процесс не доходит до сознания действующего. Юрист воображает, что действует с априорными положениями, а это всего лишь экономические отражения. Таким образом все стоит на голове. А что это извращение создающее, пока оно еще не открыто, то, что мы называем *идеологическим воззрением* (ideologische Anschauung), в свою очередь, оказывает *обратное действие* на экономическую основу и может ее в известных пределах изменить,—это мне кажется само собою разумеющимся. Основа наследственного права—экономическая, предполагая одинаковую ступень развития семьи. Несмотря на это, будет очень трудно доказать, что, напр., в Англии абсолютная свобода завещаний, а во Франции сильное ее ограничение во всех деталях имели только экономические причины. Но и то и другое очень сильно действуют на экономику тем, что оказывают влияние на распределение имуществ.

Что же касается тех идеологических областей, которые еще выше парят в воздухе—*религии*, *философии* и т. д., то у них имеется доисторическое содержание, находимое и усвоиваемое историческим периодом, содержание, которое мы теперь назвали бы бессмыслицей. В основе этих различных неправильных представлений о природе, о строении самого человека, о духах, волшебных силах и т. д. лежит по большей части лишь отрицательно экономическое (nur negativ Oekonomisches): низкое экономическое развитие доисторического периода имело в качестве своего дополнения, а порой даже в качестве условия и даже в качестве причины, ложные представления о природе. И все же хотя экономическая потребность была главной пружиной двигающегося вперед познания природы, и с течением времени все более становилась такой пружиной, все же было бы педантством искать для всех этих первобытных глупостей экономических причин. История наук это есть история постепенного устранения этой бессмыслицы, или замены его новой, но все же менее нелепой бессмыслицей. Люди, которые это делают, принадлежат к особым областям разделения труда и кажутся обрабатывающими независимую область. И поскольку они образуют самостоятельную группу внутри общественного разделения труда, постольку их произведения, включая и их ошибки, *оказывают обратное влияние* на все общественное развитие, даже на экономическое. Но при всем том они опять-таки сами стоят *под решающим влиянием экономического развития*. Например, это можно всего легче доказать для буржуазного периода философии. Гоббс был первым современным материалистом (в смысле XVIII в.), но он был сторонником самодержавия в то время, когда абсолютная монархия переживала свой период расцвета во всей Европе и в Англии вступила в борьбу с народом. Локк был и в религии, как и в политике, сыном классового компромисса 1688 г. Английские деисты и их последовательные продолжатели, французские материалисты, были настоящими философами буржуазии, французы даже философами буржуазной революции. В немецкой философии от Канта до Гегеля проглядывает немецкий буржуазный обыватель то положительно, то отрицательно. Но, как особая область разделения труда, философия каждой эпохи располагает в качестве предпосылки опре-

деленными мыслительным материалом, материалом котор ый передан ей ее предшественниками и из которого она исходит. От этого получается такое явление, что страны экономически отсталые могут играть в философии руководящую роль: Франция в XVIII в. по отношению к Англии, на философию которой французы опирались, а затем Германия по отношению к первым двум. Но как во Франции, так и в Германии и философия и всеобщий расцвет литературы явились в ту эпоху результатом экономического развития. Преобладание экономического развития в конечном счете также и над этими областями для меня неоспоримо, но оно имеет место в рамках условий, которые предписываются самой данной областью; в философии, напр., воздействием экономических влияний, которые опять-таки оказывают действие по большей части только в своем переодетом политическом виде и т. д. на имеющийся на-лицо философский материал, который доставили предшественники. Экономика здесь ничего не создает заново (a novo) [1]), но она определяет вид изменения и дальнейшего развития имеющегося на-лицо мыслительного материала, но даже и это она производит по большей части лишь косвенным образом, так как важнейшее прямое действие на философию оказывают политические, юридические, моральные отражения.

О религии я сказал самое необходимое в статье о Фейербахе.

Следовательно, если Барт полагает, что мы отрицали всякое обратное влияние политических и т. д. отражений экономического движения на самое движение, то он просто сражается с ветряными мельницами. Ему следует заглянуть лишь в 18 брюмера Маркса, где все время почти и идет речь о той *особой* роли, которую играют политические битвы и события, конечно, в рамках их *всеобщей* зависимости от экономических условий. Или «Капитал», напр., отдел о рабочем дне, где так решительно действует законодательство, являющееся ведь политическим актом. Или отдел об истории буржуазии (24 глава). Или почему мы бьемся за политическую диктатуру пролетариата, если политическая власть экономически бессильна. Сила (т.-е. государственная власть) это тоже экономическое могущество (Die Gewalt (d. h. die Staatsmacht) ist auch eine ökonomische Potenz).

Но у меня уже теперь не остается времени критиковать самую книгу. Сначала должен выйти III том («Капитала». *В. А.*), да к тому же это может сделать отлично, напр., Бернштейн. Чего всем этим господам не хватает, так это диалектики. Они постоянно видят здесь причину—там следствие. Они не видят, что это пустая абстракция, что такие метафизические, полярные противоречия в действительном мире существуют только во время кризисов,что весь великий процесс происходит в форме взаимодействия, хотя взаимодействующие силы очень не равны, экономиче-

[1]) В тексте, опубликованном в «Dokumente des Sozialismus», это место передано так: «Die Oekonomie schafft hier nichts *unmittelbar von sich aus*, sie bestimmt aber etc.» В тексте же в «Sozialistische Monatshefte» вместо слов: «unmittelbar» von sich aus—стоит: «a novo».

ское движение среди них является гораздо более сильным, первоначальным, решительным, что здесь нет ничего абсолютного, а все относительно. Для них Гегеля не существовало.

III.

1 июля 1891 г.

Книга Барта меня очень разочаровала. Я ожидал в ней найти гораздо меньше ошибок и поспешных выводов. Человек, который судит о каждом философе не по тому ценному, прогрессивному, что было в его деятельности, но по тому, что было необходимо преходящим, реакционным, судит по *системе*, такой человек лучше бы молчал. По его мнению, вся история философии это просто «куча развалин» разрушенных систем. Как высоко стоит Гегель над этим своим мнимым критиком. И он воображает, что он критикует Гегеля, нападая то здесь, то там на след неправильных скачков, с помощью которых Гегель, как и всякий другой систематик, должен был построить свою систему. Какое грандиозное открытие, что Гегель противоположные и противоречивые вещи часто сваливает в одно. Но если бы стоило тратить на это труд, так я показал бы ему еще и другие проделки. Барт это то, что мы на Рейне называем korinthenscheisser [1]), он все превращает в мелочи, и пока он от этого не отучится, он, говоря словами Гегеля, «из ничего, через ничто придет ни к чему».

Потешна его критика Маркса. Сначала он разделывается с материалистической исторической теорией в том виде, как она, по его мнению, должна была быть у Маркса, и потом делает открытие, что в сочинениях Маркса дело обстоит иначе. Из этого он делает вывод, что не он, Барт, подсунул Марксу нечто неправильное, а, наоборот, что Маркс противоречит себе и не умеет применять свою собственную теорию. «О, если бы эти люди хоть читать-то умели!»—обычно восклицал Маркс при такой критике.

У меня здесь нет этой книги. Если бы у меня было время, я бы вам указал еще сотню ошибок. Это жаль; видно, что человек может кое-что сделать, если бы он не так был поспешен в своих окончательных выводах. Нужно надеяться, что он еще что-нибудь напишет, на что будут нападать больше: если всыпать ему как следует, то это принесло бы ему большую пользу.

IV.

1 ноября 1891 г.

Без Гегеля, конечно, обойтись невозможно (при изучении марксизма. *В. А.*) и при том нужно время, чтобы его переварить. Краткая логика в Энциклопедии это прекрасное начало. Но вы возьмите шестой том собрания сочинений, а не отдельное издание Розенкранца (1845), т. к.

[1]) Это слово мы оставляем без буквального перевода. Этот несколько нецензурный эпитет применяется к людям, которые все сводят к мелочам, от усилий и потуг которых появляются лишь мелочи.

в первом имеется гораздо больше пояснительных добавлений, хотя для дурака Геннинга [1]) часто оставшихся непонятными.

Во введении вы найдете § 26 и т. д. прежде всего критику сделанной Вольфом обработки Лейбница (Метафизика в *историческом* смысле). Затем—англо-французский эмпиризм § 37 и т. д., затем—Канта § 40 и след., наконец мистицизм Якоби § 61. В отделе I (Бытие) вы не останавливайтесь чересчур долго на «Бытии» и «Ничто». Последние параграфы—качество, затем количество и мера гораздо лучше. Но главная часть—это учение о сущности (die Lehre vom Wesen). Разложение (die Auflösung) отвлеченных противоречий (abstrakten Gegensätze) во всей их несостоятельности, при чем как только собираются ухватиться крепко за одну сторону, так она незаметно превращается в другую. При этом вы можете уяснить себе это постоянно на конкретных примерах, например, яркий образец неразделимости тождества (Identität) и различия (Unterschied) вы, как жених, найдете в себе самом и в вашей невесте. Совершенно невозможно установить, является ли половая любовь радостью в том, что тождество в различии, или различие в тождестве. Откиньте здесь различие (в данном случае полов) или тождество (человечность обоих)—и что же у вас останется. Я припоминаю, как меня в начале мучила как раз эта неотделимость тождества и различия, хотя мы не можем и шагу ступить, чтобы не наткнуться на это.

Но вы не должны читать Гегеля так, как читал его П. Барт, именно для того, чтобы открывать в нем паралогизмы и передержки, которые служили Гегелю рычагами для построений. Это работа школьника. Гораздо важнее отыскать под неправильной формой и в искусственной связи справедливое и гениальное. Переходы от одной категории к другой или от одного противоречия к следующему почти всегда произвольны. Часто это происходит при помощи остроты, как, напр., положительное и отрицательное оба гибнут (дословно идут ко дну, к основе—zugrunde gehen), поэтому Гегель может перейти к категории основания (des Grundes). Раздумывать об этом много—это значит просто терять время. Так как каждая категория у Гегеля представляет собою ступень в истории философии (как он по большей части их приводит), то вы сделаете хорошо, если сравните лекции по истории философии (одно из гениальнейших произведений). Для отдыха могу вам рекомендовать эстетику. Если вы несколько таким образом вработаетесь, вы поразитесь.

Извращение диалектики у Гегеля основано на том, что она должна быть у него «саморазвитием мысли», и потому диалектика вещей—это только ее отблеск. А на самом-то деле ведь диалектика в нашей голове это только отражение действительного развития, которое совершается в мире природы и человеческого общества и подчиняется диалектическим формам.

---

[1]) Геннинг—правый гегелианец, издатель журнала «Jahrbücher für wissenschaftliche Kritik», начавшего выходит в 1827 г.

Сравните хотя бы развитие у Маркса от товара к капиталу с развитием у Гегеля от бытия к небытию, и у вас будет прекрасная параллель для конкретного развития, как оно вытекает из фактов с одной стороны и, с другой стороны, абстрактная конструкция, в которой в высшей степени гениальные мысли и местами очень важные переходы, как, напр., качество и количество и обратно, перерабатываются в кажущееся саморазвитие идеи из одной в другую. Вроде этого можно составить еще дюжину подобных.

V.

4 февраля 1892 г.

Если вы у Гегеля натыкаетесь на «болота», то вы на этом не останавливайтесь. Шесть месяцев спустя вы откроете в этом же самом болоте твердые камни, на которые вам можно будет встать и совершенно благополучно перейти. Законченный ряд ступеней развития идей относится у Гегеля к *системе*, к преходящему—и я считаю это самым слабым, хотя это и самое остроумное, потому что в трудных местах он помогает себе остротой. Положительное и отрицательное гибнут (zugrunde gehen) и ведут поэтому к категории основания (des Grundes) (Энциклопедия). Но это надо делать на каждом языке по-новому. Переведите ряд ступеней в учении о Сущности (Lehre vom Wesen) на другой язык и переходы станут по большей части невозможными.

VI.

12 марта 1895 г.

Я, кажется, получил некоторые разъяснения из вашего письма, каким образом вы сбились с пути в вопросе о норме прибыли. Я нахожу там то же самое уклонение в детали и приписываю это тому самому эклектическому методу философствования, который с 48-го года проник в немецкие университеты, который лишен какой бы то ни было способности к общему взгляду и выливается в бесконечные и бесплодные размышления (end-und erfolgloses Spintisieren) о деталях. Вы как раз раньше из классиков занимались преимущественно Кантом, а Кант в свое время благодаря состоянию немецкой философской мысли и благодаря своему противоречию педантскому Вольфовскому лейбницианству был более или менее вынужден сделать кажущиеся уступки этому Вольфовскому размышлению (Spintisieren). Так объясняю я себе вашу склонность углубляться в детали, как это видно и из вашего письма о законе стоимости, при чем, повидимому, не всегда обращается внимание на общую связь Gesammtzusammenhang), так что вы закон стоимости сводите на ступень фикции, необходимой фикции, вроде того, как Кант делает бытие Божие постулатом практического разума.

Упреки, которые вы делаете закону стоимости, задевает *все* идеи, если их рассматривать с точки зрения действительности. Тождество (Identität) мышления и бытия (употребляя выражение Гегеля) повсюду

соответствует вашему примеру круга и многоугольника. Иначе говоря, и то и другое—идея вещи и ее действительность движутся рядом, как две асимптоты, все время приближаясь друг к другу, но никогда не встречаясь. Эта разница их обоих и есть та разница, которая делает то, что идея не является непосредственно, без дальнейшего, действительностью, а действительность не есть непосредственно ее собственная идея. По той причине, что идея обладает существенной природой идеи, что она, следовательно, не совпадает без дальнейшего с действительностью сразу, из которой она должна быть еще сначала отвлечена, по этой причине идея все же больше, чем фикция, хотя вы объявляете все результаты мышления фикциями, потому что действительность соответствует им только в результате большого окольного пути, да и то лишь асимптотически приближаясь.

Разве со всеобщей нормой прибыли дело обстоит иначе. Она существует в каждый момент только приблизительно. Если когда-нибудь она будет реализована в двух предприятиях самым точнейшим образом, если оба предприятия в данном году получат *точь-в-точь одинаковую норму прибыли*, то это чистая случайность. Нормы прибыли существуют сообразно различным обстоятельствам от предприятия к предприятию, от года к году, и всеобщая норма прибыли существует только как средняя величина, взятая из многих предприятий и из целого ряда годов. Но если бы мы стали требовать, чтобы норма прибыли была, скажем, 14,876934.. до самой мельчайшей доли в каждом отдельном предприятии, в каждом году, под угрозой (в противном случае) разжалования ее в фикции, то мы обнаружили бы полное забвение природы нормы прибыли и природы вообще всех экономических законов. Они все не имеют никакой иной реальности, как только в приближении, в стремлении (Tendenz), в среднем, но не в непосредственной действительности. Это происходит отчасти оттого, что их действие перекрещивается одновременным действием других законов, отчасти же также и от их природы, как идей.

Или возьмите вы закон заработной платы, реализацию стоимости рабочей силы, который осуществляется лишь в среднем и в каждой местности, даже в каждой отрасли промышленности, меняется сообразно привычному образу жизни. Или земельная рента, представляющая собой сверхприбыль сверх всеобщей ее нормы, сверхприбыль, происходящую из монополизованной силы природы. Здесь точно также действительная сверхприбыль и действительная рента ни в коем случае не покрываются точно, а только приблизительно, в среднем.

Так же обстоит дело с законом стоимости и с распределением сверхстоимости при помощи нормы прибыли.

1. И то и другое достигает самой полной приблизительной реализации при условии, что капиталистическое производство проведено повсюду вполне, т.-е. когда общество сведено к современным классам, земельным собственникам, капиталистам (промышленникам и торговцам) и рабочим, а все средние ступени устранены. Но этого нет даже и в Англии и никогда не будет, мы не допустим, чтобы зашло так далеко.

2. Прибыль, включая и ренту, состоит из различных составных частей:

a) Из прибыли от надувательства, которое в алгебраической сумме устраняется.

b) Из прибыли от возрастания стоимости запасов на складе (напр., остаток последней жатвы, если новая не удалась).

Теоретически это должно, в конце концов, выравняться, поскольку не будет устранено падением цен других товаров, так что или покупающие капиталисты должны столько же доплачивать, сколько выручают продающие или если дело идет о средствах пропитания для рабочих, заработная плата в общем должна подняться, если это будет продолжаться долго. Но самые существенные возрастания стоимостей происходят не на *продолжительное время*, выравнивание происходит таким образом только в среднем в течение ряда лет и притом крайне несовершенно, специально за счет рабочих. Они производят еще больше сверхстоимости, потому что их рабочая сила оплачивается не сполна.

c) Из всей суммы сверхстоимости, из которой опять-таки уходит та часть, которая *дарится покупателю* особенно во время кризисов, когда перепроизводство сводит труд к его действительному содержанию общественно необходимого труда.

Из этого уже наперед следует, что вся прибыль и вся сверхстоимость совпадают лишь приблизительно. Прибавьте еще к этому, что как вся сверхстоимость, так и весь капитал являются величинами не постоянными, а переменными, день ото дня меняющимися, тогда станет очевидным, что невозможно никакое иное покрытие нормы прибыли формулой $\frac{\Sigma m}{\Sigma (c + v)}$, как только в виде приблизительного ряда, и ясно, что не может быть никакого иного совпадения всей стоимости и всей цены, кроме постоянно стремящегося к единству, но постоянно от него удаляющегося. Другими словами, единство идеи и явления представляется в виде процесса по существу бесконечного и таковым оно является как в том, так и в другом случае.

Разве феодализм отвечал когда-нибудь своей идее. Основанный в западной Франции, развитый дальше в Нормандии норвежским завоевателем, еще дальше продолженный французскими норманнами в Англии и в южной Италии, он приблизился всего больше к своей идее в эфемерном Иерусалимском королевстве, которое оставило после себя в Иерусалимских Ассизах классическое выражение феодального порядка. Неужели же феодальный строй был фикцией оттого, что полного совершенства он достиг только в Палестине на короткое время и то (по большей части) на бумаге.

Или господствующие в естественных науках идеи—тоже фикции оттого, что они далеко не всегда совпадают с действительностью. С того момента, когда мы приняли эволюционную теорию, все наши идеи об органической жизни только приблизительно соответствуют действительности. Иначе не было бы развития. В тот день, когда идея и действитель-

ность в органическом мире совпадут друг с другом вполне, в тот день конец развитию. Идея «рыба» включает в себя жизнь в воде и дыхание жабрами. Как вы перейдете от рыбы к земноводному, не сломав эту идею. И она была сломана, и мы знаем ряд рыб, у которых воздушный пузырь развился далее в легкие и которые могут вдыхать воздух. Как мы можем перейти от кладущего яйца пресмыкающегося к млекопитающему, родящему живых детенышей, не приведя одной из обеих идей в столкновение с действительностью. И на самом деле однопроходные (Monotrema), являются целым подклассом кладущих яйца млекопитающих. Я в 1843 г. видел в Манчестере яйца утконоса и в своей высокомерной ограниченности издевался над глупостью, что будто млекопитающее может класть яйца, а теперь это доказано. Так не делайте же по отношению к идее стоимости того же самого, за что мне впоследствии пришлось просить прощения у утконоса.

НЕЛЕГАЛЬНАЯ ПЕЧАТЬ В ПОЛЬШЕ.

(Из воспоминаний).

Феликс Кон.

С самого начала революционного движения в России все силы царизма были направлены на то, чтобы не допустить печатного общения между революционными партиями и массами. Вот краткий перечень того, что с 1861 года до возникновения «Народной Воли» удалось революционерам издать при необыкновенных усилиях и жертвах.

В 1861 г. воззвания: «К молодому поколению», Что нужно населению» и «Молодая Россия».

В 1868 г. небольшой печ. орган «Народное Дело».

В 1869—1870 г.г. несколько воззваний партии «Народная Расправа» или «Общество Топора».

В 1878—1879 г.г. пять номеров органа «Земля и Воля» и 5 номеров «Листка Земли и Воли». С возникновением «Народной Воли» подпольная издательская деятельность усилилась весьма незначительно. За семь лет издано 12 (в сущности 11, так как один—двойной) номеров «Народной Воли» и три или четыре «Листка».

Результаты—более чем мизерные, но, тем не менее, гораздо больше, чем в Польше, где и надзор за типографиями был строже, и политический сыскной полицейский аппарат, воспитанный на борьбе с патриотическим движением, действовал гораздо исправнее, чем в России.

Было еще одно условие, из-за которого польские революционеры были в худшем положении, чем русские. В Польше нарождавшаяся буржуазия, почуявшая возможность наживы в России, переходившей в то время от натурального хозяйства к денежному, всеми силами и средствами боролись против всяких попыток нарушить столь желанное для промышленности и торговли состояние спокойствия.

«Судьба,—вещал лидер либералов позитивистов—Александр Свентоховский,—открыла перед нами широкое поприще торгово-промышленных завоеваний. Этим поприщем мы до сих пор не завладели в достаточной степени, а на нем мы можем добиться гораздо более верных успехов, чем те, на какие мы до сих пор возлагали все свои надежды».

При таком отношении т. н. «общества», при подозрительном, а подчас и враждебном отношении крестьянства, только что наделенного Александром II землей,—по политическим соображениям, гораздо щедрее, чем русское крестьянство,—наконец, при почти полном отсутствии естественной базы в лице тогда только что нарождавшегося рабочего класса, вышколенному Муравьевыми-вешателями, Треповыми и Бергами, административно-полицейскому аппарату было нетрудно парализовать усилия горсточки революционной молодежи наладить подпольное издательство.

В совокупности всех этих условий, Польша и Россия поменялись ролями: Польша стала олицетворением кладбищенского спокойствия, Россия же начала загораться революционным пламенем. В Польше до семидесятых годов всякое движение замерло и воспитывавшаяся в России польская революционная молодежь, не находя для себя деятельности в Польше, всецело отдает себя русскому революционному движению.

Весьма характерно в этом отношении заявление Игнатия Гриневецкого, члена партии «Народной Воли», совершившего 1/13 марта 1881 года удачное покушение на Александра II:

«Когда вы пойдете в лес (в повстанческие банды), я буду с вами, но теперь, когда вы ничего не делаете, я буду бороться за свободу России».

Начиная с 1874 г. в этой польской молодежи просыпается желание приобщить Польшу к революционному движению. Петербургский кружок, состоявший из студентов технологов Александра Венцковского, приезжавшего недавно в Советскую Россию в качестве польского уполномоченного в связи с делом об убийстве в Польше советской миссии Красного Креста, умершего в прошлом году; Людовика Варынского, осужденного по делу «Пролетариата» и умершего в Шлиссельбурге; Болеслава Вислоуха, ныне редактора «Курьера Львовского»; Эдмунда Бржезинского—многолетнего эмигранта, ныне поклонника Пилсудского, Эразма Кобылянского и студентов медико-хирургической Академии Яна Гласко и Болеслава Мондшейна, умерших в Сибири, в ссылке,—направляет Яна Гласко в Польшу с поручением прозондировать почву.

Первое, на что наталкивается Гласко—это полное отсутствие социалистической литературы и полная невозможность издавать ее в т. н. русской Польше. Ему оставалось сделать то, к чему впоследствии приходилось прибегать не раз: отправиться за изданиями в Галицию—во Львов. Но при отсутствии движения в русской Польше, само собою разумеется, что и за пределами ее социалистическая литература процветать не могла. Точно установить, что привезено Гласко из Львова нельзя, известно только, что им доставлено несколько десятков экземпляров брошюры: «О рабочем вопросе» Болеслава Лимановского, лассальянца, который сущность рабочего вопроса сводит к следующему:

«Знание и труд встретились на пути, ведущем к общей цели. Чем теснее будет союз между ними, тем лучше и для знания и для труда. В этом сущность вопроса, в этом—будущность рабочего класса».

Вслед за Гласко двинулись в Польшу из Питера и Киева другие революционеры, в частности Филипина Пласковицкая, положившая начало работе среди крестьян, и Людовик Варынский, самый выдающийся революционер того времени. Без печатного слова революционная деятельность развиться не могла и перед прибывшей, уже в большем количестве, польской революционной молодежью, вновь во всей своей остроте стал вопрос о социалистической литературе. О нелегальной типографии весьма незначительному кружку нельзя было и мечтать, привезти необходимые книги из-за границы за отсутствием там таковых тоже нельзя

было, и поэтому пришлось первым пропагандистам самим заняться составлением первых брошюр.

В этот период превалируют переводы и переделки. Казимир Гильдт перевел Лассаля: «Капитал и труд» и «Косвенные налоги», Станислав Мендельсон—брошюру Бракке «Долой социалистов», Иосиф Плавинский перевел с немецкого брошюру Владимира Рожановского «Жизнь генерала Домбровского» (погибшего в Париже во время Коммуны), Симеон Дикштейн переделал с украинского «Рассказ старого хозяина», неизвестным переводчиком переведена на польский язык знаменитая «Хитрая механика» и «Непримиримые направления». Эти брошюры, доставленные в начале 1878 г. Гильдтом и Серошевским из-за границы, по словам биографа Людовика Варынского, вызвали как среди молодежи, так и среди рабочих необыкновенное воодушевление. Это была капля в море потребностей, но нельзя упускать из вида, что молодежь вся, а рабочие отчасти, пользовались и русскими изданиями.

В течение этого же 1878 года скудная социалистическая библиотека была пополнена еще тремя изданиями. Катехизис Луи Блана, Катехизис Ивана Франко, написанный им по-польски и «Программа рабочих» Лассаля. Из этих трех брошюр заслуживает внимание брошюра И. Франко ввиду того, что автор затрагивает в ней вопрос об отношении социализма к патриотизму, к государственной независимости и т. д. «Социализм не противоречит патриотическому чувству, т. к. при социализме недопустимо всякое угнетение, всякая эксплоатация и человека человеком и народа (нации) народом. Смело можно сказать, что действительно величественное и свободное развитие всякой нации может воспоследочать только при социалистическом строе, как самом свободном и обеспевивающем народу материальное благосостояние. Политическая независимость сама по себе не имеет никакого значения при наличности внутреннего социального порабощения. Какая может быть польза для нашего народа от того, что вместо Москаля или Пруссака, будет собирать и расточать налоги правительство, состоящее из наших собственных панов, заботящихся,подобно Москалю и Пруссаку, не о благе народа, а о себе самих? Какая нам польза от того, что у нас будет свой собственный король в то время, как ростовщики и капиталисты будут нас по-прежнему грабить и эксплоатировать? Наоборот, до тех пор, пока мы не дадим народу надежды (!) на социальную реформу (!!), т.-е. на улучшение его материального благосостояния (!!), до тех пор он всей своей массой не двинется на борьбу *за свою и нашу политическую независимость*» (курсив наш).

В настоящей статье я лишен возможности дольше и подробнее остановиться на этом вопросе, интересующихся им я вынужден отослать к своей статье «Раскол в П. П. С.», напечатанной еще в начале 1907 г. в «Русском Богатстве», здесь же я только отмечу, что Франко в своем катехизисе приспособляет только старый рецепт Тадеуша Костюшко «Освободим народ (от закрепощения), а он нас освободит»—формулу, которую впоследствии Иосиф Пилсудский на деле заменил формулой: не независимость для пролетариата, а пролетариат для независимости.

Отмеченное нами выше заявление Гриневецкого, о готовности вступить в повстанческие банды и «Катехизис» Франко отражают мировоззерцание первых пионеров социализма в Польше, сочетавших «патриотизм» с «социализмом». Особенно четко эта смесь «парижского с нижегородским» проявилась в журнальчике арестованных социалистов, «Голос Узника», издававшемся ими в X павильоне Варшавской цитадели.

В высшей степени характерно, что рабочий класс Польши уже в семидесятых годах не разделял этого двойственного настроения тогдашней польской социалистической интеллигенции.

Когда в России возник «Северный союз русских рабочих», варшавские рабочие по собственной инициативе отправили ему приветственный адрес, в котором отметили, что рабочие должны стать выше национальных рассчетов и стремиться к общечеловеческим целям. Мало того, программа «Северного союза» была переведена на польский язык и в рукописном виде распространялась среди польских рабочих.

Все эти издания не восполняли самого важного пробела, не прекращали идейного разброда в среде первых пионеров социализма в Польше... Вопрос о программе стал во всей остроте. Юные мечтатели грезили об отпечатании в самой Польше программы, которая должна была быть составлена при участии П. Л. Лаврова, Николая Жуковского (бакуниста) и Драгоманова. Буквально по горсточкам собирался шрифт, с неимоверными усилиями собирались принадлежности типографского станка— и все это неукоснительно попадало в руки жандармов. Волей неволей пришлось отказаться от этой мечты и отправить программу для напечатания за границу, в Швейцарию. Но тут, на этой программе отразились все подтачивавшие первые социалистические кружки разногласия: и отзвуки патриотизма, и налет анархизма, и стремление к реальной практической работе, и интеллигентская наклонность к абстрагированию, и отголоски польского демократизма сороковых годов, и влияние русских революционеров. Фактически эта программа, известная под названием Брюссельской, по мнимому месту ее издания, т. к. в действительности она была издана в Женеве, не была программой, а лишь сжатым абстрактным очерком основ социализма с добавлением кое-каких конкретных директив, весьма смутно формулированных для того, чтобы удовлетворить и объединить всех тогдашних польских социалистов. В составленном в Варшаве тексте был довольно резко подчеркнут национальный элемент. В изданном за границей этот элемент исчез. Но на-ряду с этим за-граница наложила на «программу» более анархическую печать, чем это было сделано в Польше. Воспроизводя женевскую резолюцию Первого Интернационала «Экономическое освобождение рабочих составляет великую *цель*, которой должны быть подчинены, как *средства*, все политические движения», польские эмигранты за границей выкинули эти слова «как средства», другими словами приняли в этом вопросе Бакунинский тексте. На изменение текста несомненно повлияли и опортунистические элементы. В захваченной галицийской полицией рукописной программе говорится о неизбеж-

ности «*кровавой* революции», в напечатанной программе слово «кровавый» устранено.

Особенно долго останавливаться на этой программе не приходится. Вызываемая арестами смена руководителей вызывала и изменение программы. Во второй половине 1879 года приезжает в Варшаву Болеслав Вислоух, Сигизмунд Познанский, Фаддей Врублевский и другие и с их приездом вновь усиливается патриотическое течение в социализме... Но в самой Польше нет прессы, на столбцах которой интернациональное течение могло бы сразиться с патриотическим. Борьба ведется за границей, главным образом в Швейцарии, на столбцах журнала «Равенство». «Брюссельская» программа не удовлетворяла ни одной из боровшихся сторон. Каждая прибывающая из России группа социалистической молодежи приезжает с проектом новой программы. Среди этой молодежи начинают появляться столпы будущей национал-демократической партии, с Сигизмундом Балицким во главе, но интернациональное течение, представляемое женевской группой, в руках которых находилось «Равенство», превалирует в рабочей среде, крепнет все более и более, чтобы, в конце концов, оформиться в программе соц.-рев. партии «Пролетариат». За все это время социалистическим группам в Польше удается издать один номер, изданный на гектографе всего в 39 экземпляров газетки п. з. «Беседы с рабочим людом».

О деятельности в области печатного слова партии «Пролетариат», первой партии, которой после 1863 года удалось издавать подпольно печатный орган поговорим в следующей статье.

ФИЛОСОФИЯ, КАК СЛУЖАНКА БОГОСЛОВИЯ.

(Л. Карсавин. Saligia. Петр. 1918. Он же. Введение в историю. Петерб. 1920. Он же. О свободе. «Мысль». I. Петерб. «Academia». 1922. Он же. Noctes Petropolitanae. Петерб. 1922).

П. Ф. Преображенский.

У всей европейской философии XIX в. была одна заветная мысль—стать строгой и бесспорной наукой. Пусть та эпоха, когда она была началом всех наук, а затем и царицей их, прошла—осталась потребность владычествовать, быть обладательницей самых полных и самых последних истин. К владычеству же был только один путь—уничтожить все следы своего происхождения из религиозных представлений человечества, прикинуться непомнящей родства, а затем так же основательно забыть и о своих грехопадениях, стереть и вытравить сакраментальное «philosophia est ancilla theologiae». Именно этим стремлением строго на строго отмежеваться от всякого богословия, а если возможно, и от всякой метафизики, была создана и определенная отрасль философского знания—гносеология, которая у некоторых представителей воинствующего критицизма грозила поглотить всю остальную философию почти что без остатка. В гносеологии был найден карающий меч, готовый опуститься на голову всякого вольнодумца или просто мыслителя, настолько лишенного скромности и знания приличий, полагающихся при философствовании, чтобы выдать секреты строгой, непогрешимой, основной науки. Оставалось только одно маленькое «но». Распростившись с богословием, философия все же решила оставить у себя «власть ключей», право иметь истины, столь же общеобязательные и значимые вне времени и пространства, какими были все откровенные истины богословия. За отсутствием точек опоры на земле, так как земное тлен и прах по сравнению с вечностью, из-за робкой стыдливости фиксировать их на небе появилось какое-то промежуточное царство философских теней, подобных «сознанию вообще», «гносеологическому субъекту» или общезначимым ценностям. Все земное было оттуда выметено дочиста—не осталось ни вкуса, ни запаха, ни цвета, и, казалось, можно было бы успокоиться после такого основательного изгнания исторических и психологических санкций.

Беда заключалась в том, что чем больше укладывалось труда на устройство этого царства философских теней, тем более раскрывало заключенные в себе противоречия здание западноевропейской культуры. Историки всегда отличались нескромностью, сейчас мы увидим разительный пример этому положению, и потому да будет нам позволено высказать предположение о взаимной связи этих двух фактов. Пока храмина буржуазной культуры, несмотря на все свои трещины, держалась еще достаточно прочно, философские тени обладали некоторой долей видимой убедительности и были, одним словом, на потребу. При насту-

плении же землетрясения оказалось, что трепещущие руки выбитых из колеи людей хватаются за воздух вместо столпа и оправдания своих истин. Так возник снова самый страшный и недоуменный вопрос: «что есть истина?».

При наступлении страшного суда, как известно, все человечество будет поделено на козлищ и овец, на стоящих одесную и стоящих ошую. Если мы оставим в стороне вопрос о взаимной принадлежности этих лестных названий, о прославлении одних и вечном осуждении других, то у нас все же останется один факт, что при суде над земной культурой все участники его, судьи и подсудимые в одно и то же время, распределяются на два противостоящих друг другу лагеря. Возможно, конечно, представить себе и нейтральных людей, но, во-первых, это духовные мертвецы, а, во-вторых, бессознательно они все же льют воду на чью-либо мельницу. Но не только одни Пилаты входят в это царство смерти, склоняется к Аиду жребий и тех, кто крепко цепляется за мертвое для того, чтобы остаться живым. Лагерь схватившихся за старые ценности, за старые истины все равно обречен на погибель. И не о смерти физической здесь идет речь—человек как родится позднее физического рождения, так и умирает раньше физической смерти,—смерть начинается с поклонения мертвому идолу вместо живого Бога.

Уже само разделение заставляет обе стороны говорить внятнее и громче, а у обреченных на смерть выговариваются самые последние и самые заветные слова и секреты. У Достоевского есть рассказ «Бобок», где похороненные на кладбище покойники некоторое время еще предаются самой тривиальной земной жизни, пока самому догадливому из них не приходит на ум мысль, как хорошо было бы им всем перед окончательной смертью обнажиться и предстать друг перед другом в своей не стесненной условными приличиями природной красе. Так, к обнажению из-за разделения прибавляется и еще один мотив—в виде грядущей смерти. Тайное становится явным, а сокровенное—секретом Полишинеля. Давно ли гносеология была краеугольным камнем всякой «научной» философии, а теперь, оказывается, ее можно квалифицировать в виде «измышленной ими, лукавыми, хочу я сказать, людишками, лженауки, называемой гносеологией и подобной в некотором отношении зверю, носящему имя «скорпион» (Saligia, 6). Так отзывается о ней, ставший нескромным философом, нескромный историк Л. П. Карсавин. Почему же такая немилость и даже такое коленце по отношению к недавней царице дум? А потому,что: «Всякая более или менее продуманная философская система приводит нас к идее абсолютного бытия или Бога и мыслит это абсолютное бытие, как совершенное, простое всеединство» (О своб., 59). Декорации переменились,—вместо бесплотных теней появились старые знакомцы, гносеология уничтожилась в пользу самой откровенной онтологии. Пожалуй, даже мало сказать откровенной онтологии, так как онтология Л. П. Карсавина является самым неприкровенным богословием. Это нисколько не удивляет, так как присутствие или отсутствие фигового листка дело личного вкуса, а знаменательным можно считать тот вызывающий тон,

с которым производится это снятие покрывала. Во всех философских рассуждениях Л. П. Карсавина есть какое-то озорство и даже некоторая фривольность, которая иногда наводит на совсем еретическую мысль, что эта идея абсолютного бытия или Бога заключает в себе тоже что-то весьма фривольное для своего паладина. Во всяком случае почтения к этой, может быть, и весьма почтенной, идее из писаний Л. П. Карсавина не выносишь. Мы не беремся судить, в чем тут дело, в свойствах ли самой идеи, свойствах самого автора или, наконец, ее несвоевременности, мы только констатируем факт, который своеобразно окрашивает раскрытие таинств философии Л. П. Карсавиным. А пока запомним только одно,— что философия в лице некоторых своих представителей возвращается в свой отчий дом, где вечные истины получают гораздо более основательную санкцию, чем в любых категориях гносеологического характера. Ибо церковь, — сообщество людей, объединенных вечными истинами с божественной санкцией,—создана на камне, и не адовым вратам земных переворотов одолеть эту источную хранительницу твердых норм знания и поведения. Но не только выдуманная лукавыми людишками гносеология изгоняется Л. П. Карсавиным во славу единственно истинной, по его мнению, философской системы, которая имеет в своем основании идею совершенного Всеединства. Эта идея оказывается идеей Всеединства не только в аспекте мистическом, но и в своем чисто практическом приложении. Она дает твердое основание для учения о семи смертных грехах и даже оправдывает убийство несовершенного, чтобы вернуть его Всеединству. Поклонник Всеединства должен «убивать любя и любить убивая» (Sal., 72). «И пусть встанут перед тобою тени всех убитых тобой и наполнятся уши твои стонами вдов и сирот, а сердце твое пусть жгут слезы их, научая тебя великой жертвенности любви и источному единству наслаждения и муки» (Ib.). Конечно, и ветхозаветные пророки призывали к убийству врагов Божиих, но ведь то были пророки, да к тому же им и в голову не приходило толковать об единстве наслаждения и муки— изысканной приправе сомнительных эстетов и упадочных религиозников наших дней. Такова уж судьба нашего поколения—призываешь на священную войну пророческими словесы, а выходит что-то близкое к кощунству.

Если во имя Всеединства можно пролить кровь, то нисколько не удивительно, что философия Всеединства дает прямые ответы на все мучащие современность вопросы, начиная с вопроса о свободе воли и кончая метафизикой любви.

В Боге или совершенном Всеединстве заключено не только наше настоящее, но и прошедшее и будущее или, иначе говоря, он всевременен. Вся тварь есть абсолютное ничто и только в причастии абсолютному всеединству она становится чем-то, начинает обладать жалким подобием всевременности. А раз так, то и душа человеческая актуально переживает настоящее, убледненно прошедшее, а погружаясь в себя, может воспринимать и будущее. Именно с такой философской прелюдии и начинаются чудеса в решете историка, совлекшего с себя исторического Адама, чтобы убелиться в ризе мудрого философа.

Думается, что не в этой прелюдии заключается «корень вещей», ибо для современных эмпириков подобные умозрения вряд ли доказательны—современный Фома неверный обязательно захочет вложить персты в раны. Поэтому и Л. П. Карсавин облекает свою метафизику в эмпирические одежды. Эмпирия вводится прямо оглушительным аккордом—«Я буду исходить из фактов, не разрушимых для самой строгой и придирчивой научной критики, из таких, отрицание которых свидетельствует о предвзятости догматического упорства» (О свободе, 59). И, действительно, есть во что упереться—здесь и ясновидящая Frau de Ferriem, которая предсказала и пожар в Нью-Иоркской гавани, и землетрясение на Мартинике, и катастрофу в копях Дукса, и крушение одного немецкого учебного судна—события, как видно, все неприятные и страшные, и извлеченный из-под пыли веков Нострадамус, в своих катренах, с особенной любовью расшифровываемых Л. П. Карсавиным, предвидевший чуть ли не всю историю Франции, кончая Наполеоном I. Таковы «несомненные факты, спорить с которыми может лишь человек совершенно чуждый научному методу и ставящий свои предрассудки выше очевидности» (О своб., 65). Остается только искренно пожалеть, что или сам Л. П. Карсавин, или кто другой, интимно близкий к пресловутому Всеединству, не погрузился в самого себя и не прочел в книге судеб тех перемен, которые предстоят нам грешным, живущим в столь полное всякими неожиданностями время. Правда, некие современные Нострадамы пробовали определять по Апокалипсису конец начавшегося в 1917 году антихристова царствия, но, повидимому, не обладали экзегетическими талантами петербургского историка, чтобы довести свои гадания до конца, а, может быть, проклятая эмпирия подгадила—усидели большевики и такая верная книга, как Апокалипсис, не указала ни времени, ни сроков.

Оставим в стороне тонкие философские различия, проводимые Л. П. Карсавиным между «истинной свободой», свойственной творению в его Богобытии, «свободой тварной», которой обладает всеединство твари и, наконец, «тварной эмпирически-индивидуальной свободой» (О своб., 87—88), выпавшей на долю нам грешным, тем более что свобода Л. П. Карсавина есть тоже довольно замысловатая вещь, так как душа человеческая становится свободной в причастии к абсолютному, к Всеединству (О своб., 80), а не в свободе выбора (Sal., 37), и, следовательно, все души современных грешников рано или поздно вернутся в свое первозданное лоно. Бороться с хитрым Всеединым трудно, так как человек только по недомыслию стремится к разным целям—предмета цели вне Бога быть не может. Остается, пожалуй, утешиться и возблагодарить Л. П. Карсавина за то, что и российская революция как-нибудь приютится в такой универсальной и удобной вещи, как Всеединство.

Нехорошо только одно. Л. П. Карсавин не всегда договаривает свои мысли до конца и не везде бывает столь решителен, как в своих рассуждениях о свободе. В своем «Введении в историю» он довольно смутно характеризует задачу историка как «постижение и изображение необходимого процесса развития человечества в его социально-психической дея-

тельности чрез посредство сопереживания» (Введ., 17). Можно с уверенностью сказать, что вся смутность определения, да и всей книжки происходит единственно из-за излишней скромности Л. П. Карсавина. Совершенно ясно, что было бы гораздо последовательнее конструировать историю как науку тоже на понятии Всеединства. По крайней мере, перспективы были бы гораздо обширней—Frau de Ferriem или Нострадам оказались бы лучшими специалистами историками. Зачем заниматься такой «скучной историей», как история прошлого,—не лучше ли живописать историю будущего. Гораздо поучительней и во всяком случае много полезней. Источники философии Л. П. Карсавина лежат, несомненно, в платонизме и плотинизме, и нам становится понятно, почему в платоновом государстве правят философы; посадить бы пару Нострадамов, а за их отсутствием двух проповедников Всеединства в Совнарком,—и все бы пошло как по маслу. Жаль только, что истолковывать-то Нострадамов приходится post factum—никак не истолкуешь в самый момент появления пророчества. Философы Всеединства и еще в одном смысле оказались бы прекрасными правителями. Всякое правительство считает себя по своему прогрессивным, но идеал теоретиков прогресса—«полнота жизни человечества во всех ее проявлениях и счастье его»—в философии Всеединства получает существенное дополнение нравственного порядка, он «должен сделаться достоянием всех людей, как еще не рожденных, так и нас и умерших» (Введ., 33). К прискорбию, такое устроение человеческого счастия возможно только, «когда небеса сольются в свиток». Такое понимание прогресса имеет то несомненное преимущество, что оно согласно с принципами истории в изложении Л. П. Красавина, но надо сознаться, что оно несколько неудобно—ведь это Страшный суд, а потому нам становится страшно и со страху, что время преобразится в вечность и изыдут сотворшая злая в воскрешение суда, приходится отказаться от услуг философов Всеединства по управлению, хотя и заманчиво осчастливить не только живых, но и умерших и не рожденных, ибо, повторяем, только в такой максималистической формулировке теория прогресса может быть приемлемой нравственно.

Чтобы покончить с этой исторической мистагогией, напомним Л. П. Карсавину, что даже его эмпирические угрозы по адресу инакомыслящих не так новы в русской литературе. В май-июньском выпуске «Дневника Писателя» за 1877 год Ф. М. Достоевский приводит найденные одним русским ученым в Лондоне предсказания некоего Иоанна Лихтенбергера. Иоанн Лихтенбергер, кстати современник Нострадама, также предвидел Великую революцию и Наполеона (какое трогательное совпадение), но в одном отношении он даже превзошел французского придворного астролога. А именно, он предсказал восстание «орла великого на востоке», который полетит к югу, чтобы возвратить потерянное. Если уж революция и Наполеон были предсказаны, то, казалось, можно было поверить и дальнейшему, да к тому же и соблазн был велик—русско-турецкая война и исступленное «Константинополь должен быть наш». Достоевский, разумеется, совершил требуемую экзегезу, сделав ее не хуже,

чем Л. П. Карсавин и, пожалуй, даже больше прочувствовал ее, ибо, смеем мы думать, были убежденее и страстнее в отстаивании своих идеалов, но снабдил ее своеобразным послесловием—«Серьезно говорить обо всем этом трудно; все это лишь мистическая аллегория, хотя бы и похожая несколько на правду». И хорошо сделал, так как полет орла великого на востоке окончился довольно плачевно. А каково было Достоевскому делать такую оговорку—ведь орел-то был воспламенен любовью милосердия и сверкал двумя крылами на вершинах христианства. К сожалению, мы не знаем, кто был тот, живший в Лондоне русский ученый. Если бы Л. П. Карсавин был убелен весьма почтенными сединами, то можно было бы, не колеблясь, приписать это открытие ему. Остается только порекомендовать вниманию Л. П. Карсавина следующие за приведенной нами выпиской рассуждения Достоевского о подобных предсказаниях и констатировать тот факт, что люди в наше время стали куда смелей и безапелляционнее в своих суждениях. Ведь все же Достоевский писатель, да еще мистик-реалист, а Л. П. Карсавин ученый историк.

Мы не случайно заговорили о Достоевском, так как в своих «Noctes Petropolitanae» многими нитями связан с ним Л. П. Карсавин. Мы имеем здесь метафизику любви и, если во многом мы усумнились и будем сомневаться, то только не в том, что в лирике и пафосе любви и даже без всякой метафизики Л. П. Карсавин толк знает. Вся книга пропитана столь напряженным эротическим горением—стоит только вдуматься в рассуждения о недостатках любимой (Noctes, 26), о «любви к любви» (ib., 60) или о вторжении новой любви, беспощадной Хатор (ib., 75) в семью супругов, и сразу начинаешь ценить и остроту и верность целого ряда психологических наблюдений автора. Вслед за этой тонкой и любопытной психологией любви начинается ее метафизика—любовь обнаруживается как триединство любви и любящих, а так как Всеединство есть абсолютная любовь, то и оно должно быть триипостасным. Наконец, всякое плотское и любовное двуединство получает у Л. П. Карсавина свое обоснование в чете Иисус—Мария, которые в свою очередь являются индивидуализацией всеединых Софии и Христа. Конечно, несколько дико слушать эти схоластические выкладки, но «летом сладкий лимонад» бывает приятен—спору нет, а прихотливость предпосланного автором предисловия решительно предполагает присутствие у автора склонности ко всякого рода сладостям и пряностям. Двуединства же и триединства, да еще плотские и духовные, безусловно пряны в наш век пошловатой эмпирии.

Мы твердо уверены в существовании тесной связи между эротизмом и мистикой и думаем, что эту связь можно продемонстрировать ad oculos по всей истории религии. В литературе она ясно выступает у того же Достоевского. И Л. П. Карсавин может быть взят в виде исторического доказательства этого положения,—недаром любовь старца Зосимы неполна для Л. П. Карсавина тем, что она не оправдывает Федора Павловича Карамазова. Но в этих двуединствах и триединствах, присоединенных к гурманской психологии любви, есть одна черточка, интересная и в обще-философском масштабе.

Как мы уже упоминали, Л. П. Карсавин как философ стремится примкнуть к той философской традиции, которая тесно связана с именами Платона, Плотина, Николая Кузанского, Беме, Шеллинга, Соловьева, если называть только самых крупных ее представителей. Таким образом, современная философия Всеединства имеет длинную плеяду почтенных предков, но между ними и Л. П. Карсавиным есть существенная разница и настолько притом характерная, что на ней стоит остановиться. Старые представители философии Всеединства, создавая мир вечно-сущего, старательно стремились элиминировать из этого единственно реального, по их мнению, мира все элементы чувственности. Платоновское учение об Эросе с его различением Афродиты земной, демической, и Афродиты небесной представляет собой классическое выражение такого различения. Именно здесь и лежал соблазн—тесная связь эротизма и религии грозила все время выступить острым углом; еще суровый Тертуллиан, предупреждая Бодлера и Достоевского, характеризовал красоту, в особенности женскую, как «decor vulnerans animum», а Влад. Соловьев в своем учении о Софии, о Вечной женственности находился уже на положительно опасной стезе. Думается, что и Анадиомена Л. П. Карсавина носит на себе черты Афродиты земной, а не небесной. Стремление Л. П. Карсавина заключается не в очищении Всеединства от элементов земной чувственности, а, наоборот, в перенесении в его всеобъемлющее лоно всех чувственных элементов. В этом отношении психология любви тащит за собой его метафизику. Этот факт чрезвычайно поучителен, так как он стоит в несомненной связи с общей эволюцией религиозного сознания в наше время.

Если философия в своем стремлении стать обладательницей вечных и общезначимых истин, должна дать онтологическое обоснование своей гносеологии, а онтология в своем последовательном развитии принуждена будет упереться в богословский тупик, то можно сказать, что судьбы философии как строгой науки в значительной мере предопределены. Она становится служанкой богословия в то время, как само богословие, как и религия, становятся в свою очередь в положение услужающих и притом услужающих многим господам. Религия получает долженствующие оживить ее целебные впрыскивания то от эстетизма, как у Леонтьева, то от эротизма, как у Л. П. Карсавина, то просто от духовной немощи, морального и умственного бессилия, как у большинства богоискателей—«религиозников» наших дней, которые—и в этом наше искреннее убеждение—должны быть особенно неприятны истинно верующим, если только таковые возможны в наше время. Когда-то Бодлер страстно призывал к опьянению чем бы то ни было—теперь и религия стала таким опьяняющим средством, опиумом не столько для народа, сколько для интеллигенции.

Со старыми и отжившими ценностями, когда их желают поставить в качестве самообоснования, происходит удивительная метаморфоза—в них приходится вкладывать новое содержание, вдувать новую душу живую. Только тогда они кое как держатся на ногах, но это уже не нечто живое и творящее живую жизнь, а мертвая раскрашенная личина. Плеахнов, говоря об российской интеллигенции, саркастически замечал,

что у Клеопатры было много любовников,—думается, что у наших религиозников в объятиях труп. А великий насмешник Гейне сравнивал лицо увядшей красавицы с палимпсестом, на котором начертаны псалмы, а прежде значились вещи фривольного содержания; наша интеллигенция в некоторых своих частях становится похожей на такую красавицу, только на ее палимпсестах с псалмами выступают всякого рода фривольности,—Пресвятая Троица в соединении с маленьким канканчиком. Когда-то Эсхил был привлечен к ответу за разглашение таинств элевсинских мистерий—люди умели хранить неизреченное—«arreton» религии—теперь все неизреченное выговаривается, да еще на мотив камаринского.

Признавая своеобразный интерес многих теоретических изысканий Л. П. Карсавина, всю насыщенность его психологии эротизма, трудно удержаться от одного совета. И этот совет тоже можно извлечь из Достоевского. Герой «Подростка», рассматривая лиц, окружающих старца Макара Ивановича, замечает, что у этих последних решительно нет никакого «благообразия». Вот этого-то благообразия и нет во всех рассуждениях Л. П. Карсавина о религии—у Достоевского оно было, несмотря на то, что ему «глубины сатанинские», и вся психология как и идеала Мадонны, так и идеала Содомского была, наверное, более известна, чем Л. П. Карсавину. Да и в поэзии и срывах любви Достоевский был великий мастер. И, тем не менее, человек, умевший создать Федора Павловича Карамазова, дерзнувший написать исповедь Ставрогина,—а чтоб написать ее, он должен был ее и прочувствовать и пережить, становился скрытен и косноязычен, когда говорил о воскресении своих изведавших прелести Содома героев или о том, как он сам преодолел в себе Федора и Ивана Карамазовых или Николая Ставрогина. Да и преодолел ли? Тут тайна, которую мы и разгадываем, но и «благообразие». Его нет у Л. П. Карсавина. Поэтому нет и тайны. Не знаем приобретаются ли они. Fiunt или nascuntur. Если первое, то мы искренно пожелали бы Л. П. Карсавину благообразия. Относительно же тайны вопрос остается открытым.

Но, к сожалению, Л. П. Карсавин не только окутан тайнами, которые могут влечь к себе любознательные взоры критики—во всех его произведениях последнего времени проглядывает что-то очень знакомое и успевшее сильно приесться. Мы присутствуем при грандиозном зрелище—похоронах буржуазной культуры XIX века,—рушатся составлявшие ее ценности, которые не могут уже никого удовлетворить, над этими ценностями произносятся надгробные речи, иногда дышащие искренним пафосом и трагизмом. Возводится какое-то новое здание, в котором будет жить человечество. И, казалось бы, в этот момент культурного перелома нужно освободиться от гнета умерших ценностей, вековых традиций, в рабстве у которых мы томились. Если не освободимся в этот момент, не освободимся никогда.

И вместо этого пересмотра и освобождения, вместо того, чтобы уйти на пьянящий свежестью воздух, нас приглашают в спертый и удушливый

склеп. Наука и научное исследование стали неприятными, ненужными и понятно почему—именно они властно требуют новой жизни и новых вех, а потому так приятны объятия мистики, сумрак соборов и церквей. В этих объятиях, в этом сумраке можно остаться при старом и жить по старинке, а чтобы окончательно оглушить и себя, и читателя, можно вызвать из тьмы веков и Нострадамуса, из более близкого времени—ясновидящих всякого рода, приправить все это острой эротикой и, наконец, возвести эту хитрую механику в ранг самой подлинной эмпирии. И все же—все эти усилия—суета сует и всяческая суета. Прежде всего, ради кого и ради чего строить эти хитроумные и лукавые комбинации? Неужели умирающая культура буржуазной Европы, убивавшая и коверкавшая все живое, что рождалось в ней, стоит этих волхований и богословских упражнений! Неужели герценовские лавочники и проприетеры заслужили эти трогательные заботы о себе? А смерть большого стиля в жизни и в искусстве? а поля Галиции? Конечно, Л. П. Карсавин отречется от этих сомнительных забот и не признает своего родства с самодовольным и упитанным буржуа, над которым так едко издевались Герцен и Леонтьев. И, по видимости, будет прав, ибо что̀ общего у всеевропейского лавочника со средневековыми докторами богословия, между кургузым пиджаком и мантией римского прелата? Но это только видимость.

Чем была религия в руках большинства людей XIX века? Дурманом для народа в руках политиков и дурманом для себя в руках тех, кто инстинктивно не мог принять той культуры, в которой ему было суждено жить, и боялся или не мог произвести научного и бесстрастного анализа ее судеб. Религии в себе, религии, как имманентной части культуры, не существовало—ее век прошел и канул в вечность. Маркс вряд ли убедителен для Л. П. Карсавина—но вот Фрэзер, самый крупный из современных историков религии—и он признает, что век религии кончился и умер—как она последовала магии, так и ей пришла на смену наука. Сомнительно, чтобы и этот пример в чем-либо убедил Л. П. Карсавина—мы привели его как образчик научной честности ученого англичанина. Дело же в том, что, хотя Л. П. Карсавин и будет отрекаться от своих забот о буржуа XIX века—все же он пойдет по его следам. И для него религия будет не целью, а способом, то-есть тем, что уничтожает всю ее сущность и весь смысл ее существования. И он будет всяческими способами оживлять ее, совершенно непочтительно купая ее в водах эротики, теософии, астрологии, и единственно для того, чтобы уйти от научного анализа действительности, который настоятельно требует новых форм жизни и пересмотра старых истин и ценностей.

По всей вероятности, система Коперника скоро не понравится Л. П. Карсавину—он будет требовать от нас признания системы Птоломея или теории о трех китах, на которых покоится земля—аргументы найдутся—в этом-то мы не сомневаемся, зная схоластическую ловкость автора «Saligia». Ну, что же—пусть человек в каком-то плане своей душевной жизни знает свое будущее, предсказывает события, считает Иисуса и Ма-

рию прообразом плотского союза, находит мистические основания приводимому им древнему наблюдению, что всякое животное печально после совокупления, и утверждает, что солнце ходит кругом земли, а земля центр вселенной—когда-то Галилей, пусть это миф, ответил трибуналу святейшей инквизиции—«а все-таки вертится»,—мы ответим так же, но уже не в мифе, а в действительности.

ОЧЕРКИ ПО ИСТОРИИ РУССКОЙ ИЛЛЮСТРАЦИИ.

Проф. А. А. Сидоров.

Статья третья [1]).

Вторая половина XIX века.

I.

Подчеркнем лишний раз весь чисто практический интерес нашей темы. О, нет, не один только исторический и библиографический пафос нами руководит в том малом странствии по русской книге, к которому мы зовем всех, осознавших ее исключительную культурную роль в деле строительства новой жизни. Вернее, этот наш пафос историка и книговеда не противоречит тому основному нашему устремлению, которое могло бы быть выражено в сознании, что каждое время имеет свою книгу: такую, какую оно заслужило; и что время наше, заботы о полиграфии вознесшее на небывалую высоту (увы, приходится говорить скорее о заботах только, не о достижениях)—обязано присмотреться повнимательнее к тем страницам прошлого, на которых о достижениях таких сказано.

Среди страниц этих, повествующих о жизни и развитии новой русской книги, две прошли уже перед нашими глазами.—В десятых или, лучше, двадцатых годах XIX века пережили мы примечательный первый расцвет иллюстрации гравированной: в наших опытах, являющихся чуть ли не первой попыткой приложения к истории книги методов и выводов научного искусствоведения, остановка на точке пересечения, объединяющей литературный текст с его зрительным выявлением, была неизбежной и желательной. Но еще страница прошла перед нашими глазами; книга сороковых годов, неожиданно показавшая иной тип книжного производства, выросший в тесном сочетании с новыми потребностями в демократической и вместе с тем живописно украшенной книге: книга с гравюрами на дереве, включившая в себя всю остроту новой техники, ставшей сопровождением текста на иных, более тесных чем раньше, основаниях, должна бы была дать будущему чудесный образец. И вместе с тем мы видим, что следующее же поколение отворачивается от ксилографической книги; во второй половине века торжествует иная эстетика—иная идеология—иная книга. И обязан каждый деятель печати тем самым запросить историю: почему.

Отметим прежде всего, что о строгом выдержании масштаба предъидущих этюдов наших уже не может быть речи. Не «историю» мы пишем,

[1]) См. «Печать и Революция» 1922 г., кн. I, стр. 106—120; кн. II, стр. 127—142.

лишь «очерки». Они предопределены желанием дать живую общую перспективу. Книга второй половины XIX века—не одна страница повествований наших, а ряд страниц; иллюстрация того времени в компактную некую группу не укладывается. Наоборот, выявляет себя столь многообразно-непохожей, что мы не знаем, что с ней делать, можно ли где провести границы нашему вниманию. Представляется, что исследователь книги начала XIX века и книги сороковых годов очень легко и правомерно оставался в рамках своего временного интереса; был точным и академичным; но в теме новой не будешь таким: здесь хочется себе позволить некую широту размаха. Другое еще предопределяет иную методологию новой нашей темы. Книга как десятых-двадцатых, так и сороковых годов достаточно хорошо изучена. Только фактически, конечно, с грустью должны мы были констатировать, как далеки оказались интересы научной и художественной мысли от всех собирателей материалов и писателей монографий, с которыми только мы имели дело. Но в области книги второй половины века никто не произвел даже этой предварительной работы. Она, эта эпоха, слишком еще близка к нашей; мы, оценивая и охотно занимаясь эрою дедов, обычно от времени отцов отворачиваемся досадливо. И нам здесь,—сознательно добивающимся широты общего кругозора, отнюдь не крохоборчества определенных точно фактических мелочей,—невольно приходится неблагодарную выполнять работу собирателя и сортировщика.

II.

Книги второй половины XIX века чрезвычайно разнообразны по своему производственному принципу. Они рассчитаны на абсолютно разные круги читателей. В сущности именно только вторая половина XIX века сделала Россию классической страною дешевой книги. Но вместе с тем именно теперь появляется книга «роскошная», предназначенная для праздного лежания на столе какого-либо мецената из купцов. Она обычно облачена в толстый переплет из тисненой золотом материи, снабжена ярко блестящим золотым же обрезом, напечатана на толстой бумаге преимущественно разными красками и снабжена гравюрами, полученными из-за границы. Парижский Паннемакер был главным поставщиком этого товара, и под его мановением приемы так называемой «тоновой» гравюры на дереве привились у нас в России самым махровым цветом. Это, однако, только одна сторона дела. Третья четверть столетия вплоть до восьмидесятых годов видит продолжение старых приемов иллюстрирования: контрастную ксилографию сороковых годов «тоновая» сменила не непосредственно, а после длительного господства литографии и гравюры на стали. Мы говорили уже, какие следствия имеют эти техники для книги, как таковой. Исполняемые неизбежно в особых производственных условиях, требующие особых машин и средств, они, при всей своей доброй воле, не могут слиться с книгой в один организм. Текст оказывается разорванным от зрительного своего сопровождения. В книгу

приходится вставлять «отдельные таблицы», и этот, излюбленный для «роскошного» издания прием ведет в своем последнем выводе к полному разделению книги—повествования и альбома к ней. Иллюстрация, получающая свое последнее эстетическое оправдание только в книге и через нее, оказывается самостоятельной. Она улетает на все просторы. Мы видим ее на странице еженедельного иллюстрированного журнала, на выставке картин, даже на памятнике в скульптурной форме. Она делает попытку стать монументальной и облекается в формы, которые уже совсем определенно ставят над книгой крест. Именно здесь и приходится нам указывать на всю недопустимую опасность «литературности» в иных искусствах, например, в живописи. Наш протест определяется вовсе не боязнью того жупела современности, который именуется «идейным содержанием». Мы считаем литературную тему в художественном творчестве столь же допустимой, как и всякую другую. Иллюстрация, как искусство, в наших глазах стоит не ниже, чем самая беспредметная чистая живопись. Но только с одной оговоркой. Наша эстетика предопределена миросозерцанием, которое мы толкуем как конструктивно-органическое. Праздною и неэкономичной тратой сил нам представляется достижение одной цели средствами, которые лучше могли бы быть применены в другом месте. Иллюстрация в силу этого полное свое значение приобретает только в книге, хорошо иллюстрированная и изданная книга есть такой же шедевр искусства, как и самая знаменитая картина; запомните это, товарищи-книгоделы. Мы не устанем повторять, что искусством занимается и наборщик, и метранпаж. Текст и иллюстрация себя взаимно поддерживают и усиливают. Полученное высокое единство поистине великолепно. Признаемся также: редко оно до чрезвычайности.

Все эти мысли были нам нужны, чтобы сделать горестную заметку о непосредственной теме данной главы эволюции русского иллюстративного искусства. Время, нами изучаемое, от пятидесятых до девяностых годов девятнадцатого века, это—как раз одно из самых неконструктивных времен в истории искусства. Торжествует «все равно как». «Сюжет—это все». Художник, поверив этому до конца, оказывается послушником словесной указки. У нас в России все это хорошо понятно, как результат социальной перегруппировки и классовых интересов. Героем второй половины века является ведь «интеллигент», типично оторванное от всякого производственного процесса существо. И повесть об интеллигентском искусстве совсем такого недавнего времени, царствования двух Александров,—грустная повесть.

Думается, что полная нелепость иллюстрации, от книги отрываемой, явствует без дальнейших слов. Ибо—без текста не может она все-таки обойтись; и превращенное в то жалкое подобие самого себя, что именуется «подписью», литературное содержание беспомощно виснет под рамой картины. Но все же в очерках наших, именно здесь, мы не вправе отвернуться от этой нечистой, «гибридной» формы нами изучаемого искусства. Наша цель все же достижима только путем исторического анализа. Не книжная иллюстрация столь характерна для данного времени,

что, очень скрепя сердце,—признаемся,—нам все-таки придется начать именно с нее. Впоследствии увидим мы и другое: как рамки иллюстрации во второй половине века оказались расширенными еще на одну область, нами также незатронутую раньше. Но пока придется отметить, что главным «изобретением» русского искусства второй половины XIX века явилась иллюстрация вполне от книги автономная, иллюстрация-картина. И чтобы успокоить тех ревностных друзей наших, которые иллюстрацию понимают в праведно узком, книжном смысле, укажем, что и эта, картинная, иллюстрация сможет войти в круг нашего рассмотрения только поскольку она возвращается к книге—путем печатного воспроизведения. И вот почему.

Под «иллюстрацией» мы понимаем тот вполне правомерный автономный вид изобразительного искусства, который дает организованную зрительность образам, полученным путем словесным. Иллюстрация упорядочивает все те неясные переживания, которые родились у читателя лирического стихотворения, равно как и «ставит точки над i», подчеркивает представления, связанные с самым жизнеподобным повествованием. При широкой распространенности литературы в обществе, когда образы ее оказываются столь хорошо известными всем и каждому, что, мнятся, живут своей собственной жизнью уже вне книги (вспомним тип хотя бы Дон-Кихота), организовать наше знание о них было, очевидно, весьма соблазнительно для станкового изобразительного искусства. Организация эта в изучаемую эпоху сводилась к нарочитой «реализации» образа. То-есть: художник рисовал ряд самых реальных людей, ставил их в ту или иную ситуацию и придавал им посредством подписи (обычно именами) связь с тем или иным литературным произведением. Польщенными оказывались: автор произведения, художник, доказавший свою образованность, публика, узнавшая своих знакомых. Нужно ли говорить, что искусство здесь—вовсе еще не при чем?

Иное дело, когда такого рода иллюстрация возвращается к тому, почерпнутому из книги тексту, который дал ей первое бытие. К услугам автора картины—репродукция. Путем размножения через печатный станок такая иллюстрация порою находит себе место даже в книге, и было бы чрезвычайно важно подчеркнуть здесь, что созданная для восприятия живописно-картинного, далеко не всегда в ней уживается. Это даже—чудеснейший способ проверки иллюстративно-книжной логики. Картина слишком реальная, воспроизведенная в книге, как иллюстрация текста, во всех своих ярких реалистических красках неминуемо будет вываливаться из книги. И, наоборот, мы допустим в круг нашего рассмотрения некоторые примеры картинной иллюстрации второй половины века, потому что именно на них весьма ясно видно, каким условиям должны удовлетворять произведения изобразительного искусства в печати и в книге. Исследование специально иллюстративной концепции идет здесь рука об руку с наблюдениями полиграфическими.

III.

Поколение сороковых-пятидесятых годов XIX века было литературным и реалистическим: вернее, в нем медленно назревал тот поворот в сторону жанровой изобразительности, который мы условно называем так.—В истории русского изобразительного искусства поворот этот совершился в творчестве одного из замечательнейших наших живописцев, *П. А. Федотова*. К своему «Сватовству майора» Федотов дал, как известно, длинную стихотворную подпись характера басенного. Общеизвестна и другая его, чисто иллюстративная уже картина «Разборчивая невеста» Третьяковской галлереи, являющаяся непосредственным откликом на басню Крылова. Картина эта написана в 1847 году, и наша данная тема, имеющая содержанием русскую иллюстрацию второй половины XIX века, получает самое чудесное начало в сравнении, которое оказывается возможным произвести между этой картиной Федотова, и одной из многих позднейших подобных иллюстраций к тому же Крылову, созданной десять лет спустя. В 1857 году на академической выставке несомненный успех имела картина мало заслуживающего памяти художника *А. А. Попова* на тему «Демьянова уха». Художник, принадлежавший к следующему поколению после Федотова (Андр. Андр. Попов родился в 1832, ум. в 1897 г.),—последовательнейший реалист. Иллюстрация к Крылову превращена в жанровую картинку. Отдадим себе отчет, что при сравнении с «Разборчивой невестой» Федотова, у Попова все внутренние достоинства отходят на задний план. У Федотова большая острота сатиры. У Попова ничего подобного. У Федотова очень явственные живописные достоинства: глубина колорита, четкость рисунка. Ни того, ни другого у Попова нет. Как иллюстратор, Федотов дает по отношению к тексту нечто творчески новое: его картина в силу этого—дополнение, изъяснение, вывод из текста:—и вместе с тем, имеет право на самостоятельное существование. У Попова связь с текстом очень ясна: для знающего текст. Но текста не читавший не поймет, благодарит или отказывается от ухи угощаемый, или, если отказывается, то почему. Никакого дополнения к тексту нет. Наоборот, близость чрезвычайная: рядом с гостем лежит его кушак и шапка, которые ему подобает схватить, прежде чем побежать домой. Персонажи Крылова приобрели самый простой, будничный, анекдотичный характер: и мы, честное слово, не знаем, зачем надо было писать такую иллюстрацию. У Федотова другое: «трагедия перезрелой девы» ясно сказана в ее нелепом и жалком обличии: у Попова все можно переставить, перевернуть, ибо все—случайно. Мы знаем, впрочем, почему Попов дал все же иллюстрацию: так легче, изобретательная способность жанриста не напряжена, жизнь запрашивать о теме нечего, раз она есть в черном по белому. Но стоило ли Крылову писать так воспринятую басню?

И если этот наш подробный анализ должен бы был привести нас к убеждению, что принципиально более точная иллюстрация Попова

Попов, А. А.—«Демьянова уха».—Литография в «Художественном Листке» за 1857 г.—Пример «внекнижной» иллюстрации.

никчемнее творческой Федотовской, то с другой точки зрения нам придется подчеркнуть ее преимущество; она не только более *книжна* по связи своей с текстом, но и по форме, в силу своего плоскостного построения. В литографии, взятой из Тиммовского «Художественного Листка», того самого Тимма, который был героем русской иллюстрации начала 40-х годов, картина Попова приобрела плоский характер книжной страницы—который никогда бы не приобрела сочная и глубокая по краскам Федотовская картина...

Литография, плоская гравюра на камне, невольно оказывается в это время неизбежным передаточным мостом между живописью и полиграфией. Она ведь легче, чем гравюра на дереве. Поскольку она не может быть связана с набором в одно монолитное целое, она утверждает автономность изобразительного искусства, что было, очевидно, любезно сердцу художника. Недаром мы должны были отметить ее расцвет в 50-х именно годах. Она чрезвычайно производственной своею логикою связана с нарастающим реализмом. Гравюра на металле была аристократична; контрастная ксилография сороковых годов—более демократична, эстетична вместе с тем; литография—наиболее дешевый во всех смыслах прием. Она апеллирует к мещанским вкусам, ее можно раскрасить и сделать любезною сердцу ребенка и народа; и под карандашем крупного художника она будет безупречно красивой. Свое гражданство в русском

искусстве литография завоевала через портрет и через жанр. У нас есть полное основание утверждать, что иллюстрация не есть собственная область литографии. Мы вообще полагаем, что изданные еще в 40-х годах жанровые картинки талантливого И. С. Щедровского не являются темой для исследования в истории русской иллюстрации. Но в 50-х годах мы имеем иллюстрацию уже самого точного смысла, и рассмотренный нами пример картинно-жанровой иллюстрации к Крылову дает чудесное начало.

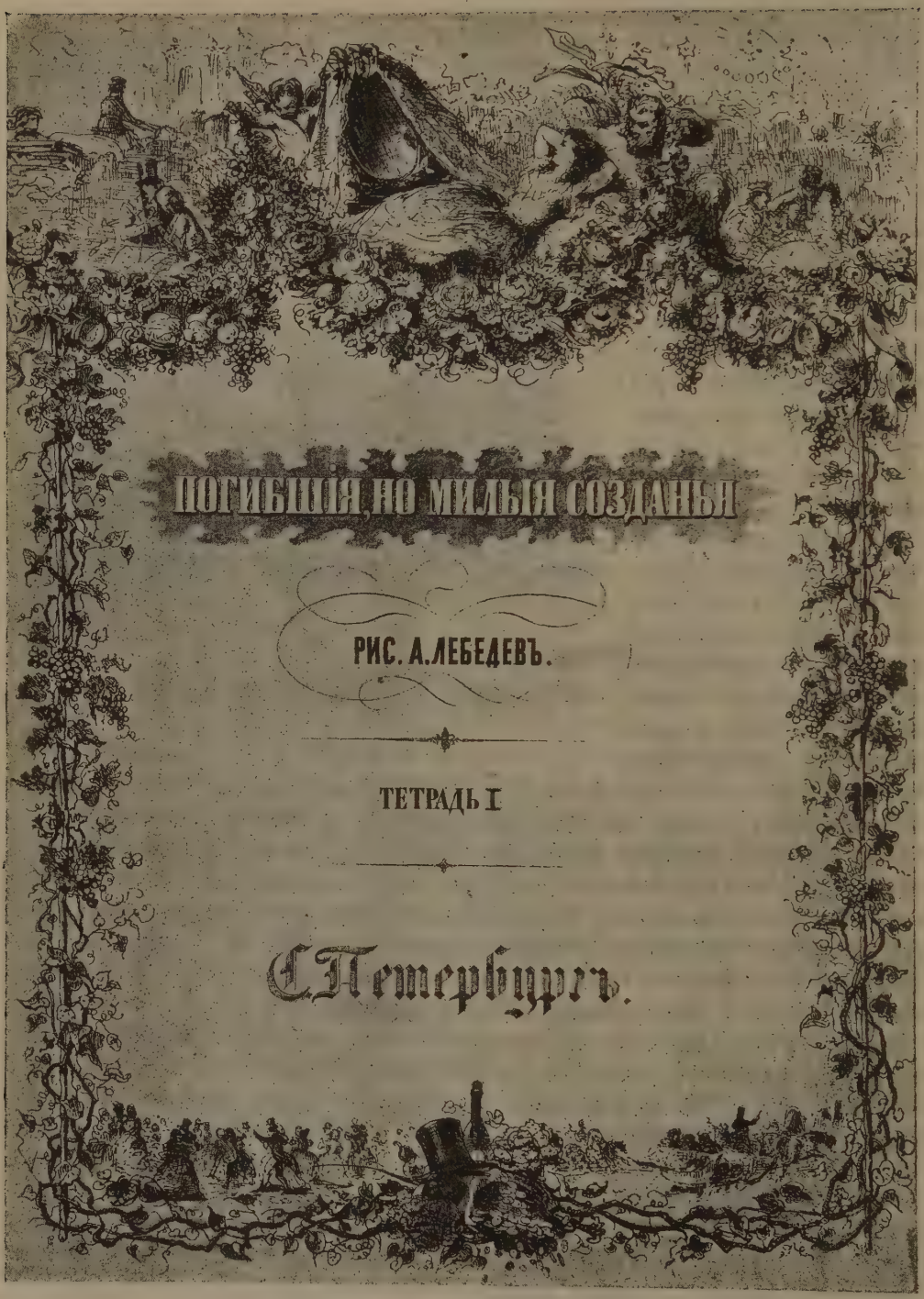
К поколению Федотова принадлежит, между прочим, бесспорно талантливый наблюдатель окружающей жизни Петр Мих. *Шмельков* (1819—1890). В 1859 году с его ближайшим участием (в Москве) вышла книга «Смех и слезы, рассказы доктора», А. Голицынского. Здесь ряд более или менее нелепых жанровых рассказов снабжен литографиями Шмелькова. Отношение к ним текста двоякое. Они иногда следуют фабуле, иногда же—фабула следует за ними. Так, особое «объяснение картинки» приложено к литографии, изображающей, как пьяный купец появился в дверях спальни «точь в точь как он изображен в рисунке г. Шмелькова». Рисунок очень неплох!—Иллюстрация ли это? Нам он важен, как принципиально в себе кроющий возможности очень интересных развитий. Шмельков—своеобразный «русский Домье», конечно, в той роли великого француза, где тот забывает о политике и превращается в бытописателя гримас буржуазии. Но в лице *И. А. Лебедева* [1]) (1826—1898) мы имеем и «русского Гаварни», безупречно изящного и легкомысленного рисовальщика веселящегося мира, художника, забытого незаслуженно. Здесь поповско-шмельковский литографский реализм переходит в грациозную картинку нравов, в альбомную страницу «Погибших, но милых созданий», часто с налетом эротики, всегда, однако, художественной. Эта линия, конечно, уводит из книги. Обложка Лебедева, стилем характерно беглым, совсем «импрессионистическим» покрывшая бумажную плоскость, не есть, конечно, идеальный вид книжной внешности, одинаково годная и для нот, и для театральной афиши. Но и от Лебедева возможно будет отвести в сторону дальнейшую линию развития. Непосредственно линию Шмелькова продолжает *П. М. Боклевский* (1816—1897), мастер, которому посчастливилось найти преданного биографа в лице К. С. Кузьминского [2]), впрочем, переоценившего своего героя. Боклевский, продолжая рисовать «типы» Мертвых Душ и Ревизора, не чета Агину сороковых годов. Но его выполненные литографией (не им самим) рисунки чрезвычайно характерны для изучаемого времени. Эпоха пятидесятых-семидесятых годов, последовательно реалистичная, от-

[1]) Александр Иванович.—В интересной заметке В. Я. Адарюкова, посвященной «Русскому Гаварни» («Жизнь Искусства» № 267), Лебедев назван «Игнатьевичем». Здесь путаница двух разных художников, получивших звание академика в один (1857) год. См. «Юбилейный справочник И. Академии художеств», т. II (1914), стр. 111.

[2]) «Художник-иллюстратор П. М. Боклевский», сост. К. Кузьминский. М. 1910.

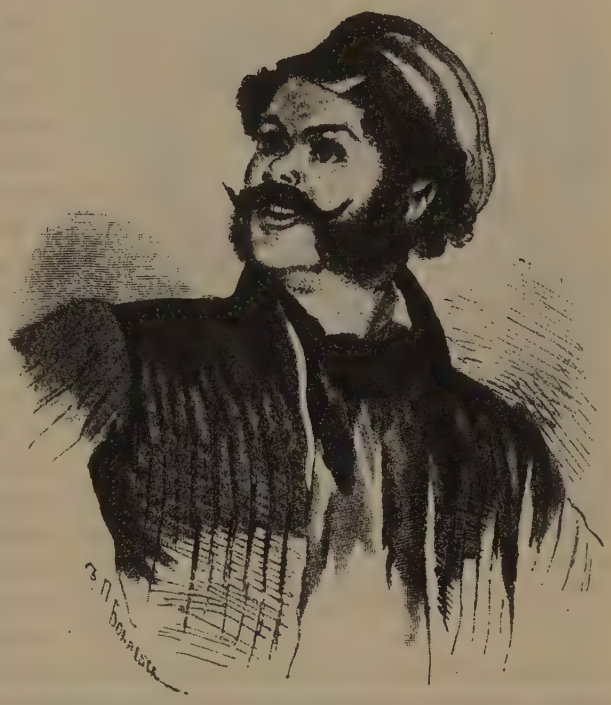
вергает, как это мы видим особо ярко именно у Боклевского, в иллюстрации ее самую душу, действенность. Сопровождение повествования, то, что наиболее в последнем нужно и интересно, отпадает перед волей очень трезвого времени прежде всего увидеть героев литературного произведения «как живых». Боклевский специализируется на портретах действующих лиц, следует слову писателя чрезвычайно точно, рисует портреты, имея на то особые навыки: так, например, все его лица как-то неизбежно оказываются склонными к полноте, аккуратности, чистенькой вылощенности. Того, что давал в своих лучших вещах Агин, социального смысла явления, Боклевский не достигает никогда. Его «Ноздрев» может быть очень верен букве текста (Боклевский его нарисовал по Гоголю с одной выдранной бакенбардой, приделанной уже гравером), но это именно «портрет», а не «тип».—Его иллюстрации к Островскому очень характерны, но являются в сущности не чем иным, как снова—портретами, на этот раз актеров, играющих те или другие роли. Боклевский был, может быть, популярнейшим иллюстратором Гоголя в свое и в наше время. Его альбомы (ибо Боклевский никогда не иллюстрировал книги, как издания), выходили в свет в 1858, 1859, 1860, 1863, 1875 и последующих годах. В 1881 году издан им «Альбом Гоголевских типов» с предисловием Стоюнина, конечно, хвалебным. Любопытно, что его рисунки воспроизводились литографией и гравюрой на дереве, чтобы в конце века, в 1895 году, заставить признать автора предисловия нового издания «Типов из поэмы «Мертвые Души», Л. Бельского, что все предыдущие способы репродукции рисунков Боклевского были «недостаточно художественными». Тонкая передача считалась ныне «единственно возможной в фототипическом способе». Увы, фототипия не особо сохранила свой авторитет для нашего времени!.. В общем Боклевский, конечно, свое место в истории русской иллюстрации сохранит. Он и портретировал

Шмельков, П. М.—Иллюстрация из «Рассказов доктора» (1859).—Жанровый анекдот, нуждающийся в «объяснении» подписью.



Лебедев, А. И. — Обложка к альбому. — Литография. — Декоративность при отсутствии книжной строгости.

героев не только Гоголя, а и Лермонтова, Тургенева, Печерского, Толстого и Достоевского совершенным оскорблением памяти автора «Преступления и наказания» представляется нам «Мармеладов» Боклевского. Можно было бы поднять интереснейший вопрос о том, как и кому иллюстрировать классиков наших. Из всех, кто в России брался за иллюстрацию, Достоевский никому не был по плечу...



Боклевский, П. М.—Ноздрев.—Гравюра на дереве.—«Портретная» иллюстрация.

IV.

Рассмотренные мастера, Шмельков, Лебедев и Боклевский, образуют «альбомную» группу русских иллюстраторов второй половины века. К ним, конечно, можно будет впоследствии присоединить ряд иных имен. Нам достаточно их трех: Шмелькова, который давал жанровые картинки, нуждавшиеся в объяснениях; А. Лебедева, который совсем уже самостоятелен от чужого текста, и Боклевского, который, наоборот, верует в текст, как в газетную статью—репортер. Но «альбомные» эти мастера были все-таки наблюдателями жизни и звали к острому жанровому реализму, то-есть, к злободневности. Отсюда в одну (не в единственную) сторону—переход к группе иллюстрации журнальной. Ее широкая распространенность в изучаемую эпоху делает для нас хотя бы беглый взгляд на нее обязательным. Конечно, *общественная* изобразительная сатира вряд ли всегда есть иллюстрация в точном смысле этого слова. Но именно шестидесятые годы, видевшие расцвет знаменитой «Искры» Степанова [1]), показывает нам, как развиваются на почве, взрыхленной жизнью, новые ростки невиданного ранее смысла. В какой-то мере *карикатура*, понятая как «иллюстрация к жизни», может ведь быть отнесена и в область иллюстрации вообще. Острые и часто меткие шаржи

[1]) Н. А. Степанов (1807—1877), отец русской сатирической карикатуры' конечно, заслуживал бы особенного рассмотрения. См. о нем С. Трубачев «Карикатурист Н. А. Степанов», «Историч. Вестник», 1891, II—IV, М. Лемке «Из истории русской сатирической журналистики», «Мир Божий», 1903, №№ 6—8.

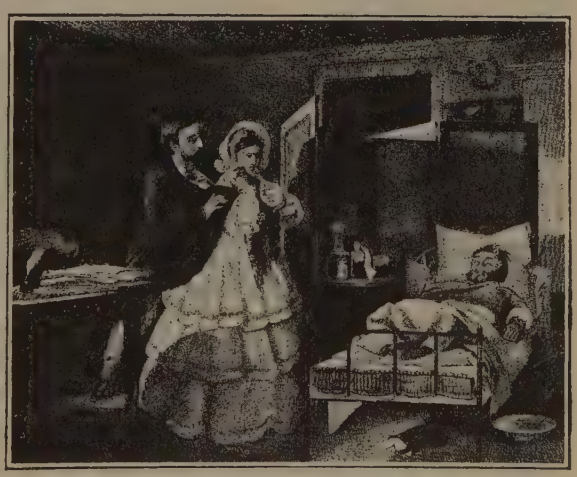
Боклевский, П. М.—Иллюстрация к пьесе Островского «Не так живи, как хочется».—Литография.

Степанова, где проходит перед нами вся общественная (в пределах цензурности) и литературная жизнь России, так же ведь организует представления, скажем, читателя газет,— как иллюстрация литературная делает это по отношению к тексту. Можно сказать, что отношения переменились;там— в литературу должен уверовать как в живую действительность художник, здесь— вымыслом часто злого какого шутника почудится правда. Но именно карикатура—уже, конечно, область автономная. В карикатурности упрекали и Агина и Боклевского Степанов и другие карикатуристы— логический вывод из целой определенной струи русской иллюстрации. Ее перерождение в откровенную сатиру— естественно. Чуть зашатались устои старого строя и то, что надо было раньшев ыражать «Эзоповым языком», хотя бы «сквозь Гоголя», теперь оказалось возможным уже не протаскивать через литературу. Именно отсюда— отсутствие социального момента сатиры у Боклевского (переданного им тому же Степанову) и появление специальных карикатурных журналов шестидесятых годов. Правда, русская сатирическая журналистика цвела очень недолго, что было вполне естественно в пресловутую «эпоху реформ». Хуже другое: интерес к чистой злободневности не мог самым пагубным образом не отразиться на техническо-производственной стороне дела. Раз надо *спешить* сказать что-то, то неизбежно будет «все равно как». И, сохраняя за собою все свои исторические достоинства, карикатуры Степанова художественных особых впечатлений не дают. Они выполнялись обычно достаточно ремесленной гравюрой на дереве. К «тоновой» гравюре мы еще вернемся.

Но «журнальная» иллюстрация не только злободневна и сатирична. В начале шестидесятых годов, чья напряженная деятельность не могла не переброситься и в область книжного производства, мы видим очень часто появление иллюстраций к текущей литературе на страницах выходивших еженедельных и ежемесячных журналов. Эти иллюстрации, невольно не связанные с текстом, то-есть приближающиеся к разобранному выше картинному типу, от него отличающиеся только тем, что они заранее задуманы уже как произведение печатного искусства,—тех-

никой своею обычно имеют или литографию, или даже гравюру на стали. Так выполнены, например, иллюстрации к классикам упомянутым уже Александром Лебедевым (напр., его литографские альбомы к Некрасову). В весьма интересном журнале «Северное Сияние» начинавший тогда художник *Н. Д. Дмитриев* (Оренбургский) (1837—1897) поместил первые иллюстрации к романам Тургенева. Рисунок, являющийся чуть ли не единственной иллюстрацией к «Накануне», напечатан со стали в Лейпциге у Брокгауза. Достоинств у него немного. Но все-таки из романа избрана характерная и драматически-выразительная сцена. Как действенная иллюстрация, этот тип, конечно, заслуживает внимания. Лишь бы только не был так скучен рисунок, разменивающийся на ненужные мелочи—к тому же безнадежно засушенный немецким резчиком! Интереснее уже иной, литографический тип журнальной иллюстрации того же времени. Плодовитый *А. И. Шарлемань* (1826—1901) в начале 60-х годов поместил в «Художественном Листке» Тимма ряд листов, являющихся комбинированными иллюстрациями к поэмам Пушкина. Возьмем «Евгения Онегина». Ряд сцен соединен более или менее удачно в общую комбинацию определенного декоративного задания. Желтокоричневый фон литографии еще подчеркивает эту орнаментальность впечатления. Вся поэма превращена как бы в нечто общеприемлемое, сладенькое, приятное для невзыскательного глаза. Ни отдельные типы, ни сцены не отличаются остротою замысла. Увы, наш художник—читатель самый банальный. Его достоинства в другом; именно Шарлемань выполнил в 1865 году иллюстрации к Лермонтову, в которых есть по меньшей мере попытка сочетать декоративность рисунка с узором шрифта, где художник заботится хотя бы несколько о композиции книжной страницы. От Шарлеманя именно идет удручающе-долгий ряд «салонных» иллюстраторов конца века. Упомянем хотя бы присяжную художницу «Нивы» Самокиш-Судковскую. Свой смысл все это направление, конечно, имеет. Ничего ведь менее конструктивного, то-есть более характерного для разбираемого времени, нежели соединение в одно целое сценок иллюстративного характера, рамок, венков и подписей, нельзя себе и представить.

В том же «Северном Сиянии», как и у Тимма, можно встретить в числе иллюстраторов многие имена, заслужившие себе известность в живописи станковой. Так, иллюстрации к классикам делались Крамским, Трутовским, Маковским. Все они—не особы. В изданном в семидесятых го-



Дмитриев, Н. Д.—Сцена из «Накануне».

Шарлемань, А. И.—«Евгений Онегин».—Литография.—«Комбинированная» иллюстрация.

дах литографском альбоме иллюстраций к «Вечерам на хуторе» Гоголя, пальму первенства хочется отдать не Маковскому с его претенциозной «сказочностью», и не Трутовскому, дающему все те же излюбленные им в иных местах жанры, а малоизвестному мастеру *М. Н. Чичагову*, который по меньшей мере погружается в Гоголевскую фантастику по уши. На него, конечно, оказал влияние Гюстав Дорэ, почти гениальный французский иллюстратор этого же времени. А вообще все участие в деле литературно-книжной иллюстрации именитых художников русских этого, так и позднейшего времени (Репин, Суриков, Васнецов, Нестеров)—было большею частью недоразумением. Ибо власть над представлением, имеющимся у читателя в момент его встречи с литературным произведением, дана только тонкому уму и яркому воображению, что не всегда совпадает, конечно, с одаренностью глаза и руки.

V.

Новую группу образуют иллюстраторы книжного типа. Здесь мы на первом месте должны назвать имя бесспорно очень одаренного Мих. Ал. *Зичи*, выходца из Венгрии, растратившего свой большой талант в слишком легком салонном успехе (1829—1906). Зичи—мастер с индивидуальностью, рисовальщик, не боящийся остроты, как таковой, оказавший бесспорное влияние на младшее поколение—хотя бы на Врубеля. Иллюстрации Зичи, имеющиеся и в виде отдельных листов, и в виде альбомов, конечно, неравномерны. В листе к Пушкинским «Цыганам» он достигает впечатления большой и мрачной романтичности. Очень интересна его самая ранняя работа, иллюстрации к «Слову о полку Игореве», испол-

Чичагов, М. Н.—Иллюстрация к «Вечерам на хуторе» Гоголя (1877).—Литография.—Фантастика в связи с декоративностью.

ненные литографией в 1853 году. Здесь достигнута декоративность без помощи Шарлемановских суррогатов, просто очертаниями компактных групповых пятен. Некоторая сухость манеры, удачно комбинирующей черное, серожелтое и белое, впоследствии у Зичи сменилась совсем обрат-

ным—неприятной «развязностью» формы, акцентом на довольно дешевой эротике; недаром его «Демон» (из Лермонтова) оказывался столь популярным на открытках самого провинциального жанра. А свое организующее влияние на русского читателя Зичи оказал в той же мере, как и на художников, специально работавших в области иллюстрации. Из них можно было бы указать на «специалистов» по историческому жанру, В. Г. Шварца (1838—1869) и К. В. Лебедева (1852—1916), чьих теней мы тревожить не собираемся. Зато бесспорно нельзя обойти чрезвычайно колоритной фигуры *М. О. Микешина* (1836—1896). Что другое, но размах и воображение были у этого последнего мастера чрезвычайные. Он выработал себе манеру весьма индивидуальную, неприятную по несколько дешевой стилизации под «русскую старину»;—вторая половина века в некоторых кругах имела ведь определенный националистический налет, пресловутый «Русский Стиль» расцветал тогда в чудеснейшем соответствии с тяжелой безвкусицей богатых изданий Вольфа, Маркса и Девриена. Микешин многим повинен именно здесь. Своим бесспорным декоративным дарованием он может быть превосходит Зичи; не может обойтись без каких-либо закорючек и вывертов, и вместе с тем порою, в великолепно нарисованной руке или лице выявит остроту, достойную многих из последующих. Число иллюстрированных им писателей и книг огромно. Он начал с литографии, чтобы кончить на механических способах воспроизведения. Его диапазон обнимал, с одной стороны, Пушкина, с другой, какую-нибудь самую мелодраматическую «повесть для юношества». Надо указать еще одно: Микешин рано нашел себя и до конца остался себе верен. Наш пример, неопубликованный и предназначенный для фотомеханического воспроизведения рисунок, очень любопытен по технике. Это—особая меловая бумага, по которой работает карандаш и кисть, перо и скребок. Общее декоративное впечатление—без сомнения. Равно как и полная неконструктивность сочетания фигур, букв, ветки.

Зичи, М. А.—Иллюстрация к «Слову о полке Игореве» (1853).—Литография.—Общая декоративность очертания группы.

Огромное число Микешинских рисунков выполнены все-таки на дереве, «тоновой» гравюрой. Так называется восторжествовавший в описываемое время чисто механический прием перевода любого рисунка

Микешин, М. О.—Рисунок для иллюстрация.—Не опубликован (Собр. музея изящных искусств).—А-конструктивная декоративность.

на деревянную поверхность для печати, прием, в котором настоящие средства выражения данного способа вполне забыты. Линия и пятно имеет уже не самостоятельную, а вполне служебную роль. Комбинацией однообразно волнистых или прямых параллельных линий покрывается форма, порою линии пересекаются, и образуют точечные комбинации, напоминающие будущую автотипию. «Тоновая» гравюра—типично репродукционный прием, и умерла естественною смертью при первых же шагах фотомеханики. Но забегать вперед еще не нужно. Поскольку мы подошли к гравюре на дереве, нам надо обратить внимание на два-три еще явления, которые в совокупности нам позволят с спокойной совестью признать замкнутым очерчиваемый нами круг русской иллюстрации XIX века.

Самыми интересными из всех тем иллюстраций оказываются, конечно, классики. Не потому, что здесь решает сравнительное достоинство литературного произведения. Наоборот чем больше писатель, тем труднее быть ему конгениальным. Но дело в том, что классики—общее достояние. Быть читателем их—не требуется ни от кого особенной изобретательности, к тому на помощь—критика. Она вскроет все особенности. Но иллюстрировать классиков — весьма ответственная роль. Неизбежно придется оттенить ту или иную сторону, и вариант с безошибочностью укажет на температуру данного времени. Лучшим термометром внут-

реннего жара и холода оказываются всегда именно классики. «Скажи мне, как ты относишься к Пушкину—и я скажу тебе, кто ты таков». Это можно знать о каждом времени.

Тем паче интересно изучать все это, что классиков хочет иметь всякое время. История иллюстраций классиков—еще неисследованное поле, то, что есть—слишком еще недостаточно. Но время, нами изучаемое, определенно как раз на классиках показывает свои самые сокровенные особенности.

Поскольку мы уже говорили о Гоголе, позволительно будет привлечь сюда два другие великие имени. Шестидесятые годы, бывшие все-таки кульминационной точкой всей второй половины века, дали нам два чудесных иллюстрированных издания «Горя от ума». Первое из них принадлежит *М. С. Башилову* (1821—1870), мастеру мало известному, но очень заслуживающему внимания. Оно издано в 1862 году в Петербурге Н. Тибленом. Рисунки Башилова резаны на дереве А. Габером в Дрездене. Второе издано в 1866 году товариществом «Общественная польза» и украшено рисунками небезызвестного академика Павла *Соколова* (1826—1905), также резанными на дереве Брокгаузом в Лейпциге. Разница между этими двумя изданиями удивительно интересна. Формат—одинаковый (4°). На титульном листе Башилов дал крупный портрет Грибоедова и ряд медальонов с портретами героев «Горе от ума». Между ними возятся фантастические существа сатироподобного вида. У Соколова та же композиция, но портрет Грибоедова уменьшен, вокруг—вид Москвы, на который смотрит молодой господин. Юная барышня читает книжку. Все в реалистических тонах. Гравюра напечатана в две краски. Зато заглавие—славянскими буквами, как и на титульном листе. Любопытно, что разноцветная печать в Башиловском варианте включена именно в титульный лист; буквы напечатаны черной, коричневой и голубою краской. Композиция каждой отдельной страницы в общем одинаковая, но у Башилова каждая страница обведена тонкой черной полоской, у Соколова такая же рамка по углам закручена в банальные завитки. Башилов дал 25, Соколов—32 рисунка. Первое действие «Горя от ума» начинается одинаково у обоих художников. Действие—«за сценой». София и Молчалин, у Башилова он ей целует руку, у Соколова они добродетельно музицируют. Первое явление у Башилова Лиза стучит в запертую дверь, у Соколова Лиза спит перед дверью. Характерная деталь: Соколов дает и рампу и занавес театра, в котором очевидно мыслит себе происходящую постановку. Появляется Фамусов. У Башилова это чудесный тип, впоследствии использованный и Боклевским; молодящийся, щеголеватый, тол-

Башилов, М. С.—Иллюстрация к «Горю от ума»: Молчалин и Лиза.

Соколов, П. П.—Иллюстрация к «Горю от ума»: Молчалин и Софья.

стомордый барин, у Соколова—благообразный и аккуратный чиновник. Мы, конечно, не будем продолжать нашего сравнения до конца, хотя это бы и стоило того. Башилов несравненно живее, интереснее, разнообразнее, и самая гравюра Габера по выразительности своей напоминает сороковые годы. У Соколова все чрезвычайно сухо и строго. Но Башилов порою действительно впадает в шарж. Его Скалозуб решительно уступает Соколовскому, у которого чудесно передан бурбонистый тип бессмертного полковника. Молчалин у Башилова гораздо удачнее, а Чацкий не удался ни у того, ни у другого. Любопытны разнородные приемы отношения к иллюстрации вообще у обоих художников. Сухость Соколова оказывается кроет в себе гораздо большую свободу обращения с текстом. Он, например, иллюстрирует первый монолог Чацкого, описывающий московские типы, маленькими группами этих самых закулисных персонажей, соединенными в один рисунок. Он дает и портреты Чацкого и Софьи. Башилов зато живее и энергичнее ведет самое действие, и всякий раз, когда иллюстрация к одному месту совпадает у обоих художников, оказывается выше своего бесспорного подражателя. Вывод напрашивается сам собой. В шестидесятых годах неизбежно было произвести выбор между непосредственной художественностью выражения (Башилов) и типичной, рационально достижимой схематичностью (Соколов). Цель очевидно была поставлена в достижении некоего «общественного» смысла иллюстрируемого явления. То, что совпадало у Агина, у его преемников 60-х годов оказалось разъединенным. Художественно Башилов, тематически Соколов стояли ближе к сороковым годам. Башилов помимо Грибоедова иллюстрировал Льва Толстого, иллюстрации Соколова к Пушкину—«Капитанской дочке» и «Онегину», изданий 1890 годов (Готье), образуют характерный заключительный аккорд

Соколов.—Иллюстрация к монологу Чацкого из I действия «Горя от ума».

Соколов. — Фамусов.

Панов, И. С.—Иллюстрация к «Бесам» Пушкина.—Из книги «Родные отголоски».—Изд. Вольф.—Тоновая гравюра Паннемакера.

изучаемого периода. Но «Горе от ума» обоих мастеров было слишком чудесным случаем, чтобы на нем не остановиться.

Линия развития шла все же от декоративности к повествовательности, несмотря на все неконструктивные завитки Соколовского издания. В восьмидесятых годах мы имеем обратную волну. Начинается диковинное время натуралистической декорации. Возьмем примеры из отношения к другому из великих, Пушкину, иллюстраторов, объединившихся около издательства Вольфа, культивировавшего особенно тоновую гравюру в самом ее «шикарном» виде—в Париже у Паннемакера. *И. С. Панов* (1845—1883) делает для «Бесов» небезынтересную виньетку, в которой, правда, не осталось ничего жуткого. Плодовитый и не лишенный декоративного дара *Н. Н. Каразин* (1844—1908) снабжает Пушкинский «Дон» такого рода заглавной буквой, что в ней разобраться столь же трудно, как и в любой современной футуристической азбуке. Натурализм и декоративность — понятия друг друга исключающие. Но понадобилась уже творческая энергия нового поколения, чтобы перестроить заново эстетику иллюстрации.

Нам не хотелось бы делать выводов о том, почему сошла на-нет вся та сложная, богатая оттенками, глубоко интересная полоса изучае-

мого нами искусства, которую мы только что пропустили перед глазами. Она, конечно, должна была пройти. Ибо «не все равно как», и отношение к иллюстрации как к чему-то, что с книгой связано только случайно, и отношение к книге как к чему-то, что случайно связано с текстом—и, наконец, отношение к литературному тексту как к чему-то, случайно связанному с действительностью,—словом,все особенности эстетики конца прошлого века не могли не вызвать протеста у тех, кто шел на смену.

Но рассказ о новых путях русской книги должен быть, конечно, отложен до другого раза.

Каразин, Н. Н.—Заглавная буква к стихотворению Пушкина из «Родных отголосков» (1881).

М. А. Добров. Русский пейзаж.

РУССКИЕ ГРАВЕРЫ.

МАТВЕЙ АЛЕКСЕЕВИЧ ДОБРОВ.

Проф. В. Адарюков

Матвей Алексеевич Добров принадлежит к той чрезвычайно у нас небольшой группе граверов, которая посвятила себя исключительно офорту.

Наша публика совершенно равнодушно к этому роду произведений графического искусства, у нее, можно сказать, не развит вкус к офортам, что отчасти понятно, так как публика к ним не привыкла, на наших выставках офорты появлялись в виде исключения.

Этой непопулярностью офорта, а с другой стороны сложностью работы, требующей большого труда и навыка, можно объяснить, что у нас в данное время нельзя насчитать и одного десятка граверов, специально посвятивших себя офорту. Надо также принять во внимание, что офорт дает очень мало заработка, так как приобретают офорты всего два-три музея, а частных коллекционеров, собирающих произведения наших граверов-живописцев—почти нет. При таких условиях избрать себе специальностью у нас офорт—своего рода подвиг и для этого надо действительно очень любить эту, можно сказать, неблагодарную у нас отрасль графических искусств.

Офорт требует от художника уменья хорошо рисовать и некоторого навыка работать пером и мокрой тушью. На западе из всех разновидностей гравировального искусства наибольшим распространением пользует-

М. А. Добров. Из цикла „Париж“. ВОЛЬТЕР.

ся офорт, доступный каждому художнику, позволяющий импровизировать на медной доске непосредственно самому, передавать ей свои идеи, свои композиции,—одним словом, полный простор для выражения художественных идей.

Применение офорта чрезвычайно широко; офорт очень хорош в ландшафтах, а также и в отдельных фигурах людей и животных, и пределы его трудно ограничить. Техника офорта чрезвычайно разнообразна, и произведения, выполненные другою отраслью графических искусств, могут быть как бы переведены на язык офорта.

Для любителя живописи офорт представляет незаменимую прелесть, так как он является патентованным, оригинальным рисунком мастера, живописные работы и эскизы у которого недоступны обыкновенным смертным. Прежние великие живописцы хорошо знали это, они понимали, что офорт в сотнях отпечатках разнесет их славу гораздо скорее и прочнее, чем самые картины, которых иному не придется увидеть совсем!

Гравюрой пользовались многие из замечательных живописцев и значение гравюры, как самостоятельного и могущественного элемента творчества, не только сознавалось давно, но продолжает сознаваться и теперь. Вот почему в одном Париже насчитывается более тысячи граверов различных специальностей и редкая выставка обходится без нескольких сот новых работ. Достаточно сказать, что словарь Beraldi о граверах XIX столетия состоит из 12 томов, сообщая сведения о тысячах граверов.

В 1904 году Société de la gravure originale en couleurs в Париже впервые открыло салон-выставку многочисленных офортов первоклассных мастеров, после чего во многих европейских городах начали организоваться подобные же выставки, а также вообще выставки, посвященные специально графическим искусствам.

Когда именно стала применяться крепкая водка к гравюре, с точностью не установлено, но древнейший, дошедший до нас офорт Дюрера, протравленный на железной доске, датирован 1513-м годом. Прежде кислотой пользовались только для протравления подготовительных линий, гравируя бюрением, впоследствии же всю гравюру стали исполнять офортом.

Величайшим офортистом всех времен и народов был несомненно Рембрандт и если бы он не написал ни одной картины, а ограничился только одними своими великолепными офортами, то слава его была бы наверное не менее той, которой он пользуется теперь.

Как живописец-гравер, Рембрандт не имеет соперников, в досках его господствует живописный беспорядок, а смелость в его работе доходит до дерзости, разнообразие в приемах его бесконечно; для каждого предмета у него свой особый способ,—лицо старика, лицо молодого, дерево, бархат, металл,—все это передано в совершенстве и совершенно различными манерами. Так говорит о нем страстный его почитатель Барч, сам гравер по ремеслу и первый знаток своего времени в эстампном деле. Хубракен замечает, что способы, которыми гравировал Рембрандт, остались его секретом и с его смертью утрачены.

Барч не разделяет этого мнения. По его исследованиям, все способы Рембрандта легко объяснимы и могут быть проделаны на медной доске заурядным гравером, весь секрет заключается в гениальном уменьи пользоваться ими, но это уменье и составляет секрет Рембрандта, его-то он и унес с собой в могилу.

О технической части офортов Рембрандта Барч говорит: Рембрандт редко переводил на доску готовый рисунок, чаще всего он рисовал на доске иглою прямо. Доски свои он почти всегда подготовлял крепкой водкой, при чем по несколько раз покрывал их прозрачным лаком, проходил иглою и снова травил водкой.

У Рембрандта разные виды одной и той же доски представляют часто совершенно новые эффекты и даже новые сочинения. Он отлично владел сухой иглой и часто оканчивал ею свои офорты до мельчайших подробностей. Зачастую на одной и той же доске он одну сторону картины прокладывал одной крепкой водкой, а другую сторону оканчивал с величайшею тщательностью иголкой; эффект получался поразительный.

Особую прелесть умел извлекать Рембрандт из «барбов», которые он оставлял в большом количестве на своих досках.

Обыкновенно граверы срезывают эти барбы с доски перед печатанием; Рембрандт не счищал их, он намазывал доску краской, которая залегала за барбы, слегка счищал ее ладонью и печатал; надо было иметь подошвенную кожу на ладони, чтобы стирать краску с таких досок. Нынешние печатальщики бегают от таких досок. Эти барбы придают отпечатку особенную мягкость и бархатистый тон, вот отчего первые отпечатки его так дорого ценятся любителями. Рембрандт печатал сам и процессом

М. А. Добров. Русский пейзаж.

М. А. Добров. Русский пейзаж.

печати дополнял те эффекты, которых было нельзя достигнуть одним гравированием. Рембрандт прибегал к барбам и в тех случаях, когда ему нужно было усилить тени во вторых и третьих отпечатках и даже при ретушовке доски, довольно истертой от печатания. Рембрандту принадлежит еще одно изобретение: изготовление офортов, которым он придавал характер оригинальных рисунков, промывая их сепией, тушью, бистром и белилами. Всего более изготовлено им по этому способу пейзажей.

По экспрессии и полноте содержания Рембрандт, как гравер, стоит на ряду с величайшими живописцами всех времен. Не говоря уже о больших гравюрах, на которых все сосредоточивается на одном каком-либо чувстве, каждый маленький листок его полон мысли и движения.

У нас на Руси первый занимавшийся офортом был знаменитый живописец Оружейной Палаты Симон Федоров Ушаков, из числа работ которого до нас дошли три листа, один из них—«Семь смертных грехов»—помечен 1666 годом.

Одновременно с ним работали офортом граверы серебренники: Афанасий Трухменский и Леонтий Бунин, оставивший целую книгу «Букварь Кариона Истомина». Затем Тарасевич, Ширский и приглашенные Петром Великим в Россию: Шхонебек и Пикар, а также бывшие в России: Бикларт и Девит, а за ними и наши мастера: Махаев, Нехорошевский и автор народных картинок Чуваев.

Гравюрой позже занимались и в Академии Художеств: Боровиковский, Шебуев, Егоров, Варнек и Кипренский. Эти художники, за исключением Егорова, оставили очень мало листов, гравированных, главным образом, карандашной манерой.

В 40-х г.г. в видах популяризации офорта и знакомства с ним широких масс публики, Общество Поощрения Художеств заказало профессору Бруни иллюстрации для Русской Истории чистым офортом, но, несмотря на серьезность плана издания и красоту работы, издание это не пошло дальше двух тетрадей. То же несочувствие публики и полное ее равнодушие позже заставило Льва Жемчужникова остановиться в самом начале его превосходного издания «Живописная Украина».

В 1871 году у нас, по образцу существовавших в Париже, Брюсселе и других заграничных местах, возникло «Общество русских аквафортистов», душой которого был художник-любитель, бывший редактор-издатель «Вестника Изящных Искусств», Андрей Иванович Сомов, наиболее знакомый с техникой офорта, которым он занимался у Т. Д. Дмитриева, а потом в мастерской Парижского Общества аквафортистов. А. И. Сомов ознакомил художников с приемами работы офорта на основании личных опытов и иностранных сочинений. Его беседы были изданы в виде литографированных записок, а в 1885 году появились и в печатном издании под заглавием «Краткое руководство к гравированию на меди крепкою водкою».

Кроме этой книжки и глав XV и XVI в «Опыте систематического курса по графическим искусствам М. Д. Рудометова. СПБ. 1897», пособием к ознакомлению с работой офортом может служить в переводе Шайкевича книга Весселя «О распознавании гравюр» и небольшая статья Е. С. Кругликовой «Художественная гравюра и техника офорта и монотипии». Вот почти все наши главнейшие руководства для ознакомления с техническими приемами по офорту.

В обществе аквафортистов, кроме А. И. Сомова, состояли: Ге, Шишкин, Мясоедов, М. П. Клодт, Савицкий, Ф. Васильев, Панов, Боголюбов, Михальцева и Кочетова. Общество выпустило ряд отдельных листов и три сборника «Памяти Петра Великого 1872 г.», и два сборника «Первые опыты русских аквафортистов 1874». Кроме этого, в мастерской общества «Товарищество передвижников» награвировано два небольших альбома своих выставок 1873 и 1874 г.г.

Общество не встретило сочувствия в публике и, просуществовав два года, умерло, но за этот промежуток времени общество познакомило художников с техникой офорта, и, может быть, не будь общества, мы бы не имели таких отличных офортистов, как Шишкин, В. Бобров и Л. Дмитриев.

Среди наших немногих офортистов особо почетное место занимает Н. С. Мосолов, учившийся в Дрездене у Фридриха Планера, а затем в студиях Унгера и Фламенга. Он копировал гравюры Рембрандта и так набил себе руку его манерою, что, как справедливо замечает Сире, в передаче Рембрандта он не только самый блестящий, но и самый верный передатчик его произведений, которые выходят у него точнее и проще, чем у других мастеров, работавших по этой части, не исключая и самого Унгера.

Из других офортистов особенно выделились: И. И. Шишкин, В. А. Бобров—своими превосходными портретами заметками и В. В. Матэ—профессор гравирования в Академии Художеств.

М. А. Добров. Из цикла „Париж“.

МОСТ У „NOTRES DAME DE PARIS“.

М. А. Добров. Церковка в Плесе на Волге.

Что касается И. И. Шишкина, то о нем А. И. Сомов писал: «Как гравер пейзажист, единственный и небывалый в России, мало того, среди акварафортистов, столь богатой мастерами этого рода, западной Европы найдется лишь мало соперников ему по искусству передавать в гравюре растения, особенно густые леса, сосны и ели. Живи и работай он в одном из таких центров художественной деятельности, как Париж, Лондон, Вена, или заботься он о распространении своих эстампов вообще в чужих краях,—известность его сделалась бы широкой. Но, к сожалению, он не умеет или не желает искать репутации вне пределов своей родины. Имя Шишкина со временем займет одну из видных страниц в словаре пока еще немногочисленных русских peintres-graveurs».

Но в общем офортное дело у нас, можно сказать, осталось в зачатке. Объясняется это, между прочим, и тем, что наши живописцы, имея большие выгодные заказы на работы масляными красками, не имели времени посвящать еще себя офорту, требующему большого трудолюбия и времени.

Академия Художеств очень мало сделала у нас для поддержки офортного дела, можно указать на единственную меру—установившийся с 1893 года обычай воспроизводить офортом портреты скончавшихся членов Академии.

С начала 900-х г.г. при Академии Художеств от времени до времени устраивались выставки Blanc et Noir, но на них фигурировали больше рисунки, чем офорты. В Москве с 1915 года в Галлерее Лемерсье устраивались выставки графических произведений русских и иностранных художников. Таких выставок было 8; к сожалению, многие из них носили скорее коммерческий характер, чем показательный.

За последние четыре года чувствуется необычайный подъем графических искусств, но, главным образом, весь интерес сосредоточился на гравюре на дереве, которая синтетична в своих исканиях и поэтому особенно типична для современного искусства, вследствие чего все больше и больше привлекает к себе внимание и художников и публики; что же касается офорта, то граверов, посвятивших себя этой специальности, в данное время можно назвать очень немного: И. И. Невинского и М. А. Доброва в Москве и Курилко, Шилинговского и Фомина в Петербурге.

Матвей Алексеевич Добров родился в Москве 27 января 1877 года. Отец его, по профессии врач, серьезно образованный, имевший склонность к историко-филологическим наукам и интересовавшийся вопросами искусства, обратил внимание на любовь сына к рисованию и старался поддержать и развить эту любовь; так, Матвей Алексеевич начал брать уроки рисования с 8-ми-летнего возраста. Уроки эти были обставлены рационально, так как его учительница Е. В. Степанова, работавшая в области профессионального образования, заставляла своего ученика рисовать главным образом с натуры.

Время пребывания Матвея Алексеевича в 5-й Московской гимназии, в смысле дальнейшего знакомства с рисунком, дало очень мало, равным образом и первые годы пребывания в Московском Университете, куда он поступил в 1897 году на Физико-математический факультет. Студенческая забастовка 1899 года, в которой М. А. Добров принимал участие, а затем болезнь заставили его потерять целый год, но за этот год он ближе подошел к искусству, смысл и значение которого стали для него возрастать.

Чувствуя непреодолимое влечение к живописи, М. А. Добров бросает университет и в 1900 году поступает в школу рисования К. Ф. Юона и Н. О. Дудина. Здесь от К. Ф. Юона он получает много ценных указаний и именно ему М. А. Добров обязан первыми завоеваниями в сфере художественной грамотности. М. А. Добров направляет главные свои усилия к тому, чтобы вполне овладеть рисунком.

В 1901 году М. А. Добров поступает в головной класс училища живописи, ваяния и зодчества и здесь, желая наверстать отчасти потерянное время, начинает чрезвычайно усиленно работать. Так, помимо занятий по утрам живописью и по вечерам рисунком, он в промежутке посещает класс изучения животных А. С. Степанова, а затем Туржанского. Кроме этого по окончании занятий в училище он ходил в школу Юона на croquis.

Еще за год до окончания училища, в 1904 году, М. А. Добров для получения заработка взял должность преподавателя рисования в средней школе.

М. А. Добров. Из цикла „Париж". УЛИЦА.

М. А. Добров. Из цикла «Париж».

В 1906 году его обстоятельства изменились к лучшему и он впервые отправился за границу, побывал в Вене, Берлине, Мюнхене, Дрездене, Женеве, Цюрихе и Милане, где ознакомился с картинными галлереями, откуда вынес массу художественных впечатлений, расширивших его кругозор и искусствопонимание.

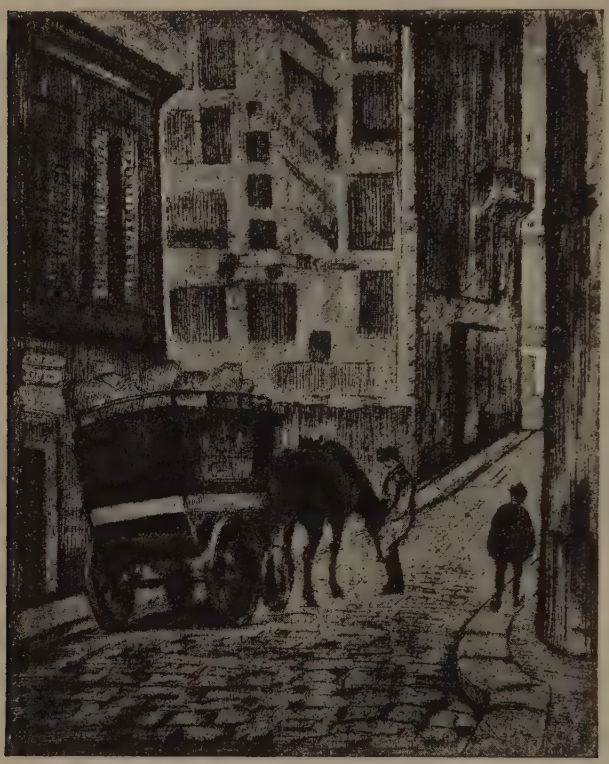
Для довершения своего художественного образования М. А. Добров в 1908 году отправился уже на продолжительный срок в Париж, решив избрать себе специальностью офорт. М. А. Добров, по совету К. Ф. Юона, решил работать в мастерской Е. С. Кругликовой, которая уже с 1901 года имела в Париже свою мастерскую, где училось и работало специально над офортом много русских и иностранных художников.

Е. С. Кругликова, более 20 лет работая в Париже и специализировавшись на цветной акватинте и монотипии, усвоила себе отличную технику и большие знания по офортному делу.

Живя в Париже, М. А. Добров усиленно работает над офортом, изучает Египетское искусство по образцам Лувра и много работает в Зоологическом саду при Jardin des plantes.

По возвращении в Москву, М. А. Добров в 1910 году устраивает собственную мастерскую, но условия для художественной работы не были благоприятны, так как работа над офортом не давала в материальном отношении заработка и для его приобретения приходилось отклоняться в сторону.

С 1911 года М. А. Добров начинает выставлять свои работы на выставках «Московского Салона», «Московского товарищества Художников», в Галлерее Лемерсье и на нескольких выставках в провинциальных городах: в Калуге, Ярославле и Екатеринодаре и, надо полагать, из-за свойственной ему очень большой скромности не посылает своих превосходных офортов в Петербург.



М. А. Добров. Из цикла «Париж».

Появление талантливых работ М. А. Доброва на выставках в Москве сразу обратило на себя внимание, и Румянцевский Музей приобрел целый ряд его листов.

Все офорты М. А. Доброва можно разделить на две группы: виды Парижа и русский пейзаж.

Во всех его работах прежде всего виден отличный рисовальщик, человек с большим вкусом. Офорты его сочны, смелы, в них чувствуется талантливый художник. По манере работы, по конструкциям формы, света и композиции М. А. Добров принадлежит к работам старой русской школы. Он совсем не оригинальничает, но это особенность русских художников: чем они грамотнее, чем сильнее в технике, тем менее они оригинальничают, составляя в этом отношении полную противоположность иностранцам.

М. А. Добров никому не подражает, что, конечно, составляет несомненно достоинство его работ. В его офортах видно стремление индивидуализировать свою работу и на его офортах лежит печать искания художественного своеобразия.

Что касается техники его работ, то помимо офорта с холодной игрою мы видим у него и aquatint'ы, и pointe-sêche, и цветной офорт vernismous и все эти разнообразные способы с технической стороны выполнены с одинаковыми успехом; видно, что художник вполне добросовестно и основательно изучал все манеры гравирования офортом.

У М. А. Доброва нет увлечения, так распространенного среди наших офортистов,—цветным офортом. Стремление цветного офорта прибли-

зиться к живописи и в некоторых случаях заменить ее, несомненно ошибочно и вредно. Основная сила графического искусства—линия и светотень—терпит от этого очевидный ущерб, мало приближаясь в то же время разрешению живописных проблем.

Превосходны его виды Парижа: улица в Латинском квартале, мосты Парижа, Penseur Родэна, статуя Вольтера, Boeuf-gras и т. д. Не менее того изящны скромные и несколько грустные русские деревенские пейзажи,—как, например, церковка в Плесе на Волге (в настоящее время сгоревшая), изображенная на известной картине Левитана «Над вечным покоем».

Все превосходные офорты М. А. Доброва исполнены им по собственным рисункам с натуры и, помимо технического уменья, свидетельствующего о интимной близости художника ко всем тонкостям трудной работы офортом, несомненно отмечены печатью большого дарования и вкуса.

ТРИ ГОДА НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ.

Впечатления.

Ник. Асеев.

I.

Когда впервые я попал во Владивосток [1]), он был еще типичным большим морским портом, со всей специфичностью этого рода городов, экзотикой лиц, говоров, одежд, со множеством кабачков, игорных притонов, опиекурилен, веселых домов; с визгом, гомоном доков, кранов, лебедок и пароходных сирен. Его особенностью были огромные военные, так называемые временные, мастерские с многочисленным рабочим населением. Видно было, что город возник еще очень недавно: рядом с главной, единственной собственно улицей Светланской, где дома слажены чисто и солидно—крутые в сопки вздымающиеся проулки, с наспех сбитыми лачугами, с домами клоповниками, сплошь забитыми китайской беднотой, вмещающимися в них неизмеримыми количествами. В самом деле, двадцать пять лет тому назад на главной улице города, рассказывают старожилы, тигрица, вышедшая из тростников, схватила кули-китайца и ушла завтракать. Но это только апокриф, а гораздо убедительнее молодость заселения края выступает при поездке ранней весной по заливу. Черная, как будто бы неуклюжая, шаланда удивительно вертко лавирует меж другими; ее древний квадратный парус бугрится и на свежей весенней волне—тысячи уток гагар, чаек, кишат буквально кашей, не улетая. Какая-то птичья икра мельтешит и впереди, и с боков, и за кормой. Птица настолько небоязлива, что не только не думает сниматься с воды, но и ленится отплыть от набегающей шаланды. Она предпочитает просто нырять под ее неглубокий киль. Эту силу и молодость природы сразу впитываешь в себя, дивуясь ей, и жадно к ней припадая. И все напоминает о недавней сказочности края. Пробковые дубы с упругой губчатой корой на берегу, орхидеи, густо зарастающие лесные болотца, виноград, оплетающий берег в непроходимую чащу. Сам город с круглых сопок спускается прямо в море. Он запрокинулся над ним, повис на крутизне и точно ножом отрезан по линии набережной. А к ней прицепились десятки незванных серых гостей: узких, по-щучьи, серых крейсеров и полудредноутов. Невдалеке от них мерно вздымает волна океанские пароходищи.

Отсюда рейсы—в Гонг-Конг, Шанхай, Нагасаки, Нью-Йорк. И от одной возможности этих далеких путей, от вида волн, отделяющих своим единообразным чередованием далекие берега—словно видишь чужие страны, словно связан с ними множеством нитей, множеством возможностей. И от этого в сердце всегда веселая оторопь предпутешествия, какая-то

[1]) В августе 1917 года.

свежесть и воля. И даже в самые хмурые дни японских предательств и издевок—это чувство возможности оттолкнуться от земли, эта потенциальная свобода бодрила и крепила нервы.

Еще о молодости и силе недавно укрощенной природы говорят здесь и взорванное динамитом в сопке шоссе, коромыслом соединяющее две части города: прибрежную, торговую, фешенебельную—с Рабочей Слободкой; и названия улиц, могущие ввести в заблуждение по звучанию о своем происхождении: Светланская, Алеутская, Маньчжурская. Не в честь романтической героини Жуковского и не в честь близких Владивостоку племен названы они. А просто приходили сюда впервые военные судна «державы Российские»—«Маньчжур», «Алеут» или крейсер «Светлана» и место против их стоянки получало соответствующее название. Только одно название в городе ручается за свое местное происхождение, все остальные почти целиком привезены сюда из-за тысяч верст. Имя этого места не громко, но метко: «Гнилой Угол». Это северо-восточная часть в городе, где живут в большинстве рабочие порта. Куда же и загнать их, как не под это мрачное имя, было всесильному в свое время Гондатти.

Впрочем, само по себе, место это ничем не отличается от общего облика города: и постройки немногим хуже и внизу оно у оконечности бухты. А названо оно так плохо вот по какой причине.

Каждое утро в течение девяти месяцев во Владивостоке—непомраченное небо. Каждое утро место восхода—свеже выголублено для подъема красного солнечного флага. Дождей почти нет. Туча—редчайший, диковинный иностранец. И до зенита взвивается алая бомба. На море ясность и тишь, казалось бы, вечер будет лилово-сухой и хрустальный. Но не тутто было. С левых (лицом к заливу) сопок, от Гнилого Угла начинают выползать клочья мокрой ваты. Как будто невидимый котел взгревает белую кашу и она, перевалив через край, нависает тяжелой пеной над городом. Пять-десять минут, и—город весь в серой вуали, как путешественница, не желающая потерять холеный цвет своей кожи под отраженными зеркалом залива отвесно падающими лучами. И луч уже не пробьется сквозь этот солью и влажью пропитанный вуаль. Вечерний закат отменяется. Желчный и суровый Гнилой Угол признает только рассвет. По приезде во Владивосток я, тогдашний столь редкий «советский интеллигент», по службе имел возможность поехать в глубину Приморья. На сучанских угольных копях, т. н. Сучане, взорвало шахту. Меня откомандировали выяснить подозревавшуюся умышленность порчи шахты владельцем, как противодействие рабочему контролю. Я выехал на открытой вагонетке и сразу увидел то, что поразило меня при поездке в шаланде—и чего не разглядишь из окна вагона, а именно: настоящее, отверстое, пышущее такой мощью и силой лоно, о котором не скажешь с усмешкой над забытой точностью шаблонного определения. С двух сторон рельс, прямо из прорезанного подъема пер уголь, жирный, лоснящийся, слоистый. Между двумя черными стенами моталась вагонетка, а когда ныряла в тоннель—и там сверкал несозревшими гранями алмазов тот же глянцевитый его и смуглый лик. А над ним по бокам стреляли в небо кедры, шершавились пробковые

деревья, красными ширмами истлевали виноградные чащи. Чистейшие речушки щебетали с гор морю, в них темнела форель, от них воровато перебегали полососпинные бурундуки, а на самом верху, на сопке, обхватив лапами пень, сидел и раскачивался круглоухий, малоглазый, укоризненно озиравший поезд медвеженок. И все это рядом с рельсами, не отходя в сторону. А что же в сопках, в тайге, в тесноте Сихот-Алинской чащи?

А там—уссурийские тигры—меделяны-красавцы, чьими лапами и теперь, как вернейшим средством против внезапного удушья, лечит на базаре высохший в стручок китаец-гадальщик. Полдюжины их в местном зверинце лоснятся от жира: не от того, чтобы их очень плотно кормили: нет, свой воздух, «свое» солнце золотит их великолепные шкуры. Они разленились, разжирели, и, кажется, ничего не имеют против клетки: по крайней мере, когда хозяин купает их морскою водою, они языками, в добрую сковородку величиной, признательно лижут ему соленые руки. Впрочем, кто знает их нрав. Одному доверчивому ходе, с лаской протянувшему в клетку руку, самка ампутировала ее в миг, точно, ловко, тверже всякого хирургического прибора.

Там, в теснинах Сихот Алина, эти тигры не трогают ходей. Горных баранов, маралов, оленей, сохатых, говорят, еще не перевелось. Там золото, уголь, белка, куница, соболь, косач, в реках—жемчуг, форель, бобер, красная рыба, кета, что идет вверх по реке, бьется о камни, лезет в гору и назад ворочается уже избитой, истерзанной, горбатой, становясь и по имени «горбушей».

А близко шумящий океан тоже кишит жизнью: тучи «подводных комаров»—креветок, раки отшельники, медузы голубые, зеленые, кружевные, проволочкой, электрической лампочкой, крестиком, грибом, луковицей, личинкой, морские коньки, амебы, морская капуста, трепанги, устрицы, краббы маленькие, темные, краббы розовые—величиной с медный таз, окунята, ромбовидные скаты, пучеглазый спрут,—все ловится, емлется, тащится на базар,—мокрое, трепещущее жизнью, клубящееся паром в утреннем молочном свете... А по бухте иногда уверенно и важно прохаживается молодой кашалот.

Вот город, дышащий самыми могучими легкими в мире, город света и тайфуна, драконовый синий глаз, Вей-хай-вей—город лучших морских червей, город двенадцати народов, город орхидея, тихо-океанский ключ, начала белого дьявола [1]), город, в который впился со всех сторон цепкими пальцами бухт океан, и не менее цепкими желтый, сухой, островной империализм.

Вот город!

Матросы всех стран попирали его тяжелыми, жесткими башмаками. Красношеие англичане, цыбастые американцы, старомодные, жюль-верновские—с красными помпонами и в усах—французы, итальянцы, китайцы, индусы, вспугнутыми пингвинами мечущиеся со своими колоколами бьющихся халатов корейцы, и, наконец, приземистые, коротконогие—

[1]) Китайские названия Владивостока.

все сплошь фельдфебеля—от генерала до школьника всасывающие в себя воздух «резиденты»—«дружественной державы».

Все они уверенно ступали на его камни, как на принадлежащее им имущество. Все они гордо озирали эти сопки, хозяйственным взглядом примеряя, где устроиться поудобнее. И хотя не у всех была эта противная манера всасывать в себя воздух, что у японцев, но все с жадностью вобрали бы и этот воздух, и эти берега, и кедры, и уголь, и белку, и золото, и куницу.

Но как сейчас перед собой вижу я и угрюмых замасленных рабочих порта и сутулых широкоспинных грузчиков, вижу, как бросаются под их защиту спасающиеся от японских жандармов корейцы, вижу, как дружески смотрит на них китаец кауль, вижу, как теряет выправку любопытно склоняющийся к ним американец, как чех, бросавший их в концентрационные лагеря, потупляет перед ними воровато-демократические глаза, как, наконец, японец часовой, конвоирующий их через сопки, вдруг останавливается, бросает винтовку и уходит, вижу и верю, верю радостно и жгуче—город двенадцати народов станет им в самом деле, но ни у одного в руках не будет штыка, не будет выпушек и петличек, гетров и кепи; сплошной синий океан блуз зальет сопки, сорвет как занавес скрывающие их от мира туманы Гнилого Угла, и город Орхидея засветит миру всеми неисчислимыми тоннами своего угля, зацветет садами культивированных виноградников, загудит сиренами зеркальных звуков.

И молодой кашалот будет так же плыть навстречу солнцу, кувыркаясь в изумрудной празелени вод.

II.

Теперь о вопросах культурного порядка. Прежде всего их придется подразделить на местные и привнесенные. В начале статьи я указывал, что Владивосток, а вместе с ним и все Приморье, поскольку оно могло выявлять собственную культуру, было в зависимости от прихода и отхода в порт пароходов и приуроченному к этому расписанию поездов.

В театрах, в литературе, в просветительной работе—был здесь гастролер главным двигателем культуры. «Проездом в Америку», проездом из Японии, на ходу, наспех, проделывалась всевозможная художественная работа. Своего коренного не было. Кажется, что даже Восточный местный институт, преобразованный позже в Государственный Дальневосточный университет, также основан был на ходу, на всякий случай, как здание для остановки всевозможных русских вице-консулов.

Октябрьская встряска, не отразившись внешне так показательно, как в Совроссии, на жизни Дальнего Востока, глубоко забрала внутрь психологического ощущения момента и связанного с этим оживления вопросов культуры.

Прежде всего и показательнее всего это, конечно, отразилось на прессе. Появилась возможность из-за оторванности от центра печатать и делать книгу. Газеты в начале еще 1917 года считавшие всякие вопросы

искусства ненужной роскошью, постепенно стали втягиваться в орбиту его интересов; нужно сказать, что и характер и личный состав редакций, конечно, изменился. В некоторых газетах он внешне реконструировался, другие—совершенно перешли в новые руки. Из первичных газет следует отметить: «Красное Знамя», руководимое убитыми позже японцами К. Сухановым и В. Сибирцевым. Издавать начал союз Приамурских Кооперативов, частные издательства и Сибземгор.

Первой попыткой левого искусства было издательство журнала «Бирюч», прекратившееся после первого же №. Взамен ему во главе с Н. Ф. Насимовичем-Чужаком сорганизовалась крепкая группа писателей и художников, начавшая издание журнала коммунистической культуры «Творчество».

В нем принимали участие: С. М.Третьяков, Д. Д..Бурлюк, художник Виктор Пальмов, Н. Ф. Чужак, М. Скачков, С. Алымов, Г. В. Киевский, К. Харнский и другие. Журнал явился своевременным откликом на весьма сильно ощущаемую потребность принципиальной постановки вопросов культуры и искусства и, очевидно, в силу этого, имел небывалый для Дальнего Востока тираж: начиная с 3-го № начал расходиться в 7.000 экземплярах. При этом следует указать, что пространственно его влияние было ограничено белогвардейщиной, не пропускавшей его даже в Харбин.

Чтобы учесть емкость такого тиража, добавим, что самая распространенная газета во Владивостоке печаталась в количестве не свыше 5.000 экземпляров.

Как бы ни расценивать это начинание, следует поставить ему в заслугу, что в нем впервые были поставлены вопросы о культуре с той радикальной остротой, которая заставила интенсифицировать на них внимание и перестать относиться к ним со снисходительным соглашательством, как к вопросам «не от мира сего», как в лес не убегающим медведям, в самом деле давно уже запутавшимся в непролазной чаще.

Принципиальное литературное содружество дало возможность организовать Литературно-Художественное Общество Дальнего Востока, правда, не целиком объединявшее чисто профессиональные интересы деятелей искусств, уж хотя бы по разнородности групп, но все же зачастую вплотную подходившее к ним и разрешавшее их довольно удачно.

Инициативой Л. Х. О. Дальнего Востока, в просторечии именовавшегося «Балаганчиком», по имени театральной студии, работавшей в нем, было устроено 6 стихотворных и 5 художественных конкурсов, из которых следует отметить конкурс песни 1-го мая.

Неучтено, но, несомненно, велико было влияние этого общества на общий уровень печатного материала на Дальнем Востоке. Газеты невольно втягивались в хронику московской жизни искусства, ведущейся обществом, устраивались дискуссии по тому или иному вопросу, втягивались в полемику газеты разных лагерей,—и, как результат этого принципиального разлада—оказывались необходимыми как образчики, так и пояснительные критические статьи по вопросам культуры. Местная кадетская «Голос Родины» усиленно перепечатывала заграничные письма Куприна,

фельетоны Аверченко, Тэффи и др. маститых, заодно уже по воскресеньям перепечатывая старые их вещи из собраний сочинений. Пресса, тяготевшая к Советской России, печатала доходящие стихи «Кузницы», Маяковского, прозу Ляшко, статьи Луначарского. Фельетон оказался в руках Малка Иволги и Буль-Буля, за псевдонимами которых белая пресса легко угадала тех же левых поэтов, за что и обрушивала все свои громы на футуризм. Так, например, во время Кронштадтского мятежа, Дальний Восток, лишенный иной информации, кроме как посредством англо-японского телагентства Хокусай, во главе которого стоял журналист Борис Лопатин, в газете Д.-В. Р. появляется фельетон, осмеивающий «собственные ушки» этого господина Лопатина, издававшего раньше внепартийные, демократические газеты «Эхо» и «Моя газета».

Кадетски-биржевой «Голос Родины» весьма обижается на такую «профанацию» «народного» движения и помещает длиннейшую цитату из фельетона с нижеследующими примечаниями сотрудничающего в ней «московского гастролера» А. Журина:

Старое и новое.

«Когда при самодержавном строе страна глухо волновалась, ища выхода из тисков бесправия, и в разных частях России народ восставал, официальные перья неизменно писали: «мятеж вызван происками гнусных провокаторов»...

«Войска рвутся в бой»...

«А присяжные фельетонисты из «Нового Времени» и иных черносотенных газет, пытаясь танцовать веселый танец победителей на могилах революционеров, сочиняли скверные стишки и паясничали.

«Теперь времена переменились.

«В России властвует «рабоче-крестьянское», самое левое из левых, коммунистическое правительство, но... название изменилось, а сущность строя осталась та же и под фирмой пролетарской власти проводятся знакомые всем нам начала деспотизма, террора и насилия.

«И народ это правительство также не признает своим и восстает на всем громадном пространстве от Балтики и до Черного моря, от Днепра и до Енисея.

«Как встарь, работают и официозы.

«Вчера мы с особым удовольствием прочли сообщения «Дальта» о том, как «моряки красных курантов» «рвутся в бой»,—с удовольствием, ибо если официозы не находят на своем языке иных слов, кроме старо-казенных и шаблонных, то это лучший показатель того, что строй изживает себя, что официальные хвалители ругают революцию только потому, что нужно же что-нибудь говорить, иначе платить им перестанут.

«Заговорило здесь и наше Дальневосточное «Новое Время», т.-е. «Дальне-Восточная Трибуна»; «Буль-Буль»—фельетонист для особых поручений нашего официоза,—разражается стишками по адресу Кронштадта, пытаясь оплевать и осмеять народное движение.

Купленный гаэр острит:

Коммунисты мчатся в панике:
Кокусаевские «Аники»
Их разбили в пух и прах,
Взбунтовались в Туле пряники;
Появился на Кубани кит,—
На спине—трехцветный флаг.

Все движение—выдумка «Хокусай»:

На дыбы Россия вспятена
Хитроумием Лопатина...
(«Иностранец» Хокусай).
От «моих газет» от «эха» ли,
До сиих «границ» доехали
Желтошерстая лиса.

Пиши, гаэр.
Пиши. Остри прилипающим от страха языком»...

В следующем № той же газеты ничто же сумняшеся раскрывается псевдоним Буль-Буля, который оказывается зловредным «футурокоммунистом», присланным специально из Москвы «для особых поручений» и снабженным, по словам той же кадетской истерички, 6 пудами золота.

Этот пример не единичен. Их можно привести без конца, но он показателен все-таки, как раскол двух течений, из которых —

«Одна половина красную песню запела»
Другая—белую.

И в самых казалось бы мелких осколках газетного и журнального быта это разделение остро чувствовалось все эти годы оторванности от центра.

Остановимся на дальневосточной печати несколько подробней.

III.

Отброшенный пространственно, отрезанный, за исключением коротких передышек, почти все четыре с половиной года от центра Дальний Восток тем напряженнее и острее тяготел к Москве, чем глуше и труднее был слышен ее голос. Сработавшаяся за эти годы небольшая группа журналистов, примагниченная к центру, сумела создать тот основной тон, под который подлаживалась желая или не желая вся остальная претендовавшая на популярность печать Д. В. Главным стимулом к этому, конечно, было действенное сочувствие рабочих кругов, от которых не только идеологически, но и материально зависело большинство газет, из тех, конечно, что не имели субсидий в иностранной валюте. Должно отметить, что во Владивостоке, напр., союз грузчиков, достигавший трех тысяч человек по своей покупоспособности, мог составить тираж газете в тамошнем масштабе. Специфичность же «валютных» условий существования заставляла даже белогвардейские газеты держаться в рамках «беспартийности» и «демократизма», вуалируя столь туманно свою идеологию, что уже в 1919 году кадетский «Голос Родины» печатал портреты Ленина и Троцкого,

призывая к «объединению» с метрополией [1]). Два города, главным образом, обслуживали д.-в. читателя. Это Владивосток в Приморьи и Харбин в Маньчжурии. Об этих двух городах и будет говориться ниже. Остальные были бледнее, копировали со «столичных», а в издательской деятельности оставались и совсем неискушенными. Поэтому о них в нашем обзоре упоминаться будет лишь поверхностно.

Начиная с 1917 года одна из главных приморских газет, «Далекая Окраина», становится меньшевистским официозом. В ее редакции собираются значительные силы меньшевиков-журналистов. Приехавшие из России А. А. Ходоров, Н. К. Новицкий; из Америки—Киевский, Семешко, Агарев, Колко, эс-эр Классинг и др., до октября работавшие в горуправлении и в Совете—уходят в газету. Октябрь, усилив рабочий орган «Красное Знамя», руководимый замученным впоследствии японцами т. Сибирцевым, усилил и оппозицию в лице «Далекой Окраины». Учредиловка становится прекрасной дамой сражающихся за нее на газетном поле рыцарей, но... вместе с тем падает, до сей поры довольно значительный, тираж газеты до того, что издатель ее Пантелеев ультимативно предлагает меньшевикам купить газету у него или закрыть. Японский переворот вновь спасает положение, переводя ее в разряд «неблагонамеренных» изданий.

На ряду с этими двумя издается во Владивостоке еще вышеупомянутый «Голос Родины»—флюгер, в числе членов-пайщиков издательства которого состоит несколько японцев.

В этот первый период, кроме трех главных названных газет, еще выходила «Моя Газета» Бориса Лопатина, печатавшая телеграммы Рейтера и «собственные» корреспонденции о «зверствах красных». Впоследствии (при Розанове) дело объяснилось: тот же Б. Лопатин стал издавать субсидируемое англичанами «Эхо», а затем и вовсе обнаружился как директор телагентства «Кокусай».

С выросшей между Д. В. и Россией авантюрой Колчака выползли из щелей всевозможные черносотенные «Слова», «Дальние Востоки» и прочий газетный чертополох, питавшийся исключительно штабными вдохновениями. Из них как на курьез следует указать на «Сибирский Путь»—попытку длиннобородого ген. Хорвата подготовить «общественное» мнение к еще одному «правителю России». При участии какого-то, уж совершенно мрачного, писаки—Лутохина этот листок выходил целых три месяца, имея розницу от 9 до 40 экземпляров. Хитрый Хорват во-время снял свою «кандидатуру»,—и газетка закрылась.

Во времена Розановщины было прекращено издание «Красного Знамени». Закрыл он и «Далекую Окраину», начавшую выходить под заголовком «Дальне-восточного Обозрения». Гнет белогвардейщины отрезвил большинство из ее участников, вплотную придвинувшихся к Облакому

---

[1]) Впрочем, на упрек в «сочувствии» большевикам, брошенный «Голосу Родины», впоследствии редакция последней не постеснялась сообщить, что печатала портреты, как изображения «мировых преступников» и т. д.

Р. К. П. С этих пор газета начинает обслуживать интересы живых рабочих масс. Ее тираж значительно повышается, она на некоторое время заменяет «Красное Знамя». «Голос Приморья», также оштрафованный и закрытый, резко поворачивает направо и под именем «Голоса Родины», сменив редактора бывшего эс-эра М. Вознесенского на редактора-кадета К. Пуршеева, начинает с упоением восхвалять «доблесть Омского правительства». В это же время начинает выходить огромными полотнами, печатаемое на ротации, «Эхо» с английской страницей, с ежевоскресным литературным приложением, вообще «не жалея затрат» чьей-то щедрой руки. Долгое время не разоблаченная, газета эта делала довольно смелые выпады против «белого адмирала» и чуть было не приобрела репутацию оппозиционной. Следующий эпизод открыл секрет «смелой иностранки». В английском тексте газеты, редактируемой некиим ирландцем Буном, появилась статья об Омске с недвусмысленными предсказаниями скорого его падения. Розановская контр-разведка решила арестовать официального редактора «Эхо»—Лопатина. Но ей из английского штаба было заявлено, что Лопатин—служащий английского правительства, а помещение редакции «Эхо»—территория английского королевства, так как газета издается англичанами. Арест не состоялся, но эпизод этот стал широко известен. Как оказалось впоследствии, ирландец Бун подвел своего коллегу, написав статью, в которой был ответственен он один.

После падения власти Колчака вновь стало выходить «Красное Знамя», руководил которым опытный журналист Н. Ф. Насимович-Чужак. Газета стала чрезвычайно интересной. Одновременно им же стал издаваться журнал «Творчество», посвященный вопросам коммунистической культуры. Вслед за этой попыткой ежемесячника потянулись частные издательства типа «Голоса Родины». Свободная Россия стала издавать свои сборники во главе с А. Журиным. Сборники отличались редкою бесцветностью. Ко времени Гайдовского выступления эс-эры, контактировавшиеся с Гайдой, стали выпускать свой орган «Волю». Нудная и серая газета эта не имела распространения и питалась исключительно перепечатками из «Общего Дела» и «Последних Новостей». Ее вдохновителями были эс-эры Трезип, Великопольский и погибший во время гайдовского восстания д-р Григорьев.

С образованием буфера вновь «Голос Родины» стал с натугой розоветь, держась, однако, с опаской в сторону каппелевцев. У последних оказалась своя газета «Вечер»—«демократического блока» с целым выводком редакторов: Кросев, Знаменский, Павловский и прочие, оставшиеся не у дел «революционные демократы». «Дальне-восточное Обозрение» превратилось в д.-в. трибуну—буферный официоз и стало совместно с «Красным Знаменем» образцовыми газетами края. Меркуловское выступление, режиссированное японцами, вновь выплеснуло наружу подонки черножелтой прессы, и трупными червями зашевелились всевозможные «Слова» и «России», существовавшие за счет спешно распродаваемых грузов. Рабочая печать ушла в подполье и за год существования меркуловской кукольной «власти» орган профсоюзов сменил до 20 названий. Как характерный штрих «демократической свободы» печати в Меркулии стоит отметить,

что даже в золотопогонном «Вечере», вместо передовых статей появлялись... басни Крылова, стихи Байрона и т. д.

Приблизительно ту же повторную картину представляла харбинская пресса, сдобренная, впрочем, специфически харбинским духом развращенного и все вокруг себя развратившего города—спекулянта по преимуществу. «Новости Жизни»—орган интеллигентски-плутократической «демократии» столько же раз менял позиции, как и владивостокский «Голос Родины», пока, наконец, не нашел себе «столпа» в лице столь прославившегося теперь участника «Смены вех»—проф. Устрялова. Черные—«Русский Голос» и «ультра-фиолетовый» семеновский «Свет»—приют бежавших генералов от всех видов и родов оружия вплоть до газетных. Органом, обслуживающим рабочие круги, является газета «Вперед», переименованная теперь в «Россию», тираж которой доходит до 7.000 экземпляров. Газета расходится преимущественно среди желдорожников, но ведется небрежно и никак не может найти сносных работников. В Харбине же издавался журнал «Окно»—поздняя провинциальная отрыжка эстетствующего Уайльда—Кинешемского денди, «спасшегося» от всей революционной «неразберихи» в полосе отчуждения. Издается в Харбине еще несколько вечерок со всем ароматом, присущим типу желтой прессы.

Из книг, выходивших на Д. В., в первую очередь следует отметить труд известного экономиста Петра Маслова, затем брошюры проф. Устрялова, книги стихов С. Перетьянова, Асеева. Одно время перепечатывало классиков к-во «Общедоступная книга». Из крупных работников журналистов, кроме перечисленных выше, отметим В. Г. Антонова (публицист), А. А. Богданова (беллетрист и поэт-народник), Е. Асарин (публицист), К. А. Харнский (востоковец), Д. Бурлюк (художник и поэт), Вострогин (бывший эс-эр, теперь редактор черносот. «Русского Голоса»), Н. Н. Кузьмин.

В последний «буферный период» центр журнальной работы был перенесен в Читу, где в настоящее время издаются две большие газеты «Д. В. Путь»—орган Дальбюро Р. К. П. и «Д. В. Телеграф»—внепартийная газета советской ориентации. Обе газеты ведутся Н. Ф. Насимовичем-Чужаком. Из провинциальных изданий следует отметить благовещенскую «Приамурскую Правду», а также заграничную «Шанхайскую Жизнь». Это наиболее яркие из удаленных от центра.

В общем же особые условия постоянно сменяющейся политической погоды, которые создались за последние годы на Д. В., последовательные авантюры Семенова, Колчака, Меркулова так развратили большинство пишущей «армии» всевозможных оттенков, вывернули со дна такой букет бьющей в нос продажности, изворотливости, лживости и трусливого нахальства, что о дальневосточной «прессе», за малым исключением, трудно говорить без чувства тошнотворного отвращения.

IV.

Из музыкальной жизни Дальнего Востока в первую очередь, нужно отметить деятельность молодого талантливого пианиста П. М. Виноградова,

ученика Скрябина, организовавшего цикл концертов для рабочей аудитории, с лекционными пояснительными вступлениями. Успех этих концертов был настолько исключительный, что это заставило и остальных деятелей Музыкального Общества, в общем занятых выбиванием валюты кустарными способами, обратить свои взоры к «широким массам».

Кроме того, имела большой успех камерная певица Анна Эль-Тур. Местное же Музыкальное Общество, кроме организации пустующих «исторических концертов», ничем себя не проявило.

Из крупных оперных сил на Дальнем Востоке оказались: артистка Музыкальной Драмы З. М. Мамонова, Радеев, Машир; из драмы—Зубов, Варшавский, Истомин, Горев. Интересна судьба «Зеленого Кольца», приехавшего из Петрограда на Дальний Восток. Застрявшие во время розановского выступления близ Владивостока, артисты этой труппы были чуть не расстреляны белогвардейцами за «советские паспорта». В дальнейшем «Зеленое Кольцо» потерпело также не мало лишений, но бодро продолжало работу, не идя на халтуру. Только один артист Б., соблазненный заработком, вышел из труппы для... постановки «Жизни и кончины Е. И. В. Николая Романова», ставившейся стараниями «несоциалистического съезда Д. В.», попросту белогвардейцами.

Итак, во Владивостоке следующие учреждения в кругу вопроса культуры: Театр б. Народного Дома У. Б. П. В., 1-ый Народный Университет, Народная Консерватория. В Харбине: Народный Университет Конференции [1]), Дом Трудящихся, Политехникум и две Художественные Школы.

Кроме того, во Владивостоке существует Государственный Университет, но состав его профессуры и аудитории таков, что о нем лучше умолчать.

В Харбине [2])—имеется Красный Университет, Гостеатр, Госиздательство.

В Чите—Институт Народного Образования.

В Благовещенске—дом красноармейца, с регулярными лекциями гуманитарного факультета и театром.

Из случайных, не регулярных событий культурной жизни следует отметить приезд во Владивосток в 1921 году т. Гроссмана-Рощина, прочитавшего ряд лекций в рабочей аудитории, а также исключительно интересный доклад «о форме и содержании» в помещении Литературно-Художественного Общества.

Кроме перечисленного, огромное влияние на культурное осознание рабочих слоев оказывают, конечно, партшколы, в которых в провинции, как я наблюдал, сосредоточивается все самое живое, дееспособное из сле-

[1]) В Харбине, после падения Колчака и передачи К.-В. ж. д. Китаю, для защиты интересов русских резидентов образована т. н. «конференция профессиональных и общественных организаций», которая и является высшим органом полосы отчуждения.

[2]) Сведения относительно Владивостока, Хабаровска, Благовещенска относятся к маю прошлого года.

дующего поколения. В их среде обычно легче, чем где бы то ни было, встретить яркое сочувствие новому искусству, новым вопросам общественности, науки и т. п.

Заканчивая свой далеко не полный обзор, должен оговориться, что внимание мое главным образом сосредоточивалось на Владивостоке, городе, через который так или иначе проходило, до которого обязательно докатывалось всякое движение жизни живой, городе, который, будучи отброшенным за 10 тысяч верст от Москвы, дышал и жил ее судьбами и сквозь фронты, сквозь заставы и перегородки «ухом к земле», по выражению Третьякова, трепетно пульсировал биением ее живого, горячего сердца.

С другой стороны, повторяю, он может в полной мере служить характерным и показательным для всей истории Д. В. за эти три года, в каких бы областях мы ее ни начали рассматривать.

И в последний раз мне хочется вспомянуть образ того молодого кашалота, что так неуклюже и вместе с тем уверенно чудесно плескался в бухте Золотого Рога ясным майским утром. Он уплыл оттуда вместе со мной, как облик того могучего, наивного и свежего мира, ожидающего смело и уверенно всемирной весны, сверкнувшей ему далеким солнцем вставшей Москвы и не боящегося чуждых пришельцев, чьи вооруженные до зубов дредноуты режут килями его свежие воды.

ИЗ ИСТОРИЧЕСКИХ ЖУРНАЛОВ.

I. «Красная Летопись» №№ 2—3; II. «Пролетарская Революция», кн. 5. III. «Пути Революции», кн. I. IV. «Былое», кн. 19. V. «Дела и дни», кн. 3-я.

С. Пионтковский.

Второй и третий номера «Красной Летописи» [1]), вышедшие одной книгой, являются интереснейшим историческим журналом, буквально насыщенным свежим, архивным материалом, бросающим свет на неизвестные до сих пор страницы истории рабочего класса.

О том, что происходило в среде русского пролетариата во время войны, как, в каких условиях среди него билась политическая мысль, как создавались и действовали классовые организации, как мобилизовалась политическая мысль пролетариата в период от 1914 до 1917 г. г. известно очень немного. Кроме книги Шляпникова и брошюры Юренева сведений об этом периоде почти нет. Петроградское бюро Истпарта очень удачно поступило, собрав ряд воспоминаний петроградских партийных работников об условиях работы и деятельности партийных организаций военного времени.

С 3—5 июля 1917 г. в книге напечатаны воспоминания В. Яблонского «3—5 июля» и сообщенные П. Дублицким материалы «Балтийский флот в июльские дни 1917 г.». Воспоминания т. Яблонского очень интересны, т. к. события 3—5 июля пока еще чрезвычайно слабо освещены, а его свидетельские показания автора устанавливают стихийность выхода масс на улицу, резко классовый характер сталкивающихся в эти дни на улицах Петрограда демонстраций, и переход буржуазии в наступление после поражения пролетариата в июльские дни. Т. Яблонский служил в то время в автороте.«Я сам,—рассказывает он,—3-го июля находился в районе Васильевского острова в отдалении от своей части и будучи накануне в военной организации с т. Сергуниным, абсолютно ничего похожего на предстоящее выступление, именно, 3-го июля не слышал, а утром 3-го июля я увидел выступившие на улицу взволнованные толпы рабочих и услышал возгласы, вырывающиеся из этой стихии: «Долой соглашательско-оборонческое правительство» и т. п. «На улицах сталкиваются противоположные демонстрации, уже у Литейного нам путь преграждает густая толпа, преимущественно буржуазного покроя, озверевшая, слышится несколько выстрелов, просвистали пули, чувствуем, что по нас... толпа состояла исключительно из саврасов, постоянно шатающихся на Невском, и их дам. Среди этой толпы рыскали какие-то типы, распространявшие воззвания (совета рабочих и солдатских депутатов). Исполн. Ком. совета принимал энергичное участие в подавлении

[1]) «Красная Летопись» № 2—3—22 г. 452 стр.

июльского выступления—акт политического самоубийства со стороны руководящего им большинства. Выступление кончилось неудачей, наступление буржуазии шло по всему фронту. Партийные газеты коммунистов были разгромлены и закрыты, десятки товарищей арестованы. Буржуазия сразу почувствовала почву под ногами. Сторонники тактики Исп. Ком. переходят в наступление, прикрывая своим фронтом организующуюся корниловщину.

Сообщение об июльских днях во флоте приводит ряд юзограмм, которыми обменивались морское министерство и командный состав флота. К июльским дням на сторону коммунистов перешли команды двух крупнейших кораблей балтфлота «Республика» и «Петропавловск». Тов. мор. мин. Дударов требует от команд этих кораблей ареста руководителей движения, но команда отвечает решительным отказом. Это вызывает приказ Керенского по армии и флоту от 7 июля 1917 г. Приказ этот интересен, как показатель общей тактики «министров-социалистов», в дни 3—5 июля они окончательно перешли на службу буржуазии, стали защищать ее не за страх, а за совесть. «Командам Кронштадта и линейных кораблей «Петропавловск», «Республика» и «Слава», имена коих запятнаны контр-революционной деятельностью и резолюциями, приказываю в 24 часа арестовать зачинщиков и прислать их для следствия и суда в Петроград, а также принести заверения в полном подчинении Временн. Правительству. Объявляю командам Кронштадта и этих кораблей, что, в случае неисполнения настоящего моего приказа, они будут изменниками родины, революции и против них будут приняты самые решительные меры»... возвещал балтийцам Керенский—«...родина стоит на краю гибели из-за предательства и измены, ее свобода и завоеваниям революции грозит смертельная опасность. Германская армия уже начала наступление на нашем фронте, каждый час можно ожидать решительных действий неприятельского флота, могущего воспользоваться временной разрухой... Во имя родины, революции, свободы, во имя блага трудящихся масс, призываю вас сплотиться вокруг Временного Правительства и Всероссийских органов демократии и грудью отразить тяжелые удары внешнего врага, охраняя тыл от предательских ударов изменников...»

Материалы, посвященные октябрю, чрезвычайно интересны и ценны. Это, во-первых, протокол заседания П. К. Р. К. П. от 15 октября, воспоминания А. М. Смирнова «Самокатчики в октябрьские дни 1917 г.» и документы из архива П. К., обрисовывающие отношение партийных организаций и рабочих масс к событиям, выдвинутым после восстания. Документы сообщены т. Невским.

Заседание П. К. состоялось после того, как Ц. К. была принята резолюция о восстании. Заседание исходило из этой знаменитой резолюции. Резолюция Ц. К. говорила: «Ц. К. признает, что международное положение русской революции (восстание во флоте в Германии, как крайнее проявление нарастания во всей Европе всемирной социалистической революции, затем угроза мира империалистов с целью удушения

революции в России)—так и военное положение (несомненное решение русской буржуазии и Керенского с К-о сдать Питер немцам), так и приобретение большинства пролетарской партией в Советах,—все это в связи с крестьянским восстанием и с поворотом народного доверия к нашей партии (выборы в Москве), наконец явное подготовление второй корниловщины (вывод войск из Питера, подвоз к Питеру казаков, окружение Минска казаками и пр.)—все это ставит на очередь дня вооруженное восстание. Признавая таким образом, что вооруженное восстание неизбежно и вполне назрело, Ц. К. предлагает всем организациям партии руководиться этим и с этой точки зрения обсуждать и разрешать все практические вопросы...» Исходя из этой резолюции и ставился вопрос на заседании П. К. 15 октября. Докладчик по текущему моменту на этом совещании т. Бубнов заявил: «Мы приближаемся к развязке, кризис уже назрел, и события начинают развертываться. Мы втягиваемся в схватку с силами, идущими против нас. Мы стоим накануне выступления. Родзянко заявляет, что они сдадут Питер для того, чтобы задушить революцию. Сегодня мы имеем результаты Московского Совещания. Все направлено против нас...» В прениях один из товарищей, формулируя общее положение и диктуемую им линию поведения, заявил: «Если вооруженное восстание мы не сделаем сейчас, то революция над нами поставит крест. Как бы мы сейчас ни говорили, а выступление неизбежно. Настроение может завтра же измениться. Сейчас массы не удовлетворены, от революции они ничего не получили. Массы сейчас не разбиты, так как они не испытали еще ни одной схватки (за исключением 3—5 июля) с буржуазией. Массы могут проявить громадную активность, так что никакая организация их не удержит. Надо все вопросы рассматривать в области практической подготовки к восстанию. Это не значит, что нам придется выступить завтра». Протокол этого заседания является интереснейшим документом в книге—он замечательно ясно рисует обстановку, рисует тактику партии, метод и приемы ее разрешения вопросов. И как подтверждение правильности метода, как подтверждение действительно точного и ясного учета событий, является сообщение Смирнова о настроении самокатчиков в октябрьские дни. Самокатчики были одной из частей, двинутых Керенским против восставших рабочих и солдат Петрограда. Настроение и симпатии самокатчиков определились сразу при отправлении. «На одном из вагонов мелом было написано: «вся власть Советам». Эту надпись при проезде через станцию Могилев (в Могилеве была ставка) при обходе батальона командир под угрозой ареста приказал стереть, но это выполнено не было». Как только цель и смысл посылки стали самокатчикам ясны «во всех вагонах пошла подготовка к устройству батальонного митинга». На митинге, состоявшемся 24 октября на станции Передольская, постановили «...сообщить в Смольный о присылке товарищей для доклада о текущем моменте и на первой же станции ждать прибытия, в случае же приезда из Петрограда дальше не ехать до выяснения дела». На этом же собрании выступало 6 товарищей с кратким разъяснением о задачах второго съезда Советов и партии большевиков

в связи с создавшейся обстановкой. С ораторами все присутствующие были вполне согласны. 25 самокатчиков встречают представители в.-рев. комитета, после небольшого митинга самокатчики посылают депутатов на 2-й съезд Советов. Солдаты, двинутые буржуазным правительством против рабочих, нашли, где их место, с кем они должны быть, за кого сражаться. Победоносный ход революции выставляет ряд вопросов, которые необходимо разрешить. Борьба не кончилась победой в октябрьские дни. В ноябре и декабре она развертывается с необыкновенной силой. Правые с.-р. и меньшевики не находят выражений для дискредитирования образовавшейся власти рабочих. В этом отношении сообщение т. Невского-Белова «На другой день после восстания» крайне ценно и важно. «Захватчики» при решении ответственных вопросов обращаются к массе, обращаются к рабочему классу, к тому самому рабочему классу, который, по уверениям меньшевиков и с.-р., не с ними, а против них. 28 октября П. К. предлагает районам выяснить следующие вопросы: «1) каково настроение масс в районах? 2) за соглашение с с.-р. и меньшевиками рабочие в районах или против? 3) отношение рабочих масс к войне?». Ответы на эти запросы были различны. Невский район дал, например, такой ответ: «1) За соглашение с соц. партиями, социалистическое правительство, пропорционально составленное Ц. И. К. съездом Советов, ответственное перед Советами, и с нашими лозунгами. 2) Принять меры к ликвидации гражданской войны мирным путем. В настоящее время защита от нападения войск, введенных в заблуждение Керенским». Октябрьским же дням посвящены воспоминания В. П. Павлова. «Мои воспоминания о «Крестах», рисующее отношение министров царского правительства к октябрю и воспоминания Петровской «Пулково-Царское Село» в ноябре 1917 г. Из других сообщений этой богатой содержанием книги следует упомянуть статьи, посвященные 1905 году. В. Невского «Январские дни 1905 г. в Москве»—по архивным материалам очень детально и точно рисует, как отозвались в среде московского пролетариата события 9-го января. Статья В. Святловского «Профессиональное движение рабочих в 1905 г.» собственно не статья, а систематизация не проанализированного богатейшего материала по истории проф. движения 1905 г. В ней дается масса фактов и цифр—ценных и интересных для историка. Описательный характер носит и начало исследования М. Ольминского о Свеаборгском восстании. Статьи Бухбиндера (их в книге две) посвящены истории еврейского рабочего движения, одна статья излагает историю еврейского рабочего движения в Гомеле, а другая посвящена независимой еврейской рабочей партии. Обе статьи сопровождаются огромным количеством свежего и очень интересного архивного материала, ценность даваемого в них материала в том, что они показывают, как, каким образом, какими путями исчезало и умирало в рабочем классе экономическое движение, и экономическая борьба пролетариата все тесней сплеталась с борьбой политической.

II.

5-я кн. журнала «Пролетарская Революция» носит по преимуществу мемуарный характер. В ней имеется большое количество воспоминаний по истории борьбы рабочего класса за период от пятого года до октябрьских дней. Мемуары охватывают попытки создания партийных организаций в войсках, партийную работу в период реакции, октябрьскую революцию. Из этой мемуарной литературы большое значение имеют рассказы Л. Германова «Из партийной жизни в 1910 г.». В них очень интересно то, что автор сообщает о деятельности т. Ленина за это время. «В конце 1909 года я поехал за границу. При посещении Ленина я застал его за работой над земскими сборниками. Он работал на счетах, как добросовестный статистический счетчик. С первых же слов он сказал мне: «Необходимо своевременно подготовить аграрную программу. В 1905 году было аграрное движение, у нас не было программы. В 1906 году у нас была программа, не стало аграрного движения. Необходимо подготовится к новым крестьянским выступлениям». Дальше в разговоре он сказал: «Откровенно вам скажу, еще два года нечего будет делать, в ближайшее время трудно предвидеть оживление рабочего движения». Об октябрьских днях даны воспоминания Шлихтера и Карзыкина. Воспоминания Шлихтера дают интересные факты для обрисовки внутри партийных течений в октябрьские дни, воспоминания же Н. Карзыкина «Расстрел юнкерами арсенальцев в Кремле 28 октября 1917 г.» описывают жуткую картину белогвардейских зверств, совершенных в Кремле в минуту их торжества. Кремль был взят юнкерами, а вместе с ним и часть его защитников. Нас, рассказывает Карзыкин, построили; «мы стояли против ворот и ждали, что будут с нами делать. Вокруг нас была поставлена цепь юнкеров. Потом подходит к юнкерам пьяный офицер, поговорил что-то с ними и ушел; юнкера стали тоже расходиться, мы остались одни. Видя, что юнкеров близко нет, мы стали разговаривать и даже выходить из строя. Вдруг подлетает к нам на лошади офицер и кричит: «Дисциплину забыли, сволочи, я вас проучу, негодяи» и скомандовал нам: «Кругом налево, направо, вот так, стой и не шевелись». И офицер скрылся. На башне пробило уже 9 часов, а мы все стоим больше часу и не знаем, чем все это кончится. Вдруг раздался свисток, ружейный выстрел и сзади затрещал пулемет: задние ряды повалились, как подкошенные. Картина была ужасная: кругом кровь, стон раненых, вывалившиеся мозги, крики, взрыв бомб: треск пулеметов. Все смешалось в общий гул. Оставшиеся в живых потеряли сознание, лезли в калитку ворот, давили друг друга». Борьба в Москве еще далеко не кончилась, победа не клонилась на сторону белогвардейцев, а они уже спешили показать себя во всей красе. Статейный материал этой книги тоже отчасти носит мемуарный характер. Статьи т.т. Мицкевича и Каменева посвящены памяти умершего старого с.-д. И. Гольденберга, статья Феликса Кона посвящена памяти Короленко, статья П. Лепешинского «Объясни-

тельная записка к программе по истории Р. К. П.» является продолжением статьи, напечатанной в 3 кн. журнала, носит практически учебно-педагогический характер и является большой ценностью для преподавателей партшкол. Статья Л. Каменева «Лондонский съезд Российской с.-д. рабочей партии 1907 г.» неразрывно связана с помещенными в отделе материалов отрывками из протоколов и резолюций лондонского съезда. Вместе они составляют неразрывное целое, представляя большой интерес и давая массу сведений всякому интересующемуся историей партии. Из протоколов съезда особенно интересна речь Розы Люксембург, приведенная целиком. Эта замечательная речь является образцом четкости, ясности анализа и глубины мысли. Говоря в ней о судьбах и путях русской революции, Роза Люксембург определяла роль и задачи пролетариата в России. «Русский пролетариат своими действиями должен показать, что между 1848 и 1907 г.г. протекло больше полустолетия капиталистического развития, и что мы, с точки зрения этого развития, взятого в целом, стоим не в начале буржуазного классового господства, а скорее в начале его конца. Он должен показать, что русская революция является не столько последним актом в серии буржуазных революций XIX века, сколько предтечей новой серии будущих пролетарских революций».

III.

В Казани вышел первый номер исторического журнала «Пути Революции» [1]), посвященного истории нынешней революции и истории Р. К. П. Журнал этот—одна из первых попыток создания исторического журнала в провинции. Издает его казанское бюро Истпарта. Цель свою журнал определяет в таких словах: «быть летописью революционного движения России и Татреспублики, главным образом».

Из материалов, посвященных истории провинции, здесь даны воспоминания о погибшем от рук чехо-словаков и учредиловцев председателе Казанского совета т. Шейнкмане. Местной же истории—истории революционного движения в Казани—посвящены воспоминания т.т. Аросева и Волкова. Воспоминания т. Аросева были уже напечатаны в четвертой книге «Пролетарской Революции»,—они посвящены описанию казанской ученической организации 1908—1909 г.г.

Воспоминания Волкова интересны описанием жизни уездов казанской губернии—за годы революции, во время господства чехов в Казани.

Из материалов, посвященных Казани в годы революции, интерес представляет сообщение Лидина «Дневник Казанской организации Р. С.-Д. Р. П. (б.). Март—начало августа 1917 г.». Сообщение Лидина дает интересный материал для истории роста партии и ее влияния на массы Сконструировалась казанская организация коммунистической партии 26 марта 1917 года, на организационном собрании присутствовало человек до 70, с этого дня начинается энергичная организационная и пропаган-

[1]) «Пути Революции» № 1—22 г. Казань. 192 стр.

дистская работа, образуется военная организация, создаются районные организации в городе, издается газета, переиздаются и издаются брошюры, листовки, воззвания. В мае казанская организация берет на себя инициативу создания Бюро Совета проф. союзов.

Все эти материалы: и воспоминания о т. Шейнкмане, и воспоминания т.т. Волкова и Аросева, и дневник казанской организации имеют не только местный интерес, но являются интереснейшим историческим материалом, который дает возможность судить, как боролась и работала, в каких формах, при каких условиях росла и укреплялась коммунистическая партия, как отвечали массы крестьян и рабочих на политику временных правительств, на чехо-словацкий мятеж.

Этой же цели может служить и статья т. Лившица «Очерки истории Казанской с.-д.». В этой статье использован пока еще не опубликованный богатейший материал по истории с.-д. в Казани: беда лишь в том, что т. Лившиц почему-то решил тесно связать историю с.-д. с историей студенческих движений, не давая совершенно классового анализа последнего. Это сильно вредит статье, приводящей много интересного материала.

Из статей, заглядывающих дальше пределов Казани, в этой книге дана ст. Н. Н. Фирсова: «Крестьянская революция 1917 г. (до октября) и Временное Правительство». В руках Н. Н. Фирсова было дело канцелярии Временного Правительства № 31 об аграрных беспорядках. Это дало возможность на основании архивного материала выяснить размеры и характер крестьянского движения 1917 года, отношение к нему землевладельцев и землевладельческих организаций, вскрыть политику Врем. Правительства по крестьянскому вопросу. Уже в июне размах и темп крестьянской борьбы за землю был таков, что Полтавский губернский комиссар Врем. Прав. передавал по телеграфу: «Аграрное движение усилилось». Сознание, что земельный вопрос может только разрешиться Учредительным Собранием, сильно пошатнулось. Землевладельцы прямо указывали, что дело не в Учр. Собрании, что крестьянство не хочет и не думает его ждать. На вопли и требования землевладельцев откликнулся Временн. Комитет Гос. Думы с Родзянкой во главе. По словам декларации Врем. Ком. Гос. Думы, вынесенной по этому поводу, «в свободном государстве не может быть места положению, когда как бы объявленные вне закона государственные культурные ценности безнаказанно разрушаются и когда по отношению к собственникам этих ценностей допустимы и остаются безнаказанными всякие правонарушения, до грабежа и убийства включительно». Временн. Комит. Госуд. Думы,— заявляла декларация,—«настойчиво обращает внимание Временного Правительства на необходимость решительными мерами прекратить нарастающую сельско-хозяйственную разруху, чреватую грозными последствиями для государства». Против крестьянства все виды собственников выступают единодушно, требование принять решительные, энергичные меры на защиту против крестьянства несутся к Врем. Правительству со всех сторон, несутся все громче и настойчивее. Врем. Правительство

в лице кн. Львова сразу же заявляет о своей солидарности с землевладельцами. Кн. Львов лично посылает телеграммы с приказами «возвратить владельцу» отнятое, принять «решительные меры» к тому, «чтобы крестьяне деревни Афанасьево немедленно возвратили землевладельцу Кацынскому захваченные покос и инвентарь». Но крестьянское движение растет—и в деревню посылается кавалерия. По донесениям, имеющимся в использованном в статье Н. Н. Фирсова «Деле» кавалеристы «действовали энергично».

IV.

Девятнадцатая книга журнала «Былое» [1]) дает довольно богатый историко-литературный и исторический материал. Сообщения, приведенные в ней, касаются истории общественной мысли и ее проявлений от Радищева до наших дней. Это создает некоторую пестроту, но интерес книги этим не уменьшается. К историко-литературным материалам, приведенным в книге, следует причислить сообщение В. П. Семенникова: «Новый текст «Путешествия Радищева», Георгия Чулкова: «Ф. И. Тютчев и его эпиграммы», воспоминания Т. Богданович «Вл. Гал. Короленко в последние годы жизни (1919—1921 г.г.)» [2]).

Сообщение Геор. Чулкова является плодом работы над текстами Тютчева. Среди большого количества Тютчевских рукописей, как подлинных автографов, так и копий, Георгий Чулков установил ряд еще не знавших печати произведений и среди них шесть неизвестных эпиграмм. Эпиграммы эти представляют интерес для характеристики политических взглядов Тютчева. Из них одна эпиграмма на смерть Николая I особенно любопытна. Славянофил Тютчев произносит жестокий приговор над всей Николаевской Россией:

Не Богу ты служил и не России,
Служил лишь суете своей.
И все дела твои—и добрые, и злые—
Все было ложь в тебе, все призраки пустые;
Ты был не царь, а лицедей.

Эпиграммы снабжены обширным комментарием, дающим характеристику взглядов и настроений Тютчева во времена создания эпиграмм.

Остальные материалы чисто исторического характера. Тепло и искренно написан очерк О. К. Булановой: «Декабрист Ивашев и его семья», написанный на основании переписки Ивашева с родными. Очерк дает много бытового материала из жизни одной семьи в первой половине прошлого столетия, не имеющего, однако, большого исторического значения. Интересны воспоминания Ф. К. Пекарского: «Рабочий Петр Алексеев». Петр Алексеев вошел в историю русского революционного движения, как автор замечательной речи, произнесенной им во время про-

[1]) «Былое», кн. 19—22 г.

[2]) Об этой работе. В Семенникова см. отзыв Н. Пиксанова в отделе «История и теория литературы» в наст. книге нашего журнала.

цесса 50 в заседании особого присутствия Правительствующего Сената 10 марта 1787 года. Речь эта имела в свое время огромное влияние, еще и сейчас она производит неотразимое впечатление. Алексеев, сын крестьянина, родился в 1849 году 14 января. В семьдесят третьем году, работая в Петербурге, Петр Алексеев столкнулся с Синегубом, который жил у фабрики Торнтона за Невской заставой. Петр Алексеев тогда не был затронут пропагандой и просто «жаждал чистой науки». С этого времени началась связь Петра Алексеева с революционным движением, началась его революционная работа, принесшая ему в 1875 г. арест, а вслед за ним и приговор к десяти годам каторги. В Сибири, на поселении, нашел Петр Алексеев и смерть от рук ограбивших его якутов. Пекарский добросовестно собрал об Алексееве все, что могли дать воспоминания товарищей, и подробно описывает период жизни Алексеева в Сибири на поселении.

О. В. Аптекман в статье «Флеровский-Берви и чайковцы», написанной на основании архивных данных и личных воспоминаний, пытается воскресить образ забытого писателя и автора книг, имевших в свое время большое влияние, и выяснить отношение между Флеровским-Берви и чайковцами. Кружок чайковцев выкристаллизовался, по свидетельству Аптекмана, в противовес Нечаеву, как реакция против его влияния. Чайковцы занялись изданием книг. В числе прочих они издали сочинения Флеровского-Берви «Положение рабочего класса в России» и «Азбуку социальных наук». По свидетельству Аптекмана впечатление, произведенное «Положением рабочего класса в России», было поистине потрясающее». Впервые «великая крестьянская реформа выявилась в том виде, в каком она была в действительности. Впервые мы узнали доподлинно, что она, действительно, дала народу: потрясающие картины народного разорения, обнищания, пауперизма встали перед нами». По силе влияния Аптекман сравнивает эту книгу с «Историческими письмами» Лаврова. Судьба второй книги Флеровского, принесшей ему политические преследования и ссылку, еще более тесно связана с революционным движением семидесятых годов. Она, можно сказать, выросла из его недр. Чайковцы, рассказывает Аптекман, «болели вопросами этики. Я в этом убедился, когда жил с Натансоном в Якутской области. Уже зрелый мужчина, побывавший в боях, он, в наших беседах в тесном кругу (я и супруги Натансоны), нередко возвращался к этой теме. Он мне горячо доказывал, что, пока у нас не будет великой книги об этике, мы не будем в состоянии осуществить социалистический строй». «Азбука социальных наук» была написана Флеровским по предложению чайковцев. Между Флеровским и чайковцами существовала не только идейная, но и чисто личная связь. Натансон и Перовская, по свидетельству Аптекмана, давали о Флеровском самые задушевные отзывы, считая его своим предтечей.

Сообщение Е. В. Тарле: «Германская ориентация и П. Н. Дурново в 1914 г.» и «Воспоминания» М. Рафеса о февральской революции являются интереснейшими материалами, помещенными в книге; бывший министр внутренних дел, человек наблюдательный и умный в начале 1914 г. подал Николаю II записку, посвященную вопросам внешней по-

литики и внутренней жизни. Надвигающиеся военные бури страшили его, шаткость внутренних отношений в России он понимал вполне отчетливо и социалистическая революция была для него не простым призраком, а вполне реальной опасностью. В войне, которая интересна только для Англии и Германии—писал он,—в их взаимной борьбе мы не заинтересованы, а между тем вся тяжесть борьбы должна выпасть на нашу долю. «Англия к принятию широкого участия в континентальной войне едва ли способна, а Франция, бедная людским материалом, при тех колоссальных потерях, которыми будет сопровождаться война в современных условиях военной техники, вероятно, будет придерживаться строго оборонительной тактики. Роль шарика, пробивающего самую толщу немецкой обороны, достанется нам... Выгоды для нас от участия в войне крайне сомнительны: проливы мы можем получить и с помощью Германии, Галиция и Познань нам не нужны, между тем война не только потребует колоссальной траты людской силы, людских жизней, она, как бы она ни кончилась, сулит нам крайне неблагоприятные финансовые перспективы...» Война несет с собой не только тяжелое финансовое состояние, она несет одинаково, как России, так и Германии, тяжелые социальные катаклизмы и революцию «при исключительных условиях надвигающейся мировой войны, таковая, опять-таки независимо от ее исхода, представит смертельную опасность и для России и для Германии. По глубокому убеждению, основанному на тщательном изучении всех современных противогосударственных течений, в побежденной стране неминуемо разразится социальная революция, которая, силой вещей, перекинется и в страну-победительницу». Это одно из замечательно интересных мест записки. Против угрозы мирового фронта пролетариата Дурново хотел создать единый фронт из представителей «консервативного начала» из России, Германии и отчасти Франции, которая «в несравненно меньшей степени» затронута «демократическим началом», чем Англия.

Воспоминания Рафеса посвящены описанию февральской революции. Она застала Рафеса в Крестах. Вырванный оттуда волнами восставших солдат и рабочих, Рафес принимает участие в организации и работе первого Совета Рабочих Депутатов. Как и все мемуаристы февральских дней, Рафес отмечает стихийность хода революции, ее колоссальный размах и отсутствие руководящих организаций, отсутствие у создавшихся в процессе революции органов уверенности и твердости. Рафес дает подробное описание заседаний совета в дни 27, 28 февраля, рассказывает о борьбе фракции в эти дни. В совете на первом же заседании ребром стал вопрос «соглашение и совместная работа Совета Рабочих Депутатов с Временным Комитетом Гос. Думы, или борьба с ним,—этот вопрос был краеугольным камнем и красной нитью проходил через все прения по целому ряду вопросов, которые стояли в течение первых дней деятельности Сов. Раб. Депутатов». Вопрос о неучастии во власти был решен большинством Исполнит. Комит., но кроме этого был поставлен вопрос вообще о соглашательстве. «Исполнительному Комитету С. Р. Д. при-

шлось выносить борьбу с большевиками, рассказывает Рафес, членами Сов. Раб. Деп., которые были поддержаны большим числом новых солдатских депутатов. Большевики выступали с резкими речами против политики передачи власти буржуазии, против соглашательства. Они требовали свержения Думского Комитета и создании нового Временного Правительства. При этой постановке не было уже места спорам об участии или неучастии в составе этого Временного Правительстве. Борьба велась вокруг идей свержения или поддержки».

V.

Третья книга журнала «Дела и Дни» [1]) дает немного интересного и ценного исторического материала. Больше всего в ней привлекают внимание—дневник Сухомлинова и переписка Александра II с Константином, за время пребывания последнего в должности наместника Царства Польского. Дневник Сухомлинова интересен для обрисовки его самого. Большим ничтожеством, чем этот военный министр Николая II, был только сам Николай, если судить по его дневнику. Среди представителей российских бюрократов Сухомлинов является одним из самых ничтожных, самых ограниченных. В его дневнике отсутствует всякая живая мысль. Как политический деятель, этот отставной министр полнейший младенец. В своем дневнике он пишет, например: «21 июля (15 г.). Отличная погода; тяжело только узнавать, что на войне поворота в нашу сторону все еще нет. Хоть мы с М. О. Меньшиковым и в разладе, но я с ним согласен в одном: «Должны победить». Так говорит и Гос. Дума».

«22 июля. На утренней рыбалке вытащил с большим трудом лоха (13 ф.),—борьба была сильная. Кроме того, поймал 4 форели (3 ф.) и харюза (2 ф.)».

Переписка между Александром II и Константином по делам Польши интересна в высшей степени, она вскрывает основные нити русской политики в Польше, обрисовывая в ярком свете роль Аленсандра II и Константина в борьбе с польской крамолой. Все выдающиеся политические события этого времени 1862—1863 г. затрогиваются в этой переписке. В ней устанавливаются и выясняются тактические приемы действий русского самодержавия в Польше.

21 августа 1862 г. Константин пишет Александру: «Положение улучшается; на долго ли и серьезно ли это улучшение—одному Богу известно. Казни и моя прокламация имели влияние на добромыслящих и ослабили несколько те средства, на которые красная партия могла рассчитывать». Дальше в этом же письме Константин сообщает ряд фактов об арестах офицеров. Александр II отвечает: «Надеюсь, по крайней мере, что последние арестации артилл. офицеров, как они ни грустны, раскроют нам революционные связи и ее источники». В другом письме Александр говорит: «Мы знаем, чего мы хотим; надобно, чтобы и поляки это знали

[1]) «Дела и Дни», кн. III—22 г .239 стр.

столь же ясно, равно и то, чего мы никогда не допустим. Единственное средство этого достигнуть: это твердость, справедливость и последовательность во всех правительственных мерах, дабы правительство вселяло к себе уважение и вместе страх; тогда можно надеяться, что со временем и с Божьей помощью оно вселит к себе и доверие».

Остальные материалы книги большой исторической ценности не имеют.

О ЧАСТНЫХ ИЗДАТЕЛЬСТВАХ.

Л. Мещеряков.

Первые месяцы после Октябрьской революции в Советской России не было никакого стеснения свободы печати. Свободно продолжали выходить меньшевистские, эс-эровские и даже кадетские газеты. Свободно работали частные издательства. Но вся эта свобода печати использовывалась русской интеллигенцией для подрыва Советской власти: для борьбы против революции.

Немудрено, что для защиты революции Советская власть должна была сперва прибегнуть к стеснению свободы печати, а с осени 1918 г.— к полному закрытию всех буржуазных газет. Только в конце весны 1919 г. было организовано Государственное Издательство. Советская власть была вынуждена на стеснения свободы печати, во имя защиты интересов революции.

Противники Советской власти часто и настойчиво обвиняли ее в том, что этими стеснениями она затрудняет развитие литературы, создает препятствия появлению новых, ценных, талантливых произведений. Само Государственное Издательство,—говорили они,—не издает и не может издать ничего ценного, и в то же время оно мешает частным издательствам выпускать многие ценные работы.

В период жестокой гражданской войны трудно творить великие, вечные художественные ценности. Довлеет дневи злоба его. В первые три года революции перед нами стояла задача борьбы с белогвардейщиной, борьбы против интервенции. В области агитационной эта задача была великолепно выполнена Государственным Издательством. Даже многие противники Советской власти принуждены признать превосходство советской агитационной литературы перед белогвардейской.

Но Государственное Издательство сделало больше этого. При всех трудностях работы (недостаток бумаги), расстройстве типографского дела, отсутствии авторов (ибо коммунисты были завалены другой работой, а старые писатели саботировали), Государственное Издательство выпустило ряд крупных, интересных литературных произведений. Просмотрите отдел рецензий в «Печати и Революции»—и вы убедитесь, что за три года работы Государственного Издательства у нас появлялось много интересных книг. Русская литература продолжала развиваться, но шла она, конечно, по новому руслу. А ведь журнал «Печать и Революция» стал выходить только с лета 1921 г. Он не осветил первые $3^1/_2$ года революции. Многие крупные литературные явления этого периода не нашли в нем своего отражения. Да и теперь он еще не в силах, к сожалению, отмечать все интересное, появляющееся в нашей литературе.

Мнение о бесплодности работы Государственного Издательства за первые 3 года его работы надо признать решительно неверным. Но,

может быть, все-таки верно утверждение, будто Государственное Издательство сильно вредило тем, что мешало частным издательствам проявлять свою инициативу и этим лишило мир ряда ценных литературных и научных работ?

С ноября 1921 г. Советская власть признала возможным допустить работу частных издательств.

Более полугода прошло с начала возобновления работы частных издательств до того момента, когда я пишу эти строки (начало июня 1922 г.). Что же сделали за это время частные издательства? Каковы плоды их работы? Что ценного дают они русским читателям в трудное, ответственное время коренной переустройки всех наших общественных отношений.

Некоторый ответ на это дает работа Политического Отдела Государственного Издательства, на который возложено дело разрешения к печати рукописей, представляемых частными издательствами. С этими данными Политотдела Государственного Издательства я и хочу познакомить читателей в своей статье.

* * *

Пять лет ожесточенной революционной борьбы, поведших к крушению всех организованных сил эксплоататорских классов, привели вместе с тем к полному разложению всей старой идеологической мишуры, которой прикрывалась и украшалась эта эксплоатация. В области литературы это повело к полному крушению всех старых литературных идеологий и группировок. Почти все старые издательские группировки исчезли, и нет признаков их возрождения, хотя прошло уже слишком шесть месяцев работы частных издательств. Единственными исключениями являются партийные коммунистические издательства.

За последние семь месяцев возникло очень много частных издательств. В Москве их в конце мая было 220, а в Петербурге 99. Но все они возникают почти исключительно только в Москве и Петербурге. В провинции их почти совершенно нет, а то, что есть—ничтожно, эфемерно, случайно.

Обилие вновь возникающих частных издательств объясняется различными причинами:

1) Стремлением к наживе.

2) Стремлением воссоздать буржуазную и буржуазно-интеллигентскую идеологию и противопоставить ее идеологии пролетарской.

3) Тем, что за первые годы революции, когда работа частных издательств была почти совершенно прекращена в Москве и в провинции и сильно стеснена в Питере, старые писатели бойкотировали Государственное Издательство и предпочитали совсем не печататься, собирая свои произведения. Вследствие этого у них на руках накопилось большое количество литературного материала, который теперь и выбрасывается на рынок.

Но быстрое и яркое развитие частных издательств есть явление только кажущееся. Современное книгоиздательство встречает массу препятствий и вряд ли может доставить ожидаемую прибыль.

Причины различны:

1) Во время войны и революции в значительной степени исчез старый читатель. Большое количество интеллигенции погибло во время войны и революции. Многие ушли за границу. Оставшиеся в большинстве случаев не имеют средств на покупку книг,—новая же буржуазия еще не выработала в себе культурных потребностей и привычек. Ей книга пока не нужна.

2) Старый аппарат книжной торговли за время действия Центропечати, бесплатно распространявшей книги, совершенно погиб. Исчезли книжные магазины, в особенности в провинции. С переходом на платность книг книжные магазины вновь стали возникать, но и это движение захватило пока только центры. В провинции их еще почти не существует. Как пример, укажу на то, что до революции существовало более 600 книжных железнодорожных киосков. Они были закрыты. Теперь они восстанавливаются кооперативом советских организаций: до 20 мая их было восстановлено только 112, т.-е. $^1/_6$ прежнего количества.

3) Расстройство транспорта, выражающееся в медленности перевозки книг, когда условия торговли при падающей валюте требуют крайне быстрого оборота. Дороговизна пересылки и перевозки книг.

4) Быстро падающий курс рубля, что требует быстрого оборота капитала, а этому последнему мешает расстройство транспорта и отсутствие книжных магазинов в провинции.

5) Новый читатель из среды рабочих и крестьян еще не выработался настолько, чтобы у него явилась непреодолимая потребность купить книгу при его скромном бюджете.

В силу всех этих причин частные издательства не могут широко развернуть своей работы. Их тиражи и в Москве и в Петербурге, очень невелики—тысячи по три экземпляров; иногда тираж опускается до двух тысяч или даже до тысячи. Развитие работы частных издательств не замечается. Наоборот, у большинства издательств заметно свертывание работы. Это заметно и в Москве и в Петербурге.

Вот таблица, рисующая работу частных издательств в Петербурге за время с 31 января 1922 г. (основание Петербургского Политотдела Госиздата) по 29-е мая 1922 года.

Всего по этот день в Петербурге было зарегистрировано 99 частных издательств (не считаю издательств советских учреждений, профессиональных союзов и т. п.).

Из них 44 не представили ни одной рукописи: они только зарегистрировались, но ничем не проявили своей работы.

21	издательство	представило	по	1	рукописи.
12	»	»	»	2	»
4	»	»	»	3	»
2	»	»	»	4	»

3	издательство	представило	по 5	рукопис.
3	»	»	» 6	»
2	»	»	» 7	»
1	»	»	» 8	»
1	»	»	» 9	»
5	»	»	» 10	»
1	»	»	» 11	»

Итак, только 13 издательств из 99 представило не менее 6 рукописей за 4 месяца работы. Эти цифры показывают, как слабо шла работа частных издательств.

За те же 4 месяца все эти издательства представили в Петербургский Отдел Госиздата (цензура) 190 рукописей. Из них было не разрешено к печати 10 названий (5,3%).

В Москве с половины ноября (начало работы Московского Политотдела Госиздата) по 26-е мая 1922 г. через цензуру прошло 813 рукописей частных издательств. Из них было запрещено 31 название (3,8%).

Что касается работы частных издательств в Москве, то ее могут характеризовать следующие цифры:

Всего в Москве по 26-е мая 1922 г. было зарегистрировано 220 частных издательств [1]). Из них 133 совершенно не представляли рукописей, т.-е. ничем не проявили своей работы.

Всего с половины ноября по 26-е мая 1922 года в Московский Политотдел Госиздата частные издательства представили 813 рукописей.

60	издательств	представило	. . . .	1—5 рукописей
17	»	»	. . . .	6—10 »
10	»	»	. . . .	более 10 »

Максимальное количество рукописей представленных одним издательством—27.

И это за более чем шесть месяцев работы. Считая за сколько-нибудь солидное издательство только две последние категории, мы видим, что в Москве таковых только 27 из общего количества 220 частных издательств.

А надо еще заметить, что большинство выпускаемых частными издательствами книг представляют тоненькие брошюрки. Толстых, солидных книг частные издательства почти совершенно не выпускают. Кроме того, количество действительно выпущенных книг меньше, чем число разрешенных к печати, так как некоторые слабые издательства, получив разрешение на печатание книги, не решаются пускать ее в работу.

Я указал выше, что исчезли все старые литературные направления и группировки. В частности умерли все старые журналы. Заметно сильное стремление к созданию новых журналов. Но это или чисто бульварные, совершенно беспринципные, тоненькие сборники беллетристиче-

[1]) Не считая советских и профсоюзовских.

ских произведений, или бесцветные литературные сборники, а отнюдь не принципиально выдержанные старые журналы. Заметим еще, что у юрких издателей и редакторов этих журналов есть большое стремление привлечь в число сотрудников литераторов-коммунистов, очевидно для того, чтобы использовать их, с одной стороны, в качестве громоотвода, с другой—чтобы привлечь этими именами читателей из среды рабочих и, наконец, чтобы через этих коммунистов получить на свои издания заказы ведомств. Журналы эти заполняются беллетристикой, стихами, статьями об искусстве и т. п. Руководящих политических статей в московских журналах совершенно не встречается. Будущности у этих журналов нет никакой. Все они должны погибнуть в близком будущем.

В первые месяцы деятельности частных издательств почти вся их работа заключалась в издании тоненьких сборников стихов, рассказов, книжек по искусству и по литературе. За последнее время некоторую роль в их работе начинает играть издание литературы по прикладным знаниям (техника, сельское хозяйство и т. п.). В Петербурге эта литература составила за время работы Политотдела Госиздата 79 названий из общего количества 190 названий, прошедших через цензуру, т.-е. 41,6%; в Москве 64 названия из 813 рукописей.

Многие издательства—из них некоторые очень старые и солидные, возобновившие теперь свою работу—стремятся стать контр-агентами Госиздата, работая по его заданиям и заказам. Так работают, например, Гранат, Кнебель, Сабашниковы, «Мир» и т. п. В этой области они выполняют подчас очень полезную работу.

Переходя к вопросу о литературной и политической физиономии новых издательств и тех группировок писателей, которые образуются вокруг них, нужно отметить прежде всего отсутствие ярких, определенных группировок и течений. Литературная среда в настоящее время представляет, так сказать, первозданный хаос, в котором все перемешалось, и в котором только начинают образовываться новые ядра. Даже наиболее яркие издательства группируют вокруг себя сотрудников очень разнообразного характера.

Если отбросим чисто спекулятивные издательства, то в направлении литературной работы частных издательств можно указать некоторые общие им всем черты. В этом также видна недифференцированность литературной среды и литературных течений. Эти общие почти всем им сводятся к следующему:

1) Чуть не поголовное увлечение мистикой и притом мистикой самой отвлеченной, бесплотной, абстрактной. Идеалистическая философия и религиозно-мистическое настроение—это излюбленные господствующие мотивы современной интеллигентской литературы. Они отражаются и в стихах, и в рассказах, и в литературных и философских статьях,—словом, решительно повсюду.

2) Стремление отмечать только отрицательные, тяжелые, гнетущие явления революции и переживаемого переходного времени (казни, голод, холод, спекуляция, огрубение нравов, разврат, гибель всего

честного, идеалистически настроенного и, наоборот, торжество жестоких хищников). На-ряду с этим умалчивание о положительной стороне революции. В массе своей такая литература производит на читателя гнетущее, разлагающее впечатление.

3) Зарождение в литературе новой идеологии крестьянина-собственника. Противопоставление с этой точки зрения деревни городу, при чем город изображается в виде эксплоататора, стремящегося отнять у деревни плоды ее трудов. Деревня рисуется в виде загнанного зверя. И в числе представителей этого течения можно найти как старых литераторов бывшего кадетского лагеря, так и новых писателей. *Старые* буржуазные литераторы-интеллигенты, видя крушение чисто буржуазных сил, на манер Милюкова, хотят использовать кулацкие элементы крестьянства, опереться на них, создать для них идеологию, использовывая их, как опору буржуазии. С другой стороны многие *новые* писатели видят в крестьянстве самостоятельный класс и пытаются создать для него мелко-буржуазную идеологию (кстати сказать, также сильно украшенную мистикой).

4) Все писатели-сотрудники частных издательств не верят в дальнейший ход социалистической революции. По их мнению, Россия теперь изживает коммунизм. Задачей новой экономической политики, по их мнению, является воссоздание буржуазной России. Это убеждение обще решительно всем группировкам частных издательств. Понятно, поэтому, как вредно участие коммунистов в этих издательствах, ибо: 1) они своими именами освящают эти взгляды и 2), работая в этой среде, они сами заражаются ее взглядами и духовно разлагаются.

Как общий вывод из всего вышеизложенного нужно признать, что буржуазная интеллигенция выбита из старых, чисто буржуазных, идеологических позиций. Она пытается теперь найти новую опору в крестьянстве и работает над созданием новой пригодной для этого идеологии, окрашивая ее в религиозно-мистические цвета. Эта литература носит пока все характерные покровы интеллигентщины, а потому совершенно непонятна для крестьян. Но она может действовать и действует на учащуюся молодежь, на учителей и на другие элементы, соприкасающиеся с крестьянством. Кроме того, те же идеи и подчас очень тонко и умело проводятся в таких книжках, как сельско-хозяйственные, кооперативные и т. п.

Три с лишним года русская буржуазная интеллигенция копила плоды своей литературной работы. Великая революция, потрясшая все основы, все устои жизни, прошла перед нею. Какие же уроки вынесла она из этой революции? Чему хочет она учить русский народ в труднейший период его истории?

Она ничего не увидала в революции, кроме ее неизбежных темных, отрицательных сторон. Как баран на новые ворота, смотрит она на новую жизнь, которую строит теперь русский трудовой народ. Всеми помыслами своими она стремится к старому, к отжившему. В новой жизни она видит только возврат к старому, давно отжитому мелко-буржуазному

укладу, надеясь, что из него вырастет мало-по-малу излюбленный ею чисто буржуазный строй. Не приятие революции, а испуг перед нею, выражающийся в росте мистических настроений—вот что может дать и дает литература возродившихся частных издательств. Она не дала пока ни одного крупного литературного произведения, которое могло бы привлечь к себе общее внимание. Работа частных издательств есть новое, яркое свидетельство глубокого банкротства русской буржуазной интеллигенции.

ОСНОВНЫЕ ПРИНЦИПЫ ОЦЕНКИ ПОПУЛЯРНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ ПО ЕСТЕСТВОЗНАНИЮ.

Б. М. Завадовский.

Статья вторая [1]).

ОЦЕНКА ПОПУЛЯРИЗАЦИИ.

С этими установленными нами положениями попробуем перейти к оценке нашей ходовой популярной литературы.

Три «властителя дум», три «любимца публики» владели у нас книжным рынком и симпатиями читателя, это именно:—Рубакин, Лункевич и Бельше. Эти три автора, во многом разные, и «потрафляли» они на разного рода читателей, но книжки всех трех отличаются одной общей особенностью: все они не представляют собой того, что нам нужно и что оправдало бы в наших глазах продолжающееся еще до сих пор увлечение ими.

Составленные авторами, далекими от первоисточников и непосредственных исканий естествознания, эти книжки противоречат большинству из высказанных нами требований. Не будучи непосредственными участниками научного творчества, авторы эти не могли дать ничего иного, как пересказы из вторых и даже третьих рук. Некомпетентность авторов не позволяла им достаточно критически отнестись к обсуждаемым темам, ни подвергнуть их оригинальной творческой переработке, которая чувствуется как непосредственный пульс научной мысли в классических популяризациях таких мастеров, как Тимирязев, Мечников, Клейн и другие ученые специалисты. А там, где, как у Бельше, проявляется видимость оригинальности, там она существует не в плоскости научного творчества, а является салонной болтовней фразера, не заметить которой могут люди лишь чрезмерно недальновидные.

Для того, чтобы не быть голословным, рассмотрим поочередно этих авторов и их произведения.

1. Рубакин, Н. А.

Н. А. Рубакин—один из пионеров русской популяризации; он ученый библиограф и, наконец, искренно преданный своему делу народник, с самыми чистыми намерениями отдающийся делу популяризации знаний. Все эти его бесспорные заслуги, а равно и личная судьба и бескорыстная преданность Рубакина создали ему обаяние и уважение, которое нарушить считается преступлением. Ведь мы все немного идолопоклон-

[1]) См. «Печать и Революция», книга I, стр. 128.

ники, и первый, кто осмелится бросить на наших идолов критический взгляд, признается преступником.

Я не специалист библиограф и не берусь судить о заслугах и трудах Рубакина в этой области. Я не имею досуга, чтобы критически пересмотреть те книги Рубакина, где он обосновывает свои методологические взгляды на книгу и читателя, хотя мне кажется, судя по тому, как он *практически* осуществляет свою популяризаторскую деятельность, что и его основные теоретические принципы должны страдать большими недочетами и нуждаются в пересмотре.

Но я естественник, и как естествоиспытатель не могу не интересоваться тою естественно-научной популяризацией, которою так обильно снабдил наш рынок Рубакин. Кроме того, я смею думать, что народные массы— не кладбище, на котором ставятся мавзолеи за исторические заслуги, и не та сырая почва, в которую можно валить все, что когда-нибудь сыграло свою роль и принесло свою пользу. Поэтому, оставляя в стороне исторические заслуги Рубакина, но видя, с каким усердием Рубакин и по сию пору переиздается и распространяется в массах, я считаю себя в праве спросить: какие такие достоинства и заслуги его книжек делают из них чуть ли не признанный образец, которому призывают подражать? Или, быть может, я слеп, когда, пересматривая его брошюрки, я вижу лишь убожество и бездарность и, мало того, часто ужасающую безграмотность их автора в вопросах, о которых он берется писать?

Н. А. Рубакин обнаружил себя крайне плодовитым писателем. Нет той области естествознания, где бы он не чувствовал себя компетентным, начиная с физики и механики и кончая эволюционной теорией и географией.

Его брошюры, посвященные, главным образом, физическим вопросам, были уже недавно подвергнуты уничтожающей критике и в блестящей, тонкой и в то же время едкой статье Перископа (псевдоним) под заглавием: «Популяризация или вульгаризация» («Книга и Революция» № 3-4. Петрогр. 1920 г.). Не желая повторять другими словами то, что уже сказано, и притом так, что лучше сказать трудно, я позволю себе сделать некоторые выдержки из этой статьи.

«Коренной недостаток брошюр Рубакина,—пишет Перископ,—состоит не в тех отдельных ошибочных сведениях, мелких или даже крупных промахах, которые до некоторой степени неизбежны у всякого популяризатора и легко могли бы быть исправлены при переиздании рукою редактора специалиста. Основной и неизлечимый порок большей части его писаний кроется в фальшивом подходе к самой задаче популяризатора.

«Прежде всего непозволителен и неуместен усвоенный автором в большинстве брошюр вульгарный тон, положительно напоминающий стиль горбуновских персонажей. Помните «Травиату» в анекдотической передаче Горбунова: «Сидит госпожа Патти, думает о своей жизни; входит некоторый человек. «Я, говорит, сударыня, имени-отчества вашего не знаю, а пришел поговорить насчет своего парнишки: парнишка мой запутался и у вас скрывается—турните вы его отсюда».—«Извольте, го-

ворит, милостивый государь, сейчас я ему такую привилегию напишу, что ходить ко мне не будет, потому я сама баловства терпеть не могу...» и т. д.

«Рассказ Рубакина, например, об открытии Нептуна, право, не слишком разнится от этой пародии:

«...ученые люди знают с точностью и достоверностью, какое небесное светило, какой путь держит и на каком месте когда находится. Вот и заметил Леверрье по цифрам: такое-то светило, казалось бы, должно было итти по такому-то пути, а идет оно по другому, с настоящего пути словно сбивается. Леверрье сейчас и рассудил, не глядя на небо, что это делается неспроста: надо полагать, что что-нибудь сбивает или оттягивает светило это в сторону. Что-то есть, а что именно—неизвестно. Леверрье и догадался, что одно светило сбивается с пути, потому что его тянет к себе какое-то другое светило. Известно, что все светила на небе друг дружку притягивают: это много раз многими учеными было сказано и показано и доказано еще за много лет до Леверрье. Вот Леверрье и давай высчитывать, не смотря на небо, по одним цифрам, где должно находиться на небе в это самое время это не известное никому светило. Высчитывал-высчитывал—и нашел, и высчитал и объявил об этом по всему свету...» («Рассказы о подвигах человеческого ума», 8).

«...Поистине изумительное объяснение полета аэроплана,—пишет дальше Перископ,—находим в «Рассказах о подвигах человеческого ума» (43-44). Это стоит послушать: «Почему он летит и не падает? А по тому же самому, почему не падает стрела, пущенная из лука. Ведь тяжесть стрелы тянет ее книзу, и стрела сразу бы упала на землю, если бы тетива лука не толкнула ее вперед. Значит, стрела летит вперед, потому что ее что-то толкнуло. Тоже и аэроплан. Он тоже бы полетел вниз, если бы его не толкал винт, прикрепленный сзади... Летящий аэроплан—то же, что и летящая стрела, с тою лишь разницей, что стрелу толкнула тетива лука, а аэроплан толкает сам себя; стрелу тетива толкнула и от нее отделилась, а то, что толкает аэроплан—винт-двигатель,—так и остается в нем и летит вместе с ним. Но стоит винту или мотору остановиться или сломаться, и аэроплан опустится, а то и полетит вниз, как и падающая стрела. Вот в чем самая суть летания. Во время полета тяжесть летательной машины как бы спорит с ее скоростью. Когда машина летит, это значит, скорость оказалась сильнее тяжести. А когда машина опускается, это значит, оказалась сильнее тяжесть».

«Отсюда с несомненностью ясно только одно,—заключает Перископ эту замечательную цитату,—что Рубакин сам не понимает, почему летит аэроплан. Не понимает он и всей абсурдности своей фантастической теории. Нужна астрономическая скорость не менее 8 километров в секунду, чтобы свободно перемещаться близ земной поверхности по способу Рубакина...»

Я не стану умножать цитат, собранных Перископом; его замечательную статью полезно прочитать целиком. Но Перископ, будучи, повидимому, сам физиком, останавливается, главным образом, на примерах из области механики, и более снисходительно относится к книгам «чисто

географического содержания с преобладанием описательного и бытового элемента». Чем повторять уже собранное Перископом, обратим свое внимание на эту географическую литературу [1]).

Передо мной его большая книга: «Рассказы о горах», объемом до 150 страниц. Читаю первую главу, посвященную описанию наиболее интересных гор России и всего земного шара, и начинаю покоряться. Эта описательная часть, занимающая 34 страницы, прекрасна. Но вот перед автором задача перейти к истолкованиям и осмысливанию описанных явлений, и он сбивается, начинает путаться, вертится бесплодно вокруг да около вопроса. Тратится много слов на объяснения ненужных и достаточно понятных вещей или на сентенции вроде того: «Чтобы жить на земле (?!), надо знать и понимать то, что видишь». А когда наступает нужда дать, наконец, объяснение, то оно или скрадывается или дается в нелепой и неприемлемой для науки форме. Вот как, например, объясняется нахождение в составе известняка раковин и других окаменелостей:

«Почему же все это попало внутрь известняка? Это тоже надо проследить с точностью и достоверностью. Надо узнать, как и откуда берется на земле камень известняк. Это тоже узнано с точностью и достоверностью. Этот самый камень известняк был когда-то на дне моря. Дно океанов и морей до сих пор покрыто известковым налетом. На морское дно всегда падали и падают и ракушки, и рыбы, и раки, и морские растения, и всякие другие существа, которые водятся в морской воде. Когда они живые—они плавают. Когда же им приходит смерть,—они идут ко дну, да там и ложатся (стиль!). Во всех морях живет бесчисленное количество ракушек и других морских существ, и крупных и мелких. Есть такие, которых и не увидишь простым глазом, потому что они в тысячу раз меньше булавочной головки. Что упало на морское дно, то и занесено там, закопано на веки вечные. Сначала морской ил бывает рыхлым. Но мало-по-малу он съеживается и твердеет (как, сам съеживается, по собственному хотению, или же под влиянием внешних сил? *Автор*), де-

[1]) Любопытно отметить, что все мысли этих моих статей не только были оформлены мною и даже записаны в рукописи к печати задолго до того, как я познакомился с цитируемой статьей Перископа. Еще на Всероссийском съезде по нар. обр. весною 1919 года мною был прочитан в библиотечной секции на эту тему (Основные принципы оценки и т. д.) доклад; после того мне неоднократно приходилось высказываться на эту тему в Одессе и в Москве публично и еще в 1920 г. почти закончена к печати в Одессе рукопись. Печатаемые ныне статьи—лишь точные выборки из этой готовой рукописи, в частности это относится ко всему нижеследующему абзацу, относящемуся к «Рассказу о горах». Тем любопытнее полное совпадение его с цитируемою статьею Перископа не только в мыслях, но даже в словах и форме, в которой мы оба оцениваем его брошюры.

Отмечаю это не для того, чтобы оградить свою независимость от Перископа, который с такой меткостью предвосхитил в печати то, что я высказывал уже давно в докладах: я вижу в этом «знамение времени» и лишний пример того, что возмущение рубакинским стилем не есть мое личное субъективное предубеждение, а становится «гласом народа». В этом объективное признание того, что рубакинский тип литературы обречен.

лается плотным и крепким,—настоящим камнем. Внутри этого камня и попадаются таким образом остатки разных морских существ. Так и попали в него все те ракушки и другие морские животные, какие найдены внутри камня». Покончив с этим псевдо-научным объяснением, Рубакин сейчас же смело продолжает: «Из этого видно, что камень известняк действительно был когда-то на морском дне» и т. д.—Совсем не видно. И даже наоборот, именно после этого объяснения, исключительного по некомпетентности автора его, только и возникают тысячи вопросов о том, как же все-таки «камень известняк» образовался на морском дне? Что такое прежде всего этот камень? Есть ли это «морской ил», к которому примешаны все еще необъясненным достаточно ясно образом попавшие внутрь ракушки, или же это есть образование, сплошь составленное из целых и разрушенных остатков морских существ? Далее, что за таинственное и непонятное читателю свойство морского ила съеживаться и твердеть? Какая сила заставляет его это сделать?—Ведь только здесь, начиная с этих вопросов, и начинается подлинное научное знание. Но здесь кончаются знания Рубакина. Вот почему он с беспомощностью ребенка, хотя с самыми лучшими намерениями, пытается доказать словами, но не фактами, что «камень-известняк» был когда-то морским дном.

Идем дальше. Автор рассказывает о граните и местах его нахождения, а затем сообщает:

«И вот что замечательно: все такие породы появляются на свет при помощи подземного жара. Без его помощи они появиться не могут. Все они похожи на застывшую лаву, которая иногда выливается из огнедышащих гор. Это бывает, например, на Камчатке и в других местах земли, где были или есть огнедышащие горы. Лава при этом расплывается по земле большим и широким потоком, да так и застывает; и в таком виде лежит многие тысячи лет. За такое большое время изменяется даже лава. И вот что оказывается: мало-по-малу из лавы создаются разные зернистые породы,—граниты, базальты, диориты и гнейсы. Таким способом узнали, что все такие каменные породы зернистые, а не слоистые, сродни застывшей лаве. Есть, например, в некоторых горах такие скалы из лавы: на одном их конце—настоящая лава, а на другом она переходит в какую-нибудь другую зернистую породу. Значит, эти породы появляются благодаря подземному жару. Значит, вот из какого материала сложены гранитные горы Финляндии и других стран,— из материала, изверженного из земли. На земле найдено многое множество разных каменных пород такого происхождения. Поэтому они называются породами изверженными. Все это—породы зернистые, а не слоистые».

Эту цитату нельзя охарактеризовать при самом мягком отношении, как нагромождение одной безграмотности на другую. Мы не говорим уже о том, что она являет собою лишь сочетание незначущих ничего слов, но не объяснение: почему вдруг «оказывается», что гранит создан при помощи подземного жара? Почему «оказывается», что из лавы создаются граниты, гнейсы, порфиры и т. д.? Какие силы опять-таки участвуют в этом создании? Почему из лавы в одном случае получается гранит, в

другом—базальт и т. д?. Но и помимо этой неспособности автора объяснить эти явления читателю, он явно искажает научную истину в целом ряде своих утверждений. Никогда и никто еще не утверждал, чтобы застывшая лава была похожа на гранит или наоборот: наоборот, трудно сказать, глядя на легкую пористую лаву, чтобы из нее могли произойти такие массивные или первозданные породы, как базальты, гнейсы и т. д. Затем никогда еще из лавы, расплывшейся по поверхности земли, не образовывались эти породы: автор забыл об одном крайне существенном факторе, обусловливающем это превращение: о давлении выше лежащих толщ земли. В той же форме, как это сделано у автора, мы имеем перед собой грубейшую по своей неточности вульгаризацию, но не популяризацию знаний, ибо такие утверждения перевертывают самые основные понятия геологии как науки. Далее, граниты и гнейсы принято рассматривать, как первозданные, а не изверженные породы, что опять-таки является одним из основных фактов науки о земле. Наконец, вопреки утверждению автора, гнейсы имеют слоистое строение.

Мы видим таким образом, как на протяжении менее одной печатной страницы нагромождено невероятное количество непростительных по своей антинаучности ошибок в книге, которая предназначена для распространения точных знаний в широких кругах населения. Это бывает всегда неизбежно, когда за дело берется лицо, не обладающее само для себя достаточным багажом научных знаний. Всякая такая попытка заставляет вспоминать крыловское: «беда, коль сапоги начнет тачать пирожник, иль...»...

Мы не будем продолжать наш обзор этой книжки. Беглый просмотр ее до конца легко покажет всякому беспристрастному читателю поразительную бедность ее содержанием. На протяжении 150 страниц она не дает ничего, кроме 34 интересных и 120 скучных страниц описаний. Всякая попытка дать научные истолкования или способы образования горных пород повторяет все те научно не выдерживающие критики словесные упражнения, которыми затушевывается недостаток знаний у самого автора.

Возьмем другую книжку его: «Вода на земле, под землей и над землей». В этой книге мы не найдем ляпсусов и безграмотностей, подобных описанным выше. Но... трудно сделать ошибки, если построить книжку вокруг общеизвестных истин вроде: «когда идет дождь, бывает мокро».

В самом деле, разберем содержание этой книжки. Вся она содержит 34 страницы, из коих страниц 7-8 приходится на иллюстрации. Итак, 28 страниц текста посвящены следующим большим вопросам, из которых каждый мог бы составить тему одной книжки (так, между прочим, и сделал Нечаев в серии своих книжек по физической географии): гл. I. «Странствование дождевой капли» (4 стр. с иллюстрациями); гл. II. «Что делает снег и лед» (7 стр. с иллюстр.); гл. III. «Что делают капли дождевые» (6 стр.); гл. IV. «Что делает вода, которая уходит в землю» (5 стр.); гл. V. «Что делает вода речная» (8 стр.); гл. VI. «Что делает вода океанов и морей» (3 стр.). Естественно, что, читая такую обширную программу

столь маленькой книжки, задумаешься над вопросом, что можно сказать по всем этим вопросам, как не общеизвестные истины вроде: «дождь и снег падают с неба»; «реки текут в море» и т. д.

Остановимся для проверки на II-ой главе: «Что делают снег и лед».

Начинается она с разъяснения, что если плыть прямо на север, то можно попасть в холодные страны, покрытые вечным льдом. Такие же вечные снега лежат на вершинах гор. Снег там не тает, но катится оттуда в виде лавин, разрушающих все по пути. Далее будем говорить словами самого Рубакина.

«Еще делает снег в горах вот какие дела: он не остается снегом, а превращается в лед (почему, по чьему-нибудь велению или по его рубакинскому хотению или это не важно? *Б. З.*). Рыхлый снег со временем делается плотным; чем дольше лежит, тем плотнее становится. Мало-помалу такой снег слеживается и делается настоящим льдом».

После такого простого разрешения вопроса об изменении состояния тел, упоминается о движении ледников с гор, потом о полярных ледниках Гренландии, о переносе при помощи их скал и перетирании камней и заканчивается глава сентенцией:

«Вот что делают снег и лед на земле. С первого раза кажется, что снег только укрывает от мороза землю, а лед—воду [1]). Нет, снег и лед делают дела покрупнее. Они и камни перетирают и леса сокрушают, они в одно и то же время приносят людям добро и причиняют великие бедствия».

Я нарочно документально передаю содержание этой главы, одно оглавление которой занимает те 3-4 страницы, которые отданы на нее, если исключить иллюстрации. Не знаю, как кто другой, а я не могу не спросить: кому все это, собственно, нужно? Стоит ли писать и тем более печатать книжку, содержание которой известно всякому из нас еще раньше, чем мы научимся читать? И притом, что это за тон повествования о «делах», которые делают снег и лед на земле, словно о каких-то героях. Так и просится на рисунок картина в стиле тех же горбуновских персонажей. Похоже на то, что является Рубакин на землю и с отеческой строгостью обращается ко снегу и льду: «А что это, судари мои, имени-отечества вашего не знаю, вы делаете здесь на земле?»—«А мы, батюшка, оправдываются те,—и камни перетираем и леса сокрушаем»... и т.д. и т. д.

Рубакин по своему милосердию оправдал и снег и лед за их добро и великие бедствия, которые они причиняют людям, но нам-то что из этого? Неужели же—позволительно спросить—наука и знание состоят в том, чтобы болтать эту детскую чепуху, не задаваясь ни на минуту вопросами и попытками осмыслить все эти явления? Для Рубакина эти вопросы и не существуют.

---

[1]) Надо при этом отметить, что вплоть до этих слов не было ничего сказано и после того ничего не говорится, как и почему снег и лед могут укрывать землю и воду от морозов. То, что и нуждается только в объяснении, сочтено Рубакиным недостойным его внимания.

Таково содержание этих «лучших», по признанию Перископа, из книжек Рубакина,—лучшие потому, что в них, действительно, меньше переврано, ибо трудно переврать там, где ничего, собственно, не сказано.

Что же еще сказать об остальных книжках Рубакина? «В целом ряде вопросов, где при современном состоянии науки не может быть речи ни о точности, ни о достоверности, Рубакин развязно высказывается от ее имени в том же тоне всеведения и непогрешимости. Начитавшись его брошюр, читатель будет знать больше, чем знают сами ученые, потому что Рубакин не считает нужным делать какое-либо различие между фактами и гипотезами». «На вопрос *почему* (?), как и когда появился на земле род человеческий?» у науки будто бы «тоже есть *вполне точный и достоверный* ответ». «Приходится ли человеческая природа сродни рыбам или не приходится? Нельзя ли выяснить и это *с точностью и достоверностью?* Выяснено и это».

«Словом, если верить Рубакину,—заключает Перископ,—наука все знает твердо и окончательно разрешила все вопросы, так что ученым больше и узнавать ничего не остается. Утверждает это Рубакин, очевидно, из благого желания возвысить в глазах своей аудитории авторитет науки,—между тем он дает о ней грубо превратное представление, как о мертвом капитале исчерпывающих сведений, а не о живом, беспрерывно развивающемся море идей. Вместо того, чтобы воспитывать в читателе ту широту взглядов и осторожность в суждениях, которые отличают научные мышления от обыденного, внушается слепая, прямолинейная самоуверенность более характерная для богословских учений, чем для научных дисциплин».

* * *

Таков Рубакин. Что же, спросим мы еще раз, то ли это, что хотим мы дать нашему народу, такова ли та здоровая популяризация, которою мы мечтаем воспитывать в нем уважение к науке, огонь исканий и твердую волю к осмысленному строительству жизни?—Я думаю, что двух ответов быть не может.

2. Лункевич.

Лункевич, несомненно, талантливее Рубакина; он, кроме того, и гораздо больше знает и понимает то, о чем он пишет. Но он плавает на поверхности науки, никогда глубже не вглядывался в ее недра и потому на всю жизнь остался недоучкой и верхоглядом. Но что хуже всего—он раб своего же собственного языка и для него мысль и научная правда стоят на втором плане по сравнению с красотою формы и с прихотями его талантливого пера. Поэтому там, где не хватает научных знаний, он употребляет... слова: «Словами диспуты ведутся, из них системы создаются»... И вот, когда ему кажется, что язык понятий не в состоянии уяснить непонятливому читателю описываемые явления, там он по своему легко мыслию не брезгует перейти на легкий язык рискованных образов весьма

вульгарного пошиба. Вот как в его изложении рисуется механизм иммунитета («Невидимые друзья и враги людей»):

«В борьбе с слабосильными бактериями белые кровяные шарики получают некоторый *навык и сноровку,* так что, когда им приходится *итти войной* на *настоящих* (курсив всюду наш), сильных бактерий, то они, наученные опытом, разбивают врага на голову». И далее: «Привычка—великое дело! Отражая нападение слабых, пускаясь на всякие извороты с неприятелем почти безвредным, *белый кровяной шарик развивает в себе силу и способность* вступать в битву с настоящими зловредными бактериями и легко побеждать их».

Очевидно, что, читая эти яркие описания, нам ничего не остается другого, как представлять себе красную и белую армию, ведущих войну по всем правилам современной стратегии. Но не в том дело. В погоне за вульгарными образами Лункевич не замечает уже того, что его примеры искажают и уродуют самую идею и сущность иммунитета, которые он хочет объяснить: ведь характерною особенностью явлений иммунитета является их яркая *специфичность* к бактериям каждый раз определенного вида: словосплетением об «изворотах с неприятелями безвредными» он лишь достигает того, что читатель запутается в понимании существа вопроса.

Делая шаг дальше, Лункевич совершенно теряет чувство правдивости и гонится лишь за кажущейся простотою и легкостью изложения. Вот почему никто как он не способствовал в такой мере развитию легкомысленного и запанибратского отношения к научному знанию при фактически бедном умственном багаже. Легко и просто вслед за рассказом о диализе воды через животную перегонку в сахарный раствор Лункевич разрешает проблему всасывания: «*Таким же точно образом* переваренная пища или млечный сок (что совсем не одно и то же! *Б. З.*) переходит, просачивается из кишек в ворсинки, в те мелкие трубочки или сосуды, которые находятся внутри самых ворсинок». Все моменты, усложняющие проведение такой аналогии, для него не существуют. И вот он, а вслед за ним и его читатели начинают отождествлять сложные физиологические процессы всасывания с упрощенной моделью осмотических явлений. Так же просто у Лункевича кусок пищи «был в начале *куском,* и стал вдруг гладким разжеванным *комом,* затем размок и превратился сперва в кашицу, а потом в *млечный сок,* из которого получилась кровь» («Как идет жизнь в человеческом теле»). В той же книжке он повторяет давно опровергнутое представление, будто бы желудок перетирает пищу в кашицу механическим способом. Наконец, он хочет посвятить читателя в методы научного исследования процессов пищеварения и... рассказывает, что для того, чтобы узнать действие желудочного сока, берут на веревочку продырявленную металлическую коробочку с куском мяса внутри, дают ее проглотить собаке, а через час-два вытаскивают за нитки обратно эту коробочку и убеждаются, что оно отчасти переварилось. *Так, действительно, делал в XVIII столетии* итальянский аббат Спилланцани, но ведь с тех пор уже в 90 х годах прошлого столетия была разработана

методика павловских фистул, которая сама по себе представляет настолько гениальное достижение научной мысли, что в книге издания XX века нельзя о ней умолчать. И, наконец, допустимо ли, чтобы народные массы оказались на столетие позади новейших достижений науки?

Переходя к другим популярным брошюрам Лункевича, поражаешься полной безыдейностью их содержания. «Великаны и карлики в царстве растений»... но ведь это ряд сказок и анекдотов, собранных вокруг такой ненужной темы как размеры растений, и не содержащие ни единой подлинно научной мысли. То же относится и к его брошюре: «Мир в капле воды». Эта книжечка дает простое описание форм, которые мог бы увидать читатель, но не видит, так как где же у него будет микроскоп. Но еще вопрос, захочет ли он увидать их, прочитав эту книжечку: она совсем не убеждает его в том, чтобы наблюдение микроскопического мира представляло какую-либо пользу и интерес, кроме любопытства и курьеза: «ведь каждый естествоиспытатель уже проникся мыслью, что задача науки—не в простом перечислении и описании форм, а в тех *проблемах*, которые связаны с их изучением». Вот если бы дать читателю понятие о том, что каждый одноклеточный организм является прототипом клетки, как элементарной единицы жизни, и показать те проблемы, которые, будучи разрешены на них, могут быть перенесены на человека,—тогда читатель поверит, что, действительно, нужно изучать эти существа, и что ученые, глядя в микроскоп, действительно, делают большую работу, а не забавляются курьезной игрушкой. Лункевич не сделал ничего этого. Вот почему такие книжки скорее способны убить в народном читателе интерес и уважение к науке, чем воспитать их в нем.

Говорят: для того, чтобы дать выводы, необходимо предварительно познакомить с фактами. Совершенно верно, но не разделяйте фактов от выводов. Давайте лишь те факты, которые необходимы для освещения конечных достижений и проблем естествознания, и тогда читатель признает ценность этих фактов. Если же вы дадите факты, а их осмысление отложите до «второго класса знания», то вы рискуете, что никто во второй класс не явится, решив, что наука не дает ничего, кроме сказок и анекдотов.

От этого недостатка свободны большие книги Лункевича («Основы жизни», «Наука о жизни» и т. д.): они даже слишком богаты выводами в ущерб их научному обоснованию. И здесь он выпадает из Сциллы безыдейности в Харибду многословия и легкости выводов, которые характеризуют всю эту литературу легкими полетами неглубокой мысли. Эта феноменальная простота и легкость в разрешении научных вопросов способна воодушевлять легковерного читателя в гордом самомнении, что он познал корни и вершины научного знания.

Это та болезнь, которую пережили все мы, воспитанные на популяризациях Лункевича и Рубакина. Смутно сознаваемые большинством, эти дефекты особенно больно переживаются теми из нас, кто, переступив границы популярных знаний, близко прикоснулся к подлинной науке:

им приходится перейти тяжелый кризис разочарований в тех знаниях, которыми они были так горды накануне, и начинать «переучиваться» вновь, ибо скоро оказывается, что знания, накопленные из книжек лункевичерубакинского типа, суть знания ложные. Автор этих строк ярко помнит тот тяжелый год разочарований, когда впервые, попав в университет, он критически пересмотрел весь свой предварительный научный багаж, среди которого царил всезнающий Лункевич. Этот кризис сопровождался моментами, когда я был готов бросить так жестоко обманувшие меня естественные науки: ведь я впервые почувствовал, что то, что Лункевич и Рубакин изображали, как конечные «точные и достоверные истины», есть лишь нуждающиеся в доказательствах гипотезы и отправный пункт для долгих, но увлекательных исканий... Но тогда же я впервые понял, что притягательная сила науки не в ее догматически преподанных истинах относительного и приблизительного знания, а в ее методах и в этих исканиях и достижениях.

А те, кто это понял, не могут не осудить Рубакина и Лункевича с их убогой популяризацией.

3. Бельше, В.

Вот еще третий член этого почтенного триумвирата... Бельше—наиболее талантливый среди них. Поэтому он взял в свое обслуживание богатую аудиторию буржуазных салонов, оставив Лункевичу скромного гимназиста или народного учителя, а Рубакину—полуграмотных мещан, ищущих «дворянства».

Общество салонов трудно взять на обыкновенную приманку: оно пресытилось едою и ждет от автора не знаний, а знаний, сдобренных пикантной приправой порнографии. Поменьше науки и побольше пикантных острых ощущений, побольше щекочущих нервы картин «любви в природе», разбавленных в потоке салонного фразерства, это — наилучшее средство приобресть любовь и симпатию посетителей салонов: ведь прочитавши эту популярную порнографию, наш паркетный кавалер сможет для «внешних сношений» похвалиться, что он «не как-нибудь», он «читает научные книжки», а для «внутреннего потребления» приобщит талантливое словоблудие Бельше к не менее талантливым романам Вербицкой и графа Амори.

Мне трудно сказать что-либо еще более конкретное о «Любви в природе» Бельше. Что можно сказать о «научной» книжке, одно оглавление которой напоминает, с одной стороны, хаос желтого дома, а с другой—аромат дома терпимости: о книге, которую ни один уважающий себя ученый не назовет научной, ибо в ней научны только лишь названия зверей, и ни один писатель не назовет художественным произведением, ибо ее художественность—лишь в злоупотреблении именем Гете и обилии восклицательных знаков и многоточий? Что можно сказать о книге, «шик» которой заключается в сравнениях вроде следующего: «поведение его (самца колюшки) напоминает отчасти поведение угрюмого холостяка, который убрал и натопил свою комнату и затем привел туда с улицы женщину, на короткое время...»

или: «производство детей представляет лишь высшую форму выделения экскрементов»...

Погоня за словом, которая у Лункевича не переходит границы порядочности, у Бельше доходит до степени бессовестности. Ему ничего не стоит, например, обвинить Дарвина в чрезмерной болтливости (Эрнст Геккель. Биограф. очерк, стр. 74) для того, чтобы тем самым возвысить в глазах читателя якобы легкомысленность Геккеля. И это отнюдь не по злому умыслу—отнюдь нет. Я ничуть не сомневаюсь, что если бы Бельше пришлось в другой раз писать биографию Дарвина, то он со столь же легкой совестью сослался бы на болтливость Геккеля или кого угодно другого: разве для него важно как и что он говорит?—Он не владеет своим словом, которое то рисует ему сладострастные картины совокупления у допотопных бронтозавров, то нечаянно лягнет великого Дарвина—все во имя достижения того же «художественного слога», который удлиняет количество страниц, завоевывает любовь толстого буржуа и... увеличивает авторский гонорар.

Возьмем наудачу еще одну книжку Бельше, также почему-то переизданную Петроградским отд. Государственного Издательства и носящую громкое название: «Тайны природы». Что же сообщает эта книжка об этих тайнах? В ней мы находим относительно недурной рассказ, неизвестно почему озаглавленный: «Страна ихтиозавра». Почему «страна», какая страна, об этом не объяснено в статье, но для тех, кто знает Бельше, и не нужно объяснений: разве для него так важно называть понятия соответствующими именами?—Хорошо хоть то, что в этой статье есть содержание. Но вот возьмите другие статьи этого сборника: «Видение на холме Палатинском», «Первобытная история желудка» (!), «В звездную ночь», или «Бесконечно малые друзья и враги человека» и т. д.—Все это изумительные образчики того искусства, которым Бельше владеет в совершенстве: наговорить «три короба» слов и *ничего не сказать!* Чему учит эта белиберда, которую Бельше с такою развязностью величает «тайнами природы»?

Только одному: это классическая «школа болтовни» и пример для российского Кифы Мокиевича, который в многословии готов утопить самого себя. Кому нужно это словоблудие в наши дни, когда мы до страдания ищем кратких, лаконичных слов, крепких и твердых слов делателя жизни, и не находим, ибо дела захлестнуты в потоках слов.

Случалось ли читателю в дореволюционные годы сталкиваться в железнодорожном вагоне или на палубе парохода с некоторой категорией людей: с самоуверенным видом и громким голосом этот тип разночинца любит собирать вокруг себя кружок почтительных слушателей из мещан философствованиями на темы о тайнах мира, о теории эволюции, о «загадках весны» и т. д. и при этом засыпать собеседников цитатами и цифрами, свидетельствующими о высокой учености говорящего. Или это скромные люди, с священным трепетом приблизившиеся к проблемам науки, полные истинного трепета к науке, но загубленные книжками типа Бельше: с приводящей вас в ужас решимостью такой при-

рожденный натурфилософ держит вас часами в углу вагона, пережевывая все эти «видения на холме Палатинском» или «первобытную историю желудка», подобранные у Бельше.

Оба эти типа — и самоуверенный разночинец, и скромный натурфилософ—воспитанники все тех же великих словоблудов Бельше, Лункевича и К°, которые тем успешнее портили вкусы читателей, что нашли для себя на русской почве свой специфический аппарат для распространения в лице журнала «Вестник Знания», столь любимого широкими кругами нашего полуинтеллигентного читателя. «Вестникознанство» или «битнеровщина», это—своеобразный бытовой тип недавнего прошлого России, и они сыграли для нас достаточно печальную роль, пользуясь авторитетом болтунов типа Бельше. Этот журнал питал в неискушенной публике самомнение ложного знания и создавал тот тип «недоучек», которые плохи тем, что мнят себя всезнающими: ведь сами Бельше и Битнер знают не больше, чем они, и уверяют, что их словесная чепуха и есть то, что разрещает «тайны природы».

Еще в детстве читая Бельше, я инстинктивно чувствовал ложь и фальшь его лженаучных популяризаций. И в самом деле, какую бы книгу, написанную им, вы ни взяли (кроме разве приличной его книжки о «Происхождении человека», где он еще не распустил свою фантазию), вы всегда колеблетесь между двумя чувствами по отношению к сообщаемым им фактам: реальная ли это правда, или же все это существует лишь в фантазии автора, и какой процент нужно отнять от рассказанного за счет «привранного»?

Но кому нужна научная, хотя бы и популярная книга, каждое слово которой нуждается в документальном подтверждении других добросовестных авторов? Кому нужна литература, являющая собой квинт-эссенцию буржуазного разврата, растлевающего пятою Бельше священный интерес к науке?

* * *

«Всякий народ достоин своего правительства», говорит нам книжная мудрость. Иначе выражает ту же мысль мудрость народная: «Каков купец, таков и товар».

И в самом деле, осужденная нами, как негодная, популяризация Рубакина, Лункевича или Бельше, несмотря на их полное несоответствие с задачами серьезной популяризации, а, быть может, именно потому, находит себе особенно бойкий сбыт и симпатии среди читающей публики.

Мало того, они имеют немало убежденных защитников и среди тех, кто должен был бы руководить здоровым выбором книги читателями.

Говорят: но ведь эти книги читаются с захватывающим интересом, их тираж уравнивается с тиражем наиболее читаемой беллетристики,— следовательно, эти книги хороши, раз они нравятся читателю.—Этот род возражений приходится выслушивать не только со стороны филистеров, а и со стороны идейных библиотечных работников, руководящих чтением масс. В них любопытнее всего какая-то непонятная слепота и

недомыслие: примените ту же мерку к книге иного рода,—допустим, к той же беллетристике,—и тогда мы придем к выводу, что наилучшие книги в свете написаны Вербицкой и графом Амори, с которым сравнятся разве лишь Ник. Картер и Нат-Пинкертон. Но этот вывод тотчас же встретит отчаянный протест со стороны тех самых добросердечных, но недомыслящих библиотекарей, которые восхваляют «читабельность» Рубакина.

В чем же тут дело? Почему такая разница в критериях? И далее, в чем же, наконец, задачи научной популяризации? В том ли, чтобы пощекотать нервы скучающего обывателя или дать материал для салонных словоизвержений недоучившихся умников, гордо судящих и об эволюционной теории и о законах неба на основании одной-двух легковесных перелистанных им книг? Или для того, чтобы, как у нас все еще твердят горе-педагоги, «приучать ребенка к книге», думая, что вся задача образования в том, чтобы сделать из человека книжного червя?

Есть что-то больное и тайное, даже неосознанное для них самих в этой погоне нашего интеллигентского читателя за легкой книгой, которая бы дала им знания, не требуя затраты труда и усилий мысли. В этом я вижу отражение все той же психологии ленивого бездельника, который ждет, чтобы наука, подобно галушкам Пацюка, сама полезла ему в рот. В этой боязни мысли—отрыжка все той же психологии, для которой всякий труд—проклятье, а наслаждение—в лености. И понятно, что для таких людей, для читателя-мещанина, такие книги, как Лункевич и Бельше—«лафа»! Почитал их, позабавился наукой и погрезил о том, как совокуплялись бронхиозавры (а ля бельшевская «Любовь в природе»)—и готов итти своими знаниями и умом прельщать наивных барышень. И как же не быть довольным собой: в течение двух часов, преисполнимый великой мудрости, разрешил с десяток мировых вопросов, и притом без малейшего усилия собственной мысли—таково ловко и вкусно г-да Лункевичи обложили свое скучное ученое блюдо словесным гарнитуром!

Да простят меня читатели за эту легкую пародию. Ведь в этой пародии тот червь, который подточил и съел нашего интеллигента, осудил его на положение «лишнего человека».

Тот читатель, которого мы имеем в виду теперь, читатель рабочий и крестьянин—иного склада. Он не боится труда и его не испугает предупреждение Ницше, что «мудрость ведь женщина и любит одних только воинов». Он еще не заражен этой патологической погоней за «легкой книгой» даже и тогда, когда идет речь о науке. И горе нам, если мы заразим нового читателя старой психологией боязни серьезной книги!

Первая и основная задача популяризации—воспитание с первых же шагов правильного взгляда на науку, как на плод упорного и терпеливого труда веков и тысяч поколений. Наука есть творческий труд, и учение дается лишь только бойцам. Привычка к легким книгам, где на первом плане стоят задачи «приучения», «завлечения» и т. д. и где серьезное знание стушевывается за потоком ненужных слов, приведет лишь к тому, что воспитается тот же ложный взгляд на науку, как на забаву и каприз «господ». Популярная книга должна увлекать не драматизмом

словосплетения, а драматизмом фактов науки и той борьбы, которая ведется человечеством во имя раскрытия тайны природы.

Хороший популяризатор знает хорошо, что наука слишком красноречива сама по себе, чтобы нуждалась в фиглярничестве Бельше и в водянистых размазываниях других популяризаторов. Те же читатели, которые ищут «легких» способов «превзойти науки», не потратив драгоценных труда и времени, не нужны ни для науки, ни для общества в целом.

К ВОПРОСУ ОБ ИЗДАНИИ БИБЛИОТЕЧНОЙ КНИГИ.

Л. Рождественский.

Издательская деятельность заметно оживляется. Приступает вновь к работе ряд кооперативных и частно-предпринимательских издательств, заметна большая отчетливость в работе аппарата Государственного Издательства, в витринах книжных магазинов одна за другой появляются вновь изданные книги. Возрождающийся интерес к книге и издательству отразился и в появлении литературно-библиографических журналов.

Издательские возможности страны остаются, однако, крайне ограниченными останутся такими еще на длинный ряд лет, и перед всеми друзьями книги, перед всеми, кто заинтересован в культурной работе посредством книги, встает вопрос о возможно полном и отвечающем нуждам и запросам читательских масс использовании этих возможностей.

Требования, предъявляемые к книге в настоящий момент, может быть, многообразнее, чем когда-либо. Нужна и научная книга, двигающая вперед мысль исследователя, и специально-технические издания; книга, отзывающаяся на переживаемый момент и злобу дня, и отражения поэтического творчества и художественных исканий нашей эпохи. Но, на ряду с этим, нужна также и книга для широкой читательской массы, впервые принимающей участие в общественной жизни, впервые подходящей к чтению, начинающей лишь свое культурное бытие. Задача создания такой книги была в большом пренебрежении все эти годы, тонула среди массы других, для каждого данного момента более ярких и настоятельных требований. Тем решительнее надо подчеркнуть ее сейчас, тем настойчивее и планомернее надо взяться за ее выполнение. Бывают мысли и представления настолько настоятельные и постоянные, что мы привыкаем к ним, перестаем на них реагировать, как бы забываем их. К числу таких придется отнести два положения, напоминающие о себе при каждом шаге работы внешкольника, да и всякого культурного (в широком смысле) работника. Первое, это—огромный, крайне серьезный, глубинный спрос широкого читателя на элементарную (беллетристика, популяризация) книгу. Второе, это—полная невозможность сколько-нибудь удовлетворить этот спрос, так как старая книга частью совершенно отработалась в библиотеках, частью очень уже устарела и непригодна, новая же, поскольку она тем или иным путем доходила до библиотеки и читателя, крайне далека от этой основной задачи и в значительной части случайна.

Не хочется останавливаться на том, сколь многое во всей жизни страны зависит от удовлетворения этой читательской потребности. Вообще всякое дальнейшее доказывание изложенной мысли неизбежно должно превратиться в повторение достаточно известных истин. Необходимо только это платоническое сознание претворить в действие, «суметь сделать», и

найти те формы, в которых осуществление задачи было бы возможно. Нам кажется, что в объективных условиях момента это далеко не утопия.

Итак, задача, которая должна бы быть подчеркнутой во всей издательской деятельности наших дней и, в частности, занять значительное место в работе Госиздата [1])—это издание «*библиотечного ядра*», основного и минимального комплекта книг, необходимых для работы мелкорайонной библиотеки (библ. I ступ.), приноровленного к уровню рядового читателя и охватывающего все те основные вопросы, на которые ищет ответа наш читатель [2]).

Первый шаг, необходимый для осуществления задачи, это—разработка списка библиотечного ядра. Работа эта большая и сложная; она должна быть проведена преимущественно практическими работниками библиотечного дела, под углом зрения потребностей библиотеки, с широким участием специалистов по отдельным отраслям знания, входящим в состав ядра. Ранее разработки списка придется, конечно, принять решение по целому ряду предварительных вопросов. Вопрос о самом объеме библиотечного ядра—установление того книжного минимума, с которым практически возможна работа библиотеки; деление ядра на отделы, определение значения и удельного веса каждого из них в общей системе ядра; общие требования, предъявляемые к книгам, входящим в состав ядра, как со стороны содержания, так и в отношении внешности (формат, шрифт, бумага, шифр, общая приспособленность книги к условиям работы библиотеки) и пр. и пр.

Часть этой работы по отдельным отраслям (детская книга, естественно-научная популяризация) в значительной степени уже подготовлена деятельностью специальных учреждений и нуждается лишь в общей сводке, внесении единства плана и освещения с общей (библиотечной) точки зрения. Самый список мы представляем преимущественно в виде отбора уже появившихся в печати произведений (беллетристика, детская книга); в некоторых отделах на ряду с этими придется выделять темы, необходимые для работы библиотеки и не нашедшие пока еще удовлетворительной разработки. Добавим, что в состав ядра должна входить лишь основная «отстоявшаяся» книга, непререкаемые ценности. Все книги иного порядка, может быть столь же необходимые в составе библиотеки (в том числе отзывающиеся на запросы момента, книги о голоде и т. д.), должны быть издаваемы независимо от библиотечного ядра и подчиняться другим условиям и требованиям.

Уже эта разработка списка «библиотечного ядра» является значительной работой, которая неизбежно окажет влияние на последующую издательскую деятельность. Условие, конечно,—достаточная авторитет-

---

[1]) Не надо забывать, что работа Г. И. должна быть в первую очередь работой по изданию массовой книги—предмета широкого потребления.

[2]) Невольно вспоминается одно из впечатлений первого периода революции—замазанный, всклокоченный, из серых, окопник в фронтовой книжной лавке двинского района: «Ты мне настоящую книгу дай, большую. Чтобы обо всем было написано. И о синоде. Как, зачем и почему».

ность разработки. Нам представляется, однако, возможным и практическое осуществление задачи.

Государственное издательское предприятие не может пройти мимо этой задачи, и уже сами экономические условия работы должны толкать его к изданию данного типа книги. Кооперативные и частные культурного типа издательства также могут быть привлечены к осуществлению задачи; для них могли бы быть выделены те или другие группы книг и созданы льготные условия выполнения.

Останавливаться на последнем вопросе пока еще преждевременно, тут вопросы лишь принципа «voribus unitis»,—формы придут в свое время сами собой.

В порядке осуществления «ядро» должно быть разбито на концентры, построенные в зависимости от реальных издательских возможностей. Несомненно, что в условиях наших дней работа по изданию ядра затянется, и нужно наметить известный порядок осуществления. Первый круг издания—те книги, которые прежде всего и бесспорно входят в состав ядра,—следует наметить вне очереди с тем, чтобы немедленно начать частичное осуществление. Это «*ядрышко*» должно полностью отражать принципы основного ядра и включить в себя хотя по нескольку книг из всех основных отделов.

Мысли, изложенные в настоящей записке, крайне элементарны и не новы. В частности, они выдвигались нами на 1-м Всероссийском кооперативном книжном съезде, и мысль о создании основной библиотечной книги была принята в число основных практических заданий кооперации. Более детальная разработка ее должна была войти в круг задачи Бюро постоянного совещания по книжному и издательскому делу кооперации, но по ряду причин не нашла своего осуществления. Хочется закончить выражением надежды, что время для намеченной работы теперь пришло [1]).

[1]) Для разработки всех этих вопросов при Государственном Издательстве образована специальная комиссия, которая уже, в спешном порядке, приступила к работе.

ОБЗОР ЛИТЕРАТУРЫ О СИНДИКАЛИЗМЕ.

С. Кривцов.

Интерес, вызываемый теперь синдикализмом, и выяснение его классовой сущности требуют от каждого партийного работника критического ознакомления с этим направлением социалистической мысли. С самого своего выступления во Франции синдикализм привлек внимание русского социализма, и, как увидим из приводимого обзора, литература по синдикализму на русском языке крайне обширна.

При изучении синдикализма мы полагаем полезным держаться следующей схемы. Прежде всего надо понять, почему именно во Франции в начале XX столетия так ярко выявился синдикализм. Затем следует ознакомиться с теорией революционного синдикализма или анархо-синдикализма и затем перейти к его практике. Это последнее изучение пойдет по следующему пути: тактика революционного синдикализма, построение им профессиональных союзов (синдикатов), их объединений и биржи труда, борьба за 8-часовой рабочий день, проведение в жизнь революционных методов—в частности всеобщей забастовки,—его антимилитаризм и антипатриотизм. История синдикализма по странам и его выступление на международном штутгартском социалистическом конгрессе, изменение в тактике синдикализма до войны и во время войны и, наконец, подытоживание всего, выяснение исторического значения революционного синдикализма.

Синдикализм резко проявляется в рабочем движении Франции и отчасти Италии в начале XX столетия. Его отвращение к политической борьбе, роднящее его с анархизмом, его пренебрежение к крепким, могущественным профессиональным организациям находят себе объяснение в экономической и политической жизни Франции. Страна по преимуществу средней и мелкой (ремесленной) промышленности, где больше чем где-либо политическая борьба сменилась политиканством и борьбой депутатов из-за министерских портфелей, в которой принимали и прямо (Мильеран), а еще более косвенно участие социалисты (особенно Жорес, во время коалиции с буржуазными партиями),—вот чем была Франция того времени. И когда ближе знакомишься с политической порчей нравов третьей республики, вполне понятен становится протест против такой политики. Только этот протест был направлен вообще против всякой политической борьбы. Общую картину Франции начала XX столетия можно найти в следующих работах: *Вейль* «История социального движения во Франции»—два издания, *Кареев* «История З. Европы в Новое время», т. VII, гл. III, *Русанов* «Современная Франция» в изд. «История нашего времени», т. I, *Берлин* «Политические партии в Западной Европе». Имея уже общую картину экономического и политического положения Франции, следует ближе познакомиться с историей профессионального или, по-

французскому, синдикального движения во Франции до появления революционного синдикализма—по книге *Лебедева и Критской* под таким же заглавием или по указанной выше работе Кареева, тот же том, гл. X. *Поль Луи* «История синдикального движения во Франции» (одно изд. «Освобождения Труда» и другое «Сотрудничества», М. 1906), но, знакомясь с марксистской критикой, поэтому указываем эту литературу, выделяя наиболее существенное и характерное. Наиболее доступное и очень живое изложение синдикализма и его жестокую критику мы встречаем в книжке *П. Юшкевича* «Теория и практика синдикализма». Лекции и рефераты по вопросам программы и тактики с.-д., вып. 12, СПБ. 1907 г. Брошюру эту, снабдив дополнением из последующей истории синдикализма, было бы очень полезно переиздать. Равным образом следовало бы издать и крайне интересную статью из руководящего органа тогдашнего большевизма, «Пролетарий» № 19, под заглавием «Революционный марксизм и синдикализм» (издание было нелегальное). Систематический и критический обзор как теории, так и практики синдикализма дает книга *П. Стрельского* «Новая секта в рядах социалистов», изданная под этим заглавием в изд. Петровской б-ки и появившаяся в 1918 г. снова в продаже под новым заглавием (вернее только в новой обложке): «Анархо-синдикализм». Того же автора были статьи в «Образовании» 1907 г., кн. 5 и 11: «Предпосылки революционного синдикализма». Интересен очерк *Вл. Шаха* «Происхождение современного синдикализма» («Образование» 1907 г., кн. 1 и 2). Наконец, самый глубокий анализ теории революционного синдикализма, и притом в его итальянской форме, дал *Плеханов*. Статьи его против синдикализма сперва появлялись в журналах, а потом были собраны в сборнике« От обороны к нападению», ч. III: «Критика теории и практики синдикализма», 1. Артуро Лабриола (сперва в «Современном Мире» 1907 г., кн. 11 и 12), 2. Энрико Леоне и Иваное Бономи («Совр. Мир» 1909, кн. 2 и 4), 3. «О книге Оливетти» («С. М.» 1908, кн. 8), 4. О книге Луи и Чернова «История синдикализма во Франции» («С. М.» 1908, кн. 8) и 5. О книге Критской и Лебедева» («С. М.» 1908, кн. 10). Надо только иметь в виду, что наиболее важные первые две статьи требуют подготовки для чтения и касаются, главным образом, теоретической критики социологических, экономических и философских воззрений названных авторов.

В вышедшей недавно вторым изданием книге т. Преображенского «Анархизм и коммунизм» введена глава, посвященная критике синдикализма. Наиболее крупными теоретиками синдикализма считаются *Сорель* во Франции и *Артуро Лабриола* в Италии, произведения которых имеются в переводах. *Сорелю* принадлежат следующие работы: 1. «Социальные очерки современной экономии. Дегенерация капитализма и дегенерация социализма». С предисловием автора к русскому изданию. Пер. с итальянского Г. Кирдецова, изд. Дороватовского, М. 1907, 356 стр.; 2. «Размышления о насилии», пер. под ред. Фриче, М., изд. «Польза», 1907, 163 стр. и 3. «Введение в изучение современного хозяйства». С предисловием автора к русскому изданию. Пер. с фр. со вступительной статьей Л. Козловского, изд. Иванова, М. 1908, XXXII+261 стр. В сборнике «Соц. движ.

во Франции» есть его статья «Эволюция социализма», стр. 189—229. Уже самое название первой работы показывает ревизионистское направление автора, которого совершенно не удовлетворяет искажение тогдашними марксистами теории и практики самого Маркса, помочь возвратиться к чему он и стремится своими книгами. Достаточно указать на то, что он является сторонником метафизики и Бергсона и патетически восклицает: «те, кто сведущи в современной науке и в философии, прекрасно знают, что область господства науки крайне ограничена». Раз так, то очевидно, что важно не реальное состояние производительных сил, а нечто другое,— именно, идеалистическая сила для переустройства социальных отношений, каковой является идеология масс, которыми по существу руководит социальный миф. Но эта идеология рождается самостоятельно в недрах самого пролетариата, почему он, как и все синдикалисты, сторонники только объединений пролетариев-производителей и противники партий, строющихся по принципу соединения угнетенных. В мире царит насилие и им только и можно построить будущее общество. При чем достаточно рабочим пугать буржуазию, чтобы добиться нужного. Путь этого воздействия—прямоедействие ивенчающая его всеобщая стачка (о Сореле—см. Юшкевич, Стрельский). Как и все синдикалисты, Сорель негодует на интеллигенцию, которая фактически руководит делами партии.

Лабриола является также пересматривателем учения Маркса и здесь повторяет старые истины Прудона. Его работа «Реформизм и синдикализм» имеется в двух изданиях («Шиповника», СПБ. 1907, с послесловием Луначарского, 266 стр., и «Освобождения Труда» с приложением статьи «Синдикализм и социализм», имеющейся также и в отдельной продаже под двумя заглавиями: «Синдикализм и реформизм», изд. «Сознание», СПБ. 1907, 32 стр., и «Синдикаты и социальное реформаторство», изд. «Гудок» Бельке, Киев 1906, 27 стр.). Важна его статья в сборнике «Синдикализм», изд. «Земля»:«Синдикализм и соц. партия Италии». Подобно всем пересматривателям, он считает, что необходимость социализма создастся волею пролетариата, при чем захват орудий производства отдельными синдикатами он мыслит через аренду предприятий от фабрикантов, которые «устраивают жизнь на чисто договорных началах» (от Прудона), что неизбежно приводит к конкуренции между отдельными синдикатами, но это и хорошо, так как «социализм совпадает с действием свободной конкуренции» (о Лабриоле—см. Плеханов, Стрельский, Луначарский). Затем идут те, кого Стрельский называет популяризаторами и пропагандистами синдикализма. *Лягарделль* «Революционный синдикализм» (две статьи: 1. «Интеллигенция и социализм», сперва напечатана в амфитеатровском «Красном Знамени» в Париже, и 2. «Всеобщая Конфедерация Труда»—сперва в меньшевистском сборнике «Вопросы момента»). «Синдикальное право»— ст. в сборнике «Профессиональные союзы во Франции», стр. 106—119, «Пролетариат и демократия»—ст. в сб. «Социальное движение в современной Франции», 1908 г., стр. 57—94, и в том же сб. «Итоги социалистического опыта Франции», стр. 230—274. Лягерделль считает, что главным двигающим фактором в истории является воля,—почему полагает что и синди-

катами будет управлять меньшинство рабочих,—отборные рабочие, так как дело не в количестве, а в качестве. Почему он, в противность многим синдикалистам, высказывается и за пропаганду не только действием, но и словом (см. Юшкевич, Стрельский). *Лятапи* (рабочий), один из вождей Амьенского конгресса Ген. Конф. Труда, на котором было решено порвать связь профдвижения с соц. партией—Введение в сборнике «Проф. движение во Франции», стр. 5—13. *Берт* «Идеология производителей», сб. «Соц. движение во Фр.»,стр. 95—171; в противность Лягарделлю он считает, что прямое действие отрицает какое-либо представительство. *Г. Эрве* «Конф. труда и социалистическая партия», в том же сб., стр. 172—188. *Пуже*—редактор газеты «Голос Народа»—органа ГКТ—«Основы синдикализма», сб. «Синдикализм», стр. 5—37. Он требует полной индифферентности синдикатов в вопросах религиозных, патриотических, политических и философских, что де является существенным свойством синдикализма. *Пьерро* «Синдикализм и революция», изд. «Простор», 48 стр. Из итальянских переведены, кроме Лабриолы, *Леоне* «Синдикализм», изд. Дороватовского, 1907, 174 стр., по отношению к государству повторяет Бакунина, а сам сходится с буржуазной экономией. *Оливетти* «Проблемы современного социализма», изд. Дороватовского, 1908, пересмотр всех положений традиционного марксизма и в заключительной главе изложение основ доктрины синдикализма. *Фабри* «Социализм, синдикализм и анархизм», ст. в сб. «Синдикализм», стр. 80—90, и ст. в том же сб. *Паннунцио* «Синдикальный социализм или индивидуация социализма» (стр. 63—79).

В России синдикалистов было немного. Наиболее оригинальным было построение *Махайского-А. Вольского* «Умственный рабочий» (2 части, изд. Яковенко), где он считал, что во всех бедах рабочего класса повинна интеллигенция, откуда им было подхвачена и развита антиинтеллигентская струя синдикализма. Таким же настроением отмечены и все книги *Е. Лозинского* «Что же такое интеллигенция» и «Итоги и перспективы рабочего движения на Западе» Затем близок к синдикализму был *В. Посе*, издававший в 1906—07 гг.. «Библиотеку Рабочего». К нему примыкал *Недров* «Рабочий вопрос», изд. Брокгауза. Наконец, чистыми синдикалистами были: *Новомирский* «Из программы синдикального анархизма», изд. «Голос Труда», Одесса 1907, 197 стр.; *Боровой* «Революционное творчество и парламент» (революционный синдикализм), изд. «Союз Труда», М. 1917 (перепечатка статей из журнала «Перевал» в 1907 г.) и *Козловский* «Очерки синдикализма во Франции», изд. «Свободная Мысль»,133 стр., его же «Новые веяния в социализме перед судом русской критики», изд. Дороватовского, М. 1908, и две его статьи «Жорж Сорель и его социальная философия» и вводная статья «К введению в изучение современного хозяйства» Сореля, стр. XIII—XXX и предисловие к сборнику «Социальное движение в современной Франции», стр. I—XXXXII. Наконец, он же пытался в 1907 г. поставить и практически работу в России, результатом чего остался сборник «Союзное дело» со статьями Козловского «Что такое синдикализм», Зелинской «Конгресс французских проф. союзов» (в Амьене) и Андреевича «Общерабочий съезд в России». Последний вопрос ставит

в связь с синдикализмом течение чисто соглашательского толка, которое у нас в лице меньшевизма во главе с Аксельродом, требовало созыва общерабочего съезда для ликвидации тогдашней партии. На последнее мы вынуждены обратить внимание только бегло, но связь между этим ликвидаторством и синдикализмом, несомненно, существует. Теперь у нас анархо-синдикалистами являются анархисты — последователи Кропоткина и группирующиеся вокруг издательства «Голос Труда». Но ничего теоретически нового эта группа не вносит, а занимается переизданием старых работ синдикалистов. Так, ими изданы следующие книги: *Грав* «Синдикализм и общественное развитие» (автор анархист); *Иато* «Азбука синдикализма» (автор один из работников ВКТ); *Корн* «Революционный синдикализм и анархизм». Эта группа во время нашей революции выступала под флагом синдикализма, но практического значения не имела.

Переходим к вопросам программы и тактики синдикализма. Общую картину тактики и различия ее от тактики социалистических партий дает статья *Поля Дельзаля* «Две тактики» в сборн. «Проф. движение во Франции», стр. 14—40.

Синдикализм утверждает, что самоосвобождение рабочего класса только в самостоятельных, ни от кого не зависимых синдикатах производителей, так как де только здесь социализм остается верен основной своей базе, даже по учению Маркса,—экономическому фундаменту и однородности участников. Прежде всего надо отметить, что синдикализм все время выставляет принцип не производственного признака, а профессионального. Отсюда и получается необычайная дробность синдикатов (столяры отделены от плотников, а те, в свою очередь, от мебельщиков, список приведен у Критской, стр. 269—270. Чем это объяснить? Тем, что, как мы указывали выше, французская промышленность по преимуществу мелкая и даже кустарная, что приводит к цеховой отчужденности. Эта отчужденность и проводится в признании полной автономии каждого синдиката и одинаковости его удельного веса в ВКТ, где и металлисты, и скорняки имеют одно и то же число голосов и значение, хотя, конечно, и по числу организованных рабочих, и по значению этих производств в общей экономии страны они занимают не одинаковое место. Съезды представителей синдикатов производителей и избирают совместно с представителями бирж труда Всеобщую конфедерацию труда (по-французски по начальным буквам она носит название Се-Же-Те), при чем в самом названии вторым словом подчеркивается автономность частей. На денежные взносы синдикалисты смотрят пренебрежительно (во время стачек,—говорит *Пуже*,—мы не возлагаем все свои надежды на состояние кассы) и стараются захватить врасплох (стачка электриков в Париже, руководимая знаменитым Пато) или запугать,—отсюда возведение в принцип саботажа и проповедь террора, чем особенно занимался до своего превращения Эрве; отсюда главное внимание обращено на насилие в виде стачек, завершающееся всеобщей забастовкой.

С организацией местного синдиката можно познакомиться по брошюре *Лебедева* «Рабочие союзы», М., «Союз Труда», 1917 г. С организацией

объединений знакомит книга *Критской, Луи, Куприяновой* «Организация западно-европейских рабочих», ст. *Медведева* в сб. «Синдикализм», там же дан устав ВКТ (текст и разъяснение), стр. 112—130. *П. Дельзаль* «ВКТ»—в сб. «Проф. движение в Франции», стр. 14—40, там же статья *Гриффеля* «Задачи профессионального объединения», стр. 62—80. *Пуже* «Организация и деятельность конфедерации труда», сб. «Соц. движение во Франции», стр. 1—56. І. *Чернов* «ВКТ»—письмо из Парижа, «Вестник Европы» 1909, кн. 5.

Параллельно с синдикатами, синдикалисты овладели и биржами труда, которые после борьбы 1904 г. перешли в руки рабочих, с ними знакомит книга *Пеллутье* «История бирж труда» (два издания в 1906 и и 1919 г.). После конгресса в Бурже с 1 мая 1906 г. было решено путем всеобщей забастовки ввести явочным порядком 1 мая 8-часовой рабочий день. Буржуазия была по совету Сореля «напугана», но результата эта вспышка никакого не дала, почему Пуже в статье «Агитация за 8-часовой рабочий день» в сб. «Проф. движение во Франции», стр. 81—105, старается доказать, что они и не думали этим прямым действием ввести это требование, а что это была де агитация.

Всеобщей забастовке, как универсальному средству для введения нового производственного строя, посвящен сборник под ред. Лягарделля «Всеобщая стачка и социализм. Международная анкета. Мнения и документы», изд. Яковенко, СПБ. 1907, VIII+280 стр., где среди предложенных ответов особо заслуживают мнения Гриффеля, секретаря ВКТ, Пуже, Комитета всеобщей стачки, Корнелиссена (голландца), Фридеберга (немецкого синдикалиста) и Леоне. Попутно приводятся и возражения всех важнейших деятелей Второго Интернационала. Анкета происходила в 1904—1905 г.г. и дебаты на Амстердамском соц. международном конгрессе. (Вообще здесь можно привлечь литературу о всеобщей забастовке. Лучшая критика анархического понимания ее, на основании опыта русской революции, дана Розой Люксембург, несколько изданий в 1906—1907 г.г. и издание Петросовета 1919 г.)

Уже выше неоднократно было указано стремление синдикализма стать вне политики, чуждаться ее, почему синдикалисты стремятся всячески отгородиться от политической партии. Это вопрос о взаимоотношениях партии и профсоюза был поставлен в 1907 г. на международном социалистическом конгрессе в Штутгарте, на котором одновременно обсуждался вопрос и об отношении социализма к грядущей войне и о мерах борьбы с нею. Надо иметь в виду, что синдикализм объявил себя, помимо антипарламентаризма, еще антимилитаристом и антипатриотом. Поэтому надо иметь в виду, что все статьи о Штутгарте касаются обоих вопросов.

О вреде партии для рабочего класса говорят и Сорель, и Лабриола, и все указанные выше авторы, так как антипарламентаризм и отвращение от политической деятельности обще всем синдикалистам. Специально этого вопроса касаются в сборнике «Соц. движение во Франции» *Эрве* («Конфедерация труда и социалистическая партия», стр. 172—188) и *Лягарделль* («Итоги социалистического опыта Франции», стр. 230—274). Затем сборники:

«Профессиональные союзы и политические партии» (ст. Вандервельде, Банга, Роланд-Гольст, Брауна), изд. «Набат», СПБ 1906, «Синдикаты и партия» (ст. Бернштейна, Вандервельде, Гюбера, Кейр-Гарди, Мидльтона и др. и статья переводчика Круглякова об Амьенском конгрессе ВКТ), изд. «Освобождение Труда», Одесса. Международный социалистический конгресс в Штутгарте с приложением статьи *Мартова* «Конгресс в Штутгарте», изд. «Новый Мир», СПБ. 1907, 147 стр., подробный отчет с приведением содержания всех речей (очень важное издание); об этом же конгрессе статьи *Цеткин* в сб. «Зарницы» (большев.), *Ворсина* (сб. «Голос Жизни»—большевистский), *Герасимова* («Современный Мир», 1907, IX) и *Гроссмана* («Образование», 1907, X).

Антимилитаризм недостаточно освещен по вполне понятным прежним цензурным условиям, но все же основная работа *Эрве* «Социализм и патриотизм» имеется в переводе Марковича, изд. Сытина, где особенно важна последняя глава 16—«Социалисты-антипатриоты». Из агитационных брошюр переведены: *Альбер* «Отечество, война и казарма», изд. «Поток», Казань 1906, 30 стр., *Лягарделль* «Пролетариат и милитаризм во Франции и Бельгии», изд. «Рассвет», СПБ. 1906, 30 стр., *Нэн* (швейцарец) «Милитаризм и социал-демократия» (его дело по отказу от военной службы), изд. «Работник», СПБ. 1906, 32 стр., *Ньювангуис* «Милитаризм и отношение к войне анархистов и социалистов-революционеров», пер. Ивинской. Наконец, очень важен доклад об антимилитаризме и всеобщей стачке, представленный ВКТ на международной конференции секретариатов профсоюзов в Дублине в 1903 г. (сб. «Синдикализм»). Наконец, выше указанные статьи о Штутгартском конгрессе.

Как указано выше, синдикализм усиленно противопоставлял свою производственную чистоту и однородность разношерстности социалистической партии, но оказалось, что как движение в значительной степени мелко-буржуазное ремесленное, ибо представители таких синдикатов являются господствующими в ВКТ, он не долго выдержал эту чистоту и вынужден был заняться синдицированием и чиновников. На сцену явилась и услужливая теория, и в книге *Леруа* «Эволюция государственной власти» (синдикаты чиновников), изд. «Общественной Пользы», СПБ. 1907, 204 стр., создано было законченное представление, как путем чиновничьих синдикатов государство совершенно изменит теперешний свой, столь ненавистный синдикалистами, характер политической деятельности. От теории перешли к делу, и результатом явилась в 1909 г. стачка почтово-телеграфных служащих, кончившаяся полным поражением, и стремление к объединению учителей, с чем постоянно боролось французское правительство, начиная с кабинета Клемансо с 1906 г. О стачке почтарей имеется много статей в журналах, часть которых мы приведем: *Кудрин* «Образование», 1909, IV, *Мартов* «Современный Мир», 1909, V, *Сталинский* «Русское Богатство» 1909, V, *Кудрин* «Русское Богатство», 1907, III.

Теперь дополним несколько список литературы по синдикализму по отдельным странам. Классической страной синдикализма является Франция. Сюда относятся приведенные выше книги—*Критской* и *Ле-*

бедева, *Поля Луи*, *Козловского*, *Блюма*, *Леоне*, «Конгрессы французских рабочих и социалистов» 1876—1900 г.г., изд. «Логос», 127 стр., *Дав* и *Ивто* «Ф. Пеллутье и революционный синдикализм во Франции», изд. «Голос Труда», 1920 г., 70 стр., *Ливе* «Синдикальное движение во Франции»—статья в сб. «Свобода и труд», СПБ. 1907, *Лягарделль* «Маннгейм, Рим и Амьен»—тот же сборник, *Антонов* «Синдикализм во Франции и в Италии»—«Вестник Европы» 1909, XI, *Кудрин* «Русское Богатство» 1906, XII. В Италии указанная выше статья *Лабриолы*, *Лягарделля*, *Антонова*, *Емельяненко* «Наша Заря» II, III, Англия—*Дионео*, «Русское Богатство» II, X. Больше же синдикализм был силен в Ирландии и связан с именем Ларкина. Американских Промышленных рабочих мира мы совершенно не касаемся в настоящем обзоре. Много материала можно найти в наших газетах, начиная со «Звезды» и последующими «Правдами», нашем ежемесячнике «Мысль», а потом «Просвещение», а равно и в меньшевистских газетах и журналах—«Нашей Заре», «Возрождении», «Деле» и др. В ежегодниках «Речи» за 1912, 1913, 1914, 1915 и 1916 г.г., при чем в последнем случае надо помнить кадетское их происхождение и что события описываются за год, предшествующий году выхода сборника.

Громко провозглашенная практика, совершенно не давшая обещанных плодов, а повлекшая за собою ряд тяжких поражений (особенно железно-дорожников Северных ж. д., 1910 г., см. *Вейдемюллер*, *К.* «Современный Мир», 10, XI), заставила призадуматься над синдикализмом и с 1908 г. начинается кризис синдикализма, с чем можно познакомиться по статьям *Вл. Ильина* (Н. Ленина) «Разногласия в европейском рабочем движении» «Звезда» № 1 (16 дек. 1910 г.), *Мартов* «Современный Мир» 1909, IX, *Сталинский* «Русское Богатство», 1909 (VI и VII). Кризис выразился в утере веры в мгновенность победы и в «пугании» буржуазии, которая, оправившись от паники мая 1906 года, стала переходить в наступление—преследование синдикалистов, из которых многие все время проводили в тюрьмах, в особенности за свою антимилитаристическую пропаганду. От неучастия в политической жизни пришлось отказаться и начинают выступать группы синдикалистов, рекомендующие либо голосовать за буржуазных кандидатов против ненавистных социалистов-политиканов или даже выступающие с самостоятельными кандидатурами на парламентских выборах. И вот тогда-то стала сказываться подлинная сущность революционного синдикализма, на которую не переставали указывать революционные марксисты с самого начала. Об этой эпохе дает представление IV глава книги М. Покровского «Франция до и во время войны», изд. газ. «Новая Жизнь», СПБ. 1918 г. Когда же началась война, эта сущность синдикализма выявилась во всем блеске наиболее эффектно для всех обывателей в лице Эрве, который из бешеного антимилитариста и антипатриота превратился в такого же бешеного империалиста и поклонника социального мира (см. *Мартов*, «Летопись» 1916, VI). Практика же эта у нас у всех на глазах, да и не одна эта сторона интересует теперь в синдикализме. Но надо помнить, что все теперешнее поведение господ Эрве и Жуо и большинства теперешних вождей синдикализма во Франции было давно

предвидено революционными марксистами, которые, понимая значение синдикализма, как симптома определенной болезни социализма и рабочего движения во Франции, правильно рассчитывали теоретическую ценность синдикализма и пути к излечению этой болезни. И совершенно правильно писал руководящий орган большевиков «Пролетарий» в указанной уже статье, что «в подчеркивании социалистической задачи и заключается крупнейшая заслуга революционного синдикализма». Этим и ограничивается эта заслуга, потому что дальше синдикалистской мысли противопоставляются ответы марксизма:

Синдикалисты:	Марксисты:
1. Не захват власти, а разрушение, не диктатура пролетариата, а всеобщая революционная забастовка.	1. Захват государственной власти с целью разрушения государства, революционная всеобщая забастовка, поддержанная вооруженным восстанием, переходящим в диктатуру пролетариата.
2. Не парламентаризм, а внепарламентская борьба.	2. Парламентская борьба, как орудие внепарламентской борьбы.
3. Не бюрократическая централизация, а свободная федерация.	3. Централизация, но не бюрократическая, а основанная на сознательном координировании действий.

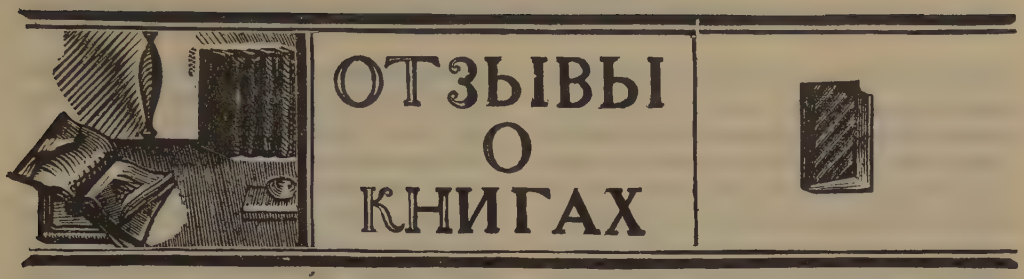
И окончательный вывод из большой статьи, почти в печатный лист, «Пролетарий» делает следующий: «Надо восстановить во всех правах ту исконную марксистскую идею, что профсоюзы должны *подготовить* (курсив подлинника) пролетариат к социальной революции, должны составить *опору* (курсив подлинника) для социалистической организации производства».

Приведем еще несколько определений Плеханова из сб. «От обороны к нападению»: Утопия революционного синдикализма есть, несомненно, буржуазная утопия—утопия товаропроизводителя, взбунтовавшегося против государства» (стр. 297), «Синдикализм противоположен реформизму, но эта их противоположность основана на их внутреннем тождестве» (подобно паре перчаток) (стр. 318), «Синдикалистская теория, взятая в целом, в самом деле отличается как от анархизма, так и от социализма в том смысле, что она представляет винегрет из положений, заимствованных у того и другого» (стр. 434). Обращаем внимание читателей на то, что все это написано при самом шумном внешнем успехе синдикализма.

Помимо социал-демократической литературы, которой мы старались пользоваться почти исключительно, за немногими исключением, существует обширная литература либеральной буржуазии — много статей по рев. синдикализму было помещено в «Русской Мысли», «Вестнике Европы» и газетах. Кроме того, дельный обзор синдикализма дает Туган-Баранов-

ский в своих «Основах политической экономии», разделы IV и V главы IV отдела IV. Эс-эровскую литературу мы также не использовали, кроме книг Чернова («Теоретики романского синдикализма»—первое издание вышло вместе с Луи «История синдикализма»; эта часть его статей, дополненная позднейшими, составила вып. II его сочинений «Основные вопросы пролетарского движения»,изд. П. С.-Р., СПБ. 1918 г.,285 стр., и *Сталинского* «Новое течение в социализме» (очерк революционного социализма во Франции, Италии и Германии), «Труд и борьба», СПБ. 1907 г., 95 стр.

Обзоры синдикалистской литературы даны у *Рубакина* «Среди книг», т. II, стр. 789—792, самые списки книг стр. 803—804,в «Библиографическом сборнике» Исторической Комиссии Уч. отдела ОРТЗ № 1 дан подробный обзор с рецензиями на каждую книгу под ред. М. Г. Лунца. В «Критическом обозрении» за 1909 г., кн. 8, дан обзор русской литературы кадетом М. Булгаковым. Даны указания у *Керженцева* (*Платона Лебедева*) в его «Библиотеке с.-д.», 3-е изд., которая с 4-го изд. носит название «Библиотеки коммуниста». Даны списки синдикалистской литературы и в указателе литературы по профдвижению *В. Святловского*, 3-е изд., СПБ. 1917. Иностранная литература приведена у *Сталинского*, ук. раб., стр. 93—95 и у *Козловского* «Очерки», стр. 107—108, где дается обзор и русской литературы. Им же составлен указатель работ Сореля, приложенный к введению.



СОЦИАЛИЗМ И КОММУНИЗМ.

К. МАРКС И Ф. ЭНГЕЛЬС. Коммунистический Манифест. Пер. с нем. под редакцией и с примечаниями Д. РЯЗАНОВА. Моск. Ком. Р. К. П. Кооперативное Издательство „Московский Рабочий". М. 1922. 240 стр. 200.000 экз.

Наконец-то мы дождались действительно новой и действительно компетентной редакции Коммунистического Манифеста. В начале следующего года исполнится 75 лет со времени появления этого гениального произведения. Скоро будет 5 лет, как Р. К. П. стоит у власти. А у нас до сих пор с Коммунистическим Манифестом творились поистине позорные вещи. В разных местах, а иногда в одном и том же месте он перепечатывался под самыми невероятными названиями: то «Маркс и Энгельс о коммунизме», то «Маркс и Энгельс о буржуазии и пролетариате». Но и в тех случаях, когда он появлялся, как Коммунистический Манифест, дело было не многим лучше: *все* издания последних лет просто воспроизводили издания 1905—1907 годов, с обычными в них переводческими и редакторскими недосмотрами, с цензурными пропусками, иногда, кроме того, и с хромающей общей грамотностью.

Конечно, перевод Манифеста представляет громадные трудности. Вполне их оценит только тот, кто сам принимался за эту работу или хотя бы пытался сравнивать различные редакции перевода с подлинником. Можно передать *мысли* Манифеста,—но язык его положительно не передаваем. Поэтому, несмотря на все усилия переводчика, — или переводчиков,—мы всегда будем иметь на русском языке не Коммунистический Манифест, а нечто другое, и это другое будет ниже Манифеста.

Это сказано отнюдь не в укоризну тов. Рязанову. Он пошел путем, который мне представляется единственно правильным, и дал все, что можно требовать от переводчика или от редактора перевода. Он взял существующие на русском языке переводы Манифеста, признал лучшим из них плехановский, положил его *в основу* нового издания и исправил его дефекты, использовав для этого другие переводы.

Если же, тем не менее, в некоторых местах чувствуешь, что и этот перевод не передает силы языка Манифеста, то ни тов. Рязанов и ни кто другой ничего не мог бы с этим поделать. Может быть, позднейшие переводчики сумеют лучше передать отдельные места, но сомнительно, чтобы Манифест в целом когда-нибудь стала давать на русском языке все то, что дает оригинал.

Во всяком случае, мы получили теперь полный, точный, верный, хороший перевод Коммунистического Манифеста и должны отбросить все старые.

Но в этом издании мы получили и нечто большее: мы получили еще *примечания* тов. Рязанова, которые, при более убористом наборе, чем текст Манифеста, составляют, вероятно, больше $^3/_4$ всего издания.

По словам тов. Рязанова, комментарий к Коммунистическому Манифесту должен удовлетворять следующим условиям: «во-первых, он должен дать историю того социально - революционного движения, которое вызвало к жизни Манифест, как программу первой международной коммунистической организации; во-вторых, он должен проследить генезис, про-

исхождение всех основных идей Манифеста и определить, таким образом, его место в истории человеческой мысли, указав все действительно новое, что дано в нем Марксом и Энгельсом по сравнению с их предшественниками; в-третьих, он должен показать, в какой степени Манифест выдержал критику истории, в каких частях своих он нуждается в исправлениях и дополнениях» (4).

Примечания, данные тов. Рязановым, больше всего удовлетворяют первому и третьему требованиям: «историко-литературная» часть разработана сравнительно слабо. Может быть, тов. Рязанов сознательно ограничил себя в этой области, потому что, при его эрудиции, эта часть могла бы у него совершенно задавить остальные. Трудно было бы ему воздержаться от того, чтобы не отметить глупости, которые преподносились здесь не только Черкезовым, но и Поссе, и целым рядом других авторов, которые в большей или меньшей мере хотели растворить Манифест в работах «предшественников». А в этом случае нельзя было бы обойтись без отдаленных исторических экскурсов.

Вопрос о том, какие именно положения Манифеста надо комментировать, и каков должен быть масштаб комментариев, неизбежно решается по соображениям более или менее субъективного свойства. То, что одному покажется излишним, другой признает недостаточным. Мне кажется, напр., что конец примечания 42 или некоторые части примечания 50 несколько искусственно связаны с текстом Манифеста, и что тов. Рязанов платит уже дань своему энциклопедизму. Однако сами по себе и они интересны и принесут свою пользу.

Некоторые примечания положительно превосходны. В особенности приходится выделить те, в которых положения Манифеста иллюстрируются фактами и цифрами *новейшего, современного* экономического развития: средства сношений, рост городов, распределение доходов в различных странах и т. д. в начале XX века и даже прямо в настоящее время.

В многочисленных примечаниях показано, как некоторые идеи Манифеста впервые были изложены в предшествующих произведениях Маркса и Энгельса, и какое дальнейшее развитие они получили в их дальнейших работах.

В примечаниях этого рода есть некоторая невыдержанность. Сначала тов. Рязанов указывал, откуда он берет ту или иную цитату, ссылался даже на определенные страницы, хотя не всегда упоминал, каким именно изданием он пользовался. В позднейших же примечаниях он обыкновенно просто приводит цитаты из Маркса и Энгельса и не упоминает о том, откуда они взяты. Ближайшие указания были бы очень полезны для читателей: тогда цитаты направляли бы их к дальнейшему самостоятельному изучению Маркса и Энгельса.

Но повторим еще раз: очень хорошо, что тов. Рязанов взялся за это дело. По своему энциклопедизму, по своему совершенно исключительному знанию Маркса и Энгельса, он мог выполнить его так, как не выполнил бы никто другой не только в России, но и на Западе. Следует только пожелать, чтобы это было *началом*, чтобы тов. Рязанов подошел вплотную к изданию сочинений Маркса и Энгельса. Только немногие представляют себе, что́ он способен дать в этой области, и коммунисты вправе потребовать, чтобы он это действительно дал.

Коммунистический Манифест—не популярное произведение, и комментарии не преследуют такой – недостижимой!—цели, чтобы сделать его популярным. Тов. Рязанов предназначает свое издание главным образом для тех, кому приходится заниматься пропагандой и преподаванием в наших школах. Однако и для них некоторые примечания по своей сжатости окажутся слишком трудными. Я хотел было сказать, что для их облегчения были бы полезны указания на соответствующую литературу; но сейчас же увидал, что это — почти безбрежная область, так как примечания говорят о развитии естествознания, техники, о крупнейших фактах из истории рабочего движения, общей истории, экономического развития и т. д.

Очень жаль, что книга не снабжена указателем. Это до чрезвычайности затруднит пользование ею. Каждый раз,

когда читателю потребуется какая-нибудь справка,—а некоторые примечания имеют и справочную ценность, — ему придется снова и снова перелистывать почти 200 страниц с их почти шестью десятками примечаний.

К сожалению, и это издание не избежало общей судьбы почти всех изданий за последние годы: большого количества опечаток. В тексте Манифеста их мало, но в примечаниях, пожалуй, не найдется ни одной страницы без опечаток, иногда не имеющих существенного значения, но по временам досадных, делающих понимание невозможным (123).

Читатели не представляют себе, насколько трудно добиться хорошей корректуры. Автор: 1) пишет; 2) перечитывает и выправляет в рукописи; 3) сдает в переписку на машинке и еще раз выправляет переписанное; 4) читает набранное в гранках; 5) читает сверстанное в листы. Если издание повторное, то автор: 1) выправляет по старому изданию; 2) выправляет набранное в гранках; 3) выправляет сверстанное в листы, — и нередко после всей этой работы по выходе книги убеждается, что новое, «пересмотренное» и «исправленное» издание оказалось хуже прежнего и кишмя-кишит опечатками, иногда прямо кошмарными.

В особенности тяжело стало проводить издания с 1919 и до осени 1920 года, когда началось заметное улучшение. Здесь положительно руки опускались от отчаяния. Вся работа оказывалась впустую.

Так случилось у меня, напр., с I т. и с первой частью III тома «Капитала» и с значительной частью тома «Собрания сочинений» Маркса и Энгельса. Рецензент последнего (в «Под знаменем марксизма», № 1), обратив внимание только на одну опечатку, даже и не заметил, что у меня осталось непересмотренной буквально ни одной страницы прежнего издания. Получая книгу в окончательном виде, иногда думаешь: было бы лучше, если бы новые издания представляли точную фотографию прежних.

Но хотя с конца прошлого года начался явственный подъем, издание Коммунистического Манифеста показывает, что здесь еще остается большая работа.

Не могу не остановиться еще на одной стороне дела. Возможно, что уже теперь где-нибудь в провинции приступили к перепечатке нового издания Манифеста, с примечаниями ли, без примечаний ли. У нас к этому делу относятся очень просто. Не спросят ни у тов. Разанова, ни у Московского Комитета.

Такой практике необходимо положить конец, не останавливаясь перед самыми суровыми мерами. 200.000 экземпляров— достаточный тираж для такого издания, его надолго хватит на всю Россию. А если в одном месте к этому добавят 50.000 экз., столько же в другом, полстолько же в третьем, Московский Комитет, которому пришлось нести многие расходы, сбрасываемые с себя «рвачами»-издателями, *посядет* со своим изданием. А это будет равносильно расточению *партийных* средств. Полагаю, что никакая контрольная комиссия не затруднится вынести свой приговор в такого рода делах.

Другое дело, если где-нибудь решат, что они нашли более компетентного переводчика и более компетентного комментатора. Пусть попробуют!

И. Степанов.

Ш. РАППОПОРТ. Жан Жорес. Человек-Мыслитель - Социалист. С предисловием Анатоля Франса. Перевод с французского под редакцией И. З. Штейберга. Гос. Изд. Гомель 1921 г. Стр. 106.

Нельзя не приветствовать появление в русском переводе прекрасной книги Раппопорта о Жоресе, вышедшей в Париже в двух изданиях еще во время войны. Это, насколько нам известно, наиболее полная и добросовестная работа, посвященная великому трибуну, одной из благороднейших фигур II Интернационала. При жизни Жореса Раппопорт-марксист был в разных лагерях (хотя и в одной партии) с идеалистом и реформистом Жоресом. Но после трагической смерти Жореса в момент объявления мировой войны, которую он предчувствовал и против которой он много лет так пламенно боролся, Раппопорт (ныне член Ц. К. французской коммунистиче-

ской партии и один из образованнейших марксистов в Европе) сумел найти надлежащий тон, чтоб воздать должное мужественному и безупречному борцу за социализм и братство человечества.

К сожалению, издана по-русски пока лишь *первая часть* книги Раппопорта, посвященная Жоресу-человеку. Это почему-то не указано ни на обложке, ни в каком-либо примечании от редактора перевода; и читатель будет введен в заблуждение и тщетно станет искать характеристики Жореса, как философа и социалиста. А если вторая часть и выйдет, то она может не попасть тем читателям, которые успели ознакомиться с биографией Жореса.

Биография эта содержит следующие главы: жизнь Жореса, его парламентская деятельность, дело Дрейфуса, Жорес и рабочий класс, Жорес — апостол мира и смерть Жореса.

Читается книга с захватывающим интересом, знакомя читателя не только с жизнью и деятельностью знаменитого социалиста, но и вводя его в самую гущу политической жизни Франции конца XIX и начала XX веков. Много места уделено громкому делу Дрейфуса, к которому когда-то было приковано внимание всего цивилизованного мира и о котором теперешнее поколение ничего не знает.

Большую ценность имеют приведенные в книге отрывки из статей и парламентских речей Жореса.

Перевод хорош. Издана книжка довольно изящно.

Б. Горев.

АЛЕКСАНДР ЗЕВАЭС. Огюст Бланки. Перевод и примечания А. Н. Горлина. Гос. Изд. Петерб. 1922. Стр. 240.

Это — совершенно новый и, при всех своих недостатках, о которых впереди, несомненно ценный вклад в историю революционного и социалистического движения Франции. Когда пишущий настоящие строки готовил свою работу о Бланки, он понятия не имел о существовании книги Зеваэса. И неудивительно: книга вышла во Франции не раньше 1919 г., скорее всего в 1920, к 40-летию смерти Бланки [1]).

Александр Зеваэс был когда-то на крайнем правом фланге жоресистской фракции французского социализма и, если память нам не изменяет, даже не вступил в «объединенную» партию в 1905 г., а остался среди «независимых» социалистов, группировавшихся вокруг Мильерана и Вивиани. Кто он теперь, мы не знаем. Но его взгляды наложили, конечно, отпечаток на всю книгу. Зеваэс в своей книге с особой враждебностью относится к марксизму, *отрицает теорию борьбы классов*, которую, как он с неудовольствием отмечает, выдвигают все «рабочие партии», и старается изобразить Бланки «своим человеком». В бланкистах новейшей формации, как известно, близких к революционному марксизму, а также «в народившихся после международного конгресса в Амстердаме социалистах-унитаристах, старый Бланки признал бы с большим трудом своих учеников» (стр. 209).

В самом деле, в изображении Зеваэса непримиримая революционность Бланки, его теория социальной революции с диктаторским правительством во главе,— все это лишь грехи молодости, оправдываемые тогдашним политическим режимом Франции. Наоборот, с особенным сочувствием приводит Зеваэс наивно простодушную веру Бланки в силу просвещения при республике, и сам прибавляет: «Революционные выступления становятся анахронизмом в стране свободной демократии и всеобщего избирательного права, и были бы, в наши дни, весьма невысоким средством для достижения социальной свободы и прогресса». Если вспомнить, что это пишет адъютант Мильерана в 1919 г. в центре общеевропейской реакции, то социально-политическая физиономия автора новой книги о Бланки станет вполне ясна.

Само собою разумеется, что с наибольшим увлечением и сочувствием говорит

[1]) Об этом можно судить лишь по косвенным данным: в книге упоминается о смерти одного бланкиста в *1918 г.* Странно, что ни переводчик, ни издательство не снабдили книгу никаким указанием о годе издания книги в оригинале.

автор о «патриотизме» Бланки в 1870—1871 гг. которому посвящена особая глава книги. Как известно, патриотизм Бланки в начале мировой войны был использован для оправдания политики «священного единения» социалистов с буржуазией—даже Вайяном.

Но при всех этих оговорках, с которыми приходится приступать к книге Зеваэса, она, повторяем, представляет ценную монографию вследствие многочисленности и важности цитируемых автором *документов*. А надо признать, что как эти документы, так и отрывки из сочинений Бланки от цитирует добросовестно и ничего существенного, за исключением замечательного письма Бланки от 1852 г., особенно убийственного для «демократов типа Зеваэса», не утаивает, лишь освещая все это с высоты своего социал-патриотизма и мелко-буржуазного демократизма.

Документы эти, большинство которых недоступны в России и лишь в ничтожной степени использованные в книге *Жоффруа*, состоят из судебных речей Бланки, чрезвычайно интересных, многих его частных писем и мемуаров о нем ряда сталкивавшихся с ним деятелей. Конечно, общей характеристики Бланки эти новые данные не меняют, но существенно дополняют и подкрепляют.

Книга выгодно отличается от известной работы Жоффруа, как свежестью и обилием нового материала, так и полным отсутствием той сантиментальной восторженности, которая так характерна для Жоффруа Зеваэс очень мало внимания уделяет тюремным годам Бланки, зато гораздо больше Жоффруа занимается его общественной деятельностью и социально-политическими взглядами, обильно цитируя сочинения Бланки, особенно 2-томную «Социальную критику». Читатель найдет в книге и ряд новых подробностей о партии бланкистов. Переводчик снабдил ее многочисленными и толковыми историческими и пояснительными примечаниями.

Б. Горев.

ИМПЕРИАЛИЗМ И МЕЖДУНАРОДНАЯ ПОЛИТИКА.

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ПРОБЛЕМЫ. Статьи о политике и экономике современной Европы. Москва 1922 г. Книгоиздательство „Берег". Стр.130.

Небольшой, хорошо изданный (хотя не без опечаток) сборник содержит 7 статей, посвященных проблеме «восстановления Европы». В предисловии к сборнику подчеркивается, что помещенные в нем статьи «не объединены ни общей редакцией, ни общим... планом. Они связаны лишь единством темы, которой все они, так или иначе, посвящены: эта тема—восстановление разоренной войною Европы».

Сборник приятно удивляет неизбалованного русского читателя свежестью материала, которым оперируют авторы статей. Сборник вышел в середине марта, и большинство авторов доводит свои обзоры до первых месяцев 1922 г.

Сборник открывается статьей проф. С. А. Котляревского—«Мировое равновесие». Правильнее было бы озаглавить «отсутствие мирового равновесия», ибо автор весьма убедительно доказывает, что никакого «мирового равновесия» сейчас нет. К сожалению, проф. Котляревский имеет тенденцию не столько вскрывать экономическую подоплеку взаимоотношений между государствами, сколько трактовать проблемы международных отношений под соусом «высокой политики», что придает изложению проф. Котляревского местами высокопарный и мало вразумительный характер.

Вот, например, последняя фраза статьи:

«Нужны огромные затраты и проявления материальной и духовной энергии народов, чтобы ответить на поставленные в области международной жизни вопросы».

Энергии тратится весьма много и духовной и материальной. Весь вопрос в том, на что и как она тратится. Изображать современную мировую историю в виде класса, где история задает вопросы, а «народы» дружно и добросовестно потеют над их разрешением, — прием мало удачный.

Основная ошибка почти всех авторов сборника состоит в том, что они рассматривают «народы» и «государства», как нечто единое, объединенное общими интересами. Они, видимо, полагают, что экономические и политические антагонизмы и конфликты не влияют на постановку «международных проблем», и что можно анализировать вопросы, связанные с мировым экономическим или политическим положением, не интересуясь борьбой классов и общественных групп внутри отдельных стран.

Интересная статья Я. Букшпана «Англо-американское соперничество и европейские дела» весьма страдает от бросающегося в глаза игнорирования автором мирового кризиса. Получается такое впечатление, как будто кризис не результат основных тенденций развития мирового хозяйства, а случайная неприятность, которую при анализе основных линий и тенденций не только можно, но даже нужно игнорировать. Статья Л. Н. Юровского — «Проблема экономического восстановления Европы»—исходит из факта кардинальной важности, который автор формулирует так: «Экономические достижения Соединенных Штатов огромны и превосходят все, что было известно хозяйственной истории народов до сих пор. Европейское первенство более не существует. На его место встала гегемония Соединенных Штатов». Это верно, но нельзя же на этом основании писать о «хозяйственном кризисе, который переживает в настоящее время *Европа*», игнорируя тот тоже бесспорный и совсем не случайный факт, что кризис вовсе не является европейским, а является мировым, и именно в Америке он протекает интенсивнее и грандиознее, чем где бы то ни было.

Статья Юровского способна вызвать у малоосведомленного читателя такое впечатление, как будто Европа утратила экономическую гегемонию и потому поражена кризисом, а Америка завоевала гегемонию и наслаждается экономическим процветанием. На деле—как раз наоборот.

Именно Америка и Япония больше всего пострадали от кризиса и это неизбежная расплата за их экономические завоевания, столь умиляющие Я. Букшпана и Л. Юровского.

Очень хороша небольшая статья З. С. Каценеленбаума—«Финансовые вопросы в программе Генуэзской конференции». Она рисует картину тяжелого положения денежных систем и финансов современных государств и громадное значение валютной проблемы для мирового экономического положения.

Значительно слабее статья Н. Д. Силина «Валютный вопрос перед Генуэзской конференцией». Анализ валютной проблемы поверхностный. Есть довольно непозволительные лапсусы.

Сборник заканчивается статьями Коган-Бернштейна — «Проблема восстановления транспорта» и А. Э. Вормса— «Защита промышленных и авторских прав».

Проф. С. Членов.

В. ВОДОВОЗОВ. Западная Европа и Америка после войны. Факты и цифры. Петербург. Государственное Издательство, 1922. Стр. 208

Содержание книги не вполне соответствует названию, так как в работе В. Водовозова совершенно нет цифр и фактов, посвященных трансформации, пережитой Америкой в результате войны, если не считать двух-трех строчек во всей книге. Нет ни слова о географическом перемещении хозяйственных сил из старых стран Европы в С. Штаты, о глубокой промышленной революции, переживаемой в результате мировой войны южно-американскими странами, Бразилией, Аргентиной, Чили и Перу. Одним словом, упоминание об Америке в названии книги является каким-то lapsus linguae, обмолвкой.

Что касается цифр и фактов, относящихся к Европе, содержание книги рас-

падается на следующие главы: I. Территориальные перемены, пространство и численность населения после войны. II. Влияние войны на рождаемость, смертность и вообще на общую численность населения после войны. III. Изменения в государственном строе европейских и американских государств. IV. Запашки и мировая производительность хлеба во время войны и после нее. Мировое производство сахара. Мировая добыча угля. Торговый баланс в разных странах. V. Безработица, стачки. VI. Финансы и задолженность Англии и других стран. VII. Бумажная валюта в разных странах, воевавших и не воевавших.

Наибольший интерес представляет глава I, написанная на основании известного английского ежегодника Скотт Келти (Scott Keltie, The Statesman Jear Book. for 1920. Lonbon 1920), атласа Пертеса (Гота), альманаха Hazell'я (Лондон) и других ценных справочников, вышедших в 1920 и 1921 г.г. Надо прибавить, что В. Водовозов не относится с слепым доверием к источникам, легшим в основу этой главы, и в некоторых местах вносит свои поправки.

Главное территориальное изменение, вызванное Версальским миром, это совершенное исчезновение с карты Европы целого большого государства, Австро-Венгрии; около половины его перешло к соседним государствам—Польше, Румынии, Юго-Славии, Италии, а другая половина разделена на три совершенно отдельных небольших государства, республики Австрию, Венгрию и Чехо-Словакию.

Германия уцелела, но она потеряла в Европе около $^1/_{10}$ своей прежней территории. Сверх того она потеряла все свои колонии в Африке, Азии и Полинезии. Колониальные владения Германии в Африке представляли обширную площадь в 2.707.300 километров с населением в 11.543.000 душ. Из этой площади Англия получила главную часть (восточную Африку, юго-западную Африку, часть Камеруна и Того) общим протяжением в 1.905.100 километров с 5.674.000 населения. Франция получила 752.200 километров (Того и Камерун) с 3.209.000 населения, Бельгия 50.000 километров с 2.660.000 населения. В Великом океане Англия захватила новый Гвинейский Архипелаг и остров Самоа, Япония же получила Каролинские, Марианские и Маршальские острова. На азиатском материке Япония получила Киао-Чау. В общем союзникам досталось 2.953.000 километров бывшей немецкой колониальной империи с населением в 12.376.000 душ.

На Балканском полуострове два маленьких государства, Румыния и Сербия почти удвоились. Румыния, занимавшая до мировой войны площадь в 139.000 километров в 7,5 миллиона населения, после присоединения Буковины, Трансильвании, Баната, Арада и захвата Бессарабии представляет государство с площадью в 276.000 километров и 15 миллионов населения. Сербия, превратившаяся в Юго-Славию, занимала до войны площадь в 87.303 километра с 4.354.000 населением; ныне, с присоединением Западного Баната, Крайны, Далмации, Боснии, Герцеговины, Хорватии, Славонии, части Штирии, Каринтии, болгарской Струмицы, Юго-Славия занимает площадь в 232.128 километров с 12.105.000 населения. Таким образом Сербия почти утроилась.

Значительно возросла территориально и Греция с 120.000 километров перед началом мировой войны до 180.000 километров.

Было бы очень интересно и поучительно ознакомиться с фактами и цифрами, рисующими современное экономическое положение всех этих маленьких государств, неожиданно получивших такие громадные приращения путем грабежа соседей. К сожалению, в книге В. Водовозова об этом нет почти ничего.

В этой же главе автор дает факты и цифры «относительно новообразованных «независимых» государств Месопотамии (пространством 341.000 кв. километров, население 2.849.000), Палестины (пространство 35.550 километров, население 675.000), представляющих ныне английские колонии, далее Сирии (территория 260.000 кв. километров, население свыше 3 милл), тоже признанной независи-

мым государством, но отданной на съедение французам, получившим мандат на устройство этого государства.

В общем, при бедности нашей литературы по данному вопросу цитируемая нами глава может служить очень ценным справочником.

Что касается остальных глав, бросается в глаза непропорциональность частей. Такому важному вопросу, как «безработица и стачки» автор посвящает всего четыре странички, при чем за исключением буквально двух строчек, остальная часть этих четырех страничек посвящена безработице и стачкам *не позже 1918 г.* Таким образом эта глава в книге, трактующей о положении в Европе *после войны*, кажется как бы обрывающейся на самом интересном месте. Между тем нельзя сказать, будто данные о безработице за позднейший период отсутствуют. Даже в нашей русской литературе мы имеем уже материалы о безработице за последние годы. Так в книге С. А. Фэлькнера: «Послевоенная конъюнктура мирового хозяйства» мы находим сведения по этому вопросу за 1920—1921 г. г.

Проходя, так сказать, мимо столь важного вопроса, как безработица и стачки, В. Водовозов, наоборот, такому формальному вопросу, как «изменения в государственном строе еврепейских и американских государств», посвящает более тридцати страниц. Автор наивно доказывает, будто «везде в Западной Европе (и в Африке) мы видим постепенную демократизацию государства. Идет вперед всеобщее и равное избирательное право; в частности, можно отметить значительные успехи женского избирательного права и пропорциональной избирательной системы. *Всеобщее избирательное право признается теперь в Европе повсеместно за исключением России и Бельгии* [1]).

О мировом наступлении капитала во всей Западной Европе и Америке, о фактическом переходе власти во всех капиталистических государствах в руки «черных сотен», более отвратительных и имеющих большую власть, чем имел у нас в России пресловутый «Союз Русского Народа», о полном уничтожении на деле всех, не только вновь провозглашаемых на бумаге, но и существовавших прежде «демократических свобод» и «конституционных гарантий» В. Водовозов, очевидно, ничего не слышал. Автор не заглядывает в существо вопроса, не вникает в обостренную классовую борьбу, не видит обнагления буржуазии, охваченной, как никогда, реакционным духом и радуется, как ребенок, тому факту, что над умами творцов конституции господствует де «идея народовластия».

Из фактов и цифр, приведенных В. Водовозовым, интересна попытка автора дать ясное представление читателям, во что обошлась мировая война всем государствам. По вычислениям В. Водовозова война стоила всему миру приблизительно в триллион рублей золотом.

«Но что значит эта цифра?», спрашивает В. Водовозов. Слово «триллион» можно произнести, его можно написать прописью или цифрами 1.000.000.000.000. Но конкретно его вряд ли может представить себе даже математик.

«Чтобы хоть сколько-нибудь уяснить себе эту цифру, скажу, что на все железные дороги на всем земном шаре, представляющие сеть, протяжением в миллион верст (в 1910 г. — 1.057.000 километров), истрачено в 1911 г. около 100 миллиардов рублей. Пять лет войны, следовательно, обошлись человечеству во много раз больше, чем вся железнодорожная сеть, построенная в пяти частях света в течение почти целого столетия и на израсходованные на нее средства эту последнюю, вероятно, можно было бы удесятерить, соединив со всеми мировыми центрами самые захолустные уголки северной Сибири, центральной Африки, несколькими магистралями пересекши Сахару и т. п.

«Но ни голая цифра произведенных издержек на войну, ни все подобные сравнения, конечно, не могут дать сколько-нибудь ясного представления о действительной стоимости войны, тем более, что стоимость войны не ограничивается произведенными на нее денежными издержками: ведь в нее входят и взорванные железнодорожные и иные

[1]) См. стр. 120. Курсив наш.

мосты, и разрушенные города, и вырубленные леса, и многое другое, не говоря уже о погубленных жизнях, об искалеченных людях, обратившихся из полезных работников в инвалидов, лежащих бременем на обществе и т. д.

Вот как далее В. Водовозов старается конкретно представить читателям, что обозначает цифра 132 миллиарда марок золотом, т.-е. контрибуция, наложенная Антантой на Германию:

«1. К 1910 г. железнодорожная сеть всех пяти частей света равнялась приблизительно миллиону верст (1.057.000 километров). В нее был вложен капитал, равный 198 миллиардам марок золотом.

«Таким образом контрибуция, которую будет обязана уплатить Германия, равняется двум третям всей не германской только, а всей мировой железнодорожной сети; что же касается Германской сети, то ее протяжение в 1910 г.—60.000 километров, а стоимость—18 миллиардов марок. Следовательно, Германия должна будет уплатить более чем усемеренную стоимость всей своей железнодорожной сети.

«2. Вся сумма золота, имевшаяся на всем свете в 1915 г. в монете, слитках и вещах, определялась в 85 миллиардов франков, т.-е. 68 миллиардов марок. Следовательно, если собрать все золото со всего света, из казначейств, из банков, из карманов частных лиц, сорвать все кресты с церквей и с груди священников и светских лиц, все обручальные кольца и перстни с пальцев и сережки из женских ушей, золотые коронки со всех зубов, все золотые часы, все украшения и т. д., то всего этого хватит для уплаты только половины контрибуции».

Это самое интересное место в книге В. Водовозова. В общем книга В. Водовозова, при всех своих недостатках и крайне неглубоком отношении автора к затрагиваемым им вопросам, может быть прочтена не без пользы и, так сказать «принята к сведению».

М. Павлович.

OSCAR BLOCH. La Guerre auraitelle pu finir plus tôt? Confé rences «Clarte». Cahier № 9. Paris 1921. 38 pages.

ОСКАР БЛОХ. Могла ли война закончиться ранее? Лекции, организов. обществом «Клартэ». Выпуск 9-й. Париж 1921. 38 ст

Общество «Клартэ» уже с начала 1921 года выпустило целый ряд брошюр и книг, посвященных общественно-политическим вопросам. В организацию «Клартэ» входит преимущественно пасифистская и демократическая интеллигенция, партийная (социалистическая и коммунистическая) и, главн. обр., беспартийная. Просветительное значение этой организации очень велико. «Клартэ» пытается путем организации лекций, диспутов, выпуска книг и брошюр, периодических изданий и т. п. вскрыть перед общественным мнением Европы и, в частности, Франции ложь капиталистического строя.

Среди других отраслей деятельности «Клартэ» видное место занимает пропаганда в пользу признания Советской России и выявление истинных причин и характер мировой войны. В данной брошюре мы имеем дело с пропагандой второго рода. В своей лекции О. Блох пытается, не затрагивая вопроса о причинах мировой войны в собственном смысле, изложить историю мирных предложений, окончившихся неудачей и непринятых державами Антанты в течение мировой войны. Всем известно, сколько времени и усилий посвятили антантовские публицисты взваливанию всей вины за начало войны исключительно на Германию. Поэтому некоторый интерес представляет предпринятое Блохом исследование с целью фактической проверки миролюбия Антанты. Брошюра по существу не сообщает ничего нового и даже заключает в себе некоторые досадные ошибки (так, Терещенко почему-то произведен в председатели Думы), тем не менее производит впечатление вся сумма мирных предложений, сделанных Антанте и ею отвергнутых. Беспристрастный наблюдатель может убедиться, что Антанта отвергала, впредь до полного уничтожения Германии, все предложения мира, откуда бы они не исходили.

Из числа брошюр той же серии заслуживают внимания также Гуттенуар де Тури (Gouttenoire de Toury)—«Русская политика Пуанкарэ» и две книжки Поля Луи (Paul Louis)—«Мировой хаос» и «Ложь мира».

И. Звавич.

Washington and the hope of peace By H. G. WELLS. London. Copyright 1922. W. Collins sons. VIII+272 p. p.

Г. ДЖ. УЭЛЬС. „Вашингтон и надежда на мир". Лондон. Издание Коллинса. 1922 год. Стр. VIII+272.

Рецензируемая книга представляет из себя 29 корреспонденций Уэльса из Вашингтона во время имевшей там место конференции о разоружении в ноябре-декабре 1921 года. Уэльс присутствовал на конференции в качестве корреспондента английских и американских газет. Эти его корреспонденции предназначались (хотя это не оговорено в предисловии автора) для газеты «Daily Mail», одной из наиболее характерных представительниц т. наз. Нортклиффовской прессы. В свое время в организации пропаганды Нортклиффа Уэльсу была поручена литературная часть, так что Уэльс связан с Нортклиффом давнишними узами совместной работы. Тем не менее, именно на Вашингтонской конференции, оборвалось дальнейшее сотрудничество Уэльса в органах Нортклиффа вообще и в «Daily Mail» в частности. Этот разрыв был вызван нападками Уэльса на Францию за ее милитаристские и чересчур откровенные выступления на конференции. Пресса Нортклиффа, франкофильская par excellence, не осталась глуха к тем воплям возмущения, которые раздались во французской печати по поводу «несправедливых» нападок Уэльса, и последнему была дана инструкция прекратить свои нападения на Францию ввиду несоответствия их общему духу газеты. На почве невыполнения Уэльсом редакционных требований произошел разрыв, и статьи Уэльса стали появляться в американских изданиях—«New-Yor World» и «Chicago Tribune».

Мы знаем Г. Дж. Уэльса главным образом в качестве одного из наиболее блестящих и интересных романистов XX столетия. На русский язык переводились по преимуществу его беллетристические произведения. В этой книге Уэльс выступает перед нами в качестве публициста. На этом поприще он также не новичок, ему принадлежат уже несколько работ публицистического характера на разные темы. (Совсем недавно вышел русский перевод его работы—«Россия во мгле».) Вообще по кругу своих интересов Уэльс может быть назван своего рода универсалистом. Не говоря уже о его беллетристических трудах, Уэльсу принадлежат сочинения по политике, религии, истории. Так, в 1921 году вышло, например, его сочинение по всеобщей истории—«Outline of history».

Книга Уэльса должна представлять интерес поэтому не только, как простой отчет или корреспонденции о Вашингтонской конференции, но и как произведение большого писателя. Здесь нас ждет некоторое разочарование. Мы не находим в книге Уэльса ничего особенно яркого, каких-либо выразительных характеристик участников конференции, метких и врезывающихся определений. Книга Уэльса куда беднее и плоше в этом отношении нескольких статей Бернарда Шоу, появившихся в журнале «Nation» (№№. от 12, 19 и 26 ноября 1921 г.). Можно разно оценивать сравнительный талант Уэльса и Шоу, но, как кажется, журналист Шоу стоит выше журналиста Уэльса.

Вспомним цель, поставленную Вашингтонской конференции ее инициатором, новым тогда президентом Соед. Штатов Гардингом. Это—разоружение, на основе которого предполагалось организовать «Ассоциацию Наций» вместо старой Лиги Наций, в которой Америка не принимала участия, и осужденной поэтому на банкротство.

По вопросу о разоружении в книге Уэльса имеется одно основное противоре-

чие. В одной из своих лучших главкорреспонденций (X—«Security» the new and beautiful catchword—«Безопасность» новый великолепный обманный лозунг) Уэльс чрезвычайно удачно показывает нам нежелание всех держав пойти на разоружение. Америка в этом отношении если и составляет у Уэльса исключение, то этому легко найти объяснение в выгодности для Америки *общего для всех* сокращения вооружений, при котором положение Америки будет еще лучшим, чем теперь.

«Великобритания и Япония всецело солидарны в этом отношении с Францией. Великобритания требует себе только господствующий флот и морское вооружение в полном боевом порядке. В своей великолепной речи г-н Бальфур во втором заседании конференции показал нам необходимость всего этого для *безопасности* Великобритании» (стр. 86).

«Япония желает захвата Вост. Сибири, контроля над сырьевыми богатствами Маньчжурии, угнетения Китая, потому что она увлечена величайшим стремлением к миру, как то показал так ясно представитель Японии в Вашингтоне» (стр. 86—87).

Говоря с такой иронией о мирных стремлениях Великобритании, Франции и Японии, Уэльс относится с недоверием к какому бы то ни было «принципиальному» согласию держав по вопросу о разоружении. Однако с другой стороны, как это ни странно, Уэльс старается показать, что, впрочем, ему не совсем удается, и кое-что положительное в конференции. Уэльс, например, подчеркивает разницу между Францией шовинистов и милитаристов, воплощенной в Бриане, и Францией либеральной в лице чрезвычайного французского посла в Соед. Штатах Вивиани. С этой последней Францией, по мнению Уэльса, можно сговориться и поладить и по вопросу о разоружении (ср. главу XXVI — стр. 199 — 204). Между тем, Уэльс как будто упускает из виду, что этот французский дипломат по самому характеру своей миссии должен был выдержать в своей речи возможно умеренные и либеральные тона. (Вивиани был комардирован в Соед. Штаты с целью нащупать почву об отмене или отсрочке платежа т. наз. междусоюзнических долгов, в частности французских долгов Америке.) Выступления Бриана произвели в Америке невыгодное для миссии Вивиани впечатление, поэтому-то и требовалось загладить вину. По существу же здесь разницы не было. По поводу конференции же Уэльс пишет свою предпоследнюю корреспонденцию на тему о «братстве народов» (Brotherhood of ntions—212—219 стр.), в то время, как Вашингтон не имел, конечно, ничего общего не только с воплощением братства народов, но и с реальным разоружением.

Для нас представляют также интерес те места книги Уэльса, где речь идет о России. Ценным является для нас его указание, что конференция по вопросу о судьбах мира не может быть ни компетентной, ни удачной при отсутствии России и Германии. Уэльс вспоминает о тех услугах, которые оказала Россия союзникам в эпоху мировой войны. Наступление русской армии в 1914 году «спасло Париж и маленькую английскую армию от тяжелого разгрома и отступления к морю... Кровь и страдания русского народа дали победу союзникам» (стр. 32—33). То же самое повторяет Уэльс и в конце книги. Он говорит здесь о необходимости отмены всех военных долгов за исключением английского долга Соед. Штатам. Россия, по мнению Уэльса, не должна платить: «русские долги Франции создались из расходов по подготовке к «последней войне» (собственно the war-to-end wal), так как Россия была союзником и помощником Франции. Каждая страна тратилась в целях войны соответственно своим рессурсам. Россия давала жизнь и кровь; она разрушила свою собственную социальную организацию» (стр. 208—209).

Исключением из остальных союзных долгов Америке, по мысли Уэльса, как мы уже указывали выше, должны являться английские долги. Англия платит их не в силу морального обязательства, а потому, что «безработные Англии могут найти работу по удовлетворению Америки товарами в счет долга». Уэльс, однако, упускает из виду

конкуренцию между американскими и английскими предпринимателями, и совершенно не учитывает, что Америка нисколько не заинтересована в спасении безработных Англии в ущерб своим. Английские товары в счет долгов, подобно германским в самой Англии, только нанесут убытки национальной промышленности Соединенных Штатов.

Таковы в общих чертах основные положения книги Уэльса, хотя полностью ее содержание не представляется возможным, да и необходимым, исчерпать в небольшой рецензии. Подводя итоги, можно сказать, что в изложении Уэльса для читателя вторая часть его заглавия книги—Hope of peace—надежда на мир—остается неоправданной.

И. Звавич.

КРАСНАЯ КНИГА. МИРОВОЕ НАСТУПЛЕНИЕ КАПИТАЛА. Издание Профинтерна. Москва 1922 г. Стр. 194.

В указанную книгу вошли статьи: *А. Лозовского.* Наступление капитала; *Николая Суханова.* Мировое хозяйство до и после войны; *А. Аникст.* Мировая безработица и борьба с ней; *Д-ко.* Стачки и локауты; *Г. Смолянского.* Заработная плата и дороговизна жизни; *И. Нюрнберга.* Проблема валюты и мировой кризис; *М. Рубинштейна.* Ликвидация охраны труда; *С. Каплуна.* Борьба за рабочий день; *Я. Н.* Черная сотня мировой буржуазии; *А. Лозовского.* Мировая реакция и мировая буржуазия.

Особенно интересны статьи т. А. Лозовского «Наступление капитала» и Я. Н. «Черная сотня мировой буржуазии».

Наступление капитала,—говорит тов. Лозовский,—стало самым крупным международным фактом. Оно вызвано прежде всего стремлением буржуазии как-нибудь пережить царящий во всем мировом хозяйстве глубокий кризис, перебросив его тяжесть на плечи рабочего класса.

С конца 1918 года до конца 1920 г. буржуазия отступала, при чем это отступление носило организованный характер, принимая формы братания между верхами буржуазии и руководителями пролетариата. Это братание и дало возможность господствующим классам оправиться после разгрома, удержаться на поверхности и удержать в своих руках государственный руль.

Период заигрывания и широковещательных резолюций, либеральных манифестов, воззваний и обещаний тянулся весь 1919 год и часть 1920 г. Не даром в самом Версальском договоре имеется пункт, который гласит ни более, ни менее, что «труд не должен быть больше товаром». Можно себе представить,—замечает т. Лозовский, — как смеялись авгуры Антанты—Ллойд-Джордж и Клемансо, подписывая этот замечательный пункт.

Но это братание длилось не дольше, чем длился расцвет промышленности. В середине 1920 г. в народно-хозяйственном организме всех стран произошел перелом и начался кризис. Суть этого кризиса заключается в том, что в некоторых странах имеется много товаров, а с другой—имеется много стран, где свирепствует товарный голод. При чем оказывается, что кризис с особой силой развивается в странах с высокой валютой, не имеющих возможности конкурировать с странами с низкой валютой, где заработная плата очень низка и издержки производства гораздо ниже, чем в странах с высокой валютой. По вычислениям т. Лозовского заработная плата в Германии в 11 раз ниже, чем в Англии, в шесть раз ниже, чем во Франции, в три раза ниже, чем в Италии. «История отплатила профессиональным союзам Антанты за их участие в уничтожении и разграблении Германии. Раздавленная антантовским сапогом, Германия и германский пролетариат стали мировыми понижателями заработной платы».

Наступление капитала не ограничивается одной областью заработной платы. В Англии и Америке, в Швейцарии и в Финляндии, в Италии и во Франции фактически отменяется 8-часовой рабочий день. Одновременно с фактической отменой 8-часового рабочего дня мы видим попытки и его законодательной отмены. Капитал создает специальные белогвардейские организации для непосредственной вооруженной борьбы с рабочими.

Крупнейшие профессиональные организации оказались совершенно бессильными перед этим организованным наступлением. Наступление буржуазии заставляет пролетариат делать и переоценки всех ценностей, и искать новых форм и новых путей. Рабочий массовой видит, что перед лицом выступающего против него единого предпринимательского фронта рабочий класс выступил разделенным на борющиеся между собой партии, союзы и группы. В душе его просыпается могучая тяга к единству.

Революционные союзы,—говорит т. Лозовский,—стоят за создание этого единства. *Но единый фронт нужен для борьбы, и только для борьбы мы его создаем, только для конкретных форм этой борьбы мы готовы заключить блок с какой угодно рабочей организацией.* Стало-быть, момент действия является решающим в вопросе об едином фронте... Совершенно иначе,—поясняет тов. Лозовский,—мыслят единый фронт амстердамцы. Они понимают его не как фронт действия, а *как фронт бездействия, как фронт классового сотрудничества.* Разница между революционным и реформистским союзами заключается в том, что первые стоят за единый *рабочий* фронт, тогда как вторые стоят за *рабоче-предпринимательский* фронт.

2-я статья А. Лозовского «Мировая реакция и мировая революция» является ценным дополнением к первой статье.

Я. Н. в статье «*Черная сотня мировой буржуазии*» описывает контр-революционные, погромные организации, возникшие в Италии, Испании, Бельгии, С. Штатах, Англии и других государствах для борьбы с рабочим классом. Автор доказывает, что вся буржуазия буквально копирует теперь эволюцию русского царизма на другой день после октябрьской революции 1905 г. когда был создан пресловутый «Союз русского народа» из продажных чиновников, карьеристов и всякой общественной падали.

Мировая буржуазия находится теперь в том же положении, в каком царизм был после революции 1905 года. Подобно русскому царизму мировая буржуазия в бешеном потоке реакции вынуждена опереться на самые оголтелые, самые дикие отбросы общества, которые толкают ее все дальше и дальше в яму уголовщины, в объятия палачей и инквизиторов к новому средневековью. При этом мировая буржуазия в своей борьбе с рабочим классом идет гораздо дальше, чем шел царизм.

Небольшая статья Я. Н. (20 страниц) так богата по содержанию, так ярко рисует мировое черносотенство, которое является лишь черной тенью подвигающейся мировой революции, что мы считали бы крайне необходимым напечатание этой статьи отдельной брошюрой. Мы уверены в том, что всякий объективный человек, прочитавши статью Я. Н., убедится в том, что в переживаемую нами эпоху мыслимы только две организации государства: или Советская по образцу Р. С. Ф. С. Р., или самая черносотенная, какой не знала даже Россия эпохи «Союза русского народа».

Основная идея обстоятельной статьи Н. Суханова «Мировое хозяйство накануне и после войны» заключается в следующем положении:

«Война не спасла мирового империализма. Он снова у разбитого корыта.

«Спасения империализму нет. Накануне войны он сказал свое последнее слово. Он не может более вернуться к «нормальной жизни»... Все *объективные* условия для мировой социалистической революции на-лицо. Плод созрел, но уже начинает гибнуть на корню, но еще не пробил час для жатвы. Эпоха социалистической революции началась, но революция еще не победила, *субъективных* предпосылок нет на-лицо. Международный пролетариат—могильщик капитализма и его работ, под его гнетом не осознал своей исторической задачи и уже успел построиться в боевые колонны.

«Статья т. Суханова богата интересными данными, но она не лишена слишком рискованных положений. Автор безусловно перегибает палку, пытаясь доказать малую роль колоний в экономическом росте империй, ничтожное значение африканских и азиатских владений великих государств в качестве рынков сбыта и т. п. Вот что говорит он, например, о борьбе за «Черный континент» (стр. 23):

«Германские банки и синдикаты, не зная, что делать с накопленными ценно-

стями, никак не могли перенести французского протектората над Марокко. Мысль идеологов германского империализма шла по линии «разбить в Европе, чтобы влиять в Африке». А в Африке можно было взять такие крохи, из-за которых не стоило проливать даже чернила.

Весь черный материк, как рынок, был бесконечно малой величиной в мировом экспорте. Единственный смысл борьбы за африканский континент состоял в том, что эта экономическая борьба переходила в политическую. Т.-е. для нее были необходимы оккупационные и экспедиционные отряды. Броненосцы, пушки и все дорого стоящие атрибуты войны. А это создавало для национальных капиталов такие внутренние рынки, из-за которых был расчет выдумать всякие «насущные нужды» и «жизненные национальные интересы» там, где их нет и признака.

Тов. Суханов забывает о значении колоний, как источников сырья. В борьбе мировых держав за черный континент шла война за монополистическое обладание источниками сырых материалов, война за каучук, за медь, за железо и т. д. Из «Белой книги» о марокканских делах, посвященной деятельности немецкого синдиката братьев Манненманов в Марокко и розданной в январе 1910 г. членам немецкого рейхстага, видно, какую роль для Германии в борьбе за Марокко играл вопрос о железных рудниках этой колонии. Насколько германские капиталисты интересовались вопросом о подпочвенных богатствах Черного континента, видно из того, что на многочисленных немецких картах Африки обозначаются все места, где обнаружены залежи металлов: железа, меди, никкеля и т. д. По конвенции 4 ноября 1911 г. Германия выговорила себе право экспортировать беспошлинно из Марокко железную руду и поставила условием, что никакая вывозная пошлина не будет установлена в марокканских портах на экспортируемые металлы (см. подробнее об этом нашу работу «Мировая война и борьба за раздел Черного континента». Москва 1918).

И если верно, что самой французской промышленности отнюдь не нужны были железные рудники Марокко, зато последние очень нужны были Германии, и этого одного было достаточно, чтобы заставить Францию, колониальная империя которой по своим размерам и нетронутым богатствам далеко переросла производительные силы метрополии, напрягать все усилия для овладения Марокко с целью недопущения Германии к захвату этой важной африканской области. Неудивительно, что в период, предшествовавший мировой войны, Марокко играло роль кнопки электрического провода к торпеде, подложенной под Европу. И три раза, в 1905. (Танжерский удар), в 1908 г. (инцидент в Казабланке), наконец, в 1911 г. (Агадирский удар) Европа стояла накануне мировой войны из-за Черного континента, войны, которая вспыхнула, наконец, в 1914 г.

Недостатком статьи т. Ник. Суханова является также почти полное отсутствие указания на источники, откуда он заимствует некоторые свои положения и цифровые данные, источники, известные лишь очень просвещенным читателям.

Остальные статьи сборника содержательны и в общем «не портят ансамбля».

Было бы желательно, чтобы II часть сборника, куда войдут статьи: «Бюджетно-налоговое поступление», «Организация предпринимателей за работой», «Наступление на право коалиций», «Методы и формы пролетарской обороны и от обороны в наступление», вышла из печати скорее.

Мих. Павлович.

«РОССИЙСКАЯ СОЦИАЛИСТИЧЕСКАЯ ФЕДЕРАТИВНАЯ СОВЕТСКАЯ РЕСПУБЛИКА И ГРУЗИНСКАЯ ДЕМОКРАТИЧЕСКАЯ РЕСПУБЛИКА. ИХ ВЗАИМООТНОШЕНИЯ». Москва. Государственное Издательство. 1922 г. 101 стр.

Книжка составлена по официальным материалам Народного Комиссариата Иностранных Дел Р. С. Ф. С. Р. Анонимный автор книги приводит в изобилии договоры, рисующие отношения, которые складывались между Р. С. Ф. С. Р. и Г. Д. Р. со времени договора

заключенного в Москве 7 мая 1920 г. представителями России и Грузии, и вплоть до торжества в Грузии советской революции в марте 1921 года. К этим интересным, до сих пор не опубликованным, документам автор прибавляет только самые необходимые пояснения.

Приводимые в книге документы ярко рисуют те усилия, которые употребляла Советская власть в Москве и через своих дипломатических представителей Грузии для того, чтобы установить добрососедские отношения с меньшевистским правительством Грузии. С другой стороны, они ярко рисуют ту вызывающую политику, которую вело грузинское правительство, руководимое ненавистью к пролетарской революции, к коммунизму, и вместе с тем и своей угодливостью по отношению к западно-европейским империалистам и к их креатурам—белогвардейским генералам.

Опубликованные в книжке документы рисуют, например, ту своеобразную «блокаду», которой грузинские меньшевики подвергли советское представительство в Тифлисе, арестовывая без всяких причин всех, кто по делам посещал это представительство. 7 мая 1920 г. был заключен мирный договор между Россией и Грузией, а уже 28 июля того же года советский представитель т. Киров должен был обратиться к грузинскому правительству с протестом по поводу этих арестов. Через несколько дней он должен был повторить этот протест, но и на этот раз его нота не дала никаких результатов. Наоборот, не удовлетворяясь арестами лиц, приходивших в представительство, грузинская охранка, руководимая бывшим царским приставом Кедия, начинает арестовывать и русских подданных, служащих в советской миссии. Она дошла, наконец, до ареста целого поезда с сотрудниками русской советской миссии в Армении, когда этот поезд стоял в Тифлисе.

С другой стороны, опубликованные документы рисуют ту помощь, которую оказывало грузинское правительство различным врангельским генералам и другим контр-революционерам, которые из Грузии или с помощью Грузии организовывали восстания на Северном Кавказе. Получая от Советской России нефтяные продукты по чрезвычайно низкой цене, грузинские меньшевики продавали эти продукты агентам Врангеля для нужд последнего. Они сквозь пальцы смотрели на то, как в Грузии производится набор добровольцев в отряды Врангеля и других белогвардейцев. Вот, например, письмо врангельского уполномоченного в Тифлисе генерала Туманова помощнику батумского генерал-губернатора генералу Гедеванову:

«Дорогой Шакро. Я — председатель комитета содействия изгнанию большевиков из Терской области и Северного Кавказа. У нас там большие связи и приготовления к восстанию. Правительство Грузии об этом знает, и я даже представил ему список деятелей. Нам необходимы спешно деньги, и я сегодня посылаю через французов радио на имя Врангеля. Вместе с тем посылаю Врангелю через дежурного генерала прилагаемый пакет. Прошу тебя оказать огромную услугу и оказать содействие поручику М. Б. для передачи почты командиру или капитану парохода «Возрождение». В свою очередь, и Грузии будет оказана большая услуга тем, что Крым пришлет Грузии хлеб, который мы здесь продадим. Хлеб будет прислан в количестве от 40 до 60 тыс. пудов. Ввиду важности получения нами денег, а Грузией хлеба, я позволяю тебя утруждать и надеюсь, ты постараешься скорее исполнить мою просьбу. Твой К. Туманов».

Читая документы, опубликованные в книжке, приходится изумляться тому долготерпению, с которым Советская Россия относилась к этой вызывающей и резко враждебной политике грузинских меньшевиков. Книжка является поэтому хорошим ответом на ту клевету, которую так обильно распускают против Советской России за границей бежавшие туда после торжества революции в Грузии грузинские меньшевики.

Н. Мещеряков.

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ НАУКИ И НАРОДНОЕ ХОЗЯЙСТВО.

А. ДЕМАНЖОН. Экономический упадок Европы. Перевод с французского с предисловием проф. Юровского. Книгоиздательство „Берег". Москва 1922 г. Стр. 88.

Книга А. Деманжона,—преподавателя географии в Сорбонне,—в живой и яркой форме изображает процесс перемещения центра тяжести мирового хозяйства из Европы в Америку, еще усугубляемой для Европы быстрым расцветом капитализма в Азии. За время войны и первые два года после войны совершился факт кардинальной важности: западная Европа утратила экономическую гегемонию над миром.

Деманжон, собственно говоря, почти не касается Европы. Кроме первой главы, вся его книжка посвящена не Европе, а описанию «двух явлений, развитие которых серьезно угрожает экономическому могуществу Европы», — колоссальному расширению производства в Соединенных Штатах и Японии и быстрому развитию промышленного капитализма в молодых странах, из которых автор останавливается на государствах Южной Америки.

Перед читателем проходит ряд ярких картин почти сказочного роста промышленности Штатов и Японии в короткий, но роковой для истории человечества период с 1914 до 1919 года.

Развертывается грандиозный процесс вытеснения Европы с азиатских, американских, австралийских и даже европейских рынков стремительным натиском американского и японского капитала.

Пробуждаются для промышленной жизни полуколониальные—Бразилия и Аргентина.

Европа проиграла мировую войну. Она утратила владычество над миром. Как в свое время арена мировой истории перешла с берегов Средиземного моря на берега Атлантического океана, так теперь она начинает переноситься на берега Тихого океана.

По выражению Валери, «Европа станет тем, что она есть в действительности, т.-е. маленьким мысом азиатского материка».

Конечно, Деманжон справедливо считает такой пессимизм преувеличенным.

В предисловии к книге проф. Юровский указывает на то, что с 1920 года, когда была написана книга Деманжона, положение Европы в мировом хозяйстве по отношению к Америке и Японии несколько улучшилось.

Деманжону в 1920 году позволительно было не предвидеть, что за свой триумф над скованной войной и разоренной Европой, Штатам и Японии придется расплачиваться грандиозным кризисом.

По проф. Юровскому, который в 1922 году писал для русских читателей предисловие к книге Деманжона, следовало бы несколько остановиться на этом обстоятельстве.

Переведена книга плохим русским языком. На стр. 51-ой помещена совершенно искаженная, а потому непонятная таблица, касающаяся внешней торговли Японии.

Тем не менее, книжку Деманжона можно вполне рекомендовать самому широкому кругу читателей.

Проф. С. Членов.

ПРОФ. Е. ВАРГА. Проблемы экономической политики при пролетарской диктатуре. Пер. с нем. под ред. Г. И. Крумина. Гос. Изд. М. 1922. Стр. 145 [1]).

Давно следовало издать перевод этой превосходной книги. И уже давно следовало бы ввести ее в качестве необходимого пособия в наши партийные и советские школы.

Некоторые товарищи полагают, что, по крайней мере, временно, мы должны «снять» экономику переходного времени со всех учебных программ и планов, что теперь, в связи с новой экономической

[1]) Во второй книге нашего журнала за прошлой год была помещена рецензия тов. Ш. Дволайского на немецкое издание этой книги (стр. 123).

политикой, мы должны вновь усилить изучение экономики капитализма, и что мимо экономической политики социализма позволительно пройти с усмешкой сострадания и раскаяния в «ошибках молодости».

Правильна ли такая точка зрения?

Она правильна, поскольку мы хотели бы, несмотря ни на что, сохранить в учебных программах описание структуры В. С. Н. Х., его многочисленных главков и центров, их взаимоотношений и функций, как все это сложилось, скажем, в 1919 или в 1920 годах.

Она правильна, если вопросы экономической политики при пролетарской диктатуре будут трактоваться догматически, если будут строиться взятые из головы абстрактные схемы и вырабатываться новые и новые бумажные планы.

Но она совершенно неправильна, если дело идет об изучении и оценке прошлого опыта советских республик.

Когда к такой задаче приступает человек, соединяющий близкое знакомство с этим опытом, превосходную теоретическую подготовку и незаурядную литературную талантливость, то получается такая ценная во всех отношениях работа, как рецензируемая книга тов. Варги.

Венгерская Советская Республика существовала всего 4½ месяца. Но, однако, даже такой кратковременный опыт социалистического строительства, продуманный и теоретически освещенный тов. Варгой, дал до чрезвычайности много.

Книга писалась в тяжелых условиях. После подавления Венгерской Советской Республики тов. Варга, избежавший свирепого белого террора, был засажен в Австрии в замок Карлштейн. Здесь он «на досуге» обдумывал свою книгу. В его распоряжении почти не было книг и совсем не было статистических материалов. Все приходилось восстановлять на память. О строительстве, как оно протекало в России, доходили только скудные известия.

Тов. Варга оговаривается, что в результате таких условий работы в его книге «много мелких неточностей». Конечно, я не знаю, каковы, эти неточности в данных, касающихся Венгрии. Но в том, что говорится о России,—а о ней говорится много и часто,—я заметил только две-три ошибки, да и те, действительно, не имеют существенного значения. Прямо изумительно, как верно и ясно представляет себе тов. Варга задачи и деятельность главных экономических органов Р. С. Ф. С. Р.

Я отнюдь не хочу, чтобы тов. Варга получал «досуг» для дальнейшей литературной деятельности в таком же порядке. Для меня ясно, что, если бы деятельность тов. Варги в качестве председателя В. С. Н. Х. Венгерской Советской Республики продлилась дальше, вместо того чтобы прерваться интернированием в Карлштейне, мировая революция выиграла бы бесконечно больше, чем от десятка таких книжек. Тем не менее, нельзя не признать, что особые условия написания этой работы в некоторых отношениях пошли ей на пользу. Среди повседневной сутолоки и неизбежных отрывов никогда не получилось бы такой глубоко продуманной, стройной, особо проникновенной работы, чуждой всего мелкого и мелочного, кристаллистически ясной и чистой.

Русские читатели должны читать и *изучать* ее. Благодаря постоянным параллелям между Венгрией и Россией, книга тов. Варги дает нечто значительно большее, чем учет венгерского опыта, и нечто большее, чем учет российского опыта. Теоретически перерабатывая этот опыт, тов. Варга дает отчетливое представление о тех пробелах, перед которыми *во всякой* стране станет пролетариат, захвативший политическую власть в свои руки. И не только о проблемах, но и о том, каким образом следует подходить к ним, какие разнообразные условия учитывать при их разрешении.

Мы сумели много использовать из опыта Парижской Коммуны, не только из положительного, но и из отрицательного опыта: мы не повторили ее ошибок. Тов. Варга дает возможность использовать и опыт, проделанный пролетарской диктатурой в Венгрии. И опять мы найдем здесь много поучительного как с положительной, так и отрицательной стороны. Более того: мы яснее, отчетливее поймем свои собственные промахи и ошибки, притом относящиеся не к какому-нибудь 1918 или 1919 году,

доисторическим временам,—а к области совсем свежей, *т кущей практики.*

Глубокая ошибка, будто вопросы экономики переходного времени канули в прошлое. Книга тов. Варги способна убедить в противоположном. Он так ставит вопросы, — можно сказать, *все* вопросы, поднимающиеся перед пролетариатом-диктатором,—что его книга не только глубокий рассказ о том, как строилась экономика в Советской Венгрии 1919 года, но и пособие для всех, кто хочет сознательно отнестись в экономическим задачам, которые приходится разрешать в Советской России 1922 г.

Книга тов. Варги способна оживить падающий интерес к вопросам пролетарского строительства. Она способна заставить нас перетряхнуть тот хлам, которым мы начинаем обрастать. Она может напомнить нам, что партии Третьего Коммунистического Интернационала следует вновь и вновь ставить перед собою вопросы борьбы за коммунизм и продвижения к коммунизму, как *практическую задачу.*

Я не сравнивал перевода с оригиналом, но за исключением небольших шероховатостей в одном-двух местах, он очень литературен, легок и, судя по всему, хорошо передает не только мысли, но и те особенности книги, которые отмечены выше.

Пусть только книга дойдет до читателей. Раскрыв ее, они уже не расстанутся с нею, пока не дойдут до конца.

И. Степанов.

Р. АРСКИЙ. Промышленное положение Советской России и перспективы товарообмена. Госиздат. Петербург 1921 г. 44 стр. Отпечатано 20.000 экз. Ц. 35 руб.

Р. АРСКИЙ. На распутьи. (К современной организации хозяйства в Германии). Госиздат. Петербург 1921 г. 56 стр. Отпечатано 10 тысяч. Цена не обозначена.

Первая книжка Арского, написанная в 1920 году и только теперь появившаяся в свет, имеет сейчас исторический характер. Автор пишет: «На ближайший год все построено на разверстке». — Но разверстка уже ушла в прошлое и ближайший год зависит не от разверстки, а от продналога...

Цифры, которые приводятся в книжке, тоже способны вызвать досаду. Так, например, оптимизм относительно топливного баланса, который имел место в конце 1920 года, был жестоко разбит весенней действительностью 1921 г. Книжка т. Арского вызывает досаду своей ненужностью. Это недурной популярный обзор, годный для того, чтобы быть своевременно напечатанным в книжке журнала но зачем понадобилось его издавать отдельной брошюрой и с таким опозданием, положительно непонятно.

Больший интерес представляет вторая книжка, касающаяся современной организации хозяйства Германии. Но и она тоже в значительной мере появляется с опозданием. Цифры, характеризующие хозяйство Германии, относятся к 1920 году, между тем цифры 1921 года в значительной мере меняют как тенденции развития германской промышленности, так и те выводы, которые можно сделать о дальнейших судьбах народного хозяйства Германии.

Основным, наиболее важным фактором последствий для Германии, вытекающих из Версальского мира, является лишение побежденной Германии ее запасов и источников сырья и топлива, что предрешает невозможность для нее оправиться после военного разгрома.

Этот момент понятен всем в Германии. Поэтому к вопросу о регулировании германской промышленности в связи с острым недостатком сырья и топлива стали всерьез подходить как рабочие круги, выдвинувшие социализацию промышленности, так и капиталисты и промышленники, которые поставили вопрос о трестировании промышленности.

Автором и наиболее активным защитником второго течения явился Гуго Стиннес, крупнейший и энергичнейший из современных деятелей Германии. Он выдвинул лозунг, что регулирование германской промышленности должно проводиться «не государственными органами, а самими объединившимися капиталистами».

Значительная часть книжки Арского представляет изложение, по данным гер-

манской прессы, процесса трестирования германской промышленности на основании идеи Стиннеса. Эта часть книжки представляет несомненный интерес. В Германии уже в 1920 году рассматривали эту нарождавшуюся тенденцию «как спасение и выход из промышленного тупика и чуть ли не государственный социализм».

Организационно это вылилось в образование трестов — т. н. трестирование в вертикальном направлении и концентрация производства по горизонтали. Под вертикальным трестированием следует понимать такое углубление и восполнение производственного процесса, при котором возможно большее количество ступеней производственного процесса, начиная с сырья и кончая готовыми фабрикатами, объединяется в одних руках, в то время, как горизонтальное трестирование состоит в связывании однородных ступеней одного и того же производства, т.-е. расширение производственного базиса. При образовании больших «концернов», какой, например, организован самим Стиннесом, оба эти принципа соединяются.

По мнению авторов трестирования, оно должно дать возможность съэкономить в должных и необходимых размерах потребление сырья и топлива, что в известном смысле продолжает то, что было начато во время войны, тот своеобразный «государственный социализм», который спасал Германию от развала.

Книжка Арского — «На распутьи» заслуживает того, чтобы ее прочитали.

Вл. Виленский (Сибиряков).

Д-р Н. А. ВИГДОРЧИК. Статистика профессионального травматизма. Теория и практика социального страхования, выпуск 6-ой. Издание «Книга», Петербург—Москва 1922 г. Стр. 104. Цена не обозначена.

Н. А. Вигдорчик, крупнейший русский теоретик в области социального страхования, разрабатывающий эти проблемы уже более 15 лет и издавший ряд солидных работ и отдельных статей на эти темы, предпринял сейчас издание общей серии под названием «Теория и практика социального страхования». Каждый выпуск представляет собою совершенно самостоятельное целое, и потому отдельные выпуски вполне могут появляться в свет независимо от их порядкового номера в серии. Первые два выпуска («Теоретические основы социального страхования» и «Страхование на случай болезни в Зап. Европе») прорецензированы мною в другом месте [1]).

Выпуск 6-ой представляет собою дополненное и отчасти переботанное издание, появившееся в 1913 году и пользовавшееся тогда вполне заслуженной известностью книги того же автора «Опасность промышленного труда». Вся работа основана на внимательном анализе статистики несчастных случаев с рабочими обработанной в 1897 и 1907 годах германским имперским страховым бюро. Основная заслуга книги, однако, не в приведенном автором богатом материале, а в детальной разработке вопросов методологии изучения профессионального травматизма статистическим путем. При этом автор знакомит с сравнительно новыми, в значительной мере впервые непосредственно разработанными им методами трудовых потерь общества в рабочей силе вследствие несчастных случаев, вызываемых промышленностью.

Рассматривая изменение коэффициентов травматизма во времени, автор приходит к выводу, что опасность промышленного труда с течением времени падает. Вывод этот имеет особо важное значение сейчас, когда в условиях послевоенной промышленной разрухи во всех странах наблюдается обратное явление — явное увеличение числа несчастных случаев.

Исследуя влияния различных производственных и социальных моментов на профессиональный травматизм, Вигдорчик приходит также к весьма интересным выводам, из которых основными являются следующие: 1) Обычное представление, что самыми опасными производственными моментами являются механические приспособления или исполнительные механизмы, неверно. Гораздо

[1]) «Вестник Труда» (орган В. Ц. С. П. С,) 1922. № 3—4.

опаснее те отрасли промышленности, в которых машинный труд не преобладает горная, извозная, судоходство, каменоломни и т. д.). «И даже в машинном производстве, — говорит автор, — непосредственным источником главной массы несчастных случаев является вовсе не машина, как таковая, а вся совокупность процессов производства, которые группируются около машины, как около центра. Добывание сырых материалов, подвоз их к машине, транспортировка полуфабрикатов от одной машины к другой, наконец, перевозка готовых продуктов—все это в общем неизмеримо опаснее, чем непосредственная работа самой машины. Не машина, как техническое понятие, а машина, как социально-экономическая категория—вот первоисточник современного профессионального травматизма».

2) Особо серьезное влияние как на распространение, так и на тяжесть промышленного травматизма имеет утомление рабочих. Поэтому в борьбе с несчастными случаями не меньшее, а быть может и большее значение, чем чисто технические мероприятия, в частности ограждение опасных механизмов, имеют мероприятия социального характера. На первом месте здесь стоит проведение соответствующих законодательных мер в области охраны труда. (Не чрезмерно длинный рабочий день, запрещение сверхурочных и устранение ночных работ, проведение отпусков для рабочих и т. д.) Вслед за этим идут такие мероприятия, как установление правильного промышленного контроля и инспекции труда, подъем общего культурного уровня рабочих и в особенности их профессионально-технической подготовки.

Книга Вигдорчика дает очень много каждому интересующемуся более углубленно проблемами охраны труда, а также и страхования от несчастных случаев. Книга написана доступным живым языком и, несмотря на обилие таблиц, вследствие весьма детального и умелого пояснения их в тексте, с удовольствием будет прочтена и не специалистом, с уровнем среднего профработника.

Единственное, в чем можно было бы упрекнуть автора, это неиспользование им весьма интересных статистических материалов, которые давали в своих ежегодных отчетах за период приблизительно 1913 — 1917 г.г. русские страховые товарищества.

С. Каплун.

С. КАПЛУН. Охрана труда и ее органы. Госиздат. 1922. Стр. 499.

Появление 2-м изданием тома в 500 страниц, посвященного вопросам охраны труда, свидетельствует о живом интересе к этой области советской и профессиональной работы. И в военный период Советской России охрана труда имела огромное, к сожалению, недостаточно признанное значение.

Без надлежащей охраны труда и улучшения его условий не может быть повышения производительности. Это положение никогда не теряло своей силы. И чем сильнее истощение страны, чем ограниченнее запасы рабочей силы, тем большее значение имеет рациональное и бережное ее расходование, предотвращение излишнего расточения рабочих усилий. В период всеобщей национализации промышленности охрана труда была органической частью организации труда. В настоящий период временного отступления, когда возрождающийся капитализм носит особенно хищнический характер, приобретая черты эпохи первоначального накопления, когда выползающие из нор мелкие хозяйчики норовят конкурировать с государственной промышленностью путем повышенной эксплотации рабочей силы, вопросы охраны труда становятся основным стержнем профессионального движения и одной из важнейших задач государства. В то же время власть в руках пролетарского государства дает в этой области возможности, отсутствующие на Западе, открывает пути для интенсивной творческой работы. Мы разработали единственное в мире по полноте и размаху социальное законодательство. Но хозяйственная разруха, потребности фронта и т. п. далеко не все позволили провести в жизнь. Добиться осуществления всего объективно возможного в национализированной промышленности, давлением

государства и непосредственной борьбой отвоевать возможно больше у частного капитала—это одна из благодарнейших задач русского пролетариата. Ознакомить с этим вопросом широкого читателя, дать некоторые теоритические основы и практические указания для многочисленных кадров практических работников по охране труда—вот задача книги тов. Каплуна, приобретающей характер незаменимого руководства в этой области.

Одновременно она имеет значение и для международного пролетариата. Мы и не подозреваем, какой огромный интерес существует на Западе к нашему социальному законодательству и методам проведения его в жизнь. Международное Бюро Труда при Лиге Наций учредило особый отдел, специально занимающийся изучением условий труда в Советской России, и выпускающий по этому вопросу толстые книги, а с 1922 г. и 2-недельный бюллетень. Рабочие массы жадно прислушиваются к каждому нашему достижению в этой области,— наши враги так же жадно ловят и раздувают каждое отступление, каждую неудачу. А между тем толстому тому Бюро Труда мы до сих пор не могли противопоставить исчерпывающей работы о наших достижениях и задачах, о подробностях той гигантской творческой работы, которая идет во всех уголках страны.

Книга Каплуна в значительной степени восполняет и этот пробел, давая богатейший материал как для практических работников по охране труда, так и для широких кругов сознательных рабочих.

Эта книга является основательно переработанным курсом лекций, прочитанных автором на курсах по подготовке инспекторов труда в 1919 г. Печатание 2-го издания продолжалось $1^1/_2$ года, что, разумеется, изрядно отразилось на содержании многих отделов книги, не поспевших за быстро изменяющимися событиями нашей жизни и, в особенности, за нашей обычной организационной чехардой.

Вступительная лекция дает исторический обзор положения труда в развитии общества, своего рода краткую политическую экономию и историю культуры. Для подготовленного читателя она является, пожалуй, излишней, сохраняя свое значение для массы местных работников.

Во 2-ой лекции дается определение охраны труда—более широкое, охватывающее почти всю экономическую борьбу пролетариата, и обычное узкое, главным образом физиологическое, т.-е. охрану организма работника от вредностей и опасностей производственного труда. Приведя характерные цифры смертности и заболеваемости разных слоев населения, в особенности распространение туберкулеза, отметив сокращение продолжительности жизни пролетариев, физическое вырождение рабочей молодежи и ослабление производительной способности работниц, автор намечает основные задачи охраны труда — сокращение рабочего дня, защиту физиологических слабых элементов пролетариата—женщин и детей, наконец, общее улучшение условий труда, гигиеническое и техническое оборудование места работы, улучшение жизненных условий, питания, устранение специальных вредностей производственного процесса и т. д.

Затем автор дает картину развития охраны труда и социального законодательства на Западе, начиная с первых попыток государственного вмешательства в Англии начала XIX века и кончая современной борьбой за 8-часовой рабочий день и начатками международной охраны труда. Автор до конца вскрывает роль государственной охраны труда в капиталистическом обществе, как предохранительного клапана рабочего движения, и рисует перерождение ее в развитом социалистическом обществе в одну из сторон оздоровления труда и защиты организма рабочего от вредностей. Одновременно выявляется необходимость и задачи охраны труда в переходный период, в частности у нас в Советской России.

3-я лекция дает любопытную картину охраны труда (в кавычках) в царской России. На основании мало доступных для широкой публики материалов раскрывается характерная картина условий труда и фабричного быта XIX века, зачатки русского рабочего движения,

чахлое законодательство и бесславная история фабричной инспекции, от либеральных мечтаний быстро перешедшей к предотвращению рабочих волнений и чиновнической защите хищнического российского капитализма.

4-ая лекция освещает малоразработанную, но крайне характерную страницу в истории охраны труда в России—проекты правительства Керенского по реорганизации фабричной инспекции и др. законодательные материалы, ограничивающиеся либеральными реформами, там, где нужна революция, как огня боящиеся рабочих организаций и сложной системой палат труда, паритетных комиссий и т. п., пытающихся примирить классовые противоречия. К счастью, всем этим проектам не суждено было осуществиться. Автор подробно останавливается на образцах, с которых были сняты эти жалкие копии—на постановке фабричн. инспекции на Западе. Подробный обзор по странам, в особенности эволюция когда-то славной фабричн. инспекции Англии, классовый ее состав и т. п., дают ясное представление о фиктивности зап.-европ. надзора по охране труда. Лекция об органах охраны труда в Советской России, несмотря на коренную переработку во 2-м издании, во многом устарела. За это время охрана труда успела радикально изменить свои формы, перейдя в полное ведение профсоюзов и снова, с некоторыми вариациями, вернуться к прежней организационной связи с Народным Комиссариатом Труда.

Кроме того, эта глава, излагающая конструкцию отделов охраны труда в центре и на местах, бесконечные слияния и размежевания, секции и комиссии, инструкции и циркуляры, в значительной мере носит чисто ведомственный характер. В свое время представляя ценность для практических работников, она устарела еще до выхода книги в свет и лишь нарушает ее общую конструкцию. Значительно ценнее изложение организации и задач инспекции труда, выборного рабочего органа, являющегося становым хребтом нашей деятельности по охране труда. И хотя книга и не охватывает новых задач инспекции в связи с развитием частных предприятий и вообще «Нэпом», она все же остается незаменимым практическим руководством для начинающих свою деятельность инспекторов труда.

Следующие главы имеют более широкий интерес, в ясной популярной форме давая научное обоснование основным требованиям охраны труда. Всесторонне освещен вопрос о рабочем времени, изложена сущность утомления и физиологические доказательства необходимости 8-часового рабочего дня. Ряд ярких примеров показывает увеличение производительности труда при сокращении рабочего дня. Попутно дается картина борьбы за 8-часовой рабочий день на Западе и методы его проведения в России, формы надзора, борьбы с сверхурочными и т. д. Вопрос этот вовсе не потерял своей злободневности, как на Западе, где вокруг него идет как раз теперь ожесточенная борьба, так и в России, где частный капитал всячески пытается прорвать 8-часовой рабочий день. Подробно разработаны также вопросы о ночном труде, сокращении рабочего времени во вредных производствах, еженедельном отдыхе и отпусках.

Прекрасно разработанным отделом книги являются также главы о женском и детском труде. Ряд интереснейших цифр дают представление о росте их применения, повышенной заболеваемости женского и детского организма, влияние труда, в особенности работы с ядовитыми веществами, на производительную способность и на детей рабочего класса. Выводом из этой мрачной картины является не экономически невозможные и реакционные ограничения женского труда, а лишь особая его охрана ради интересов как самих женщин-работниц, так и будущих поколений.

Подробно освещено соответствующее западно-европейское и советское законодательство, методы проведения его в жизнь и задачи культурно-просветительной работы. Для работы среди женщин эта глава дает неисчерпаемый материал. Подробно основана необходимость ликвидации детского труда и трудности, встающие при снятии малолетних с работ и ограничении рабочего времени подростков. Затронуты также вопросы профессионального образования и со-

циального обеспечения подростков, точно так же, как вопрос о привлечении к работе по охране труда самой рабочей молодежи путем организации института так наз. ассистентов инспекторов труда из рядов Р. К. С. М.

Менее подробно разработан крайне важный для рабочих масс *жилищный вопрос*. Все же на ряде данных освещена связь между жилищем, где рабочий проводит $^1/_2$ своей жизни, и здоровьем. Ярко подчеркнуто влияние жилища на распространение туберкулеза, заразных болезней и детскую смертность. Одновременно дается ряд практических указаний к осмотру рабочих жилищ и хотя бы некоторому улучшению их состояния. Намечена и более широкая, к сожалению, пока у нас почти неосуществимая программа мероприятий к разрешению жилищного кризиса путем планомерного строительства рабочих жилищ.

Пробелом является отсутствие данных о состоянии рабочих жилищ в России, а также послевоенных мероприятий к разрешению жилищного кризиса на Западе.

Большая глава о санитарной охране труда дает краткое изложение основ профессиональной гигиены, науки о влиянии промышленного труда на здоровье, вызываемых отдельными профессиями специфических заболеваний и методах борьбы с професс. вредностями—физической тяжестью труда, нервной напряженностью, высокой температурой, чрезмерной влажностью, сухостью или загрязненностью воздуха, основными профессиональными ядами (свинцом, ртутью, мышьяком) и т. д.

Отдельно освещена борьба с несчастными случаями в производстве. Помимо изложения обязанностей и возможностей инспекторовтруда в этих областях, освещена организация специальной технической инспекции для наблюдения за техникой безопасности и санитарной инспекции из специализировавшихся в области профессиональной гигиены врачей.

Вкратце изложена история русской общественной медицины, сложные формы взаимоотношений специальных инспекторов труда с рабочей инспекцией и особенно важный вопрос о медицинской помощи рабочему населению. Несколько бегло освещен переживший большую историю вопрос о роли профсоюзов в работе по охране труда и комиссиях по охране труда на предприятиях, являющихся средством вовлечения в эту работу самих пролетарских масс.

Глава о социальном обеспечении, во втором издании коренным образом переработанная, все же успела за время печатания книги устареть и в значительной мере потерять свой интерес. «Нэп» вызвала новое изменение форм социального обеспечения, приближающихся к типу первых лет революции. Поэтому организ. задачи встают под совершенно другим углом. Несмотря на ряд ценных материалов, практических работников эта глава может теперь лишь запутать, а для широкого читателя она слишком суха.

Ценным, хотя и не достаточно разработанным по сравнению с значением в настоящий период, является изложение задач инспекции в мелкой и домашней промышленности, а также многочисленных организационных и культурно-просветительных задач. В приложении дан ряд важных законодательных материалов и ценнейший библиографический указатель, где добросовестно собраны почти неизвестные широкому читателю книги и журнальные статьи по вопросам охраны труда и смежным областям.

Краткое изложение не может, разумеется, дать представления о всем богатстве фактического материала, содержащегося в книге т. Каплуна. В общем, эта книга разделяет все достоинства и недостатки работ, написанных активным практическим работником в соответствующей области, к тому же области, совершенно у нас новой, где приходилось творить новые формы и методы. Эта связь автора со всей организацией постановки охраны труда в Советской России связывает все теоретические вопросы с текущим опытом работы, дает книге живой практический характер. Но, с другой стороны, этот же характер книги, написанной между делом, вызывает известную неотделанность, иногда

спешность и небрежность обработки. И если грубые стилистические промахи 1-го издания во 2-м сглажены, то все же осталась неустраненной пестрота и спешность всего построения книги. Отделы, представляющие самый широкий и глубокий интерес, перемежаются, иногда весьма некстати, с ведомственным материалом, гораздо более узкого характера, к тому же неизбежно стареющим. Это же вызвало чрезмерное разбухание, кое-где разводнение книги, которая в более компактном и сжатом виде была бы ярче, доступнее для пользования, и гораздо лучше запечатлевалась в памяти.

Но эти недостатки, в большем или меньшем объеме свойственные всей солидной литературе наших бурных, быстро сменяющихся дней, не могут ослабить значения этой книги. Она остается у нас единственным руководством в одной из важнейших областей рабочего движения, итогом 4-летней кипучей революционной работы, опыт которой стоит десятилетий мирного развития.

М. Рубинштейн.

Проф. К. Н. МИРОТВОРЦЕВ. Статистика. Краткий курс лекций, читанных в Иркутском госуниверситете. На правах рукописи. Иркотделение Гиза. Иркутск 1921. 3.000 экз. Стр. 112 и 6 таблиц. Ц. 27 р.

Книга проф. Миротворцева представляет собой вполне грамотное введение в статистическую науку. Ничего нового там читатель не найдет, но здесь вообще предполагается, конечно, читатель, для которого все в статистике ново. Недурно изложена история и методология в границах воззрений, главным образом, Янсона и Чупрова, сообщены и математические основы, хорошо рассказано об организации наблюдения. Таким образом мы полагаем, что для первоначального ознакомления со статистикой книга проф. Миротворцева годится вполне. Вопрос в том, можно ли сейчас излагать статистику так, как ее когда-то излагал Янсон, и какой смысл такого изложения, когда теперешний статистик мог бы сразу ввести читателя в сферу математических обоснований. Нужны ли вообще сейчас изложения взглядов Зюссмильха и Рюмелина и даже Кетле, взглядов, несомненно, исторически-интересных, но сейчас не имеющих никакой реальной ценности и не выдерживающих и поверхностной критики как со стороны статистического метода, так — а это особенно важно для начинающего, ибо статистика есть логическая дисциплина— и со стороны гносеологической. Нам кажется также совершенно излишней глава о дисперсии. Недостаточная точность критерия Лексиса, который и с теоретической стороны не совсем благополучен, ряд парадоксов, вызываемых им (с уменьшением числа наблюдений увеличивается «устойчивость») парадоксов, из которых приходится выпутываться при сложном силлогизовании, которое вообще не должно быть свойственно естественной науке (к числу которых, как никак, приближается статистика), да, наконец, весьма основательная критика московской школы (Ястремский) не оставляет камня на камне в теории дисперсии (и на это ссылается проф. Миротворцев, оговариваясь, что за неимением литературы не имел возможности пересмотреть вопрос). Как бы то ни было, вопрос этот очень не ясен, и стоит ли его сообщать начинающему, когда рабочая польза установления «нормального» и других рассеяний вообще ничтожна. Мы вовсе не нашли в книге изложения Пирсоновских фрэкент и теории корреляции, (что автор объясняет тем, что не считал возможным излагать теорию корреляции «кратко в элементарной форме») (стр. 98). Однако всякий составитель «статистического учебника» ныне должен был бы себе представлять, что без правильного понимания постулатов корреляционного исчисления вообще немыслимо толковое оперирование с материалом. Кроме того, несомненно,—было бы много проще объяснить читателю механизм статистических явлений, исходя, напр., из поверхности распределения, линии регрессии, как некоторого объединения средних арифметических отдельных строев, из точного логического наполнения термина «коэффициент корреляции», из разницы между прямо и криволинейной регрессией и т. д. Познавательная ценность

Пирсоновских методов именно в том, что расплывчатые намеки на содержание метода у Рюмелина, скажем, им заменены точной и ясной формулировкой математической, которая с большой легкостью может быть выражена и логически. Все это придает книге проф. Миротворцева несколько «академический» в дурном смысле характер,—собирать сведения читатель научится, оперировать с ними ему придется учиться самому, а именно это-то и задерживало до сих пор развитие нашего метода.

Но во всяком случае надобно судить автора в соответствии с поставленной им себе задачей,—а то, что хотел сделать проф. Миротворцев, он сделал неплохо.

Издана книга самым безобразным об. разом.

С. П. Бобров.

Проф. В. В. ГОЛУБЕВ. Введение в математическую статистику. Издание Губсоюза (б. Крайсоюза). Саратов 1920. Стр. 94.

Книжка проф. Голубева составилась из лекций, читанных им на статкурсах при Саратовском Губстатбюро. Она составлена из введения, где излагаются основания теории вероятностей и самого курса (главы 2 и 3), исследования статряда (кривые распредения) и теории корреляции. Первые 65 страничек отданы изложению теории вероятностей и кривым распределения. На теорию вероятностей можно было бы отпустить значительно меньше места (автор математик, а не статистик, вот где разгадка этой нежности к теории вероятностей...), а об исследовании ряда можно было бы сказать лишь кое-что. Фактически вести серьезную работу по корреляции без основательного знакомства с фрэкентами (кривыми распределения) нельзя, но автор, надо думать, и не предполагает, что с его книжкой кто-либо начнет вести исследования. Практически же фрэкенты могут быть применены для грубых обследований очень редко. Кстати, автор говорит, что для знакомства с ними требуется знание высшей математики... а для чего в математической статистике оно не требуется? Дальше о тех фрэкентах говорится: «выравнивание стат. рядов имеет... и свои недостатки.., выравнивание стирает индивидуальные черты ряда, которые также могут представлять интерес для статистического исследования». Точка зрения эта прямо противоположна точке зрения статистической науки: ясное дело, что выравнивание делается не для затемнения предмета и говорить начинающему статистику о вреде выравнивания по меньшей мере странно. Глава о корреляции в большей своей части занята как раз изложением выравнивания линии регрессии линейным уравнением,—почему кривую распределения нельзя выравнивать, а линию регрессии можно, неизвестно. Табличка корреляции взята у Слуцкого. При выводе моментов почему-то опущены трапецоидальные поправки, благодаря чему коэффициент корреляции у проф. Голубева получается больше, нежели у Слуцкого. Ни одного слова не сказано о корреляционном отношении, что является важным пробелом. В общем же, помочь кому-нибудь вести практическую работу книжка проф. Голубева не может ни в каком случае, она годится для самого первоначального ознакомления, при наличии серьезных руководств. Но таких у нас, к сожалению, не имеется, исключая Слуцкого, которого нельзя найти ни за какие деньги.

С. П. Бобров.

Т. ЕФИМОВ. Кооперация. (К курсам по новой экономической политике). Казань 1921 г. Гос. Изд. Стр. 115.

В коротеньком предисловии говорится, что «настоящая статья (книжка) составлена из целого ряла статей автора, печатавшихся в разное время и в разных изданиях, с значительными дополнениями и изменениями. Глава о задачах новой кооперации написана специально. Цифровые данные взяты из разных источников кооперативной литературы» (стр. 3).

Автор слишком скромен. Не только «цифровые данные», но почти вся первая часть книжки есть простой пересказ «из разных источников кооперативной литературы».

Чтобы не быть голословными, остановимся хотя бы на двух «источниках»: на брошюре А. В. Меркулова—«Исторический очерк потребительской кооперации в России» (изд. Центросоюза из серии «Библиотека Кооператора») и на известной в кооперативных кругах книге С. Н. Прокоповича—«Кооперативное движение в России. Его теория и практика» (2-е изд. Совета Всероссийских кооперативных съездов 1918 г.). На стр. 12 брошюры А. Меркулова, в главе о зарождении и первом периоде потребительской кооперации, говорится: «Первый устав утвержден был в 1865 г.—рижского потребительского общества. С этой даты обычно и ведут начало потребительской кооперации в России. Мы, однако, с этим не можем согласиться. Еще до этого, в 1864 г., в Кыновском заводе, Пермской губ. возникла... потребительская организация... В 1866 году возникает уже семь обществ: Ревельское, Петроградское «Бережливость», Дерптское, Псковское, Харьковское, Перновское, Митавское». Т. Ефимов в главе о потребительской кооперации России вышеприведенную нами цитату из брошюры Меркулова пересказывает на стр. 11 так: «Первый устав рижского потребительского общества утвержден 24 октября (по Меркулову 23 октября, стр. 24 его брошюры) 1865 г.,—отсюда и пишется история кооперации. Но это не верно: первое рабочее потребительское общество организовалось в 1864 г. в Кыновском заводе Пермской губернии. В 1866 г. открылось: Ревельское, Петроградское «Бережливость», Дерптское, Псковское, Харьковское, Перновское, Митавское».

Несколькими строками выше Т. Ефимов буквально «списывает» у А. Меркулова следующее место из его брошюры: «появляется и литература специально по потребительской кооперации. С 1860 г. возникает журнальная литература (статья о рочдэльцах в «Современнике»). В следующем году выходит книга Ф. Г. Тернера («О рабочем классе и мерах к обеспечению его благосостояния»)... В половине десятилетия зарождается и газетная литература (начиная со статьи в «Северной Почте» в 1865 г.). В следующем пятилетии выходит уже целый ряд сочинений по кооперации: Пфейфера («Об ассоциации»), Муро («Задельная плата и кооперативные ассоциации»), Садовского (диссертация «О развитии рабочих ассоциаций, как меры государственного благоустройства»), Коллина (брошюра: «Социальное значение потребительских ассоциаций»). А на рубеже двух десятилетий в нашей кооперативной литературе выдвигаются три имени: Н. Зибера, написавшего в 1869 году первую книгу специально о потребительской кооперации («Потребительные общества»), А. Михайлова (Шеллера), издавшего отдельным солидным томом ряд статей по кооперации из «Дела» («Ассоциации») и Н. П. Баллина, выступившего с целой серией разнообразных брошюр и книг по кооперации». Все это в несколько сокращенном и искаженном («Северная Пчела» вместо «Северная Почта», «Потребительские общества» вместо «Потребительные общества») виде приводятся автором «Кооперации» без малейших ссылок на автора «источника».

Правда, в одном месте, на стр. 11—12, приводя таблицу возникновения потребительских обществ по годам, Т. Ефимов указывает, что «цифры позаимствованы у А. Меркулова, который, в свою очередь, позаимствовал у С. Н. Прокоповича», хотя последнее не совсем точно: цифры А. Меркулова несколько расходятся с цифрами, приводимыми С. Н. Прокоповичем в указанной нами выше его книге. Приводя вышеупомянутую таблицу, автор «Кооперации» разбивает ее на неодинаковые периоды лет, так же, как это сделано у А. Меркулова. Первый период 6 лет (1865—1870 г.г.), второй—10 лет (1871—1880), третий—11 лет (1881—1891), четвертый—6 лет (1892—1897), пятый—8 лет (1898—1905), шестой—9 лет (1906—1914) и седьмой—3 года (1915—1917).

Каждому периоду соответствует определенное количество возникших за данный период потребительских обществ. Когда это, на первый взгляд как бы произвольное, деление истории роста потребительской кооперации на периоды объясняется у А. Меркулова в отдельной главе его брошюры (мы не касаемся здесь сущности этих объяснений), Т. Ефимов, ограничиваясь голым «позаимствованием»

таблицы, уверяет читателей, что «приведенные цифры не нуждаются ни в каких комментариях: они ярко говорят о подъеме, росте и падении кооперативного движения в зависимости от политических условий» (стр. 12). Если комментарии не нужны автору, то рядовому работнику кооперации, сельскому «курсанту» (книжка ведь называется «К курсам по новой экономической политике и сельской кооперации») едва ли все будет «ярко».

Пользуясь вторым, указанным нами, источником, книгой С. Н. Прокоповича, Т. Ефимов, называя ее несколько раз не точно «*Историей* кооперативного движения», применяет тот же метод простого пересказа и «списывания», как и у А. Меркулова.

Увлекшись «позаимствованиями» из книги Прокоповича, автор на стр. 26 своей книжки обнаружил конфузное для него неумение «даже» «позаимствования».

Приведя здесь со стр. 160-й книги С. Прокоповича одну таблицу открытых, закрытых и действующих на протяжении ряда лет кооперативных товариществ, Т. Ефимов разбивает ее на *две* таблицы и заявляет: «при сравнении данной таблицы с *приведенной выше* выясняется, что % закрывшихся товариществ всех типов равняется 45,9%, тогда как из городских закрылось только 24,4%».

Когда С. Прокопович *то же самое* (и здесь автор «списал») говорит на стр. 161 своей книги, то у него имелась в виду под словами «приведенная выше» *другая* таблица, помещенная на стр. 132 и не «позаимствованная» Т. Ефимовым. В результате у него «списанный» из книги Прокоповича процент закрытых городских товариществ (24,4%) отнюдь не «выясняется» из «приведенной выше» таблицы. Получился для автора маленький конфуз.

Еще один пример искажения «позаимствованных» у Прокоповича мест. На стр. 29—30 «Кооперации» Т. Ефимов пишет: «Законом 21 июля 1910 г. царское правительство радетелям торгашества бросило подачку: выдало 20 милл. рублей из действительно народных средств, собиравшихся государственными сберегательными кассами, и *десятую часть процентных доходов этих касс*». Эту фразу Т. Ефимов переделал из примечания на стр. 140 книги Прокоповича: У последнего говорится: «По закону 21 июня 1910 г. для образования и увеличения основных капиталов учреждений мелкого кредита из сумм государственных сберегательных касс отчислено 20 м. р.—10% *ежегодного прироста вкладов*».

Подчеркнутые нами места говорят о двух различных вещах.

Не станем далее останавливаться на «операциях» Т. Ефимова над книгой С. Прокоповича. Приведенные примеры довольно ярко характеризуют метод работы автора «Кооперации», называющего себя на стр. 72 «экономистом-финансистом».

Не будем также приводить другие «источники», которыми «пользовался» автор. Перейдем к его *собственным* мыслям, которые изложены в 3-й части «Кооперации»—«Кооперация в новой экономической политике» — глава, написанная «специально», как указано в предисловии.

Насколько автору легко и просто было пользоваться «позаимствованиями» «из разных источников кооперативной литературы», настолько для него трудно и мучительно творить собственные мысли. И в результате этого творчества получается следующее: «что означают «хорошая политика и хорошая экономика» в условиях великой российской социальной революции и российского расслоения классов,—в революции, взявшей курс на мировую социальную революцию?»—громогласно вопрошает он сам себя на стр. 49. И тут же отвечает: «Это должно означать политическое уменье *учесть и спаять не словами, а делом средства, интересы и цели трудовых масс, хотя и различных по своей классовой природе* (курсив автора), но одинаково страдавших от эксплоатации и деспотизма привилегированных классов. Это должно означать уменье *свести трудовой баланс к интересам личности и общества* (курсив автора) в интересах государственного централизма, основанного на точном понимании «экономического материализма» (стр. 49). Далее: «Объективно такая политика, ошибочная и реально только войною вызванная,

вела за собою сочувствие к ней со стороны политических шантажистов и спекулянтов, все более и более укреплявших своими «техническими силами», казалось, экономически крепкий, но в сущности громоздкий и рыхлый Наркомпрод». Еще строчка: «Вся эта политика была эпохой тезисов и антитезисов, в конце концов родивших синтез научного марксизма» (?!). И еще: «В экономике, как в философии и логике, есть свои тезисы, антитезисы и синтезы,—это: актив, пассив и сальдо, в совокупности долженствующие создать баланс, равновесие» (стр. 50).

Вся третья часть книжки автора, содержащая отдельные небольшие главы, претендует на «ученый тон» изложения, вызывающий невольно улыбку.

Некоторые отдельные главы «Кооперации» представляют собой, потерявшие теперь всякий смысл, полемические газетные статьи, как, напр., «права заготовки семян» (стр. 73), или «о декретных ошибках и их исправлении» (стр. 75).

Вторая часть «Кооперации» под названием «Кооперация в Татреспублике» дает краткий обзор состояния кооперации в б. Казанской губернии и носит характер сухого цифрового отчета с полемическими выпадами против др. кооперативных органов, не входящих в потребит. кооперацию Татреспублики.

В заключение нам следовало бы извиниться перед читателями за столь пространную рецензию, которой безусловно не заслуживала бы бездарная и никуда не годная книжка Т. Ефимова, если бы на обложке ее, вверху, не стояла надпись: «Главполитпросвет Татреспублики». Следовало бы Главному Управлению по политическому просвещению Татреспублики с большим разбором подбирать для своих изданий материал по кооперативному просвещению. Выпуск никому не нужной книжки Т. Ефимова—напрасно затраченный труд и бумага.

Никуда не годная обложка из желтой почти папиросной бумаги вполне гармонирует с внутренним содержаним книжки, полной опечаток как в тексте, так особенно в таблицах.

Этой книжки никому рекомендовать не можем.

Д. Юрьев.

Инженер А. КУЛИКОВСКИЙ. Электричество в помощь крестьянству. Электрификация России и применение электричества в сельском хозяйстве. С 100 рисунками и схематический картой электрификации России. Изд. Наркомзема „Новая Деревня". М. 1922. 146 стр. 5.000 экз.

До сих пор у нас почти ничего не делалось по части популяризации идеи электрификации. Да и вся литература по этому вопросу исчерпывалась каким-нибудь десятком книг и брошюр. А в этой литературе больше выдвигалось значение электрификации для государственного хозяйства в целом (топливный вопрос, транспорт, производство мелиоративных работ и т. д.), и меньше—значение ее для индивидуальных хозяйств.

Теперь, когда прошло полтора года с того времени, как Государственная Комиссия по электрификации России представила свой план VIII съезду Советов, пора признать, что следует пойти дальше. Пора сдать в архив разговоры о том, нужна ли нам электрификация, в какой мере нужна, и в какой мере, при всей своей полезности, осуществима. Пора признать, что перед нами нет выбора: или мы будем отброшены еще дальше назад, чем были до войны,—или же мы действительно создадим сеть электрических станций.

Теперь надо эти станции *строить* и уже теперь же надо подготовлять население к тому, чтобы оно умело использовать электрические провода. Здесь особенное внимание надо обратить на деревню.

Инж. Куликовский идет навстречу этой потребности,—и идет с самого начала с *хорошею* книжкой.

Для начала автор правильно сделал, что сильно упростил свою задачу. Без всяких дальнейших пояснений он, напр., просто говорит: электричество, это—«та особенная сила, которая может приводить во вращение станки, двигать поезда и трамвайные вагоны, пахать землю и обмолачивать хлеб, давать освещение и отопление», и т. д.

Точно также, дав иллюстрацию, он говорит: это—динамо-машина; она служит для добывания электрической энергии. И на этом кончает.

Таким же способом автор указывает, какое значение приобретет электрификация для народного хозяйства Р. С. Ф. С. Р., — для изменения ее топливного положения, для транспорта, промышленности и земледелия. Только на немногом он останавливается чуть-чуть подольше. Все изложено просто и ясно и не представит особенных затруднений даже для мало подготовленного читателя.

Так же кратко и толково характеризуется современное состояние нашего сельского хозяйства и отмечается та роль, какую может сыграть механизация производственных процессов в восстановлении и развитии земледелия.

Затем идет беглый, но живой перечень различных сельско-хозяйственных орудий и машин, которые, при доступности электрической энергии, находят применение при возделывании земли, при уборке земледельческих продуктов, при их переработке, в мелиоративных работах и т. д. Описание машин сведено к крайнему минимуму, но повсюду рассеяно большое количество иллюстраций. Правда, представления об устройстве машин в большинстве случаев мало выигрывают в ясности от этих иллюстраций, но они во всяком случае оживляют изложение.

Пожалуй, непропорционально много места отведено электрическому освещению, но в общем это не вредит книге.

Куликовский не останавливается на вопросе об экономических условиях, которые делают те или иные электрические машины и орудия применимыми в нашем сельском хозяйстве. Он ограничил свою задачу описанием тех технических возможностей, которые электрификация вообще открывает перед земледелием, независимо от особой экономической обстановки.

В небольшой, притом первой, книжке нельзя дать все разом. За ней должны последовать новые, которые с иных точек зрения и иначе подойдут к вопросам, затронутым Куликовским. Потребуются практические руководства, описывающие различные электрические сельско-хозяйственные машины и способы их применения. Необходимы будут дополнения к книжке Куликовского, который, напр., из машин, предназначенных для обработки почвы, останавливается только на электрическом плуге и электрическом фрезере, но не упоминает о машинах, которые окажутся чрезвычайно важными для огородных и пропашных культур (мотыжение, окапывание и т. д.) и значение которых сильно возрастет с переходом от трехполья к многополью.

Как бы то ни было, положено начало популяризации электричества в деревне, и начало удачное.

Хороша внешность издания: белая, плотная и прочная бумага, хорошая брошюровка, крупный четкий шрифт, в большинстве случаев ясные иллюстрации,—иногда, пожалуй, только слишком уже мелкие.

Конечно, одна литературная пропаганда недостаточна. Не подкрепляемая «пропагандой действием», она окажется мертвой. Было бы правильно, если бы Электрозем организовал подвижные выставки: специальные поезда и специальные пароходы, снабженные комплектами электро-машин, в особенности существенных для нашего земледелия. И было бы правильно, если бы эти машины не просто подвергались осмотру и объяснениям, но и пускались бы в работу на местах длительных остановок. Никакие брошюры не распропагандируют так электричекие плуги, электрические молотилки, мельницы и т. под., как *работа* этих плугов, мельниц и молотилок.

Затем следует подумать о создании не только показательных электрифицированных крупных хозяйств, но и показательных электрифицированных деревень.

Убедившись в пользе и осуществимости этого дела, крестьянство во многих случаях сумеет быстро найти необходимые средства для его осуществления.

При теперешнем положении нам придется итти на первых порах больше путем средней и мелкой электрификации. Но тот сдвиг, которого мы достигнем в деревне, очень скоро пойдет на пользу широкой электрификации в общероссийском масштабе.

Поработать над этим стоит, и хорошо, что Наркомзем начинает работать.

И. Степанов.

Л. С. СЕРЕБРОВСКИЙ. К изучению техники крестьянского полеводства в понимании ее хозяевами. Москва. Госуд. Издательство. Стр. 21.

На 3-ем всероссийском агрономическом съезде, бывшем в начале марта с. г., при заслушании докладов о методах агропомощи, проф. Дояренко указал, что придает колоссальное значение личности, воле и разуму самого хозяина, что только вместе с населением агрономы могут осуществлять ряд агрономических мероприятий и что последние должны создавать в деревне школы сотрудников.

Отражением этого взгляда и является очерк Л. С. Серебровского, представляющий собою работу сотрудников проф. А. Г. Дояренко (по заданию опытного поля Петровской Академии) в одной из деревень Тульской губернии по изучению экономики и техники крестьянского хозяйства в смысле подъема его производительности, понимания хозяевами применяемых ими технических приемов и выявления взглядов земледельческого населения на ведение полевой культуры.

Скудость наличия агрономических сил, опытных полей, отсутствие с.-хозяйственной литературы заставляют крестьян самостоятельно искать лучших способов ведения хозяйства, и наблюдения показывают, что крестьянская мысль не спит, что сильно выражена мощь пытливого искания и намечено много оригинальных путей и разрешений сложных вопросов агрономии.

В целом ряде примеров автор показывает, что крестьянское поле есть в сущности опытное поле с случайно, а подчас и сознательно, поставленными опытами.

В вопросе о преимуществах осенней или зяблевой вспашки под яровые перед весенней, крестьяне деревни Кисловки, где автор исследовал технику крестьянского полеводства, держатся не общепринятого взгляда о необходимости применения зяблевой вспашки. Многие крестьяне начинают пахать с осени, но потом по разным причинам бросали. Одни бросали потому, что «зяблевая весьма дюже не разделиста: пашня заплывает, почему борона елозит по верху, а соха воротит под пласты». В сырые годы овес родит по зяблевой вспашке хуже. Осенняя вспашка хороша, «когда и осень и весна сухая»; осенняя вспашка долго держит землю холодною и т. д. Последнюю крестьяне производят охотно, когда весной можно двоить.

Эти опытные данные вполне совпадают с исследованиями опытных полей северной и средней полосы России. На юге и юго-востоке, где замечается недостаток влаги, где осенние и зимние осадки составляют значительную долю годовых, зяблевая вспашка дает более высокие урожаи. В северной и средней полосе России недостаток в воде бывает редко, и осенний взмет не дает ощутительных результатов перед весенним. Опыты станции при Петровской Академиии даже превышают урожаи овса по весеннему взмету.

Автор описывает правила весенней вспашки у крестьян, глубину ее, способы посева, обработку под озимые, посадку картофеля, способы ее хранения и т. д.

Все эти наблюдения убеждают автора в глубоко сознательном и вдумчивом отношении крестьян к своему полю, что легка и плодотворна при такой обстановке агрономическая работа среди населения.

А. А. Бессер.

Проф. В. МИХЕЛЬСОН. Краткий сборник научных примет о погоде. Москва 1921 г. Государственное Издательство. Стр. 24.

Метеорологические наблюдения полны грозных симптомов о приближении ряда неурожайных годов, продолжительной засухи летом, с большим недостатком выпадающих осадков в осенние и зимние месяцы, в месяцы, осадки которых составляют значительную часть годового их количества.

Учеными метеорологами уже давно замечена некоторая правильность чередования определенного периода холодных годов—вместе с тем и влажных—и периодов теплых и сухих. Промежуток между первым и вторым равен, по Брюкнеру, примерно 30 — 35 годам. Таким образом, 17 сырых лет сменяются 17 более засушливыми. Последний засушливый год был в 1891—1892 г. и ныне мы, видимо, в полосе засушливых лет.

Изучение метеорологических факторов, с целью поднятия производительности наших хозяйств в годы грядущего засушливого периода, является неотложной задачей земледельца, желающего сознательно бороться с засухой и с целым рядом атмосферных невзгод, губящих иногда большие пространства возделываемых полей и причиняющих неисчислимые убытки хозяйству, как-то: сильные морозы, бесснежье, градобитие, суховеи. Ближайшей задачей сельскохозяйственной метеорологии является исследование влияния на климат и на почву местных условий (исследование влияния лесов, орографических и гидрологических условий, различного рода почв), исследование для выяснения влияния метеорологических условий на произрастание возделываемых или невозделываемых растений, на полезных и вредных для сельского хозяйства животных и предсказание погоды для сельских хозяев, куда следует отнести и исследование местных признаков перемены погоды.

Из цикла метеорологических наблюдений и опытов особенно важным для сельского хозяйства является предсказание погоды.

Сборник научных примет о погоде профессора Петровской сельско-хозяйственной Академии В. Михельсона, вышедший седьмым изданием и получивший широкое распространение не только в России, но и за границей, содержит приметы, основанные на наблюдении облаков и ветра, на суточном ходе метеорологических элементов и его изменениях, на показаниях отдельных инструментов, на явлениях радиации, на оптических и акустических явлениях и на приметах для предсказания ночных морозов. Сборник дает возможность пользоваться выводами современной динамической метеорологии даже и в том случае, когда не имеется под руками синоптических карт или телеграмм Главной Физической Обсерватории. Автор дает правила, как руководствоваться на практике его сборником. В отличие от старых изданий (первый выпуск был издан к первому Метеорологическому Съезду при Академии Наук в 1900 году), к новому добавлено 8 примет, и для облегчения пользования сборником приметы, указывающие пасмурную, дождливую и ветреную погоду, набраны жирными цифрами. Сборником могут пользоваться лица, и не изучавшие метеорологии, и одинаково полезен как для земледельца, огородника, садовода, лесовода, так и для путешественника, моряка, рыболова и охотника.

А. Бессер.

М. КОНСТАНТИНОВ. Пушной промысел и пушная торговля в Якутском крае. Изд. Иркутского Отд. Госиздата. Иркутск 1921 г. Стр. 96+карта. Ц. 20 р.

В связи с общим оскудением производственных сил Советской России, ударение, которое и до империалистической войны невольно ставилось в хозяйственном обиходе на добычу сырья и полуфабрикатов, в настоящее время оказывается сильно подчеркнутым. Во всяком случае, едва ли мы еще долгое время выйдем в нашем внешнем товарообмене из ограниченного цикла сырьевых товаров.

Отсюда и вытекает все значение для нас опытов исследования состояния наших сырьевых рессурсов. Надо сознаться — до сих пор, в сущности, эти рессурсы были изучены крайне слабо. Не говорим уже о целом ряде местностей в России, до сих пор еще остающихся хозяйственно не изученными. Даже в тех случаях, когда кое-какие попытки изучения делались, результаты оказывались совершенно неудовлетворительными. Как отмечает т. Константинов, автор разбираемой работы о пушном промысле в Якутском крае, строить какие-либо выводы, на основании собиравшихся в течение десятков лет Якутским Областным Статистическим Комитетом данных о пушной торговле, нет никакой возможности в силу того, что «данные Якутского Статистического Комитета утрачивают характер даже самой малейшей достоверности» (стр. 53). В частности—особенно страдали от этого природные богатства Сибири, где вдали от административных центров, в силу це-

лого ряда обстоятельств, все почти промысла носили чисто хищнический, неорганизованный, расточительный характер.

«Большое влияние на состояние пушных богатств края,—читаем мы у Константинова,—оказывает, конечно, хищническое истребление зверя охотниками. Где-где, а в Якутском крае менее всего заметно стремление считаться не только с рациональными правилами охоты на дикого зверя, но и с теми запретительными мерами, которые, в целях охраны пушных богатств, из года в год издавались и издаются центральными и местными властями. Охотник не остановится перед убийством и оберегавшейся самки, и щенят» (стр. 17). Естественно, что учесть промысловую активность в этом случае оказывалось почти что невозможным.

Нужно сказать, что в настоящую минуту именно вопрос о пушных богатствах становится для Советской России одним из важнейших вопросов нашей промышленной жизни. Пушной товар ходок на заграничных рынках: пушнина представляла всегда и представляет до сих пор один из наилучше поддающихся транспортировке и экспорту товаров. При развитии внешней торговли, при отсутствии возможности существовать на пассивном торговом балансе, эта экспортная статья может играть в русской экономике одну из важнейших ролей. Вот почему необходимо обратить особенно большое внимание на организацию пушного промысла в Сибири, и, в частности, в исключительно богатом пушным зверем Якутском крае. И необходимо обратить внимание главным образом на предварительное освещение пушного промысла: хороший хозяин всегда начинает с выяснения наличных рессурсов.

В этом отношении изданная Иркутским Отделением Госиздата работа Константинова вполне отвечает требованиям жизни Являясь результатом внимательного изучения промысла как по литературным источникам, так и по непосредственно собранным автором материалам, она дает исчерпывающую картину пушного промысла в Якутском крае, его истории и нынешнего состояния.

С точки зрения «текущего момента», особенный интерес представляет последняя глава книги, трактующая вопрос о государственной монополии на пушную торговлю, о предельных ценах на пушнину, о контрагенстве Центросоюза по сбору пушнины, участии частного капитала в торговых операциях, ограблении края иностранцами и т. д. Здесь в беглых штрихах автор намечает в общем исключительно огромную роль, какую уже стал играть в крае кооперативный аппарат, оказавшийся дееспособным соперником частного хищнического капитала, несмотря на то, что, в сущности, операции кооперативного аппарата ограничиваются — и, по мнению автора, еще долго будут ограничиваться — лишь организацией *скупки* пушнины.

Впечатление, какое остается у читателя от всей книги, таково, что едва ли приходится себя утешать. За последние годы пушной промысел несомненно пошел на убыль—и сильно. Работа кооперации создает некоторый противовес понижательной тенденции, задерживает упадок промысла. Однако обнищавший, раздетый и голодный охотник уже не так значительно развертывает свою работу, как раньше. И набирающийся преимущественно из среды туземного населения, плохо связанный внутри самого себя кадр охотников представляет собою ту пыль людскую, которая сама по себе не в силах возродить пушной промысел. Автор справедливо говорит, что необходимо создание специальных охотничьих артелей, необходимо внимательное отношение Советской власти ко всему промыслу...

В. Яроцкий.

ПРОМЫШЛЕННОСТЬ И ТЕХНИКА.

УЭББ. Экономика железных дорог. Перевод инж. Л. Н. Бернацкого. Пособие для инженеров и студентов. Издание 1-ое. Государственное Издательство. Москва 1921 г. Стр. 236 + 34 чертежа.

Эта книга, являющаяся переводом известного труда профессора Пенсильванского Университета W. L. Webb'a под названием «The economics of railroad construction», автора не менее известного руководства по железным дорогам «Railroad construction», карманной книжки для американского гражданского инженера «The American Civil Engineer's Pocket, Book» и др. сочинений, служит введением к «Американской технической библиотеке по строительному и железнодорожному делу», к изданию которой ныне приступил Народный Комиссариат Путей Сообщения в лице его Управления по подготовке агентов железнодорожного и водного транспорта (Учтрана).

Вопросы экономики железных дорог, являющиеся одними из важнейших вопросов железнодорожного дела, давно интересуют как заграничных, так и русских специалистов. Впервые подобные вопросы были затронуты проф. Ганноверского Высшего Техн. Училища Launhardt'ом во II части изданного в 1872 г. его труда «Teorie des trassirens», пользующегося, кстати заметить, у русских инженеров большой известностью, а вскоре после сего, а именно в 1877 году, такого же рода вопросы были разработаны в Америке известным железнодорожным изыскателем и строителем Wellington'ом в его капитальном труде «The economic theory of the location of railways», по содержанию своему близко подходящем к труду Launhardt'a.

После сего, в течение, примерно, четверти века, по вопросам железнодорожной экономики не было издано новых трудов, и лишь в 1900 г. проф. Webb, ученик ныне покойного Wellington'a, посвятил названным вопросам II часть своего руководства по железным дорогам «Railroad construction». Затем, в 1903 г. в Англии появился новый труд Wellington'a под названием «Railways location», а в 1906 г. проф. Webb выпустил отдельное сочинение по тем же вопросам—первое издание того труда, который ныне и переведен на русский язык.

Вскоре после сего, в 1909 г., в Германии, в связи с проектом специальной грузовой железнодорожной магистрали взамен проектировавшегося канала между Рейнским и Берлинскими промышленными районами, появился труд проф. Шарлоттенбургского Политехникума Cauer'a и докт.-инж. Ratenau под названием «Massengüterbahnen», в котором теоретически был рассмотрен вопрос проблемы профиля и трассы, а затем в 1914 г. в Германии был издан труд швейцарского инженера Mutzner'a под названием «Die virtuellen Längen der Eisenbahnen», где рассмотрен вопрос об экономических виртуальных длинах—виртуальных длинах в отношении эксплоатационной себестоимости перевозок.

В русской технической литературе вопросы экономики железных дорог также не оставались не отмеченными. Особенно серьезно была поставлена у нас на разрешение проблема профиля и трассы в 1903 г., когда необходимо было выяснить, что целесообразнее—укладывать ли второй путь по существующей трассе бывш. Сибирской дороги, или выгоднее смягчить уклоны ее горных участков с изменением в некоторых местах трассы линий. Исследование сего вопроса было поручено покойному проф. Н. П. Петрову, который и применил метод исследования, в принципе сходный с методом Wellington'a и Webb'a, состоящем в изучении эксплоатационных железнодорожных отчетов, разделенных по рубрикам, затем, в выяснении для каждой рубрики особо того, какое на нее оказывают влияние отдельные элементы профиля и трассы, как-то: предельный уклон, число кривых, изменение длины и пр.; наконец, в суммировании влияний, найденных для отдельных рубрик, в результате чего и получаются ответы на поставленные во-

просы (мерилом расходов избирается стоимость поездо-километра — у нас поездо-версты).

Вскоре после сего, в 1905 г., появился труд проф. Васютинского «Годовые расходы и эксплоатационная длина русских дорог», в котором он переработал для русских условий вопросы, изученные в указанной выше II части труда Launhardt'a. Однако в этом труде проф. Васютинского некоторые существенные вопросы, как, напр., вопрос о значении величины предельного уклона, остались неразработанными. Затем, в 1913 г. появился труд инж. Кашкина «Экономика изысканий железных дорог», в коем он приводит выведенные на основании американского метода данные о влиянии различных факторов на эксплоатационные расходы, а именно величины подъемов, величины крутизны кривых, увеличения длины линии, применения мощных паровозов, применения двойной тяги, уменьшения числа остановочных пунктов, наконец, качества воды, которой снабжаются паровозы.

Все перечисленные труды заграничных и русских специалистов, за исключением лишь труда проф. Webb'a от 1906 г., рассматривают только проблему профиля и трассы железных дорог, иначе говоря, они касаются лишь экономики изысканий железных дорог и только названный труд проф. Webb'a в последнем издании, ныне переведенный на русский язык, касается экономики железных дорог в целом. В этом существенное отличие труда Webb'a от всех прочих трудов по железнодорожной экономике, не исключая и упомянутого выше труда инж. Кашкина, на котором обычно базируют изучение данного вопроса русские техники, и потому ныне появившийся на русском языке труд Webb'a составляет весьма ценный вклад в русскую техническую литературу.

Книга состоит из трех частей: I. Финансовые и правовые элементы проблемы, II. Эксплоатационные элементы проблемы и III. Технические элементы проблемы.

Излагая вопрос, Webb знакомит читателя с условиями существования и развития американских дорог, с техническими взглядами американцев на постройку и эксплоатацию железных дорог, в общем, с различными сторонами американского железнодорожного хозяйства, в том числе, как видно из указанного выше, с финансовой и правовой.

Знакомство с последними упомянутыми сторонами американского железнодорожного хозяйства может быть и не столь нам необходимо в настоящее время, когда страна наша совсем более не имеет частного железнодорожного хозяйства, тем не менее ознакомиться с ними русским техникам все же крайне полезно, имея в виду, что при изложении вопроса Webb высказывает свои экономические взгляды, которые, несомненно, представляя значительный общий интерес, должны вместе с тем, как справедливо отмечает переводчик, побудить читателя к критическому изучению вопроса.

Хотя, в связи с тем, что в Америке существует почти исключительно частное железнодорожное хозяйство (протяжение казенных дорог во всей Америке, Северной и Южной, составляет всего 4% от общего протяжения сети, при чем казенные дороги имеются в Сев. Америке в крайне малом количестве лишь в Канаде, а в Южной Америке — в Перу, Чили, Бразилии и Аргентине), в основу рассмотрения всех экономических вопросов Webb'ом положена преимущественно капиталистическая точка зрения, долженствующая в настоящее время для русских техников отпасть, тем не менее высказываемые автором взгляды все же представляют интерес, так как не мало экономических вопросов решаются одинаково как с капиталистической, так и с общественной точки зрения.

Что касается эксплоатационных и технических элементов проблемы, то таковые охвачены Webb'ом крайне широко, при чем им рассмотрены многие крайне интересные вопросы, как, напр., экономика тяги поездов, экономика пути и др., которые до сих пор русскими авторами в общем затрагиваются не в достаточной степени.

К сожалению, в труде Webb'a не затронут один немаловажный для России вопрос — это вопрос об узкой колее. Объясняется это, несомненно, тем, что

в Сев.-Амер. Соед. Штатах, которые автор имеет в виду при рассмотрении вопросов экономики железных дорог, вопрос об узкой колее уже отжил. Здесь, как известно, в 70-х годах, в связи с паникой, привлечение крупных капиталов на постройку железных дорог было крайне затруднено, узкоколейные дороги строились в широком масштабе, но затем, при последовавшем улучшении финансового рынка, все эти дороги стали перестраиваться в нормально-колейные и в настоящее время они уже все перестроены. В других американских республиках узкая колея далеко не отжила своего века и узкоколейные дороги существуют не только в Центральной и Южной Америке, но и на юге Сев. Америки (в Мексике), при чем в некоторых американских республиках даже вся сеть состоит из одних узкоколейных дорог, как-то: в Коста-Рике, Гватемале, Сальвадоре, Никарагуа, Колумбии, Эквадоре, Венецуэле, в главнейших же республиках узкоколейные дороги если и составляют лишь части сетей, то все же довольно значительные (в Мексике—25%, в Аргентине—30%, в Чили—50%, а в Бразилии—даже 95%).

В связи с современным нашим финансовым положением, вопрос о постройках узкой колеи еще далеко не отжил и в России. Наша страна, крайне нуждающаяся в путях сообщения, несомненно не сможет в ближайшем будущем ограничиться постройкой одной только широкой колеи, так как, считаясь с существующими потребностями, она должна считаться и с своими финансами, и потому нельзя не сожалеть, что для русских техников, с выходом в свет на русском языке труда Webb'a, все же остается неосвещенной точка зрения американских инженеров на узкую колею. Во всех других отношениях труд Webb'a представляет для русских железнодорожных специалистов значительный интерес, в особенности в текущий момент, когда события последних лет выдвинули на первый план необходимость для нас грандиозного железнодорожного строительства, в связи с необходимостью подъема производительных сил страны и ускоренной разработки ее естественных богатств, равным образом и необходимость перестройки отдельных участков, некоторых, наших существующих железнодорожных линий. Рассматриваемый труд крайне интересен как для лиц, интересующихся теоретическими вопросами железнодорожной экономики, так и для практиков, осуществляющих изыскания и постройку железных дорог, а кроме того он является и крайне своевременным, ввиду происходящей у нас в настоящее время переработки технических условий проектирования и сооружения железных дорог нормальной колеи, при чем он несомненно должен будет сыграть не малую роль при разрешении многих вопросов, в частности, например, вопроса о допущении на магистральных дорогах более или менее крутых кривых, против чего обычно возражает Н. К. П. С.

Что касается самого перевода, то таковой сделан весьма тщательно, простым и ясным языком. При этом нельзя не отметить крайне внимательного отношения переводчика к нуждам русского читателя. Переводчиком учтено то обстоятельство, что автором труда весьма многое в нем не освещено в предположении, что труд его будут читать исключительно американцы, которым все неосвещенное известно. Ввиду сего переводчик снабдил рассматриваемый труд целым рядом подстрочных примечаний и пояснений, весьма полезных для русского читателя и, кроме того, он дополнил его двумя интересными приложениями, из коих в одном дана краткая характеристика областей С.-А. С. Штатов, соответствующих их официальному разделению на десять железнодорожных групп, без каковой характеристики русскому читателю могут быть неясны многие цифры, приводимые автором, а в другом приложении помещено в сжатом и общем виде описание организации американского управления железными дорогами, без чего опять-таки многое в труде может быть для русского читателя недостаточно понятно. За это переводчик заслуживает самой искренней признательности русского читателя, как, впрочем, вообще произнательности за то, что он облегчил русским техникам возможность обстоятельно изучить лучшее

из известных нам иностранных сочинений по экономике железных дорог.

Издание по внешности выполнено в достаточной степени тщательно, и лишь бумага — не особенно высокого качества—служит причиной недостаточной местами четкости печати и отчетливости чертежей и диаграмм, отпечатанных в количестве 34 на отдельных листах.

Проф. К. Д. Оппенгейм.

«ТЕХНИКО - ЭКОНОМИЧЕСКИЙ ВЕСТНИК». Ежемесячный журнал, издаваемый Научно-Техническим Отделом В. С. Н. Х. Москва—Петроград 1921 г. № 1 (ноябрь), стр. 109; № 2 (декабрь), стр. 111—236; 1922 г. № 1 (январь), стр. 150 in 4°. Чертежи и рисунки в тексте.

При просмотре нового технического журнала невольно возникает вопрос—является ли его появление при настоящем бумажном и прочем голоде и при обилии возникших за последнее время разнообразных технических изданий достаточно обоснованным и необходимым. Ведь один только Научно-Технический Отдел В. С. Н. Х. до самого последнего времени издавал целый ряд журналов, как «Научно - Технический Вестник» (в Москве), «Новости Науки и Техники» (в Берлине), «Успехи Промышленной Техники» (Берлин), «Техника и Промышленное Хозяйство» (Берлин) и др., ввиду чего прежде всего интересно уяснить себе, чем новый «Технико-Экономический Вестник» отличается от своих старших собратьев и какие он себе ставит цели. Правда, из названных журналов три, издававшиеся в Берлине, ныне уже прекратили свое существование, будучи заменены, с одной стороны, выходящими в Берлине же «Сборниками и монографиями по вопросам науки и техники», с другой—именно рецензируемым журналом, который, по имеющимся сведениям, в самом возникновении своем в известной мере связан с прекращением берлинских журналов и заменой их «Технико-Экономическим Вестником», с образованием для последнего новой редакционной коллегии в Москве и лишь сохранением прежнего места печатания—в Берлине. Что же касается издававшегося в Москве «Научно-Технического Вестника», то появление на-ряду с ним нового журнала не только не умаляет его прежней роли и не создает параллелизма работы, но, наоборот, надо полагать будет способствовать более четкому выявлению пределов компетенции каждого из них, на основе продуманного разделения функции, что обеспечивается единством состава редакционной коллегии, руководящей деятельностью обоих журналов. Отныне «Научно-Технический Вестник», освобожденный от материалов и тем непосредственно обслуживающих практическую работу русских техников в рамках ближайшего строительства (эти вопросы и темы автоматически переходят на страницы нового журнала) получает, наконец, возможность более законченно выявить, с самого начала, характерную для него тенденцию—быть органом научных работников, в более широких, академических формах освещающим проблемы и достижения современной науки.

Следует также иметь в виду, что в большинстве упомянутых выше изданий Н. Т. О. до сих пор на первый план выдвигалось (случайно или в соответствии с принятым планом, это другой вопрос) научно - техническое освещение разнообразных вопросов, связанных с изучением природных богатств страны и с развитием ее производительных сил, тогда как в «Технико - Экономическом Вестнике» главное внимание уделяется анализу первоочередных проблем организации народного хозяйства в России, выяснению их практического масштаба и условий рациональной постановки с точки зрения новейших успехов науки и техники и учета экономических возможностей и целесообразности. Предназначается он для широких кругов научно-технических работников, инженеров и экономистов.

Вряд ли можно сомневаться в том, что в период интенсивной разработки планов государственного строительства и накануне возрождения отечественной промышленности появление серьезного журнала, посвященного анализу важнейших техно-экономических проблем, необходимо всемерно приветствовать, и

остается только выяснить, насколько ему удалось справиться с поставленной себе интересной, но трудной задачей. Состав Редакционной Комиссии, в которую входят такие видные деятели науки и техники, как профессора А. Н. Реформатский, А. А. Эйхенвальд, М. А. Шателен, В. Ф. Миткевич и др., уже служит достаточной гарантией за серьезное направление журнала и успех начинания. Но доверие к журналу еще возрастает, когда мы узнаем, что ему удалось объединить для общей работы наиболее выдающихся представителей научно-технических и экономических дисциплин и привлечь к сотрудничеству таких авторитетов в своей области, как профессора И. И. Бентковский, Э. В. Брицке, А. В. Вульф, В. Э. Грум-Гржимайло, Н. Д. Зелинский, В. А. Кинд, С. Г. Ланговой, инж. Е. С. Меншиков, В. Н. Меншуткин, М. М. Новиков, М. А. Павлов, инж. М. Н. Поливанов, Д. Н. Прянишников, Я. В. Самойлов, Я. Я. Энслен и др.

Журнал выходит с ноября прошлого года. Тираж — 10.000 экз. Вышло из печати до настоящего времени уже 7 номеров, но, к сожалению, из-за задержек в пересылке из Берлина, в продажу поступили пока только три первых. Из целого ряда интереснейших, как по своей теме, так и особенно по содержанию, статей достаточно будет для характеристики журнала указать на некоторые из них.

В № 1 (ноябрь 1921 г.) мы находим статью проф. И. Г. Александрова о Днепровских порогах, в которой автор, после выяснения общего народно-хозяйственного значения проблемы шлюзования Днепра, излагает основы своего одноплотинного проекта улучшения судоходных условий и использования водной энергии. Основным вопросам энергетики и теплотехники, являющимся базой всего народного хозяйства, посвящены ценные статьи инж. М. К. Поливанова «Паровые электрические станции», проф. В. А. Кинда «Расход топлива при производстве портланд-цемента», проф. В. Н. Шретера «Топливо Северного Района, его эквиваленты и некоторые соображения об экономичности его сожигания», инж. А. Б. Лебедева «Проблемы электрификации ж. д. Западной Европы и Америки», проф. В. А. Толвинского «Об использовании энергии ветра». Большой интерес представляют также статья проф. М. А. Шателена о влиянии освещенности на безопасность и производительность труда и статья проф. М. А. Павлова «Переплавка стальной стружки и передельных шлаков в доменных печах», в которой пользующийся всемирной известностью автор, на основании произведенных под его руководством заводских опытов, указывает пути к рациональному использованию миллионов пудов железного лома и стружек, что в настоящее время имеет особое значение ввиду острого недостатка в чугуне. Всего в № 1 помещены 16 статей на 92 страницах большого формата.

В № 2 (содержащем 20 статей), между прочим, имеются несколько статей, посвященных широкому использованию дерева, как строительного материала. Проф. И. И. Бентковский обращает внимание на необходимость систематического испытания дерева, установления рациональной стандартизации лесных материалов и выработки целесообразных и экономических способов их сушки, хранения, разделки и употребления. Проф. К. П. Боклевский выясняет необходимость перехода к фабрично-заводскому способу постройки речных судов, столь нужных нам в интересах улучшения нашего транспорта. В связи с широкими планами электрификации страны большой интерес представляют статьи проф. А. В. Вульфа о значении электрификации русских железных дорог для подъема народного благосостояния и проф. К. П. Григоровича об электроплавке и ее значении в железоделательной промышленности.

Широкому применению электрической энергии в нашем сельском хозяйстве посвящены интересные статьи профессоров М. А. Шателена и Б. Е. Воробьева «О снабжении сельско-хозяйственных районов электрической энергией» в № 3 (т.-е. № 1 за 1922 г.), в котором мы по тому же столь важному для Республики вопросу о рациональном земледелии находим весьма интересную статью инж. А. Н. Судакова о рациональном

типе трактора с тепловым двигателем применительно к условиям русского сельского хозяйства. Из других интересных 18 статей последнего вышедшего номера упомянем еще следующие: Г. Д. Крейцер: «Задачи промышленности кровельных материалов в России в настоящем и будущем», проф. М. А. Шателен «Электрификации нефтяных промыслов, как средство увеличения их производительности», инж. В. А. Шевалин «Экономические основы для выбора товарных электровозов для русских магистральных железных дорог» и инж. А. К. Колосова «Первый русский завод контактной азотной кислоты».

Но на-ряду со специальными технико-экономическими проблемами в «Технически-Экономическом Вестнике» затрагиваются также и важные общие вопросы, как, напр., в интереснейших статьях проф. Д. Н. Прянишникова (ноябрь 1921 г.) «Неотложные нужды агрономического образования», проф. М. А. Шателена (декабрь 1921 г.) «Новые течения в деле подготовки инженеров», трактующих о кооперации высшей школы и заводов, и Я. Р. Шмидта «Об электронах», затрагивающей новейшие взгляды на строение материи.

В первых трех номерах имеются 75 рефератов (на 58 страницах), составленных такими выдающимися специалистами, как проф. М. Павлов, Я. Энслен, А. Гвоздев, А. Раддиг, В. Вальгис и другие, и дающих возможность пополнить наши скудные сведения об успехах иностранной науки, техники и промышленности за последние 8 лет.

Кроме оригинальных статей в каждом номере имеются весьма интересные обзоры важнейшей текущей иностранной литературы

Опубликовано содержание следующих, ныне уже отпечатанных номеров, которые по своей программе обещают быть еще более интересными, чем первые три. Приводится список 80 статей, посвященных самым разнообразным вопросам общего, научно-технического, промышленного и экономического характера, как, напр., в № 2 (4) за февраль: проф. Я. В. Самойлов «Фосфоритовые залежи России и их разработка», проф. В. Н. Меншуткин «О химических элементах», проф. А. Ф. Сулима-Самойло «Питание и трудовые процессы», проф. М. А. Павлов «Предстоящая выплавка чугуна на сыром угле в Сибири и проф. Н. Д. Зелинский «Каталитическое расщепление нефтяных масел под влиянием хлористого алюминия»; в № 3 (5), за март: проф. М. М. Новиков «Наука и Техника», проф. М. А. Павлов «Доменная плавка на дровах»; в № 4—5 (6—7) за апрель — май: проф. Е. С. Меншиков «Механизация торфодобывания», проф. Э. В. Брицке «Положение и развитие тукового дела в России», проф. С. П. Ланговой «Мероприятия в области развития канифольно-скипидарного производства в России», проф. А. Д. Монахов «Котонизация льна», С. В. Бернштейн-Коган «О преподавании социально-экономических дисциплин в высшей технической школе», проф. М. А. Павлов «Обзор успехов металлургии железа за последние три года (1919—1921).

Большое развитие получил уже упомянутый выше чрезвычайно ценный отдел рефератов по новейшей заграничной литературе. Рефераты имеют одну непрерывную, проходящую через все выпуски журнала нумерацию. В последнем выпуске за апрель—май их общее количество доходит уже до 369 (№№ 283—369).

В сообщениях редакции о материалах для ближайших номеров значится около 20 статей, из которых особый интерес возбуждают следующие: проф. И. Г. Александров «Задачи экономического районирования России», проф. В. Э. Грум-Гржимайло «Основы правильной конструкции углевыжигательных печей», проф. В. П. Кравец «Перспективы русской химической промышленности», инж. Е. Г. Кротов «Положение русской лесопромышленности», проф. П. С. Осадчий «О значении связи в экономической жизни страны».

Следует еще упомянуть, что внутреннему содержанию журнала соответствует также и его внешний вид. По качеству бумаги, шрифту и рисункам он значительно опередил большинство других современных журналов, являясь как бы символом общего улучшения наших жизненных условий.

По ознакомлении с характером и содержанием журнала высказанное выше

сомнение о своевременности и целесообразности выпуска нового технического журнала само собой отпадает.

Редакционная коллегия проявила не только одно умение организовать сложную и полезную с общегосударственной точки зрения издательскую работу, но также и огромную активность, осуществив поставленную себе задачу в тяжелых условиях современной действительности и притом в короткий срок. Остается только пожелать ей дальнейшего успеха в ее плодотворной деятельности и с удовлетворением лишний раз отметить, что при энергичной и умелой работе и в настоящее тяжелое время можно достигнуть большой продуктивности.

Проф. А. Э. Мозер.

Л. Ф. ФОКИН. Обзор химической промышленности в России, часть I. Научное Химико-Техническое Издательство (Научно-Технич. Отдел В. С. Н. Х.). Петроград 1921 г. Стр. X+464+340 таблиц.

М. А. БЛОХ. Развитие и значение химической промышленности, часть I. Научное Химико-Техническое Издательство (Научно-Технич. Отдел В. С. Н. Х.). Петроград 1920. Стр. 250+50 с таблицами.

Вряд ли можно сомневаться в том, что химической промышленности суждено будет сыграть весьма существенную роль в нашем народном хозяйстве. Известно, что до мировой войны она получила в России лишь слабое развитие, так как русские промышленники находили более легкое и интересное помещение для своих капиталов, а иностранцы, понятно, были заинтересованы в том, чтобы выкачивать у нас сырье и возвращать его в форме необходимых нам продуктов с соответствующей, весьма солидной надбавкой. Появившаяся в продаже первая часть книги проф. Петроградского Технологического Института Л. Ф. Фокина дает исчерпывающие и весьма ценные сведения о состоянии русской основной химической промышленности до мировой войны и о сильном ее развитии за период 1913—1917 годов, вызванном острым недостатком в важнейших химических и фармацевтических продуктах, вследствие сильного сокращения их ввоза и огромной потребности в них для военных нужд. В качестве активного сотрудника в произведенных еще в довоеный период работах по подготовке нового таможенного тарифа и торговых договоров, а еще более в качестве ближайшего сотрудника акад. В. Н. Ипатьева, столь успешно руководившего во время войны организацией русской химической промышленности, Л. Ф. Фокин имел возможность собрать весьма обширный статистический материал, который разработан и систематизирован в рассматриваемом его труде. Для всех главнейших продуктов, а также и для некоторых видов сырья, имеются достоверные данные об их добыче, потреблении, экспорте и импорте. Особый интерес представляет глава XXXI (стр. 391—435) об общих итогах химической промышленности, в которой дается сводка всех данных о производстве и потреблении минеральных кислот, щелочей (соде), искусственных удобрениях, минеральных красках и пр., а также о привозе товаров из иностранных государств и экспорте сырья.

В конце книги помещена глава о тенденциях развития химической промышленности, в которой, между прочим, выясняются главные потребители химических продуктов и сообщается общая сводка статистических данных о рабочих в различных отраслях химической промышленности, расходах по производству и по оборудованию. К сожалению, этой интересной главе посвящено всего 20 страниц.

Книга М. А. Блоха дает много материала о производстве различных химических продуктов как в иностранных государствах, так и в России. Отдельные главы посвящены вопросу о значении отбросов в химической промышленности (стр. 98—113), о географическом распределении химической промышленности (стр. 113—122), о развитии германской химической промышленности (стр. 122—139), о гигиенических и материальных условиях жизни рабочих химических предприятий (стр. 139—144), о таможенном тарифе (стр. 156—163) и о химической промышленности и произ-

водительных силах России (стр. 163—188). В конце книги приводится сводка обширнейшей специальной литературы, из которой автором почерпан материал для данной книги. Один перечень статей и журналов, состоящий из почтенного количества в 1.426 номеров, занимает 62 стр. книги мелким шрифтом.

К сожалению, сам автор стал жертвой того обильного материала, который им был собран. Весьма обремененный за последние годы издательской деятельностью, он, повидимому, не имел достаточно времени, чтобы критически разобраться в подавляющем материале и, по отделении трухи от зерен, систематизировать и обработать данные, сделав их таким образом более доступными читателю. Материал сообщается в сыром виде, статистические данные заимствованы нередко из сомнительных источников, и часто приводятся без указания на год и, кроме того, без указания, относятся ли они к потреблению, производству, производительности установки или предполагаемой выработке. В результате такой компиляции нередко получаются противоречия, так, напр., на стр. 37 сообщается, что мировое производство известкового азота (ценное удобрение и исходный материал для производства азотной кислоты), а тем самым и взрывчатых веществ, с 1912 по 1913 год возросло с 163.000 до 266.000 тонн, тогда как согласно стр. 34 годовое производство цианамида (другое название для известкового азота, на что, между прочим, в книге не указано) за тот же 1913 год равнялось всего 80.000 тонн, на следующей же странице для мирового производства цианамида, повидимому, опять за тот же год, приводится цифра в 150.000 тонн. Здесь же указан расход на фиксацию 1 килогр. по дуговому способу в 6,5 киловатт-часов вместо действительных 70. На стр. 42 при расчетах посевная площадь России принимается в 1.800.000 кв. километр. вместо 660.000 (60 милл. десятин), а общая посевная площадь Германии всего в 352 кв. километр. вместо 165.000 (15 м. десятин)! Этих примеров достаточно, чтобы показать, что чтение книги Блоха можно рекомендовать только специалистам, которые сумеют разобраться в противоречиях и ошибках и найдут в ней исчерпывающий литературный материал, а также много интересных и полезных сведений о значении, широком развитии и современном состоянии иностранной химической промышленности.

Необходимо еще указать на следующее ненормальное явление. Книга Фокина была написана в 1918 г., но вышла из печати в Петрограде лишь осенью 1921 года; это еще вполне понятно при современных затруднениях в печатании. Но менее понятно, что в Москве она появилась в продаже лишь в мае с. г., т.-е. полгода после ее выхода в свет. То же самое относится почти ко всем книгам и журналам, издаваемым в Петрограде, которые в Москву приходят с огромным запозданием или здесь вообще не появляются. При современном книжномголоде это явление весьма прискорбно, и остается только просить петроградские издательства заблаговременно извещать москвичей о выходе новых книг и журналов и по возможности без задержек отправлять их к нам.

Проф. А. Э. Мозер.

ИЗВЕСТИЯ ГЕОЛОГИЧЕСКОГО КОМИТЕТА. Петроград 1918 г.—№ 5—6, стр. 161 — 213+511—579. № 7—8, стр. 215—263+581—628. № 9 — 10, стр. 264—333 + 629—669 1921 г.—№ 1, стр. 64.

ТРУДЫ ГЕОЛОГИЧЕСКОГО КОМИТЕТА. Новая серия. Вып. 154. Общая геологическая карта Евр. России. Лист 127. Петроград 1922 г. in 4°.

ГЕОЛОГИЯ РОССИИ. Т. II, часть V, вып. 3. А. НЕЧАЕВ. Верхне-пермские отложения. Петроград 1921 г. Стр. 126.

Б. ЛИХАРЕВ. Обзор литературы по верхне-пермским отложениям Европейской России за истекшее десятилетие (1910—1920). Петроград 1920 г. Стр. 48.

Издания Российского Геологического Комитета.

Из русских исследовательских учреждений после Академии Наук наибольшим авторитетом в России и за границей пользуется, несомненно, Российский

Геологический Комитет. 6 февраля текущего года он праздновал свой 40-летний юбилей,—и его сорокалетняя работа представляет непрерывное развитие от небольшого учреждения с 7 сотрудниками в 1882 г. до обширной организации с рядом разнообразных подсобных учреждений, с сотнями сотрудников и несколькими отделениями в провинции в 1922 г. За это время Комитетом была развита энергичная исследовательская работа, зафиксированная в многотомных «Трудах», «Известиях» и др. изданиях, поставившая его на одно из первых мест среди аналогичных учреждений земного шара. Во время революции, вследствие кризиса полиграфического производства, темп издательства Комитета сильно замедлился, и только за последнее время начинают значительно пополняться пробелы и уменьшаться залежи рукописей. Теперь уже не проходит месяца, чтобы Г. К. не выпустил несколько книжек своих изданий; в заголовке настоящей заметки перечислены издания, выпущенные за последние $1^1/_2$—2 месяца (хотя они и носят различные даты).

«Известия» заключают статьи небольшого размера—краткие отчеты об исследованиях и статьи теоретического характера,—и журналы заседаний Присутствия Комитета (органа, ведающего важнейшими делами Комитета и состоящего из всех научных его работников), которые позволяют всем заинтересованным следить за работой Комитета. «Известия» выходят 10 раз в год, объем их от 70 до 100 печ. листов. «Материалы по общей и прикладной геологии» заключают более крупные статьи, наконец, монографии больших размеров помещаются в «Трудах» Комитета; здесь же печатаются законченные описания отдельных районов и листов геологических карт. Кроме того, Комитет имеет целый ряд отдельных изданий вне серий (к числу которых относится отмеченная выше статья Лихарева), «Русскую Геологическую Библиотеку» — библиографическое издание, ежегодно регистрирующее все работы по геологии России, отдельную серию описаний и карт Донецкого бассейна, и, наконец,—недавно начатую «Геологию России». Эта последняя задумана очень широко и интересно, и в ряде выпусков, написанных специалистами, должна дать подробные описания геологических систем, слагающих Россию, по отдельным районам. Таким образом эта серия составит превосходный справочник, доступный не только для геологов, но и для многих других естествоведов.

На этих страницах не приходится доказывать необходимость существования исследовательских институтов—в особенности с такой установившейся репутацией, как Геологический Комитет,—и их издательской деятельности, как итога всей их работы. Но одну сторону его издательской работы следует отметить. В связи с новой экономической политикой многие издательства переведены на хозяйственный расчет—и есть тенденция применить это, хотя бы и не целиком, к Геологическому Комитету. Между тем, Комитет до войны обычно посылал в обмен на заграничные научные издания свыше 300 экз. своих изданий, и почти столько же обменивал в России на издания, необходимые для его работы. Продажа изданий этих цифр не достигала и не может достигнуть из-за малой емкости русского геологического книжного рынка. Таким образом, продажа только отчасти покрывала расходы, и нет никаких оснований полагать, что можно ее очень сильно увеличить. Поэтому надо при обсуждении издательского плана Комитета знать, что: 1) без достаточных ассигновок на издания исследовательская работа может потерять всякое значение, не будучи опубликована, и 2) издания Комитета никогда не будут окупаться. Конечно, с точки зрения Нэпа это большой минус, но мы считаем идеальным порядок Канадского Геологического Комитета, который высылает бесплатно свои издания всем, его об этом попросившим.

Многие работы Геологического Комитета являются чисто научными исследованиями, но не следует забывать, что они в течение истекших сорока лет не только служили основой для его практической работы по учету запасов полезных ископаемых и описанию их месторождений, но были и главной базой, на которой основывалось промышленное

использование этих месторождений, в особенности за последние годы, когда исследования Комитета стали все более и более доминировать, как в качественном, так и в количественном отношениях, над аналогичными работами других учреждений. Для России, со всей грандиозностью ее естественных рессурсов и слабой степенью их изученности, эти работы Геологического Комитета и их опубликование приобретают тем большее значение.

Сергей Обручев.

Акад. В. Н. ИПАТЬЕВ. Нефть и ее происхождение. Научное Химико-Техническое Издательство (Научно-Технич. Отдел В. С. Н. Х.). Петроград 1922 г. Стр. 36.

Брошюра акад. Ипатьева в популярном виде знакомит читателя с основными фактами из области нефтяного дела, понимая последнее слово в самом широм смысле.

Кратко, но достаточно ясно затронуты и освещены фактическим и цифровым материалом состав нефти, ее добывание и технология, основные продукты ее переработки, экономика; приведены также исторические сведения о ее разработке и применении нефтяных продуктов с древнейших времен.

Нельзя не отметить, что столь важная отрасль нефтяной технологии, как изготовление смазочных материалов, в брошюре почти не затронута.

Некоторые положения, вследствие краткости изложения высказанные в категоричной форме, нуждались бы, однако, в пояснениях, без которых они могут повести к недоразумениям. Отметим некоторые. Утверждение, что «для топлива нефть в сыром виде не находит себе применения» не вполне соответствует действительности, так как всегда, а в годы усиленной добычи нефти особенно, избыток ее, непереработанный на заводах вследствие их ограниченной пропускной способности, находит себе применение именно как топливо. Некоторая поправка должна быть внесена и в положение о невозможности вычисления мощности нефтяных залежей данного района. Такие методы разрабатываются на научных основаниях американскими и русскими геологами и уже имеют практическое значение (см., напр., С. И. Чарноцкий. «Методы подсчета запасов нефтяных месторождений и опыт их применения к Грозненскому и Майкопскому районам». Петроград 1922 г.).

Как показывает заглавие, значительная часть книжки уделена вопросу о происхождении нефти. Исследования автора, как известно, внесшие много интересных и ценных материалов в эту область, нашли свое отражение в этой части брошюры.

Топливо, как источник тепла и энергии, все больше привлекает внимание как практических работников, так и научных исследователей. В Америке и Германии учреждены даже специальные научные институты для разностороннего изучения всех видов топлива. Убеждение в необходимости теоретического исследования нефти, высказываемое автором, тем более выражает назревшую необходимость, что нефть является к тому же материалом для ряда ценных продуктов, число и значение которых непрерывно возрастают.

Но при выборе подлежащих разрешению задач необходима критическая оценка их с точки зрения практической целесообразности. Нельзя не остановиться поэтому на высказываемом автором в конце положении о важности «синтеза нефти, т.-е. ее искусственном получении в больших количествах по приемлемому для техники способу и по сравнительно недорогой цене». Если здесь речь идет о нефти, как о топливе, то вряд ли когда вопрос о синтетическом топливе встанет перед техникой, направившей свое внимание на силы воды, ветра и т. д.; а получение жидкого топлива из иных видов горючего уже нельзя назвать синтетической задачей. Если же речь идет о нефти, как источнике ряда высокоценных продуктов, то, конечно, эти работы заслуживают самого глубокого внимания. Но тогда слово «нефть» должно быть оставлено, т. к. оно, обнимая собою громадное число органических соединений и неопределенное в химическом смысле, затемняет представление о том, какие из этих соединений необходимо синтезировать для данного материала.

Б. Тычинин.

И. КРЫЛОВ. О специальных сортах стали. Инженерно - промышленная библиотека. Б. Серия 5. № V—2. Государственное Техническое Издательство. Москва 1922 г. Стр. 196.

Прогресс современного машиностроения в большей своей части обусловливается успехами металлургии и, главным образом, металлургии железа и стали. Без их быстрого развития, обеспечившего возможность дешевой выработки разнообразных по механическим свойствам сортов стали, было бы немыслимо изготовление большинства машин и орудий, являющихся теперь обычными и необходимыми. Сказанное в наибольшей степени относится к металлу, применяемому в военном деле, так как последнее, сохраняя все требования мирной жизни, почти всегда неизбежно прибавляет к ним одно, существенно важное требование—наибольшей прочности и выносливости.

В стремлении к удовлетворению этих требований металлургии одно время возлагали громадные надежды на специальные сорта стали, содержащие кроме углерода иные элементы. Действительность в значительной мере оправдала их надежды, но показала, что не все требования могут быть удовлетворены и что термическая обработка метала играет если не доминирующую, то все же не второстепенную роль.

Для русской металлургии, переживающей вместе с остальной русской промышленностью период технического упадка, особенно важен серьезно обоснованный автором вывод, что к металлу нельзя предъявлять слишком многообразных и утонченных требований и «что истина достижения цели находится вблизи более умеренных требований, а вовсе не в искании вопроса в одном выборе металла». Вывод этот правильно понятый и осознанный нашими металлургами, облегчит нашей промышленности переживание тяжелого технического кризиса.

Автор один из выдающихся русских металлургов-артиллеристов. При изложении вопроса он пользуется по преимуществу практическим материалом, полученным как лично, так и собранным им во время многолетней научно-технической работы, поэтому большая часть данных относится к предметам военного потребления. Но это не мешает выводам общего значения, вследствие чего книгу с удовольствием прочтет и не узкий специалист. А специалист найдет в ней ряд практических указаний и выводов.

Что касается содержания книги и расположения материала, то после вступительной главы об «углеродистой стали — ее значении и свойствах» в отдельных главах разобраны следующие сорта: никелевая, хромо - никелевая, хромовая и хромо-вольфрамовая с прибавками ванадия и титана; титанистая сталь; вольфрамистая сталь; инструментальная сталь «rapide». VII глава посвящена общим выводам о методах оценки металла и о задачах современной техники новых конструкций.

Содержание книги иллюстрируется большим количеством таблиц и, что теперь очень ценно и редко, рядом хорошо выполненных микрофотографий. Язык немного тяжел.

Б. Тычинин.

КАУФМАН, А. К. (А. КЛЕМЕНТЬЕВ). Памятка изобретателя. Под редакцией Комитета по делам Изобретений. Государственное Техническое Издательство („Рабочая Библиотека", Серия 1, № XIII—3). Москва 1921 г. Стр. 47.

ВОЗНЕСЕНСКИЙ, Н. Н. О машинах вечного движения. Госуд. Технич. Изд-во („Рабочая Библиотека", А. Серия I, № XIII—1). Москва 1921 г. Стр. 56.

„СПУТНИК КОЧЕГАРА". Под редакц. инж. Гр. Якобсона. Госуд. Технич. Изд-во („Рабочая Библиотека", А. Серия 2, № V—2). Москва 1921 г. Стр. 95.

РЯЗАНЦЕВ, А. В., проф. Холодильное дело. Госуд. Технич. Из-во („Рабочая Библиотека", А. Серия 2, № XII—3). Москва 1922 г. Стр. 106.

ОЗАН, Б., и ЭНСЛЕН, Я., проф-ра. „Литейщик". Лаборатория чугуно-литейного завода. Госуд. Технич. Из-во („Рабочая Библиотека", Серия II, № VII—1). Москва 1921 г. Стр. 92.

Русская техническая литература всегда была особенно бедна популярными со-

чинениями, из которых рабочие и низший технический персонал могли бы черпать сведения и получать разъяснения по тем вопросам, с которыми им в работе постоянно приходится сталкиваться. В настоящее время Научно-Технический Отдел В. С. Н. Х. приступил к изданию целого ряда систематически подобранных книг и брошюр по всем отраслям техники, промышленности и сельского хозяйства, а также по вопросам труда и организации производства под общим названием «Рабочая Библиотека». До сих пор вышло в свет около 30 книжек. На некоторых из них мы и остановимся.

«Памятка изобретателя» в живой форме беседы дает целый ряд ценных указаний изобретателю-самоучке, имеющих целью оградить его от лишней траты времени и труда при неправильном подходе к выбору темы, недостаточном предварительном ознакомлении с вопросом и неправильном оформлении дела.

В конце книжки приложен проект приказа по В. С. Н. Х. о порядке направления дел, о заявках на изобретения, с приложением инструкций местным Техническим Комиссиям при С. Н. Х., инструкций для экспертов, правил о заявках на изобретения и усовершенствования, инструкции Технической Комиссии для расходования «фонда поощрений полезных изобретений».

В книжке Вознесенского о машинах «вечного движения», работе, премированной Комитетом по делам изобретений на Всероссийском конкурсе, в очень доступной ясной форме в первой части автор знакомит читателя с основными понятиями о силе, работе, разных видах энергии и переходе из одного в другой, вредных сопротивлениях, простых машинах и работе двигателей и после этого уже во второй части книжки разбирает целый ряд предложенных, а отчасти и построенных разновременно двигателей вечного движения и выясняет причины, почему они на самом деле не двигаются.

Как указывает автор, в России, по сведениям лиц, близко стоящих к изобретателям и их нуждам, особенно велик процент изобретений, относящихся к машинам вечного движения. Объясняется это недостаточным распространением знаний по механике, физике и иным точным наукам. что при несомненных творческих способностях русского человека дает его изобретательной работе ложное направление, почему появление в свет этой книжки может принести большую пользу и спасти многих изобретателей-самоучек от бесполезной траты сил и времени на изобретение perpetuum mobile.

Во введении к «Спутнику кочегара» даются краткие сведения о составе воздуха, теплоте, парообразовании, горении разных тел и способах его регулирования, о составе и свойствах разных сортов топлива и об устройстве и назначении разных частей парового котла. В главной части книжки в виде 113 отдельных пунктов изложены: 1) общие правила, касающиеся обязанностей кочегара, 2) случаи, когда необходимо немедленно остановить котел, 3) приготовление холодного котла к работе, 4) пуск котла в ход, 5) уход за котлом во время работы, 6) перерывы в работе котла, 7) чистка котла, 8) уход за экономойзером, 9) осмотр и испытание паровых котлов.

Краткие категорические предписания во всех отдельных случаях дополнены подробным объяснением причин требования с указанием того вреда и опасности, которые может повлечь за собой несоблюдение требования.

Ввиду общего топливного кризиса, заставляющего сплошь и рядом кочегаров работать с малоценным топливом, к которому они не привыкли и к сжиганию которого к тому же очень часто топки плохо приспособлены, все, что может способствовать внимательному и сознательному отношению кочегара к предъявляемым к нему требованиям, становится особенно ценным, и несомненно широкое распространение этой книжки среди кочегаров должно принести большую пользу.

Книга проф. А. В. Рязанцева об основах холодильного дела в приложении его к хранению пищевых продуктов представляет лекции, читанные автором на Временных Инструкторских Курсах Главного Военно-Хозяйственного Управления летом 1918 г.

В первой части автором в доступной форме разбираются основные понятия о теплоте, температуре и теплоте плавления, охладительные смеси, условия парообразования, передача тепла, хорошие и дурные проводники тепла, и излагается схема и принцип работы холодильных машин.

Во второй части излагаются общие условия хранения продуктов в холодных складах и дается ряд практических указаний замораживания и хранения разных продуктов (мяса, рыбы, масла, яиц и овощей), которые особенно ценны и для неспециалистов холодильного дела, так или иначе сталкивающихся с эксплоатацией холодильников.

В третьей части приводятся сведения об устройстве холодильников, как с машинным, так и с безмашинным охлаждением, с описанием разных систем установок. Здесь же даны сведения об устройстве ледников, о конструкции вагонов-ледников и о разных способах заготовки и хранения льда.

В России холодильное дело в применении к хранению и перевозкам скоропортящихся пищевых продуктов на большие расстояния несомненно призвано в ближайшие годы сыграть очень большую роль, особенно в связи с сильным истощением запасов скота в центральных губерниях и с расстройством транспорта, не позволяющими надеяться на скорое восстановление того порядка снабжения внутреннего рынка и больших центров мясом, который практиковался ранее и состоял в подвозе скота в живом виде. Кроме того, усиление в будущем экспорта скоропортящихся продуктов возможно только при дальнейшем развитии холодильного дела. Ввиду этого ознакомление возможно широкого круга лиц с основами холодильного дела и с его выгодами является очень своевременным и в этом отвошении книга А. В. Рязанцева представляется особенно ценной.

В предисловии к книжке «Литейщик» проф. Я. Энслен указывает, что если в настоящее время все усилия направлены к поднятию машиностроения, являющегося главной базой для благополучия всякого культурного государства, то необходимо начать с поднятия на должную высоту литейного дела, как основы для машиностроения.

Между тем инженер-металлург, специалист литейного дела, является в России такой же редкостью, как и хорошо поставленная химическая лаборатория на литейном заводе, найти же мастера или техника, дающего себе ясный отчет о химико-металлургических явлениях в литейном деле, почти невозможно.

Эти соображения и явились мотивом для организации проф. Я. Энсленом в 1918 г. первой в России специальной школы литейных мастеров при просветительной секции Московской Горной Академии и для составления рецензируемого руководства, назначенного для практики, самообразования и обучения специалистов литейного дела.

Книга разделена на 4 части. В первой части описаны повторяющиеся при всяком анализе химические приемы, как-то: взятие средней пробы, измельчение вещества, взвешивание, растворение, сплавление, осаждение, фильтрование, прокаливание, титрование и измерение объемов, при чем главное внимание читателя всюду обращается на те предосторожности, которые необходимо соблюдать для получения правильных и точных результатов.

Вторая и третья часть представляют собой перевод книжки проф. Б. Озанна: «Leitfaden für Giessereilaboratorien». Во второй части описаны приемы и методы, применяемые при определении главных составных частей чугуна, при чем это делается без указания химических реакций, которые изложены отдельно в третьей части книги. Всего описано 16 анализов: установка титра марганцевокислого калия посредством железной проволоки и по щавелево-кислому натрию, разные способы определения кремния в сером и белом чугуне и в ферросилиции, определение марганца, определение фосфора объемным и весовым способом, определение серы, углерода и графита и, наконец, анализ кокса, с определением в нем влаги, золы и серы. В последней части автором даются

практические указания для устройства небольшой заводской лаборатории с указанием плана, описанием устройства вытяжного шкафа, оборудованным газом и водой и т. д. Все части книги изложены кратко и ясно, и все указазания ограничиваются приемами химического анализа, имеющими первенствующее значение в технике чугунно-литейного дела, что сильно сокращает объем книги и облегчает возможность освоиться с производством анализов для лиц, не имеющих достаточной химической подготовки. Нужно надеяться, что появление в свет настоящей книги вызовет среди заинтересованных лиц интерес к устройству заводских лабораторий и оживит работу уже существующих.

Среди других вышедших до сих пор книжек «Рабочей Библиотеки» имеется ряд популярных монографий о производстве льна, о ручной обработке металла, о приготовлении олифы, о выборе и установке плуга, сеялки, о двигателях в сельском хозяйстве, о болезнях электрических машин, о современной организации американских заводов, о системе Тейлора и т. п.

Заканчивается печатанием и сдано в печать еще около 30 названий и, наконец, готовится к печати 48 справочников и руководств.

Изданием «Рабочей Библиотеки» Научно-Технический Отдел В. С. Н. Х. приступил к большому делу и по тому, что сделано до сих пор, имеется полное основание предполагать, что ему удастся создать действительно всесторонюю техническую «РабочуюБиблиотеку», представляющую часто интерес не только для рабочих и низшего технического персонала, работающих в данной отрасли промышленности, но и для более широкого круга читателей, интересующихся тем или иным вопросом.

Самое трудное при составлении подобного рода книг—это сочетание строгой научности содержания с достаточно популярной и ясной формой изложения, делающей их доступными для лиц, не обладающих систематической общей подготовкой, и, судя по вышедшим до сих пор изданиям, это в большинстве случаев авторам вполне удалось.

Во всяком случае можно только пожелать, чтобы все издания «Рабочей Библиотеки» получили возможно скорей широкое распространение.

А. А. Теснер.

Проф. Л. ДРЕЙЕР. Задачи и развитие электротехники. Москва. Государственное Издательство. 1919 г. 23 стр.

Брошюра появилась в свет в 1919 году, т.-е. до учреждения Государственной Комиссии по электрификации России (Гоэлро), которая с момента своего появления начала широко популяризировать как в повседневной печати, так в своих отдельных трудах вопросы электрификации в связи с вопросом о перспективах развития хозяйственной жизни страны в целом.

Во вступительной части брошюры автор вкратце излагает историю развития электротехники начиная с первой осветительной установки Эдиссона в 1879 году в количестве 115 электрич. лампочек на пароходе «Колумбия» и кончая современными мощными районными электрическими станциями в сотни тысяч киловатт.

Отметив, что прогресс электротехники отразился на возникновении и развитии новых отраслей промышленности (получение карбида кальция, добывание из воздуха азота и переработка его в селитру и азотистые удобрения, увеличение и удешевление производства алюминия и проч.),—автор на ряде удачных примеров показывает, как развитие электротехники явилось могучим фактором для решения целого ряда серьезных технико-экономических и социальных задач.

Сравнивая электрические станции и потребление электрической энергии на одного жителя в России, Северной Америки и культурных европейских странах, автор подчеркивает очень низкий уровень развития электропромышленности в России и крайнюю отсталость ее в остальных отраслях промышленности. Отсюда автор заключает, что после пережитого военного и революционного периода России придется

почти вновь создавать свою промышленность и что «задача тех, кому так или иначе придется влиять на ход развития нашей промышленности в области техники — сразу ставит ее на ступень, равную или близкую с нашими конкурентами». Как это ни парадоксально на первый взгляд, слабое развитие нашей электропромышленности является удобством при осуществлении этой задачи, так как нам не придется проделать всю ту эволюцию от мелкой блок-станции к гигантским централям, которую проделали Америка и Западная Европа, и мы имеем возможность целиком использовать богатый опыт этих стран, применяя у себя последнее слово электротехники.

Централизация производства электрической энергии в нескольких крупных централях и согласованная работа станций на общую сеть неразрывно связаны, по мнению автора, с одной стороны, с созданием единого государственного центра, «объединяющего и координирующего все электростроительство Республики, с другой стороны с проведением законодательным путем норм рода тока, частоты, напряжения и проч., и стандартизацией электрических машин и аппаратов. Эти мероприятия создадут возможность совместной работы станций, повсеместного использования установленных электромоторов, трансформаторов лампочек и проч. и, наконец, налаживание массового, типового и дешевого производства на наших электротехнических заводах. Обрисовав затем эволюцию развития электрических станций от мелких блок-станций при напряжении 65 вольт до современных мощных электростанций с турбогенераторами в 30 тысяч киловатт и выше при напряжении линии передачи свыше 100.000 вольт, очертив эволюцию в области перехода от постоянного тока к трехфазному, автор указывает на преимущества, связанные с концентрацией производства электрической энергии, а именно: на выравнивание суточной погрузки станции, повышение коэффициента загрузки ее, уменьшение веса меди сети, уменьшение резерва машин, уменьшение стоимости оборудования на установленный киловатт и проч., что в конечном счете влечет за собой значительное понижение стоимости электрической энергии. Вышеуказанные положения автор обосновывает статистикой из области электрических станций Америки, Германии, Швеции и др., а также известной математической формулой, связывающей сечение проводов сети с величиной рабочего напряжения при данной величине потери в линии передачи.

В небольшой по объему брошюре автор сумел сконцентрировать весьма много ценного статистического материала из области электропромышленности в России и за границей. Что касается статистики электрических станций в России, необходимо отметить, что в самое последнее время на VIII Всероссийском Электротехническом Съезде были сообщены и, позднее, опубликованы более исчерпывающие статистические данные, охватывающие почти все, в количестве нескольких сот, электрические станции Республики. Точно также за последние два года появились новые статистические данные о заграничных электрических станциях, свидетельствующие о неуклонном и быстром процессе концентрации производства электрической энергии и вымирания мелких станций.

Изложенная общедоступным языком брошюра принесет несомненную пользу двум категориям читателей: образованному читателю, не обладающему специальными электротехническими знаниями и, наоборот, узкому специалисту-электротехнику, не обладающему широким электротехническим кругозором.

Что касается соображений автора о необходимости сосредоточения всего электростроительства и электрохозяйства Республики в едином центральном органе, о необходимости нормализации системы тока и напряжения и стандартизации электрических машин и аппаратов, то эти мысли считаются в настоящее время прочно установленными и подтверждены VIII Всероссийским Электротехническим Съездом (в октябре 1921 года).

М. Гаухман.

РАБОЧЕЕ ДВИЖЕНИЕ.

Ю. М. СТЕКЛОВ. История рабочего движения. (Три Интернационала). Часть первая. Период I Интернационала. Гос. Изд. 1921. 168 стр.

Если не считать брошюры Арк. А-на до сих пор у нас не было марксистской работы, которая давала бы историю рабочего движения в главнейших капиталистических странах. Этот пробел особенно остро чувствовался студентами наших партийных и государственных университетов, в учебных планах которых история рабочего движения занимает важное место. При таких условиях, популярно написанная и в то же время очень содержательная книга т. Стеклова появилась весьма кстати.

Первая часть охватывает историю рабочего движения в Англии, Франции и Германии приблизительно от 30-х до начала 70-х г.г. прошлого века, т.-е. от начала эпохи промышленного капитализма и вплоть до новейшей ее фразы. Т. Стеклов несколько искусственно называет весь этот период «Периодом I Интернационала». Правда, элементы интернационализма в рабочем движении можно проследить задолго до формального образования Международного Общества Рабочих в 1864 году, но социально - экономические предпосылки для возникновения такой организации сложились лишь к половине 50-х г.г. XIX в.

Эти зачатки интернационализма т. Стеклов тщательно отмечает в своей работе. Уже чартизм «был проникнут духом интернационализма, если еще не вполне пролетарского, то демократического». Чартисты высказывались за международную солидарность рабочих и всех угнетенных народов, выступали в пользу английских колоний... Защищали дело Ирландии, выражали сочувствие польской нации... Ловетт, Купер, Гарней и другие вожди чартистского движения приняли участие в возникшем в 1814 году «демократическом братстве, организованном в Лондоне по инициативе немецких, польских и итальянских эмигрантов. Этот союз являлся предшественником Интернационала» (стр. 45—46). «Интернационалистические чувства, завещанные чартизмом, не умирали среди английских рабочих». Они оживают вновь к началу 60-х г.г., когда во главе английского рабочего движения становится, так называемая, *хунта*. Известно, что I Интернационал опирался в начале преимущественно на английские тред-юнионы (стр. 57—58).

Уже первые тайные общества, организованные немецкими рабочими-эмигрантами, были проникнуты интернационалистическим духом. Но теперь идея братства и солидарности всех людей превращается в идею солидарности «рабочих всего мира в борьбе с их эксплоататорами» (107). Союз коммунистов был первой международной организацией рабочих, стоявшей на почве научного социализма.

Из четырех глав, на которые распадается книжка т. Стеклова, наиболее удачной надо признать первую, отведенную чартизму и «рабочему либерализму». Интересны страницы, посвященные Парижской Коммуне 1871 года (84—105). Подводя итоги этой первой пролетарской революции, автор пишет: «Коренным недостатком тогдашнего французского рабочего движения, обусловившим слабость Коммуны и ее поражение, было отсутствие политической партии пролетариата». Но трагическая судьба Коммуны имела для французского и международного рабочего движения и политическое значение. «Горьким опытом французский пролетариат пришел к мысли о необходимости такой партии, и вот почему большинство оставшихся в живых членов Коммуны примкнули к марксистскому крылу Интернационала в его борьбе с анархизмом, отрицавшим необходимость централизованной партийной организации и политической борьбы рабочего класса. Поражение Коммуны было одной из причин, доставивших победу идеям коммунизма над

идеями анархизма в международном рабочем движении» (105).

Работа т. Стеклова выдержана в строго марксистском духе и дает богатый и тщательно проверенный фактический материал. Следовало бы только уделить несколько больше внимания экономическому развитию Англии, Франции и Германии за соответствующие периоды, иначе—особенности рабочего движения в отдельных странах остаются не вполне понятными. Что касается частностей, то нельзя не отметить одной досадной ошибки автора. Характеризуя позицию французских интернационалистов после революции 4 сентября, т. Стеклов говорит: «Интернационалистическая группа, сознавая свою слабость, не стремилась в тот момент к непосредственной социальной революции. Она хотела только использовать сентябрьский переворот и полученную благодаря ему свободу для усиления рабочих организаций, для сплочения сил «для планомерной подготовки к социальной революции. Но вместо лозунга внешней войны они выдвинули лозунг гражданской войны против своей буржуазии...» (Курсив автора. Н. Л.).

Вот это то последнее положение и не соответствует истине В первые месяцы после провозглашения республики воинственным патриотизмом были охвачены не только бланкисты, но и левые прудонисты, руководившие французскими секциями Интернационала. Даже такие определенные бакунисты, как лионец Ришар, не составляли в этом отношении исключения [1]).

Нельзя указать ни одного документа, в котором тогдашние французские интернационалисты выдвигали бы лозунг замены войны с пруссаками лозунгом гражданской войны пролетариата против буржуазии.

С другой стороны, мы имеем вполне определенное свидетельство секретаря Генерального Совета для Франции—Эж. Дюпона, который в письме к Шарве так характеризует настроение, господствовавшее среди французских секций: «Многие наши друзья... поддались увлечению патриотизмом и составили один хор с буржуа, повсюду вопившими: «забудем разногласия, принесем самые дорогие наши принципы в жертву на алтарь отечества и выгоним неприятеля». Низкий обман! Ибо буржуазии не приходилось и не приходится ничем жертвовать, а народ снова обманут»... В другом письме (к Ришару) Дюпон рекомендует рабочим предоставить «этой буржуазной сволочи (временному правительству. Н. Л.) заключать позорный мир с Пруссией», а пока что укреплять организацию и готовиться к «настоящей войне между пролетариатом и буржуазией».

Но если так думал Дюпон, то ни откуда не следует, что его точку зрения разделяло большинство французских социалистов. Приходится, наоборот, признать, что Дюпон оказался по этому вопросу в печальном одиночестве.

В заключение пожелаем, чтобы т. Стеклов скорее выпустил 2-ю и 3-ю части своего учебника, написанного, если не ошибаемся, согласно заданию Ц. К. Р. К. П.

Н. Лунин-Антонов.

АРК. А-Н. „История рабочего движения в Англии, Франции и Германии" (три типа рабочего движения). Петроград, Коммун. Унив. им. Зиновьева, 1922 г. Стр. 120. Без ц.

«Петроградский Коммунистический Университет имени тов. Зиновьева,—читаем мы на последней странице вышеназванной книги,—своей издательской деятельности ставит на первых порах задачу—удовлетворить срочную потребность рабоче-крестьянской аудитории в таких учебных руководствах, отсутствие которых усложняет и тормозит прохождение курсов и одновременно вынуждает к непроизводительным тратам на технически далекую от совершенства работу (стенографирование лекций и их размножение с помощью гектографа, ротатора и т. д.).

Задача до чрезвычайности важная, как это может быть засвидетельствовано

[1]) Сам Бакунин не разделял, однако, патриотических увлечений своих сторонников

почти каждым лектором. Ни в государственных университетах, ни в специальных высших учебных заведениях (коммунистические университеты, высшая школа профессионального движения и т. д.) нет возможности правильно поставить работу слушателей по целому ряду курсов ввиду необычайной остроты книжного голода. Новая программа высших учебных заведений включает значительную пропорцию курсов, ранее никогда не читавшихся (история рабочего вопроса, история социализма, профессиональное движение, исторический материализм и т. д.) и потому никогда не обслуживавшихся специальными учебниками. Изменение в самом подходе к работе по другим, более ортодоксальным курсам, точно также обусловливает обострение книжного голода, в частности голода в учебниках. Разве мыслимо представить себе правильный ход занятий по политической экономии по учебникам, написанным тогда, когда вся обстановка хозяйственной жизни и тенденции педагогики требовали буржуазного освещения экономических проблем?

Отсюда—необходимость усиления издательской деятельности в области именно обслуживания нужд школ в учебных пособиях и учебниках. Отсюда — все значение предпринятого Зиновьевским университетом издательства.

Но что собою представляет работа Арк. А-на? Наспех—частью по Веббам, частью по Полю Луи и Рингу—написанные очерки рабочего движения в трех основных европейских странах. Книжка была нужна и в таком виде, в каком она вышла из-под пера автора, в момент ее первого издания, в 1917 году. Тогда, при наличии живейшей потребности в ознакомлении относительно широкой читательской массы с главнейшими вехами истории рабочего движения, можно было ограничиться тем, что дает автор, несамостоятельным пересказом, с чужих слов написанным очерком. А теперь? Теперь, когда сотни и тысячи студентов нуждаются в систематическом изучении истории рабочего движения, разве может удовлетворить данная работа? Разумеется, нет.

Для этого она чересчур поверхностна, чересчур не отвечает задачам учебника. Работа Арк. А-на — это компиляция, которая даже изложение истории одной страны строит по схеме той основной работы, какая написана для этой страны. Германия у автора трактуется определенно по Мерингу; для Англии у него готов план Веббов и т. д. Вот почему у него очень слабо очерчены политические движения в Англии и гильдейский социализм совершенно даже не упомянут. Вот почему главнейшие события профессиональной жизни, не упомянутые Веббом, до 1920 г., точно так же оказываются обойденными молчанием (образование института «делегатов от мастерских» и заводских комитетов, зарождение мысли о создании боевого центра профессионального движения в виде тройственного согласия, стачки докеров и др. транспортников в 1911 г. и углекопов в 1912 г., являющиеся переломными в истории английского движения и т. д.). Другими словами, о современном тред-юнионизме, ведущем свое начало еще с 1910 г., в книге нет ни единого слова... А Германия? Что дает для этой страны данная работа? Примерно то же, что и для Англии? Все возрастающее значение профессионального движения нашло свое отражение лишь в кургузой главе, занимающей, по отношению к общему изложению, примерно то же место, пропорционально, какое занимает оно и в работе Меринга... А ведь понять германское рабочее движение никак нельзя без обстоятельного анализа профессионального движения за два десятилетия XX века...

Мы не говорим уже о фактических неточностях. Например, говоря о распыленности английских союзов, автор дает цифру последних в 1154 (1910 г.). Данная цифра попала в книжку т. Майского («В мире германских союзов»), на которую автор и ссылается, как на источник сведений о распыленности из предварительного отчета. Фактическая цифра значительно больше. Даже в 1920 г., после значительного числа слияний, число английских союзов по полным проверенным сведениям министер-

ства труда превосходило эту цифру и составляло 1214... И таких неточностей, объясняющихся, главным образом, поспешностью, с которой писалась работа, содержится в ней не мало. Естественно, все это значительно принижает ценность работы и во всяком случае делает ее непригодной в качестве учебника.

Между тем, именно ее-то и переиздали теперь в качестве такового... Разумеется, во время голода едят все. Во время недохватки тех или иных продуктов обходятся суррогатами. Но если физиология человеческого организма и допускает такое замещение основного подставным, подменышами, то физиология школьного мозга, пожалуй, не позволяет так именно питать этот мозг. Легко может получиться нежелательный результат...

В общем и целом приходится признать первый опыт Коммунистического Университета им. т. Зиновьева неудачным. Мы бы поняли еще переиздание работы тов. Арк. А-на в значительно переработанном и измененном виде. Такой переработке данная книга поддается. Но простая перепечатка со старого издания всего текста безусловно нецелесообразна, а в некоторых отношениях—создание иллюзии преодоления голода—даже вредна.

Прекрасная мысль Комм. Ун. имени т. Зиновьева на практике оказалась, таким образом, еще не реализованной...

Б. Яроцкий.

М. СМИТ. Классовая борьба в современной Англии. Изд. Профинтерна. Москва 1922 г. Стр. 120. Цена 1 руб. зол.

«Англия—одна из самых индустриализованных стран мира. У нее почти нет мелкого землевладения. Огромное большинство ее трудящихся масс принадлежит к классу наемного труда. Количество промежуточных элементов и так называемых независимых работников является ничтожной величиной по сравнению с пролетариатом в чистом виде... Средние классы теряют свое значение в грандиозной схватке двух классов. Поэтому-то английские рабочие, несмотря на отсталость организационных форм их профсоюзов, несмотря на путы, которыми все еще оплетают их вожди, все же сравнительно легко пролагают себе дорогу к классовому сознанию чистой воды... Его (пролетариата) борьба с его буржуазией есть действительная подлинная классовая борьба. Его требования, предъявляемые к буржуазии, есть действительные подлинные пролетарские требования, исходящие из понимания производственных задач момента и сознания производственной солидарности пролетариата. То сопротивление, которое он оказывает наступающей на него буржуазии, происходит несколько дезорганизованно, и то поражение, которое он терпит в некоторых классовых схватках, чрезвычайно жестоко. Но в этом виноват не борющийся пролетариат, как таковой, а отсталость и непригодность форм его организации, дающей возможность кучке буферных авантюристов мешать развитию его борьбы и росту его сознания».

Такой вывод делает на страницах 118—119 своей новой работы «Классовая борьба в современной Англии», т. М. Н. Смит. И приведенная in extenso цитата характерна не только в качестве вывода. Она показательна для всей работы, которая представляет собою вдумчивый, приводящий к широким обобщениям, анализ картины классовой борьбы английского пролетариата за все XX столетие. Англия представляет собою, с точки зрения автора (которую разделяет вполне и пишущий эти строки), лабораторию классовой борьбы, вообще, лабораторию, по работе которой мыслимо составить себе точное и ясное представление о движущих силах мировой революции, о возможных исходах ее и о неизбежном конечном результате. Законченность классового деления английского общества—вот то условие, которое делает из Англии подобную лабораторию. Медлительность эволюции организационных форм рабочего движения, вытекающая, быть может, отчасти именно из самого факта индустриализации страны (так как подобная индустриализация имела место лишь в силу необычайно благоприятного положения Англии в течение

XIX в. на мировом рынке, что значительно улучшало положение отдельных прослоек рабочего класса, связывало их с капитализмом и соответственно усложняло внутри-классовые отношения), в свою очередь, позволяет проанализировать законы развития социальной революции с большей легкостью, чем в стране с более сложными классовыми отношениями и большей организационностью движения.

Работа т. Смит представляет собою, однако, нечто большее, чем удачную попытку анализа картины классовой борьбы в современной Англии. Именно подход автора к теме, как к теме о *перспективах* классовой борьбы, делает из работы опыт прогноза, основанного на фактах истории первых двух десятилетий XX в. При этом, помимо анализа фактического содержания классовой борьбы, помимо анализа соотношения общественных сил, участвующих в этой борьбе, и их конкретных социально-экономических платформ, автор дает нам анализ тенденции в развитии производственной техники и самого производства, как условий, предопределяющих собою перспективы классовой борьбы.

В этом отношении т. Смит учитывает в частности то обстоятельство, что имеющиеся запасы топлива скоро окажутся явно несоответствующими развитию производительных сил и что «техническое применение суб-атомной энергии, тайна которой уже вырвана учеными у природы, сделается очередным вопросом дня» (стр. 100—101). Подобная же революция в технике не может не повлечь за собою «колоссальную революцию в производственных отношениях». «Электрификация и анархический капитализм,—говорит т. Смит, — почти исключают друг друга. Суб-атомная энергия стоит в резком противоречии даже с национально-организованным капитализмом» (стр. 101). Между тем в ходе классовой борьбы в Англии замечается то, что «английская буржуазия, как класс, возвращается к тому периоду капитализма, когда дешевый труд являлся для нее более выгодным, поскольку она отступает от прогрессивно-технического способа хозяйствования и поскольку рыночная конъюнктура заставляет ее считать «выгодным» такой переход к хищническому хозяйству» (стр. 89).

В краткой рецензии нет возможности подробнее остановиться на данной точке зрения, подкрепляемой в самой книге бесконечным рядом иллюстраций из английской хозяйственной практики, из аргументов представителей буржуазного лагеря и эпизодов классовой борьбы. По существу, конечно, эта точка зрения не нова. Она была формулирована еще К. Марксом, когда он говорил о неизбежности перерастания средствами производства рамок капиталистического хозяйства. Но что важно, так это не относительная новизна (или наоборот) данного положения, а та *доказанность* уже имеющегося в Англии на-лицо перерастания, какая впервые находит себе место столь определенно в нашей литературе. Именно доказательность исходных положений т. Смит и делает особенно ценным тот общий вывод, которым заканчивается его работа, и который приведен нами в начале рецензии.

В общем и целом существо работы, М. Н. Смит и заключается в том, что она, проследив все пути, которыми развивается в современной Англии классовая борьба, приводит нас к признанию неизбежности в самом близком (в исторической перспективе рассматриваемом) времени одного из трех возможных исходов: либо кратковременного перехода страны к системе государственного капитализма, с заменой в конечном счете системой общественного хозяйства в силу осознания пролетариатом предпочтительности последнего; либо перехода власти к реформистской рабочей партии, с неизбежным разочарованием рабочих масс в половинчатости реформистской политики; либо, наконец, постепенной деградации народного хозяйства, постепенного возврата к земледелию и т. д., что является, однако, наименее возможным. В первых двух случаях классовая борьба в современной Англии приведет к тому, что новой производственной технике (которая необходима и будет развиваться) будут соответствовать и новые производственные отношения. А такими про-

изводственными отношениями, при наличии непрерывного роста классового сознания пролетариата, могут быть лишь отношения, свойственные коммунистическому строю жизни.

Работа М. Н. Смит отличается большой продуманностью и глубокой трактовкой вопроса.

Но есть, тем не менее, одно замечание по поводу выводов М. Н. Смит, которое мы считаем нужным сделать. Объективная неизбежность одного из указанных исходов совершенно доказана. Доказано также и то, что в ходе классовой борьбы буржуазия проявляет тенденцию итти назад, к тому периоду капитализма, который основывал процветание народного хозяйства на дешевом труде и усиленной эксплоатации. Тут не столько даже тенденция, сколько факт, иллюстрируемый всеми эпизодами классовой борьбы в современной Англии (и, думается, не только в ней одной). Совсем иное, раз речь идет о рабочем классе, М. Смит указывает, что за первые два десятилетия английский пролетариат перешел от потребительской точки зрения на задачи рабочего движения к производственной, что его подход ко всему в классовой борьбе, как она развертывается теперь в современной Англии, является подходом производственным. На наш взгляд—это не совсем точно передает существо дела. Что в рабочем классе все сильнее сказывается именно этот последний подход—спорить нельзя. Об этом говорят главнейшие эпизоды угольных конфликтов 1919—1921 г.г. Но будет несравненно правильнее сказать, что такова *назревающая тенденция*, а не факт классовой борьбы. Пролетариат лишь проделывает путь к подобному, производственному подходу, а не подошел уже окончательно к нему. Если бы дело обстояло не так, а иначе, то, разумеется, непонятна была бы идеологическая и организационная отсталость английского пролетариата, отдающего его в моменты обостренных конфликтов в жертву черному предательству вождей. Нет, лишь намечающейся тенденцией, а не свойством рабочего движения в современной Англии является производственный подход к классовой борьбе со стороны английского пролетариата—и отсюда-то и вытекают все его поражения, все его неудачи...

А. Чекин.

ИСТОРИЯ РЕВОЛЮЦИИ.

Н. ЛУКИН (Н. АНТОНОВ). Парижская Коммуна 1871 г. Госуд. Изд. М. 19-2. Стр. 408.

Новая работа Н. Лукина представляет вполне самостоятельное научное исследование, использовавшее заново огромный исторический материал, в том числе, что особенно важно, первоисточники. Примыкая в общем в своей оценке Коммуны к обычным взглядам революционного марксизма, в значительной мере совпадающими со взглядами Лаврова в его известной работе, Н. Лукин занимается объективным изучением и объяснением фактов. В этом смысле книга Лукина, действительно, первое научное марксистское исследование о Коммуне и заслуживает самого внимательного изучения.

Книга распадается на три неравных части, из которых первые две—«Эпоха Второй Империи» и «Правительство Национальной обороны», занимающие 131 страницу, представляя как бы обширное историческое введение к собственной истории революции 18 марта, сами по себе дают очень ценный и разнообразный материал и читаются с большим интересом. Третья часть, занимающая больше двух третей книги, посвящена исключительно описанию событий от 18 марта до 29 мая и подробному, тщательному критическому анализу классового и политического состава коммуны, и особенно ее военной, политической и социально-экономической деятельности. Последняя разобрана автором особенно подробно.

Вся книга представляет собою в высшей степени ценное пособие для всякого, изучающего социально-политическую историю Франции с 1851 по 1871 г.г., при чем, давая много нового и тем, кто уже знаком по другим источникам с историей Коммуны: благодаря обилию свежего и мало использованного материала, книга написана настолько доступно, что ее прочтет с пользой и мало подготовленный читатель. Единственный ее недостаток — суховатость изложения, которая зато окупается серьезностью и объективностью содержания.

Издана книга сравнительно прилично, но, по обыкновению, не сшита.

Б. Горев.

Z. ANGARIETIS. Lietuvos revoliucinio judejimo ir darbininku koros istorija.

Partijos istorija iki 1896 m. Tomas I. «Komunisto knygynelis» № 112, 1921 m.

З. АНГАРЕТИС. История революционного и рабочего движения в Литве. История партии до 1896 г. Том I. Изд. „Библиотечки Коммуниста" Комм. Партия Литвы № 112, 1921 г., стр. 232. (Место изд. не обозначено).

Потребность в изучении рабочего движения усилилась в последнее время не только в России, но и в странах менее богатых прошлым. Дать правильную, большевистскую оценку рабочего движения и различных социалистических партий особенно важно для стран, где долгое время господствовали меньшевики, социал-патриоты и другие их разновидности, а коммунистическая партия выкристаллизовалась и окрепла только в последние годы. К таким странам принадлежит Литва, с преобладающим в ней мелким производством в промышленности и крупным землевладением в сельском хозяйстве. Несмотря на это, благодаря целому ряду исторических причин и географическому положению Литвы, на заре рабочего движения в бывшей царской России, Литва с главным ее центром, Вильной, играет довольно крупную роль. Вильна—колыбель еврейского рабочего движения, которое до начала 900 годов играло весьма крупную роль даже в обще-российском масштабе. Вильна долгое время оставалась центром рабочего движения не только Литвы, но и Белоруссии (быв. Северо-Западного края).

Истории начала рабочего движения в Литве и посвящена книга т. Ангаретиса. В предисловии говорится, что весь труд должен составить 4 довольно объемистых тома. Покамест вышел только первый.

В первом томе автор кратко останавливается на возникновении классов в Литве и положении рабочих во времена крепостного права (на основании Литовского Статута и произведений первого лллитовского поэта Дуонелайтиса, писавшего во второй половине XVIII в.). Потом говорит о крестьянских восстаниях в XVIII в. (в быв. Ковенской губ.; русской исторической литературе об этих восстаниях до сих пор ничего не имеется), о восстаниях 1794, 1830 и 1863 г.г. и классовом их характере.

К сожалению, последних автор касается очень бегло и далеко не использовывает, по крайней мере, важнейших материалов, которыми очень богата польская литература. Дальше т. Ангаретис переходит к революционному движению в России, и дает его характеристику (от 1864 до 1880 г.г. и от 1831 до 1895 г.г.). Попутно касается социалистического движения в Польше, ибо как то, так и другое оказало большое влияние на рабочее движение в Литве. Дает характеристику литовского национального движения, особенно усилившегося от 1883 г., когда вышел первый зарубежный литовский журнал «Auszra» («Заря»—до 1904 г. все напечатанное на литовском языке латинскими буквами, вплоть до молитвенников, было в России нелегально и преследовалось законом).

Более подробно автор останавливается на первых марксистских кружках в Вильне, появившихся во второй половине 80 годов и окрепших в начале 90 годов. Тогда там начал первые свои шаги в марксистских кружках и незабвенный Тышко-Иогихес, — уже там он проявил силу своей железной воли. К сожалению, об этом автор не дает никаких сведений. Дальше находим довольно

богатый материал о положении рабочего класса в Литве и забастовочном движение в начале 90 годов (на основании данных первых изданий С.-Д. П. Л. некоторых изданий П. П. С.).

Наконец, автор переходит к возникновению социалистических группировок в Литве. Дает характеристику кружков, которые легли в основу С.-Д. П. Л., созданной в 1896 г., кружков П. П. С., «Рабочего Союза Литвы», созданного покойным Залевским, впоследствии объединившегося с С.-Д. Польши и образовавшего совместно с ней С.-Д. Польши и Литвы. Более кратко останавливается на кружках еврейских рабочих, борьбе в их среде,—кружковщине, экономизме и первых проблесках политической борьбы.

В книге т. Ангаретиса собрано много материалов, касающихся рабочего движения в Литве. На основании его автор дает характеристику рабочего движения в Литве и различных социалистических группировок в начальной их стадии. Однако т. Ангаретис использовал далеко не весь тот материал, который имеется на русском, польском, а особенно еврейском языках, потому с некоторыми выводами автора едва ли можно согласиться, например, с характеристикой «Рабочего союза Литвы», якобы находившегося под влиянием П. П. С. Надо надеяться, что в следующих томах таких пробелов не будет.

Несмотря на это, книга т. Ангаретиса представляет большую ценность не только для литовского рабочего. Некоторые ее главы, пожалуй, следовало бы перевести и на русский язык.

В. Мицкевич-Капсукас.

ВЕРА ФИГНЕР. Запечатленный труд. Изд. „Задруга". Москва 1922.

Первые три главы, посвященные детству и ранней юности автора, местами не лишены поэтического колорита; но, конечно, не в них интерес книги. Автор ее далеко не последняя величина в «партии Народной Воли»,— революционной партии рубежа 1870 — 1880 годов. Воспоминания о работе автора в этой партии и о самой партии составляют бесспорную ценность книги, — ценность и для нас, коммунистов.

«Народная Воля» считала себя народнической партией; в позднейшее время народниками считались эс-эры, эн-эсы и т. п. Но между последними и народовольцами легла резкая грань, — грань не только хронологическая. Народовольцы были продуктом революционных настроений той эпохи, когда классовые противоречия еще не достаточно выяснились, когда едва-едва намечалось в интеллигенции сознание расхождения интересов — а следовательно, и идеологии — пролетариата, с одной стороны, и либеральной буржуазии—с другой. Партия «Народной Воли» была, — если можно так выразиться,—примитивным синтезом будущих политических партий, дороги которых резко разошлись.

Еще в 1898 году, в манифесте об образовании марксистской («социал-демократической») партии в России было указано, что, «ставя главнейшей из ближайших задач партии в ее целом завоевание политической свободы, социал-демократия идет к цели, ясно намеченной еще славными деятелями старой Народной Воли. Но средства и пути, которые избирает социал-демократия, иные... Выбор их определяется тем, что она сознательно хочет быть и остаться классовым движением организованных рабочих масс». (См. «Пролетарская Революция» № 1, стр. 98.)

В народничестве 1870 годов также намечалось стремление быть «классовой партией», партией мелкой буржуазии (крестьянства). Но только намечалось. По составу же оно было течением интеллигентским, всегда тяготеющим к буржуазии, какой бы анархической идеологией ни облекалось это интеллигентское течение. Но были в народничестве вообще,—а в народовольчестве в частности, — и элементы с идеологией пролетарской.

Например, — рассказывает В. Фигнер, — «если среди основоположников «Народной Воли» была якобинка Ашанина, то был среди нас один любимый товарищ, который заявлял, что он социал-демократ. Зунделевич, бывший чайко-

вец, а затем землеволец, бывал за границей, в Германии, и там не только познакомился с социал-демократической доктриной, но и воспринял ее, став социал-демократом в духе членов немецкой социал-демократической рабочей партии» (стр. 146).

И не один Зунделевич, как видно из книги В. Фигнер, был социал-демократом или человеком, близким к с.-д. При таких условиях является бессмыслицей даже постановка вопроса о том, какая из позднейших партий являлась продолжателем «Народной Воли».

Но, конечно, «Народная Воля» имела свою историю, и интересно знать, в какую сторону шло ее развитие. Книга В. Фигнер в этом отношении в высшей степени поучительна. Выдающийся практический деятель, В. Фигнер не была, однако, идейным вождем движения: она его воспринимала и понимала так, как воспринимали и понимали более или менее рядовые сознательные члены партии. Это обстоятельство представляет свою особую ценность для позднейших поколений революционных борцов, в смысле ознакомления их с деятельностью предшественников, с их стремлениями и мотивами, с надеждами и разочарованиями.

С другой стороны, ценность книги заключается в том, что в ней перед читателем проходит история партии, начиная с момента ее зарождения и кончая периодом умирания, — от начала до конца.

Имеются и новые штрихи, новые подробности. Невозможно перечислить их в краткой рецензии. Отмечу лишь одно обстоятельство, которое нередко остается в тени у авторов, писавших о возникновении идеологии «Народной» Воли, и которое, напротив, особо подчеркивается нашим автором. Это—вопрос о том, насколько продуктивна была деятельность народников в той среде, на которую они больше всего рассчитывали,— и вообще благоприятен ли был момент для нарождения новой партии.

«В период деятельности «Народной Воли, — говорит В. Фигнер, — приток свежих сил в глухую провинцию не существовал, и это произошло *раньше*, чем образовалась «Народная Воля». Когда Плеханов и Попов настаивали на сохранении старой программы и боролись против того, что они называли опасным увлечением, они обыкновенно упрекали товарищей в том, что боевые акты отвлекают молодежь от стремления жить и работать в деревне. Они не были правы: не террор отвлекал молодежь от деятельности в народе, а отсутствие результатов... Я прожила в Петровском уезде 10 месяцев, мои ближайшие товарищи в Вольском уезде немного более, и утверждаю, что к нам за все время не присоединился ни один человек, хотя устроиться на местах при уже заведенных связях было чрезвычайно легко. Можно было притти в отчаяние от революционного одиночества, в котором мы жили... Таким образом, Плеханов и Попов неправильно приписывали успехам террористических актов то состояние равнодушия к деятельности в деревне, которое все более и более распространялось среди учащихся высших учебных заведений—этих главных поставщиков революционных сил» (стр. 147—149). Как известно, попытка Плеханова и его товарищей остаться при старой народнической программе потерпела крушение, уступив место расцвету «Народной Воли». Но известно также, что потерпевшие крушение Плеханов и его товарищи вышли на новый путь, черты которого намечались еще со времени старого народничества. С.-д. Зунделевич народоволец; а народник Плеханов — нет. Таким образом, пути расходились своеобразно; но расходились все дальше. Классовая идеология завоевывала позиции по мере того, как в экономической жизни, в хозяйстве страны все ярче выявлялось противоречие классовых интересов. А в конечном счете одна дорога привела к коммунистической партии; другая же — завела людей обратно, в объятия дворянско-буржуазной контр-революции.

Книжка В. Фигнер очень ценна для освещения исходного пункта расхождения путей. Ее можно в этом смысле очень рекомендовать, чтобы затем перейти к брошюре Плеханова «Русский рабочий в революционном движении».

М. Ольминский.

С. ВАСИЛЬЧЕНКО и ИВ. СТАВСКИЙ. Первый бой. (К двадцатилетней годовщине Ростовской стачки 17 ноября 1902 г.). Кооперативное Издательство „Московский Рабочий". Москва 1922 г. 40 стр. Цена не обозначена.

Ростовская стачка 1902 г.—знаменитая стачка. Мимо нее не может пройти ни один из интересующихся нашим рабочим движением. Происходила она в период борьбы «искровцев» с «экономизмом» и со всей убедительностью показала тогдашним вождям рабочего движения, что в силу объективных условий рабочая масса сама, стихийно, переходит от чисто экономической борьбы к борьбе политической. Стачка была последним, самым убедительным, аргументом против «экономизма». Но этим ее значение не ограничивается. Она вскрыла и другую сторону рабочей борьбы, она показала и изумила всех героической готовностью пролетарских масс встать на защиту своих человеческих прав в широкой открытой борьбе, ни страшась ни временных поражений, ни жертв.

Вполне понятно, что интерес к Темерникским событиям усиливается, когда появляется книжка, написанная самими участниками стачки, ее руководителями.

Авторы не ставят перед собой цели дать политико-экономическое или другое какое-либо идеологическое обоснование событиям, перед которыми растерялась даже государственная власть; в живой, полубеллетристической форме, тов. Васильченко повествует о том, как зарождались, развивались и чем кончились события. Он больше раскрывает психологическую сторону борьбы, показывая читателю обычных рабочих в их обычной домашней обстановке, без всякой идеализации. Читатель видит, как борьба отзывается в сердцах старика, молодого рабочего, мальчика-подростка, старушки. А все это придает особый интерес книжке, так как описанные события ранее нашли отражения, главным образом, в чисто политической литературе, которая в силу своего характера, естественно, не вскрывала психологических основ движения.

Читаешь книжку и видишь не столько авторов работы и других руководителей стачки, сколько саму массу, живую, волнующуюся, трепещущую; видишь, как она растет и становится героем, готовая умереть под копытами казацких лошадей.

Тов. Ставский на четырех последних страничках говорит о роли Донского Комитета Р. С.-Д. Р. П. в этой стачке. Жаль, что автор поскупился на воспоминания. При более обстоятельном воспоминании возникновения и работы Донского Комитета книжка выиграла бы и в смысле ясности и как исторический документ. В данном своем виде она нового ничего не дает.

В книжке отдельные места возбуждают сомнения и возражения.

Стачка, как известно, вспыхнула *в субботу*, 2 ноября; забастовали котельщики железнодорожных мастерских, а через два дня примкнули и остальные цехи. По рассказу тов. Васильченко выходит, как будто первым забастовал механический цех и не в субботу, а в другой день. Тут возможны два предположения: или не точны были газетные данные, по которым описывалась ростовская стачка, или товарищ описывает не первый день забастовки, а какой-то последующий. Вернее последнее предположение.

Когда забастовавшие шумно вышли из мастерских во двор, Ставский, толкая Захара, говорит:

— Поднимайся и говори, что *до завтра* никто не должен становиться на работу, а завтра в десять утра чтобы все были здесь для выработки требований и выбора депутации.

Если дело происходило в субботу, то Ставский сказал бы, несомненно, не «до завтра», а до понедельника, так как воскресенье день все равно не рабочий. Очевидно, был канун будничного дня, а следовательно, и не первый день стачки. Да и Донской Комитет вряд ли стал бы спешить с выработкой требований, а главное посылкой депутации до присоединения к стачке остальных цехов, а это произошло через два дня.

У нас календарным днем Ростовской стачки принято считать 3 ноября старого стиля; это по существу правильно, так как 3-го первый раз рабочие собра-

лись в Камышевхинской балке, но на это число приходится воскресенье, забастовка была объявлена 2-го.

Неточности есть и у тов. Ставского,— Лизы Быстрицкой не было. Была Елизавета Викторовна Торсуева. Она впоследствии вышла замуж за проф. Московского университета М. М. Рязанова, нашего партийного работника.

Брагин никакой склонности к эс-эровству не имел. Сначала он работал совместно с нами, а потом стал меньшевиком.

Обойдены молчанием Фертанфро Партсигарыч (Фофанов), Дм. Куз. Тимофеев, Козин и другие.

Эти неясности и неточности не портят статьи Васильченко, но они неприятны у Ставского.

Книжка прочтется с увлечением, и мы горячо ее рекомендуем каждому рабочему.

Валерьян Полянский.

ФЕВРАЛЬ. Сборник воспоминаний о 1917 г. Саратовское Бюро Истпарта. Саратов. Гос. Изд. 1922 г. 68 стр.

Небольшой сборник воспоминаний, посвященных февральской революции, изданный в Саратове, интересен и ценен.

История февральской революции только-только еще намечается. Но уже сейчас можно иллюстрировать рядом фактов и показаний участников, роль тех трех слоев, трех общественных групп, бывших на общественной сцене в февральские дни, и на активную роль которых, как борющихся в революции сил, указал тогда же т. Ленин в статье: «Первый этап первой революции» (Письмо из далека). В первые дни февральской революции резко обозначились «три политических лагеря», три основных политических силы: 1) царская монархия, глава крепостников-помещиков, глава старого чиновничества и генералитета; 2) буржуазная и помещичья октябристско-кадетская Россия, за которой плелась мелкая буржуазия; 3) Совет Рабочих и Солдатских Депутатов, ищущий себе союзников во всем пролетариате и во всей массе беднейшего населения (Собр. соч. Ленина, т. XIV, ч. 1) Роль этих трех сил в февральские дни была различна. Осколки царской монархии, как в столице, так и в провинции, пытались оказать сопротивление революции: буржуазия, относясь к революции враждебно, сначала пыталась остановить размах народного движения и пробовала заключить сделку с падающей монархией, а когда волны народного гнева смыли с чудесной быстротой весь строй царской России, буржуазия пытается оседлать революцию, использовать ее в своих целях, захватить власть в свои руки, и, наконец, пролетариат и крестьянство, рабочие и солдаты стихийно уничтожали на своем пути все постройки и преграды царской России, заливая своими могучими волнами площади городов, смывая верные правительству войска, они были активной силой, и единственной силой февральской революции. Роль этих трех сил в зависимости от места несколько менялась, но основные линии были одни и те же. Одни сопротивлялись, как могли, революции, другие, подталкиваемые революцией, все время стремились использовать революцию, и третьи творили революцию. В этом отношении воспоминания, приводимые в сборнике, дают в высшей степени ценный и интересный материал. В февральские дни в в Саратове все эти три силы столкнулись, и открыто и резко проявили и выявили себя. Вот, например, отрывочная сценка, данная очевидцем февральских дней в Саратове: «1 марта в 5 ч. дня в Гор. Управе экстренное частное совещание гласных. Ввиду широкой огласки событий пришлось созвать более широкий круг лиц для совещания На совещание явился губернатор и произнес речь, в которой говорилось о любви к родине, о мерах против того, чтоб ликование не было вынесено на улицу, что в этом деле ему, главноначальствующему, должны помочь гласные думы. «Что же касается меня,—сказал губернатор,—то я не оставлю своего поста до тех пор, пока государь император не издаст приказ об отставке и не признает нового правительства. Ура за армию и ее вождя». Гласные прокри-

чали «ура». Губернатор, держа дворянскую фуражку под мышкой, быстро, торопливо удалился, видимо избегая разговоров с гласными. Растерянные, недоумевающие, они из залы направляются в кабинет гор. головы. «Как быть? что делать?»—Заместитель гор. головы Яковлев осторожно пытается навести мысли гласных на путь директив, данных губернатором. — «Губернатор ждет манифестации.—Но успеха нет». Решают собрать в 9 ч. в тот же день расширенное собрание для выбора комитета общественной безопасности. На этом собрании присутствуют и выступают и представители от саратовских рабочих организаций Васильев, Милютин, Степанов. «Кадеты» в лице гл. Красникова, Никонова и др. вообще были против комитета, или же согласились на чисто информационные функции его. Никонов договорился до того, что предлагал оставить на месте старую полицию, которая, по его мнению, и теперь будет послушным органом». На этом собрании выступали и представители рабочих. «...достаточно было,—пишет мемуарист, тов. Васильев,—заявить, что он хочет объяснить, как рабочие смотрят на происходящие события, со своей рабочей точки зрения, как по залу пробежал гул недовольства, протеста, единичные выкрики»; тов. Васильев говорит: «Временное правительство должно опереться на рабочий класс, на улицу, о которой так пренебрежительно отозвался здесь губернатор. Мы знаем, что старый строй свален улицей, что она одна и может направить его деятельность на правильный путь, что Чхеидзе и Керенский всплыли также благодаря улице». Выступающий после него тов. Милютин пытается доказать, что самодержавие пало благодаря забастовкам и вооруженному восстанию в Петербурге, настаивает на требовании немедленной амнистии и создании участковых попечительств, которым и передать управление общественной жизнью и осведомление населения о событиях. «Временное правительство есть временное, а надо, чтобы оно стало постоянным». Эта несколько длинная выписка великолепно обрисовывает соотношение трех сил, бывших на общественной арене в момент революции. В Саратове, как и в Петрограде, как и везде, двигающей, живой, действующей силой революции был пролетариат и солдаты, только они шли неуклонно вперед, буржуазия мечтала о «порядке» и цепко держалась за весь аппарат старой власти. На-ряду с этими интересными сообщениями т. Морозова, в сборнике помещен ряд воспоминаний о том, как проходили февральские дни среди саратовских рабочих, в саратовском гарнизоне. Сборник не ограничивает себя рамками только Саратова. В нем напечатаны интересные воспоминания Леонтия Котомки: «В феврале 1917 г.», описывающие февральские дни в Москве.

Несколько т. т. дали свои воспоминания о том, как была принята весть о февральском перевороте в армии, на фронте; т. Чиган: «В царских окопах», «Виктор Бабушкин», «1 марта на рижском фронте». Эти небольшие воспоминания солдат-окопников имеют огромный исторический интерес. Они дают представление о том, как реагировал классовый состав армии на происходившие события. О том, как держал себя в дни февраля высший командный состав, теперь, когда напечатаны воспоминания ген. Лукомского и документы этих дней (вторая и третья книги Архива Революции изд. Гессеном в Берлине), можно судить довольно подробно; о том же, как приняла февральскую революцию армия на фронте, пока далеко еще не достаточно известно, в этом отношении воспоминания, приведенные в сборнике, несмотря на всю их случайность и отрывочность, интересны. «1 марта,—рассказывает Бабушкин,—был парад... застыли, как сфинксы, с тупой злобой смотрели в мохнатую широкую пасть ротного. Коротконогий командир полка к нам приближался. Не дойдя десяти шагов, врылся в снег своими коротышками и, вынув клинок шашки, заревел голосом надтреснутого колокола: «Братцы! Подходи ближе, без команды, кругом, плотней». Мы окружили его плотным кольцом, перестав удивляться сегоднешнему необычаю. «Слушай внимательно,—орал коротыш.—Братцы, свершилось великое историческое дело, министров по шапке». Коротыш махнул

рукой, изобразив по шапке. «Теперь вековая стена, которая разделяла царя от народа, рухнула, царь и народ слились воедино, царь отец—мы его дети, народные представители—Государственная Дума, будут трудиться вместе с отцом-царем на благо родины: Родзянко, Милюков»... Сердце оторвалось и покатилось, в висках застучали молотки, мысли как молния: «Вот оно начинается... Доведем войну до победного конца, да здравствует император Николай второй». Дико-радостное, необъятное ревело «ура». Выстраиваясь к церемониальному маршу, солдаты громко говорили, смеркались, курили,—дисциплина сразу стала понижаться. Тупые, серые лица солдат словно сняли маски, стали одухотворенные, блестели глаза, играли губы. Офицерство собралось на левом фланге, как-то сразу оставив солдат одних»... В этом описании интересно, с одной стороны—это реагирование различных классовых групп армии на события, резкое выявление сразу же классовой противоположности командного состава и солдатских рядов и, наконец, та перспектива, в какой передавались солдатам сведения о происшедшем. Несколько особняком стоят в сборнике воспоминания о февральской революции военнопленных, узнавших о ней в германском и венгерском плену.

В общем сборник имеет, несомненно, интерес для историка и рядового читателя. Тем более, что напечатанные до сих пор воспоминания касаются лишь Петрограда, принадлежат чуждым пролетариату элементам, и воспоминания и рассказы рядовых участников февральских дней затерялись среди бесчисленных газетных страниц и не всегда известны даже специалистам. Саратовский сборник написан рядовыми борцами, в нем приняли участие те, кто своей стихийной силой воплотил в жизнь, наконец, пророчество старого семидесятника, рабочего Алексеева, о том, что настанет время, подымется мускулистая рука рабочего люда и «ярмо самодержавия, огражденное солдатскими штыками, разлетится в прах». Саратовский сборник и рассказывает о том, как она поднялась.

С. Пионтковский.

А. Н. РЯБИНИН. Материалы для биографии Р. М. Семенчикова (1877—1911). С приложением статьи Д. Бутина «Из истории рабочего движения в Иваново-Вознесенском районе». Комиссия по истории Октябрьской Революции и Р. К. П. Госуд. Издат. М. 1922 г. Стр. 73.

Будет очень жаль, если заглавие брошюры и ничего не говорящее громадному большинству читателей имя человека, которому эта брошюра посвящена, отпугнут от нее читателей. Дело в том, что материалы, собранные А. Н. Рябининым, представляют большой интерес не только с точки зрения ознакомления с личностью Р. М. Семенчикова, но и в других отношениях. Они ценны вследствие того, что дают возможность познакомиться с личностью типичного представителя передового и наиболее интеллигентного слоя русского рабочего класса начала XX столетия, с личностью одного из тех, кто делали революцию 1905 г. и из среды которых вышли руководители революции 1917 г. С этой точки зрения, Семенчиков—фигура весьма характерная. Это—рабочий, примкнувший в 1897 г. к социал-демократическому движению, переживший эволюцию от чистого «экономизма» в сторону приятия политической борьбы, в 1905 г. руководивший боевой дружиной Р. С.-Д. Р. П. в Риге, арестованный и приговоренный к смертной казни, замененной для него 15-летней каторгой, и погибший в 1911 г. на каторге.

Брошюра состоит из краткого биографического очерка, содержащего в себе сведения о жизни и революционной работе Семенчикова, дневников, которые он вел в тюрьмах, и писем из тюрьмы и с каторги. Материалы эти дают возможность познакомиться и с кругом духовных запросов Семенчикова и с его взглядами на основные вопросы революционного движения в России и на пути, по которым должно развиваться это движение.

Присоединенная к работе Рябинина статья Бутина, а равным образом примечания к этой статье, данные О. А. Варенцовой, содержат в себе кое-какие сведения, пополняющие уже ранее опубликованные материалы по истории

Иваново-Вознесенского рабочего движения, но непосредственного отношения к Семенчикову не имеют.

Б. Павлов.

Д. СВЕРЧКОВ. „На заре революции". Гос. Изд. М. 1922 г. Стр. 312.

Книга Сверчкова, бывшего после ареста Хрусталева членом президиума петерб. совета раб. деп. 1905 г. (под псевдонимом «Введенский»), в котором он исполнял функции кассира, читается с большим и неослабевающим интересом. Демонстрации начала 1900-х г.г., убийство Плеве, революция 1905 г. и деятельность петерб. совета, суд над депутатами, тюрьма и ссылка, побег, годы парижской эмиграции, нелегальное возвращение в Россию в 1910 г., арест и новая тюрьма при столыпинском каторжном режиме, — все это достаточно интересно само по себе и все это рассказано с большой литературной живостью, даже талантом.

Беда лишь в том, что желание быть интересным и живым рассказчиком во что бы то ни стало, желание все важнейшие события революционной эпохи описывать в качестве участника или очевидца,—это желание очень часто увлекает автора слишком далеко, и в его воспоминаниях «Dichtung» занимает, пожалуй, не меньше место, чем «Wahrheit».

В самом деле, в печати уже указывалось на такие несуразности, как пронос мимо сыщика с молодцеватым видом шести пудов шрифта. Но это мелочи. Гораздо характернее, что Д. Сверчкову поразительно везло в смысле встреч и громких событий, при которых он присутствовал, в которых участвовал или которые предвидел. Нападения японцев на Россию в 1904 г. он «ожидал уже почти целый год». Убивают Плеве,—и Д. Сверчков тут как тут. Во все интересные моменты он встречается на улице с нужными для оживления рассказа рабочими. Он присутствует накануне 9-го янв. при том, как Гапон за Невской заставой читает рабочим петицию. Он же присутствует на похоронах убитых. К нему, сравнительно далекому от партийной организации, обращаются «вскоре после 9-го янв.» рабочие за бомбами, и он им обстоятельно объясняет, что с.-д. такими делами не занимаются. Это в то время, когда даже у меньшевиков налаживалась под Петербургом мастерская бомб, которая и провалилась весною 1905 г. Иногда это желание обо всем говорить в качестве участника и очевидца увлекает нашего автора до того, что он впадает в забавные противоречия. Так, на стр. 71 мы читаем, что на «приказ Трепова (после 9-го янв. Б. Г.) о выборе 14 депутатов от рабочих для представления царю», конечно, рабочие не откликнулись, и пришлось заводской администрации вместе с полицией с трудом подбирать «надежных» рабочих из «забитых и темных стариков», число которых «до 14-ти дополнили агентами охранного отделения». Казалось бы, в этой среде у Сверчкова не могло быть связей. Но наш пострел и тут поспел. «Через несколько дней один из «депутатов» обратился ко мне с просьбой раздобыть ему какой-нибудь чужой или фальшивый паспорт? «Даже кающийся «верноподданный» рабочий обращается с нелегальной просьбой не к кому иному, как к Сверчкову!

И таких примеров в книге сколько угодно. Это делает ее больше похожей на исторический роман, чем на мемуары, претендующие на точность. Но с такой оговоркой нужно все-таки признать, что для начинающего читателя книга безусловно полезна, так как в увлекательной форме вводит его в атмосферу одной из интереснейших эпох новейшей русской истории. При этом, как правильно указывается в предисловии от редакции, самой интересной (и, прибавим от себя, наиболее исторически точной, так как она легко может быть проверена) является та часть книги, которая посвящена деятельности Совета раб. деп. и его процессу.

Большой интерес представляет предисловие т. Троцкого.

Б. Горев.

АРХИВ РУССКОЙ РЕВОЛЮЦИИ, издаваемый И. В. Гессеном, том II, Берлин, 1921 г.

Это—очень гостеприимное и непритязательное учреждение гессенский «Архив». Назвать его «Архивом революции» — нет, во всяком случае, никаких оснований. За границей за ним прочно укрепилось справедливое название «Архив русской контр-революции»...

И вы можете в этом почетном издании встретить кого угодно (кто только теперь в эмиграции не пишет мемуаров?): тут и царские генералы и офицеры, длинно и скучно повествующие о причинах неудач белых армий, тут и бежавшие за границу советские работники рассказывают о своих впечатлениях, не брезгуя ничем, тут и воспоминания о жизни в деникинском и врангельском царствах и, наконец, целый ряд совершенно незначительных, лишенных какого-либо общественного или политического интереса, обывательских «листов из дневника» или воспоминаний титулованных и нетитулованных обывателей.

Во II томе «Архива» заслуживают внимания воспоминания Александра Дроздова («Интеллигенция на Дону») и И. Рапопорта («Полтора года в Советском главке»).

В заметках Дроздова много места уделено «Освагу» (Отдел пропаганды при Особом Совещании в Ростове н/Дону). Заведывал «Освагом» проф. Соколов, его помощники полк. Энгельгарт и проф. Э. Д. Гримм. Литературной же частью ведал полк. Житков и бывший у него в подчинении Е. Н. Чириков. Там же работали писатели: Наживин, Сургучев, Б. Лазаревский, кн. Е. Трубецкой, Любовь Столица, Евг. Венский, художники Билибин и Лансере и многие другие. Эти «многие другие» и создавали, повидимому, погоду в «Освага», подавляя все остальное своим количеством и прочно укрепив там дух унтера Пришибеева...

Автор с горечью поветствует об этом огромном, нелепо скроенном аппарате: «Трудно, невозможно сказать, на что уходила колоссальная рабочая энергия этого исполинского механизма, для чего и кому на пользу с лихостью царских бюрократических министерств исписывались стопы ни в чем не повинной бумаги и выплачивалось огромное содержание штатным и сверхштатным особам различных классов, рассыльным, агитаторам без образования и темперамента, писателям, дотоле не писавшим, художникам дотоле не рисовавшим, газетчикам дотоле думавшим, что типографская краска пахнет сиренью».

«Чириков,—продолжает автор,—был в подчинении у полк. Житкова, который сочинял верноподданнические брошюры о генералах, заседал в театральной секции и, как сказывает стоустая молва, однажды уверенным, крепким росчерком написал на обложке «Ревизора»: «ознакомившись с комедией Н. В. Гоголя, нахожу ее к постановке в пропагандных театрах недопустимой. «Авторитет «Освага»,—читаем в другом месте,—дал глубокий и безнадежный крен, обыватель увидел, что король ходит нагишом и тело его безобразно, а в войсках об «Освага» говорили не иначе, как приплетая его имя к имени матушки».

И, на-ряду с этими горестными признаниями, вынужденная дань нашей агитационной работе: «Осважные плакаты казались жалкими рядом с великолепными плакатами большевиков, а ведь в художественной части работали такие имена, как Билибин и Лансере. Брошюры писались нарочито псевдонародным, т.-е. бездарным и напыщенным языком» и так далее в том же духе.

«Вот извольте ли видеть,—рассказывает автору Чириков,—из «Освага» посылаем литературу в Анапу, запаковываем в тяжелые тюки. Литература приходит в Анапу, местный отдел вскрывает посылку и находит... большевистские брошюры. Так нельзя...»

Может быть, все эти вынужденные признания наших врагов создадут чувство некоторой удовлетворенности у всех тех, кто так часто жаловался у нас на плохую работу наших агитационных аппаратов.

С тем же чувством глубокой горечи автор говорит о роли «растерянной и потрясенной» интеллигенции, вынужденной сдать деникинщине все свои старые позиции и отказаться от какой-либо

оппозиции правительству в угоду смертному страху перед большевизмом.

Справедливость требует, впрочем, отметить, что часть интеллигенции (ничтожная, конечно, по своим размерам и влиянию) чуралась предприятия Деникина и пыталась заняться чем-нибудь другим. Оставалось одно—печать. И расцвела махровым цветом ростовская пресса. Но в этой прессе, выражавшейся в десяти газетах и 4 журналах, задавали тон скорее погромные органы «В Москву» и пуришкевический листок «Благовест», чем основанный Пешехоновым и Мякотиным «Парус», где «ярко, как всегда, писал Александр Яблоновский».

Но—грянул гром и двинулась эта растерянная братия на новые места, «неся на плечах горбишко своей идеологии, переломленной пополам вместе со шпагой генерала Деникина»....

Воспоминания И. Рапопорта о службе своей в Главлескоме интересны своим откровенным цинизмом. Этот джентльмен, пробравшись из делопроизводителей в управляющие каким-то отделом (в «качестве специалиста», как он говорит) является, повидимому, одной из тех фигур, которые, работая в наших учреждениях, проявляют внешне чрезвычайное усердие, делая при этом очень благожелательное «советское лицо», а по существу являются наиболее вредными для дела людьми и подлинными предателями.

Г-н Рапопорт, не стесняясь, рассказывает о том, как председатель Главлескома предложил ему представить доклад о состоянии Российской деревообрабатывающей промышленности. «Доклад этот,—говорит он,—был так же мною высосан из пальца, как и отчет за 1919 год». Автор, к сожалению, ничего не говорит больше о своей личной работе, особенно тогда, когда он управлял целым отделом. Думается, что и вся его деятельность носила, повидимому, такой же предательский характер. В свете этой характеристики самого автора, которая сама собой напрашивается у читателя, теряют всякий интерес упоминания о злоупотреблениях и беспорядках, царивших в этом главке. О том, что порядка у нас мало, точно так же, как и о том, что злоупотреблений у нас не мало, мы все очень хорошо знаем и ведем с этим, по мере сил, беспощадную борьбу, но не теми методами, как г-н Рапопорт. Работать полтора года в качестве «спеца», натворить за это время много гадостей, а потом, переметнувшись к Гессену, предложить ему свои «воспоминания». Этот маневр говорит, конечно, о чьей-то подлости. О чьей?

В книге имеется две коротенькие «записки»: Н. И. Вуича и князя Н. Д. Оболенского, написанные еще в 1906 году и рассказывающие о том, как Николай, под давлением Витте, после долгих колебаний подписал, наконец, манифест 17 октября.

Генерал Лукомский в обстоятельной статье очень подробно и документально, не упуская ничтожных мелочей, рассказывает об отречении Николая и о дальнейших событиях (развале фронта, роли Керенского и др.).

Небольшой интерес представляют собой воспоминания Романа Гуля («Киевская эпопея»), в которых рассказывается о наступлении петлюровцев на Киев в конце 1918 года, аресте ими огромного количества «гетманских» офицеров и о вынужденном их отъезде в Германию.

Заметки Ф. Штейнмана («отступление от Одессы») рассказывают о дружном натиске Красной армии на Одессу в январе 1920 года и о том, с какими усилиями удалось белым пробраться на Румынскую территорию; представляют интерес мемуары бывш. австрийского министра иностранных дел Чернина, посвященные Брест-Литовским переговорам.

В отделе «документы и дневники» помещен журнал заседания Совета Министров Крымского Краевого правительства от 16 апреля 1919 года, очень подробно излагающий ход прений по вопросу об эвакуации Крыма. Журнал этот вместе с актом о передаче Крымским правительством всех ценностей в руки французов с предоставлением им права «расходовать эти ценности на нужды края по их (французов) усмотрению, а остаток, который окажется, передать одному из российских посольств в Европе», подписан С. Кры-

мом, А. Бартом, М. Винавером и В. Набоковым.

Имеются еще лишенные какого-либо интереса выдержки «из секретного доклада» (о причинах неудачи борьбы с большевиками на северо-западном фронте), заметки С. В. Милицына («Последние дни Преображенского полка») и отрывки из дневника баронессы Фрейтаг фон-Лорингофен.

З. Маркович.

АРХИВ РУССКОЙ РЕВОЛЮЦИИ, издаваемый И. В. Гессенном. Берлин 1922. Том III—275 стр.; том IV—288 стр.

Новые два тома архива И. В. Гессена не прибавляют новых штрихов к репутации, созданной этому изданию его первыми двумя выпусками. Историческую живопись этих сборников нельзя назвать «blanc et noir», просто потому, что «blanc» отсутствует. На-лицо имеется сплошной «noir». Таковы плоды «объективности» бывшего редактора газеты «Речь», о которой он оповещал в предисловии к первому тому.

Это не значит, однако, что издание И. В. Гессена лишено интереса и исторического значения. Большое значение имеют работы, рисующие контр-революционную борьбу с Советской Россией. К таким материалам в вышедших двух томах следует отнести объемистую работу С. Добровольского, военно-полевого прокурора при правительстве северной области (Н. Чайковского), документы к воспоминаниям ген. Лукомского (III том), «Моя служба при временном правительстве» А. Демьянова и «Защита Зимнего Дворца» участника защиты А. Синегуба (IV том). Архивная работа Александра Блока «Последние дни царского режима», напечатанная впервые в 15 книге «Былого» и изданная затем отдельной книжкой—попала в «Архив», вероятнее всего, помимо воли автора. Остальное содержание обеих книг ничтожно. Достаточно, напр., ограничиться прочтением одного лишь заголовка воспоминаний баронессы Врангель (матери Врангеля-Крымского) «Моя жизнь в советском раю»,— чтобы наперед угадать их содержание до мельчайших мелочей. Такова же цена «Дневнику обывателя» некоего А. В. Последний, впрочем хочет быть добропорядочным. Когда однажды в штаб, где он дежурил, привели большевика, нашему обывателю «бросилось в глаза, что у этого типа под глазами были синяки, которые, по его словам, посадили ему допрашивавшие его ранее офицеры». Какая сантиментальная идиллия! Белогвардейские офицеры, которые ограничиваются одними фонарями! А еще большевики пишут где-то о белогвардейских зверствах. Справедливость требует подчеркнуть, что наш обыватель был возмущен столь некорректным поведением офицеров. «Ну, с этим образом действия я не согласен. По моему, если виновен, то хоть предавай расстрелу, но не издевайся битьем по морде».

Из дальнейших признаний автора мы узнаем, что его огорчала также «порка», применявшаяся деятелями Добровольческой армии по отношению к населению. «По моему, это возмутительная вещь, кладущая только пятно позора на Добровольческую армию». Все это мелочи, конечно. В этих воспоминаниях имеются кое-какие материалы по истории борьбы за Перекоп. Автор принимал участие в его защите. Обратимся, однако, к материалам, представляющим больший интерес.

Работа Добровольского представляет собой общий очерк борьбы белых с Советской властью на Севере. Он начинает свое изложение с того времени, когда свергнута была власть советов на Мурмане. Когда Добровольский появился в Белой России — он был поражен большевистскими симпатиями населения. «На меня это произвело тогда крайне неприятное впечатление, а из беседы с высшими чинами английского штаба я убедился, что их это сочувствие населения большевикам привело положительно в ярость и, может быть, послужило впоследствии одним из мотивов их нежелания оставаться там для нашей поддержки». О самом образовании Верховного Управления Северной области и тех силах, с помощью которых оно образовалось, Добровольский говорит весьма деликатно. «Мне неизвестно,—

пишет он,—при каких условиях произошло образование Верховного Управления Северной области и захват им в свои руки власти, вырванной от большевиков. Судя по той поддержке, которая потом оказывалась Верховному Управлению очутившимися в Архангельске послами великих держав—Нюлансом (Франция), Френсисом (Америка) и Де-Ла-Торетта (Италия), тут тоже не обошлось без вмешательства иностранцев». Мягко сказано. Перечислим, кстати, и членов этого правительства, созданного штыками и золотом «великих» держав. Председатель Н. В. Чайковский и четыре эс-эра: Лихач, Гуковский, Маслов, Иванов. Впрочем, последние не долго пользовались властью. Их вскоре арестовал некий бравый капитан II ранга и отвез в Соловецкий монастырь. Это также было сделано не без ведома «великих держав», не пожелавших далее иметь на службе совершенно бесполезных людей. Эс-эры вскоре были выпущены, но правительство сконструировалось уже без них, с прежним, однако, Чайковским во главе.

Любопытные штрихи сообщает Добровольский о том, как относились английские офицеры к своим русским коллегам. Можно сказать не боясь преувеличения, что джентльмены с Великобританских островов к лакеям своим относились с большим уважением, чем к русским белогвардейским офицерам. Они не только везли их в трюме русского ледокола «Русанова», «зачисленного вместе со всей своей командой на службу по английскому адмиралтейству», заняв для себя каюты, но прибегали иногда к более веским показателям своего презрения. «Английские сержанты также обращались грубо, — пишет Добровольский,— и был даже случай, когда один из них позволил себе ударить нашего офицера, не понеся за это никакого взыскания». Это мелкие штрихи, но они достаточно красноречивы.

Посвящая довольно много места обрисовке большевистских настроений населения и солдат, Добровольский мимоходом дает характерные зарисовки порядков в доблестной армии, боровшейся с большевиками. Это, конечно, сущий пустяк, что во время захвата в Архангельске штаба красных войск чинами белого отряда, «был захвачен казенный денежный ящик с четырьмя миллионами рублей», которые были поделены между собой. В конце концов, чорт возьми, патриотизм-патриотизмом—а есть, пить надо. В особенности пить. Вот, напр., «фаворит» командующего ген. Миллера, полк. N. «Вечно пьяный, разнузданный, он окружил себя соответствующим штабом, и часто, гарцуя на улицах Пинеги, требовал, чтобы жители при встрече с ним снимали шапки, побив однажды за неисполнение этого председателя местной земской управы». Местной почтенной учительнице он тоже в пьяном виде заявил, что «так как она по своему возрасту не годится в проститутки, то он рекомендует ей, бросив педагогическую деятельность, открыть публичное заведение». Этот герой, разумеется, запускал руку и в казенный сундук. В войсках вообще были «хищения и утайки пайка, что, конечно, волновало солдат». Организатор пинежских отрядов для борьбы с большевиками, «занимался обменом подаренного ему англичанами рома на меха». Прелести, как видим, образцовые.

Но не эти, конечно, безобразия пьяного офицерства возбуждают омерзение при чтении писаний белых мемуаристов. Отвратителен цинизм, с которым они вскрывают свою денежную и военную зависимость от правительств Антанты. Прикидываясь наивными мальчиками, закрывая глаза на интересы, которые двигали империалистскими правительствами, они на их средства, их штыками, терзали страну, которую называли родиной и приходили в отчаяние, когда иноземные богатые господа переставали быть щедрыми или собирались оставить их без поддержки. С неподражаемым простодушием они заявляют, что, принимая денежки от врагов своей «родины», они переживали «подъем патриотических чувств». Неудивительно, почему этих патриотов презирали англичане. И когда выяснилось, что с этими патриотами рассчитывать на победу нельзя, что население сплошь заражено большевизмом, «что подкреплялось сведениями английского военного командования из Архангельска о систематических восстаниях в

наших войсковых частях, а также письмами солдат экспедиционного корпуса на родину о том, что население области заражено большевизмом, относится к нам враждебно и вовсе не дорожит помощью, оказываемой англичанами»,—когда все это сделалось англичанам ясным, они правильно сообразили, что зря деньги бухать в эту прорву бессмысленно и не умно—и убрались из Архангельска. «Нельзя не отметить,—замечает Добровольский, — что техническая по мощь продолжалась».

Рассказывает Добровольский и о попытках агитационно - просветительной деятельности среди белых солдат. Эти страницы не лишены большого комизма. Нельзя, в самом деле, без улыбки читать, как в солдатской аудитории (первый курс по подготовке агитаторов и пропагандистов—60 чел.) господин военно-полевой прокурор, в присутствии главнокомандующего, открыл курс сообщением на тему «Переживаемый момент». В этом сообщении, «определив большевизм, как начало контр-революции и отнятия у народа всех завоеваний февральской революции (разве это не прелесть! Вяч. П.), для достижения которых было принесено столько жертв лучшими борцами революционной демократии, уцелевшие представители которых, в лице председателя правительства Чайковского (вот оказывается для чего нужна была эта облупившаяся икона! В. П.) и др., идут с нами, а не с большевиками, целью борьбы с последними поставив восстановление, на началах народоправства, государственности, как защиты свободы, культуры и порядка».

Но дело с курсами явно не клеилось. Справа нападали, указывая, что на них ведется эс-эровская пропаганда, слева обвиняли в кадетско - черносотенном устремлении. И, оказавшись между двух огней, заведывающий курсами, ротмистр Г., «на редкость честный и порядочный человек, чуждый по своим взглядам и тени какой-нибудь контр-революционности» — так аттестует его Добровольский—в поисках спасения, с великими стараниями принялся в Архангельске искать «какого-нибудь государственного социалиста, типа Носке или Шейдемана, чтобы привлечь его к чтению лекций на курсах». Наконец-то Носке и Шейдеман добились лестного признания! Но поиски бравого ротмистра оказались безуспешными. И автор воспоминаний с сокрушением замечает по этому поводу: «Увы!—в Архангельске такого не нашлось, да и есть ли они вообще у нас, их присутствие что-то до сих пор не чувствуется». В то время, когда Добровольский писал эти строки, он не знал, вероятно, что наши русские Носке отправились в гости к немецким Шейдеманам. Когда он узнал об этом — было поздно. Над Архангельском развевался красный флаг большевизма.

Впрочем, сближение между господами и народом происходило не только на словах.

Однажды Добровольского пригласили в солдатский клуб на обед георгиевских кавалеров—офицеров и солдат. «Около 600 человек уселось за столы, у которых прислуживали дамы женского патриотического союза. Обед состоял из трех блюд: борща с пирогом, котлет с картофелем и какао, а для провозглашения тостов был предложен горячий глинтвейн. Под звуки оркестра обед прошел чрезвычайно дружно и оживленно, при образцовом порядке, который был внесен деятельностью чрезвычайно умело прислуживавших представительниц женского патриотического союза. Здравица главнокомандующего за георгиевских кавалеров была покрыта могучим «ура», после чего солдаты посадили его на стул и, пронеся по всему помещению, долго качали.

«Так создавалась и крепла связь между офицерским корпусом в лице главнокомандующего и солдатской массой на Севере».

«Так создавалась и крепла связь»— до каких однако границ может дойти простодушие военно-полевого прокурора! Он думает, что достаточно посадить солдата за один стол с собой, покормить его котлетой, английским какао и французским глинтвейном — и солдат позабудет все те «злобные» инстинкты, что были пробуждены в нем призывами к «классовой борьбе».

———

Укажем мимоходом оценку, какую вызывала наша агитационная работа. Это будет небесполезным для тех товарищей, которые склонны были преуменьшать полезное значение этой нашей работы.

«Культурно-просветительное отделение штаба приступило к изданию агитационной литературы и некоторые его воззвания были очень удачны, но самый масштаб деятельности носил в той области скромный характер и не мог сравниться с тем широким размахом, который был присущ противнику, считавшему агитацию и пропаганду самыми верными орудиями своей борьбы. В то время, как наши плакаты были скромных размеров и большей частью без рисунков, противник выпускал их грандиозных размеров, иллюстрируя свои лозунги великолепными рисунками. Чувствовалось, что мы еще не оценили всего влияния этого могучего средства борьбы на психологию народных масс, что мы не умеем спуститься до уровня понимания последних и судим по самим себе, брезгливо относясь к тому дешевому в наших глазах эффекту, который на нас эти плакаты производят. Противник лучше нас знал и понимал, с кем имеет дело, и бил нас в этой области на каждом шагу».

Небольшую ценность представляют воспоминания Демьянова. Он чистосердечно смотрел на свою деятельность, как на «службу», и точка зрения его на происходившие события и на смену лиц была «служебная». К тому же, никаких новых фактов Демьянов не сообщает, его характеристики событий и лиц — бледны и незначительны. Любопытен штрих, который он сообщает касательно «независимости» судебно-следственной власти от «высоких сфер» в эпоху Керенского. Когда был арестован Троцкий по дикому обвинению в призыве к убийству Керенского, очень скоро выяснилось, что обвинение ложное, которое никак не сможет быть доказано. Перед судебно-следственной властью встал вопрос, как быть: прокурор палаты Карчевскский сообщил Демьянову, что по такому обвинению в тюрьме Троцкого держать абсолютно нельзя. Он и обратился к нему за разрешением этого вопроса — Демьянов был в это время управляющим министерством юстиции. «Я отлично понимал,—замечает Демьянов,—что судебно-следственная власть не решится, хотя и имеет право, совершенно самостоятельно решать такой вопрос, выпустить на волю такую птицу, как Троцкий, без благословения свыше». Он даже лично просмотрел обвинительный материал, рассчитывая, вероятно, своим квалифицированным оком найти что-нибудь, что дало бы основание не раскрывать дверей клетки. Но просмотр благоприятных результатов не дал. Страшную «птицу» пришлось освободить. А вечером Демьянову был предъявлен запрос в совете министров. Объяснения Демьянова были приняты «благосклонно». Только социал-демократ Никитин, министр внутренних дел, заявил, что о выпуске на волю Троцкого «нужно было предупредить министерство внутренних дел, что таково было соглашение с министерством юстиции, когда дело касалось заметного лица». Разговор, вероятно, носил более определенный характер, чем его передает Демьянов. Об этом можно судить по тому, что дальше Демьянов замечает: «Никто не мешал Никитину, как министру внутренних дел, сделать, если он находил это нужным, распоряжение о новом аресте Троцкого в административном порядке». Социал-демократический министр Никитин, вероятно, был недоволен столь неполитичной «законностью» министерства юстиции.

Воспоминая Александра Синегуба, участника защиты Зимнего дворца, рисуют довольно яркую картину того бессилия и растерянности, какие царили на этом островке свергнутой власти. Историк многим воспользуется из этой статьи.

Вяч. Полонский.

ИСТОРИЯ.

В. И. СЕМЕВСКИЙ. Собрание сочинений. Т. II. М. В. Буташевич-Петрашевский и петрашевцы. Под редакцией В. Водовозова. Часть I-ая. Изд. «Задруга». Москва 1922 г. Стр. 16—218.

Разбросанные по различным журналам, достать которые при современных условиях далеко не всегда легко, статьи покойного В. И. Семевского о деле петрашевцев до сих пор являются единственным надежным источником для сколько-нибудь полного ознакомления с этим делом. Соединить эти статьи в одно целое представляется безусловно необходимым, и лишь смерть помешала это выполнить самому Семевскому. При таких условиях с чувством удовлетворения приходится отметить изданную «Задругой» книгу и пожелать, чтобы за I-ой частью возможно скорее последовали и другие и чтобы таким образом работы Семевского о петрашевцах были сведены в одно целое и стали доступными возможно более широкому кругу читателей.

В состав ныне изданной книги вошла лишь часть работы Семевского. В качестве вступления перепечатана статья о сен-симонизме и фурьеризме в России при Николае I. За нею следует биографический очерк, посвященный М. В. Петрашевскому. Другие статьи Семевского (об отдельных членах кружка Петрашевского, о кружках Кашкина и Дурова, о следствии и суде по делу петрашевцев, о жизни Петрашевского в Сибири) должны войти в состав следующих выпусков, образуя вместе взятые громадную работу размерами свыше 50 печатных листов.

Успел ли покойный Семевский исчерпать свою тему или смерть помешала ему закончить работу? Вернее второе предположение. Работа осталась незаконченной не только потому, что Семевский не успел написать ту статью о государственно-правовых воззрениях петрашевцев, о которой говорил в своем предисловии редактор издания В. В. Водовозов, но и потому, что нет никаких оснований предполагать, что Семевский, давший биографии ряда членов кружка Петрашевского, не выполнил того же и по отношению к другим, привлекавшимся по делу Петрашевского лицам.

Есть и еще один пробел в работе Семевского, пробел, обусловленный отсутствием у него необходимых материалов. Дело в том, что те томы следственного производства, которые относились к Спешневу, Черносвитову, Толю и Достоевскому, утрачены и, вследствие этого, не могли быть использованы Семевским. Особенно досадно отсутствие материалов о такой видной и любопытной фигуре, какой был Спешнев. Ни в коем случае нельзя согласиться с В. В. Водовозовым в том, что, несмотря на это, биография Спешнева, его миросозерцание и роль в деле петрашевцев выяснены Семевским достаточно полно на основании иных источников. Действительно, Семевский собрал о Спешневе все, что только мог, и не его вина, что фигура Спешнева осталась выясненной слишком мало, особенно по сравнению с некоторыми другими петрашевцами, личность которых далеко не представляет того интереса, как личность Спешнева.

Как ни важны эти пробелы, работа Семевского все же дает возможность подробно ознакомиться с судьбою и взглядами петрашевцев. При отсутствии других соответствующих работ, книга эта надолго сохранит свое значение.

При таких условиях приходится особенно жалеть о вкравшихся в книгу опечатках. Редактор издания оговаривается, что устранить их не было средств ни у него, ни у издательства. Но почему же было не приложить к книге списка важнейших опечаток?

Б. Козьмин.

Проф. Н. Н. ФИРСОВ. Пугачевщина. Опыт социолого-психологической характеристики. М. 1921. Стр. 168. Госуд. Издательство. Ц. не обозначена.

«Пугачевщина» проф. Н. Н. Фирсова, изданная в количестве 10.000 экз., представляет собою *первое* издание в Советской России и второе вообще, и если уже оказалось возможным ее переиздание, то следовало бы переиздать и «Разиновщину». Автор утверждает в коротеньком предисловии, что в новом издании он не признал возможным видоизменять ни «основных положений», ни «общего тона». По словам автора, «изменению и даже исключению подверглись лишь две-три фразы, имевшие в виду цензурные условия 1908 года»; кроме того, введены некоторые «дополнения, касающиеся сельской жизни до и после бунта». Уже «Вступительные замечания» (стр. 3—10), будучи довольно неясными, приводят в общем к заключению, что в предшествующей пугачевщине истории создалось два важных психологических явления: 1) отчуждение со всеми сопутствующими чувствами между крестьянством и дворянством и 2) ненависть народа к боярам при верности его принципу царской власти. Эти явления, очень смутно формулированные, служат для автора исходной точкой для всех его дальнейших формулировок. Достаточно в дальнейшим перечислить все главы его книжки, чтобы стала совершенно ясной вся схема его изложения. «Условия жизни крестьянства, подготовившие Пугачевщину в царствование Екатерины II» (стр. 11—46), «имя Петра III в народе и зарождение самозванческого замысла» (стр. 49—61). «Почему и как самозванческий замысел Пугачева был принят яицким казачеством» (стр. 61 — 68), — три названных коротеньких главы вводят в основное содержание книжки проф. Н. Н. Фирсова, который настойчиво утверждает, что «главари оппозиционного яицкого казачества сознательно воспользовались самозванством Пугачева, дабы начать вооруженную борьбу с петербургским правительством». Вслед за небольшой главой «Особенности того края, где разразилась Пугачевщина» (стр. 69 — 79) автор в особой главе «Социальный состав Пугачевщины в связи с общим ходом мятежа» (стр. 80 — 98) дает сжатую историю мятежа, замечая, что после окончательного поражения и ареста Пугачева «это грандиозное восстание было быстро подавлено, но глухое недовольство и брожение остались». Автор, переходя далее к особой главе «Интересы, наиболее ясно раскрывшиеся во время Пугачевщины» (стр. 98—114) и к главе, непосредственно к ней примыкающей, «Чувства и поступки Пугачевщины» (стр. 114—128), не дает яркого изображения и быстро переходит к еще более неопределенной главе «Екатерина II и Пугачев или крах Пугачевщины» (стр. 128—149).

Если особо не оговаривать приложение (см. на стр. 159), то в конце книжки мы читаем заключение: «Социологическое и психологическое значение Пугачевщины» (стр. 150—164). Надо признать, что заключение автора не представляет ни особого значения, ни даже особого интереса. Автор признает социологическую природу Пугачевщины «сложной», она была выражением по преимуществу социально-экономического стремления, она хотела добиться цели — земли—ценой истребления всего «благородного» сословия. Пугачевщина—целый ряд вооруженных восстаний со стороны разных групп населения. Интерес крепостной крестьянской массы покрывал собою все. Автор недостаточно широко взглянул на движение Ем. Пугачева и недостаточно сильно его живописал, и надо думать, что появление этюда на тему о движении Ем. Пугачева в будущем отнюдь не исключено. Теперь можно говорить о движении Пугачева свободно, и кроме того точки зрения на самое движение должны значительно видоизмениться... Прежнюю работу о Пугачеве, конечно, надо было более значительно подновить.

Проф. В. Сторожев.

ВВЕДЕНИЕ В НАУКУ. История под редакцией С. А. Жебелева, Л. П. Карсавина, М. Д. Приселкова. Выпуск 16. Н. И. Кареев. Западная Европа в новое время. (Революция и Наполеоновская эпоха). «Наука и Школа». Петербург 1922. 121 стр.

Новая книга проф. Кареева входит в состав большого коллективного труда, который должен охватить историографию так называемого Древнего мира, европейского средневековья и новейшего времени [1]). Работа Н. И. Кареева состоит из четырех глав. В первой выясняется самое понятие новейшей истории и устанавливается деление ее на периоды, во второй дается общая характеристика историографии новейшего времени; главы третья и четвертая посвящены историографии французской революции и Наполеоновской эпохи.

Перечисляя основания, в силу которых эпоха со времени Великой революции и до наших дней выделяется из новой истории европейского Запада в особый отдел «новейшей истории», автор, между прочим, указывает и на особый характер источников по этому историческому периоду: развитие периодической прессы, опубликовывание протоколов заседаний парламентов, отчетов о заседаниях различных общественных организаций, прокламаций и манифестов партий, необычайное обилие мемуарной литературы, появление чисто-научных исследований различных сторон общественной жизни, наконец—опубликование многих документов, относящихся к дипломатической истории — все это не только бесконечно усложняет тот материал, которым приходится оперировать историку новейшего времени, но и требует от исследователя особых приемов научной обработки источников, обусловливаемых самим характером этих источников (стр. 8—12).

Что касается деления новейший истории на периоды, то автор устанавливает их пять: 1-й—с 1789 по 1814 год—эпоха борьбы монархической Европы с Французской революцией; 2-й — с 1814 по 1859 год—эпоха мирного развития европейских обществ; 3-й—с 1859 по 1885—новый военный период; 4-й — с 1885 по 1914 — эпоха колониальной экспансии капиталистических государств; и, наконец, 5-й — с начала мировой войны до наших дней (стр. 13—16).

Всякая историческая периодизация, конечно, условна, но, с нашей точки зрения, правильнее было бы положить в основу деления на периоды не чередование «военных» и «мирных» эпох, а важные изменения в состоянии производительных сил европейских обществ, обусловливающие перемены в социально-экономическом их строе, политической организации и т. д.

Некоторое недоумение вызывает характеристика проф. Кареевым 5-го периода. «В 1914 году, — пишет автор,— Европа вступила в новый, пятый период своей истории после 1789 года, главными фактами которого в самом его начале являются крупные территориальные изменения и грандиозные внутренние перевороты. В трех державах, стоявших всегда во главе реакции, в России, в Германии и в Австрии произошли республиканские перевороты, а из некоторых областей, бывших подвластными России и Австрии, образовались... новые государства»... И это — все. Конечно, история Европы после 1914 года еще не подверглась систематической научной обработке, но вовсе не требуется появления многотомных исследований, чтобы иметь право сказать, что мы живем в эпоху не только нового перекраивания карты Европы и крушения восточноевропейских монархий, но и в эпоху социальных переворотов совершенно *нового типа*. Проф. Кареев может не соглашаться, что мы вступили в полосу международной пролетарской революции, которая должна привести к крушению капиталистического общества, но особенности финляндской, германской и венгерской революций, не говоря уже о русской, настолько очевидны по сравнению со всеми предыдущими революциями XVIII—XIX веков, что беспристрастный исследователь вряд ли может

[1]) До сих пор в этой серии вышли работы Карсавина — «Введение в историю», Жебелева — «Древняя история», ч.I—II, Добиаш-Рождественской—«Средние века» и Вульфиуса—«Европа в новое время», ч. I.

удовольствоваться вышеприведенной характеристикой нашего времени.

Говоря о развитии исторической науки в XIX веке, проф. Кареев затрогивает два весьма интересные вопроса: во-первых, вопрос о том, что подлежит изучению, так называемых, «общих» историков, если существуют такие дисциплины, как история хозяйственного быта того или иного общества, его правовых институтов, религии, искусства, литературы и т. д., во-вторых, вопрос о прогрессе в области исторической науки. Первый вопрос так и не получает разрешения. По второму проф. Кареев отмечает «больший реализм» и «большой объективизм» новейшей исторической литературы, торжество в ней эволюционной точки зрения, постоянную тенденцию к постановке новых научных проблем, и пересмотру уже вошедших в общий обиход построений и обобщений путем привлечения нового материала и т. д. (стр. 21—22), но автор почему-то умалчивает о весьма заметном за последнее время вытеснении идеалистического понимания истории материалистическим, что им же самим констатировалось в других работах.

Главу об историографии французской революции автор начинает с указаний на справочные пособия, затем дает краткую характеристику общих работ по истории Великой революции, имеющихся на французском, немецком, английском и русском языках, начиная от истории революции Минье и Тьера и кончая работами Олара, Ковалевского и Кропоткина. Далее идет обзор литературы по изучению отдельных сторон и периодов революции (старый порядок, «идейная подготовка революции», выборы в Генеральные Штаты, деятельность трех революционных собраний, внешняя политика в эпоху французской революции и т. д.). Особо выделена литература по биографиям деятелей революции.

Историография Наполеоновской эпохи, которую автор считает непосредственным продолжением революции, излагается в таком порядке: эволюция взглядов на наполеоновскую эпоху, историографические работы, биографии Наполеона, общие труды, внутренняя (с подразделениями) и внешняя политика Бонапарта, годы наибольшего могущества империи, нарастание внутренней оппозиции и крах внешней политики.

Автор дает не только перечень главнейших работ по соответствующему отделу, тщательно отмечая имеющиеся русские переводы, но и вкратце знакомит читателя с существующими по данному вопросу контроверзами. Нельзя, однако, не отметить некоторых досадных упущений. Так, указывая литературу о положении крестьянства накануне революции, автор почему-то совершенно не останавливается на работах (правда, весьма немногочисленных) по вопросу о крестьянском землепользовании: я имею в виду монографии Vigier и Trapenard о разделе общинных земель в Оверни, H. Sée, о сельских кланах в Бретании от XVI в. до революции, соответствующие отделы в книге Лучицкого («Состояние землед. классов» и т. д.) и Кареева («Крестьянство и крестьянский вопрос...»), наконец, перевод статьи Sée о праве выпаса во Франции в конце старого порядка, помещенной во 2 № Научн. ист. журн... Говоря ниже о разделе общинных угодий уже во время революции, а также о социальном законодательстве Конвента (стр. 73 и 79—80), проф. Кареев не указывает книги Japiot и известного собрания документов, изданного Bourgin («Le partage des biens comunaux). О социальном законодательстве Конвента автор вообще почти не говорит, не упоминает, напр., о книге Фалькнера, которая обстоятельно освещает вопрос о maximum'e, или соответствующих главах у Тарле («Рабочий класс...»). В обзоре литературы по экономической политике Империи следовало бы упомянуть о статьях Хераскова и Волгина на эту тему, напечатанных в IV т. «Книги для чтения по ист. Нов. времени» и в I томе юбилейного издания «Отечественная война и русское общество». Отметим еще одно недоразумение. Автор едва упоминает о превосходной работе Кунова, а рекомендует читателю «популярную книгу» Блоса, как «выдержанную строго в духе марксистской историологии, т.-е. с точки зрения экономического материализма». В

действительности в этой работе Блоса марксизмом почти и не пахнет (стр. 39, 60, 71).

Работа Н. И. Кареева, по его собственным словам, не является «большой книгой, где была бы... рассказана история того, как изучали и понимали французскую революцию со времени появления первых книг о ней до настоящего времени»; автор обещает со временем издать такую книгу. Но и настоящий историографический очерк является весьма ценным вкладом в научную литературу, весьма полезным пособием не только для преподавателей и студентов высшей школы, но и для всякого, кто, в порядке самообразования, желает основательно ознакомиться с эпохой Великой революции.

Н. Лукин-Антонов.

ИСТОРИЯ КУЛЬТУРЫ.

Н. Н. АНДРЕЕВ. Разные люди — разная вера. Кооперативное книгоизд. Товарищество «Книга». П. 1921. 76 стр. 5.000 экз.

Автор захотел коротенько рассказать о религиозных воззрениях разных народов, начиная с дикарей и оканчивая европейцами. Он совершенно не касается вопроса, как возникли эти воззрения,— он просто их описывает. А при описании, особенно, когда речь идет о низших ступенях человеческой культуры, останавливается преимущественно на самых нелепых, диких, несуразных воззрениях, которые становятся совершенно бессмысленными, именно потому, что автор отбросил вопрос об их возникновении. С этой точки зрения характерно для автора хотя бы такое, напр., место: «но если африканцы превращают *всякую дрянь* (подчеркнуто мною. *И. С.*) в фетиш, то почему и тихоокеанцам не почитать камни, в которых, по их мнению, пребывают духи?» (25).

Заговорив о христианстве, автор открывает, что «наиболее древним христианским учением является православие», и характеризует его такими чертами, что, повидимому, склонен возвеличить его над католицизмом (64—66), а затем сообщает читателю, что «ближе, чем православные и католики, подошли к учению Христа протестанты» (68). Нам остается только пожелать ему вечного спасения в лоне какой-нибудь протестантской церкви. И было бы лучше, если бы он предался благочестивым упражнениям вместо составления таких бестолковых брошюрок, как разбираемая.

Целая маленькая глава посвящена «атеистам и деистам» (69—75). У автора — явный уклон к деизму, едва ли прикрываемый благочестивыми вздохами: «Не будем разбирать здесь, кто более прав, деисты или атеисты. Религия— дело очень тонкое и сложное. Самое лучшее предоставить каждому человеку самому решать вопрос о Боге» (74). Или, вернее, как раз эти вздохи раскрывают в авторе такую «широту», при которой разоблачение всей несостоятельности деизма представляется непозволительным нарушением «свободы совести».

В качестве дополнительного штриха можно отметить, что слова «бог» и даже «он» и «сам», когда это относится к слову «бог» или заменяет его, автор почтительнейше пишет с большой буквы.

Трогательное уважение к «свободе совести».

Никому и ни для какого литературного употребления нельзя рекомендовать такую книжку.

И. Степанов.

Проф. Н. М. НИКОЛЬСКИЙ. Древний Израиль. С 73 иллюстрациями. Изд. второе, пересмотренное и дополненное. Т-во «Мир». М. 1922. X + 370 стр. 4.000 экз.

Лет пятнадцать тому назад автор предпринял ряд переводов, которые должны были познакомить русских читателей с некоторыми работами герман-

ской либеральной теологии, касающимися истории Израиля и христианства. По цензурным условиям приходилось выбирать не наиболее радикальных из представителей этой теологии. Но для начала и это представляло известный шаг вперед, так как могло послужить первым толчком к критическому пересмотру многовекового богословского хлама. Пожалуй, кое-что было бы небесполезно переиздать и в настоящее время, снабдив более современными предисловиями. Круг читателей книжек этого рода сильно расширился, и новый читатель бесконечно активнее, глубже и толковее, чем старый.

В старые, «доисторические», «допотопные» времена появилось и первое издание книги, заголовок которой выписан выше. При тогдашнем состоянии и возможностях нашей литературы она производила впечатление свежести: вместо средневековой «священной истории ветхого завета», она давала попытку как будто научного трактования истории израильского народа.

По методу, по духу новое издание не отличается от предыдущего, да и в материале, в содержании нет существенной разницы. Но наши требования значительно выросли. Как ни слабо развивается наша литература, все же она успела дать кое-что, более соответствующее современному состоянию науки. При изменившихся условиях книга Никольского побледнела, обесцветилась. Стало ясно, что сам автор не пошел дальше либеральной теологии и застрял где-то на пути от «священной истории» к научной истории Израиля.

Строки и страницы, на которых Никольский упоминает об Иисусе, нельзя назвать иначе, как *позорными* и *позорящими* для всякого современного исследователя, заявляющего претензии на научность, в особенности, если еще недавно он считал себя марксистом. Здесь Никольский неизменно выдерживает умиленный, размягченный и расслабленный тон, и не только не идет дальше либеральных теологов, но, пожалуй, делает шаг назад по сравнению с такими из них, как, напр., *Вредс*, в свое время переведенный Никольским на русский язык. Иисус для Никольского—историческая личность, и все, что рассказывается о нем в евангелиях, после некоторых «разумных» исправлений и истолкований, стоит выше всякой критики. «В эту эпоху в Палестине раздалась проповедь Иисуса, основателя христианской религии. За Иисусом ходили толпы обездоленного народа, он был самым знаменитым проповедником этого времени в Иудее,—по силе огненного слова, его равняли только с древними пророками, Исаией и Иеремией» (315). «И немудрено, что, когда Иисус провозгласил: «Горе, вам, книжники, фарисеи, лицемеры»,—за ним пошли толпы народа, ожидая, что он, как Мессия—царь иудейский, поведет их на борьбу против насилия и неправды» (333). «И как бы в ответ на пламенные мольбы, около 30 года нашей Эры по Галилее пошла молва о необыкновенном «святом божьем» Иисусе, плотнике из Назарета. Встречавшие его, видевшие и слышавшие передавали, что он глухих делает слышащими, немых—говорящими, и бесы повинуются ему и выходят, по его повелению, из людей, которых хотели сделать своей добычей, он очищает неизлечимую проказу и даже воскрешает мертвых. Этот «святой божий» так же смело говорил, как и действовал: он проповедовал в синагогах, спорил с книжниками и фарисеями и одерживал над ними верх» (355).

И при всем том наш профессор, занимающий не кафедру протестантского богословия, а преподающий где-то, если не ошибаемся, историю религий, заявляет в своем предисловии, что его задача: «дать широкую популяризацию истории Израиля *в научном освещении, свободном от каких бы то ни было конфессиональных тенденций*» (VII). Мы настолько простоваты, что под покровом будто бы «научного освещения» и «свободы от конфессиональных тенденций» у нас возродятся в подправленном и модернизированном виде старинные кафедры богословия.

В абсолютно некритическом отношении к евангелиям, в умиленном пиетете перед ними Никольский мог бы дать несколько очков вперед даже очень консервативным протестантским теологам. Он добирается до восстановления

пресловутого «входа в Иерусалим» из-под тех развалин, под которыми его давно похоронила либеральная теология, и до «научной» реставрации всей последней недели евангелий. «Когда Иисус пошел на праздник Пасхи в Иерусалим, впереди его мчалась молва, что идет на Сион подлинный царь Иудейский. В Иерусалиме, перед праздником, Иисус имел несколько резких столкновений с фарисеями и саддукеями, публично обличал их и стал центром внимания среди многолюдной толпы богомольцев, собравшихся на праздник. В воздухе запахло опять мятежом, синедрион решил предупредить события и приказал арестовать Иисуса. Накануне Пасхи он был присужден, как «Царь Иудейский», к распятию на кресте и был вечером казнен; ученики его разбежались» (356). Так как перед нами—все же современный богослов, то «воскресение Иисуса» он конфузливо замалчивает. Но почему бы не дать «рационалистическую реконструкцию» и этого «исторического события», в котором нисколько не меньше «историзма», чем во всех пересказываемых автором легендах евангелий?

Конечно, в основной части своей работы, в «священной истории ветхого завета», в истории древнего Израиля, Никольский, следуя примеру своих германских коллег по богословию, позволяет себе более критическое отношение к материалу библии. Но и здесь целые страницы, а в общей сложности десятки страниц, дают простой пересказ библейских мифов. Весь «критицизм» автора исчерпывается такими замечаниями, как следующие: «Мы не можем теперь точно сказать, какие богатыри были у израильтян действительно, какие созданы народной фантазией, и насколько можно верить рассказам об их подвигах» (стр. 64, речь идет о Гедеоне, Иеффае и Самсоне. *И. С.*). «Эти рассказы содержат в себе много сказочного» (67). «Больше всего исторического зерна мы находим в рассказе о Гедеоне. Тут можно многому поверить» (69). Пользуясь такими вставками («было ли так, мы не знаем» и т. п.—стр. 76 и др.), Никольский ухитряется протащить через свою «Историю Израиля в научном освещении» почти всю историю Саула и Давида,—совершенно в том же духе, как в былые времена различные Штоли и Грубе попросту пересказывали «мифы классической древности». Впрочем, огромная разница в том, что последние вовсе не сулили «научного освещения», и еще в том, что они пересказывали мифы давным-давно *мертвых* религий. Значит, их пересказ, действительно, был свободен от «всяких конфессиональных тенденций». А Никольский как бы намечает линии, до которых современные европейские религии добровольно наперед должны отступить в *интересах самосохранения.*

Мы не удивимся, если попы в диспутах начнут опираться на «высокий научный авторитет» проф. Никольского. Надо с самого начала сказать, что у Никольского много сродства с богословием и очень слабые связи с наукой.

Миф об Иеффае Никольскому определенно не нравится,—ведь он напоминает о том, что у Израиля некогда существовали человеческие жертвоприношения. Правда, впоследствии, может быть, незаметно для себя, Никольский приходит к их признанию (95—96). Но мифу об Иеффае он старается дать более бескровное истолкование, хотя из этого ничего не выходит (67).

Читатель не получит от Никольского стройного представления о процессе развития израильской религии. Если, закончив его книжку, он спросит себя, каковы были первоначальные религиозные воззрения Израиля, как и откуда появился Ягве, какую роль играл он сначала, какую роль стал играть впоследствии, каковы были соотношения ханаанских и израильских культов и т. д. то он откроет к своему изумлению, что книга Никольского не дает определенных ответов на эти вопросы,—какие-то обрывки и отрывки, ничего ясного и отчетливого.

Конечно, такой скудный результат получился отчасти благодаря непринужденной форме, избранной автором: «эпизодические очерки». Но главная причина в том, что он слишком мало этнолог: он не в состоянии подойти к религии Израиля так, как современная наука подходит к религии готтентотов

или папуасов. Между тем только такой подход и способен дать плодотворные результаты для первоначальных ступеней всякой религии.

Никольский удовлетворителен в тех случаях, когда он выясняет роль ассиро-вавилонских влияний в развитии религиозных воззрений израильского народа. Вполне приемлемы страницы, на которых выясняется роль жрецов Ягве в мифотворчестве, в составлении «книги закона Моисеева», в «чудесном открытии» новых и новых «божественных книг», которые должны были оправдать притязания жреческого сословия на господство и на связанные с господствующим положением доходы (249—250, 264, 267, 270, 334 и др.). Однако и здесь хотелось бы большей выпуклости и отчетливости, но для этого автор должен был бы ярче и увереннее изобразить религию Израиля эпохи до «монотеизма».

В чем нельзя отказать автору, так это в благочестии. Он постоянно умиляется и вздыхает. С первых же страниц, доказывая, какое громадное значение имеет история Палестины, он пишет: «От богов египтян и вавилонян остались только мертвые изображения, единый бог евреев стал богом и для христиан. Среди еврейского народа родился, как и проповедывал, основатель христианской религии Иисус» и т. д. (5). «Пойдем ли мы в церковь,—там мы услышим пение и чтение псалмов, священных гимнов, созданных поэтическим гением еврейского народа. Пойдем ли мы в школу,—там нас учат священной истории ветхого завета, в которой рассказывается судьба евреев» (6). «Иерусалим более, чем Рим, заслуживает названия «вечного города»... Рим вечен только в глазах части христиан, между тем как Иерусалим считается святым городом всеми христианами, всеми евреями и отчасти мусульманами» (89). На стр. 176 Никольский указывает, как пророки представляли себе «общество будущего»: «*царь* будет господствовать по закону, а *князья* (подчеркнуто мною. *И. С.*) будут управлять по справедливости, каждый будет, как приют от бури, как защита от непогоды, подобно ручьям воды в пустыне, как тень тяжелой скалы в томящейся жаждой стране». И, разумеется, делает очередной умиленный вздох перед этой программой просвещенного деспотизма: «Такое содержание проповеди народных пророков сделало их имена и *их идеи бессмертными*» (176 стр. Подчеркнуто мною. *И. С.*).

А вот несколько мест, из которых следует, что Никольский, составляя свою книгу, имел в виду не столько людей, интересующихся *научной* историей Израиля, сколько людей верующих. На стр. 315, преподнеся в качестве несомненных исторических фактов евангельские рассказы о деятельности Иисуса, он продолжает: «Поэтому и *христианам* и всем людям, интересующимся происхождением христианства, важно и интересно узнать, как жили иудеи во время проповеди Иисуса». Но, не желая упустить и верующих евреев, он спешит указать еще на одно обстоятельство, «которое должно интересовать всякого еврея, *любящего свою* литературу и *религию:* в эту эпоху окончательно сложилось собрание священных книг еврейской библии и установились многие верования» (315—316).

Никольский в этих словах не преднамеренно выразил всю «программу» либеральной протестантской теологии. В трактовании «священной истории» надо считаться с научными требованиями, надо сделать некоторые уступки исторической критике,—но лишь в такой мере, чтобы не оттолкнуть верующих и дать им возможность думать, будто их вера сохраняется, освобожденная от всех «излишеств», от всех наростов и шлаков, возвышенная до уровня «вечной», «неистребимой» религии, примиренной с современной наукой.

Повторим еще раз: Никольский даже в «Древнем Израиле», не говоря уже об окончательно контр-научной, почти поповской работе «Иисус и первые христианские общины», — Никольский застрял на пути от «священной истории» к действительно научному трактованию предмета.

И. Степанов.

НАУКИ ОБ ОБЩЕСТВЕ.

С. Л. ФРАНК. Очерк методологии общественных наук. Книгоиздательство „Берег". Москва 1922. Стр. 124.

Читатель, введенный в заблуждение заглавием книги, напрасно будет искать в ней науку. Науки он в ней не найдет, а найдет мифологию.

Мифологии бывают разных видов. Христианская мифология учила, напр., так: прежде всего имеется *Бог* — это дух, являющийся началом и причиной всего. Во-вторых, имеется *видимый мир* — бездушный и погрязший в грехе. Наконец, в-третьих, имеются *люди*, обладающие кроме грешного тела еще душой, по сущности своей являющиеся частицей бога, подобной ему.

Философы материалисты, которые жили еще в те далекие времена, когда буржуазия была революционной, старались такое понимание разрушить и основательно в этом успели.

Фейербах, напр., еще в начале 40-х годов XIX в. весьма убедительно доказал, что бог — это есть отвлеченная и особым образом преображенная человеческая личность, принявшая вид самостоятельного сверхчувственного существа. Маркс несколькими годами позднее такое понимание развил дальше, сделав его более глубоким. Он показал путь, каким надо изучать человеческое общество во всей его реальности и каким образом понимать как необходимость возникновения различных общественных порядков и порождаемых ими идей, так и необходимость их исчезновения и смены их новыми.

На известной ступени общественного развития в головах людей складывались своеобразные представления не верно, извращенно отражавшие действительность — эти представления Маркс и Энгельс называли идеологиями. «Раз возникнув, — пишет Энгельс в своем «Людвиге Фейербахе», — всякая идеология развивается в связи со всей совокупностью существующих представлений и подвергает ее дальнейшей переработке. Иначе она не была бы идеологией, т.-е. не имела бы дела с мыслями, как с независимыми сущностями, которые самостоятельно развиваются из самих себя и подчиняются своим собственным законам. Что материальные условия жизни людей, в головах которых совершается данный процесс мышления, определяют его собою, этого, конечно, не сознают эти люди, потому что иначе пришел бы конец всякой идеологии».

Маркс и указал на то, что для того, чтобы понять людей и их общественные отношения, надо изучать именно эти материальные условия, изучать не измышленную, а действительную связь явлений, не столько то, что люди о себе думают, сколько то, чем они являются на деле. Мышление людей определяется их бытием. А общественное бытие людей—это те материальные отношения, в которые люди необходимо должны вступать друг к другу независимо от того, что они думают об этом. Одно дело мысли людей, а другое дело те отношения, которые существуют между людьми в действительности. Сначала физическая необходимость, требования материального производства толкают людей к тому, чтобы между ними устанавливались определенные отношения, а потом вырабатывается сознание, которое до сих пор не покрывало и не исчерпывало всю сложную сеть действительно существующих между людьми отношений, находящихся в непрерывном процессе изменения.

Эта материалистическая точка зрения и соединенный с нею диалектический метод явились превосходным орудием исследования и поставили изучение общества на прочную основу, сделали его настоящей наукой.

Но если известным образом созревшие общественные отношения помогли Марксу сделать плодотворные научные завоевания, потому что он, перейдя на точку зрения пролетариата, без страха смог смотреть на приближающуюся гибель господства буржуазии и без предрассудков изучал действительность, то те же самые отношения, клонящиеся к

неизбежной ликвидации буржуазного господства, превратили буржуазных ученых в существа, боящиеся правды, из деятелей науки превратили их в творцов мифологии.

С тех пор как стало клониться к упадку царство буржуазии, буржуазная наука стала превращаться из средства разъяснения в средство затемнения.

Буржуазные ученые не могут разобраться в самых основных вопросах, которые уже давно вполне удовлетворительно разрешены. Так и г. Франк не может разрешить вопроса о свободе и необходимости. «Если представить себе до конца осуществленным установление законов общественных явлений, т.-е. разъяснение необходимых соотношений всего механизма общественной жизни, то для свободной и разумной общественной деятельности людей не останется больше места» (стр. 36). Этим мудрецам неизвестно блестящее разрешение этого вопроса еще немецкими философами, а затем Марксом и Энгельсом. Между тем это вопрос основной для науки об обществе.

У г. Франка он разрешается совершенно неудовлетворительно. Он приходит к выводу, что никакой необходимости в действиях людей нет, он говорит о «спонтанных, внутренних духовных причинах» (стр. 39). Но ведь у науки единственная цель—это познание необходимости. Если же в каждом человеке, в каждом г. Франке кроются совершенно неожиданные спонтанные возможности, то как там ни бейся, а необходимости в общественных отношениях никакой не найдешь.

Но г. Франк не смущается—наука буржуазии нужна не для познания, а для запутывания.

Г. Франк и продолжает заниматься своей мифологией.

В христианской мифологии сверхчувственное существо—это бог. В мифологии г. Франка имеется тоже свое сверхчувственное существо. Кроме природы и людей у него существует еще нечто третье—именно: объективные идеи. Это тот же бог, лишь под другим названием. Это есть духовная субстанция, так сказать, определенная мысль, существующая объективно, вне отдельных человеческих сознаний, которые от него зависят, ею определяются и ее познают. Не материальная действительность совместного физического существования людей в обществе, их совместной деятельности сотрудничества, эксплоатации и т. д.—составляет для г-на Франка суть общественных отношений, а идеи. «Самое существо общественных явлений, их субстрат состоит из *идей* и *убеждений*» (стр. 35). Одну из исторических преходящия *форм* сознания г. Франк объявляет сущностью всего общественного бытия вообще. «*Право* есть общая имманентная форма всех общественных отношений, именно в качестве *живой идеи*, образующей самое существо общественного бытия» (стр. 91).

«Нельзя отрицать, что в каком-то смысле закон, право, государство, социальные отношения столь же объективно реальны, как любой материальный факт, их реальность удостоверена тем, что мы фактически сталкиваемся с ними в непосредственном опыте нашей жизни» (стр. 48).

Общественные отношения для г. Франка это только идея и при том существующая объективно, вне сознания человека.

«Идея общественного бытия по существу объективна и над-индивидуальна. Она действует на людей независимо от их личных стремлений и мыслей. Государство, как действующая идея, есть объективный факт» (стр. 76). «Общественное явление есть живая идея, бытие которой состоит в ее реальном действии на волю... В силу своей объективной идеальности она имеет смысл, независимый от процесса ее сознания, а в силу своей над-индивидуальности каждая такая идея существует сразу для всех участников общества, при чем те, кто сами либо вообще не сознают ее, либо не признают ее обязательности, вынуждены подчиняться ей в силу того, что ею фактически руководятся другие участники в своих реальных действиях и требованиях» (77—78).

Не потому у ряда людей одинаковые взгляды, что они, живя в одинаковых условиях, вырабатывают себе и одинаковые идеи, как, напр., вырабатывается сознание класса. Нет, Франк полагает, что одинаковое сознание происходит от

того, что где-то вне времени и пространства существует трансцендентная идея, которая мистически оказывает влияние на отдельные сознания.

«Общественное явление не есть субъективный психологический факт не только в том смысле, что он выходит за пределы единичного сознания и есть сразу для многих, но и в том смысле, что оно вообще есть не душевное явление, а (по крайней мере, с одной своей стороны) *объективное содержание*. Подобно числам, геометрическим фигурам, или идеальным логическим понятиям, общественное отношение есть трансцендентное душевной жизни бытие, которое только усматривается или улавливается в психическом процессе соответствующего опыта или познания» (стр. 79).

Религиозное сознание мыслит сверхвременным бога именно как единство, объемлющее сразу прошлое, настоящее и будущее: сверхвременно и бытие, взятое в целом... частичную сверхвременность обнаруживает и наше сознание, ибо, протекая во времени, оно, в лице памяти и знания, возвышается над временем и обозревает его как единство. Такова же сверхвременность общественного бытия (82).

Управляющая общественным бытием объективная система идей, взятая отвлечено, как чистая идеальность вообще вне-временна: нормы или заповеди общежития, хотя реально возникают и проходят во времени — по смыслу своему так же независимы от времени, как истины математики и логики (стр. 83).

Однако довольно выписок. Из них ясно видно, что г. Франк проделывает обычное дело идеолога; человеческую мысль, абстракцию, являющуюся более или менее слабым отражением объективной действительности в области общественных отношений, своеобразно извращенным отражением действительных общественных отношений между людьми, существующих на деле,—он объявляет самостоятельной сущностью и приписывает ей решающее значение.

Господа буржуазные ученые желают сохранить во что бы то ни стало мифологию: самостоятельность и объективность духа, как особой отдельной, отличной от материи субстанции. Им это нужно для того, чтобы дать могучую идейную поддержку господству эксплоататорского меньшинства. Им выгодно увековечить путаницу, не допустить правильного понимания. Если в обществе решающую роль играет сознание, тогда для того, чтобы переделать общество, не надо производить материальных революций, надо лишь переделывать идеи. Если все зависит от идей, то обеспечено господство за всеми, кто утвердил за собой монополию в области идей.

В заключение совет читателю, желающему познакомиться с действительной наукой: изучать произведения Маркса, Энгельса и их школы, а потом взять и эту книгу г. Франка, как объект для критики. Начинать прямо с Франка,— это значит—сильно запутать себя и затруднить себе понимание.

В. Адоратский.

ВАЛЬТЕР РАТЕНАУ. Новое государство. Перевод с немецкого. С предисловием Я. М. Букшпана. Книгоиздательство „Берег". Москва 1922 г.

Вальтер Ратенау не только писатель, но и политик. Он один из крупнейших дипломатов современной Германии, ее министр иностранных дел с февраля 1922 г. и вместе с тем—председатель совета Всеобщей Компании Электричества. В. Ратенау, философ и публицист, автор многочисленных книг, положивший начало во время последней империалистической войны системе военно-хозяйственного регулирования, обнаружил в этой области огромные организационные способности. Книга «Новое государство» принадлежит, таким образом, не рядовому писателю, а одному «из самых интересных и примечательных людей» современной буржуазной Германии. Но, несмотря на несомненную печать крупной индивидуальности, которая лежит на книге, перед нами документ коллектива, — класса, народа и исторической эпохи. Вальтер Ратенау это не имя собственное, а нарицательное. «Он помогает нам,—пишет Я. Букшпан,—понять смысл нашего кризиса в связи с судьбой западно-европейской культуры». Но не в том его своеобразие

и симптоматичность, как думает Я. Букшпан, что Ратенау стремится преодолеть «рассудочность, интеллектуализирование, принцип целесообразности, и «освободить душу из ее оков». Критика реальной действительности и попытка построения плана переустройства общества делает его творения показательными для безысходности буржуазного мира, приближает его с противоположного конца к выводам и построениям коммунистов. Для Букшпана и К-о уже характерно то, что они подчеркивают самое реакционное в построениях В. Ратенау, обходя молчанием безусловно ценное, что имеется в его книге.

Его книга «Новое государство», как и многое другое, что писал он за последние годы, создавалось под влиянием тройного поражения немецкой буржуазии. Первый удар для него, как идеолога своего класса, это было поражение Германии в последней войне. Поражение неслыханное в истории, так как Версальский трактат поставил себе целью подорвать жизнеспособность Германии на многие поколения. Это поражение расчистило почву для творчества. «Империя и государство» погибли и должны вновь возникнуть, пишет В. Ратенау. Головокружительное падение по его мнению заставляет «вмешиваться в существующие, исторически сложившиеся, чтобы творить еще небывалое».

Второй удар немецкой буржуазии был нанесен социальной революцией и в первую голову победой российского пролетариата.

В. Ратенау видит спасение немецкой культуры лишь в смешении «уставших слоев с элементами еще не открытых низших слоев». Наш автор отдает себе отчет в состоянии дел капиталистического мира. «Изумителен путь,—пишет он,—который в течение одного века прошли низшие слои европейского общества. Они начали с положения робкой бесправной толпы, крепостных, дворовых, земледельческих рабочих, мелких ремесленников, мануфактурных рабочих, и они дошли, по числу и значительности, до положения ядра нации. Они стоят на том месте, где стояла буржуазия на пороге XVIII века, но прошли ее путь в десять раз быстрее».

В. Ратенау знает, что оболочка не соответствует ядру, он знает, что капиталистический мир на всех парах несется к своей гибели и «достаточно двух поколений», чтобы уничтожить его. Министр иностранных дел Германии гораздо дальновиднее прислужников его класса, немецкой социал-демократии. «Немецкая соц.-демократия,—читаем мы в книге «Новое государство»,—никогда не оправится от того, что она не поняла во время войны, которая была не войной народов, а войной буржуазии, что следует игнорировать ту часть масс, в крови которой было больше от подданного, чем от пролетария».

Неизбежная победа пролетариата,—пишет Ратенау,—движется с Востока на Запад. Из России на капиталистическую Европу идет что-то страшное, непобедимое, как фатум. Можно избежать участи российской буржуазии, лишь усвоив опыт пролетариата России. Он это и делает, как мы увидим в дальнейшем.

В. Ратенау не только буржуа, не только немец, но и европеец. Он творит европейскую буржуазную культуру. Он сознает, что участи Германии не избежать и нынешним победителям. Он понимает, что владычество над миром «англосаксов» есть временное явление, «пока мировое владычество вообще возможно». Для Ратенау вся Европа, весь мир заражен ядом: «недостаточно освежить дом,—утверждает он,—яд засел в бревнах и стенах».

Так, потерпев поражение, как член буржуазного класса германской нации, В. Ратенау приступил к пересмотру своей идеологии. Прежде всего он подверг пересмотру свой взгляд на историю. Автор клеймит «историзм» немецких профессоров, однозначный для него с косностью и упадком культуры. Он научился и учит других ценить катастрофы, революционные перемены. А вместе с этим он подвергает безжалостной критике и свой немецкий национализм.

«В Германии,—пишет он,—человека определяют не достоинства, а возражения». Германия—это страна посредственностей и «безупречности». Здесь любят ограниченную деловитость... «Мы находимся теперь под гнетом Beliestheit», так характеризует автор немецкую

буржуазию. И если раньше ее скрепляла кора милитаризма, то теперь она—мягкая масса, которая растекается широко и бесформенно. Нас не должна обманывать националистическая фразеология автора (о ней ниже). Для Ратенау характерен национальный пессимизм. Он всей силой своего публицистического таланта нападает также на центральную идею буржуазии, на идею государства. Ратенау отрицает государство будущего, как политическую организацию. Он понимает, что в будущем «управление людьми заменится управлением вещами и регулированием производственного процесса» (Энгельс). Вопросы хозяйства станут в центре внимания людей. Внешняя и политическая политика даст еще несколько театральных представлений и затем уйдет со сцены, и ее место займет международная хозяйственная и социальная политика», утверждает В. Ратенау. Едко осмеивает он также и прославленную демократию. Демократия, это—фикция. И он учится у русских: «прежде, чем вводить демократию, мы должны просветить народ». Парламентаризм — вот наиболее яркое выражение этой демократии. Но парламентаризм изжил себя окончательно. Парламентаризм возможен только там,—думает Ратенау,—где господствует посредственность. Парламент — это «посредственное собрание»—мнит быть не только отбором, но и отображением народа!.. Парламент не дает возможности циркулировать народной крови, т. к. народная кровь притекает в парламентских странах исключительно через посредство совершенно недостаточного кровеносного аппарата — политического парламента. Масса не желает более получать машинный товар законодательных фабрик, они хотят двух республик: республики парламента и советов. Как же преодолеть парламентскую республику, чем заменить ее. «Республику можно преодолеть через республики, парламент через парламенты, местный партикуляризм—через партикуляризм идеальный». Он хочет *разбить* старую государственную машину и заменить ее более гибким аппаратом, представительством профессий и интересов, объединенных для общего направления центральным парламентом. В его сознании весьма своеобразно сочетаются идеи гильдейского социализма и идеи большевиков. Желая приблизить народные массы к государственному строительству, он заимствует популярную идею советов и преобразовывает ее по образу и подобию крупного буржуа эпохи финансового капитала, объединяя в едином парламенте (одном из парламентов) работодателей и рабочих. Ратенау хочет сделать всеобщей форму трестов и синдикатов, вот почему он лишает классового содержания (делает «надклассовыми») свои советы. Правда, он понимает—и в этом отношении он гораздо умнее многих социалистов,—что современное государство это организация насилия одного класса над другим. Но его идеал—построенное по типу советов и лишенное классовой одиозности управление хозяйством.

В. Ратенау выступает с призывом борьбы против партикуляризма, который был причиной гибели Германии. Он противник индивидуализма и ставит интересы целого выше, чем интересы личности, интересы общественного хозяйства у него доминируют (но не уничтожают) над интересами частного хозяйства. Он повсюду и во всем преследует ограниченного буржуа, виновника бедствий своей страны и своего класса.

Но Ратенау идеолог, реформатор и даже революционер стоит обеими ногами на капиталистической основе, гири его класса не дают ему подняться и в результате он, рожденный ползать, летать не может... Ратенау мистик: «наиматериальнейшие из всех вопросов будут решаться,—по его мнению,—лишь духом и нравственностью». Он шовинист и верит в особую миссию германского народа. Его новое государство это — дело немцев, возрождение которых совпадает с новой эрой для человечества. Ратенау, несмотря на всю остроту своей мысли, выступает пред нами как реакционер. Для него «немецкая деревня... лучшее достояние и в будущем сила немецкого народа». Он строит свою «советскую систему» не только на основе корпоративной организации внутри—народной жизни, но и на основе германского партикуляризма. «Германия,—пишет он,—есть мир в малом, слишком малом, но все

же целый мир». И хотя он придает отдельным частям Германии духовный характер, он, однако, не изжил партикуляризма. Ратенау пытается избежать, скрыться от классовой борьбы, хотя он ее и признает. Он стремится избежать, спасти свой класс от социальной революции, хотя он ее предвидит. «Мы боремся изо всех сил,—пишет он,—против потока революции, чтобы спасти самое необходимое, чтобы спасти то, что еще можно спасти из нашей культуры». Таким образом он пытается воздвигнуть плотину для пролетарской революции... Обеими ногами стоя в стане реакции он подымает со страхом свои глаза вверх к революции.

«Мы построим наш дом», так кончает свою книгу В. Ратенау. Но в его произведении господствует не этот бодрый тон надежды, а элегический тон страха и сомнения. Он стремится изменить буржуазный мир, но этот мир может быть только уничтожен. Здесь источник оптимизма борьбы пролетариата, который чужд В. Ратенау и буржуазному классу.

Ц. Фридлянд.

ВОЕННОЕ ДЕЛО.

И. СТЕПАНОВ. С Красной армией на панскую Польшу — Гос. Изд. Москва 1921.

Книга эта должна быть прочтена каждым участником нашей последней войны с белой Польшей. Она представляет большой интерес, как для командиров, так и для политработников Красной армии. Кроме общего интереса, книжка ценна и своим освещением некоторых характерных моментов борьбы Красной армии этого периода.

В первой же главе автор очень метко подчеркивает три мысли, заслуживающие внимания: первая—неожиданность для польского командования нашего удара. Это, действительно, факт, возможность которого трудно было ожидать, в особенности с точки зрения наших противников. При тех грандиозных затратах на шпионаж, на который не скупились белополяки, а равно и их содержатель — Антанта, затем, при наличии работы бесчисленных агентов Савинкова и Врангеля, казалось бы, что польское командование могло быть ориентировано о нашей подготовке к удару, тем более, что времени у них было не менее месяца. И я уверен, что общая ориентировка у польского командования была. Но мы-то начали удар не в том месте, где готовились, а несколько севернее. «Какой-то гвардии поручик князь Тухачевский», — как они называли его в своих радио, надул опытных бело-польских командиров, и скромно донес, что в районе Полоцка бело-поляки сбиты и отступают, оставляя нам трофеи и пленных. Таким образом, в этой «неожиданности» очень и очень виноват Михаил Николаевич Тухачевский, за что, вероятно, авансом и именовался бело-польским генералитетом «князем».

Вторая любопытная мысль — это краткая и совершенно правильная, на мой взгляд, оценка роста Красной армии. Здесь автора поразили рост и сплоченность армии. Как ни странно, но и этот факт был упущен бело-польским командованием, ринувшимся на нас, сломя голову, не имея достаточной подготовки. Видимо, и тут польские «осведомители» информировали неприятельских генералов, подглядывая за Красной армией через призму бешеной ненависти, преломлявшую стройные ряды армии в толпы банд.

И, наконец, третье замечание автора касается тех разрушений, в которых бело-поляки дошли просто «до низости».

В II главе автор описывает крепкий бело-польский рубеж — старые германские окопы, которые ему пришлось видеть, следуя за армией. Это творчество империалистической войны могло создать для Красной армии непреодолимые затруднения, если бы наш противник был несколько скромнее в оцен-

ке своих сил и, заблаговременно признав превосходство Красной армии, также заблаговременно забронировался бы этим даровым наследством последней войны. Но, приняв неравный бой, противник не смог уже воспользоваться этим рубежом, и в порыве общего отхода промахнул укрепленную линию, даже как бы не заметив ее.

III глава — опять любопытна. Она отмечает темп, с которым Красная армия вела операцию: «Не легко догнать Красную армию, — отмечает автор. — Я еду на поезде, на автомобиле — и до сих пор не нагнал ее. Правда, в крупных городах я делаю остановки на 1—3 дня. Но все же... И поразительно как мало у нас отставших!» Ожидало ли этого польское командование?

В этой же главе автор талантливо обрисовывает население Литвы и его настроение и уже тут проглядывает, что волна Красной армии, прокатившаяся через этот район, не чужда населению, и красноармеец не рассматривается им, как завоеватель. И здесь автор отмечает те дикие разрушения, коими отличается бело-польское командование.

Эта глава заслуживает еще внимания и оценкой комсостава противника в связи с описанием революционного значения этой войны.

Просматривая главу за главой, просто тянет отметить каждый вопрос, затрагиваемый автором, по той простой причине, что все эти вопросы волновали нас, непосредственных участников событий. Но размеры настоящей заметки не позволяют отметить все эти волнующие моменты, почему, не останавливаясь так подробно на каждой главе, я хочу лишь обратить внимание читателя на те места, где автор, как в свое время происходило и с командованием, захватывается оценкой чисто революционной задачи, лежащей на Красной армии, и как именно эта задача тянет всех участников к скорейшей развязке. Это чрезвычайно важно, чтобы понять, почему Красная армия решилась на этот грандиозный риск захвата Варшавы с налета, где можно было искать разрешения всех вопросов, послуживших основанием для нападения на нас буржуазного правительства Польши.

В заключение хотелось бы обратить внимание читателя еще на главу IX «Красная армия и социалистическое строительство». Дело в том, что этого рода работа, действительно, силою вещей, велась в Красной армии в течение всей гражданской войны, но почему-то очень мало кем-либо это отмечалась. Между тем, заслуги Красной армии в этой области — велики. Горячо рекомендую внимательно прочесть эту работу каждому участнику нашей революционной войны.

С. С. Каменев.

НАРОДНОЕ ПРОСВЕЩЕНИЕ.

А. Г. КАЛАШНИКОВ. Идустриально-трудовая школа. Гос. Издат. 1922. Стр. 78.

Это заглавие значится на титульном листе. На первой странице выясняется, что это—«опыт построения индустриально-трудовой школы ближайшего будущего» и что это—запись лекций, читанных на курсах Моно для школьных работников II ступени в 1919 г. Книга вышла вторым изданием и заслуживает широкого распространения. Можно не соглашаться с автором по многим вопросам индустриальной школы. Однако книжечка его освещает сущность проблемы и заставляет думать. Книжка содержит три проблемы: идеологию индустриальной школы, метод ее и, наконец, план школы.

Что касается первой и второй частей, то они носят вводный характер; это если хотите, эскиз марксистской педагогики. Для наших преподавателей II ступени, совершенно чуждых марксистского понимания, это—целое откровение.

Третья часть дает примерный план школы ближайшего будущего. В части системы учебного плана автор предпо-

читает концентрационную схему. Между тем современная педагогическая мысль более склоняется к принципу корреляционному; мы предпочли бы видеть здесь этот последний. Что касается тезиса о «живом действии», то А. Г. Калашников, очевидно, принимает за основу «школу действия» Лая, чего нельзя не приветствовать. Распланировка возможных форм труда разработана в книге продуманно, хотя во втором издании, датированном 1922 г., следовало бы примеры с продовольственными карточками опустить. Наибольший интерес представляет конец книги (с 52 стр.): здесь излагается жизнь школы в 1-й, 2-й, 3-й и 4-й годы. Автор кладет в основу биогенетический принцип и предлагает в первый год обучать ручному труду, ремеслам; на втором году, говорит автор: «научную обработку трудового материала мы будем связывать с более поздними культурами, с эпохой феодального, ремесленного строя, с эпохой начала развития мануфактуры. Эта основная подпочва школьной работы—связь ее содержания во времени с последовательным рядом культур». В соответствии с этим становится ясной и «индустриализация последних групп школы (3-й и 4-й годы), как следствие развития производства».

А. Ефремин.

БОРОВИЧ. Как читать народные лекции. Опыт методологии. Харьков 1922 г. Изд. «Труд». 38 стр.

БОРОВИЧ. Пути сближения книги с читателем. Опыт методологии культурной работы в библиотеке. Харьков 1922 г. Изд. «Труд». 102 стр.

В обеих книжках автор, известный харьковский внешкольник, хочет дать основные методологические принципы лекционной и библиотечной работы. Но в то время, как вторая книга действительно устанавливает ряд интересных положений и дает оригинальный и новый материал по вопросу о методах работы с книгой — первая представляет собой общие места, всем известные положения и неизвестно почему называется «опытом». Сам автор в конце книжки дает библиографическую справку, из которой видно, что автор не внес ничего от себя, — наоборот, некоторые из приведенных им книг идут дальше и глубже, действительно подходят к методологии лекционной работы (Полтавский, Балабанова). Но этого мало — в книжке есть недостатки, которые необходимо отметить:—Прежде всего, неясно, на кого рассчитана книжка—на руководителя работой или на лектора. Если на первого, то часть материала бьет мимо цели, если на лектора—то слишком отвлеченно написана книжка, нет плана построения лекции, нет тем для циклов и т. д. В общем, книжка представляет собой неудачную работу, бесполезную и не дающую ничего конкретного.

В обеих книжках есть одно место, которое нельзя обойти молчанием, хотя бы потому, что автор с особенной настойчивостью и там и здесь его подчеркивает. Это—вопрос о политической работе. Гр. Борович отнюдь не против политической работы — наоборот, он горячо осуждает лицемерие царского правительства, которое говорило об аполитичности просвещения и одновременно воспитывало в желательном для себя духе. Гр. Борович за политическую работу в клубе, библиотеке, школе, но... он против партийной работы. Что это значит? А то, что культурный работник должен «объективно излагать те или иные точки зрения на данный вопрос... правильно (?!) освещать партийные споры и т. д.». Что это значит? Гр. Борович предлагает сделать внешкольную работу «свободной» трибуной, с которой «объективно» должны излагаться все точки зрения.

Мы понимаем под политическим воспитанием нечто иное и не скрываем этого — наша задача не «объективно», а с классовой точки зрения трудящихся вводить этих самых трудящихся в понимание жизни и в задачи строительства. Спор не новый,—стоит почитать книжки разных Медынских, Евдокимовых и иже с ними.

Вторую книжку, безусловно, нужно признать ценным вкладом в библиотечную литературу — учтен целый ряд опытов последних лет, выявлена задача внутренней работы, много вни-

мания уделено вопросу о приближении книги к читателю. «Не читатель для библиотеки, а библиотека для читателя»—лозунг библиотечной работы, который на первый взгляд кажется таким элементарно простым, но в действительности далеко не осуществленным. Автор намечает ряд путей к приближению книги к читателю — библиотечные отряды, выставки, выдачные пункты и т. д. Интересно отметить, что по вопросу о библиотечных советах Борович высказывает ту же точку зрения, какую автор настоящей рецензии высказал в своей статье во втором номере «Коммунистического Просвещения»—это свидетельствует о жизненности такой постановки вопроса и необходимости пересмотреть вопрос о Советах.

В книжке есть и недостатки—отдельные формы работы очерчены вскользь (изба-читальня, передвижная библиотека, кружки) — лучше бы о них вовсе умолчать, чем давать общие фразы. Нельзя признать удачным и каталог книг для библиотек — во-первых, нет новой литературы, во-вторых — не чувствуется твердости в подборе, единства основания. Так в рубрике «за свободу, право и справедливость» вошел сомнительный роман Ф. Гра «Марсельцы» (автора «Террора»); в главу «Сильные волей и духом» — романы Фаррара из жизни христиан.—Зачем? Есть ряд и мелких недочетов, о которых не стоит говорить. Во всяком случае, книжку следует рекомендовать каждому библиотекарю, как ценное пособие по внутренней работе в библиотеке.

М. Смушкова.

Г. ДЖОНСОН. Игры и забавы в воспитании. Книгоиздат. «Работник просвещения». М. 1922 г. Стр. 87.

Старая школа была большой противницей игры—наоборот, она стремилась превратить учеников в маленьких мудрецов, которые должны учиться во имя самой учебы, священнодействуя и... подчиняясь строгой казарменной дисциплине. Трудовая школа стремится давать такое воспитание, при котором вовсе не должно *«трудно* учиться», но чтобы через труд сделать близким и понятным то, что изучается. Игра—это тот же труд. Играющий ребенок разрешает трудные вопросы, напрягает ум и мышцы, но этот труд для него увлекателен, полон интереса. Так подходит к вопросу и Г. Джонсон: «Игра требует больших усилий, чем подневольный труд. Подневольность же исчезнет при наличности интереса и непритворного усердия, ибо тяжесть труда заключается скорее в настроении ума и сердца, чем в количестве или свойствах предстоящей работы» (стр. 9).

Автор подчеркивает значение игры в деле общего физического и умственного развития ребенка; умелое расположение уроков, неослабляющее интереса ребенка, введение в занятия игры, большое разнообразие—повышает интерес и укрепляет внимание. Теоретическая часть изложена прекрасно. Не менее интересна и практическая — дан целый ряд игр (иногда с рисунками), при чем игры указаны применительно к возрасту детей (0—3 лет, 4—6 лет, 10—12 л., 13—15).

Книжку необходимо приветствовать как ценное пособие для детских садов и школ.

Б. Лукин.

В. НЕВСКИЙ. Методы клубной работы. Изд. «На помощь деревне и школе». М. 1922 г. 16 стр.

Трудно предполагать, увидев объем книжки, чтобы автору удалось полно и содержательно исчерпать тему, тем более, что В. А. Невский принадлежит к таким авторам, которые не умеют писать, «чтоб словам было тесно, а мыслям просторно». И действительно — вы читаете книжку, и она не вызывает у вас никакого волнения... ничего нет нового и, к несчастью, ничего нет конкретного. Каждое руководство по политпросветработе, если оно не устанавливает новых принципиальных положений, может быть полезно только тогда, когда оно дает конкретный материал, который поможет работнику овладеть методом и

содержанием работы. Ничего этого в брошюрке нет.

Даже больше — автор бросает голые лозунги, патетические фразы без внутреннего содержания—«задача клуба — суметь широко открыть свои двери массе... согреть ее бодрой, товарищеской атмосферой, пробудить яркую жизнь, чувство и мысли в этой безличной, серой толпе» и т. д. И дальше автор не идет и не дает никаких конкретных путей к овладению «серой толпой» (тут надо отметить, что мы имеем дело не с серой толпой, а с рабочими или крестьянами, имеющими свою классовую психологию). На любой странице мы видим ту же «фразеологию»—«в клубе должно быть вечное искание, расширение, углубление», «в клубе должен доминировать здоровый смех» и т. д. И сквозь эти фразы местами проскальзывают ошибочные мысли, очевидно, для «округления» стиля (низведение роли кружков, полное пренебрежение к политическим задачам клуба).

Еще недавно автор буквально побивал нас всех в своих книжках революционностью своего направления во внешкольной и школьной работе — теперь о политике нет ни слова, нет даже общего указания на связь клуба с политической жизнью страны. Может быть издательство этого не позволило? Кто знает.

Рекомендовать книжку никому нельзя.

Вад. Смушков.

И. ЕЖОВ. Путь культуры. В помощь работнику просвещения и искусств. (Систематический указатель избранной литературы по культурно-просветительной работе среди детей, подростков и юношества и взрослых). Изд. «Вега». М. 1922 г. 208 стр. Цена не обозначена.

В отличие от выпущенного автором в 1919 г. справочника «Культурно-просветительное дело», имевшего задачей дать возможно подробные библиографические сведения, данный указатель с меньшим числом рубрик содержит лишь избранную литературу, в большинстве новейшую (1918—1921) и, главным образом, книги, журнальных татей немного.

Центральное место (2/3) отведено первой части—работе среди взрослых (I общий отдел. II. Народные Дома. III. Клубы, кружки, общества. IV. Библиотечно-книжное дело. V. Школы взрослых. VI. Работа в аудитории. VII. Иллюстративные средства. VIII. Работа в области искусства. IX. Народные праздники и развлечения. X. Родиноведение и музейно-экскурсионное дело). Вторая часть—работа среди детей, подростков и юношества — состоит из отделов: I. Общие вопросы воспитания. II. Общественно-трудовая жизнь детей, подростков и юношества. III. Детские библиотеки. Детское чтение. IV. Беседы. Рассказывание. V. Экскурсии, выставки, музеи. VI. Художественное воспитание молодежи. VII. Праздники. VIII. Кинематограф. Отделы в свою очередь разбиты на ряд рубрик.

Такая группировка является вполне целесообразной, кое-что, правда, вызывает сомнение, так, рубрику «ликвидация неграмотности», помещенную в I Общем отделе, уместнее было бы отнести в Отдел V «Школы взрослых». Отдел VIII—кинематограф (2-й части), состоящий всего из трех книг, не следовало бы вовсе создавать и пр.

Удачнее других составлен Общий отдел I части с 12-ю рубриками. (Ценны указания литературы по внешкольному образованию за границей, в России до и после революции.) Полно разработана 6-ая рубрика: «Политико-просветительная работа» (задачи, формы и методы агитации и пропаганды, особо выделена производственная пропаганда).

Подробному разбору такого сложного указателя должно быть место на страницах специальных органов. Здесь же мы остановимся лишь на общей его оценке.

В отношении полноты и свежести материала есть недочеты. С одной стороны, пропущены некоторые книги и журналы, изданные, главным образом, в 1921 г. Не зарегистрированы, напр., заслуживающие внимания книги Невского, В.: «Рабочий и крестьянский клуб», «Рабочий музей внешкольного образования»; не указаны материалы Второго Всероссийского Съезда Политпросветов («Бюллетень»); нет таких журналов, как: «Вестник рабочих факультетов», «Экскур-

сионное дело», провинциальных: «Вестник просвещения Костромского края», «Политпросветработник» (Челябинск), «Коммунистическое Просвещение» (Екатеринбург)... С другой стороны, вошла малоценная, в значительной степени устаревшая литература, вроде брошюр Львова и Фалеева—о собраниях, и журналов и статей, уже прекратившихся (1918, 1919 г.г.).

Со стороны оценки не все в указателе удовлетворяет. Раскрывается содержание некоторых, далеко не равноценных книг: иногда очень подробно (в ½, а то и в целую страницу) выписывается содержание книги, хотя и ценной, но имеющей второстепенное значение во внешкольной работе, особенно по истории и теории искусства, напр., такие специальные книги, как *Морозов, П.* «История европейской сцены», *Щеглов* «Народный театр», изд. 1911 г., и, наоборот, книги злободневного характера остаются нераскрытыми.

Необходимые пособия в указателе отмечены звездочкой, остальная литература является рекомендуемой.

Анотированы далеко не все книги, а между тем отсутствие кратких отзывов, особенно о некоторых книгах, отмеченных, как необходимые, сильно ощущается. Как пример, приведем брошюру *А. Петрова* «Народные клубы», помеченную звездочкой. Книжка эта, одно время очень ходовая, вызывала и вызывает еще разногласия в оценке, и в данном случае необходимо было бы кратко отметить ее главные положительные и отрицательные стороны. Нельзя было без оговорок отмечать так и брошюру Е. Клетновой «Изучение родного края», брошюру Н. Аблова «Классификация книг» и пр.

Краткие отзывы, которыми снабжена часть книг, обнаруживают недостаточное знакомство составителя с методической литературой в применении ее к жизни: они слишком общи, иногда просто перефразируют заголовок и дают немного со стороны оценки подхода к вопросу.

В общем и целом, несмотря на отмеченные недочеты, справочник сильно выигрывает по сравнению с первым изданием в своем строении и послужит хорошим, хотя все еще сырым, пособием для работников просвещения. Для пользования он очень удобен: в конце дан предметный указатель.

В проработке нового издания необходимо поставить во главу угла краткую, но выпуклую анотацию по возможности всех, внесенных в указатель, книг.

З. Богомазова.

И. Н. ШАПОШНИКОВ. Живые звуки. Руководство для обучения детей письму и чтению без букваря. С приложением 94 отдельных рисунков. Гос. Изд. 1922 г 128 стр.

Книжка т. Шапошникова представляет собой очень интересное, совершенно новое пособие по обучению грамоте детей. Правда, отдельные положения, сведенные им в систему, высказывались разными педагогами и раньше (Корф, Водовозов и др.), но автору пособия удалось систематизировать весь материал и построить систему обучения грамоте в высшей степени интересную.

Книга разбивается на две части—теоретическое обоснование метода и практическую часть, собственно, пособие для учителей. В первой части автор доказывает, что наш старый метод обучения грамоте — звукослиятельный — по существе ничем не отличается от еще более старого буквослагательного, построенного на полном непонимании ни фонетики языка, ни психологии восприятия форм живого языка ребенком. Разница только в том, что вместо старого «буки-аз или бе-а» теперь «бь-а», «нет звукового метода, как переливания звуков, а есть лишь мучительный процесс складов» (стр. 4). Для абстрагирования звуков нельзя итти от заучивания их порознь, а наоборот — абстрагировать можно только в движении, т. к. звуки—части живой речи. Поэтому единственный правильный путь—анализ. Живая речь дает нам готовые комплексы звуков, и ребенок, произносящий «па», вовсе не сливает п-а, а произносит цельный комплекс «па»—поэтому в обучении чтению нельзя итти от «п» и «а» к «па», а наоборот. «Обучение чтению сводится к выделению речедвигательных представлений живых звуков. В этом уменьи

узнавать, различать, слышать звуки речи и заключается вся тайна, весь секрет чтения» (стр. 8). Автор приводит пример, когда четырехлетний ребенок, научившийся абстрагировать звуки, выделять их из слов и фраз—затем в четыре дня овладел всем механизмом чтения, т. к. у него была проделана вся предварительная работа по анализу живой речи. Интересен исторический обзор развития методики грамоты, который который дает автор, устанавливая, что в древности обучение было построено на тех же принципах, какие предлагает и он, и что позже они были искажены.

Говоря о письме, т. Шапошников предлагает начинать с записывания печатными буквами. Против этого положения и раньше и теперь будут выдвигаться довольно веские возражения (указывается на то, что это задерживает процесс обучения скорописью, «портит руку» и т. д.), но такой подход определяется методом автора и им оправдывается.

Мы не будем излагать все содержание этой интересной книжки. В ней можно найти много «ересей» с точки зрения наших столпов методики родного языка, с точки зрения привычных форм и методов обучения; может быть, много есть ошибок, которые осудит практика,—но, как опыт построения обучения грамоте на новых, живых основаниях — книгу надо приветствовать.

В. Смушков.

А. ВОРОНЕЦ. Справочник по математике для учащихся в школах 2-й ступени. Государственное Издательство. Москва 1921 г. 210 стр. 25 тыс. экз.

Справочник представляет набор различных формул и таблиц, выписанных без всякого разбора из тех учебников элементарной математики, которые употреблялись у нас в дореволюционное время с добавлением к ним нескольких формул из аналитической геометрии на плоскости и из дифференциального и интегрального исчислений. Поэтому справочник и загроможден массой таблиц и формул, совершенно никому не нужных. Это произошло, конечно, потому, что составители наших учебников по математике совершенно не имеют представления, какое значение должна иметь математика и для чего она нам нужна. В книге совершенно нет, хотя бы на небольшом числе примеров, никаких указаний, как применять приведенные в справочнике формулы и таблицы. Впрочем, я несколько несправедлив к автору: I часть справочника представляет из себя ряд практических таблиц, и некоторые даже с указаниями, как ими пользоваться. Но каковы эти таблицы?

В предисловии автор говорит, что этот справочник представляет переработку его справочника, изданного в 1917 г., и что «некоторые сведения и таблицы, не соответствующие современности, опущены». Не имея под руками первого издания, мы не можем судить, какие таблицы не соответствуют более современности, а соответствовали ей в 1917 году, т.-е. в самом начале революции. Но из этого заявления, мы вправе заключить, что те таблицы, которые оставлены, «соответствуют современности» 5 июля 1921 г., когда написано предисловие, иначе они были бы также опущены.

Возьмем, напр., табл. 24 «Вечный календарь для дней недели», с подробным указанием, как им пользоваться, чтобы найти, какой день недели приходится или будет приходиться на любое число, любого месяца каждого года, начиная от Р. Х. и до 27 столетия включительно (по счету автора до 26-го, так как у автора счет столетий отстает от принятого на целый век, напр., текущее столетия он считает не 20-м, а 19-м, что вполне соответствует отсталости взглядов автора). Остальные таблицы имеют такое же важное практическое значение, как и эта, и поэтому на них мы останавливаться не будем. Из всех этих таблиц можно вывести только одно заключение, что автор считает пустое препровождение времени практической потребностью современности.

Неужели же в этом, приходится спросить автора, заключается все значение математики, или, как он говорит в предисловии: «Несомненно важнее уменье (пользоваться справочниками, вообще), на которое не обращалось внимания в старой школе».

Мих. Масленников.

В. СОРОКИН. Клуб молодежи. Гос. Издат. Петербург 1921 г. 40 стр.

Каждая новая книжка по политпросвет работе привлекает внимание—очень мало хороших книг у нас по этому вопросу, могущих действительно помочь работникам на местах. И почти всегда, прочитав новую книжку, приходишь к тому же самому выводу.

Книжка В. Сорокина также обладает всеми качествами этой массы книжек—общие места, полное отсутствие конкретности, необычайная сжатость там, где нужно дать подробные, точные, методические указания. На 40 страницах автор говорит обо всем—тут и все бланки отчетности, и описание обстановки клуба, и «описание» работы кружков (литературного, политического, естественно-научного, музыкального, художественного, санитарного и драматического—целых семь кружков занимают 6 страниц (!?), и библиотечная техника, и лирические «стихотворения в прозе» о прелестях работы на свежем воздухе («Клуб летом», стр. 27). Словом — клубная энциклопедия. Что она дает? Кому поможет? Мы думаем, что ничего и никому такая книжка не даст. Перенеся центр тяжести в формы отчетности и библиотечной классификации—автор сковывает работника, пытающегося в книжке найти пособие для работы, заставляет его интересоваться формой, а не содержанием. У читателя невольно получается впечатление, что самое главное—это правильная отчетность, а не внутренняя работа клуба. Какие методические основы работы может дать статейка о том или ином кружке в 30 строчек, где нет ни плана занятий, ни пособий, ни общих указаний, как нужно вести самую работу, к чему должна она приводить.

Много ошибок по существу. Так, совершенно неверно определение кружка и студии, неудачно подобран материал (т.-е. вернее фамилии писателей) для занятий в литературном кружке, неумно, без знания дела, намечена работа политического кружка.

Самое изложение не систематическое, обрывистое. Вместо стройного плана автор дает какие-то клочки, начиная отдельные «рецепты» работы словами, «а вот еще можно сделать» то-то и то-то. И все это как-то кустарно, непродуманно.

Не следовало книгу издавать. Много от нее будут требовать работники мест, а она им ничего не даст. И обидно становится за их разочарование.

В. Смушков.

БИБЛИОГРАФИЯ И БИБЛИОТЕКОВЕДЕНИЕ.

А. П. ЕМЕЛЬЯНОВ. Голод в отражении русской литературы и публицистики. (Указатель книг, журнальных и газетных статей по истории голода в России и вопросам, связанным с ним.) (Главполитпросвет Т. С. С. Р. Библиотечно-библиографический П/отдел, вып. I.) Гос. Изд. Казанское отделение 1921 г. Стр. IV+52. Цена 2 р. (На обложке: Госуд. Изд. Авт. Тат. С. С. Республики. Казань 1922).

Казанский Госиздат очень своевременно издал библиографический справочник А. П. Емельянова по истории голода в России и вопросам, тесно связанным с ним. В предисловии составителя указывается, что хотя — на основании материалов по истории русского голода — с несомненностью обнаруживается *периодичность* его появления на территории России, тем не менее каждый раз «голод появляется врасплох и меры к его устранению носят случайный характер». Причины—между прочим — недостаточное изучение вопросов о голоде. Разбираемый справочник является попыткой указать в систематизированном виде богатый материал по ряду вопросов, связанных с голодом. Этот материал сослужит должную службу и в целях агитационно-пропагандистских.

Зарегистрированная в справочнике литература о голоде разбита на 11 ог-

делов, охватывающих вопрос достаточно широко: из истории голода в России, пища и питание человека, спутники голода, переселенческое движение в связи с голодом, причины неурожая, чему учит нас голод, что говорит наука о факторах, влияющих на урожай, сельско-хозяйственное образование в России и за границей, успехи земледелия за границей, голод в изображении художественной литературы, на современном фронте борьбы с голодом. Богаче всех по количеству указанных материалов последний отдел, вобравший в себя газетные статьи последних лет по 1 июня 1921 года. Для удобства пользования этот отдел разбит на подотделы: организация сельско-хозяйственной кампании, плановой засев и семенной фонд, восстановление сельского хозяйства, на засушливом фронте, помощь голодающим.

В конце справочника приведен алфавитный указатель авторов и заглавий статей без имен авторов. В справочнике зарегистрировано всего 585 названий книг, журнальных и газетных статей. Во всех отделах (за исключением одного) статьи расположены хронологически — по времени напечатания их; в отделе „голод в изображении художественной литературы„ — в алфавитном порядке авторов. Книжка напечатана на хорошей бумаге, но скверно сброшюрована.

Д. Сигорский.

Митинги, собрания, лекции в 1917—18 г.г. (материалы для библиографии летучих изданий). Под редакцией В. В. Буша (Временник Российской книжной палаты. Вып. IV. Под общей редакцией проф. С. А. Венгерова. Пгр. 1920. Государственное Издательство. Стр. 113.

Книга «Митинги, собрания, лекции в 1917—18 г.г.» является своеобразной новинкой для русской библиографии. Назначение ее—служить материалом для библиографии летучих изданий. Редактор издания В. Буш останавливается в предисловии на тех причинах, которые побудили его предпринять подобную работу. Они сводятся к следующему: за бортом библиографической регистрации «Книжной Летописи» остается богатый печатный материал в виде объявлений, афиш, избирательных бюллетеней, имеющих большое значение для истории бурной эпохи революции. Восполнить этот пробел должна выпущенная книжка. В. Буш подчеркивает историко-культурную ценность афиш; неполнота их описания извиняется отсутствием материалов в Книжной палате. Если бы В. Буш пользовался газетной хроникой и как дополнением—афишами, его труд был бы более полным и полезным в культурно-историческом отношении. В работе имеются существенные недостатки. Для 1917 года не указано ни одной афиши с участием Керенского,—для 1918 года—с участием Ленина. Указатели имен и предметный составлены небрежно. Ленин, актер Малого театра, отнесен к Ленину-Ульянову (№ 96). В предметном указателе афиша «Гражданская война—три месяца обороны Ижевского и Воткинского заводов. Лекция б. военного корреспондента штаба Ижевской народной армии» (№ 1093) отнесена к предметной рубрике «агитация большевиков» (!). Под рубрикой «сладострастие» ссылка на № 139 «День советской армии».

Указанные недостатки книги не мешают сделать ряд любопытных выводов о политической жизни страны в 1917—18 г.г.

Эйхенгольц.

Ник. ВЕРЖБИЦКИЙ. О книге. Издано Пермским Губотделом Центропечати. Пермь. 2-я Госуд. типограф. 1920. 106 страниц.

Книга представляет изложение лекций, читанных автором на библиотечных курсах Пермского О.Н.О. Лектор хотел охватить все, относящееся к вопросу о книге: 1) История письменности всех стран и веков. 2) Путь книги от древнего Египта до современных чудес печатного искусства. 3) История книгопечатания. 4) История цензуры. 5) Азбука библиотечного дела, и т. д.

Но удалось ли автору осуществить его широкие замыслы? Хотя на многих страницах чувствуется его большая любовь к книге, и следовало бы предполагать, что он дает серьезные сведения,—

ведь публичные лекции решился читать,—но увы!—любовь к книге не помогла Ник. Вержбицкому познакомиться как с историей книги, так и с техникой ее производства.

Примеры, от которых пахнет анекдотом:

Древние писали на папирусе чернилами, выделываемыми, между прочим, «из *крови* каракатицы (sepia)»—(стр. 13) *).

Пергамен (почему-то не пергамент) есть «особым образом выработанная телячья кожа»; почему только телячья—секрет автора (стр. 20).

Далее оказывается, что в XV веке «у населения Европы *внезапно появилось* сильное влечение к точным наукам, к изучению античного искусства» (стр. 22). Причина этой внезапности, по Ник. Вержбицкому, в открытии памятников греческой и римской культуры (там же).

Впрочем, ранее (на стр. 10) автор утверждает, что «жизнь современного человечества.... есть не что иное, как случайное стечение обстоятельств».

Подходя вплотную к открытию Гутенберга—мы попадаем с автором в дремучий лес; например: родился изобретатель книгопечатания в 1400 году. Наконец-то Ник. Вержбицкому удалось установить год рождения Гутенберга, и незачем больше биться над этим вопросом ученым библиологам. Далее,—Гутенберг изобрел способ вырезать *матрицы*, по которым отливаются буквы—здесь уже полное незнание азбуки словолитного дела, смешение пунсона, который вырезается, с матрицей, которая этим пунсоном выбивается и по которой выливаются буквы.

Конечно, первая книга, которую выпускает Гутенберг,—«Библия» (на самом деле Грамматика Доната).

Любопытен рассказ Ник. Вержбицкого о распространении книгопечатания в Италии; прежде всего—причина развития книжного издательства и книжной торговли в Италии (главным образом в Венеции) религиозная: Италия была центром религиозной мысли Европы; автор забывает, или не знает, что Венеция—главный центр книгопечатания к концу XV века,—была главным *коммерческим* центром, и следовательно причину надо искать не в папском Риме, а в торговой Венеции.

Далее: «Швейгейм и Панарту, два известных пропагандиста изобретения Гутенберга, еще в 1462 году были приглашены итальянским королем в Рим... Первым произведением, отпечатанным в христианнейшей Италии, было, как это ни странно, языческое послание Цицерона, выпущенное в 1468 году» (стр. 26).

Здесь, что ни слово, то перл: печатники Конрад из Свейнгейма и Арнольд Панарц превращаются в Швейгейма и Панарту, «пропагандистов изобретения Гутенберга»; вместо 1464 года они попадают в 1462 году в Рим (на самом деле в монастырь Субиако, в 14 часах от Рима), по приглашению итальянского короля, в которого превращен Ник. Вержбицким кардинал Иоанн Туррекремата. Да и при всем желании итальянский король в XV веке не мог никого приглашать, ибо короли появляются только в королевствах, а Италия стала королевством, к несчастью для Ник. Вержбицкого, только в XIX веке. И первой книгой, напечатанной в «христианнейшей Италии», была Лактанция, «христианнейшего» писателя, «Divinae institutiones», и не в 1468, а в 1465 году. Впрочем, и Цицерона «De oratore» напечатана этими печатниками не в 1468 году, а двумя годами раньше.

Пожалуй, довольно. Укажем еще, что в главе о библиотечной технике автор—не говоря о его бесчисленных мелких недоразумениях с библиотековедением—указывает размер библиотечной карточки (рекомендуя, все же, систему Дьюи) в 12×6 вместо $12^1/_2 \times 7^1/_2$ сантиметров.

И несмотря на это бесцеремонное отношение к фактам, на удивительное в некоторых местах незнакомство с предметом, о котором пишет, все же автор подкупает своей любовью к книге.

К счастью для автора и его читателей, книга его, изданная на Урале, неизвестна почти в центре, да наверное, и в провинции. И если Ник. Вержбицкий потрудится исправить свою работу по более солидным источникам, чем указываемые им (автор не чигал, вероятно, судя по приводимому им списку, даже Булгакова, Либровича, Коломнина), то второе, исправленное основательно, издание не окажется вредным.

М. Щелкунов.

*) Курсив везде наш. М. Щ.

В. БОГАТЫРЕВ. Двухзначные таблицы для механической расстановки книг и карточек по алфавиту (Авторские таблицы Кеттера). Переработано по новому правописанию. Политпросвет-отдел Наркомпроса. Библиотека внешкольника, вып. VI. Госуд. Изд-во. 1920, Стр. 24. Цена 12 руб. 40.000 экз.

Переработанные для русских библиотек Л. Б. Хавкиной авторские таблицы Кеттера (двухзначные) с введением нового правописания неизбежно оказались в положении несколько устаревших и требующих некоторого, может-быть, чисто механического приспособления к новой транскрипции. Разбираемая брошюра В. Богатырева—попытка такого приспособления, весьма своевременная. Изменению в таблицах Хавкиной подлежали все авторские знаки (слоги), в которые входила буква ять, еры на конце фамилий авторов и, наконец, полная переработка всех комбинаций слогов, начинающихся с «i десятеричного», как совершенно изчезнувшего из русского алфавита. Две первые задачи механически просто выполнимы и выполнены В. Богатыревым: слоги с ятем перешли к соответствующим слогам «е», а к освободившимся знакам приписаны новые слоговые комбинации; еры в конце фамилий уничтожены и оставлены лишь в конце слов вроде «об», «раз». «над», в которые ер входит как срединный в слове знак (разъезд, подъем и т. д.).

Сложнее предстояла работа с совершенным уничтожением целой таблички комбинаций слогов, начинающихся с i, и с перенесением части их на соответствующие места таблички «И». Эта работа автору удалась не вполне. В таблицах Хавкиной приведены комбинации i с а, е, и, о, у, э, я; при чем комбинации со всеми гласными, исключая «е» и «о», немногочисленны (2, 3, 4) и легко могут быть—в урезанном виде—втиснуты в соответствующие места таблички «И», путем уничтожения в последней по возможности соответствующего количества иных комбинаций. Но комбинации «i» с «е» у Хавкиной имеется 37, а с «о»—42. Уместить такое огромное количество комбинаций, даже и сократив количество их в 2, 3, 4 раза—невозможно без явного ущерба для всей таблички «И». Между тем автор брошюры ничтоже сумняшеся, ограничился перенесением в табличку «И» лишь по одной комбинации «и» с «е» и «о». Получилось еще большее неудобство: один-два авторских знака должны символизировать огромный ряд фамилий.

Такая переработка таблиц, конечно, не может быть признана удачной и приемлемой, так как она определенно затрудняет работу библиотекаря, а не упрощает и не облегчает ее. Единственным выходом в данном случае может быть—на мой взгляд создание трехзначных таблиц для комбинаций слогов, начинающихся с «и». Автор брошюры в предисловии обещает в скором времени издать трехзначные таблицы до некоторых (не всех, а наиболее употребительных) слоговых комбинаций. Брошюра издана в 1920 году, теперь — 1922. Автору следует поторопиться с исполнением своего обещания.

А. Сигорский.

МЕЖДУНАРОДНАЯ ДЕСЯТИЧНАЯ КЛАССИФИКАЦИЯ КНИГ. Сокращенные таблицы, составленные Особой Комиссией при Главполитпросвете для обязательного употребления в библиотеках Р. С. Ф. С. Р. Гомель. Государственное Издательство. 1921. Стр. 37. Цена не обозн. 40.000 экз.

Разбираемые таблицы имеют несколько необычный подзаголовок: они составлены особой комиссией при Главполитпросвете и в то же время определенно озаглавлены «международными». Было бы ближе к истине назвать их переработанными или приспособленными из международных для русских библиотек. Изданы они в декретном порядке («для обязательного употребления в библиотеках Р. С. Ф. С. Р.») и должны явиться тем самым основным руководством, не подлежащим изменению в процессе классификаторской библиотечной работы. Очень поэтому жаль, что в эти таблицы вкрался целый ряд ошибок и неясностей, могущих затруднить и спутать работу русских библиотекарей.

Я уже писал («Печ. и Рев.», кн. 3-я за 1921 год, стр. (236—240) о таблицах десятичной классификации, опубликованных в журнале «Политработник» № 6—7 за 1921 г.). Последние составлены весьма «вольно», в них допущен ряд несообразностей и фактических ошибок (не только

типографских), и для руководства в библиотеках они абсолютно негодны. Разбираемые таблицы, изданные под маркой Главполитпросвета, освобождены от большинства этих ошибок (и те, и другие таблицы являются как бы сколком одна с другой—в деталях, быстро обнаруживаемых),—но часть их (ошибок) все-таки осталась.

Прежде всего таблицы сравнительно мало подробны, некоторые отделы следовало бы детализировать, чтобы не тратить время на справки в подробных индексах, которые обещает высылать библиотечный подотдел Главполитпросвета (стр. 9). Затем—ряд замечаний по поводу мелких и крупных упущений. Отсутствует специальный индекс библиографической классификации (025.4). В отделе «философия» напрасно не выделен индекс «Дух и тело» (13), который охватывает спиритизм, гипнотизм, сон, сновидения и пр. Книги по этим вопросам никак не удается отнести ни к индексу I (введение в философию, история философии), ни к индексу 15 (психология). В подотделе этики нелишне было бы выделить мораль сексуальную (176) и мораль воздержания (178). В отделе «Религия» пропущены важные индексы: 272 (История религиозных гонений), 273 (История ересей) и особенно интересный для русских библиотек индекс 281. 901—«Раскол и секты православной церкви». Из отдела Политики выброшен индекс 324 (Выборы), так же как и общий индекс «Внутренняя политика» (323); вместо последнего имеется лишь «Национальная политика»—323.1. Все остальное в этой области оставлено за бортом. Очень странно выглядит изгнание социалистических партий из индекса 329 и включение их в отдел «Социализм» (335), в то время как эти партии международной классификацией определенно и подробно индексируются (329.14). Другое дело — коммунистическая партия, вопрос о которой при составлении таблиц в Брюсселе предусмотрен не был; но создавать для нее особое буквенное обозначение (335.5 К) в международных таблицах, оперирующих исключительно с цифрами, — нецелесообразно. Выход должен быть какой-то другой, согласованный с Международным Библиографическим Институтом и зафиксированный.

В подробные примечания к индексу 338 (Промышленность) по недоразумению внесены рубрики: организация труда, система Тэйлора, учет и распределение рабочей силы, кодекс законов о труде и др. По прямому смыслу все эти рубрики должны быть отнесены к индексу 331 (Рабочий вопрос); в частности, кодекс законов о труде может быть определенно фиксирован двойным индексом 331:345, как на это и намекается в таблицах несколькими строками ниже (примечание к индексу 345). В отделе «Право» напрасно не выделено: 347.7—«Собственность промышленная, художественная и литературная». В отделе «Воспитание и образование» для удобства работы в библиотеках следовало бы выделить специальные индексы 374 и 376 (Самообразование и женское образование), тем более, что по вопросу о самообразовании литература очень богата и спрос на нее очень велик. В примечаниях к индексу 38 (торговля, транспорт) упомянуты Наркомвнешторг и Наркомпуть, но забыт Наркомпочтель. Из обширного и крайне ценного отдела 39 (Обычаи, фольклор) несправедливо оставлен лишь женский вопрос. Отдел языкознания в таблицах очень беден, имеется лишь два индекса: 4, включающий в себя всю нерусскую филологию, и 491.7—русский язык; не выделен даже «эсперанто» (408.92). Не удалось найти обозначений языков и в конце таблиц, так как «определители языка» из таблиц изгнаны совершенно. В отделе точных наук не имеется специального индекса геодезии и межевания (526); науки эти должны—по таблицам—индексироваться вместе с астрономией.

Целый ряд недоумений вызывает отдел «Прикладные науки» и следующие отделы таблиц. Прежде всего сомнительно, чтобы учебная деятельность Главпрофобра относилась к индексу 6. Далее—деятельность Наркомздрава никак не может быть отнесена к медицине,—условно ее следует скорее отнести к гигиене (613: Государственные мероприятия по здравоохранению). Инженерное искусство ограничено в таблицах общим индексом 62, прикладной механикой, электротехникой и горным делом; напрасно не выделены двигатели—паровые, водяные и газовые (621,1, 621. 2 и 621.4). Точно также опущены индексы: 626 (Речное судоходство

орошение) и 628 (Санитарная техника, водоснабжение). В «Средствах сношения» (65) необъяснимо забыты пишущие машины и множители (652) и стенография (653). В «Книжное и типографское дело» (техника) по недосмотру включена «деятельность Госиздата». Все транспортное дело с его подразделениями отсутствует совершенно. Фабрично-заводское производство, ремесла и строительное дело (индексы 67, 68 и 69) совершенно не детализированы, в то же время сельское хозяйство (63) представлено всеми десятью дробными индексами.

В отделе «Изящные искусства» не дан индекс истории искусств (709), он растворился в голом индексе 7, как музейное дело, которое следует индексировать отдельно (708). В подотделе архитектуры, дабы не получилось путаницы в библиотечной практике, нельзя не выделять общих сочинений по теории предмета от его истории и отдельных специальных дисциплин, объединенных общим названием гражданской архитектуры (постройка вокзалов, больниц, тюрем, бань, стадионов, школ и пр.) Из «Скульптуры» просится о выделении «Нумизматика» (737) и «Керамиковое искусство» (739). В примечаниях к индексу 74 (рисование, орнамент) значится: черчение и художественная промышленность; следовало бы, во избежание путаницы, оговорить, что архитектурное черчение индексируется 729, а художественная промышленность нуждается в освобождении ее специального индекса 745. Индекс 76 (Гравюра) неправильно объяснен как «художественные воспроизведения», так как литература по этому вопросу может быть отнесена и к ряду дробных индексов «фотографии», фотолитография (775), фотоцинкография (776) и др. В отделе «Музыка» не оговорено специальное обозначение нот—М78.

Отдел «Литература» в достаточной степени окургужен: голландская литература за неимением специального индекса, должна будет отмечаться индексом скандинавских литератур, а литературы неевропейских языков (китайская, японская, турецкая, египетская и др.) своих индексов не имеют совершенно. Не предусмотрено также внутреннее деление литературы на ее виды (проза, поэзия, драма), очень удобное для среднего размера библиотек. В отделе «История» отсутствует индекс история культуры (001). Под индексом 9 (47) имеется такое объяснительное примечание: «История России и стран, входивших в состав бывшей Российской империи». На следующей же странице рядом с «определителем места» России (47) оговорка: Определители стран, входивших в состав бывшей Российской империи, выражаются вспомогательными индексами более подробных таблиц. Одно объяснение, как видно из выписок, исключает другое. Индекс географии полярных стран—91 (99)—указан неправильно: это индекс только южных полярных стран; арктические страны индексируются (91/98).

В «определителях формы» опущено обозначение предмета (01). В «определителях места» отсутствуют обозначения Турции, Бельгии, Швейцарии, Балканских государств, Туркестана, Мексики и др. Объяснение к «определителям отношения» дано очень краткое и туманное.

Таблицам предпослан небольшой очерк, интересно и популярно написанный, о сущности международной десятичной классификации книг. В конце таблиц—алфавитный указатель обозначений рубрик.

А. Сигорский.

ВОЛЬЦЕНБУРГ и ШЛОСБЕРГ. Как устроить и вести маленькую библиотеку. Руководство для фабрично-заводских, волостных и сельских библиотек. Петербург. Госиздат. 1921 г. 36 стр. Цена 2000 руб.

В предисловии автор говорит, что своей книжкой он хочет притти на помощь тем лицам, которые без технической подготовки, но с большой любовью и интересом к книге и читателю, впервые берутся за библиотечное дело. Автор хочет научить простейшим техническим приемам «правильной организации маленькой библиотеки».

Прежде всего он рекомендует все книги разложить по отделам, расклассифицировать их, а потом по отделам записывать в инвентарь—тогда как даже новичку в библиотечной работе известно, что начинать нужно с записи в инвентарь.

Далее рекомендуется десятичная классификация, но дается деление только на 10 основных отделов, тогда как даже в не-

большой библиотеке хотя бы по общественным наукам и прикладным знаниям надо дать три деления.

Правда, авторы на четырех страницах перечисляют отделы с подотделами, но без указания индексов—какой практический смысл они имеют?

Говоря о подборе книг, т.т. авторы рекомендуют откладывать в сторону устарелые, ненаучные и т. д.,—словом, рассчитывают на некоторую подготовку библиотекаря. Почему же они боятся тогда дать индексы подотделов? Ведь дробная классификация облегчает работу библиотекаря, а с тремя знаками прекрасно справляются и библиотекари-красноармейцы?

Не давая хорошей таблицы классификации, авторы вносят от себя тину, не считаясь с установленными таблицами: журналы выделяются в особый отдел Ж, беллетристика—Б.

При рассмотрении вопроса о технике работы, авторы «упрощают» систему выдач—рекомендуют не карточную систему выдач, а «тетрадочную», каталог тоже «тетрадочный». Зачем писать руководство, если оно зовет библиотекаря не вперед, а назад, не учит его правильной, научной постановке дела, принятой во всем мире... кроме петроградских, очевидно, библиотек?.

Статистике и отчетности посвящено две непонятных странички, не приложены бланки статистики месячной и ежедневной как «взгляд и нечто».

Последние страницы посвящены вопросу о внутренней работе библиотекаря. Вопрос разрешается правильно, роль библиотеки определена верно, но что можно сказать на семи страницах? Для подготовленного они не нужны, для слабого—общи.

В общем и целом книжка бесполезная, никого ничему она не научит, а если и научит, то тому, чего делать не следует.

М. Смушкова.

КНИЖНОЕ И ПЕЧАТНОЕ ДЕЛО.

В. АНИСИМОВ, Краткий очерк развития письменности и типографского искусства в России. СПБ. 1920. Стр. 94.

Едва ли есть какая другая область науки в России, столь плохо разработанная, как история книгопечатания. До сих пор не появилось ни одного курса истории типографского дела; в счет не идут брошюры, написанные по отдельным вопросам, а также «История книги» С. Ф. Либровича (вышедшая в 1914 году), доведенная до конца XVIII века и трактующая о книге вообще, а не о типографском искусстве в частности, и всеобщая «Иллюстрированная история книгопечатания и типографского искусства» Ф. И. Булгакова (вышедшая еще в 1889 году), доведенная также только до конца XVIII века, дает главным образом историю книжного дела, а не типографского искусства.

При этих условиях каждая новая книга по истории типографского искусства представляет собой целое событие.

Книга В. Анисимова явилась—будем надеяться—первой ласточкой, но—увы!—едва ли удачной. Уже первые слова в книжке вызывают недоумение: автор говорит, что, по преданиям, «Адам начертал на кирпиче (!) и на дереве свои мысли для грядущего потомства», что «изобретение письменности *совершилось* (!) в ту отдаленную эпоху, когда люди находились еще в непосредственном сношении с небесным миром (!)»; из этих глубоко-научных данных В. Анисимов делает неожиданный и смелый вывод: «Таким образом, в древнем мире *первая книга* (!) человека была каменная или деревянная, а первое перо его было нож или топор» *).

Начав с Адама в роли не только кирпичника, но даже и печатника, автор на 22 страницах рассказывает о развитии письменности, чтобы уделить типографскому искусству всех времен и народов только 64 маленьких страницы. Кстати, на странице 12 на расстоянии нескольких строк автор сначала говорит, что славянский алфавит возник *в X веке до Рождества Христова* (!), *а затем*:

*) Курсив везде наш. М. Щ.

«во второй половине IX века» (очевидно, после Рождества Христова—автор здесь не так точен)—является (у славян) *вдруг* собственная азбука».

Далее, на странице 21-й, В. Анисимов говорит: «потребность в светском образовании вызвана (когда—неизвестно) появлением книг без картин, каким являлся Донат—Donatus». Но едва ли автор будет утверждать, что сначала появились книги, а затем, как результат их появления, потребность в образовании: здравый смысл и факты говорят, что не деревья стали расти потому что их рубят топором, а наоборот. И затем, книги, «каким являлся Донат», появиться не могли, ибо Донат был живой человек, римский грамматик IV века после Рождества Христова, а появились его грамматики, весьма употребительные в Средние Века; первую же печатную грамматику Доната (напечатанную подвижными литерами, а не с деревянных досок) напечатал Гутенберг, следовательно не до, а после изобретения книгопечатания.

Не стесняются наши авторы с читающей публикой...

Говоря о Гутенберге, В. Анисимов категорически заявляет, что изобретатель книгопечатания родился в 1396 году. Интересно бы знать, откуда он взял эту дату, не известную никому, кроме него. Так же бесцеремонно расправляется В. Анисимов с историческими данными и дальше; он говорит: «Пока жив был Фуст, его рабочие свято соблюдали клятву не открывать никому тайны своего искусства, но после его смерти они сочли себя освобожденными от клятвы. Большая часть их переселилась в Южную Германию» и т. д. Автор здесь не знает общеизвестных фактов,—что Фуст умер в 1467 году, что е[illegible] в 1462 году, после захвата Майнца Адольфом Нассауским и уничтожения типографии Шеффера и Фуста, их подмастерья разбрелись кто куда, и уже в 1464 году появился в Германии и на Аппенинском полуострове ряд типографий.

Не церемонится В. Анисимов с хронологией и из близкой к нашему времени русской истории. Так, двукратно он указывает, что первая частная типография Гартунга появилась в Петрограде в 1771 году, тогда как она благополучно существовала еще в 1769 году.

На страницах 74—75 автор перечисляет работников Московской типографии и два раза упоминает: «двое русских печатников и трое тередорщиков» и затем «четыре других печатника и один тередорщик». Типография оказывается без наборщиков, зато печатников очень много (ибо тередорщик и печатник одно и то же); в чем тут дело, г. Анисимов?

Довольно про ошибки, хотя мы исчерпали далеко не все.

С внешней стороны книга оставляет желать многого: правда, прекрасная бумага и прекрасный шрифт; но корректура скверная, обложка сделана неудачно: вверху громадная надпись—«краткий очерк», затем рисунок, изображающий наборщика и тискальщика, а далее остальное заглавие книги поменьше.

Между тем, напечатана книжка Секцией Полиграфических производств 15-й государственной типографии, очевидно, «под наблюдением»,—как любит он писать на книгах,—В. Анисимова.

От этого старого работника в области типографской техники мы вправе были ожидать более деликатного отношения к теории книгопечатания, которому автор, как практик, всю жизнь служит успешно,—если не считать странных ляпсусов, подобных разбираемой книжке.

М. Щелкунов.

В. П. СЕМЕННИКОВ. „Книгоиздательская дѣятельность Н. И. Новикова и Типографической Компаніи". Пгр. Госиздат. 1921 год. Стр. 151.

Одна из красивейших по внешности книг, вышедших в 1921 году. Хорошая бумага типа изданий «Аполлона» и «Старых Годов», красивый шрифт по образцу XVIII века, безукоризненная по цельности рисунка обложка, исполненная А. Лео. Но внутреннее содержание книги совершенно неудовлетворительное.

Крупнейший российский издатель XVIII века, не только создавший первое в России издательское дело, но и насадивший книжную торговлю, идейный мученик за книгу, Николай Иванович

Новиков более столетия ждал подведения внешних итогов его деятельности. Наконец, дождался,—к столетию со дня смерти—книга В. П. Семенникова должна была появиться в 1918 году. Честь этой работы выпала на долю лица, много работающего над русской книгой XVIII века, и были все основания получить монументальный труд, достойный автора, а тем более Н. И. Новикова. Наши библиологические круги давно ждут обещанного В. П. Семенниковым описания всех русских книг XVIII века и, очевидно, лежащий перед нами его труд—первая ласточка ожидаемого цикла.

Оказывается, однако, что ожидания были напрасны: ибо В. П. Семенников не знает или, вернее, не желает знать немудрые библиографические правила, без которых за составление подобных книг браться никак нельзя.

Если В. П. Семенников располагает весь перечень изданий Н. И. Новикова по годам,—это, пожалуй, даже удобно: с 1766 по 1790 год постепенно развертывается картина все более кипучей деятельности этого выдающегося человека. Но внутри каждого года книги расположены по давно и везде заброшенной, нелепой системе алфавита главных существительных. Получаются такие курьезы: в 1786 году, например, за № 528, на букву Н, идет «Наука обращаться с Богом», затем следуют: № 529 «Святаго Діонисія Ареопагита о небесной Іерархіи», № 530—«Опекунъ», комедия Сумарокова, № 531—«Іоанна Масона познаніе самого себя». Разберитесь в этом алфавитном порядке,—вернее беспорядке,—лишний раз говорящем о небрежности автора.

Далее, иностранные заглавия В. П. Семенников располагает по алфавиту соответственных слов в русском переводе: например, № 293 «Discours sur l'Esprit des Lois» Монтескье» стоит перед № 294—«Рѣчь г. Томаса», и после № 292—«Новое разсужденіе о нивеллированіи».

Уже расположение материала обесценивает книгу В. П. Семенникова; однако это не самый большой из грехов автора.

Главное условие, предъявляемое составителям подобных перечней, — безусловная точность передачи заглавий; мы проверили их несколько десятков по книгам Н. И. Новикова—и оказалось, что В. П. Семенников не хочет знать и этого условия; иногда заглавие приведено верно, в большинстве же случаев автор искажает названия книг, сокращает их, пропускает эпиграфы, не указывает заглавий на двух языках и т. д.

Так, например, № 203—«Опытъ о свойствѣ, о нравахъ»—пропущено второе о; «переведена» г. Семенников печатает переведено; № 236—«Сокращеніе всехъ наукъ»—заголовок на двух языках, немецком и русском, но г. Семенников считает лишним об этом упоминать; № 312—«Ахукамукхама талымъ набы»—Семенников расшифровывает по наитию: «Ахука-Мукхама-Талымъ-Набы»; это изложение магометанской религии переведено с французского О. Каржавиным, г. Семенников печатает: «Коржавиным».

В № 350—«Іоанна Масона А. М. Познаніе самого себя»—автор нашей книги печатает: «самаго». № 473—«Исторія о невинном заточеніи... Артамона Сергіевича Матвѣева»—г. Семенников исправил на «Артемона». № 731—«Дѣянія Петра Великаго, мудраго преобразителя Россіи»—автор исправляет: «преобразователя».

Не будем останавливаться на полном пренебрежении Семенникова к большим и малым буквам, на произвольном усечении слов—даже в маленьких заглавиях.

Количество страниц не дается в виде общего правила, но изредка бывают неожиданные отступления, при чем все проверенные нами оказались ошибочными; так для № 236—«Сокращеніе всѣхъ наукъ»—показано 359 страниц, между тем как в книге имеется сверх того незамеченное автором предисловие и посвящение в 16 страниц. Знаменитый «Духовный Рыцарь» имеет 60 страниц (полных), у В. П. Семенникова только 59, и т. д.

Так же произвольно указаны и форматы: книги совершенно одинаковые по размеру обозначены то в четверку, то в восьмушку.

Наконец, приложения, гравюры на выходных листах, заставки и концовки вовсе не указываются; доходит до того, что даже при «Картине Цебесовой» не сообщается о наличии этой картины в большом формате в виде особого приложения.

Таково внутреннее содержание этой никому не нужной книги; никому не нужной—ибо для справок она не годится, поскольку справляющийся библиограф или библиотекарь не может доверять ни одному слову В. П. Семенникова; а для широких кругов книга не интересна, ибо автор не дал хотя бы краткого очерка деятельности Н. И. Новикова, обещая выпустить продолжение своего труда в будущем.

А как легко было устранить все эти недостатки; стоило только не ограничиться небрежным переписыванием заглавий книг из каталогов и прочих материалов, а пройти несколько раз в Публичную Библиотеку и проверить добросовестно все данные, прибавив к ним и сведения, без которых—жаль и автора, и издательство—Государственное—решившееся выпустить работу В. П. Семенникова даже по старой орфографии, очевидно, из внимания к памяти Н. И. Новикова.

М. Щелкунов.

НАУКИ О ПРИРОДЕ.

Проф. Д. Н. АНУЧИН. Происхождение человека. Из серии «Популярно-научная библиотека». Государственное Издательство. 1922 г. 110 стр.

Книга профессора Д. Н. Анучина в исчерпывающей и *общедоступной* форме знакомит читателя с современным положением вопроса о происхождении человека. В первых главах автор знакомит с воззрениями, существовавшими насчет происхождения человека у разных мелкокультурных народов, а также среди необразованных слоев общества, затем излагает теории и легенды о происхождении человека культурных народов древности. III-я и IV-я главы посвящены первым научным попыткам выяснить эволюцию человека и его родство с животными формами. Далее автор приводит данные эмбриологии, палеонтологии, сравнительной анатомии и физиологии, доказывающие принадлежность человека к отряду приматов и намечает его место среди этих последних. В главах VI и VII-ой путем рассмотрения находок ископаемой культуры человека и остатков самого человека автор определяет приблизительное время появления человека на земле, а также рассматривает находки питекантропуса — эректус и пильтдауенского человека и их значение в вопросе об эволюции человека. VIII-я глава посвящена новейшим воззрениям на эволюцию человека, в особенности взглядам на этот вопрос немецкого ученого Кляча, и подведению итогов по разбираемому вопросу. Автор указывает, что «пока пути эволюции человека могут быть намечены только приблизительно, так как до сих пор нам известно слишком мало форм, которые могли бы служить надежными вехами этих направлений. Хотя наибольшее сходство в своей организации человек обнаруживает из ныне существующих животных с антропоморфными приматами, тем не менее как эмбриология и сравнительная анатомия, так и сделанные до сих пор находки ископаемых форм свидетельствуют, что человек не мог произойти от ныне существующих форм, а оба типа (человека и антропоморфных обезьян) обособились из более древних форм (пропитекантропусы), ископаемых остатков которых пока еще не найдено. Начало же эволюции человека из «приматоидов», родоначальников всех приматов и в том числе и человека, выходит еще к более ранним эпохам, именно к началу третичной эры.

Что касается двух древнейших типов ископаемого человека: типа «разумного» человека и типа «первобытного» человека, то первого нельзя на основании существующего материала выводить из последнего, так как эволюция «разумного» человека должна была протекать в очень отдаленную эпоху четвертичного периода.

Проф. Д. Н. Анучин принадлежит к числу наиболее авторитетных и компе-

тентных судей в вопросе об эволюции человека и неоднократно уже выступал как в печати, так и с научными сообщениями по этому поводу; поэтому нельзя не порадоваться, что в настоящее время широкий круг читателей имеет возможность в простом, ясном и строго научном изложении ознакомиться с этим выдающимся по своему интересу вопросом. К сожалению, внешняя сторона издания оставляет желать весьма многого: плохая, даже разнотипная бумага, плохая брошюровка и отсутствие рисунков, столь необходимых для отчетливого представления изложенного в книге материала.

Д. Крубер.

ПАУЛЬ КАММЕРЕР. Омоложение и продление личной жизни. Перевод и примечания Б. М. Завадовского. Государственное Издательство. 1922. Стр. 86.

Каммерер—один из ближайших сотрудников венского проф. Штейнаха, чьи экспериментальные работы в области омоложения приковали к себе внимание не только физиологов-специалистов, но и всех следящих за движением научной мысли. Правда, вокруг вопроса об омоложении поднят чрезмерный шум, и в широкой публике он принял характер сенсации, но меньше всего можно винить в этом Штейнаха, который долго вынашивал свой труд в тиши лаборатории, прежде чем сделать достоянием мира результаты своих опытов. Как бы то ни было, появление небольшой книжки Каммерера в русском переводе очень своевременно, так как самый широкий круг русских читателей может теперь ознакомиться с состоянием вопроса об омоложении из первоисточника. Книжка написана не только понятным языком, в форме, доступной для лиц, обладающих самыми элементарными сведениями по физиологии, но проникнута живым одушевлением автора, верой в силу и плодотворность научного знания.

Каммерер не вводит читателя сразу в круг Штейнаховских опытов; предварительно он знакомит с понятием о внутренней секреции, с ролью продуктов, которые вырабатываются различными железами и которые, поступая в общий круг кровообращения, оказывают самое разнообразное влияние на развитие и жизненные отправления организма.

Такого рода продукты, или гормоны, вырабатывают и половые железы, и во 2-й главе автор дает очерк внутри-секреторной деятельности половых желез — мужских (яичек) и женских (яичников). Затем, в последующих главах излагаются опыты усиления производства внутрисекреторных продуктов половых желез путем пересадки желез более молодых особей, перевязки или перерезки семенных протоков и др. и обусловливаемые этим усилением изменения в организме, которые сводятся к улучшению питания, повышению полового инстинкта, росту волос и т. п. После краткого описания опытов омоложения на низших животных и растениях Каммерер подробно излагает опыты на млекопитающих, при чем главным объектом для экспериментов служили крысы. Последние главы посвящены проблеме омоложения человека, при чем сообщаются все имеющиеся в литературе наблюдения и опыты.

Переводчик оказал большую услугу читателю, снабдив текст примечаниями, которые являются очень ценным дополнением новейших фактов, почерпнутых из последних научных сообщений.

Не имея под руками оригинала, трудно судить о достоинствах перевода. В общем книжка читается легко и с большим интересом. Позволю себе указать на два места, где шероховатость затрудняет понимание: «у венского рентгенолога Гольцкнехта как бы завеса упала с глаз, когда он стал рассматривать в свете штейнаховских работ во всем их истинном значении свои озадачивающие результаты лечения» и т. д. (стр. 35); на стр. 56—57 мы читаем: «Столь же много можно ожидать от, к сожалению, слишком скудных сведений, в которых сообщают о независимом и одновременном разрешении проблемы омоложения, произведенном Вороновым в Париже» и т. д.

Рисунки, иллюстрирующие текст, не все, к сожалению, достигают цели. На рисунках 1, 2 и 12 анатомические и гистологические элементы недостаточно

отчетливо изображены; рисунки на страницах 42, 43 и 45, изображающие крыс до и после операции мало убедительны и не столько иллюстрируют эффект операции омоложения, сколько требуют со стороны читателя веры в этот эффект.

Е. Аркин.

С. А. ПОРЕЦКИЙ. Зеленый мир. Беседы о жизни растения. 4-е издание, вновь проредактированное проф. Л. И. Курсановым. Государственное Издательство. 1922 г.

К своей книге «Зеленый мир» покойный ее автор Порецкий присоединил подзаголовок: — *беседы о жизни растения*,—так как изложение носит характер беседы, которую автор ведет со своим читателем. Написанная ясным языком, книга эта вводит мало знающего еще читателя в сложный мир жизни, исходя во всякой беседе из самых простых и обыденных явлений, знакомых каждому из житейского опыта. Первая беседа посвящена осмони, его строению и прорастанию, вторая общему вопросу о питании растений, третья—движению соков, четвертая разъясняет, чем отличается питание растений от питания животных, в пятой разбирается вопрос о дыхании растений, шестая посвящена размножению, седьмая расселению и последняя—восьмая—вопросу о движении и чувствовании у растений. Из этого перечня содержания бесед видно, что автор затронул все главные функции жизни растения и, прочтя эту книгу, читатель, мало знакомый с данной темой, несомненно обогатится основными сведениями по этому вопросу.

Книга составлена интересно и доступно для широкого круга читателей. Изданная под редакцией профессора Курсанова, она свободна от неточностей и ошибок, но, конечно, допускает против себя ряд замечаний. Я укажу прежде всего на язык автора. Он не всегда соответствует излагаемой теме. Ее серьезность и широта не требует такого элементарного языка, таких наводящих вопросов, какие рассеяны всюду. Затем необходимо остановиться на некоторой неравномерности в изложении. В то время как главы об индивидуальной жизни растения изложены весьма обстоятельно и подробно, автор знакомит читателя даже с клеточным строением, сосудисто-волокнистыми пучками и т. п., делает ссылки на особенности питания бактерий;—главы о размножении изложены слишком формально. Вопрос об оплодотворении затронут мимоходом; 14—15 строк текста посвящены ему, не иллюстрированы рисунками. Все описание сосредоточено на явлениях опыления, и мало подготовленный читатель может вынести впечатление, что эти оба процесса—опыления и оплодотворения—являются синонимами.

Процесс оплодотворения у папоротника излагается в главе о расселении растений. Было бы целесообразно перенести это описание в главу об оплодотворении и этим самым дать идею об эволюции растительного мира.

Другой пробел данной книги—полное отсутствие понятий о виде, роде и семействе. Конечно, это составляет другой круг вопросов, но в беседах о жизни растений вопрос об его происхождении должен быть затронут, тем более что автор в главах о жизни растений входит нередко в большие подробности. Смело можно было бы сократить главы об опылении и расселении растений и вместо них ввести главу о происхождении растений. Сошлюсь на гармоническое изложение всего предмета в известной книге Тимирязева, где вопросу о происхождении растений отведено подобающее место.

Книга издана для настоящего времени вполне удовлетворительно, снабжена большим количеством рисунков, удачно исполненных, кроме рис. 39—мытник. Из неудачных мест укажу на стр. 68, где при описании росянки сказано, что щупальцы наклоняются тогда, когда насекомое уже умрет. На стр. 69 сказано, что в настоящее время известно более 400 насекомоядных растений. Надо было прибавить хотя бы «пород», если не выяснено понятие о виде.

Четвертое издание этой книги указывает на то, что она нашла себе определенный круг читателей и вполне заслуженно, и надо пожелать, чтоб круг этот

еще расширился и чтоб книга увидала скоро и 5-е издание. Переработка главы о размножении подняла бы еще более достоинство книги.

Проф. В. Арнольди.

Н. В. ВОРОНКОВ. По пресным водам (Фауна пресных вод). Руководство к экскурсиям. Издан. 2-е. 91 стр. 64 рис. Государственное Издательство. Москва 1922 года.

Выпущенное Государственным Издательством второе издание книги Н. В. Воронкова является, несомненно, одной из лучших книг-руководств к экскурсиям по пресным водам. В свое время первое издание этой книги было встречено очень сочувственно и по достоинству оценено.

Книга представляет собою прекрасный, сжатый очерк жизни животных пресных вод. Идея связи между средой и строением водных организмов красной нитью проходит в книге. Первая глава в сжатой и ясной форме дает характеристику условий жизни в воде.

Очень правильным в методическом отношении можно считать самое расположение материала по зонам обитания: берег, животные, обитающие на поверхности погруженных в воду предметов, обитатели поверхности воды, лов сеткой, жизнь ила. Это расположение материала дает возможность экскурсанту сравнительно легко пользоваться книжкой и во всяком случае гораздо удобнее, чем расположение материала по функции, как это мы видим в книжке Геншеля, делающее ее, несмотря на все ее достоинства, очень неудобной в отношении ее использования. Книга написана простым, доступным языком и в то же время очень живо и порою увлекательно.

Говорить о научных недочетах также не приходится, да и нельзя ожидать иного в сочинении, написанном крупным специалистом гидробиологии. В первом издании книги ее в значительной мере украшали рисунки прекрасно выполненные (I-е издание 1914 г. изд. И. Д. Сытина); рисунки эти сравнительно недурны и во втором издании, однако, издание не блещет внешностью и сильно страдает от плохого качества бумаги и плохой брошюровки.

Все таки можно радоваться появлению в свет нового издания книги Н. В. Воронкова, т. к. первое издание давно уже стало библиографической редкостью, она окажет большую услугу экскурсионному делу. Ее, конечно, можно горячо рекомендовать, как одну из лучших книг в этой области.

В. Ф. Натали.

В. В. ЛЕРМАНТОВ. О том, как машины работают и как рассчитывают их действие. 2-е изд. под ред. проф. Н. Н. Андреева. 262 стр. Гос. Изд. 1922.

Книга Лермантова представляет из себя интересную попытку ввести заводского рабочего, имеющего лишь минимум познаний в арифметике и геометрии, в курс вопросов технической механики. Она, по словам автора, предназначается «не для легкого чтения», но ставит целью познакомить с научными основами механического производства, а также научить производить простейшие расчеты и служить, отчасти, чем-то вроде технического справочника, следовательно, по замыслу автора, должна отличаться как от популярных книжек обычного типа, так и от систематических учебных курсов. Сообразно с этим конструктируется ее план. I и II части, в которых речь идет об основных понятиях физической механики и дается элементарная математическая формулировка основных явлений, должны служить лишь необходимым введением для III части, озаглавленной: «Применение приемов рассуждения механики к разным случаям действия сил». Эта III часть и по объему (более половины книги), и по содержанию является центральной. Тогда как I часть вполне общедоступна, II и III предъявляют к читателю уже значительно большие требования, заставляющие по временам сомневаться, что автор достигнет поставленной им себе цели. Правда, в самом начале книги уже строго определено, что она может и чего не может дать, и указан тот необходимый уровень познаний, который потребуется от читателя

для усвоения III части, но, думается, дело здесь идет не столько о конкретных знаниях, сколько о тех трудностях, которые создаются для ума, не привыкшего мыслить отвлеченно, когда ему приходится от обыденного образного мышления переходить к научным понятиям, заключающим в себе значительную долю абстракции. Да и тот математический язык, на котором неизбежно приходится разговаривать автору в книжке по механике, предназначенной «не для легкого чтения», думается, доставит не мало огорчений рабочему, пожелавшему проникнуть в тайны науки. Впрочем, насколько позволило само содержание книги и цель, поставленная в ней, автор сделал все возможное, чтобы облегчить задачу своего читателя. Изложение живо, изобилует интересными примерами и сравнениями. В каждом отдельном вопросе рассуждение идет от частного к общему, от конкретного к абстрактному, исходит из знакомых понятий и путем анализа вводит понятия новые и менее привычные, при чем к достоинствам книжки следует отнести, что логические формулировки не загромождают здесь, как это часто бывает в руководствах по механике школьного типа, физического смысла понятий и терминов. Практический подход ко всем вопросам—вот совершенно верный курс, взятый автором. Те же практические соображения заставили его не бояться некоторого изобилия технических терминов (некоторые, впрочем, излишни, например, сложное понятие кинематической цепи) и ввести значительное количество задач и упражнений, которые, несомненно, должны помочь усвоению прочитанного. Кроме того, в книжке имеется несколько таблиц, дающих возможность производить несложные расчеты.

Можно было бы возразить, хотя бы с точки зрения самого автора, против выделения главы II (теоретическая механика) в особую часть. Вопросы теории следовало бы не отделять от практической механики, но ставить их в тот момент, когда в них возникает запрос со стороны практики. Это сообщило бы книге большую цельность. То же можно сказать и об экскурсиях в область алгебры. Они могли бы происходить по мере изложения, когда в них возникает практическая потребность. Но не сосредоточиваться в одном месте (преимущественно во II части), что, повидимому, может сильно утомить непривычного читателя. В частности, можно отметить, что удобнее было бы при изучении кинематики начать не с ускоренного движения, как это сделано во II части, но с движения равномерного. Почему-то ничего не говорится о динамике вращательного движения и очень вскользь о центробежной силе.

Встречаются иногда не вполне удачные выражения и неясности. Так на стр. 28 говорится, что поезд «расталкивает перед собою частицы воздуха». Проще было бы сказать: воздух. Неудачно изложено правило знаков (стр. 61). На стр. 68 понятие массы и веса, в их взаимном отношении, не выяснено достаточно отчетливо. На стр. 112 сказано о давлении ветра на неподвижный парус, что он производит работу (?). В задаче на стр. 125—ошибка в вычислении: для движения вагона в этой задаче затрачивается мощность не 2,2, а 22 лош. силы. Момент инерции почему-то равен полупроизведению массы на квадрат радиуса (стр. 130).

Также иногда встречаются грубые выражения, нисколько не придавая «популярного» характера книжке, по временам затемняют сущность вопроса, как напр., на стр. 68: «с волками жить» и т. д.

В общем же надо признать, что если книга Лермантова окажется и не по плечу всем тем, для кого она предназначается автором, то может принести не малую пользу человеку, у которого найдется достаточно желания и настойчивости, чтобы с помощью знаний, приобретенных, с одной стороны, в начальной школе, а с другой—в своей профессиональной практике, не только заглянуть в область настоящей науки, но, быть может, и найти там ту твердую почву, на которую он сможет поставить свою ногу. Автор рецензируемой книги употребил свое инженерное искусство для постройки моста от простого рабочего станка к вершинам техники, и это позволяет признать переиздание ее Гос. Изд. вполне своевременным и удачным.

С. Конобеевский.

А. и Ф. ГЕРБЕРТСОН. Земля и труд человека. Перев. с английского, 2-е издание, исправл. и дополн. проф. Д. Н. Анучиным. Государственное Изд-во. 1921. 125 стр.

Очень полезная книжка, в особенности для учащихся среднего и старшего возраста, а также для читателя из народа. Главной темой является выяснение зависимости занятий и образа жизни населения от природных условий: перед читателем проходят картины жизни в тундре, в лесах, в пустыне, в степи, в горных странах, на морских побережьях и т. д. Выясняется также зависимость развития и типов земледелия, техники, промышленности и торговли от физико-географических условий. Последние главы посвящены распределению и движению населения, формам правления и человеческим расам. Книга написана простым и общедоступным языком и содержит много интересного фактического материала. По сравнению с первым изданием, во втором имеются дополнения, сделанные редактором, но количество рисунков во втором издании значительно меньше и они менее удачны, чем в первом. В книге имеются, однако, некоторые недостатки, которых следовало бы избежать. Так, на стр. 6 говорится, что климат на крайнем севере настолько холодный, что там совершенно невозможна ни животная, ни растительная жизнь,—что, конечно, не верно; на стр. 10, что в пустынях дождя не бывает вовсе, неправильно также замечание на стр. 30, что кочевники совершенно не нуждаются в своих соседях; на стр. 38 сказано, что в южно-американских экваториальных лесах водятся только птицы, пресмыкающиеся и насекомые, но почти совсем не встречаются животные, очевидно — следовало сказать звери; на стр. 105 неправильно утверждение, что перевозка грузов по железным дорогам обходится дорого (она дешевле, чем гужевой транспорт и тем более транспорт при помощи носильщиков); на стр. 108—Манчерский канал проведен не в конце XVIII, а в конце XIX века; стр. 108 Каледонский канал имеет ничтожное значение для морского плавания, так как недоступен для глубокосидящих судов; на стр. 115 приводится такая последовательность ступеней хозяйства: охота, скотоводство и земледелие. На самом деле, мотыжное земледелие скорее предшествовало скотоводству. Встречаются местами и еще некоторые неточности. Главы III-я и IV-я, без ущерба для книги, могли бы быть опущены; первая—потому, что связь между формой правления и средой (главным образом занятиями населения) намечены очень бегло и мало доказательно, вторая (человеческие расы)—потому, что они не стоят ни в какой логической связи с остальным содержанием книги.

Несмотря на все мелкие недостатки, издание книги следует приветствовать и ее можно рекомендовать как в качестве пособия для школы, так и для самообразования.

А. Крубер.

Дм. РОЙТМАН. Форма и движение земли. Общедоступные очерки из области астрономии. Издание, просмотренное проф. С. Н. Блажко. Популярно-научная библ-ка Госиздата. 1922. 79 стр.

Книга представляет содержание двух популярных публичных лекций, читанных автором для народной аудитории. Вопросы, затронутые в ней, принадлежат к числу наиболее интересующих, из области астрономии, широкие круги, и относительно которых редко можно встретить достаточно понимания. Книга Ройтмана в занимательной форме говорит о шарообразности земли, об определении ее размеров, о ее вращении вокруг оси и движении вокруг солнца. Попутно дается целый ряд интересных исторических сведений, как-то: о мучениках науки Дж. Бруно и Галилее, о первом кругосветном путешествии Магеллана, об измерении земли Эратосфеном и пр. От этого повышается интерес, с которым читается книга, но такое разнообразие идет, пожалуй, в ущерб систематичности и последовательности изложения. Однако книга Ройтмана—не учебник и к ней надо предъявлять иные требования: живость и занимательность изложения для такой книги важнее последовательности и полноты, а первым условиям книга удовлетворяет в достаточной сте-

пени. К сожалению, автор совершенно не касается важного отдела науки о земле — практики геодезических измерений, а между тем современные геодезические работы и их история представляют богатый материал, легко поддающийся популяризации и вводящий в область интересной и важной научной работы. Со времен Эратосфена в этом отношении сделано так много и, в частности, наше отечество было ареной таких крупных градусных измерений, что обойти эту область молчанием, говоря о форме и размерах земли—значит не использовать этого ценного материала и дать впечатление, будто изучение этих вопросов—все в прошлом и будто современная наука уже больше этим не занимается. Настоящее издание просмотрено проф. С. Н. Блажко, что обеспечивает отсутствие ошибок и правильность изложения. Книгу можно горячо рекомендовать для народных библиотек и пожелать ей широкого распространения.

Д. Михайлов.

ПРОФ. А. С. ДОГЕЛЬ. Старость и смерть. Птб. 1922 г. Изд. «Мысль». Стр. 45.

В связи с обостренным в наши дни интересом к проблеме старости, эта книжечка маститого ученого представляет большой интерес, особенно в своей второй части, где автор излагает свои соображения, основанные на личных научных исследованиях.

Исследуя симпатическую нервную систему, А. С. Догель обнаружил у стариков—человека и животных—ряд патологических изменений в нервных клетках симпатических узлов, свидетельствующих о далеко идущем процессе деградации и умирания этой важной системы в организме. А. Догель утверждает, что естественное истощение и самоизнашивание этих ответственных клеток и есть первый шаг, ведущий к старческому одряхлению и смерти.

Как и всякая книга, основанная на личных исследованиях и согретая огнем собственных исканий, эта книжечка не может не представлять большого интереса как для широкой публики, так и для специалиста.

Написана она весьма доступным и понятным языком, которым отличаются все популяризации этого автора, и в этом отношении пределы ее читательности весьма широки. Приятно именно то, что, предназначая свою книгу для самого неподготовленного читателя, Догель не побоялся ввести его в некоторые области, которые неправильно считаются «трудными» и «скучными» для неспециалистов.

В первой части книжки сжато, но отчетливо читатель знакомится с существующими теориями старости, в частности с теорией И. И. Мечникова. Лишь вскользь, не называя имен и фактов, Догель упоминает о попытках свести явления старчества к функциям желез и в частности щитовидной железы.

По своему объему и содержанию книжка не может послужить источником для ознакомления со всем современным положением этого большого вопроса и особенно с относящимися сюда фактами.

В собственных опытах автора естественно усмотреть известную односторонность. Они могут говорить лишь за то, что на-ряду с тысячью других, уже ранее известных проявлений старчества, выступает также и разрушение симпатической нервной системы. Но нет еще уверенности в том, что это разрушение является первичным, а не вторичным явлением.

Совершенно еще не удовлетворяет нас объяснение автора самого факта ослабления невронов к старости: нам кажется, что для объяснения этого факта естественно обратиться к помощи развиваемой нами полигландулярной теории старости.

Но не это важно.

Проблема старости—проблема слишком сложная, и мы долго еще будем находиться здесь в стадии накопления материала и изучения симптомов старчества, каждого в отдельности. В этом отношении каждое исследование, подобное сделанному Догелем, образует ценный вклад в науку, а каждая книжка, подобно рецензируемой, приучает публику критически и осторожно оценивать и взвешивать все возможные точки зрения и не увлекаться чрезмерно тою или

другою из них в убеждении, что вопрос достиг уже окончательного разрешения.

Некоторые сомнения в этой книжке Догеля возбуждают лишь ее заключительные две-три страницы, где автор довольно искусственно переходит к дилемме механического или виталистического миропонимания и, поставив перед читателем ложную проблему: «достигает ли когда-либо, разум человека до открытия абсолютной истины»—скромно отвечает: не знаю.

Это выступление авторитетного естествоиспытателя в роли искателя, «абсолютных истин» мало гармонирует как с более приемлемыми для нас позициями диалектического материализма, так и с общим контекстом всей книжки: связь этого заключения со всем содержанием ее довольно искусственна, а потому было бы гораздо лучше, если бы этот финал книжки был заменен другим.

Но... о вкусах не спорят.

В общей же сложности, повторяем, книжка ценна и интересна и отчетливостью изложения, и свежестью и оригинальностью фактического материала, в ней заключенного.

Б. Завадовский.

Современные проблемы естествознания. К. ФАЯНС. Радиоактивность. Перевод Э. Шпольского. „Физика" под общей ред. акад. П. П. Лазарева, № I. Гос. Изд.

Появление этой столь прославившейся в Германии книжки очень приятно русскому читателю; именно последние успехи учения о радиоактивных элементах, столь тесно связанные с теорией атома вообще, до сих пор не были изложены цельно и систематично, как это сделано в книжке Фаянса. Несмотря на большую популярность изложения, автор доводит читателя до самых последних успехов своей науки, являя т. о. пример популяризатора, достойный подражания, и лишний раз подтверждая истину, что лучшим популяризатором какой-нибудь теории является сам ее творец.

Перевод, сделанный со второго издания, безукоризнен. Нельзя не отметить заслуги переводчика и редакции, внесших в книжку дополнения, касающиеся новых работ, и сумевших сделать перевод столь же полным, как и третье издание, вышедшее в Германии, когда русский перевод уже печатался. Особенно ценно среди этих дополнений описание знаменитых работ Астона

Внешность книжки хорошая. Жаль только, что книжка не сшита,—особенно ввиду затруднительности в настоящее время переплетать книги. Затем следует ввести однообразную транскрипцию имен: странно видеть, например, два имени рядом, одно, написанное по-русски, другое латинским шрифтом. Мне кажется также, что термин Halbwertszeit лучше было бы переводить термином «время полураспада», ибо мы привыкли слово «период» относить к процессам периодическим.

Начатая серия «Физика» очень удачна. Хотелось бы только думать, что дело не ограничится одной-двумя книжками, и другие книжки будут следовать без задержки. Наука в наше время шагает в семимильных сапогах; отстать от нее легко, а догнать трудно.

Проф. Ник. Андреев.

Акад. П. П. ЛАЗАРЕВ. Строение вещества. Научное Обозрение № 2. Издание Т-ва „Мир". 1922.

Основные законы химических взаимодействий, химическая атомистика, периодический закон, кинетическая теория газов, опыты с кристаллами, катодные лучи, электрон и кванты, внутриатомная механика и приложение ее выводов почти ко всем отделам физики, — вот содержание брошюры акад. П. П. Лазарева, занимающей едва $1^1/_2$—2 печатных листа. Нужно большое мастерство, чтобы на полусотне страничек малого формата дать понятие о гигантском развитии атомистической физики, и даже при всем мастерстве невозможно избежать схематичности и неполноты такого отчета. Обе эти черты отчетливо выступают в реферируемой статье. С одной стороны, автор совершенно отказывается от описания многочисленных и разнообразных опытов, которые поставили на ноги теоретическую мысль современ-

ного физика, да и сами теоретические основы современного представления о строении материи в общем очерчены бегло и сами по себе кажутся мало убедительными. С другой стороны, многие чрезвычайно существенные исследования и вопросы, непосредственно касающиеся строения атома, в брошюре совершенно не затрагиваются: именно ни слова не говорится о строении ядра и радиоактивных явлениях, о целом ряде работ, посвященных этому вопросу, начиная с Мозелея и кончая Рёзерфордом и Астоном, которые, как известно, произвели полный переворот в наших взглядах на структуру материи. В частности, в главе о физической атомистике опущены опыты над Броуновским движением, которые для вопроса об атомистической природе вещества и кинетической теории тепла являются решающими; весьма вскользь говорится об опытах по диффракции рентгеновских лучей в кристаллах, при чем отсутствуют точные указания о том, что пространственная решетка последних построена из ионов, называемых автором почему-то осторожно элементарными частичками; между тем этот факт имеет немаловажное значение для атомистической физики; экспериментальные основы модели атома Рёзерфорда-Бора, заключающиеся в опытах первого над рассеиванием α-частиц и в опытах Боркла с рентгеновскими лучами, не приводятся: потому связь порядкового номера элемента с числом элементов в его атоме остается непрослеженной; наконец, отсутствует объяснение периодичности свойств химических элементов с точки зрения атомной структуры и это тем более непонятно, что описанию периодической системы Менделеева отведена особая глава: загадка остается без разгадки.

Все эти пробелы едва ли могут быть объяснены стремлением автора касаться лишь тех фактов, которые могут считаться твердо и незыблемо установленными наукой, ибо в последней главе значительное внимание уделено соображениям о возможном устройстве и величине электронных орбит в атомах и молекулах, соображениям частью, несмотря на все их остроумие, малоубедительным, частью же и вообще имеющим лишь историческое значение в настоящее время.

В последней главе автор высказывает несколько любопытных соображений по вопросу о состоянии вещества; по его мнению, часть тепловой энергии, сообщаемой телу, идет на увеличение внутренней энергии атома: при превращении из жидкого состояния в твердое, равно как при переходе вещества из аморфного состояния в кристаллическое, изменяется атомный объем, и освобождающаяся при этих процессах энергия есть не что иное, как энергия, излучаемая атомом вследствие того, что его электроны переходят на ближние к ядру орбиты. Эти мысли как будто расходятся с классическими представлениями кинетической теории тепла, и было бы желательно, чтобы они были развиты подробнее.

Вероятно, некоторая спешность реферируемой статьи послужила причиной иногда не вполне удачных выражений, которые могут быть неправильно поняты малоопытным читателем, и из которых некоторые мы позволим себе привести: так на стр. 37 говорится о «предельно тонких пленках, содержащих только ряд молекул, которые будто бы можно непосредственно наблюдать. На стр. 49 сказано, что «при прохождении разряда в газах мы имеем дробление атомов на более мелкие заряженные части». На стр. 60: «как только атомы будут иметь большие размеры, сейчас же скажется влияние одного атома на орбиты электронов другого, это влияние нарушит прочность движения и атом перестанет существовать».

В общем тема о строении материи, затронутая в брошюре акад. П. П. Лазарева, является одной из наиболее увлекательных тем современной физики, и если бы она была развита несколько полнее, а также если бы не отмеченные выше некоторые неясности, то появление на свет означенной брошюры можно было бы только приветствовать.

С. Конобеевский.

Н. АНДРЕЕВ. Энергия и законы ее использования. 2-е переработанное издание. 1922. Издательство Научных Работников „Наука и Техника". 89 стр. с 35 рис.

По вопросу об энергии и работе в научно-популярной литературе писалось и пишется много. Объяснение тому следует искать в чрезвычайной важности ясной формулировки этих основных понятий для изучения всякого рода технических механизмов, а также и в том, что именно здесь наука оказала неоценимые услуги практической деятельности человека, и рассказ о том, откуда и как возникли одно за другим чудеса современной техники по своей увлекательности, знает не много равных себе тем. К сожалению, только не всегда подобные темы излагались вполне безупречно. С одной стороны, за них брались «специалисты» популяризаторы, люди всегда склонные несколько фамильярно обращаться с наукой: здесь часто встречаются и лапсусы, и простые ошибки; с другой—за нее брались инженеры, которые, будучи в курсе вопросов техники, иногда мало должного внимания уделяют научному анализу явлений, на основе которых эта техника возникла и окрепла.

В самое последнее время в Москве вышли две книжки, посвященные тому же вопросу о превращениях энергии. Одна—Лермантова, выпущенная Госиздатом «О том, как машины работают и как рассчитывают их действие»; другая—книга проф. Н. Н. Андреева «Энергия и законы ее использования». О первой мы уже говорили выше (см. стр. 262 настоящей книги журнала), она рассчитана на вполне определенного читателя, квалифицированного рабочего механического производства. Вторая написана для более широкой публики. Однакоже не для слишком широкой, и в этом ее несомненное достоинство. Есть предел для популяризаций, когда она переходит в вульгаризацию, и волей-неволей автору научно-популярной книги приходится предъявлять своему читателю известные требования, если он хочет иметь действительную науку, а не средство от бессонницы. Требования, которые ставит книга проф. Андреева, впрочем, не велики. Это—вдумчивое отношение к явлениям, знакомым каждому по ежедневному опыту наличие интереса и желания разобраться в деталях механизмов, также в большей или меньшей мере известных всякому, кто интересовался вопросами техники, и немного знаний по физике и математике, почерпнутых в начальной школе. Читателю, удовлетворяющему этим требованиям, книжка дает много. Она чрезвычайно просто и наглядно объясняет ему действия не слишком сложных машин, дает историческую перспективу развития прикладной механики и строго последовательно знакомит с теми фундаментальными отношениями физических величин, которые резюмируются в законе сохранения энергии. Все это живо иллюстрируется примерами. Попытка изобретателей построить perepetuum mobile представлены у автора 7-ю проектами вечного двигателя, некоторые из которых любопытны и редко приводятся; некоторое место уделено вопросу о способах измерения механических величин, при чем даются примеры для упражнения в вычислениях, в конце книги имеются таблицы, показывающие мировые запасы и добычу каменного угля в различных странах и специально в России по районам, а также мощность водяных источников энергии.

Со стороны изложения, отличающегося ясностью и последовательностью, книжку можно признать весьма удачной. Несколько слабее некоторые рисунки. Так, повидимому, не точен рисунок 4, недостаточно пояснен рис. 23, отчего приведенный там же (на стр. 41) расчет мощности двигателя может затруднить читателя; совсем неудобопонятен для малоопытного читателя схематический чертеж турбины (рис. 35). Последний, быть может, было бы лучше вообще опустить.

Общее впечатление и с внешней стороны вполне благоприятное. Книгоиздательство «Науку и Технику» можно поздравить с тем, что ее первый выпуск удачно сочетал в себе истинную науку с запросами практической жизни. Что же касается книжки проф. Н. Н. Андреева, то несомненно, что она должна найти и найдет своего читателя.

С. Конобеевский.

Н. Н. ВОЗНЕСЕНСКИЙ. О машинах вечного движения. Работа, премированная Комитетом по делам изобретений на всероссийском конкурсе. Гос. Техн. Издательство. Москва 1921. 53 стр.

Книжечка написана для изобретателей вечного двигателя и должна убедить их в невозможности его. После краткого изложения закона сохранения энергии автор переходит к описанию и критике различных предлагавшихся «вечных» двигателей, сперва работающих силою тяжести, потом немногих других. Книжка кончается замечанием о ненужности вечного двигателя—при наличии в природе громадных количеств неиспользованной энергии.

Надо надеяться, что изобретатель вечного двигателя будет в некоторой степени убежден этой книжечкой в неосуществимости своей мечты, хотя убедить такого человека—нередко невозможно. Во всяком случае неудача не будет виною книжки: она написана очень убедительно, ясно, доступно и подход к психологии изобретателя избран правильный. На наш взгляд книжка вполне заслужила полученную ей премию.

Укажем несколько мелких недостатков книжки; все они легко могут быть исправлены в следующем издании без нарушения ее общего характера. На стр. 11 слишком мало сказано об опытах Румфорда; слово «эквивалент» означает равноценная величина, а не равноценность (стр. 12); рис. 4 совершенно неразборчив в своей существенной части; то же следует заметить и о рис. 10 и 11—да вообще почти о всех: изобретателю вечного двигателя нелегко будет в них разобраться; объяснение невозможности магнитного вечного двигателя, изображенного на стр. 39, неверно: если только шарик будет подтянут магнитом к отверстию, он непременно в него провалится, в чем можно убедиться, построив соответственный параллелограм сил; неверно утверждение, что двигатель с радием будет итти «в течение тысячи лет слишком»: на след. (44) странице автор говорит уже о двойном времени и таким образом противоречит самому себе; рис. 19 очень неразборчив, особенно буквы на нем, и совершенно неверно изображен на этом рисунке подшипник. Есть еще две-три неудачных в стилистическом отношении фразы. Но повторяем, книжка очень хорошая и полезная, она принесет пользу не только изобретателю вечного двигателя (они упорны, и нередко подобного рода книжки побуждают их к новым изобретениям того же рода), но и всякому рабочему и юноше. Следует только пожалеть, что книжка, являющаяся одним из выпусков Рабочей Библиотеки, продается по дорогой цене. Польза, приносимая Республике подобною книжкой, заключается, конечно, не в том, что при ее помощи можно вытянуть из населения столько-то расчетных знаков, а в той экономии народных сил, которую дает всякое знание. Новая экономическая политика понята Гос. Техн. Издательством совсем близоруко и неправильно.

Ник. Андреев.

HANS GUNTER. Wellentelegraphie. Stuttgart 1921 г.
ГАНС ГЮНТЕР. Радиотелеграфия. 106 стр. 61 чертеж.

Быстрые успехи беспроволочного телеграфа и все возрастающее количество его станций вызвали к радио большой интерес. Возникла потребность в популярной литературе по этому вопросу. Небольшая (около 100 стр.) книжка Г. Гюнтера может вполне удовлетворить любителей радиотелеграфии и всех интересующихся этим делом. Обычная, при чтении популярно-технических книжек, опасность «не увидеть за деревьями леса» здесь исключена. Автор стремится дать общую картину всех физических процессов, имеющих место при беспроволочном телеграфировании, и в то же время очень умело дает сведения о технической стороне дела, не перегружая изложения деталями. Первые главы посвящены общим вопросам — индукции, переменному току, распространению электро-магнитного возмущения в эфире; далее в исторической последовательности излагаются опыты Гертца, Риги, Маркони, Попова, Слаби и т. д.; наконец, много места уделено последним достижениям радио: телеграфированию

незатухающими колебаниями, приемным рамкам и катодным лампам.

Живое и ясное изложение помогает любителю прочесть книжку без ослабления интереса. Почти полное отсутствие у нас популярной литературы по радио заставляет пожелать появления этой книжки в русском переводе.

П. Белинов.

КИММИНС. Химия жизни и здоровья. С 2 рисунками. Перевод с англ. под ред. проф. В. Тимофеева. 3-е изд. М. и С. Сабашниковых. Петроград 1921 г. Стр. 162.

Книга обладает весьма существенными достоинствами: верны идея и план ее построения. Начинается она введением в основные химические понятия и дает предварительные элементарные сведения о физических и химических свойствах воздуха, явлениях горения и т. д. Только после этого автор переходит к процессам дыхания и питания в животном и главным образом в человеческом организме, при чем наибольшее внимание уделяется вопросам практически важным и интересным для всякого читателя — вопросам гигиены дыхания и питания. Изложение весьма сжатое и содержательное, богатое цифровыми справками, полезными в обыденной жизни.

Рядом с этими положительными достоинствами, в книге есть и некоторые существенные недостатки: так сжатость изложения часто переходит в простую конспективность без достаточного разъяснения многих понятий и терминов, применяемых автором,—это приводит к тому, что некоторые важные положения книги не растолкованы достаточным образом и остаются неясными для читателя. Так, напр., слишком неясно по своей краткости изложены трудные моменты, касающиеся свойств атмосферы, закона гидростатического давления; оставлен мало разъясненным вопрос, почему давление атмосферы не раздавливает нашего тела (стр. 16—19),—все это изложено так сжато, что объяснения являются лишь словесными, а не по существу.

То же стремление к лаконичности приводит к неточности и неясности в конструкции некоторых фраз. Так неудачно, напр., определение науки химии (стр. 2), совершенно трудна для понимания фраза на 64 и 65 страницах, где непонятно, к чему относится цифра «в сто раз большего количества угля»; не расшифровано, в чем заключаются опасные последствия накопления в воздухе окиси углерода.

Все эти отмеченные до сих пор недостатки лежат в плоскости формы изложения и конструкции фраз и могли бы быть легко исправлены при достаточно внимательном отношении со стороны переводчика.

Возможно, что здесь и вообще автор не ответственен совершенно и вина лежит исключительно на переводчике. Во всяком случае в настоящем своем виде книжка, предназначенная, повидимому, для наименее подготовленного читателя при всех своих больших достоинствах содержания довольно трудна для чтения. Хуже обстоит дело с физиологической частью книги. Книга написана Киммисом в 1892 году. Ни переводчик, ни редактор русского перевода не сочли нужным внести какие-либо дополнения в повторные издания книги. Это делает понятным, что вся физиологическая часть книги совершенно не отвечает современному состоянию этой быстро прогрессирующей науки.

Совершенным анахронизмом звучат места книги, где перенесение малярии объясняется питьем болотной воды, или главы, посвященные физиологии питания: они составлены почти что по Либиху и совершенно обходят делающие эпоху открытия последних десятилетий, начиная с энергетических принципов Рубнера и кончая учением о витаминах. Необходимость смешанной пищи объясняется крайне наивно, еще вне всякой связи ни с работами И. П. Павлова, ни с учением Мечникова. Естественно, что Киммис не мог знать об методах, разработанных Павловым или о режиме Мечникова, но обо всем этом не могли не знать редактор перевода и издатели книги.

Приходится лишь удивляться, как они сочли возможным переиздать без изменений эту когда-то ценную, но теперь совершенно устаревшую книгу.

Выпуск в таком виде книги Кимминса не делает чести всегда столь добросовестному издательству Сабашниковых и может рассматриваться лишь как излишний балласт в нашем не богатом издательском деле.

Б. Завадовский.

Н. Н. БОГДАНОВ-КАТЬКОВ. Практическая энтомология. Руководство к практическим занятиям по энтомологии (курс высших учебных заведений). Выпуск I. Петербург. Гос. Изд. Ст. 139.

Энтомолог Н. Н. Богданов-Катьков издал первый выпуск руководства по практическим занятиям по энтомологии и посвятил его знакомству с главнейшими классами типа членистоногих вообще и с классом насекомых в частности, с краткой таблицей для определения членистоногих (Arthropoda), построенной дихотомически по так называемому шведскому способу, с таблицами для определения отрядов по взрослой их фазе и для определения личинок и куколок некоторых наиболее типичных и часто встречающихся насекомых. Остальная часть выпуска знакомит читателя с внешним строением тела насекомых, с ротовыми частями (грызущего, грызуще-лижущего, колюще-сосущего, режуще-сосущего, колюще-лижущего и лижущего типов), с грудью и ее дорзальными и вентральными придатками и с внутренним строением насекомых.

В дальнейших выпусках, которые автор обещает издать,—их намечено девять,—будут составлены определительные таблицы всех отрядов насекомых и при том только русской фауны.

Руководств к определению насекомых на русском языке—ничтожное количество, а книга, которая бы учила пользоваться определителями,—совсем не имеется, и этот пробел Н. Н. Богданов-Катьков выполнил весьма удачно и с полным знанием дела. Для любителей энтомологов не надо будет рыться в переводных немецких определителях, трактующих фауну Германии, вроде определителя Шлехтендаля и Вюнше, с которым трудно справляются и искушенные в тонкостях определения насекомых.

А. А. Бессер.

МЕДИЦИНА И НАРОДНОЕ ЗДРАВИЕ.

Проф. К. З. ЯЦУТА. Repetiorium по описательной анатомии человека. Для студентов-медиков. Часть I. Объем первого курса. Изд. 2. Ростов н/Д. Издание типолитографии Васильева. 1920 г. Стр. 171.

Repititorium'ы, Compendium'ы, Vademecum'ы, особенно переводные, всегда в массе появлялись на книжном рынке. Судя по числу выдерживаемых изданий, они пользуются, как видно, успехом. Между тем, пользу приносят они небольшую, так как должны давать только наиболее существенные — главным образом, технические — справки лицам подготовленным и уже практически работающим в той или другой области. Поэтому предлагать Repetitorium студентам-медикам первого курса, при отсутствии руководящих учебников, значит дать вместо понимания только материал для заучивания, а что полученные таким способом знания мало ценны, известно всякому. Repetitorium проф. Яцуты, в лучшем случае, мог бы служить текстом к хорошему анатомическому атласу.

В. Сукенников.

А. С. С. Р. Анналы клиники нервных и душевных болезней Бакинского университета. Вып. I—40 стр., вып. II, вып. III—108 стр. Баку 1921 г. По 500 экз.

Нельзя не приветствовать работу молодой, только с 1920 года существующей, нервной клиники Азербейджанского университета, выпустившей уже три тетрадки своих анналов, заключающих работы проф. С. Н. Давиденкова и его учеников Аммосова и Перельмана, в особенности при почти полном отсутствии

неврологических монографий и журналов в последние годы.

Работы носят, главным образом, клинический характер: Давиденков—о некоторых формах «ранней контрактуры», о типе частичных мышечных атрофий при миопатии, экстрапирамидном синдроме инфекционного происхождения, штриховом рефлексе ладони. Аммосов—об экспериментальном гиперкинезе, к клинике специальных амнотрофий, Перельман—к клиническому симптомокомплексу поражения зрительного бугра и т. д.

Готовится к печати вып. IV, посвященный вопросам об эпидемическом энцефалите, нашумевшей сонной болезни.

Д-р Л. Прозоров.

Д-р В. П. КАЩЕНКО. Нервность и дефективность в дошкольном и школьном возрастах. Охрана душевного здоровья детей. Пособие для родителей и педагогов. Издание Центральнаго Комитета профессиональнаго союза рабочих и служащих ж.-д. транспорта. 122 стр. Москва 1919.

Детская дефективность—народное бедствие. Нужна самая широкая популяризация этой идеи, правильного понятия о которой не имеют даже специально предназначенные для этой цели лица—педагоги. Введенное в стране обязательное обучение в большей мере облегчает отбор нервных и дефективных детей и в порядок дня ставит необходимость организации специальных учреждений для воспитания, обучения, лечения, в основу которых должна быть положена возможность индивидуализации до единицы. Очередной задачей является подготовка педагогического и врачебного персонала для этих заведений, а также подготовка учителей нормальной школы к отбору нервных и дефективных детей, к мерам и способам воздействия в пограничных случаях, не требующих перевода в вспомогательную школу или лечебницу.

Знание, интуиция и любовь, как в учреждениях для дефективного ребенка, так и в новой школе помогут педагогу в оценке личности ребенка и заложенных в нем возможностей. Новая школа должна строиться на тесной содружественной работе педагога и врача, кладущей в свою основу личность ребенка, культуру и гигиену его духа и тела. Школа может вести к возрождению даже попадающих в нее дегенеративных детей, создать работоспособное поколение, сильных духом и телом, раскрыть и выявить в каждом ребенке заложенные таланты и возможности. «Новый педагог должен дать нового человека!»

Кащенко пишет о необходимости знать детскую дефективность, о положении дела борьбы с ней у нас и за границей, о критических периодах жизни ребенка, нервных и дефективных детях школьного и дошкольного возраста, влиянии среды, о пасынках школы. Чрезвычайно интересны подробные характеристики, истории жизни и болезни различных типов дефективных детей. В конце дана подробно разработанная программа изучения ребенка и указатель литературы. Книга написана живым языком, местами в описании отдельных случаев увлекательно и может быть рекомендована самому широкому кругу читателей. Большая честь для Цепутькульта иметь возможность и издавать такие книжки.

Д-р Л. Прозоров.

Проф. И. Ф. ПОЖАРСКИЙ. Основы патологической анатомии. Выпуск 3-й. Отдел IV — воспаление. Отдел V — паразиты. С 23-мя рис. на отдельных таблицах. Издание студенческого кооператива. Ростов на Дону 1919 г. 409 стр.

3-й выпуск заканчивает «Основы патологической анатомии», начатые печатанием в Варшаве. При том отсутствии учебников, которое у нас наблюдается, книга несомненно должна быть признана полезной и нужной. Она несомненно является ценным пособием для студентов и для начинающих врачей, т. к. содержит весьма богатый материал как по самой патологической анатомии, так и по бактериологии и эпидемиологии.

Несмотря на то, что настоящий выпуск является лишь частью большой работы, он несомненно имеет самостоятельную ценность и имеет право на отдельное издание. Но на-ряду с несомненными достоинствами надо отметить и не менее несомненные недостатки.

Первым ее недостатком является ее энциклопедичность, создающая расплывчатость изложения и лишающая его четкости и концентрированности. Все время смешиваются патологическая анатомия с бактериологией, эпидемиологией, учением об имунитете и т. д. Это мешает выделению наиболее важных глав и точной классификации.

Вторым недостатком является некоторая отрывочность изложения, некоторый недостаток систематизации, или вернее чересчур упрощенная систематизация и отсутствие широких научных обобщений. Это так же, как и недостаточно исчерпывающая новизна материалов обусловливается, повидимому, той почти походной жизнью, в условиях которой составлялся 3-й выпуск.

Несмотря, однако, на эти недостатки, куда можно прибавить еще и далеко несовершенную внешность издания, книга заслуживает самого доброжелательного отношения и является хорошим рабочим пособием для студентов и полезной справочной книгой для врачей.

Д-р И. Гельман.

В. А. ОППЕЛЬ. Успехи современной хирургии. Изд. Гржебина. 1922 г. Стр. 170.

Есть области духовной деятельности человека, которые находятся на границе между наукой и искусством. В таком именно положении находится хирургия, которая требует от современных своих адептов, с одной стороны, весь багаж научно-медицинских познаний, а с другой— руки артиста-мастера своего дела.

Проф. Оппель соединил в себе и то и другое, и даже больше того: в нем хирургия нашла своего глашатая, который рукою мастера смог в лежащих перед нами очерках сделать доступными для широкой публики основные достижения хирургии, которые в глазах неискушенного читателя легко могут показаться граничащими с чудесами.

Предлагаемые автором «успехи» не являются строго-систематическим изложением фактических достижений хирургии, если бы мы стали понимать под этим ту казуистику, которой так злоупотребляют медики всех времен. Не найдет здесь читатель и особо обстоятельного изложения всей последовательности приемов в осуществлении тех или иных операций, вроде, например, «epochenmachenden» операций американца Карреля, о которых упоминает Оппель в своей книжке.

Но все это и не входит в задачи автора: легкой свободной кистью художника он дает основные яркие штрихи и общую характеристику важнейших достижений своей науки. Ссылки и описания той или иной операции он делает лишь в тех случаях, когда это необходимо для того, чтобы оживить рассказ и придать ему убедительность реального факта, и в таком случае он берет первый попавшийся удобный пример— по преимуществу из области личной практики или близких к тому примеров.

Поэтому, при желании, его можно было бы упрекнуть в известной неполноте, а иногда и в фактической неточности намечаемых им выводов. Так, напр., из области наиболее близких нам примеров довольно сомнительной кажется нам ссылка автора на метод переживания клеток in vitro по Каррелю, как на путь к *гетеропластике* органов— слишком уж велик скачек от переживания отдельных клеток и их групп к переживанию больших кусков тела, которыми оперирует хирург: не так безнадежным представляется нам после операций Пайра и Воронова будущее пересадок щитовидной железы. С другой стороны, слишком мимолетны и неполны упоминания автора о последних замечательных работах П. П. Кравкова или того же Карреля, мало места уделяется современным методам *гетеропластики* в ее целом и т. д., и т. д.

Но мы не сторонники критики ради критики: тем более, что Оппель, как врач-медик, вправе интересоваться и говорить об операциях на человеке и на животных. Все возражения отступают перед обаянием таланта: книжка Оппеля читается, как роман, с тою лишь разницею, что здесь трагизм вымысла заменяется трагизмом фактов и реальной борьбы между человеком, вооруженным наукою и искусством хирургии, и природою с ее неумолимыми призраками— болезнью и смертью.

Книга Оппеля написана для широкой публики. С одинаковым увлечением ее прочтут как школьник, познавший вкус к хорошей книге, так и специалист своего дела. Ее нужно прочесть всякому, кто захотел бы получить представление о достижениях и перспективах хирургии.

Внешность книги, бумага и четкий шрифт могут быть признаны по настоящему времени вполне удовлетворительными и даже изящными.

Б. Завадовский.

МЕДИЦИНСКИЕ ЖУРНАЛЫ.

«ВЕСТНИК РЕНТГЕНОЛОГИИ И РАДИОЛОГИИ». Журнал Государственного рентгенологического и радиологического Института. Отдел медикобиологический. Редактор М. И. Неменов. Том I. Выпуск 3—4. Государственное Издательство. Петербург 1921 г. 191 стр.

Роскошное, по внешности, издание, не уступающее самым лучшим медицинским изданиям дореволюционного времени. Превосходная бумага, хороший шрифт. Очень хорошие рисунки и чертежи. Мы так отвыкли от хорошей внешности медицинских книг, что невольно на этом останавливаемся больше, чем, может быть, следовало бы. Но нам кажется, что следует приветствовать всякую попытку возродить хорошее научное издание, всякое стремление воскресить вкус к художественной внешности книги.

Но книга эта заслуживает внимания не только по своей внешности, но и по своему содержанию, богатому и разностороннему. Целый ряд статей посвящен диагностике, клинике и био-химическим явлениям язвы желудка. Среди этих статей надо отметить интересную статью М. Неменова: «Рентгенодиагностика язвы желудка», содержащую богатый клинический материал, статью проф. П. Троицкого: «Клиника круглой язвы желудка» и проф. В. Оппеля—о новом способе оперативного лечения круглой язвы желудка.

Далее идут статьи, посвященные отдельным вопросам рентгено-диагностики и рентгено-терапии. В частности в журнале помещена очень интересная статья венского профессора Holzknecht'a о рентгено-терапии кожных заболеваний, в которой он дает изложение современного состояния вопроса. Далее с интересом прочитываются две речи проф. М. Неменова—об успехах рентгенологии за 25 лет и проф. О. Хвольсона—о значении открытия Рентгена для физики. Достаточно полон отдел рефератов немецких журналов, посвященных рентгенологии.

Неполное перечисление статей, которое мы даем, дает уже некоторое представление о том интересе, который представляет «Вестник рентгенологии и радиологии» не только для специалистов рентгенологов, но и для широких врачебных слоев, ищущих всестороннего освещения вопросов диагностики и терапии.

Д-р И. Гельман.

«МОСКОВСКИЙ МЕДИЦИНСКИЙ ЖУРНАЛ» №4—5 1921 г. Издание Москздравотдела. 168 стр.

«СОВРЕМЕННАЯ МЕДИЦИНА». Декабрь 1921 г. № 1. Одесса. Издание Одесского Здравотдела. 124 стр.

«Московский Медицинский Журнал» с каждым номером становится содержательнее и полнее. Отдел клинической медицины, патологической анатомии и микробиологии отражает в себе большую научно-клиническую работу, проделываемую русскими врачами в тяжелых настоящих условиях.

Статьи этого отдела затрагивают разнообразные области медицины. Интересна статья С. Б. Вермеля «О проблеме лечения злокачественных образований лучистой энергией», в которой он сообщает о своих опытах над вспомогательным лечением рентгенизированной сывороткой и другими химическими препаратами, подражающими действию х-лучей. Интересна также статья Б. И. Эгиза «О лечении крупа гортани».

Отдел, посвященный санитарии и гигиене, особенно интересен. Здесь мы находим большую статью А. П. Иваницкого «О жилищно-строительной деятельности в Англии после войны», интересную статью С. А. Гуревича «О жилищно-санитарной инспекции в Москве», статью

К. Н. Кржановского «О пищевых нормах», дающие интересный новейший материал английский, французский и германский и т. д.

Очень хорошо и полно составлен отдел рефератов, библиографий и съездов.

В общем впечатление прочного и серьезного медицинского журнала, взявшего правильное и верное направление в сторону объединения научной и общественной медицины.

Можно быть уверенным, что журнал устоит и перед новой экономической политикой.

Одесский журнал «Современная Медицина» является, по крайней мере, в первом номере, по преимуществу журналом научно-клиническим. Мы встречаем здесь целый ряд статей выдающихся одесских клиницистов (Г. И. Гиммельфарба, Я. В. Зильберберг, И. Б. Бухштаба и т. д.). Зато Отдел общественной медицины представлен чрезвычайно слабо и это, по нашему мнению, в следующих номерах должно быть исправлено.

Во всяком случае журнал производит впечатление серьезной попытки накоплять и собирать большой научно-медицинский опыт, каким должен владеть такой крупный центр, каким является Одесса.

Д-р И. Гельман.

---

1. МОСКОВСКИЙ МЕДИЦИНСКИЙ ЖУРНАЛ. № 1 — 2. 1922 г. Издание Москздравотдела. Москва. 158 стр.

2. МЕДИЦИНСКАЯ ГАЗЕТА под редакцией проф. Ф. А. Рейна, М. П. Кончаловского, С. П. Федорова и И. Л. Брауде. № 1. 15 апреля 1922 г. Издание Кооперативного Издательства Научных Работников. Москва. 16 стр.

3. ВРАЧЕБНАЯ ГАЗЕТА. Двухнедельный периодический орган, посвященный вопросам научной и общественной медицины. Март и апрель 1922 г. № 1 и 2. Изд. «Практической Медицины». Петроград. 32 + 32 стр.

4. ВРАЧЕБНЫЙ ЖУРНАЛ. Клиническая и бытовая газета для врачей под редакцией А. А. Лозинского и Г. И. Дембо. № 1 и 2. Петроград. Февраль и апрель 1922 г. 32 + 32 стр.

5. КИЕВСКИЙ МЕДИЦИНСКИЙ ЖУРНАЛ. Журнал теоретической, клинической и общественной медицины. Орган Киевских научных медицинских обществ. № 1. Апрель 1922 г. Издание подотдела медицинского и санитарного просвещения. губотздрава. Киев. 80 стр.

6. КУБАНСКИЙ НАУЧНО - МЕДИЦИНСКИЙ ВЕСТНИК. Орган научно - исследовательского медицинского института при Куб. Гос. Универс., окружного Военно-Санитарного Управления Северо - Кавказского Военного Округа, Кубанско-Черноморского областного Здравотдела и Управления Уполномоченного Н. К. З. по делам курортов Кубани и Черноморья. № 1 и №№ 2 — 3 — 4 (Май, июнь, июль, август 1921 г.). 52+116. страниц. Краснодар 1921 г.

7. КАЗАНСКИЙ МЕДИЦИНСКИЙ ЖУРНАЛ. Орган медицинских обществ г. Казани. Выходит под редакцией проф. В. С. Груздева и д-ра В. И. Иорданского. Том XVII. 1921 г. № 1 и 2. 136 + 132 стр. Казань 1921 г.

8. ВРАЧЕБНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ. Ежемесячный медицинский журнал. № 2 и 3. 15-го февраля и 15-го марта 1922 г. Издание Медицинского Т-ва «Врач» в Берлине 48 + 48 стр.

9. КЛИНИЧЕСКАЯ МЕДИЦИНА. Под редакцией Д. Плетнева, А. Мартынова, А. Тарасевича, В. Хорошко. Изд. Народного Комиссариата здравоохранения. № 4. Декабрь 1921 г. Москва.

Целый дождь научных медицинских журналов принесла нам вообще богатая осадками весна 1922 года. Перечисленные выше журналы составляют едва ли даже одну четвертую часть всех медицинских журналов в России, издающихся в настоящее время. Все центры медицинской научной работы обзавелись своими журналами и по их количеству мы превзошли не только дореволюционную Россию, но и некоторые страны Запада.

С первого взгляда может показаться такое большое количество медицинских журналов и излишним. Но помимо того, что самый факт их появления при той трудности, с которой это сейчас сопряжено, указывает на существующую нужду в этих журналах. А ознакомление с ними показывает, что они имеют право на существование. В них регистрируется и отражается та научная и

общественная медицинская работа, которая снова возродилась в разных местах России. Особенно интересны с этой точки зрения провинциальные журналы, издающиеся там, где только недавно организовались медицинские факультеты. Эти факультеты явились собирателями видных научных и практических работников в области медицины, и совместно с ними создавали лаборатории врачебной мысли.

Кубанский Журнал дает довольно полное отражение той живой работы, которая ведется в этом отдаленном углу России. Работы в области иммунитета, бактериологии, терапии, хирургии и т. д. являются не только казуистическими. Статья проф. Н. Н. Петрова: «К диагностике и лечению ранений кровеносных сосудов и ложных аневризм» в очень сжатой форме дает выводы многолетних работ автора и представляет интерес не только для Кубани. Такой же интерес представляют статьи д-ра В О. Адамовича «Материалы по эпидемии желтушных заболеваний, наблюдавшихся на Кубани в 1920 г.» и проф. В. Я. Рубашкина «К паразитологии малярии», составленные на основании работ Сошинской малярийной лаборатории. В журнале имеется и богатая местная медицинская хроника, указывающая на живую связь между работой органов Здравоохранения с университетом.

Такое же благоприятное впечатление оставляют «Медицинская Мысль», издающаяся в Ростове-на-Дону, и «Киевский Медицинский Журнал». У каждого из них есть до некоторой степени свое «краевое» лицо и достаточное научное содержание. Они могут служить доказательством того, что децентрализация науки, создание научных центров в провинции явились не только декоративными украшениями. Заложенные семена начинают давать свои, может быть, непрочные, но желающие жить и развиваться всходы.

Казанский медицинский журнал является возрождением одного из старых медицинских журналов, питавшегося работами Казанского медицинского факультета и Общества врачей при нем. Он является строго клиническим журналом. Связь с практическими медицинскими организациями, работающими в области здравоохранения Татарской республики, очень слаба. Эта академичность журнала, является скорее его минусом, чем плюсом, и несмотря на солидные статьи таких опытных клиницистов, как, напр., проф. В. С. Груздева. делает его немного скучным для современного момента, когда так тесно переплетены область науки и область практики. Даже отчеты о заседаниях научных обществ не находят себе места на страницах журнала. С точки зрения клинической журнал стоит высоко и не отстает от того уровня, на котором он стоял до революции. Значительная часть первой книги посвящена статьям о сыпном тифе (несколько статей В. М. Аристовского и И. Русецкого). Кроме этих статей имеется целый ряд статей по терапии, хирургии, гинекологии, ортопедии.

Такими же серьезными клиническими журналами являются «Медицинская газета» и «Клиническая медицина», издающиеся в Москве. Последняя выходит с большими перебоями и перегружена казуистическими случаями, которые всегда были баластом наших медицинских журналов.

Московский Медицинский Журнал попрежнему очень удачно сочетает в себе научно-клинические работы и работы по вопросам общественной санитарии. Богато представлена в нем реферативная часть, а также хроника. В нем живо чувствуется биение пульса современности и он имеет все шансы утвердиться, как один из основных медицинских журналов. Два новые петроградские журнала «Врачебная Газета» и «Врачебный Журнал» претендуют быть наследниками бывшей «Врачебной газеты». Материальное право сохранить название «Врачебная газета» принадлежит, повидимому, первому журналу, но по духу продолжателем «Врачебной Газеты» является «Врачебный журнал», куда перешли оба главных редактора бывшей «Врачебной Газеты» А. Лозинский и Г. Дембо. Во всяком случае оба журнала поставлены достаточно серьезно, чтобы иметь право считать себя продолжателями бывшей «Врачебной Газеты» и претендовать на значение общероссийское, а не местное.

Очень интересно ведется «Врачебное Обозрение», издающееся в Берлине нашими эмигрировавшими врачами и профессорами. Оно дает в ежемесячных книжках ряд общих обзоров по вопросам клинической медицины, составленных серьезно и отражающих современное состояние вопроса. И. Гельман.

ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ ЛИТЕРАТУРЫ.

В. П. СЕМЕННИКОВ. Новый текст «Путешествия из Петербурга в Москву» Радищева. Издательство «Былое». Москва—Петроград. 1922 г. 48 стр.

Научное изучение Радищева, этого славного раннего народолюбца, идет у нас как-то неровно, толчками и зигзагами. Русское общество всегда интересовалось им, и чрезвычайно характерно, что всякий раз, как поднималась волна политического возбуждения, непременно вспоминали о Радищеве; так это было в эпоху освобождения крестьян, так было в 1905 и в 1917 годах.

Неоднократно начинались специальные расследования по Радищеву. Начинал работать академик М. И. Сухомлинов и одновременно В. Е. Якушкин, еще позднее—П. Е. Щеголев, за ним—В. В. Мияковский, Я. Л. Барсков; недавно шуму наделал своими газетными сообщениями В. Л. Бурцев. Но всякий раз энергия исследователей быстро ослабевала, и работы не доводились до конца. Настойчивее других оказался В. П. Семенников. Издавна поставив своей задачей всестороннее изучение книжного наследия русского восемнадцатого века, В. П. Семенников вел это изучение и в библиографическом, и в биографическом, и в историко-литературном направлениях. И на всех путях ему неизбежно приходилось встречаться с Радищевым, который занял такое исключительное положение в литературе Екатерининского времени. О Радищеве Семенникову приходилось говорить (и сообщать новые данные) в следующих работах: «Собрание, старающееся о переводе иностранных книг, учрежденное Екатериной II» (1913); «Русские сатиритические журналы 1769—1774 г.г.» (1914); «Материалы для истории русской литературы и для словаря писателей эпохи Екатерины II» (1915); «Книгоиздательская деятельность Н. И. Новикова и Типографической Компании» (1921). В 1916 году Семенников издал целую книжку: «Когда Радищев задумал *Путешествие*» (М., издание Л. Э. Бухгейм). В этой, очень обстоятельной, работе Семенников сближает радищевское «Путешествие из Петербурга в Москву» с «Отрывком путешествия в *** И *** Т *** анонимно напечатанным», в «Живописце» Новикова в 1772 году, и приходит к выводу, что и «Отрывок» принадлежит Радищеву. Вывод—сомнительный; он вызвал возражения (см. «Журн. Мин. Народ. Просвещ.» 1916, IV, 342—344 и «Голос Минувшего» 1916, XI, 238—241 стр. В. В. Мияковского). Но важно было поставить вопрос, а приводимые Семенниковым разнообразные документы в защиту своего домысла имеют цену и сами по себе.

Все перечисленные работы (и еще—постоянные разыскания в петроградских архивах и книгохранилищах) подготовили Семенникова к дальнейшим специальным изысканиям по Радищеву. Счастливая находка в собраниях Пушкинского Дома при Академии Наук дала в руки удачливому исследователю новый рукописный текст знаменитого «Путешествия». Эта рукопись есть ценный вклад в познание Радищева, и через него русской социально-политической мысли Екатерининского времени.

В распоряжении исследователей имеется два главных текста «Путешествия»: 1) печатное издание 1790 года и 2) рукопись, представлявшаяся Радищевым в цензуру и содержащая много вариантов. Теперь мы получаем третью редакцию, среднюю между первыми двумя и дающую много нового. Значение найденного текста Семенников определяет так: «Несмотря на всю необычайную смелость книги Радищева, он все же сделал в ней несколько смягчений по сравнению с рукописным текстом. Можно привести

ряд примеров этого. Так, в главе «Тосно» был выпущен в печатном тексте иронический и резкий отзыв о самодержавной власти; в главе «Новгород» сокращены в печатном тексте замечательные места о подавлении в новгородцах «духа свободы»; резкие выражения пропущены в главах «Крестьцы» и «Хотилов», есть пропуски, сделанные по таким же соображениям, в главе «Торжок» (насмешливый отзыв о «мудром правителе»—Екатерине)». Но этого мало: в новой рукописи нашлись, помимо полного текста оды «Вольность», уже известного, еще новый вариант размышлений Радищева о ней, а главное—произведение в стихах: «Творение мира. Песнословие», т.-е. совершенно неизвестный до сего времени радищевский текст. Это произведение интересно и для философских идей Радищева (оно тесно связано с трактатом его «О человеке, о его смертности и бессмертии»), и для литературных исканий (здесь—оригинальная стилистика, образность и метры).

Найденную рукопись В. П. Семенников разработал в печати со свойственной ему тщательностью. Сама рукопись изучена во всех своих особенностях, ее текст сопоставлен во всех вариантах с рукописью цензурной и с первопечатным изданием; ясно и убедительно установлена иерархия редакций «Путешествия», мобилизованы все необходимые литературные и биографические справки. Благодаря всему этому найденный текст получает максимальное освещение.

В одном из примечаний В. П. Семенников заявляет: «Относительно оды «Вольность» мы будем говорить в особой работе, где рассмотрим как вышеприведенные намеки Радищева, так и вообще все обстоятельства, по поводу которых эта ода была написана». Будем ждать этого исследования—и надеяться, что В. П. Семенников результаты своих многолетних дробных и тщательных изысканий сведет в целостную монографию о Радищеве.

Первые две главы рецензируемой книжки (наиболее важные) предварительно напечатаны в журнале «Былое» 1922 (№ 18); но отдельное издание дополнено третьей главой, содержащей обзор рукописи по главам. Н. Пиксанов.

КИРИК ЛЕВИН. А. И. Герцен. — Личность Идеология. Издание второе. Государственное Издательство. М. 1922. 139 стр.

Вновь напечатанная книга К. Н. Левина о Герцене не является специальной научной монографией. Это—и не биография, по типу книги о Герцене же Ч. Ветринского, и не популярный очерк, как книжка В. Я. Богучарского. Ближе она, пожалуй, к книге Иванова-Разумника («А. И. Герцен». Петроград 1920)—и по использованию некоторых неизданных материалов, и по темам некоторых глав, и по объему. В обеих книжках предлагается общая характеристика личности и воззрений Герцена—на анализе крупных моментов и эпизодов его биографии и идеологии.

Но по точке зрения, подходу, общему пониманию Герцена авторы очень далеки друг от друга. Наоборот, ближе Левин к работам Г. В. Плеханова, которые, почему-то, до сих пор не собраны и не изданы вместе («Герцен и крепостное право» — «Современный Мир» 1911, XI—XII; «Философские взгляды Герцена» — там же, 1912, III — IV; «Герцен эмигрант»—История русской литературы XIX в., под ред. Овсянико-Куликовского, т. III). Как и Плеханов, К. Н. Левин рассматривает Герцена с марксистской точки зрения, и это сразу отделяет его от старой, традиционно-идеалистической историографии. Как марксист, Левин острее воспринимает черты барственной психологии и идеологии Герцена, свободнее судит об отношениях его к славянофильству и западничеству. И следует сказать, что во многом придется согласиться с Левиным или—серьезно считаться с ним в дальнейших изучениях Герцена. Так, обстоятельно документировав положение, что «в психике Герцена были налицо все элементы аристократизма», Левин психологически-правдиво и логически-стройно связывает с этим аристократизмом моральную доктрину Герцена с его гедонизмом и эгоцентризмом. Отсюда убедительно и правдиво Левин конструирует и роль Герцена в вопросах и делах любви. Третья глава книги, посвященная этой проблеме, принадлежит к лучшим в книге. Кстати

заметить, что за К. Н. Левиным останется заслуга первой публикации в печати некоторых неизданных материалов (главным образом, отрывков из дневников Герцена), проливших новый свет на сердечную историю Герцена. Взвесив все собранные данные и не сходя с установленной точки зрения на герценовскую этику, Левин рисует здесь образ сильного человека,—«язычника», «эллина» и рассказывает душевную драму Герцена, возникшую из его любовных увлечений. Из других глав книги (всех их—десять: 1. Личность; 2. Мораль; 3. Любовь; 4. Философия истории; 5. Педагогические идеи; 6. Политические идеи; 7. Польский вопрос; 8. Славянофильство и западничество; 9. Социализм; 10. Тактика) наиболее значительной следует признать восьмую,—опозиции Герцена между славянофильством и западничеством. Левин борется с установившимся взглядом, что Герцен—западник. Анализом многочисленных и разновременных заявлений Герцена, сопоставлением их с формулами бесспорных славянофилов и западников, Левин устанавливает выразительные черты славянофильские и националистические у Герцена и заостряет свой вывод в полемической формуле: «Герцен был ярым националистом-славянофилом и давно пора перестать называть его западником».

Очень интересна также реконструкция ненависти Герцена к буржуазии—как в ее политических стремлениях и тактике, так и во всем укладе жизни и психики,—все из тех же основ герценовского аристократизма.

Расходясь во многом с общепринятыми взглядами, чуждый преклонения перед Герценом, Левин нередко полемизирует не только с историками, но и с самим Герценом, вернее—вскрывает противоречия, несогласованности в идеологии, миросозерцании Герцена. Но приятно отметить, что автор широк и терпим в своих суждениях и чуток в восприятии достоинств ума и сердца Герцена. Тепло говорит он и о литературном даровании писателя: «Пусть читатель не сетует на обилие цитат. Едкая сатира, уничтожающие сарказмы, бесподобное остроумие, яркие образы, дивные сравнения, неожиданные антитезы А. И. Герцена должны сами за себя говорить. Порой передача мыслей величайшего стилиста недопустима, ибо она может убить всю красоту и силу выражения его мысли»

Итак, не претендуя на монографическую специализацию изучений и определений, К. Н. Левин предлагает свою общую оценку и переоценку Герцена. Книга написана легко и ясно и будет с пользой усвоена начинающим читателем. Но и зрелому человеку, даже специалисту по истории русских общественных движений, небесполезно проследить, вместе с Левиным, крупные моменты и этапы развития идеологии Герцена: автор опирался на непосредственное и добросовестное изучение первоисточника—сочинений, дневников и писем Герцена, независим в своих суждениях и обладает даром характеристики и обобщения.

Второе издание книги появляется после первого (1918) через четыре года. За это время, в несколько приемов, было выпущено монументальное издание сочинений и писем Герцена под редакцией М. К. Лемке. В это издание вошли и те отрывки дневников Герцена, которые некогда обнародовал К. Н. Левин в «Голосе Минувшего», и многое другое, впервые публикуемое. Многое теперь Левин мог бы изложить наново и иначе (напр., главу «Любовь»). Но в основном его книга останется непоколебленной новыми документами.

Н. Пиксанов.

А. С. ПУШКИН. Гавриилиада. Поэма. Редакция, примечания и комментарии Б. Томашевского. Труды Пушкинского Дома. Петербург 1922. 112 стр.

За последние годы «Гавриилиада» имела необычайный успех у читателей и издателей. Одно за другим выходили отдельные издания этой поэмы и все не могли насытить любопытства публики. По правде сказать, было много нездорового в этом любопытстве. Но есть и законный, чисто научный интерес к «Гавриилиаде», — и ему с наибольшей полнотой отвечает издание Б. В. Томашевского. Это целая монография о «Гавриилиаде», и насколько обстоятелен

труд, покажет оглавление книги: 1. От редакции; 2. Поэма (текст); 3. Разночтения списков; 4. История (работ Пушкина над поэмой и научных дискуссий о принадлежности ее Пушкину); 5. Сюжет (начиная с апокрифических евангелий и кончая французской эротикой XVIII века); 6. Композиция; 7. Изложение; 8. Язык; 9. Текст (рукописные списки и приемы редактирования); 10. Издания Гавриилиады; 11. Рукописи; 12. Библиография; 13. Указатель имен.

Как видим, Б. В. Томашевский стремился к исчерпывающей полноте комментария. И сразу следует сказать, что он во многом добился отличных результатов. Не только самый текст поэмы получил яркое освещение, оказались и другие результаты—обще-научного значения. Для самой поэмы ценны, напр., собранные отовсюду воедино известия и даты по истории созидания поэмы. Но наблюдения над языком, композицией, сюжетом, «изложением» имеют и более широкое значение. При скудости у нас подобных изучений, каждый такой опыт приобретает методологический интерес. В своих наблюдениях над литературной историей «Гавриилиады», ее стилем, композицией, Б. В. Томашевский обнаружил много наблюдательности и разнообразных познаний.

Но есть в книге недостатки. Библиография неточна и неполна. Напр., по поводу издания поэмы под редакцией В. Я. Брюсова Томашевский сообщает: «в одной из московских газет того времени появилась обширная рецензия В. Ходасевича». И только! Многие статьи обозначены чересчур кратко, глухо, и часто не знаешь, о чем в них речь. Еще крупнее промахи с текстом. На них подробно останавливался М. А. Цявловский в своем докладе в Пушкинской Комиссии Общ. Люб. Росс. Словесности, и суть дела вот в чем. Томашевский, как новость, печатает поэму по Ефремовскому списку Пушкинского Дома. Но этот список уже издан—самим П. А. Ефремовым, и в довольно значительном количестве экземпляров, и об этом Томашевский почему-то не знал. Другой список «Гавриилиады», не менее авторитетный, из собрания Лонгинова, хранящийся в Румянцовском Музее и уже известный по упоминанию в печати, не был изучен Томашевским.

Но самое крупное, что можно возразить против текста поэмы, установленного Томашевским, и против системы вариантов, им построенной, и против наблюдений над языком, стихом и стилем, это вот что: в распоряжении исследователя не было автографа Пушкина. Томашевский пишет: «Подлинная рукопись Пушкина, по всем вероятиям, находится в Остафьевском архиве». Это очень глухо сказано, и неизвестно, делал ли автор попытки лично или через Академию Наук или другие учреждения попытки получить автограф и считает ли это раз-на-всегда невозможным. Во всяком случае ясно, что всю энергию надо направить на добывание автографа. Пока его нет в руках, преждевременны и гадательны все тонкости стилистических, метрических, даже композиционных анализов.

Внешность книги удивительно изящна. И как жаль, что не приложено ни одного снимка с автографов Пушкина, связанных с «Гавриилиадой» (один такой снимок см. в «Старине и Новизне», кн. XV).

Н. Пиксанов.

Некрасов по неизданным материалам Пушкинского Дома. Петроград. Издательство М. и С. Сабашниковых. 1922 г.

Книга представляет большой интерес для читателя, интересующегося историко-литературными вопросами.

Очень правильно отмечает Н. Котляревский особенность некрасовской поэзии, как поэзии, не парящей над жизнью, а дающей нам «проникновение в нее и растворение в ней». Надо было «найти красоту и поэзию в ней самой, в ее некрасивой, суровой, грязной и даже преступной внешности». Впрочем, после интересной статьи К. Бальмонта в сборн. «Горные вершины», где как раз ярко формулируется эта же самая мысль, утверждение Н. Котляревского не представляет чего-нибудь нового.

Но вот что любопытно в статье Н. Котляревского. Отмечая совершенно

верно, что «поэзия Некрасова была отзвуком русской души на запросы всей современной ему культурной жизни», автор совсем не сделал из этого своего положения необходимых выводов.

«Запросы культурной жизни» в конце 70-х годов выражались в идеологии и настроении представителей так назыв. критического народничества. В противоположность идеологам славянофильства (Аксаков, Киреевский и друг.) и их эпигонам (Страхов, Григорьев, Тютчев, Достоевский), революционная интеллигенция не только не преклонялась перед народным терпением, не умилялась тем, что русскую землю «в рабском виде царь небесный исходил благословляя», а наоборот—возмущалась пассивностью крестьянской массы.

Этим возмущением перед терпением народным был проникнут и Некрасов. Вот почему толкование Н. Котляревским поэмы Некрасова «Кому на Руси жить хорошо» является в корне неверным. Ему кажется, что поэма — «песнь о свободной душе, рожденной и спасенной в рабстве. Если эта душа действительно спасена, то раба не существует, будь на нем даже цепи».

Правда, слова о сердце народном, спасенном в рабстве, взяты у Некрасова, но золотое сердце может быть и у человека, по существу своему проникнутому рабским началом жизни.

У Некрасова были моменты колебания в расценке долготерпения народного. И те соображения, которые имеются у Овсянико - Куликовского по поводу первой части поэмы «Тишина», являются правильными, но это именно только моменты колебаний. Можно указать, напр., также на элементы двойственности в отношении к народному терпению, на что указывал когда-то, по поводу стихотворения «Ночь!.. успели мы всем насладиться», Евг. Андреевич-Соловьев.

Но, за вычетом этих моментов в настроении Некрасова, мы видим, как раз обратное: чувство досады перед лицом народного долготерпения.

Статья М. Гофмана дает нам различные первоначальные варианты отдельных мест поэмы «Кому на Руси жить хорошо». Материалы, опубликованные Гофманом, интересны, но при изучении их необходимо иметь в виду не только вопросы композиции и стиля произведения, а также и то обстоятельство, что Некрасов, считаясь с цензурой, зачеркивал и выпускал отдельные места. Об этом достаточно красноречиво говорят опубликованные в журнале «Книга и революция» строки из поэмы «Русские женщины». Или обратим внимание на одно из писем Добролюбова, из которого мы узнаем, что в «Песне Еремушки» слова определенные заменялись формулировкой более расплывчатой, напр., «необузданную дикую к лютой подлости вражду» вместо «необузданную дикую к угнетателям вражду».

В опубликованных вариантах также есть более яркие и определенные места, в сравнении с напечатанным текстом, в издании Некрасова. Так, напр., в главе «Горькое время—горькие песни» четыре строчки от слов «О время, время новое!» в варианте, впервые опубликованном, дают уже в 17 строках достаточно определенную характеристику этих новых времен.

Следующая статья Н. Яковлева дает нам вариацию стих. «Филантроп», которая действительно вводит нас в лабораторию творчества поэта.

Интересна статья Б. Каплана о рукописном сборнике Модзелевского, педагога, умершего более четверти века назад. Модзелевский с ранней юности списывал стихи Некрасова. Строки и отрывки, непропущенные цензурой он вставлял «на основании изустных преданий или нелегальных списков». Дальнейшие изыскания подтверждают верность списков Модзелевского. Интересны также исправления П. А. Ефремова в печатном тексте стихов Некрасова.

Статья «Некрасов и Никитенко» с приложением писем Некрасова дает нам Некрасова в его первый период петербургской жизни, когда, под влиянием тяжелой борьбы за существование, из него вырабатывался суровый практик жизни, учитывающий все веления рынка и все условия издательства в эпоху 40-х годов. Переписка с Никитенко, как с цензором, говорит о том, сколько нервного напряжения требовалось от Некрасова в его, исключительно трудной, журнальной деятельности.

Переписка Некрасова с Полонским дает несколько интересныя черт в понимании облика Я. П. Полонского, а также говорит о связанности Некрасова с редакционным коллективом «Отечественных Записок».

В общем, изданная книга в историко-литературном отношении представляет несомненную ценность.

И. Кубиков.

О. АПТЕКМАН. Глеб Успенский. Изд. «Задруга». 1922.

Книга О. Аптекмана, составленная из двух очерков, в свое время напечатанных в «Русском Богатстве» и в «Современном Мире»,—представляет интерес как для исследователя творчества Гл. Успенского, так и для рядового читателя.

Особенное значение имеет первый очерк «Страницы из скорбного листа». Автор наблюдал жизнь Гл. Успенского в Колмовской психиатрической колонии. Перед ним прошел весь процесс духовного угасания одного из прекрасных представителей русской литературы. Как известно, Гл. Успенский в состоянии сумасшествия пробыл почти десять лет. Первые годы были моменты просвета, но затем больной впадал во все более безнадежное состояние. «В его помрачении,—говорит Аптекман,—я видел мрак, опутавший тогда нашу родину, погубивший его, а с ним много сильных, честных и благородных».

Страницы, в которых перед нами выявляется так назыв. социологический бред Гл. Успенского, как раньше, так и теперь читаются с захватывающим интересом.

Очень важны также те страницы книги, где перед нами целая законченная система миропонимания, сложившаяся в мозгу душевно-больного писателя.

Больной Гл. Успенский отказывается есть сорванные или срезанные яблоки,—«ем только палые, которые сами пали потому, что все живое имеет душу, начиная от былинки в степи, кончая человеком». По этой же причине Гл. Успенский протестовал против сенокоса и жатвы. «Как-то раз Гл. Иванович увидел в окно, что косят траву. Боже! Что с ним сделалось! Он кричал, ругался, плакал, проклинал и довел себя до такого состояния, что д-р Синани приказал немедленно приостановить косьбу, и она была окончена ранним утром, когда Гл. Иванович еще спал». По этой же причине он подымал шум, когда при нем ездили на лошади, ибо, по его понятию, это было насилие над живым существом.

Самого О. Аптекмана Гл. Успенский называл «Св. Иосиф». Но иногда он был в глазах Гл. Успенского «Иуда предатель и душегуб». Потому что он занимается тем, что держит «святых угодников» в «бесконечном гробу». А по мнению больного Гл. Успенского доктор «св. Иосиф» должен заниматься совсем другим, а именно: 1) «завести во всех бесконечных деревнях бесконечные посевы пашен», 2) «устроить во всех деревнях бесконечные крестьянские банки и бесконечные народные школы», 3) «завести по всем селам и деревням бесконечные столовые для детей, малолетних и престарелых» и, наконец, 4) «завести по всем деревням бесконечные посевы лекарственных трав».

И совершенно правильно отмечает О. Аптекман, что читатель, знакомый с сочинениями Гл. Успенского, увидит в этой программе душевно-больного человека все те же проклятые вопросы, которыми жил и здоровый Гл. Успенский.

Болезнь Гл. Успенского, по свидетельству О. Аптекмана, усилилась со второй половины 1896 г. Мало-по-малу настал полный душевный мрак—бесповоротный и страшный.

Вполне естественен для О. Аптекмана, как для врача общественника, интерес к причинам душевной болезни Гл. Успенского.

Автор приходит к таким выводам: решающими факторами были все внешние, крайне неблагоприятные для душевного равновесия писателя, условия жизни. Картины страданий человеческих потрясали Гл. Успенского, ибо у него каждое представление почти моментально превращалось «в живое, чувственное восприятие». Все эти ужасные явления русской действительности дей-

ствовали в определенном направлении—они усиливали и влияние прирожденно-унаследованных особенностей».

Значение очерка О. Аптекмана и его наблюдений над ходом болезни Гл. Успенского—весьма значительно.

Второй очерк «Общественные типы в сочинениях Г. И. Успенского» является попыткой классификации героев Гл. Успенского. Но здесь у О. Аптекмана не все является выдержанным и самое понятие «народная интеллигенция» довольно расплывчато. Мих. Иванович из очерков «Разоренье» является, по совершенно справедливому определению Овсянико - Куликовского, предтечей сознательного пролетариата. Во всяком случае, перед нами подлинный представитель «возмущенной чести» своего класса. «Иваны» из «Наблюдений одного лентяя» это есть уже бледная вариация первоначального, ярко - обрисованного типа.

Но далее, отмечая Федюшу из рассказа «Голодная смерть» и Василия Хомякова из рассказа «Хорошая встреча», О. Аптекман упускает из виду гораздо более яркую фигуру представителя интеллигенции из народа, фельдшера Кузьмичева, из цикла «Скучающая публика». Этот фельдшер Кузьмичев, бывший простой крестьянин—одно из самых ярких художественных достижений в творчестве Гл. Успенского.

Характеристика хозяйственного мужика Ивана Ермолаевича после Плеханова (статья об Успенском) ничего нового не вносит. Далее О. Аптекман отмечает типы хищников и деревенского пролетария Ивана Босых.

Характеристика «кающейся» интеллигенции («Чудак-барин» и Михаил Михайлович) уже исчерпана предшествовавшей критической литературой, а потому О. Аптекману не приходится по этому вопросу говорить что - нибудь новое.

В общем, книга представляет несомненый интерес и заслуживает внимания со стороны читателей.

И. Кубиков.

П. ПЕРЦЕВ. Ранний Блок. Изд. «Костры». 75 стр. А. БЕЛЫЙ. Воспоминания о Блоке. «Северные дни». Сборник II, стр. 131—155. ПАМЯТИ АЛ. БЛОКА. (А. Белый, Иванов-Разумник, Штейнберг). Изд. Вольфилы. 63 стр. К. И. ЧУКОВСКИЙ. Книга об А. Блоке, изд. «Эпоха», 121 стр.

Для Блока наступает история. Прошло меньше года с его смерти, и уже ясно чувствуешь—поэт в прошлом, быть может, он скоро станет далеким. Есть что-то хрупкое, изысканно-кратковременное в его поэзии, и когда перелистываешь критику или воспоминания о нем — чувство хрупкости только усиливается. Особенно подчеркивает это чувство небольшая книжка П. Перцева, посвященная «раннему Блоку». «Я и теперь считаю,—говорит он,—«Стихи о прекрасной даме» самым чудесным из чудес Блока, и его дебют самым удивительным началом». Очень тщательно в книге собраны письма поэта, его забытые стихотворения, варианты. Рассказано о первых стихах в «Новом Пути», о литературной обстановке того времени. Много незаменимых штрихов, все вместе—прекрасное, отвлеченное, замкнутое в грезе, мечте. Таким, вероятно, и был Блок этого раннего периода. Его «общественность»,—о которой иногда говорит Перцев? Общественность поэта с Соловьевым и символизмом, общественность, которой он, в конце концов, и не выдержал.

Многого можно было ожидать от воспоминаний и статьи А. Белого. Связанный с Блоком долголетней дружбой, в некоторых отношениях единством мировоззрения, он мог сказать о нем больше других.

Интереснее, свежее всего переданы биографические, бытовые черты. «Во мне было что-то исконное, московское, от доброго времени Станкевичевского кружка, где гегелианизировали до такой степени, что свою гегелианизацию проводили в жизнь... разница была только в том, что тогда гегелианизировали, а мы «соловьевизировали» и также старались Соловьева протиснуть даже в семейную жизнь. В А. А. не было совершенно Московского духа, ничего от Станкевического кружка». «Он

был выдержанный петербуржец и мог казаться холодным, — он, который был весь огонь».

«Говорил он мало. Говорил короткими фразами, которые подчас трудно вспомнить». Еще любопытны замечания о связи шахматовского пейзажа (подмосковной усадьбы) с стихотворениями «Нечаянной Радости», любопытны мелочи из литературной жизни того времени.

Совсем иное впечатление оставляет статья-речь, произнесенная в заседании Вольфилы. Это очень неясная, очень натянутая попытка связать три книги поэта, пользуясь антропософской символикой. «Цвета Блока» толкуются в оккультном смысле: «сине-серый цвет эпохи 97—99-го годов сменяется красным цветом зари», потом «исчезает заря и появляется лилово-зеленый тон».

Быть может, кому-нибудь из «посвященных» это что-нибудь и говорит, но мы предпочитаем более простой способ мышления, доведенный А. Белым до какой-то принципиальной загадочности. Тут же, как полагается, разбросаны суждения о «софийности», о Данте, о второй части Фауста, суждения, несмотря на мистический туман, довольно поверхностные, и сшитые на живую нитку.

Ясно одно,—или стихотворения Блока должны выдержать испытание, как стихи, как поэзия, или они только воспоминания, связанные с символизмом.

Нам думается, не стоит выдвигать последнего в ущерб первому. Поэтому гораздо правильнее поступил К. Чуковский, занявшийся Блоком, как поэтом по преимуществу. Его книга—это, пожалуй, записки критика-читателя, не до конца полные, но ценные уменьем наблюдать, без псевдо-учености. Конечно, здесь много психологии, переживания, субъективности, но без этого, в конце концов, не пишутся книги о поэтах. Основная мысль, поскольку речь идет о духовном облике Блока—его двойственность (эту же черту отмечает Перцев).— «Тут та изумительная двойственность, в которой было главное обаяние лирики Блока: пафос, разъедаемый иронией: ирония, побеждаемая лирикой; хула и хвала одновременно. Все двоилось у него в душе, и причудливы были те сочетания веры с безверием, которые сделали его столь близким современной душе». Очень верно подмечена и тайна власти лирики Блока — его ритм, напевность, действовавшие помимо, иногда вопреки очевидному смыслу слов. Вообще книга Чуковского нам кажется наиболее ценной из всего, сказанного о Блоке до сих пор.

Конечно, во всех статьях и книгах говорится об отношении Блока к революции. Этому целиком посвящена брошюра Львова-Рогачевского, которую мы назовем публицистической лирикой, или лирикой публициста со всеми неизбежными недостатками такого жанра.

Почти все сходятся в оценке «Двенадцати» в том, чем была для Блока революционная Россия. «Несомненно,—говорит Чуковский,—нашу революцию он принял лишь постольку, поскольку она воплотила в себе русскую народную бунтующую душу, ту самую, которую воспел, напр., Достоевский».

Эту мысль с некоторыми оттенками можно встретить и у остальных авторов, так или иначе, но она представляется наиболее правдоподобной.

К. Локс.

В. ЛЬВОВ-РОГАЧЕВСКИЙ. Поэт-пророк. Памяти А. Блока. Т-во «Книгоиздательство писателей в Москве». 1921. Стр. 50.

В 1920 г. в своих «Очерках по истории новейшей русской литературы» (1881—1919 г.) В.Л. Львов-Рогачевский нашел возможным уделить Блоку всего только несколько *строк*, несколько общих фраз (зато Сергееву-Ценскому отведена целая глава, полная восторженных похвал). Блок трактуется здесь, как «тихо грезящий поэт», который «ждет в чадном ресторанчике, и в балаганчике, и в тихом монастыре» явления Прекрасной Дамы. «Этому отуманиванию,—поясняет критик,—помогает порой «Ресторанчик», «Кабачек», воспетый неоднократно тихо грезящим поэтом» (стр. 78).

В 1921 г. — под непосредственным впечатлением смерти Блока и пышных литературных тризн, критик спохватился и наспех набросал популярно-критический очерк.

Поэт, которого критик почти не приметил даже в 1920-ом году, оказался в 21-ом не только большим поэтом, но—конечно—и пророком. Пророком чего?

Разумеется, русской революции 1917-го года. «Великая революция и Блок—пророк ее», возглашает критик (стр. 4).

Как все это просто!

Популярно - критический набросок Львова-Рогачевского ценен, как живой, импрессионистски - непосредственный, эмоционально-лирический, тепло-душевный, мягко-интеллигентский отклик на смерть поэта. Это подкупает.—И только.

Рассчитан этюд на широкую, но не взыскательную аудиторию. Подход—социологический, но неопределенно-социологический (не марксистский). Элемент анализа почти отсутствует. А между тем Блок дает порою богатый материал именно для марксистского анализа, хотя бы Блок 1905—1906 г. («Нечаянная Радость», «Балаганчик», «Король на площади»). Термин «пророк» взят уже в слишком широком смысле, повторяется уже слишком часто и... дешевеет с каждой страничкой.

Трактовать Блока, как «*светлого* Пророка» русской революции и противополагать его «*мрачному* пророку» ее—Достоевскому, значит, бесконечно упрощать тот сложный, полный внутренних противоречий, почти «надрывный» подход к революции 1905 и 1917 г. г., какой дан в соответствующих местах у Блока («Король на площади», «Двенадцать», «Скифы», «Россия и интеллигенция»).

Совсем неубедительно звучит поспешный вывод: Блок не декадент (против Чулкова), а поэт варварской и нежной России (стр. 41); Блок—поэт не упадка, а восхода (стр. 43).

Подлинный Блок — конечно — и то, и другое. Прошедшее и грядущее, старый мир и мир новый вели в душе поэта мучительно-длительный и тяжелый спор; отношение к революциям пятого и семнадцатого года неминуемо оказывалось *двойственным*. Пора это признать.

Брошюра Львова-Рогачевского написана на скорую руку, дилетантски-многословно, провинциально - неряшливо.

Есть искажения блоковского текста: «музыкальный *номер*» (стр. 19) вм. «музыкальный *напор*», «благоуханной *тишью*» (стр. 32) вм. «Благоуханной *глушью*».

Есть и прямая ошибка:

«Соловьиный сад» отнесен к 1918 г. и назван «лебединой песнью» поэта (вернее не лебединая, а соловьиная песня—глубокомысленно поправляется критик, стр. 24).

В этом 1918 г. А. Блок резко и неоднократно подчеркивает самую тесную связь поэта с эпохой. В особенности ярко, в изумительной поэтической форме, с редкой красотой и прежней нежностью «не от мира сего» пропел об этом Блок в своем лучшем произведении: «Соловьиный сад» (стр. 24). «Эта поэма была написана в 1918 г.»—упорствует (стр.27) критик.

Увы! Быть «лебединой» песнью поэта или подчеркивать «самую тесную связь» с эпохой 1918 года «Соловьиный сад» *никак* не может по той простой причине, что написан он 14 октября 1915 года. И «социологический» анализ, построенный (стр. 24—27) на этом произвольном датировании,—оказывается мнимым.

Д. Цинговатов.

ЧЕХОВ. Новые письма (из собраний Пушкинского Дома) под редакцией Б. Л. Модзалевского. Атеней. 1922. 160 стр.

Как и следовало ожидать, шеститомное собрание писем А. П. Чехова постепенно дополняется новыми эпистолярными материалами. В симферопольском сборнике «Отчизна» мы встретили связку писем Чехова; в частных собраниях и государственных архивах хранятся его письма; в Петербурге готовится большой том писем Чехова к О. Л. Книппер. Атенейский томик дает полсотни новых писем за разные годы (от 1888 до 1904 к разным лицам—к И. Л. Леонтьеву, В. Л. Кигну-Дедлову, А. Ф. Марксу, П. А. Сергеенко и др. Снабженные обстоятельными объяснительными примечаниями редактора, письма дают не мало значительных подробностей литературной и биографической истории Чехова.

В 1888 году он признается: «театра я не люблю», «для сцены у меня нет люб-

ви», «страсти» и «труда в писании водевилей не видел и считал, что для него будет достаточным, если «во всю свою жизнь с грехом пополам нацарапает с десяток сценических безделок»; ему было «стыдно» «за своих Медведей». Он испытывал «утомление и скуку громаднейших размеров» от работы над подобными пьесками. Одна из них — «Сила гипнотизма» осталась незавершенной. Нелишне отметить, что «Иванова» Чехов называл «Болвановым» (в письме 18 марта—1889). Так мало ценил в себе Чехов в начале драматургическую жилу, отдаваясь в водевилях молодому задору, желанию выдвинуть, по его словам, тру-ла-ла. Биограф и исследователь творчества Чехова многое извлекут из письма В. Л. Кигну от 10 ноября 1903: «я все похварываю, начинаю уже стариться, скучаю здесь в Ялте и чувствую, как мимо меня уходит жизнь и как я не вижу много такого, что, как литератор, должен бы видеть. Вижу только и к счастью понимаю, что жизнь и люди становятся все лучше и лучше, умнее и честнее—это в главном, а что помельче, то уже слилось в моих глазах в одноцветное, серое поле, ибо уже не вижу, как прежде».

Письма к А. Ф. Марксу от 1899 года знакомят с процессом отбора из разбросанных в многочисленных газетах и журналах сочинений для «нивского» издания; продажу своих сочинений издателю «Нивы» Чехов считал «неудачной» и писал В. Л. Кигну 24 января 1904 года: «Что вам за охота закабалять свои сочинения, повторять ту же ошибку, которая заставляет меня теперь ежеминутно почесываться. Не проще ли самому издать свои сочинения».

Большинство писем касается внешней стороны жизни Чехова, изредка перерываясь юмористическим штрихом, роднящим стиль письма с поэтическим этюдом.

Н. Бродский.

РАДУГА. Альманах Пушкинского Дома. Петербург 1922. 308 стр.

По прекрасному слову А. Блока, «имя Пушкинского Дома в Академии Наук», действительно, становится «знакомым и родным для сердца звуком». Книга за книгой появляются на рынке с этим именем, всегда ценные и желанные для словесника. «Радуга» дает не мало любопытного историко-литературного материала за XVIII — XIX века. Среди рукописных реликвий Пушкинского Дома оказались документы, связанные со всеми литературными именами, крупными и менее заметными. Державин, Радищев, Жуковский, Дельвиг, Пушкин, Карамзин, Дмитриев, Кюхельбекер, Коншин, Лермонтов, Гоголь, Тургенев, Писемский, Некрасов, Достоевский, Чехов, Мей, Никитин, А. Жемчужников, Л. Толстой, Майков, Гаршин—представлены в «Радуге» кто письмом, кто отрывком из начатого художественного труда, кто неизвестным произведением, интимной исповедью, стихотворной шуткой.

Не все здесь одинаково ценно, кое-что уже стало известно (напр., отрывки из речи Достоевского о Пушкине, стихотворение Пушкина «Царское Село»), но есть подробности или важные для понимания того или иного писателя, или вообще небезынтересные. Прежде всего хочется отметить письма И. С. Тургенева к Писареву и ответное письмо критика по поводу «Дыма». Напечатанные письма вносят существенные поправки в историю знакомства автора «Отцов и детей» с сотрудником «Дела». Ускользнувшие от регистрации в известном библиографическом указателе С. Петрашкевич, оставшиеся без упоминания и у Е. П. Казанович, автора примечаний к переписке Тургенева и Писарева статья П. Мартьянова «Три встречи. II. Встреча И. С. Тургенева с Д. И. Писаревым» («Исторический Вестник» 1885 XI) и книга П. П. Суворова «Записки о прошлом» (ч. I, М. 1899, стр. 100—104) рисуют всю историю совершенно в другом виде, что любопытно, между прочим, потому, что П. Суворов ведет рассказ от лица Писарева. Для биографии Тургенева первостепенный интерес имеют его «молитвы», написанные в каноническом стиле и, по верному объяснению Л. С. Утевского, явившиеся в годы мучительной болезни, так удручавшей его в 1856—1857 г.г. Психологическая мотивация Л. Утевского нас не совсем удовлетворила: молитвы не были только криком отчаяния, малодушной попыткой

испробовать на «авось» и «это» средство. В сложном вопросе религиозных настроений Тугенева приведенные молитвы могут рассматриваться, как лишний штрих для уяснения того кратковременного момента, когда для Тургенева мысль о конце жизни связывалась с «обращением к Богу», когда в творческом пути Лаврецкий становился интимно близким, авто-портретным.

Из трех неизвестных до сего дня стихотворений Дельвига одно — «Фани. Горацианская ода» — неожиданно раскрыла загадочную третью строфу IV главы «Евгения Онегина»:

Словами вещего поэта
Сказать и мне позволено:
Темира, Дафна и Лилета,
Как сон, забыты мной давно.

Оказывается, Пушкин чуть-чуть перефразировал стихи Дельвига, ставшие в применении к нему пророческими:

Темира, Дафна и Лилета
Давно, как сон, забыты мной
И их для памяти поэта
Хранит лишь стих удачный мой.

Среди писем А. Чехова к Я. Полонскому обращают внимание строки, посвященные работе над повестью «Степь» в авторской оценке, а также указания на попытку писать «во вкусе Альбова».

Не указываем на ценность примечаний к опубликованным материалам сотрудников Пушкинского Дома,—они поистине образцовы. Временами, впрочем, «объяснения» разрастаются до небольших монографических этюдов, совершенно затеняющих тот отрывок, который послужил поводом для комментария. Стихотворная шутка Лермонтова, где встречается фамилия Углицкой, вставлена в такую раму родословных справок о ее родственниках и подругах по Смольному институту, что когда читаешь у исследователя: «об отношениях А. А. Углицкой-Альбрехт собственно к Лермонтову нам ничего неизвестно», невольно задумаешься над целесообразностью введения в «радужные» альманахи такого типа комментария.

Н. Бродский.

С. Я. НАДСОН и графиня ЛИДА. Петербург. Стр. 136.

Не случайно на этой книге не проставлен год издания. Напечатана она была 35 лет тому назад, а сброшюрована и выпущена в свет в 1921 году. Странная судьба ее объясняется тем, что до выхода ее в свет раскрылись некоторые обстоятельства, дающие материал для иронических и злобствующих фельетонов постоянно травившему Надсона В. П. Буренину, и выход книги был задержан друзьями покойного поэта. Обстоятельства эти таковы: неизвестная поклонница Надсона, переписка с которой составляет эту книгу, оказалась, по некоторым сведениям, не графиней, богатой аристократкой, как она рекомендовала себя, а весьма скромной женой скромного чиновника, не блиставшей ни происхождением, ни богатством.

Книга эта в свое время встречена была бы с громадным интересом. Но часть своего интереса она сохранила и до наших дней, отодвинувших далеко назад внимание и к поэзии, и к личности Надсона.

Как известно, Надсон в последние годы пользовался необычайной популярностью и любовью в среде либерально настроенной молодежи.

Результатом этого было большое количество писем, которое он получал от неизвестных поклонников и поклонниц. За несколько месяцев до смерти Надсон получил письмо от неизвестной адресатки, рекомендовавшейся «взбалмошной бабенкой» и пришедшей в восхищение, как от его стихов, так и от его... портрета. Романически настроенный поэт ответил на письмо и завязалась переписка, длившаяся до самой смерти поэта. Незнакомка становится все развязнее, посвящает поэта в свою семейную, материальную, светскую жизнь. Надсон сперва подозревает мистификацию, у него «невольно зарождается мысль о насмешке», потом он пытается свести переписку и восторги графини на шутку; однако дружеский и искренний тон писем покоряет его, и он сам становится откровеннее и теплее. Впрочем, он остается при убеждении, что письма графини «не так просты, как это может

показаться с первого раза: в каждом из них есть всегда какая-нибудь задняя мысль. Я не могу указывать в чем именно: это тонко, как паутина» (стр. 81).

Трудно в нескольких словах изложить содержание этой переписки, не имеющей определенного стержня и касающейся самых разных вопросов и тем. К интереснейшим местам относятся те, в которых поднимается вопрос о различии общественного положения того и другого корреспондента. «Вы,—пишет Надсон,—графиня, аристократка, и проч. и проч., а я — плебей; неужели же мне льстит идея именно поэтому дорожить нашими письменными отношениями? Как знать? Человеческая натура — вещь сложная; Бог весть какие мелкие чувства шевелятся иногда против воли в нашей душе» (стр. 76). Надсон защищает класс «косматых» литераторов и юношей, окружающих их; графиня Лида говорит о достоинствах высшей аристократии, к которой Надсон относится более, чем равнодушно. В ответ на сведения о ряде великосветских особ поэт холодно и раздражительно отвечает: «Мое ухо более привыкло к именам Островского, Салтыкова, Тургенева и пр., и пр.», (стр. 78).

В общем переписка дает не мало материала для биографии и характеристики личности Надсона. В этом, разумеется, ее основная ценность. Нельзя, однако, не отметить и того, что сама по себе она представляет небезынтересный роман в письмах. Лишенный внешней фабулы, он богат, однако, психологическими перипетиями, дающими ему поступательное движение. Естественная развязка — смерть поэта—и маленький эпилог: отрывки из писем графини Лиды по поводу смерти поэта сообщают ему художественную законченность.

Д. Выгодский.

Ю. АЙХЕНВАЛЬД. Поэты и поэтессы. К-во «Северные дни». М. 1922. 2000 экз. Стр. 96.

И терпентин на что-нибудь полезен... Айхенвальд существует для того, чтобы людям окончательно необразованным и глупым простодушно докладывать, что вот-де он читал такую-то и такую-то книжку и—разрешите я вам доложу, что вы, ходячая посредственность и голова, с трудом ориентирующаяся в четырех правилах арифметики, можете в этой, как говорят понимающие люди, умной книжке понять. И докладывает, вежливенько так, сладенько: толпы баранов слушают его. Однако нам чистый расчет, чтобы и баран чему-нибудь учился,—наверное он от книжки Айхенвальда уходит с чувством некоторого небесного просветления и чистой благодати, излившейся на его почтенное руно. Очевидно, что лекции для баранов не очень интересны и заранее можно сказать, что там будет излагаться. Для любопытствующих предложим цитатки: «Скончался Блок — на лире современной поэзии оборвалась одна из ее певучих и драгоценных струн... Пытаясь сказать несказанное, он ткет паутинные сплетения лирики... очень трогательны, например, его стихи о маме... ...радость и страдание могут сочетаться воедино... присуще его поэзии легкое дыхание... и кажется, что обители лиризма приняли его теперь в свое вечное лоно». Гумилев: «Он в самом деле акмеист... романтик, борющийся за голубую лилию... принадлежит ему вся красота консерватизма... наш утонченный воин, наш холеный боец... он аристократ и гордый носитель самоуважения»... Ахматова: «явила образ женской души... так задушевны и проникновенны ее интонации... это пленительно». Еще глава, но та совсем уж о М. Шагинян. Как видите: глупо, скучно и черносотенно. Пишущий это боится, что он был несправедлив к баранам: нехорошо все-таки и их заставлять читать такое, и уж если на то пошло, то пусть они прямо читают Ахматову. Стыдобушка! В 1922 году некролога путно написать не умеем.

С. Бобров.

Н. К. ПИКСАНОВ. Грибоедов и Мольер. Переоценка традиции. Гос. Изд. Москва 1922 г.

Вопрос о литературных влияниях принадлежит к числу вопросов, наименее ясных и разработанных в науке. Иногда самая законность постановки вопроса о влиянии одного автора на другого может возбудить сомнения. Ведь художе-

ственное произведение, в особенности произведение гениальное, есть известная общественная необходимость. Оно возникает, как ответ на запрос данной среды, возникает всегда, когда среда должна осознать известную стадию пройденного пути в художественном образе. Самое существенное в художественном произведении—это его связь с средой, с источником, вызвавшим его к жизни. Всякая наука стремится, в конечном счете, установить законы, управляющие той или иной категорией явлений. Что может дать самое тщательное исследование сходных стихов, фраз, сюжетов и образов у двух авторов? Шекспир заимствовал сюжеты и даже отдельные выражения героев почти во всех своих пьесах из разных источников. И если сравнительный анализ хроники Бельфоре и «Гамлета» может представлять интерес, то лишь в том смысле, что этот анализ путем сравнения позволяет еще глубже оттенить душевный мир той среды, в которой возникла трагедия о датском принце, еще ярче постигнуть психологию английского общества эпохи Ренессанса. Кто-то из критиков насчитал во всей мировой драматической поэзии всего девять или десять трагических сюжетов. Около 125 пьес написано на один сюжет «Дон-Жуана». И однако, ничего общего нет между обработкой Тирсо де Молино и пушкинским «Каменным гостем». Исследование, посвященное вопросу о заимствованиях, или влияниях, не может дать плодотворных результатов, если автор не имеет в виду, при помощи его, пролить свет на тот или иной еще не освещенный уголок в сложной сфере взаимоотношений между литературой и социальной средой.

Н. К. Пиксанов с редкой добросовестностью проделал огромный труд и подверг переоценке все попытки сближения грибоедовской комедии с разными произведениями европейской литературы, начиная с года появления комедии и кончая известной статьей нашего мольериста А. Н. Веселовского: «Альцест и Чацкий», и этот пересмотр привел его к печальному заключению, что большая часть этих ученых усилий были затрачены попусту, что кроме Мольера можно «сразу выбросить из дальнейшего обсуждения по очевидности натяжек» всех авторов, с которыми сближали Грибоедова. У исследователей, интересовавшихся влиянием Мольера на Грибоедова, проф. Пиксанов отмечает пестроту и разнокалиберность, отсутствие системы, принципа, какой-нибудь классификации в распределении тех приблизительно двадцати пунктов, которые сближают «Горе от ума» с «Мизантропом». Распределив эти пункты на несколько групп: прямые заимствования текста, сходства действующих лиц, аналогии в сценическом плане и родство в идейном содержании,—проф. Пиксанов приходит к выводу, что моментов, поддающихся сближению, очень немного, большинство же следует признать натяжками.

Автор дает блестящий пример того, как сходные бытовые условия могут вызвать в литературных произведениях двух разных авторов сходные образы и картины и ввести в заблуждение исследователей (на стр. 54). Далее, он говорит, что идейность обеих пьес «конкретизирована, связана тесно с образностью и бытом». Отсюда является «легкая возможность выводить идейность «Горя от ума» из самого русского быта, а не из литературных влияний». В высшей степени характерны следующие строки: «Екатерининские тузы во главе с Максимом Петровичем, конечно, не то, что придворные Людовика XIV, но в условном обобщении можно утверждать, что Альцест и Чацкий одинаково обличают «знать» и придворные «нравы». Судебные злоупотребления, от которых страдает Альцест, разумеется, не то, что низкопоклонство Молчалина и радение Фамусова родному человечку, но опять, схематизируя, можно сказать, что и Мольер и Грибоедов обличают «бюрократию». Зато обличения крепостного права, скалозубовщины, репетиловщины, галло- и германофобии—совершенно чужды идейности «Мизантропа», а ведь они-то именно и придают «Горю от ума» своеобразие и горячий пафос» (58).

Не нужно быть марксистом, достаточно быть просто объективным и чутким ученым, для того чтобы подойти к тем выводам, которые одни могут дать ценность современному научному исследованию. Работа Н. К. Пиксанова—лучшее подтверждение этой мысли. П. С. Коган.

ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА.

СРЕДИ СТИХОВ.

П. Н. ПЕТРОВСКИЙ. Последние песни. Изд-во З. И. Гржебина. М. 1922. Стр. 80.

ПАВЕЛ СУХОТИН. В черные дни. Изд-во З. И. Гржебина. М. 1922. Стр. 152.

АЛЕКСАНДР БЕЛЕНСОН. Врата тесные. Вторая книга стихов. ПБ. 1922 г. Стр. 48. С портретом автора.

В. ЗОРГЕНФРЕЙ. Страстная суббота. Стихи. Изд-во „Время". ПБ. 1922 г. Стр. 56.

ФЕДОР СОЛОГУБ. Свирель. Русские бержереты. ПБ. 1922 г. Стр. 62.

ЛИРИЧЕСКИЙ КРУГ. Страница поэзии и критики. 1 изд. „Северные дни". М. 1922 г. Стр. 96.

ОСТРОВИТЯНЕ. 1 декабрь 1921 год. ПБ. Стр. 48.

НИК. ТИХОНОВ. Орда. Стихи. ПБ. 1922. Стр. 64.

С. КОЛБАСЬЕВ. Открытое море. Поэма. ПБ. 1922. Стр. 32.

МАРИНА ЦВЕТАЕВА. Версты. Стихи. Изд. „Костры". М. 1921 г. Стр. 56.

Н. АСЕЕВ. Стальной соловей. Изд. Вхутемас. М. 1922 г. Стр. 26.

Поток стихотворных сборников не убывает. Розовые, белые, серые, зеленые, голубые и иные книжки, с размеренными строчками внутри, продолжают рассыпаться по прилавкам книжных лавок. Покупаются ли эти сборнички?— не сумею ответить; но если кто-нибудь систематически их собирал и читал, вряд ли он не пожалел о затраченных деньгах и потерянном времени. По крайней мере, из тех двух десятков новых книжек со стихами, которые разными путями собрались у меня на столе, бо́льшая часть определенно принадлежит к одному жанру: скучному.

Скучны эти стихи прежде всего потому, что все они напоминают великое множество других стихов, читанных и десять, и двадцать, и тридцать лет тому назад. Не то только, что в этих стихах те же темы, которые давно стали даже не традиционными, а шаблонами, те же самые слова, которые, вот уже полстолетия, составляют тощий словарь «средних» стихотворцев, те же размеры и рифмы у одного автора, как у другого, и т. д.,—но особенно то, что и самый подход к изображению своего чувства, своей мысли безнадежно схож с приемами всем знакомых поэтов: словно есть какие-то рельсы, пять-шесть твердо проложенных путей, свернуть с которых новые «певцы» никак не в силах и на которые фатально попадает их речь, как только они начинают слагать стихи. Достаточно пересмотреть первые строки стихотворений, чтобы почувствовать эту роковую неизбежность:

День знойный дымно догорел...

Там, где розы вздыхают душистые...

Чего-то жду неутомимо...

В окна льется вечерняя мгла...

Цвет яблонь розовато-бел...

Эти примеры взяты из книжки П. Н. Петровского, о котором предисловие Ю. Айхенвальда сообщает, что «он не может не петь», что у него «несложная, но задушевная, красивая и приятная песня» и что она (эта песня) «звучит у него чистым лирическим звуком». Ничего дурного сказать о стихах П. Н. Петровского нельзя, но все же мучительно скучно перечитывать такие, напр., строфы:

Вербы наивные,
Бело-пушистые,
Звоны призывные,
Помыслы чистые.

Мало что изменится, если вместо розовой книжки Петровского мы возьмем белую книжку Павла Сухотина:

Опять брожу у речки малой...

И опять эта мгла на полях и в саду...

Нынче я с утра и стар и болен...

На дворе и мороз и луна...

и т. д. Если есть какая разница между двумя книжками, то в том, что П. Петровский на все умиляется, а П. Сухотин все видит в «черном цвете», уверяет, что «душа его—кладбище», и предлагает своему сердцу:

Ты же, сердце, поскорее
Срок последний отстучи!

А затем бесконечной вереницей идут рифмы, столь новые, как: «хлебе—небе», «пламень—камень», «дверца — сердце», «вновь—любовь», «крови—любви», «одеждам—надеждам» и т. п. Впрочем, автор и сам сознается: «песни *давние* пою», «и в снах *бывалое*», «со мной *все те же* думы» и т. д.

И еще раз «песни давние», «сны бывалые» и «все те же думы» встретят нас в бело-желтой книжке Александра Беленсона. У этого автора тоже есть и свое отличие: он не умиляется на все и не видит все в черном, но зато усердно занят божественным. Почти в каждом стихотворении у него какие-нибудь слова, которые ему приходится печатать с большой буквы:

К Царице Небесной ближе...

С Младенцем на руках Пречистая...

Меня Господь не опалит...

Премудростью в Божьем Сыне...

Святой вкушает Серафим...

и т. п. В стихотворении как бы программном, где автор объявляет:

Мы рождены для песнопений
О тайнах неземных красот...

слово «Бог» повторено даже трижды да, кроме того, еще «Творец» и «Господний». От всего этого стихи А. Беленсона не сделались менее скучными, а кое-где оказались чуть что не комичными:

Тесней врата небес
Замочных скважин.
Юлит проворный бес,
Но дух отважен,
Лучисто-важен,
Ведет его Гермес.

С весьма скромным приношением «на алтарь Муз» выступил В. Зоргенфрей. Из предисловия узнаем, что в книжку включены стихи с 1904 по 1921 год, т.-е. за 18 лет, но в ней всего 30 стихотворений, при чем 16 из них сам автор признает «юношескими», а «зрелых» за 14 лет (с 1908 по 1921 г.г.) оказывается только 14, ровно по одному стихотворению на год! При такой строгой самокритике стихи все же довольно бесцветны. Три пьесы посвящены столь новой теме, как «Лилит» (см. Федора Сологуба и др.):

Я ждал тебя. Не спрашиваю, кто ты,
Любимая. Я знаю, ты—Лилит.

Я целую плащ узорный...

и т. д. Одно стихотворение развивает мысль, что, несмотря на революцию и мировые перевороты, жизнь продолжает итти по-прежнему:

Сегодня то же, что вчера,
И Невский тот же, что Ямская...

Другое—критикует астрономов, которые «тщатся бег свободный (земли, как планеты) подчинить—незыблемым и мертвенным законам»; остается неясным, почему этот «бег» признан «свободным», и еще менее ясным уверение, что земля когда-нибудь «помчит нас—туда, *где нет ни Севера, ни Юга*». Еще одно — посвящено философской проблеме о непознаваемости сущностей, что излагается в таких строфах:

Пытал на глухом бездорожьи
У мертвенных чисел, у книг,
Но тяжкой премудрости Божьей
Свободной душой не постиг...

(О, эти клише!—«глухое бездорожье», «свободная душа» и т. п.) В общем от 18 лет работы можно было бы ожидать гораздо бо́льшего. Впрочем, справедливость требует оговорки, что, в ряду рассмотренных книг, сборник В. Зоргенфрея все же интереснее всех других; в том же стихотворении, начинающемся с «бездорожья», есть совсем хорошие строфы; есть удачные стихи и в других пьесах.

Зато, к сожалению, трудно сделать оговорку к новым стихам Федора Сологуба: они просто скучны, и больше ни-

чего. Правда, в данном случае причина лежит *не в исполнении*, а в самом *замысле* автора. Ф. Сологуб напал на злополучную мысль — написать «русские бержереты», т.-е. «пастушеские» стихи, в приторно-сентиментальном вкусе, как они писались во Франции, в эпоху Людовика XV. Как большой мастер, Ф. Сологуб хорошо справился с задачей, но каково читать целую книжку таких подделок под старинные подделки, точным счетом 26 подобных пьес (чуть не вдвое больше, чем В. Зоргенфрей написал вообще стихотворений за 14 лет жизни)!

Весна сияла ясно,
Фиалка расцвела.
Филис легка, прекрасна,
Гулять в поля пришла.

В лес пришла пастушка,
Говорит кукушке:
Погадай, кукушка,
Сколько лет пастушке
Суждено прожить.

В лугу паслись барашки.
Чуть веял ветерок.
Филис рвала ромашки,
Плетя из них венок.

Филис—Сильвандр, Лиза—Колен, Нинета—Амур, и опять Амур, и еще Амур, и снова барашки, и вновь фиалки... нет! две-три такие стилизованные песенки были бы милым подарком нашей литературе, но целая книга их, это — чересчур!

Целый альманах (по предисловию, впрочем, не «альманах», а «сборник») в том же жанре, т.-е. скучном, представляет собою книжка «Лирический круг», где участвуют: Анна Ахматова, Ю. Верховский, Л. Гроссман, К. Липскеров, О. Мандельштам, Софья Парнок, С. Соловьев, Вл. Ходасевич, С. Шервинский, А. Эфрос и др. Здесь Ю. Верховский пишет стихи алкеевой строфой и с латинскими эпиграфами,—

Чтоб вышние боги с улыбкой воззрели
И слух преклонили бы свой.

Л. Гроссман сочиняет «сонеты на полях Пушкина»,—сонеты самые акмеистические, в которых, для уловления четверной рифмы, приходится, напр., к слову «Бергамо» добавлять «где родился Арлекин», Москву называть «столица гневных Иоаннов», измышлять «унылые *болота* приволжских *чащ*» и т. п. О. Мандельштам, стилизуясь под античность, изображает, как душа является в царство Персефоны. С. Соловьев описывает в стихах типы из романов Дикенса. С. Шервинский делает признание, что его «отсталые персты—к цевнице тянутся с волненьем», или рассказывает, как «чья-то лира на ступени— бросает тень у ног моих». Другие тоже поддерживают этот ансамбль лир, цевниц, свирелей, психей, наперсников и т. под., так что везде в сборнике—Горации, Ферраро, Кремоны, Данте, Петрарки, Ювалы и, в конце концов—

... Природа не сама ли
Серебристым облаком *сию* покрыла медь.

В статьях альманаха (или «сборника») разъясняется, что весьма дурно, если поэт насильственно выискивает хитрые рифмы, без отношения к смыслу подбирает аллитерации и т. п., и что поэтам должно учиться «у древних римлян и Пушкина». Если это программа группы «Лирического круга», то тоже—весьма не новая.

После этих и подобных сборников (упомянутые далеко не исчерпывают всех новых книг того же жанра) отдыхаешь хотя бы и на самых несовершенных попытках свернуть в сторону с давно заржавевших рельс. Такой попыткой,—хотя именно «весьма несовершенной»,—представляются книги «островитян»,—повидимому, новой группы петербургских поэтов. Пока «островитян» объявилось только трое: двое из них, Н. Тихонов и С. Колбасьев, напечатали по тоненькому сборничку стихов, а все втроем, с участием К. Вагинова, издали маленький альманах из 17 стихотворений. Определенной программы в стихах островитян пока нет; единственное, что их роднит между собой, это—попытки выбиться из шаблона эпигонов символизма. К. Вагинов подходит к этой задаче немного через футуризм, беря у футуристов преимущественно приемы образа. Отдельные строки в стихах Вагинова интересны, но образы между собой не согласованы и стих, несмотря на нарочитые аллитерации, тускл и незвучен. С. Колбасьев стремится к простоте

речи, хочет действовать на читателя сжатым реализмом своих картин; но очень часто это приводит автора к самой несомненной прозе. Наиболее лиричен из трех островитян—Н. Тихонов, но зато он и более других опять сбивается к шаблонам. Таким образом, общий итог достижений новой группы пока невелик, но... *ut desint vires* и т. д.

К жанру «скучных» произведений несправедливо было бы отнести новую книгу стихов Марины Цветаевой. Ее стихи скорее—интересны, но они как бы запоздали родиться на свет лет на 10 (впрочем, большая часть их помечена 1917 и 1918 г.г.). Десятилетие назад они естественно входили бы в основное русло, каким текла тогда наша поэзия. С тех пор многое из делаемого теперь М. Цветаевой уже сделано другими, главное же, время выдвинуло новые задачи, новые запросы, ей, повидимому, совсем чуждые. А той художественной ценности, так сказать «абсолютной», которая стоит выше условий не только данного десятилетия, но и столетия, иногда даже тысячелетия, — стихи М. Цветаевой все же не достигают. Лучшее в ее книжке это—песни, немного в манере народных заклятий или ворожбы. Женственный оттенок, приданный автором таким его стихотворениям, делает их оригинальными и рядом с подобными же стихами других символистов. Таковы, напр., строфы:

В лоб целовать—заботу стереть.
В лоб целую.
В глаза целовать—бессонницу снять.
В глаза целую... и т. д.

Совсем интересная книга—новый сборник стихов Н. Асеева. Читателям, не знакомым с его предыдущим сборником («Бомба», издан в 1921 г., во Владивостоке), она являет автора «Оксаны» в новом свете, показывая, что за последние годы он прошел не малый путь самосовершенствования, вырос, окреп. Но говорить о стихах Н. Асеева удобнее в связи с общим развитием русского футуризма и прежде всего с изданной, наконец, книгой Б. Пастернака «Сестра моя жизнь»,—написанной еще в 1917 г. и, в списках, оказавшей глубокое влияние на всю нашу молодую поэзию.

Валерий Брюсов.

ВАЛЕРИЙ БРЮСОВ. В такие дни. Стр. 98. М. 1921.

Когда мы теперь оглядываемся на наше близкое прошлое, годы, помечающие стихи этой книги, кажутся насыщенными таким несчетным количеством событий и ощущений, что перед ними невольно преклоняешься. Фрейд сказал бы, что преклонение происходит собственно пер д самим носителем преклонения, т.-е. перед самим собой. Может быть, он прав в своей области,—области бессознательного. Мы сознаем себя часто бессильными дать этому дорогому прошлому страданию (его было много, но *пропорционально* много для людей, я не говорю о собаках) стойкую и достойную его модель. Поэтому всякая проба на этом пути, особенно, если она связана с личностью исторического деятеля (а таким, даже и для врагов, является автор «Огненного Ангела»),в наши дни особенно важна и радостна, именно в свете «таких дней». Многие сделают В. Брюсову упрек в том, что его книга, написанная в исключительно трагическое время, сохранила все элементы постройки его предшествующих сборников, но в этом и заключается ее особенный интерес: фикция мгновенных перерождений человека давно уже разоблачена, и сознательное ее афиширование неизбежно создает для современника неприятное ощущение неискренно нарочитой стилизации. Нам интересен настоящий Брюсов в период настоящей революции, и сборник отвечает нашему интересу, не только в тех его отделах, где автор прямо говорит о политике (это для него новости не составляет: он и в самых ранних своих книгах писал стихи этого рода), но и там, где он говорит о «вечной правде кумиров», о мелькающих «ночах и днях», которые до сих пор не могут ему примелькаться. Говорить подробно про отдельные пьесы книги в пределах заметки невозможно: отмечу только интересный поворот в сторону «молодых приемов» Брюсова, оставленных им, было, со времени «Третьей стражи»:

Земля? Зелененький мяч
Луна? Нет совсем.
Человеческий плач
В пространствах нем.

Сравнение с прежними опытами этого рода показывает их значительное совершенствование автором за время разлуки с ними, а сходство их с манерой многих «молодых преемников» обнаруживает известный многим (к сожалению, не всем) факт, что современная лирика все еще продолжает разрабатывать задачи, поставленные ей лучшим мастером периода символизма.

И. Д. Аксенов.

DADA ALMANACH. Im Auftrage des Zentralamts der deutschen Dada-Bewegung herausgegeben von Richard Huelsenbeck. Berlin 1921. S. 160.

«Дадаизм» был впервые основан, как «направление» в искусстве и жизни, в 1917 году в Цюрихе группою праздных немцев, поставивших себе целью во что бы то ни стало и какими угодно средствами освободиться от всех «раздражающих нервы» «неприятностей» и «впечатлений» последней войны. Вот несколько имен: Тристан Цара, Франц Юнг, Рихард Гельсенбек, Вальтер Меринг. К ним примкнуло еще несколько французов и итальянцев. В 1919 году «Дадаисты» основали клуб «Дада» в Берлине и не замедлили вскоре появиться и на улицах Парижа. А вслед за этим—поток «заумной литературы манифестов, стихов, трактатов, нелепых плакатов и двух специальных журналов, посвященных движению—Дада». Нарочитая путаница в манифестах вождей нового движения, противоречащих друг другу и нередко явно отрицающих друг друга, также служила целям рекламы.

Дадаизм ничего общего не имеет с кубизмом, футуризмом, экспрессионизмом. Это, строго говоря, даже не литературное движение, а скорее—эмоциональное умонастроение, своеобразное, впрочем, не само по себе, как выражение определенного мировоззрения, а со стороны лишь того психологического тона, который оно придает любому мировоззрению—философскому, этическому, религиозному.

«Дада» — это крик новорожденного. «Дадаизм»—искусство грудного ребенка. Дадаисты требуют ребяческого отношения к миру, того внеинтеллектуального до-логического переживания, которое является неустранимым достоянием примитивного человека. Дадаизм отбрасывает всякую теорию, всякую идеологию. Это есть отрицание морали, когда она преподносится в виде наперед выработанной теории, начинающейся словами: «ты должен». Это есть отрицание всего «общепринятого», всякого «здравого смысла», когда он образует «мещанские» навыки «среднего» человека; в частности, это—протест против «общества», против его «культа героев» во всех формациях. Напротив—в жизни, в искусстве, в литературе, во всех областях так называемой «духовной культуры» утверждается—сомнение и ирония, безраздумье и здоровая наивность ребенка, лепечущего бессмысленные слова. Поэтому дадаизм—не есть «теория», не есть «направление», но голое умонастроение, которое способно носить любую «маску» и выражаться в самых различных областях жизни и искусства. Само по себе оно ничего не означает. «Dada bedeutet nichts».

Произведение искусства, строго говоря, не должно преследовать какой-либо определенно-намеченной цели. Произведение искусства мертво; в нем нет—ни веселого, ни печального, как ни светлого и ни темного, так и ничего «красивого» или «некрасивого». Критика невозможна и бесполезна. Нет ничего общеобязательного, но все относительно. Мир есть мир и ничего более, и для того, чтобы его понять, нет никакой нужды в логике, — напротив, всякая «здравая» и современная рафинированная логика в особенности должна быть разрушена в самом основании. Я устраняю память, соображение, вообще идею будущего, как и прошлого, — говорит дадаист и считает себя свободнейшим человеком в мире, у которого нет не только такого же, как и у всех, плоского, но и всякого «вероисповедания», всякого вообще *серьезного* отношения к миру. Вот почему и провозглашают дадаисты—«искусство есть частное дело художника». Такова «теоретическая» суть дадаизма, если вообще можно говорить здесь о какой-нибудь теории. Каково же искусство «дада»? Это—путаница обо-

ротов речи или плоских, но «темпераментных» изречений, т.-е. все, что давно изжито нашим абстрактным заумным футуризмом лет десять тому назад. Но в дадаизме есть и кое - что специфически современное, характерное для Запада. Воображение и мысль выветрившейся души—распадаются. Лепету сумасшедшего уступает место конкретное мировоззрение. Так называемой «идеологии» противопоставляется спасительный—освобождающий—нигилизм. Нигилизм дадаистов—темперамент параноика. Конечно, я не хочу сказать, что дада—сумасшествие или кретинизм. Сам редактор «Альманаха-Дада» Рих. Гельсенбенк предусмотрительно, если не слишком откровенно, замечает следующее: «Я хочу показать в этой книге, что Дада ничего общего не имеет с сумасшествием». Но не говорит ли это о том, что болезнь, которою больна идейная и культурная мысль Запада,— не болезнь роста, не болезнь упадка и гибели?

Григорий Баммель.

ЛЕВ ГУМИЛЕВСКИЙ. Может быть. Рассказы. Саратов.

Гоголевский Ноздрев, как известно, обладал, в числе прочих, одной особенностью: во время котильона он садился на пол и хватал за полы танцующих. Дамы считали его поведение «скандалезным».

Теперь представьте себе этого скандалезного Ноздрева в наше время. Он уже достаточно «просвещен» и вполне постигнул несложную философию героев Арцыбашева и Сологуба.

Он выступает с книжкой рассказов, где есть повествование «о любви к революции». Здесь он вам от своего авторского имени развязно заявляет: «женщины всегда продаются: умные за деньги, глупые за слова, только и те и другие утомительно долго торгуются».

Начиная с первых строк первого рассказа «Млечный путь», вы чувствуете этот стиль газетного бульварного репортера,—стиль, от которого веет скукой и непроходимой пошлостью.

И при этом, что может быть смешнее философствующего Ноздрева? «Ныне все стало динамичным, все статистически устойчивое разрушается, сметается скоростью механического движения». А дальше видно, как автору понравилось слово «динамичность». На протяжении маленьких 16 страничек слова «динамический стиль», «динамика жизни» повторяются ровно 12 раз.

Впрочем, перлы ноздревского глубокомыслия рассеяны наиболее щедро в упомянутом уже рассказе «о любви и революции». Не угодно ли такой афоризм: «почему не любовью мерить время, не сменой женщин, которые дороги в эти дни? Что значит земное вращение, разделенное на 24, на 60 и еще раз на 60».

Автор рассказывает о какой-то замужней «Наташе», которая просит погладить коленки. Проделывая это, он глубокомысленно замечает: «от колена до края платья такое большое мучительное расстояние».

И при этом автор утешает себя: «революция пройдет—Наташа останется, а с нею те, кого унесет она на белых крыльях (?!) из Красного Огня неопаленными».

Дальше несколько перипетий из самых примитивных, чисто «клубничных» переживаний и опять глубокомысленный «ноздревский» афоризм: «многие женщины умеют одеться—и ни одна не умеет раздеться».

Даже к жуткой теме о голодном приволжском городе автор не мог подойти без «клубнички».

Сборник заканчивается рассказом «Белая вечность». В вагоне герой расстегивает податливой незнакомке платье.

А дальше идет словесная трескотня.

«В черном окне дождь огненных искр. В кусках ночи—бесконечность Вселенной. В синих светах звезд—опьянение бешеной скачкой вперед. В красном мерцании Марса — предупреждающий крик и, прикоснувшись губами к светочам глаз, в которых прозрение, и прикоснувшись губами к губам, в которых теплота Вечности,— не странно спросить: «Ты любишь». Не странно услышать: «Люблю».

Нет, гоголевский Ноздрев даже был проще своего достойного внука и не употреблял в таких случаях слов с боль-

ших букв: Вселенная, Марс, Вечность и т. д.

Вся эта пошлейшая болтовня находится на складе саратовской производственной артели «Культура», о чем и извещается на обложке бездарной книжонки.

И. Кубиков.

АНДРЕЙ СОБОЛЬ. «Бред». Повести. Изд. «Северные дни». Москва 1922. 184 стр

Современные школы прозы, и петербургская — сюжетистов, исходящая от Лескова через Ремизова и Замятина («Серапионовы братья»), и московская— широкого эпоса, идущая от Горького (Пантелеймон Романов, Алексей Демидов и др.), уже совершили работу осознания техники прозы,—подобную той, которую в поэзии раньше сделали символисты.

Поэтому от современного прозаика уже можно требовать грамотности в композиции, сюжетике, языке, чего нельзя было делать по отношению, скажем, к старой и доселе еще процветающей в блаженном неведении своего «ремесла» группе «Знания».

Андрей Соболь никак не усвоил новой работы в прозе. Он всецело находится в русле старого словесного творчества, бессознательно-нутряного и, собственно говоря, технически безграмотного. Движение сюжета в обеих его повестях («Бред» и «Салон - вагон») на первый взгляд производит впечатление чрезвычайной сложности. Но сложность эта—ложная. У него она происходит не от богатства и разнообразия положений, а от манеры рассказывать с ужимками, со страшными глазами, с запутываньем читателя. Внешне эта манера идет от Достоевского и Андреева, воспринятых в самой вульгарной их форме. И эстетически она не оправдана у А. Соболя. Сложность Достоевского и Андреева диктуется диалектизмом этих авторов, их стремлением показать момент и человека в движении родящих их противоположностей. Андрей же Соболь насквозь статичен. Борения сил в его героях—грошевые, никакой социальной значимости не имеющие. Что из того, что безрукий офицер старой армии и тенор влюблены в изменяющую им направо и налево девицу Наталью? Даже когда быт подводит нашего автора к социальным контрастам, он глух и нем к ним. После того, видите ли, как сибирский купчина вытащил девицу Наталью из театральной ванны на сцене и транспланировал ее в реальную ванну в бане, романтический офицер возбудил сектантов сжечь торговые ряды, в кафе-шантане которых процветала девица Наталья. Они, видите ли, погубили это сокровище и столь драгоценное нам личное счастье печоринского последыша. Казалось бы, даже при этой ублюдочной мотивировке сцен крестьянского бунта можно было бы показать бунтарей, т.-е. другую сторону общественных сил. Но А. Соболь всецело остается в болоте жалкого индивидуализма. Бунтарство ценно ему лишь, как одна из фантазий его героя. Это, слепое до комизма, отношение к борющимся силам наших дней махрово выявляется в последней фразе повести «Бред». Тенор, видите ли, после описанных событий приезжает в Петербург и попадает прямо на февральскую революцию. В нескольких беглых фразах дав ее описание, А. Соболь влагает в уста своего героя следующую плевательную фразу: «Бред продолжался».

Мировоззрение выясняется до конца, так же как и причины провала кропотливой работы.

«Салон - вагон» заплетен не хитрее. Он построен на лирике ушедшего мира. Внучка губернатора, когда-то путешествовавшая в прекрасном салон-вагоне, попадает в него в конце своей карьеры,— такой же, как у девицы Натальи в «Бреду». Ее несчастный кавалер на этот раз комиссар Временного Правительства, совершенно неправдоподобный по «сложности» переживаний и гибнущий за генерала, которого он хотел спасти от солдат в своем «салон - вагоне». Повесть меланхолически кончается тем, что зеркало, расколотое, уродливо отражает фигуру советского комиссара.

Все писания этой книги—такое же уродливое отражение современности в расколотом зеркале старого сознания.

Язык точно отражает идейную неразбериху повестей: он громоздкий, тяжеловесный, нудный, с повторениями, «кто-тами» («кто-то смеялся», «кто-то бормо-

тал»), неразрешенными периодами и неотобранными эпитетами.

Большую школу надо пройти автору, чтобы догнать молодую нашу литературу. Да и нужно ли это при таком жалком идеологическом багаже?

Сергей Городецкий.

«ПЕРЕСВЕТ». II. Изд. Н. В. Васильева. Москва 1922 г. 108 стр.

Рассказ Пильняка «Метель» производит сумбурное впечатление. Построение по принципу динамической прозы А. Белого не удалось, и смешение планов, повествовательного и комедийно-драматического, привело к какой-то неприятной путанице. Выдержан в стиле «вымышленных жизней» небольшой рассказ П. Муратова, писателя с твердо установившимся вкусами и приемами, упорно влекущими его к западно-европейскому миру, его истории, которую он любит и понимает. Драматические сцены Бориса Зайцева «Дон-Жуан» кажутся эскизными.

Это собственно 5-й акт драмы или трагедии идеализованного Дон-Жуана. Хотелось бы более полного развития некоторых любопытно задуманных деталей и характеров.

Повидимому, во многом с натуры написан рассказ А. Яковлева. Его недавняя злободневность придает ему особый отпечаток: мы как будто выслушиваем жуткий до кошмара отчет о самых тяжелых сценах гражданской войны.

Непонятно, о чем хотел рассказать Замятин,—какое-то событие в монастыре, переданное утрированно-народным языком в такой же утрированно-бытовой обстановке. Что-то вроде отрывка из большого рассказа или повести.

Среди стихов выделяются стихотворения Б. Пастернака. К. Л.

ИЛЬЯ ЛУКАШИН. Исповедь пролетария. Изд. Орловского Уездного Отдела Народного Образования при Уисполкоме. Орел 1920 г.

То же. 2 значительно исправленное и дополненное издание Орловского Уездного Отд. Нар. Обр. Орел 1920 г.

В первом издании «Исповеди» Лукашина имеются несколько дополнительных рассказов, но они настолько трафаретны, что о них можно ничего не говорить.

Что касается «Исповеди», то она очень любопытна и в известном смысле интересна.

Но с самого начала рассеем возможное недоразумение: литературной ценности «Исповедь» Лукашина никакой не имеет. Написанная местами просто коряво, она говорит иногда слишком ясно о стилистической беспомощности автора.

Дополнения автора во втором издании книги иногда курьезны по существу. Говоря, напр., о том, как он был певчим и не получал жалованья за свой труд, автор во втором издании «дополняет»: ректор «назвал меня неблагодарной скотиной за те четыре года, которые я все время услаждал его буржуазный слух своим исключительным дискантом» (стр. 17).

И. Лукашин ошибочно назвал свою книгу «Исповедь пролетария». Это неверно. Ее надо назвать «Исповедью люмпенпролетария» — исповедь босяка. Эти черты босяцкой психологии,—увы! еще не изжитой автором, — ярко выявлены на страницах «Исповеди». По этой книге можно выявить разницу между этикой пролетария с законченной классовой психологией и этикой босяцкого пролетариата.

Сын мелкого хозяйчика-пекаря, самодура и деспота, автор рос безвольным существом. Сначала он состоит подручным пекарем у отца, затем отправляется в Москву. Там поступает в пекарню и ведет тот образ жизни, который так характерен для этих париев среди пролетариата: пьянство, посещение публичного дома на Грачевке и, наконец, паразитное существование, когда исчезает всякая потребность в труде.

Автор «Исповеди» отмечает, что «более талантливые бросали работу и уходили искать себе сносной жизни на другом поприще, чаще всего они становились уличными песенниками и гармонистами. Но вообще по условиям жизни были горькие пьяницы, а некоторые окончили жизнь на пресловутом Хитровом рынке. Сам автор катился вниз, «пока не очутился на самом дне», т.-е. на той же Хитровке. Правда, там он пробыл всего три дня, но дело, конечно, не в этом, а в том,

что промежуточное состояние многих этих несчастных пекарей между мастерской и дном никогда не исчезало. И это накладывало яркий отпечаток на психологию возможных героев дна.

В самом воспитании автора «Исповеди» были уже некоторые предпосылки для тех деяний, о некоторых он повествует читателю. Женился он в ранней юности (лет 19—20). Когда однажды жена, пойдя к родственникам на свадьбу, задержалась до утра, отец приказал ему собственноручно выпороть ее.

«Стыдно и горько об этом вспоминать, но что же делать: я решил писать одну голую правду... Совет отца был выполнен: я до боли высек дорогую жену».

Когда мы видим рабочего с законченной классовой психологией, мы знаем, что такому пролетарию не чуждо чувство альтруизма в пределах своего класса. Великая ненависть к угнетателям предполагает одновременно чуткость ко всем страдающим по вине классовых противоречий жизни. И эту чуткость, эту любовь свою он несет к своим страдающим братьям-рабочим, в свою семью, к детям, к слабой женщине. Если же всего этого нет, то мы говорим о наличии мелкобуржуазной и всякой иной психологии в быте, независимо от того, какой партийный паспорт носит в кармане данный пролетарий.

Переходя к «Исповеди» Лукашина, приходится изумляться, как автор еще и до сих пор не может понять, что те мерзости жизни, о которых он рассказывает, только тогда сохраняют чувство уважения к автору, когда он своей «Исповедью» свидетельствует о своем духовном росте. Если же, описывая свинский образ существования своего, он нимало не смущаясь, валит все на буржуазный строй жизни—тогда перед нами нравственный кретинизм, вызывающий чувство раздражения.

Перейдем к некоторым фактам. В период довольно пьяной, на добрую половину босяцкой жизни автор знакомится с женщиной, которую называет «кроткой голубоглазой», «нежной, чуткой и с безгранично доброй душой».

Как же он жил с этой женщиной? «Я ничего не знал. Она ходила на работу и каждый вечер приносила мне водки». Идиллия, конечно, далеко не из приятных. Но главное не это. «У кроткой голубоглазой» женщины был ребенок, мальчик, от первого мужа. Ребенку она передала за что-то всю ненависть, всю нелюбовь. Мальчик часто капризничал, а мать в это время молчала и плакала».

И дальше начинается самое жуткое.

«—Если ты меня от него не избавишь, то я лишу себя жизни,—говорила она мне».

Дальше мы видим, как «нежная» женщина одела мальчика в теплое пальтецо и с крокодиловыми слезами предложила автору куда-нибудь его завести.

И затем он повествует: «ребенка я отвез в знакомую Москву, где и оставил на вокзале, среди шумной холодной толпы».

А дальше И. Лукашин как ни в чем не бывало громит подлых буржуев: «оглядываясь назад, я не могу не проклинать условия жизни... и тех хозяев, которые не позволяли изменяться этим условиям для блага человечества» и т. д.

Но тут хочется перебить автора и сказать: вот что, друг мой! ни одна сколько-нибудь морально устойчивая женщина при любом буржуазном строе не бросит своего ребенка, как щенка, для того, чтобы нежелающему работать возлюбленному приносить каждый день водку и создать себе более свободные условия для любовных утех; ни один мало мальски душевно чуткий рабочий не позволит себе выполнить это мерзкое дело, так спокойно взвалив потом все на скверные условия жизни, ибо правильно говорит пословица: Бог-то] бог, да не будь и сам плох.

И не то еще самое жуткое, что перед нами женщина и мужчина—герои дна, лишенные моральной крепости рабочего-пролетария, а то, что Лукашин и до сих пор не может понять этого. «И в твоем, как и в моем, падении я виню *только* этих подлых «хозяев» жизни».

В 1906 г. автор поместил в газ. «Рабочий день» рассказ «Катя красотка», но это не значит, что он был уже иным—осталась та же психология босяка. Шура продолжала ему пьяному мыть ноги. Он это принимал, как должное.—«В это время,—рассказывает автор,—у нас появился ребенок-девочка, названная в честь

моего подпольного рассказа Катей; своего ребенка я сам отнес на холодный каменный порог богатого здания»...

Не правда ли, как просто и мило?

А после родовых болезней эта «нежная чуткая» Шура занялась тем, что стала обманывать таких же, как она, бедных женщин, давая им какое-то «чудесное» наговорное средство, помогающее возвращать покинувших любовников.

Дальше перед нами картина окончательного разложения: Шура делается проституткой, а он «котом». Затем все, как и полагается в быте люмпенпролетариата: взаимное пьянство, битье женщины до полного озверения и временами мечтания о другой жизни.

Правда, эти грезы чисто мещанские: героиня мечтает о том, как она откроет прачечную мастерскую, а герой «поступит... в редакцию».

Подводя общий итог «Исповеди», необходимо сказать следующее.

На первый взгляд книга свидетельствует об исключительном мужестве автора, который мог рассказать о себе такую жуткую правду. И если бы И. Лукашин был проникнут хотя бы в слабой степени сознанием личной ответственности за многие грехи своего прошлого,—тогда перед нами была бы картина полного человеческого просветления. Но этого-то как раз и нет. Он всю ответственность возлагает на условия жизни и прямо заявляет, что он винит только подлых хозяев жизни.

Вот почему все эти филиппики против буржуазного строя жизни не производят никакого впечатления. «Они, эти двуногие звери, бросили тебя в омут... Пусть они будут прокляты»... и т. д.

Нет, И. Лукашин, не только условия жизни, но вы—вы помогли этой женщине бросить ее мальчика на московском вокзале, вы подкинули своего ребенка, как щенка, на порог богатого дома. И не потому, что вы исчерпали все средства к сопротивлению условиям жизни, а потому, что степень моральной устойчивости люмпенпролетария отличается от устойчивости пролетария, тесно спаянного со своим классом.

Дело, следовательно, не в том, чтобы требовать от человека белоснежности в прошлом. Это невозможно, ибо, пожалуй, прав Шекспир, говорящий устами своего Гамлета: «если каждому воздавать по заслугам, то кто же избавится от пощечины».

Дело в душевной эластичности, в способности движения вперед. И вот беда,—как говорит Белинский в одном из своих писем,—«когда эта божественная способность утрачена».

Этой «божественной способности» у автора почти нет. Только в одном месте, когда он выпорол жену свою, мы читаем: стыдно и горько об этом вспоминать.

И даже наоборот. Некоторые страницы проникнуты забавным самодовольством. В первом издании книги он говорит о себе: «моя широкая натура требовала деятельности» и т. д. Во втором издании он эти слова выбрасывает, но зато, рассказывая о своих скандалах в пьяном виде на улицах, И. Лукашин прибавляет: «я был известным человеком в мире городовых: им исключительные натуры нравились».

Смеем уверить автора, что ничего исключительного в его художествах не было.

Последние страницы «Исповеди», где Лукашин рассказывает в своей жизни во время революции—мало интересны.

Они заставили только вспомнить об одном персонаже у Гл. Успенского—купце Тараканове. Только герой Гл. Успенского гораздо скромнее. Рассказав о своей свинской жизни в дореформенный период, он не говорит о широте своей натуры, а скромно заявляет:

—Ну, вот в этаком-то виде и всунулись мы рылом в леформы.

Повторяем, что в известном смысле книга И. Лукашина,—как исповедь люмпенпролетария,—очень любопытна. Она может служить ценным материалом для бесед об этике рабочего класса. А этот вопрос так живо интересует сейчас рабочую молодежь нашего времени.

И. Кубиков.

ШТРОМ (ПОТОК). Ежемесячные тетради I. Февраль. 1922 г. Изд. „Штром". Москва Стр. 80. (На еврейском языке).

В Москве вышел первый номер еврейского литературно-художественного журнала «Штром» (Поток).

Вокруг трех имен сосредоточивается содержание книги: Штейман, Гофштейн, Кушниров.

Рано погибший Бейнуш Штейман представлен оставшеюся после него в рукописи драмой в 3-х актах «Дос ройте кинд» (Красное дитя) из цикла «Геулэ» (Освобождение). Это, собственно, последняя часть трилогии, начало которой составляют напечатанные ранее «Бам тойер» (У ворот) и «Мессия». Погибший Штейман с двадцать одним годом своей жизни внес в еврейскую драматическую литературу новую категорию, то, что, по словам еврейского критика Ойслендера, навсегда останется в ней под именем «dos steimanische» (штейлановское). Так созвучно нашей эпохе все построение его драм, совершенно лишенных монолога, и главным действующим лицом которых является «народ». При чем «народ» этот лишен всяких местных конкретно-национальных признаков, он вырастает в стихийно-космическую силу «массы», «человечества»; эта «масса» стихийно идет к «освобождению», являющемуся как бы ее «фатумом» (см. интересную статью Ойслендера в сборнике «Самбатион»).

«Песнь о моем равнодушии» Гофштейна мы не можем поставить в счет творчества этого, может быть, лучшего мастера еврейского стиха. Гофштейн нам когда-то рассказал, как он бродит «zwischn weg un onweg», «между дорогой и бездорожьем», и «Песнь о равнодушии», кажется нам, не создание мастера, который владеет своим материалом, а «раздумье» его, плод тяжелой «резиньяции», заведшей поэта в поэтическое «бездорожье»... Строками многоточий поэма эта разбивается на осколки, сами по себе прекрасные осколки, «стекла ясные» (шлифовкой которых занимался поминаемый поэтом Барух Спиноза); но на этот раз Гофштейну не удается собрать эти осколки в одну богатую кучу, расцветить и одухотворить их концепцией мастера, и богатые осколки распадаются, исчезая между пальцев нанизывающего их читателя. Предметом этой поэмы является старинная национальная боль (ближайшие причины—в кровавых украинских резнях разбушевавшейся петлюровщины), но Гофштейн, знавший раньше в области «Nationalia» такие удачи, как «Tristia» (сборник «Eigns», II), приходит сейчас с сумбурной и дешевой публицистикой. Именно в том самая слабая сторона поэмы, что еврейская национальная боль поставлена в рамки мировой проблемы, и поставлена самым наивным образом, почти в духе старой еврейской Касриловки. Модернизованный «светлый конец», который поэт уготовил своему народу («готовьтесь вы все к сверканию ножа, к светлому концу»), стоит в явном противоречии со всем предыдущим творчеством поэта, которое больше говорило о «светлом н а ч а л е» и воистину было «молодым светлым сиянием над седой головой» вскормившего поэта трудового народа!

Совсем по другим путям пошел и к другим дорогам пришел ученик Гофштейна—Кушниров. О той же национальной боли говорит его поэма «Азкоре» (Поминовение). Но у него нет никаких публицистически-философских претензий! Кушниров пришел только в вооружении поэта, с точным поэтически-стратегическим расчетом. Он знает, что национальная боль не есть мировая проблема, и что это только боль семьи, боль рода, клана. И сквозь века он услышал голос старинной матери Рахили, плачущей в Раме о своих детях. Кушниров совсем недавно дал нам свои песни о революции, и эта новая его поэма, говорящая об атавистической любви и печали клана, также насыщена сгущенным чувством современности, по-своему преломляющим накопившуюся веками образность и знающим об «утренней заре, зрелой, как яблоко»...

Кроме названных вещей, в «литературной» части первой «тетради» помещены «Листки» Марка Шагала—несколько выразительных слов к его более выразительной живописи, и ряд стихотворений, среди которых с особой настойчивостью остаются в памяти строки Фининберга о том, как «в червивой грязи, на проказе камня будень деда длится всё и длится», и над этим «буднем деда» высоко проходит Млечный Путь...

Почти половину книги занимают критические статьи. Здесь надо, прежде всего, отметить содержательную статью Ойслендера, посвященную Нистеру, одному из самых ярких зачинателей т. наз. «киев-

ской эпохи» в еврейской литературе (ядро журнала «Штром» составляют писатели, вскормленные этой последней героической «эпохой»). Не совсем отчетливая в некоторых своих положениях, статья Ш. Гордона: «Слово и быт» развивает очень интересную мысль о роли библейского слова в еврейской литературе и его взаимоотношении с бытом, который все больше и больше уходит от его влияния и, наконец, совсем с ним порывает. В статье: «Наша литература» Добрушин говорит о намечающемся новом пути еврейской литературы—пути конструктивном. Эпиграфом к статье взяты слова Гете: «Литература, которая была до сих пор национальной, должна стать интернациональной».

Этим знаком приобщения к интернациональному отмечена вся книжка. И это, несмотря на то, что так много страниц ее посвящено «Nationalia». Этот как-будто идеологический «разброд», эти «nationalia»—честные странствования, трудные, тяжелые поиски... Крылья революции веют над этой книгой; не эпигоны большой литературной эпохи перед нами, а целая литературная плеяда, попрежнему делающая в еврейской литературе большое дело революции.

Д. Гурштейн.

Der Sturm. Halbmonatschrift für Kultur und die Künste. Herausgegeben von Herwath Walden. Berlin 1914-1921 г. г. (№№ 1-24 за каждый год).

«Sturm»—боевой орган германского экспрессионизма. Он начал выходить еще в 1910 году, но о нем заговорили только в годы войны 1914-1917 г.г. К этому же времени относится оформление экспрессионистской догмы и проникновение экспрессионистских тенденций в другие страны.

Журнал «Sturm» объединяет художников, поэтов и композиторов. Вот несколько имен: критиков—Герват Вальден, Адольф Бене, А. Эренштейн, Освальд Герцог; поэтов—Курт Гейнеке, Адольф Кноблаух, Август Штрамм (†) и др.;художников—Геемскерк, Мензе, Кампендонк, Пехштейн, Франц Марк, Марк Шагал, П. Клее,—наконец, Кандинский. С этими именами экспрессионисты любят связывать Оскара Кокошка.

То, что объединяет эти имена в одно направление, есть исключительное внимание к выразительному моменту в искусстве. Искусство не терпит ни научности, ни литературы, ни ремесленничества: оно есть чистое «выражение» переживания в телесной форме. И далее: для художника нет никакой естественной закономерности в явлениях природы. Рассудочная логика должна быть заменена другою логикой линии и плоскостей. Подлинное искусство основывается не на естественных восприятиях, но на прозрениях, не на познании, но на откровении. Необходимо преодолеть в себе свои личные, ограниченные в своей каждодневности «ощущения», и устремиться к сверх-личному прозрению, интуитивному видению иррациональной стихии мира. В этих мистических обнажениях телесных форм открывается их «духовная» сущность, как «духовная» сущность художника. Откровение в линиях, плоскостях, фигурах, точках—так преподносится основное художественное задание. Другими словами, художнический опыт—опыт первого творения мира. Отсюда эмоциональное напряжение, как условие художественного оформления переживания. Каждая вещь создается согласно своему эмоциональному выражению. Своеобразной психической логикой пронизывается ткань телесных форм. Логика искусства есть логика ритма. Ритм есть движение. Движение-ритм есть форма, в которой «выражается» «духовное» содержание вещей. Если предметом подобного «выражения» (—«оформления»—«овеществления») является вещь в ее каждодневности, то мы имеем конкретный экспрессионизм:—это «вникание переживанием» (Nacherleben) в уже отстоявшее содержание вещей. Но можно пойти дальше и, следуя самому переживанию формы, как таковой, прозрению и одухотворению ее, можно отвергнуть вещь в ее каждодневности и сосредоточиться на беспредметной форме линии, движений и плоскостей, динамически связанных в перспективной расщепленности, в перспективном множестве. Отсюда идут нити, связывающие экспрессионизм с кубизмом и футуризмом. Это—

три знака одного и того же художественного Зодиака. И просматривая журнал «Штурм» убеждаешься в том, что экспрессионизм со всеми мотивами, со всеми своими тенденциями есть прямое последствие предыдущего развития западного искусства. Отрицанием перспективно-пространственного единства, как застывшего и созерцаемого с определенного пункта пространства, а также отрицанием естественной закономерности в соотношениях величин и фигур вещей, когда величина вещи определяется лишь ценностью ее психического «выражения»,—не более,— этими двумя отрицаниями экспрессионизм, очевидно, обязан Матиссу. Деформация материи и пластическое оформление из разрушенных деформированных частей приближает экспрессионистов к Пикассо; а абсолютность тональной интенсивности цвета, абсолютная голая раскрашенность примитива уже прямо указывает на Сезанна (см. журнал «Kunst и Künstler», Jahrg. XVII, 1919. S. 485). Но если это так, то тем интереснее остановиться на экспрессионизме в связи с общим культурным развитием Запада.

Экспрессионизм—одно из самых ярких выражений *психологического* кризиса культурного сознания в той современной форме, которая отходит ныне в область истории. Сложный и интересный вопрос об условленности психологического кризиса причинами социальными и экономическими—не касается пределов моей заметки. Меня интересует лишь процесс умирания буржуазного сознания, поскольку он отразился в экспрессионизме.

Что такое экспрессионизм? Экспрессионизм есть, по своим заданиям, квинтэссенция всех психических усилий напряженно-творческого художнического опыта. Экспрессионисты провозглашают требование внутреннего «озарения» вещью, интуитивного «прозрения» и «освещения» изнутри, действенное «преображение» созерцающего «духовную» сущность мира,—что это такое, как не стремление охватить, углубить, осознать жизнь психики «во всех ее безднах, взлетах и провалах»! Это не случайно, что Кандинский, один из лучших представителей абстрактного экспрессионизма, любит сравнивать экспрессионистское переживание формы с беспредметными, но строго формальными «выражениями» в музыке. Музыкальность чистой психики— вот основной объект всех «творческих» чаяний экспрессионистов. Музыкальную стихию *психической жизни* экспрессионизм стремится охватить, утверждая себя, как впервые образующее мир начало, подобное сотворившему мир Богу. Не сквозь призму получаемых от мира «ощущений», но свободным *переживанием* формы создается вещь, как объект художественного опыта. Отсюда до оккультизма и всякого там эзотеризма, конечно, один шаг. Любопытно, что значительное большинство немецких литературных и художественных критиков так и оценивает экспрессионизм в смысле художественного оккультизма. Но «чистая психика», к которой рвутся экспрессионисты, умирает прежде, чем доходит до полного самоосознания. «Музыкальность» психики разрешается в линии, плоскости, фигуры, колесики, шарики, конусы, квадраты, треугольники и плоскости. И далее: «беспредметничество» оказывается призванным воплотить душевную стихию. «Душевная стихия» разрешается в беспредметничество,—в форму ради формы, в движение ради движения, в выражение ради выражения. Таково противоречие, которое искусством наших дней фиксируется как противоречие психологического сознания: требование эмоционально-психических прозрений и бессилие их творческого выражения. Форма в экспрессионизме фактически смешивается с переживанием формы. Но переживание формы не есть то же, что форма переживания. Содержанием формы и является, напротив, психика в ее музыкальности в немузыкальном смысле этого слова. Но, именно, содержание формы и неведомо экспрессионизму. Между тем, что нужно, и тем, что есть,—зияет пропасть. Сознание не распадается только оттого, что скрепляются расползающиеся швы «теорией», «идеологией» экспрессионизма. Экспрессионизму нужна «беспредметность», *потому* что он не способен обладать «предметом». Оторванное от реальной жизни, экспрессионистское сознание разрушается как разновидность психическо-

го факта, но *поэтому*-то оно и требует напряжения всех эмоциональных и волевых сил для художественного опыта. Так распадающаяся психология, порождаемая самим ходом исторических вещей, порождает распадающееся искусство.

Григорий Баммель.

Борис ПАСТЕРНАК. «Сестра моя жизнь» Издательство З. И. Гржебина. Москва 1922 г. Стр. 136 + 3.

Третья книга стихов Бориса Пастернака, частью уже знакомая Москве по скупым изустным выступлениям поэта, по спискам, да по редким появлениям их в недавно возникших журналах и сборниках, позволяет нам, наконец, существенным образом подытожить опыты предшествующего нашим дням двадцатилетнего периода разложения поэтических форм. Теоретическое завершение работы школ и поэтических групп, ведущих свою генеалогию преимущественно от символизма, предстало перед нами в ряде конечных и убийственных формулировок. Обесцененье слова, обнаженное мертвое и сухое мастерство, «прием», культивируемый до абсурда, однобокая техника, мелочи, вырастающие до размеров «категорических императивов»,—вот знакомые нам результаты этой рационалистической работы.

«Сестра моя жизнь» симптоматична для всей русской поэзии. Она знаменует собой поворот от непримиримости школ (их односторонности) в такой же мере, как и от эклектизма, столь милого сердцу «уставших»... Отправляясь от футуризма и через футуризм, поэт прошел свой Sturm und Drang период и прорвался к солнцу зрелости.

Художественная критика не разойдется в оценке редких по изобразительности и музыкальности стихов, построенных непринужденно и дерзко и в то же время в сложнейшей, сознательной культурной преемственности. Культурная традиция крепкой тканью соединяет лирические стихи книги в твердый культурный факт. И прежде всего бьет этот факт по односторонности, по антикультурным настроениям футуризма, от которого книга ведет свою внешнюю историю, так как автор ее сознательно уходит от тех его приемов, которые в предыдущих книгах если и не ставили его вплотную в ряды футуристов, то во всяком случае сближали с ними.

Уже первое и поверхностное сравнение третьей книги с предыдущим сборником стихов Бориса Пастернака («Поверх барьеров») тотчас же убеждает нас в том, что поэтом проделана гигантская работа отбора, очищения одних и совершенного устранения других приемов.—Эта работа привела его к просветленной, а в отдельных стихах отчетной книжки к пушкинской ясности и простоте формы. Мы можем привести не мало стихов этого пристального внимания, придающих пьесам многих отделов, а в особенности послесловью (кстати сказать—книга своеобразно и тонко скомпанована по главам, при чем композиция эта придает книге целостный образ романа), исключительную ценность художественных и философских итогов (см. напр. стих. «Уроки английского» стр. 51, «Определение души» стр. 58, «Распад» стр. 74, «Степь» стр. 79, «Послесловье» стр. 118—132 и др.).

Таких пьес не знают прежние книги поэта, при явной талантливости несущие в себе не мало тяжеловесных ритмически и в области образной выразительности стихов.

Спросить:

...Кому ничто не мелко,
Кто погружен в отделку
Кленового листа,
И с дней Экклезиаста
Не покидал поста,
За теской алебастра?..

Увидеть прелесть деталей, объединенных живой творческой волей, угадать высокую любовь к детали (а деталь—культура!) и, наконец, обрести право так ответить, так закончить цитируемое нами стихотворение:

Не знаю, решена ль
Загадка зги загробной,
Но жизнь—как тишина
Осенняя—подробна (стр. 124).

Это значит пробиться, наконец, сквозь заросли ошибок и болезней к стойкому

вниманию, до конца верному художнику, раз оно обретено им. Это значит, что лирическая стихия подняла поэта до убедительности тем более трогательной, что мы понимаем, как трудно за громадными, громовыми, всеобщими и массовыми явлениями современной жизни разглядеть все же, что: «...жизнь — как тишина осенняя— подробна».

Темп работы поэта над собой, большие промежутки, разделяющие появление его книг, непрерывный рост убеждают нас в том, что мы имеем дело с поэтом в полной мере ответственным. Детали: эпиграфы, «горестные заметы», рассыпанные в книге, свидетельствуют о громадной дисциплине и вдумчивости работы. Самым же важным свидетельством наличия *победоносной* войны поэта за предельную, доступную ему ясность своего произношения составляет сквозящая во многих стихах живая воплощенная и в лихорадочных своих проявлениях жизнь, в своем темпе ничуть не замедленная художником в изображении (наоборот, даже: основной чертой средств поэта является моментальность, мгновенность изображения,—смотри, напр., «Трюмо», «Свистки милиционеров», «Гроза, моментальная на век» и пр.). Действительность, отображенная только лирическими средствами! Современность живет в этой книге, как запах, как ритм, как неожиданный эпитет, как меткое определение, как построение. И это—полная жизнь, во всяком случае, наиболее полная для чистых, беспримесных форм лирики.

Размеры рецензии не позволяют нам говорить более подробно. Да в рецензии книги не исчерпаешь. Нам остается отметить высокие афористические достоинства философской лирики («Занятия философией»—отдел книги стр. 53—62) и философских афоризмов, рассыпанных по другим стихам, впрочем, без претензий и нарочитостей. А также юмор, имеющий в своей генеалогии европейских предков (насмешливость, живущая как раз на границе иронии, но никак не за нею...) сплошь по всей книге и все с той же мерой и сдержанностью. Цитируем стихотворение «Лето» (стр. 116):

...скорей
Забывчивый, чем робкий
Топтался дождик у дверей
И пахло винной пробкой.
Так пахла пыль. Так пах бурьян
И, если разобраться,
Так пахли прописи дворян
О равенстве и братстве...

Это и есть насмешливость не за границей... И в самом деле, прекраснодушный либерализм прошлого не стоит лучшей и более меткой и, с позволения сказать, более «горькой» оценки.

Яков Черняк.

Федор СОЛОГУБ. Заклинательница змей. Роман. Петербург. Изд. «Эпоха». 1922. Стр. 227.

Федор Сологуб оказался художником одного романа. Выше «Мелкого Беса» его прозаическое творчество не поднялось.

В краткой рецензии мы не станем искать причин, лишивших Сологуба-романиста его крепкой силы эпохи «Мелкого Беса». Заметим мимоходом— это покажется странностью иному читателю, что, по нашему мнению, Федор Сологуб — символист, сатанист, поэт смерти и навьих троп по природе своей является реалистом, бытовиком, с зорким взглядом, с тонким слухом, с тем чувственным ощущением земного, которое придает столько очарования его нисколько не очаровательным героям знаменитого романа.

«Мелкий Бес»—весь в быте, в русской реальности, в русском говоре, в томительной скуке провинциального бездорожья, с его тупостью, пошлятиной и бесплодной мечтательностью. Этот быт Сологуб знал превосходно, до мельчайших мелочей его ощущал, вдыхал в себя и ненавидел,—потому-то роман его, похожий на трагическую карикатуру, так ослеплял своей жуткой и сгущенной реальностью. Сологуб писал то, что видел. Он не творил в то время легенду об очаровательном и прекрасном, а живописал окружавшее таким, каким оно было, в виде бабищи дебелой и румяной, но развратной и ненавистной.

К несчастью, для русской литературы и к большой беде для самого Сологуба, написав свой замечательный роман, в котором он разделался с грубой «девкой Альдонсой», да заодно и со своими «милыми современничками», он повернулся спиной к этой реальной Альдонсе. Тогда-то и написалось у него: «беру кусок жизни, грубой и бедной и творю из него сладостную легенду, ибо я поэт. Косней во мгле, тусклая, бытовая, или бушуй яростным пожаром, над тобой, жизнь, я поэт,—воздвигну творимую мною легенду об очаровательном и прекрасном». И отвратив лицо свое от «людских путей»—он попал на «навьи тропы», мертвые тропы. Грубая девка Альдонса оказалась бабищей не только развратной, но и мстительной. Измены, оказывается, не проходят даром даже поэтам.

В результате этой измены мы имеем длинный творческий путь Сологуба (в данном случае мы говорим исключительно о его прозаических произведениях), который графически можно было бы изобразить в виде падающей кривой. Там, вдалеке, высокая снеговая вершина—«Мелкий Бес», вещь силы исключительной, здесь, в долине, среди бледных вымыслов и бескровных видений—«Заклинательница змей» последнее по времени крупное произведение Сологуба, и едва ли не самое слабое. Это ущерб огромного дарования, закат великолепного изобразительного таланта.

«Заклинательница змей» — роман из той же серии легенд об очаровательном и прекрасном. В основу и этой «легенды» положен «кусок жизни грубой и бедной»—«фабрика где-то на Волге, и фабрикант, эксплоатирующий работниц, и мечтательные женщины, и последыши Ардальона Борисовича Передонова, и фабричные рабочие, и разговоры о Карле Марксе и Вернере Зомбарте, о социал-демократии, о забастовках, и мечта о граде Китеже. Фабричные работницы, конечно, босые и, разумеется, их «голые до локтя красивые руки казались сильными, как руки олимпийских богинь или русских фабричных работниц не из голодающих». Героиня романа, фабричная Вера Карпунина «заклинательница змей» — держалась очень прямо, как царица сказочной страны, или как прирожденная русская крестьянка, одна из тех полевых Альдонс, в которых была влюблена суровая муза Некрасова». Характеристика книжная, от нее пахнет «литературой», холодной и неубедительной и что могут сказать читателю такие изысканные определения: «строгая, как раскольничья начетчица, или как весталка на форуме». Да. Одной книжной мудростью не проживешь. Эта «книжность», «литературность», переходящая в манерность, не последний упрек, который мы можем послать автору «Заклинательницы». Местами его повествование принимает стиль ложноклассический, надутый, претенциозный и раздражающий. Стилизовать фабричную работницу под средневековую принцессу—в этом есть что-то комическое, не вызывающее, однако, смеха.

Дело заключается в следующем. Некий фабрикант Горелов эксплоатирует, конечно, своих рабочих. Ему приглянулась работница Вера. Она захотела использовать свое влияние на Горелова. Потребовать у него за свою любовь фабрику и капиталы, которые она отдаст рабочим. Этим—своей жертвой она разорит одно «змеиное гнездо». Такова мечта работницы Веры. Вот как разговаривают в романе об этом:

— Сделает для тебя все, что ты попросишь?—спросил Разин.

Вера воскликнула страстно:

— Нет, я не стану плясать перед ним и выпрашивать милости. Как царица, я возьму все, как царица, как судьба, как смерть.

Этот напыщенный стиль давно уже стал сологубовым штампом. Подмените имя «Вера» именем «королева Ортруда»—ни одного слова в этой тираде менять не придется. И штамп этот цепко держит в плену автора «Мелкого Беса». Этот штамп был когда-то живым стилем. В свое время не без удовольствия прочитывалась «Книга очарований», но стилистический прием, повторяясь без изменения, твердеет, омертвевает, превращается в шаблон и становится непереносимым. Стиль умирает, остается мертвая форма, пропись, трафарет. Нельзя без скуки читать такие лирические излияния.

«Не змеем ли ты очарована, очарователь-ница! И в лебедино-белом теле твоем не таится ли огненный яд высокого змея. змеиноокая» и так далее, и так далее—мертвые слова, подобные цветистому чучелу когда-то певучей птицы.

Мы не станем говорить о полной неубедительности романа. Романа собственно нет. Есть лишь неудавшийся замысел. В романе могут быть невероятные вещи. Он может быть фантастическим, сказочным. утопическим, каким хотите. Но в том-то и заключается сила художественного впечатления, что на страницах романа самые чудовищные вещи приобретают убедительность. Детские вымыслы Андерсена, или приключения Рыцаря Печального Образа, невероятные похождения Кандида или Гомерова Одиссея — все это доподлинные реальности именно потому, что они обладают внутренней логикой, собственной своей закономерности, способностью убеждать без доказательств, самоочевидностью, т.-е. теми свойствами, которые обычно определяются словом «художественность»! Таково вообще искусство—независимо от того, трактует ли оно фантастические сюжеты, или изображает случайно случившийся случай в каком-нибудь Пропадинске. Этой внутренней логики, убедительности, самоочевидности нет в романе Сологуба. И потому читатель пройдет мимо этого романа, а сам роман—мимо русской литературы—хотя страницы его полны злободневнейшими, социалистическими. экономическими, профессиональными и прочими словечками.

На примере Сологуба мы видим трагедию огромного таланта, угасающего в очаровательных садах творимой легенды. Но это, конечно, не индивидуальная трагедия. Не по доброй воли, не в силу личного хотения пошел он в этот мертвый сад. Были большие социальные причины, толкавшие его, да и не его одного,—искать спасения в мертвых кущах этого рая. Индивидуальная трагедия является по существу трагедией коллектива, социальной группы. Но рассуждения об этих социальных причинах выходят далеко за рамки рецензии.

Р. Головин.

Наши дни. Художественные альманахи под ред. В. Вересаева. № 1-ый. Госиздат. 1922 г. 300 стр.

Роман-дневник Семенова «Голод» написан просто, «реалистически». Это длинная и мучительная повесть об одном из голодных петербургских годов, повесть, отягченная голодным бытом, психозом, разложением семьи. Фабулы нет—она сведена к минимуму, но иначе и не могло быть. В этом смысле автор верно следовал жизни, не искушая ее и не осложняя вымыслом или психологией. Пожалуй, роман недостаточно сжат, недостаточно технически изощрен, но не будем требовать особой изощренности от первой крупной вещи молодого и не лишенного дарования писателя.

Петр Орешин в рассказе «Сквознячок» повествует о маленьком человеке, приплюснутом революцией. Ему хотелось проскочить сквозь нее «сквознячком» и почти удалось, но—увы!—любимая Люся бежала с каким-то более предприимчивым на этот счет человеком.

Может быть, рассказ Орешина и не совсем плох, но он и не хорош. Прочтешь и скажешь: «да, бывает», и эта житейская сентенция приходит сама собой, как резюме такого-то случая. О нем можно было и не читать—он вовсе не обязывает к этому.

Только к чему в конце такая мировая поза?—«все человечество с обезумевшими, с искаженными лицами (человечество—лицами?), с оскаленными в расколоченных ртах зубами, под горящим великим знаменем-солнцем, все пальцами показывают на него, на бывшего бухгалтера Пазушкина». Смеем вас уверить, т. Орешин, ничего подобного не было и никак быть не могло.

«Бакунин в Дрездене», театр в двух актах Константина Федина, конечно, для чтения, не для сцены.

Это повесть в диалогах из эпохи революции 48-го года. Нам кажется, автор нашел нужный тон, изучал материалы, и если иногда к словам Бакунина хочется прибавить лишний штрих, несколько иначе поставить его, то все же не будем оспаривать права и на такого Бакунина.

М. Зощенко дал небольшой рассказ «Черная магия» с бытом, с мужицким языком; отметим технику письма, сжатость; насколько это серьезно, пока сказать не решимся.

Определенно выделяется повесть Бориса Пастернака «Детство Люверс». Большинство читателей знают и любят его, как поэта, тем более обрадует их сильная и оригинальная проза. Те, кто ждали бы «футуризма» или еще какого-нибудь «изма», жестоко ошибутся. Наоборот, перед нами классическая форма, заставляющая вспомнить о старых мастерах, в частности о французах, медленный, эпически-повествовательный темп рассказа.

Говоря: классическая форма, мы не хотим быть ложно понятыми: для нас классическое—это законченность художественного зрения, бесспорность именно таких индивидуальных приемов, как чего-то объективно - ценного. В этом смысле повесть отличается чертами чего-то художественно-обязательного.

Вообще детство — труднейшая тема. Нужно переставить внимание к деталям, создать иллюзию неожиданного и нового в каждом штрихе, в каждой мелочи раскрывающегося сознания.

И в «Детстве Люверс» этот поворот сознания достигнут вполне—«То, что она увидала, не поддается описанию. Шумный орешник, в который вливался, змеясь, их поезд, стал морем, миром, чем угодно, всем. Он сбегал, яркий и ропщущий, вниз, широко и отлого, и, измельчав, сгустившись и замглясь, круто обрывался, совсем уже черный. А то, что высилось там, по ту сторону срыва, походило на громадную какую-то, всю в кудрях и в колечках, зеленопалевую грозовую тучу, задумавшуюся и остолбеневшую. Женя затаила дыхание и сразу же ощутила быстроту этого безбрежного, забывшегося воздуха, и сразу же поняла, что та грозовая туча—какой-то край, какая-то местность, что у ней есть громкое, горное имя, раскатившееся кругом, с камнями и с песком, сброшенное вниз в долину; что орешник только и знает, что шепчет и шепчет его; тут и там и то же вон; только его. «Это—Урал?»—спросила она у всего купэ, перевесясь». Все ново, неожиданно: улица, дом, Урал, гимназия, каждая деталь сверкает, запоминается, будь это «масло со льдом на потных кленовых листьях» или закат, когда «вечеру только с кровью удавалось отодрать приставший день».

Но сила рассказа не только в этом,—сравнения не выделяются своей неожиданностью, не торчат, а естественно входят в сплошную ткань повествования, образуя какой-то один мускул, связанный стилем, постройкой, где переживание подстилает фразу или образ и, в свою очередь, обезвреживается этим образом.

В альманахе есть и стихи. М. Волошин развивает тему Блоковской Руси, П. Соловьева в сказочке «Шут» дает весьма прозрачную аллегорию февральской революции. В. Вересаев напечатал несколько переводов из лирики Гете.

К. Локс.

ИСКУССТВА.

HERWARTH WALDEN. Ein blick in Kunst. Expressionismus, Futurismus, Kubismus. Berlin, 1917 г. 173 стр.

«Ein blick in Kunst» представляет собою альбом 63-х репродукций с произведений новейших художников Европы,—экспрессионистов, кубистов и итальянских футуристов. Введением в альбом служат небольшие статейки Херварта Вальдена, редактора немецкого лево - художественного журнала «Sturm» и одного из меценатов германского экспрессионизма.

Херварт Вальден—не теоретик, не исследователь, не бесстрастный ученый. Он скорее публицист, боец сегодняшнего дня, литературный знаменосец экспрессионизма. Тем ярче, острее, откровеннее вскрывается в его описаниях сущ-

ность того движения, той художественной идеологии, которую он защищает. Всякое течение в искусстве обладает, вернее, создает свое мировоззрение. Раскрыть его—это значит раскрыть *субъективные* тенденции этого течения. Но было бы глубочайшей ошибкой искать в таком мировоззрении чего-либо *объективного*. Художественное мировоззрение есть дополнительный материал для исследователя, и только.

Приведу несколько цитат. «Искусство обладает только поверхностью» (Die Kunst hat nur eine Oberfläche). «Краски, это—фабричные товары» (Farben sind Fabrikware, — стр. 6). «Искусство и действительность, это—два мира, ничего друг с другом общего не имеющие» (Die Kunst und die Tatsache sind zwei Welte, die nichts miteinander zu tun haben,—стр. 7). «Красота картины, это—связь красок и форм» (Die Schönheit des Bildes ist die Verbindung der Farben und Formen). «Картина, это — красота поверхности» (Das Bild ist die Schönheit der Fläche). «На картину надо смотреть ради картины» (Das Bild musz des Bildes wegen gesehen werden). «Воспринятое, т.-е. предметное, является в живописи не целью, а средством» (Das Nachgeahmte, also das Gegenständliche in der Malerei, ist nicht Zweck, sondern Mittel). «Искусство не знает никакого прогресса, никакого развития» (Kunst kennt keinen Fortschritt, keine Entwicklung). «Искусство, это—символ» (Kunst ist Gleichnis). «Важно видеть. Важно чувствовать» (Wichtig, ist zu sehen. Wichtig, ist zu fühlen). «Мы все слишком образованы» (Wir sind alle zu gebildet). И в завершение:

«Народ и ребенок видят. Образованный видит еще лишь идеал, которого нельзя видеть. Его идеал это его опыт. У искусства нет никакого идеала. Искусство существует».

Попробую передать своими словами.

Искусство, существуя вне и над жизнью, представляет собою самоцель. Искусство, это—продукт личной эмоции, искусство, это—творчество самодовлеющих форм, переживаемых помощью непосредственного чувства. Из искусства изгоняется цель, опыт, знание, разум, жизненная действительность.

Что это такое?

Это эстетизм абстрактной формы.

Это культ возведенного в абсолют станковизма.

Такова художественная идеология экспрессионизма. Она наглядно демонстрирует тот творческий тупик, в который попало искусство индивидуалистической интеллигенции современной Европы. Под грохотом исторических гроз обособленная личность ищет себе спасения в метафизике самоцельного, внесмыслового искусства. Имеет ли, однако, экспрессионизм и его собрат, итальянский футуризм, другое, объективное значение?

Несомненно.

Значение это заключается в том разложении изобразительности, которое сейчас происходит повсюду. Но в то время, как Россия использовала его во имя жизненного строительства и пошла путями материальных конструкций (Татлин, Родченко и др.), — разлагающаяся буржуазия Европы попала в заколдованный круг эмоционального субъективизма.

Недаром даже Пикассо, этот объективнейший из «западников», ища выхода и не умея найти его в социальной практике (ведь идея производственного искусства возникла у нас под воздействием пролетарской революции), вернулся назад, к допотопному Энгру, как и следовало сделать сыну реакционнейшей из стран.

Но все это не надолго. Кризис искусства есть функция от кризиса классов. Экспрессионизм умрет вместе со своей идеологией, потому что умрет породившее его общество. А на смену ему придет другое. Это другое также, как и в политике, семенами кидается из революционной России.

Херварт Вальден поет свои лебединые песни. Это песни одурманивающей себя буржуазии.

Б. Арватов.

PAUL KLEE. H. Wedderkop («Junge Kunst», Leipzig, 1920, 48 стр.).

Серия «Junge Kunst» состоит из многочисленного ряда небольших, квалифицированно (с точки зрения современных германских условий) изданных монографий о новейших, — немецких большей частью,—художниках, принад-

лежащих к достаточно повсюду нашумевшему экспрессионистическому течению в изобразительном искусстве. Если не считать, однако, конспективных биографий, прилагаемых к каждой книжке, то литературный материал (теоретическая часть) этих монографий в огромном большинстве случаев страдает либо легковесным дилетантизмом, либо метафизической абстракцией, ничего общего с искусствоведением не имеющей.

К последнему случаю надо отнести и книжку Веддеркопа, посвященную одному из крупнейших немецко-швейцарских рисовальщиков-живописцев, Полю Клэ. Мы не находим тут даже намека, даже попытки дать конкретный анализ произведений художника или хотя бы тезисное резюмэ такого анализа. В тех местах, где Веддеркоп касается геометричности Поля Клэ, непрерывности его линий, связи между линией и цветом, отношения художника к кубизму,—всюду дело сводится к неожиданному и из опыта не вытекающему доказательству, что творчество Поля Клэ есть нечто самодовлеющее, единственное, ни с какими теориями несвязанное. Автор все время пытается убедить читателя в полной независимости Клэ от господствующих сейчас в Германии художественных воззрений. Здесь имеется в виду, конечно, эмоционально - субъективистическая позиция экспрессионизма и, в частности, Кандинского (стр. 5). По мнению Веддеркопа, произведения Клэ представляют собою мир абсолютных форм, где материал потому не может выражать эмоций (как это нравится Кандинскому), что он дематериализирован (стр. 10); формы Клэ, это формы, существующие в себе и для себя, и социологической эстетике, как откровенно утверждает нео-кантианец, неизвестно отчего забравшийся в искусствоведение, — здесь нечего делать: Клэ индивидуалистичен и единственен (стр. 11). И еще: искусство Клэ это «только—живопись» («Nur Malerei»!!), это формы сверх-личного сознания, видимые и создаваемые личностью (стр. 10).

С торжественностью оригинального мыслителя выкладывая одну за другой эти избитые до тошноты мысли, автор пренаивно не замечает, что и он сам, и обоготворяемый им Клэ до глупости, до смешного идентифицируются с той многосотенной публикой, от которой они так тщательно отгораживаются. В самом деле: ну не все ли равно, подсунем мы искусству эмоцию (по Кандинскому), или сознание (по Веддеркопу)? будем говорить о самоцельной выразительности или о самоцельной гармонии? назовем материал средством для переживания, или для видения? Разве в этом суть? И разве «социологическая эстетика» (к слову сказать, социологическая эстетика умерла, потому что умерла эстетика вообще; надо говорить о социологическом искусствоведении), столь неприятная Веддеркопу, позволит себя одурачить словесной эквилибристикой схоластов метафизики?

Поль Клэ является одним из виднейших представителей изображательско-самоцельного станковизма, переживающего сейчас полный распад (станково-живописная беспредметчина); он, так сказать, практик эстетского формализма в его рафинированном (единственное, в чем я согласен с Веддеркопом, не к его чести будь сказано), т.-е., на языке марксизма, упадочном виде. Но тут никакой разницы между Клэ и Кандинским, разумеется, нет и быть не может. Оба они заживо погребенные историей художники. Их могила — это могила индивидуалистической буржуазии, их могильщик—пролетариат.

Было бы, однако, нелепицей отрицать крупный талант Поля Клэ. Но значение его лежит как раз там, где его a priori, догматично устраняет Веддеркоп,— в реальных процессах художественного производства. Мастер непрерывного контура, линейно-живописной обработки поверхности и плоскостных построений,—Клэ, вероятно, внесет свою долю в технологический опыт искусства. Иными словами, он сыграет свою роль не тем, чего хочет (творчеством форм), а тем, чего не хочет (методами обработки материалов). Но для того, чтобы сыграть эту единственно возможную для него прогрессивную роль, он должен сойти со сцены, умереть, быть преодоленным. Пока же его творчество остается орудием гибнущего и спасающегося в дебри эстетской мистики капитализма. Такова

социальная диалектика. Ее реализацию мы наблюдаем у нас, в революционной России: это—путь от картины к производству,—путь классовой борьбы в искусстве. Клэ находится по ту сторону баррикады. И неудивительно, что в те дни, когда Германия корчится в революционных конвульсиях, биография Клэ, составленная им самим, красноречиво говорит о жизни художника, покинувшего поля войны: «Он радуется своему, богатому трудами, возвращению к тишине. Мечтая, творя, играя на скрипке» (стр. 16).

Бедный Клэ! Он, конечно, воображает, будто стоит вне классов, вне общества. Он и не подозревает, что этого-то «мечтая, творя, играя на скрипке» и требует от него его потерявший реальную почву и погибающий класс.

Примечание. Книжка снабжена 33-мя недурными репродукциями с произведений Поля Клэ; одна из них цветная.

Б. Арватов.

Государственный Эрмитаж. Путеводитель по отделению фарфора. Составил С. Н. Тройницкий. Петербург. Государственное Издательство. 1921 г., 44 стр.+4 таблицы. 8°.

Строгая по внешности, как все издания Государственного Эрмитажа, новая книга С. Н. Тройницкого является превосходным путеводителем по выставленному в галлерее фарфору XVIII века. Вводная статья, озаглавленная «История производства фарфора», в кратких словах знакомит читателя с важнейшими заводами как иностранными, так и русскими (б. Императорский, Гарднер). Здесь даны очень отчетливые характеристики стилей, важнейшие хронологические даты, исторические сведения, описания клейм и марок. Свой обзор автор начинает с восточного (китайского и японского) фарфора, сравнительно бедно представленного в Эрмитаже; переходит к германским заводам, начиная с более крупных и старейших—мейсенского, венского, берлинского; говорит о французских, итальянских, английских заводах и кончает русскими.

Вторая часть книги—собственно путеводитель; здесь по шкафам автор описывает размещенные вещи, выделяя наиболее ценные в художественном отношении экземпляры, иногда сопровождая их краткими историческими сообщениями.

К путеводителю приложены 4 фототипических таблицы со снимками с наиболее выдающихся вещей, частью уже воспроизведенных в майском и октябрьском выпусках «Старых Годов» за 1911 год при статье С. Н. Тройницкого «Галлерея фарфора Императорского Эрмитажа». К этой статье, обильно снабженной репродукциями, и следует отослать читателя, желающего ознакомиться более подробно с Эрмитажной коллекцией фарфора. Задачей же настоящего путеводителя, представляющего как бы выборку из указанной статьи, является желание заинтересовать зрителя, помочь ему разобраться в обильном, совершенно исключительном по количеству и художественным достоинствам, материале. Нельзя не пожалеть только, что книга не снабжена краткой библиографией по фарфоровому производству, столь богато представленному в Государственном Эрмитаже.

Д. Греч.

В. ЛОБАНОВ. 1905-й год в живописи. Изд. Гржебина. Москва 1922 г. 32 стр. 4°.

В. Розанов, характеризуя Азефа, говорил, что он «отовсюду брал лучшее: идеи из «Русского Богатства», а деньги из департамента полиции». Если следовать этому весьма «удобному» завету, то, ища «лучшее» в книге Лобанова, можно указать на бумагу «Верже», которую «не пожалел» для этого издания Гржебин. Все остальное, относящееся «к существу» этого издательского lapsus'a, составляет сплошное недоумение. Недоумеваешь, зачем «понадобилось» Гржебину выносить на рынок этот очерк, не имеющий никакого отношения к живописи, ибо в нем о живописи, как о таковой, нет ни слова; не имеющий никакого отношения к истории революционного движения, хотя бы постольку, поскольку оно проявилось в изобра-

зительном искусстве, ибо эта история совершенно осталась не развернутой, т. к. материал, использованный автором, крайне малочисленен, а, главным образом, не приведен в систему и из него не сделано никаких выводов, в то время, как и подобного рода работа была бы поучительна и в историко-художественном, и в социально-политическом отношениях. Автор попросту перечислил некоторые работы русских-художников, в которых так или иначе, хотя бы внешне, был запечатлен революционный быт. Т. обр., ни художественного, в подлинном смысле, ни историко-художественного, ни социально-политического значения рассматриваемое издание не имеет.

Смотря на заглавие, невольно приходит мысль, что на нем и автор и издатель хотели «спекулировать», но надо полагать, что это им едва ли удалось; хотя, как знать!—время теперь на книгу и голодное, и безалаберное. Имя автора мало известно в художественных кругах и, судя по тому, как ориентируется он в материале,—он чужд искусству. Напротив, имя издателя известно очень хорошо, и странно, что он так опрометчив в выборе материала в то время, которое требует в этом смысле большой осмотрительности.

Николай Тарабукин.

Е. КРУГЛИКОВА. — Силуэты современников— I — поэты. Изд. «Альциона». Москва 1921 г.

Кругликова, имя которой неразрывно связалось с ее силуэтами «семейства Бем», на этот раз дебютирует целой серией силуэтных характеристик современных русских поэтов. И если в прежних ее работах подчас сквозила острота иронии, то предлагаемые теперь—пресны до последней степени.

Художественный силуэт — не «тень», отброшенная профилем и «обведенная углем», а синтетическая, схватывающая все наиболее типичное и поэтому очень выразительная характеристика лица. На этот раз силуэты Кругликовой представляют собою именно такие «обведенные тени». И как тень редко воспроизводит «первоисточник» до такой степени, что его легко можно «узнать», ибо в тени преобладает случайное и отсутствует типичное,—так и у Кругликовой большинство персонажей узнать совершенно нельзя (выручает только подпись), ибо они не представляются обобщенными характеристиками. У Кругликовой какой-то «натуралистический» подход к силуэту, в то время, как эта художественная форма невольно, сама по себе, требует стилизационной компактности. Кругликова «срисовывает» профиль, тогда как как силуэт требует, чтобы он был «построен» и в смысле психологической характеристики, и в смысле художественно-изобразительной формы. Так «неузнаваемы» проходят такие яркие внешне фигуры, как Вячеслав Иванов, Волошин и др. Наиболее типичны, пожалуй, Брюсов, Кузьмин, но и то не потому, что они у Кругликовой лучше сделаны, но просто потому, что их черты внешне «острее». Во всяком случае, оставляя в стороне вопрос о сходстве, к которому автор, несомненно, стремилась, чисто художественного интереса «силуэты» представить не могут.

Николай Тарабукин.

СЕРГЕЙ ЭРНСТ. В. А. Серов. Изд. Комитета Популяризации Худ. Изданий при Росс. Ак. Ист. Мат. Культ., П. 1921 г. Стр. 7—114 33 двойн. табл.

Ни об одном русском художнике конца XIX, начала XX века не говорилось и не писалось столько, как о Серове. Не считая огромного количества газетных и журнальных статей—перед нами восьмая, по счету книга, посвященная его творчеству.

Невольно возникает мысль: нужна ли она? Прибавляет ли она что-нибудь к нашему знанию Серова? Освещает ли она как-то по новому облик Серова, как художника и человека?

И ответить приходится; *нового*—мы в ней не находим ничего, к нашему *знанию* Серова—она не прибавляет ничего. И все-таки она нужна. Она как-то заключает ранее написанное. Дает некую сводку. И еще: из всех монографий, написанных С. Эрнстом (Рерих, Сомов,

Бенуа, Замирайло) — она самая лучшая.

Все книги Эрнста — сплошные панегирики художнику, о котором он пишет. Часто напыщенные. Иногда патетические. То же и в монографии о Серове. Но есть и еще нечто, раньше у автора не отмечавшееся: анализ развития художественной формы. Очень много внимания уделено техническим приемам Серова, особенностям его колорита в тот или другой период деятельности в той или другой работе.

Сюжетной стороне серовского искусства уделено, против обыкновения автора, ровно столько места, сколько его требуется. Много говорится о том, *как* подходил художник к человеку и как преломлялся образ данного человека в живописное воплощение.

Наконец—самое главное и ценное.

Еще и раньше, особенно Радловым, указывались и отмечались, как наиболее ценное во всем творчестве Серова—формальные устремления последних лет его жизни.

Но только теперь, те же стремления отмечены уже в самых ранних самостоятельных работах. Проведен достаточно убедительный анализ проблемы чистого портрета, картины и портрета-картины: проведен на примерах из «opus'a» художника.

Становится ясным, что значительность Серова, как художника, обусловливается именно его формальными исканиями, сказавшимися, главнымм образом, в стремлении дать наиболее ясную, простую, обобщенную и вместе с тем полную напряженной характерности линию. Иногда пятно. Становится ясным, почему мертвый Серов остается для нас самым живым из всех своих сверстников, еще живущих среди нас...

Книга снабжена многочисленными воспроизведениями работ художника, среди которых свыше десяти до того не опубликованных. Как всегда, слабо освещен первый период деятельности. Сведения о местонахождении многих картин, портретов и рисунков — теперь не верны (книга написана и набрана еще в 1917 г.).

Приложена достаточно исчерпывающая библиография Серова и ряд чрезвычайно интересных и ярко характеризующих его писем к А. Н. Бенуа.

Списка произведений — нет, что надо признать большим упущением, т. к. количество известных работ Серова растет непрерывно.

И. Корницкий.

Кабинет гравюр Государственного Румянцевского Музея. «Гравюры И. Н. ПАВЛОВА (1886 — 1921)». Вступительная статья и полный каталог гравюр на дереве и линолеуме составлены В. Я. Адарюковым. С 40 оригинальными гравюрами и 2 репродукциями. Государственное Издательство. Москва 1922 год. 107 стр.

Книга издана по случаю тридцатипятилетия деятельности гравера. Подробно и умело рассказана биография мастера, выбившегося в люди путем упорного труда. В жизнеописание включен небольшой обзор истории ксилографии в России, которая, как справедливо отмечает В. Я. Адарюков, хороший знаток истории графических искусств в России, совершенно не разработана. А на самом деле эта отрасль графики имеет у нас славное прошлое, с двумя расцветами Петровской эпохи и 40-х годов прошлого столетия. Автор вступительной статьи затрагивает период более позднего развития ксилографии, как непосредственно примыкающий к предшествующей деятельности Павлова. Нам кажется напрасно не отведено больше места Павлову - рисовальщику. Об его рисунке можно было сказать больше; можно было проследить его эволюцию за весь большой период деятельности мастера. Каталог, составленный подробно и тщательно, грешит, надо отметить, одним недостатком: часто отмечаются без перечисления листы, входящие в ту или иную серию, тогда как рядом можно найти совершенно противоположное, т.-е. подробное переименование по отдельным номерам гравюр серии. Например, с 2503 по 2512 (10 гравюр) и с 2513 по 2524 (11 гравюр) подробно переименованы, в то время как для №№ 2525—2538 (14 гравюр) дано лишь название серии. Думается, надо было соблюсти некое единообразие при катало-

гизировании объединенных общим названием листов.

Приложенные в количестве 42 гравюры не всегда удачно воспроизведены. Бросается в глаза жесткость и грубость воспроизведений с клише.

Внешний вид книги если не вполне удачный, то может быть назван сносным.

А. Стрелков.

Н. И. РОМАНОВ. Как устраивать местные музеи. Москва 1919 г., 112 стр., in 8°.

КООПЕРАЦИЯ И ИСКУССТВО. Сборник статей: Игоря Грабаря, Н. Романова, Абрама Эфроса, П. Эттингера и А. Чаянова. Москва 1919 г. 80 стр., in 8°.

И. Э. ГРАБАРЬ. Для чего надо охранять и собирать сокровища искусства и старины. Москва 1919 г. 32 стр., in 8°.

Комитет по охране художественных сокровищ при совете Всероссийских кооперативных съездов.

Кооперативная организация изданием этих трех книжек апеллирует к широким массам населения в защиту собирательства и охранения художественных ценностей. Именно такой разъясняющий, популяризирующий характер носят две последние брошюры.

Очень интересная работа Н. И. Романова рассчитана, главным образом, на провинциальных музейных работников: она основана на большом знании предмета, на долголетней практической работе в картинной галлерее Румянцевского Музея. Здесь подробно обрисована техника музейного строительства, применительно к местным условиям, указаны роль и значение музеев вообще, дан целый ряд примеров заграничных провинциальных музеев. Особенно ценны замечания автора по поводу экспозиции, оживляемой постоянными выставками, лекциями, перестановками и перевесками вещей. Музей не мертвое тело, не кладбище художественных произведений, а живой организм—такова основная идея книги. Автор подробно останавливается на методологии музейного дела, входит во множество подробностей, говорит о самом здании, распределении зал в нем, касается вопросов хозяйственной и финансовой жизни музея, им даны даже примерные таблицы для распределения помещений, разработана приблизительная схема штата сотрудников. В заключение автор указывает на роль общества в деле духовного и материального развития собирательства, в частности останавливается на деятельности кооперации.

Нельзя не пожалеть только, что книга написана не в виде справочника, отдельными параграфами, значительно облегчавшими бы пользование ею. Множество различных ценных указаний рассеяно по всем главам: хотелось бы большей организованности, большей систематичности в изложении материала, которые сделали бы книгу настольной для каждого музейного работника.

Брошюра И. Э. Грабаря дает разъяснение по поводу тех памятников, которые нуждаются в сбережении и собирании, указывает на технические приемы регистрации, укладки, перевозки, расстановки и инвентаризации вещей. К книжке приложены таблицы, выработанные для этого Отделом по Делам Музеев. Брошюра, начатая как будто с некоторой целью популяризации (подробно перечисляются предметы, имеющие художественную ценность), приобретает в конце все же несколько специальный характер, не столько, впрочем, являясь руководством для музейного деятеля, сколько сообщением о методах работы, применяемых Отделом по Делам Музеев.

Третья брошюра — собственно воззвание к широким массам населения в деле сбережения художественного достояния страны. Она обрисовывает роль кооперации, дает краткий отчет о деятельности комитета, выразившейся в ряде приобретений как для московских, так и для провинциальных музеев. О них подробно говорится во второй части книги. Заметки А. М. Эфроса касаются «Ушаковского Альбома» с рисунками Пушкина и «Вакханки» Венецианова, приобретенных комитетом для Румянцевского музея и Третьяковской галлереи.

Статья И. Э. Грабаря сообщает об эскизе Сурикова «Нищий» для картины «Боярыня Морозова», приобретенном для Вятского Музея. Ряд других заметок касается картин, скульптур и гра-

вюр, купленных комитетом для Третьяковской галлереи, музеев Румянцевского, Саратовского - Радищевского и Вятского. В заключение приложен краткий официальный отчет о деятельности Комиссии по охране культурных и художественных сокровищ России. Книжка снабжена несколькими мало удовлетворительными репродукциями. С внешней стороны издания оставляют желать многого,—впрочем, недостатки печати, бумаги и брошюровки вполне объяснимы общим кризисом книжного дела.

А. Греч.

Илья РЕПИН. Воспоминания, под редакцией К. И. Чуковского, «Бурлаки на Волге» с рисунками автора. Издательство «Солнце». Петербург. Год не обозначен. 98 стр. текста и 44 воспр. рисунков.

Воспоминания, записки и письма писателя и художника, — разве это не лучшие документы для того, чтобы раскрыть хотя бы еле-еле душу мастера и вплотную подойти к путям его творчества. Подобных документов в истории русской живописи крайне мало: дневник Боровиковского, письма Федотова, Ге, Иванова, письма кой-кого из передвижников,—вот почти все, что мы имеем. Ни одних мемуаров (кроме разве Иордановых), ни одной автобиографии. Воспоминания Ильи Ефимовича Репина о времени создания картины «Бурлаки на Волге» тем более для нас ценны. Реалист и до некоторой степени идеолог передвижничества, он весь в том, что он видит, наблюдает, отмечает и записывает. «Русский Курбэ», как все его единомышленники и современники, интересуется тем, что составляет, быть может, повествовательную, литературную часть произведения. Начиная от своей первой встречи с рыбаками и бурлаками и кончая описаниями тех, кто послужили ему моделями для знаменитой, составившей эпоху, картины, он дает некую социальную характеристику их. Близость к природе и борьба с ней, труд, опыт, грубость—вот то, что отмечает знаменитый художник. То ли интересует Делакруа в его известном дневнике? Краска, свет, тон—вот те слова, которые пестрят на страницах записок романтика - француза. Но ведь Репин крупный мастер, гениальный живописец, и удивляешься, почему, — почему ни слова о том, что так дорого каждому живописцу.

Язык книги?.. Мы знакомы с другими воспоминаниями мастера («Воспоминания, статьи и письма из-за границы И. Е. Репина» под ред. Н. Б. Северовой. СПБ. 1901), и невольно приходит на ум, не излишне ли смело прошлось перо Корнея Чуковского (на заголовке стоит: «под ред. К. И. Чуковского») по этим запискам маститого художника, которые, кстати говоря, уже были раньше напечатаны в «Голосе Минувшего» (1914 год №№ 1, 3, 4 и 6).

Внешний вид книги и воспроизведение рисунков не важны. Неизвестно, как и зачем сохранена старая орфография.

А. Стрелков.

КНИЖНЫЕ ЗНАКИ. Вып. I. А. Платунова. К. Чеботарев. Издание графического коллектива Казанского художественного института. 1922 г. Авторские оттиски в количестве 50 нумерованных экземпляров.

Книжный знак имеет назначение служить знаком принадлежности книги и вместе с этим ее украшать, таким образом у него чисто декоративная функция и он должен быть декоративно трактован. Кроме этого, книжный знак должен заключать в себе книжно - читательский элемент, т.-е. должен быть так скомпанован, чтобы было ясно, что это именно книжный знак, а не просто картинка. Наконец, он должен быть удобочитаем.

Рассматриваемые книжные знаки, гравированные на дереве, в большинстве случаев совершенно не удовлетворяют этим элементарным требованиям, предъявляемым к книжным знакам. Из 13 знаков — 7 решительно не содержат в себе никаких признаков того, что они должны иметь именно это назначение, на 4—единственными указаниями—служат буквы «E. L.», вероятно, долженствующими изображать сокращенное слово «Ex-libris» и только на двух это слово значится полностью. Что касается имен владельцев, то только на одном фамилия значится полностью, на всех

остальных — таинственные монограммы, расшифровку которых можно найти на последней странице книжки, да и то не всех, один значится: «Книголюба Ми. О. П.»

Как с точки зрения художественной, так с точки зрения технического исполнения, эти книжные знаки или вернее «картинки» очень слабы, изобличая руки совершенно не опытных, очевидно, начинающих гравировать любителей и само собой разумеется, что подобные знаки никоим образом не могут украшать книгу.

Все это издание—есть в полном смысле слова покушение с негодными средствами. Появление подобных изданий может быть объяснено тем большим увлечением книжными знаками, которое у нас теперь наблюдается.

В. Ддарюков.

Графика студийцев графической мастерской Моск. Пролеткульта. — Выпуск I. Москва 1922 г. Издание Московского Пролеткульта. 13 лист.—21 табл.—300 экз.

За все время существования Советской власти мы лично с особенным интересом и с чувством самой искренней дружбы следили за тем искусством, которое развивалось в студиях Московского Пролеткульта. Мы верили, что именно в его недрах произойдет то долгожданное рождение *нового* художественного стиля, без которого самая плодотворность происходящего общекультурного сдвига мнилась бы вопросительной.—Нам много пришлось видеть произведений «пролетарского», или себя так именующего искусства; на выставках нам неоднократно приходилось отмечать чрезвычайный интерес работ молодежи, вышедшей из рядов русского пролетариата.—Поэтому появление альбома работ графической мастерской Московского Пролеткульта было для нас событием большой и приятной важности. Мастерская—в надежных руках т. И. Соколова, чьи работы давно уже выделялись на выставках последних лет. Соединены в альбоме 20 гравюр на линолеуме; лично нам, стоявшему к Пролеткульту до последнего времени близко, известно, что линолеум этот «утащен» с пола кухни бывшего Морозовского особняка; известно, в каких тяжелых условиях личным трудом выпущен альбом.—Товарищам, его создавшим, самый искренний привет от изучателя и друга всяческой полиграфии.

По существу, гравюры альбома—разноценны, что не удивляет при десяти участниках (Азуевский, Боровков, Голубев, Зугрин, Кравченко, Раев, Серов, Смирнов, Хмелева, Колобашкин).—Некоторые из них,—вполне почти овладевшие своим мастерством «линогравера», с индивидуальностью и с наклоном в сторону живописности. К ним надо причислить Азуевского (чья гравюра «Хлев», первая по порядку в альбоме, является, пожалуй, самой мастерской в в альбоме), Зугрина, Серова, Смирнова, Хмелеву. Мы не скроем, что цветные гравюры альбома нас не удовлетворяют (за исключением «Гадалки» Хмелевой, где есть декоративный эффект, правда, взятый с Востока). Краски не только сами по себе нехороши (это — не беда, нужду Пролеткульта в внешних средствах мы хорошо знаем),—но они мало удачно выбраны. Полуплакатный стиль интересной «Постройки» Серова погублен сладкой лиловой краской первого плана, и «Сбор листьев» Смирнова напоминает олеографию. — Зато черное и белое чудесно чувствуют молодые пролеткультовцы. В такой «примитивной» вещи, как этюд портрета Боровкова очень удачно намечено трехзвучие черного, белого и серого. Чисто плоскостная и контрастная трактовка «Швеи» Кравченки производит прекрасное декоративное впечатление, напоминающее в будущих возможностях В. А. Фаворского.—Лично нас заинтересовал очень разный подход участников альбома к теме портретного этюда; наше сочувствие здесь на стороне «примитивистов» Боровкова и Кравченки, а не Раева и Колобашкина, первый из которых дает очень «эстетизированную» форму, близкую к Валлотону.

Общее направление студийцов — реалистическое в самом хорошем смысле. Неизбежный «Октябрь» мнится запоздалой данью вчерашнему дню; символичны для настоящего иные сцены—«Построй-

ка» и «У совета», к которому несут и везут всякую живность. — Нам представляется, что именно организация нового быта является ныне актуальной задачей русского молодого искусства. Чудесные перспективы самого радостного художественного труда рисовались бы нам—если бы...

В первой своей части данная рецензия написана не случайно в прошлом времени. Современное положение Пролеткульта внушает очень серьезные опасения. В то самое время, как общее чувство отрезвления бесспорно могло бы быть отмечено во всем русском искусстве, Московский Пролеткульт внезапно поддался звонкости «лозунгов слева», и «единым постановлением» отменил искусство в своей среде. Гравюрка как самодовлеющий способ выражения и станковая картина объявлены ненужными. Мы не знаем, как отнесутся молодые художники из Пролеткульта к такому обороту. Нам лично эта реформа представляется роковою. Ибо «Альбом», нами рассмотренный, убеждал ведь, что пролетарское искусство у нас *есть*,—и что его надо было бы беречь и давать ему возможность дальнейшего роста, не выбрасывать его за борт ради звонких слов идеологии абсолютно себя не проявившего еще «вещного производства».

Проф. Д. Д. Сидоров.

ПИСЬМО В РЕДАКЦИЮ.

ОБ ОДНОЙ РЕЦЕНЗИИ.

В № 1 (13) журнала «Книга и Революция за 1921 год, стр. 56—57, напечатана рецензия С. В. На переведенную мною книгу Мерингa. «История Германии с конца средних веков».

Очень удобно составленная рецензия. Несколько выписок из предисловия Меринга, большущие выписки нескольких мест из моего предисловия дают вероятно, до 80—90% всей рецензии. Но почему же автор, вероятно, оплачивался как рецензент, а не как переписчик? Да потому, что все-таки он кое-что изложил «своими словами», нигде не поставил кавычек и только раз мимоходом упомянул, что такая-то мысль высказана мною. И потому еще, что в оценке Меринга он сделал и собственное дополнение; «исправил» то, что говорит Меринг об экономической роли средневековой церкви. А уж так ли важно, что при этом С. В. коренным образом разошелся с установившимися в марксистской литературе воззрениями? Ловко состряпанная рецензия.

Однако на свою пагубу, рецензент не остановился на этом. Он вздумал исправлять «опечатки» и «редакционные недосмотры». А так как делал это явным образом наобум, не справляясь с оригиналом, то и обнаружил своими «исправлениями», что его ловкая рецензия—*шарлатанская* рецензия.

Я пишу это слово в полном сознании того, что никакая контрольная комиссия меня не похвалит, если я не сумею при случае доказать, что мое утверждение правильно.

И. Степанов.

СПИСОК КНИГ И ЖУРНАЛОВ, ПОСТУПИВШИХ В РЕДАКЦИЮ ДЛЯ ОТЗЫВА.

I. КНИГИ.

ГЛАВНОЕ УПРАВЛЕНИЕ ГОСУДАРСТВЕННОГО ИЗДАТЕЛЬСТВА.

(Москва).

1. **С. А. Порецкий.** — «Зеленый мир». Беседы о жизни растения.

2. **С. П. Аржанов.** — Методика начального курса географии.

3. **А. Воронец.** — Справочник по математике. Для учащихся в шк. 2-й ступени.

4. Главн. Управл. Соц. Воспит. Программы Семилетней единой трудовой школы.

5. **Проф. А. В. Нечаев.** Минералогия.

6. **В. М. Броннер.** — О венерических болезнях.

7. **К. П. Ягодовский.** — Уроки по естествознанию. Ч. I. и II.

8. **Д. Тиндаль.** Звук. (Популярно-научная библиотека).

9. Профессионально-техническое образование в России.

10. **Н. В. Воронков.**—По пресным водам.

11. **А. и Ф. Гербертсон.**—Земля и труд человека.

12. **М. Н. Иовлев.** Математика в школах для взрослых.

13. Материалы отдела педагогического образования Главпрофобра.

14. **А. Ударов.** Рабочий кооператив.

15. **Х. Раковский.** Накануне Генуи.

16. **Демьян Бедный.** Отцы духовные.

17. **Уэльс.** Война в воздухе.

18. **Матвей Старк.** Что такое тресты и комбинаты.

19. **Д-р К. Х. Некчеев.** Живая машина. (Как надо работать.)

20. **Л. Свиридович.**—Готовься к сплаву.

21. **Н. А. Некрасов.** Избранные стихотворения. (К столетнему юбилею со дня его рождения.)

22. **Н. Врадий и Ф. Францев.** Высокогорский рудный район.

23. **Д. Сверчков.** На заре революции.

24. **В. Капелькин и А. Цингер.** Природоведение Ч. I, II и III.

25. **А. Кочетов и Н. Богуславская.** Продзадачник.

26. **Джек Лондон.** Железная пята.

27. **Бор. Волин.** Государственное строительство на IX Всеросс. Съезде Сов.

28. **А. Луначарский.** — Кому принадлежит церковное имущество.

29. **Грандов.** Государственный труд-гуж-налог и крестьянское хозяйство.

30. **А. Крубер, С. Григорьев, А. Барков, С. Чефранов.** Начальный курс географии.

31. Сельско-хозяйственное просвещение в деревенском клубе, избе-читальне и народном доме.

32. Сенька-Воробей, Степан-Бублик, Егорушка-Ротозей, отроки невинноубиенные.

33. **Фр. Рейхе и П. Эпштейн.** Теория квантов. Перевод Э. В. Шпольского.

34. **В. И. Невский.** Очерк I. «Южно-Русский рабочий союз».

35. **Ф. Меринг.** История германской социал-демократии.

36. **Н. Ляшко.**—Рассказ о кандалах.

37. **Сергей Черный.** — Бунтари. Агитплакат в 5-ти актах.

38. **А. Деборин.** Введение в философию диалектического материализма.

39. **М. Шефлер.** Земельный вопрос на IX Съезде Советов.

40. **Б. М. Завадовский.** Внешкольные биологические экскурсии.

41. **Н. Крестинский.** Финансы и бюджет.

42. **А. Д. Архангельский.** К вопросу о геологическом строении местности.

43. **А. А. Бессер.** Борьба за урожай. Накопление и сбережение влаги в почве.

44. **Проф. С. А. Фалькнер.**—Послевоенная конъюнктура мирового хозяйства.

45. Гравюры **И. Н. Павлова.** (Кабинет гравюр Государственного Румянцовского музея.)

46. **А. С. Пушкин.** Сказка о попе Остолопе и работнике его Балде. (1831). **Демьян Бедный.** — Сказка о батраке Балде и о страшном суде (1918 г.)

47. **Алексей Окулов** — Заметки об ораторском искусстве.

48. **Вильгельм Блос.** Германская революция.

49. **Д. Стенли-Холл.** — Педагогия детского сада.

50. **Леон Дюги.** Общие преобразования гражданского права.

51. **Дм. Ройтман.** Форма и движение земли. Общедоступные очерки из области астрономии.

52. **В. Яковенко.** Мое обращение к крестьянам.

53. **А. Гуревич.** Заработная плата прежде и теперь (Главполитпросвет).

54. **С. Созонов и В. Верховский.** Учебник химии.

55. Проект обувной фабрики—школы. Составлен А. А. Давыдовым и С. С. Розановым.

56. **А. Е. Грузинский.** — Ясная Поляна.

57. **Демьян Бедный.** — Читай Фома,— набирайся ума.

58. **М. Н. Покровский.** Наука в советской России (Главполитпросвет).

59. **Г. Зиновьев.** Главные этапы в развитии Коминтерна (Главполитпросвет).

60. **Бела-Кун.** Враги Коммунистического Интернационала (Главполитпросвет).

61. **Н. Ленин.** О значении золота теперь и после победы социализма.

62. **М. Н. Покровский.** Контр-революция за 4 года (Главполитпросвет).

63. **Н. Осинский.** Новая деревня. **Ю. Ларин.** Группировка классов в русской революции. **А. Хрящева.** Эволюция классов в крестьянстве (Главполитпросвет).

64. **В. Быстрянский.** Борьба за богатства мира (Главполитпросвет).

65. **К. Радек.** Октябрьская революция и ее место в истории (Главполитпросвет).

66. **Мих. Горев.** — Откуда неурожай и голодовки. (Главполитпросвет).

67. **П. Красиков.** — Кому помогают те, кто противится обмену церковных ценностей на хлеб для голодающих (Главполитпросвет).

68. **С. Игумнов.**—Голод в цифрах (Главполитпросвет).

69. **Л. Сосновский.** — Расея (Главполитпросвет).

70. **Х. Раковский.** — Кукуруза — наш спаситель (Главполитпросвет).

71. **Г. Крумин.**—Новая экономическая политика в промышленности.

72. **Н. Грачев.** — Топливо (Главполитпросвет).

73. **Инж. А. В. Виноградов** —Пути восстановления народного хозяйства РСФСР и электрификация.

74. **Вл. Сарабьянов.**—Промышленность (Главполитпросвет).

75. **Н. Семашко.**—Охрана здоровья в новых условиях (Главполитпросвет).

76. **Роза Люксембург.**—В. Короленко (Главполитпросвет).

77. **Вс. Иванов.**—Партизаны. Рассказ. (Главполитпросвет).

78. **А. Чунин.** Углекоп Корт (Главполитпросвет).

79. **Ар. Сгибнев.**—Коза.

80. **Л. С. Серебровский.**—К изучению техники крестьянского полеводства в понимании хозяевами.

81. **Ф. Энгельс.**—Крестьянский вопрос во Франции и Германии.

82. **И. Устинов.**—Развитие речи. К вопросу о методах занятий в школах взрослых и на командных курсах.

83. **Проф. А Г. Дояренко.**—Новый травяно-корнеплодный севооборот.

84. **И. И. Рябов.** Инженер-технолог.— Промышленная организация первичной обработки льна и конопли.

85. **Анатоль Франс.**—Боги жаждут. (Роман).

86. **Александр Неверов.**—Бабы. (Пьеса в 4-х действиях.)

87. **Проф. Г. С. Гурвич.**—Основы Советской конституции.

88. **Яков Галицкий и Дмитрий Смолин.**— Железная пята.

89. **К. Каутский.** К критике марксизма. (Антибернштейн).

90. **Ц. Зеликсон-Бобровская.**—Записки рядового подпольщика.

91. **К. Тимирязев.**—Чарлз Дарвин и его учение.

92. **Алексей Окулов.**—Заметки об ораторском искусстве.

93. **В. Гиппиус.**—Синтаксис современного русского языка.

94. **Е. Преображенский.**—Анархизм и коммунизм.

95. Примерные программы по истории для школы II-й ступени.

96. **Л. Троцкий.**—Между империализмом и революцией.

97. **Проф. Д. М. Петрушевский.** Очерки из истории средневекового общества и государства.

МОСКОВСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ ГОСУДАРСТВЕННОГО ИЗДАТЕЛЬСТВА.

1. **Л. Б. Каменев.** — Экономическая система империализма.
2. **Клара Цеткин.**—Карл Маркс и дело его жизни.
3. Октябрьское восстание 1917 г. Сборник статей.
4. **В. Фриче.** — Очерк развития Западно-Европейской литературы.
5. **Переверзев.** — Творчество Достоевского.
6. **Келлерман.**—9-е Ноября. Роман.
7. **Бибик.**—На черной полосе. Роман.
8. **Бибик.**—К широкой дороге. Роман.
9. **Орешин.**—Алый храм. Стихи.
10. **Синицкий.**—Трудовая школа.
11. **Э. Д. Эрвильи.**—Приключения доисторического мальчика.
12. **М. Ковалевский.**— Происхождение царской власти.
13. **М. Ковалевский.**—Московская смута XVII века.
14. **Карл Каутский.**—Этика и материалистическое понимание истории.
15. **Н. Ленин.**—Что делать.
16. **А. Алтаев.**—В великую бурю.

ПЕТРОГРАДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ ГОСУДАРСТВЕННОГО ИЗДАТЕЛЬСТВА.

1. **Генрих Кунов.**—Французская пресса в первые годы Великой Революции.
2. **Вильгельм Бельше.**—Сказка жизни.
3. **В. Г. Короленко.** — Судный день («Иом-Кипур»). Малорусская сказка.
4. **Н. А. Рубакин.** — История Русской земли.
5. **П. С. Медовиков.**—Физиология, патология и терапия.
6. **Д. А. Александров.**—Тайны неба.
7. Резолюция и постановления X Съезда Р. К. П. 8—16 марта 1921 г.
8. **Г. В. Плеханов.** — Сочинения. Том первый. Ч. I и II (1878—1884 гг.).
9. **О. А. Грим.** — Беседы о трудовом хозяйстве.
10. **Г. Сафаров.** — О научных основах коммунизма.
11. **Г. Зиновьев.** — Тактика Коминтерна.
12. **З. Лилина.** — Социальное трудовое воспитание.
13. **Бальмонт.**—Рабочий молот.

КООПЕРАТИВНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО „МОСКОВСКИЙ РАБОЧИЙ".

1. **С. Васильченко и И. Ставский.**—Первый бой.
2. **П. Коваленко.**—Как писать в рабочую газету.
3. **Г. Плеханов**—Очерки по истории материализма.
4. **Ф. Энгельс.**—Происхождение семьи, частной собственности и государства.
5. **Карл Каутский.**—Эрфрутская программа.
6. **В. Сарабьянов.**—Исторический материализм.
7. **А. Лозовский.**—Верен ли путь. (Русские профсоюзы в новой обстановке.)
8. **Марк Криницкий.** — Рабы. (Пьеса в 3-х действиях.)

ВЫСШИЙ ВОЕННЫЙ РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ.

(Москва).

1. **Мих. Горев.**—Голод.
2. **Л. Троцкий.** — Весенние происки врагов.
3. **Памятка** — коммунисту, комиссару, политруку и политпросветработнику Красной армии и флота.
4. **Х. Раковский.**—Боярская Румыния.

ИЗДАТЕЛЬСТВО ВСЕРОССИЙСКОГО ЦЕНТРАЛЬНОГО СОЮЗА ПОТРЕБИТЕЛЬНЫХ ОБЩЕСТВ.

(Москва).

1. **Н. Мещеряков.**—Задачи современной кооперации.
2. **И. Шалов.**—Краткое руководство по счетоводству городских добровольных объединений (рабкопов). Ч. I.
3. Районные кооперативно-счетоводные курсы. (Серия «Кооперативная школа».)
4. **Шлыков.**—О севооборотах.
5. **А. Фишгендлер.**—Вопросы социализации и кооперации в германской революции 1918 — 19 г.г. (Исторический очерк.)
6. Кооперативная школа.— Вып. II—IV. Губернские кооперативные курсы. Программы и консп.

7. **Дм. Худяков.**—Анализ баланса.(Второе дополн. издание).

8. **М. А. Мебель.** — Законодательство Советской власти по кооперации.

ИЗДАТЕЛЬСТВО Ц. К. Р. К. С. М.

1. Материалы по экономической работе Ц. К. Р. К. С. М.

2. Программа Р. К. С. М.

3. К новой работе (Всероссийская конференция Ц. К. Р. К. С. М.).

4. Программа школы политграмоты.

5. XI-й Съезд Р. К. П. О союзе молодежи.

6. **Ляшко.**—Крепнущие крылья.

7. **А. Безымянский.**—«Мальчишки».

8. **М. Горький.** — Челкаш. Инсценировка.

9. **А. Новиков.**—Прибой. По темному.

10. Игры и развлечения. Сборник статей.

ИЗДАТЕЛЬСТВО „ИСТПАРТ".

(Москва).

1. Из эпохи «Звезды» и «Правды». Сборн. I и II.

2. **П. Н. Лепешинский.**—На повороте.

3. **А. Рябинин.** Р. Н. Семенчиков.

4. **Бобровская.**—Записки рядового подпольщика.

5. **М. Ольминский.**—Из прошлого.

6. **М. Павлович.**—Россия и капиталистическая Франция.

7. **М. Павлович.**—Россия и капиталистическая Англия.

ИЗДАТЕЛЬСТВО Ц. К. ВСЕРОССИЙСКОГО СОЮЗА СВЯЗИ.

(Москва).

1. Материалы к «Неделе профдвижения» в союзе связи.

2. **Аппарат Уитстон.** Под редакцией механиков М. Ф. Сызранцева и С. И. Самойлова.

3. **Аппарат Морзе.** Под редакцией С. Самойлова.

4. Пятый Московский Губернский Съезд Союзов Связи 7—9 мая 1922 года.

ИЗДАТЕЛЬСТВО НАРКОМЗЕМА „НОВАЯ ДЕРЕВНЯ".

(Москва).

1. **Г. И. Колесников.** — Кукуруза. Ее возделывание и хозяйственное значение.

2. **Г. В. Богаевский.**—О воспитании и содержании племенных быков.

3. Законы о трудовом землепользовании. Под редакцией П. Месяцева.

4. **Л. А. Золотарев.** — О борьбе с овсюгом.

ИЗДАТЕЛЬСТВО Т-во „ЗЕМЛЯ".

(Москва).

1. Как лучше разводить кормовую вику. (Посевы вики на корм и семена.)

2. **А. П. Юрмалиат.**—Кормление и содержание молочного скота.

ИЗДАТЕЛЬСКАЯ АРТЕЛЬ „ЧЕЛОВЕК НА ЗЕМЛЕ".

(Петроград).

1. **Е. И. Гордеева.**—Контрольные союзы в молочном хозяйстве.

2. **Проф. Н. К. Недокучаев.**—Культура корневых корнеплодов.

II. ЖУРНАЛЫ.

Москва.

1. «**Красная новь**». Книги 5, 6, 7. Главполитпросвет—Госиздат.

2. «**Книжная летопись**». №№ 1, 2, 3, 4, 5 и 6 за 1922 год. Госиздат.

3. «**Культура и жизнь**» №№ 4 и 5. Книгоизд. «Работник просвещения».

4. «**Под знаменем марксизма**». №№ 3, 4, 5, 6.

5. «**Пролетарская революция**». №№ 3, 4, 5 и 6. Истпарт.

6. «**Красный архив**», кн. I-ая. Центроархив.

7. «**Народное хозяйство**» № 2 и 3. 1922 г. ВСНХ.

8. «**Спутник коммунизма**». Еженедельник М. К. Р. К. П. №№ 9, 10, 11 и 12.

9. «**Коммунистическое просвещение**». №№ 2 и 3. Главполитпросвет.

10. «**Красная печать**». №№ 29—39 за 1922 г. Отдел периодической печати Главполитпросвета.

11. «**Свердловец**». № 2 и 3.

12. «**Коммунистический Интернационал**». №№ 15 и 16. Изд. Коминтерна.

13. «**Вестник труда**». № 1 (16), № 2 (17)—В. Ц. С. П. С.

14. «**Новая деревня**». № 2 Наркомзем.

15. «**Кустарь**».—№ № 3—6.
16. «**Известия**». В. С. Н. Х. №№ 6—10 ВСНХ.
17. «**Наука и техника**». № 1.
18. «**Горное дело**». № 6 (12).
19. «**Горный журнал**». № 1 и 2 за 1922 г.
20. «**Внешняя торговля**». № 4, 5 и 6.—1922 г. Наркомвнешторг.
21. «**Коммунальное хозяйство**». № 2. Февраль 1922 года М. К. Х.
22. «**Сельское хозяйство**». № 1—1922 года.
23. «**Бюллетень главного управления по рыбной промышленности**». № 13, 14, 15 и 16.
24. «**Хозяин**». № 1 — апрель, № 2—Май. 1922 года.
25. «**Политработник**». № 2 и 3 — февраль март 1922 года.—ВВРС.
26. «**Красноармеец**». № 47. Май 1922 года.ВВРС.
27. «**Красная армия**». № № 7—11 ноябрь 1921 года, февраль 1922 года ВВРС.
28. «**Военный вестник**». №№ 5—8, март—апрель 1922 г. ВВРС.
29. «**Военное знание**». № № 1 и 2 Январь и февраль 1922 года.—ВВРС.
30. «**Вестник Искусств**». № № 2 и 4. 1922 г. Главполитпросвет.
31. Еженедельник Центрального дома Рабочего просвещения № № 1—7. К-во «Работники Просвещения».
32. «**Народное Просвещение**». № № 94 и 105. Наркомпрос.
33. «**Знамя рабфаковца**». Вестник рабочих факультетов. № 2—6.
34. «**Бюллетень сельскосоюза**». № № 1—10 декабрь 1921 г. апрель 1922 г.
35. «**Бюллетень отдела здравоохранения**». № 1 и 2.
36. «**Бюллетень М. С. Н. Х**». № 9.
37. «**Голос кожевника**». № 1.
38. «**Советское право**». № 1.

Петроград.

1. «**Красная летопись**». № 2 и 3.
2. «**Книга и Революция**». № 4—6 за 1922 год.
3. «**Литературные Записки**». № 1 и 2.
4. «**Географический Вестник**». № 1 т. 1, вып. 1.
5. «**Еврейский Вестник**». № 2.
6. «**Артельное Дело**». № 5—8, апрель 1922 год.
7. «**Грядущее**». № 9 — 12. Журнал Петроградского пролеткульта.
8. «**Природа**». № 10 — 12 за 1921 год вышел в апреле.
9. «**Перевал**». № 1.
10. «**Новая книга**». № 1. Бюллетень Петроградского отделения Госиздата.
11. «**На страже**». Военно-политический журнал № 1 март 1922 г.

ПРОВИНЦИЯ.

Харьков.

1. «**Голос друку**».—Критико-билиографичний часопис. Ж. № 1.
2. «**Путь просвещения**». Май 1922 г. кн. 1-ая.
3. «**Известия**». Ц. К. П. Б. У. № 10.

Краснодар.

1. «**Бюллетень**» Кубанско-Черноморского Областного Комитета Р. К. П.

Чита.

1. «**Бюллетень**» Министерства народного просвещения Д. В. Р.

Псков.

1. «**Новая жизнь**». Ежемесячник № № 1, 2, 3.

Саратов.

1. «**Саррабис**». № 4.

ПОПРАВКИ:

Исправляем ошибки в 5-ой книге нашего журнала:

1. Стр. — 78, 15 строка сверху, —
   Напечатано: уничтожить (lidola fori)...
   Следует читать: уничтожить eidola fori...
2. Стр. — 87, 23 строка снизу, —
   Напечатано: становится миром...
   Следует читать: становится миражем...
3. Стр. 307, 2-й столбец, 11 строка сверху, —
   Напечатано: „кончается мировоззрение, начинается дух и идея"...
   Следует читать: „кончается мировоззрение, кончается дух и идея"...

Ред.

СОДЕРЖАНИЕ.

СТАТЬИ И ОБЗОРЫ.

		Стр.
1.	*В. Брюсов.* Пушкин и Академия наук	3
2.	*А. В. Луначарский.* Западная интеллигенция (окончание)	9
3.	*П. Керженцев.* Коммунистическая драматургия	18
4.	*Ф. Капелюш.* Марксизм и империализм	27
5.	*Из переписки К. Маркса с Ф. Энгельсом*	34
6.	*Из переписки Энгельса с Конрадом Шмидтом*	44
7.	*Ф. Кон.* Нелегальная печать в Польше	59
8.	*П. Ф. Преображенский.* Философия как служанка богословия	64
9.	*А. А. Сидоров.* Очерки по истории русской иллюстрации	74
10.	*В. Я. Адарюков.* Русские граверы. М. А. Добров	94
11.	*Н. Асеев.* Три года на Дальнем Востоке	104
12.	*С. Пионтковский.* Из исторических журналов	116
13.	*Н. Л. Мещеряков.* О частных издательствах	128
14.	*Б. Завадовский.* Основные принципы оценки популярной литературы по естествознанию	135
15.	*Л. Рождественский.* К вопросу об издании библиотечной книги	150
16.	*С. Кривцов.* Обзор литературы о синдикализме	153

ОТЗЫВЫ О КНИГАХ.

I.	Социализм и коммунизм. И. Степанова, Б. Горева	163
II.	Империализм и международная политика. С. Членова, М. Павловича, И. Звавича, Н. Мещерякова	167
III.	Экономические науки и народное хозяйство. С. Членова, И. Степанова, В. Виленского, С. Каплуна, Л. Рубинштейна, С. Боброва, А. Юрьева, А. Бессера, В. Яроцкого	178
IV.	Промышленность и техника. К. Оппенгейма, А. Мозера, С. Обручева, Б. Тычинина, А. Теснера, М. Гаухмана	195
V.	Рабочее движение. Н. Лукина, В. Яроцкого, А. Чекина	210
VI.	История революции. Б. Горева, В. Мицкевича-Капсукас, М. Ольминского, В. Полянского, С. Пионтковского, Б. Павлова, З. Марковича, В. Полонского	215
VII.	История. Б. Кузьмина, В. Сторожева, Н. Лукина	230
VIII.	История культуры. И. Степанова	234
IX.	Науки об обществе. В. Адоратского, Ц. Фридлянда	238
X.	Военное дело. С. С. Каменева	243
XI.	Народное просвещение. А. Ефремина, М. Смушковой, Б. Лукина, В. Смушкова, З. Богомазовой, М. Масленникова, М. Слуховского	244
XII.	Библиография и библиотековедение. А. Сигорского, А. Эйхенгольца, М. Щелкунова, М. Смушковой	250
XIII.	Книжное печатное дело. М. Щелкунова	256

Стр.

XIV. **Науки о природе.** А. Крубера, Е. Аркина, В. Арнольди, В. Натали, В. Конобеевского, А. Михайлова, Б. Завадовского, Н. Андреева, П. Беликова, А. Бессера 259

XV. **Медицина и народное здравие.** В. Сукенникова, Л. Прозорова, И. Гельмана, Б. Завадовского 271

XVI. **Теория и история литературы.** Н. Пиксанова, И. Кубикова, К. Локса, А. Цинговатова, Н. Бродского, Д. Выгодского, П. С. Когана, С. Боброва 277

XVII. **Художественная литература.** В. Брюсова, И. Аксенова, Г. Баммеля, И. Кубикова, С. Городецкого, К. Локса, А. Гурштейна, Я. Черняка, Р. Головина 290

XVIII. **Искусство.** Б. Арватова, А. Греча, Тарабукина, И. Корницкого, А. Стрелкова, В. Адарюкова, Г. Баммеля 307

Письмо в редакцию 316

Список книг и журналов, поступивших в редакцию для отзыва . 317

Объявления 325

Рисунки в тексте статьи «Русские гравера» и на вкладных листах воспроизведены с офортов М. А. Доброва.

ПРИМЕЧАНИЕ.

По техническим причинам „Литературная Хроника“ в настоящую книгу журнала не вошла.

ОТ РЕДАКЦИИ.

ЛИТЕРАТУРНЫМ ОРГАНИЗАЦИЯМ, АВТОРАМ И ЧАСТНЫМ ИЗДАТЕЛЬСТВАМ.

Редакция просит все литературные организации и учреждения, а также частные издательства, сообщать сведения о своих работах, планах и т. п. для помещения в „Литературной Хронике“. Представляемые сведения должны быть четко написаны на одной стороне листа.

Редакция обращается, кроме того, к авторам и издательствам с просьбой присылать для отзыва свои издания (вышедшие за время с октября 1917 года).

ВНИМАНИЮ АВТОРОВ.

Редакция просит авторов статей и рецензий представлять рукописи в четко переписанном виде на одной стороне листа.

В заголовках рецензий обязательно должно быть указано: 1) фамилия автора книги, 2) полное заглавие книги, 3) имя переводчика и язык, с которого книга переведена (если книга переводная), 4) название издательства, 5) город, где книга издана, 6) год издания, 7) количество страниц, 8) тираж издания.

Редакция обращает внимание авторов на то, что отсутствие указания на количество страниц прорецензированной книги (п. 7) лишает ее возможности вычислить причитающийся автору рецензии гонорар.

Непринятые рукописи не возвращаются.

Редакция уведомляет сотрудников, что неразборчиво написанные рукописи будут им возвращаться. Ни переписчики, ни корректора, ни наборщики не могут гарантировать правильного воспроизведения рукописей, в которых отдельные слова не могут быть разобраны даже с помощью лупы.

ЛИТЕРАТУРНЫМ РАБОТНИКАМ НА МЕСТАХ.

Редакция журнала „ПЕЧАТЬ И РЕВОЛЮЦИЯ“ просит товарищей, работающих в провинции, сообщать редакции сведения о состоянии литературно-издательского дела для помещения в хронике журнала. Желательна также присылка корреспонденций, посвященных общим вопросам литературы на местах.

□ □ □ □ □

СОДЕРЖАНИЕ ЖУРНАЛА

ПЕЧАТЬ и РЕВОЛЮЦИЯ

за 1922 год.

№ 1 (4).

СТАТЬИ и ОБЗОРЫ: *В. Вересаев.* Что нужно для того, чтобы быть писателем.— *И. Кубиков.* Владимир Галактионович Короленко. — *М. Павлович.* Белые и красные.— *Вяч. Полонский.* Русский обыватель в эпоху революции.—*М. Н. Покровский.* О мемуарах Витте.—*П. Ф. Преображенский.* Освальд Шпенглер и крушение истины. — *Б. Арватов.* На путях к пролетарскому творчеству. — *С. Городецкий.* Воспоминания о Блоке. — *Анри Гильбо.* Современное литературное движение во Франции.—*М. Рейснер.* Интеллигенция, как предмет изучения в плане научной работы.—*А. А. Сидоров.* Очерки по истории русской иллюстрации. — *В. Я. Адарюков.* Русские граверы. А. П. Остроумова - Лебедева. — *М. Завадовский.* Основные принципы оценки популярной литературы по естествознанию.—*В. Д. Виленский (Сибиряков).* Международное советское право (материалы к его изучению).—*А. Юрьев.* Обзор литературы по новой кооперации. — *Н. Батурин.* Органы губэкономсовещаний (обзор).—*В. А. Костицын.* Астрономические новости по английским и немецким журналам (обзор).—*В. А. Костицын.* Обзор литературы по вопросу о Курской магнитной аномалии.—*Н. Л. Мещеряков.* О работе Государственного Издательства.— *Н. Яницкий.* О Российской Центральной Книжной Палате.—*Б. Городецкий.* Библиография и краеведение.—*Б. Боднарский.* Российский Библиографический Институт.

ОТЗЫВЫ о КНИГАХ: I. Социализм и коммунизм.—В. Адоратского, Б. Волина, В. Ваганяна. II. Анархизм и синдикализм. Б. Эльцина, Ил. Вардина. III. Империализм и милитаризм.—И. Звавича, В. Пичета. IV. Гражданская война.—С. Пионтковского, А. Аросева, Н. Мещерякова, Ц. Фридлянда. V. Экономические науки и народное хозяйство.—М. Рудакова, М. Павловича, Е. Преображенского, Б. Горева, В. Сарабьянова-Михайлова, В. Яроцкого, С. Боброва, Н. Мещерякова, А. Бессера. VI. Промышленность и техника.—И. Дикмана, А. Архангельского, К. Калицкого, А. Мозера, С. Шаманского, М. Цоллера, А. Элькинда, Г. Зандберга. VII. История. — Н. Лукина, Н. Щербакова. VIII. История революции.—М. Ольминского, П. Лепешинского, Б. Горева, К. Злинченко, В. Сторожева, Вяч. Полонского, А. Сольца. IX. История культуры.—Д. Анучина, И. Степанова. X. Народное просвещение.—А. Елизаровой, М. Смушковой, В. Смушкова, Н. Богуславской, М. Масленникова, В. Натали. XI. Библиография и библиотековедение.— М. Смушковой, А. Эйхенгольца, М. Слуховского, Н. Бельчикова. XII. Народы и страны.— В. Пичета, В. Виленского, Д. Анучина. XIII. Науки о природе.—Д. Анучина, В. Костицына, С. Блажко, А. Жадовского, А. Чернова, М. Тихомирова, Н. Андреева, М. Завадовского. XIV. Медицина и народное здравие.—И. Гельмана, Е. Аркина, А. Сысина, Е. Трапезонцевой, В. Поспелова, А. Шнеерсона. XV. Теория и история литературы.—В. Фриче, П. Когана, В. Полянского, С. Боброва, К. Локса, Вяч. Полонского, И. Аксенова. XVI. Художественная литература.—А. Дивильковского, И. Кубикова, Вяч. Полонского, С. Боброва. XVII. Искусства.—В. Мейерхольда, В. Бебутова, Д. Недовича, Б. Арватова, А. Сидорова, Г. Жидкова, А. Стрелкова, И. Корницкого, Н. Тарабукина.

Литературная хроника: I. На Западе.—Юбилей Мольера. Литература о России. Русские писатели за границей. Русские книгоиздательства за границей. Заграничное издательство и авторское право. Русская книга в Испании. II. По России.—Юбилей Некрасова. Смерть Короленко. Годовщина смерти Кропоткина. III. Петроград.—Петрогосиздат. IV. Москва. Госиздат. Мосгубиздат. Дом Печати. Кабинет библиотековедения. Академия художественных наук. Юбилей Данте. Письма И. С. Тургенева. Русское библиографическое общество. Общество друзей книги. Центропечать. Институт журналистики. Пушкинский праздник. Заграничная литература. Дом Толстого. Лито Главпрофобра. Новые книги и журналы. V. Провинция.

№ 2 (5).

СТАТЬИ и ОБЗОРЫ.—*В. Брюсов.* Пушкин и крепостное право.—*А. В. Луначарский.* Западная интеллигенция.—*М. Н. Покровский.* Мемуары царя Андрона.—*Н. Л. Мещеряков.* Волна мистики.—*В. Адоратский.* Марксистская диалектика в произведениях Ленина *Вяч. Полонский.* Русский революционный плакат.—*П. Ф. Преображенский.* Александр Герцен и Константин Леонтьев. *Письма И. С. Тургенева к П. В. Анненкову.*—*Н. Суханов.* Апрельские дни (воспоминания).—*А. А. Сидоров.* Очерки по истории русской иллюстрации.—*В. Брюсов.* По поводу одной критики.— *П. С. Коган.* «Мечтатели».—*С. Пионтковский.* Из исторических журналов.—*Н. К. Пиксанов.* Обзор литературы о В. Г. Короленко.—*С. Членов.* Литература о германской революции.—*А. Жадовский.* Обзор петроградской журнальной литературы.

ОТЗЫВЫ о КНИГАХ: I. Гражданская война.—Н. Мещерякова, М. Павловича С. Пионтковского, Б. Горева., И. Вардина, Е. Хлебцевича. II. **Национальный вопрос.**—Ц. Фридлянда, В. Пичета, Е. Хлебцевича, В. Виленского. III. **Экономические науки и народное хозяйство.**—С. Членова, И. Трахтенберга, В. Милютина, А. Чекина, И. Левинсона, С. Каплуна, А. Бессера, С. Ельяшова. IV. **Профессиональное движение.**—Б. Файнгольда, А. Чекина, В. Яроцкого, И. Левинсона. V. **Промышленность и техника.**—Д. Крынина, А. Теснера, Б. Тычинина, А. Гиммельфарба, А. Чекина, С. Обручева, С. Шульмана. VI. **Военное дело.**—М. Покровского, Д. Петровского. VII. **История революции.**—Н. Мещерякова, Ф. Кона, А. Елизаровой, С. Пионтковского, Ц. Фридлянда, Е. Херсонской, Б. Горева. VIII. **Науки об обществе.**—И. Рейснера, М. А. Рейснера, З. Теттенборн. IX. **Философия.** — П. Преображенского. X. **Народное просвещение.** — П. Блонского, А. Елизаровой, В. Лебедевой, М. Гладштейна, М. Смушковой, Б. Завадовского, А. Жадовского, И. Луппола, Н. Батуриной, М. Масленникова. XI. **Науки о природе.**—Д. Анучина В. Костицына, А. Чернова, Е. Успенского, Б. Завадовского, С. Блажко. С. Конобеевского, Э. Шпольского. XII. **Медицина и народное здравие.** — А. Перуанского, И. Гельмана, А. Сысина, Е. Трапезонцевой, В. Сукенникова, В. Поспелова, Б. Бронера, И. Эберлина, Е. Аркина. XIII. **Теория и история литературы.** — Н. Пиксанова, А. Эйхенгольца, Вяч. Полонского, П. Когана, Б. Павлова, С. Боброва, К. Локса, И. Аксенова. XIV. **Художественная литература.**—И. Аксенова, К. Локса, М. Загорского, И. Кубикова, В. Полянского, Э. Бика, С. Боброва, А. Юрлова, А. Елизаровой. XV. **Заметки о журналах.** — В. Полянского, К. Локса, П. Когана, Э. Бика. XVI. **Искусство.**—Н. Бродского, А. А. Сидорова, В. Блох, И. Корницкого, Г. Жидкова, А. Греча, П. Дульского.

Литературная хроника: I. **На Западе.** — Новости литературы. Интерес к русской литературе. Русские издания за рубежом. Сношения с Россией. Жизнь литераторов. II. **По России.** Петроград. Госиздат. Общество ревнителей истории. Музей войны 1914 — 1917 г.г. «Опояз». Новости литературы. Москва. Госиздат. Издательство «Всемирная литература». Редакционно-Издательский Отдел В. Ц. С. П. С. Понижение пошлины на произведения печати. Российская Центральная Книжная Палата. Русское Библиографическое Общество. Общество друзей книги. «Дом печати». Центральный дом работников просвещения и искусств. Журналы. Новости литературы. Провинция. Литературная жизнь Самары. Общество изучения Прибайкалья. Нижний-Новгород. Казань. Ростов-на-Дону. Тулуновский Отдел общества изучения Сибири. Архангельск. Воронеж.